А.С. МАКАРЕНКО

Педагогические сочинения

Том 4

А.С. МАКАРЕНКО

Педагогические сочинения

АКАДЕМИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК СССР

А.С. МАКАРЕНКО

Педагогические сочинения в восьми томах

А.С. МАКАРЕНКО

Педагогические сочинения

Том 4

Москва
«Педагогика»
1984

ББК 74.03(2)
М 15

Печатается по решению Президиума
Академии педагогических наук СССР

Рецензенты:

кандидат педагогических наук **Ф. А. Фрадкин**,
доктор **Эдгар Гюнтер** (ГДР)

Составители:

М. Д. Виноградова, А. А. Фролов

Авторы комментариев:
М. Д. Виноградова, Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов

Макаренко А. С.

М 15 Педагогические сочинения: В 8-ми т. Т. 4 / Сост.: М. Д. Виноградова, А. А. Фролов. — М.: Педагогика, 1984. — 400 с., ил.

Пер. 1 р. 60 к.

Том содержит педагогические произведения А. С. Макаренко 1936—1939 гг. по проблемам теории и методики коммунистического воспитания: лекции для работников Наркомпроса «Проблемы школьного советского воспитания», лекции о семейном воспитании, статьи и выступления на общие педагогические темы, статьи об А. М. Горьком. Дан краткий научный комментарий.

Для специалистов в области педагогики, работников народного образования.

М $\frac{4302000000-026}{005(01)-84}$ подписное

ББК 74.03(2)
371

От составителей

В 4-й том вошли произведения А. С. Макаренко 1936—1939 гг. В этот период А. С. Макаренко выступает как зрелый, сложившийся педагог, внесший значительный вклад в решение важных вопросов педагогической науки. Педагогика и политика, школа и общество, становление активного гражданина-патриота, трудовое и экономическое воспитание, принципы и нормы коммунистической нравственности и их формирование в борьбе с буржуазной этикой и религиозной моралью, воспитание сознательной дисциплины — таковы центральные темы, волновавшие педагога. Особое место в своей деятельности А. С. Макаренко уделил воспитательному коллективу как одному из основных средств всестороннего развития личности. К работам, в которых рассматриваются эти вопросы, относятся статьи «Проблемы воспитания в советской школе», «Воспитание характера в школе», «Некоторые выводы из моего педагогического опыта», «Коммунистическое воспитание и поведение», «Мои педагогические воззрения» и др.

Взгляды А. С. Макаренко на вопросы теории и методики коммунистического воспитания последовательно изложены в цикле лекций «Проблемы школьного советского воспитания».

Придавая важнейшее значение педагогическому раскрытию целей воспитания в советской школе, связывая их с перспективами развития молодого поколения, А. С. Макаренко посвятил этим вопросам такие специальные работы, как «Цель воспитания» и «Проблемы школьного советского воспитания».

Стенограммы выступлений А. С. Макаренко, включенные в том, во многом дополняют наши знания о теоретических взглядах и практической деятельности замечательного педагога. Для устных выступлений А. С. Макаренко свойственны острая критическая направленность, полемичность и боевитость.

Работы, включенные в том, в основном были опубликованы ранее. Одни из них печатались лишь на украинском языке, другие публиковались в изданиях Львовского университета, одесской газете «Большевистское знамя», журнале «Игрушка» издательства «Жургазобъединение», а также в «Учительской газете», «Литературной газете» и «Советской педагогике». Письмо Н. Ф. Абушену публикуется впервые.

Том иллюстрируется фотографиями, отражающими деятельность колонии им. М. Горького и коммуны им. Ф. Э. Дзержинского.

Комментарии к произведениям, вошедшим в том, написаны М. Д. Виноградовой, Л. Ю. Гординым, А. А. Фроловым.

В текстологической сверке материалов принимали участие С. С. Невская и И. В. Филин, ими же составлен указатель имен.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ 1936–1939 гг.

Максим Горький в моей жизни

В удушливые годы перед японской войной в том захолустье, где прошла моя молодость, литературные явления замечались с большим опозданием. В городской библиотеке мы доставали истрепанных, без последних страниц Тургенева и Засодимского, а если и попадалось нам что-нибудь поновее, то это обязательно были или граф Салиас, или князь Волконский[1].

И тем ярче и ослепительнее прорезало нашу мглу непривычно простое и задорное имя: Максим Горький.

В нашу глушь и это имя пришло с опозданием: я прочитал «Песню о Буревестнике» в 1903 г. Впрочем, я был тогда молод и не склонен был особенно тщательно разбираться в хронологии. Для нас, рабочей молодежи, важно было то, что по скучным, безнадежным российским дням вдруг заходил высокий, лохматый, уверенно новый человек Максим Горький. Мы с трудом добывали его книги. Еще с большим трудом мы старались понять, почему «Челкаш» забирает нас за живое. Ведь у нас не было литературных кружков, ведь даже Горький приходил к нам не в постоянном блеске человеческой культуры, как привычное наше явление, а только изредка и вдруг огненной стрелой резал наше серое небо, а после этого становилось еще темнее. Но мы уже не могли забыть об огненной стреле и мучительно старались понять, что мы увидели в мгновенном ее сверкании. Одной из таких молний был и «Челкаш». Трудно сейчас восстановить и описать тогдашнее наше впечатление от «Челкаша». Но нам уже было ясно, что Максим Горький не просто писатель, который написал рассказ для нашего развлечения, пусть и больше: для нашего развития, как тогда любили говорить. Мы чувствовали, что Максим Горький искренней и горячей рукой лезет в нашу душу и выворачивает ее наизнанку. И оказывается, что изнанка нашей души вовсе уже не такая плохая. Ибо с лицевой стороны на нашей душе много накопилось той гадости, которая, как потом оказалось, была крайне необходима для мирного прозябания Российской империи.

Разве мы все не были обречены переживать нищенские идеалы Гаврилы, разве в нашей жизни были какие-нибудь пути, кроме путей приблизительно Гаврилиных? Как-нибудь, на «крепкий грош» пристроиться на обочине жизни, равнодушно «завести коровку» и еще более равнодушно вместе с этой коровкой перебиваться с хлеба на квас... и так всю

жизнь, и детям своим с христианским долготерпением и прочими формами идиотизма готовить ту же участь. На этой обочине жизни кишмя кишело такими Гаврилами — их было десятки миллионов.

А самая дорога жизни была предоставлена господам. Они мелькали мимо нас в каретах и колясках, блистали богатством, красивыми платьями и красивыми чувствами, но в общем мы редко видели их, большей частью видели только их лошадей, их кучеров, мелькающие спицы их экипажей да еще пыль, которую они поднимали. И жизни господ мы не знали, даже жизнь их лакеев и кучеров была для нас далекой, непонятной, «высшей» жизнью, такой же недоступной, как и та дорога, на обочинах которой мы копошились.

Мы привыкли к мысли, что обочина для нас неизбежна, что все проблемы жизни заключаются в том лишнем гроше, который нам удается заработать или выпросить. В общем, это была мерзкая жизнь, и наибольшей мерзостью в ней был конечно так называемый кусок хлеба. Это была та жизнь, которую мы научились по-настоящему ненавидеть только теперь, после Октября, несмотря даже на то, что «кусок хлеба» в первые годы революции часто бывал недоступной роскошью. Мы не умели ненавидеть и господ, мелькавших на дороге жизни, может быть, потому, что верили в их фатальную необходимость.

И вдруг на этой самой фешенебельной, прямой и гладкой дороге замаячил Челкаш. Его не стесняли никакие фатализмы, обычаи и правила, его не связывала никакая мода. «Он был в старых вытертых плисовых штанах, в грязной ситцевой рубахе с разорванным воротом, открывавшим его сухие и угловатые кости, обтянутые коричневой кожей».

И вот этот грязный оборванец, пьяница и вор обратился к нам с короткой речью и... назвал нашу жизнь гнусной. А когда мы швырнули в его голову камнем, он вывернул карманы и бросил нам все наворованные деньги, бросил потому, [что] презирал нас больше денег. И только тогда мы поняли, что наша жизнь действительно гнусная, что вся наша история сплошная мерзость и что пьяницы и воры имеют право называть нас нищими и высокомерно швырять нам наворованные деньги. Челкаш прошел мимо нас в блеске неожиданной молнии, и мы знали, что это идет тот, кто носит задорное, гневное и уверенно близкое нам имя: Максим Горький.

Так началось новое мое сознание гражданина. Я не могу отделить его от имени Горького, и вместе со мной так чувствуют многие. На моих глазах задрожали вековые ночи Российской империи и неуверенно запутались вдруг старые испытанные человеческие пути.

И тот же чудесный бродяга, так мило показавший нам гнусность нашей жизни, тот же широконосый Максим Горький делался не только нашим укором, но и нашей радостью, когда весело и страстно сказал:

— Буря. Скоро грянет буря.

И буря действительно грянула. Российская история вдруг пошла вихрем, по-новому закопошились Гаврилы, и уже трудно стало различать, где дорога, а где обочина. Господские экипажи заспешили в разные стороны, заметались за ними волны пыли, а скоро к ним прибавились и дымные волны пожарищ. Тысячами встали новые люди, так мало похожие на Гаврил, и впереди них были великаны, каких еще не

знала наша история. Ударил вдруг по нашей земле целым скопом раздирающих молний 1905 год. Очень много интересных вещей полетело вдруг к черту в этой грозе; полетели «обожаемые государи» и «верные наши подданные», могильный покой и затхлость многих медвежьих углов, графы Салиасы и князья Волконские. Как туман, начало расползаться и исчезать квалифицированное невежество Гаврил. Пыльный занавес дворянского великолепия тоже заходил под ветром, и мы увидели, что есть большая человеческая культура и большая история. Мы уже не рылись в библиотечном шкафу, теперь новые книги каким-то чудом научились находить нас, настоящие новые книги, которые звали к борьбе и не боялись бури. И теперь уже близким и родным сделалось для нас по-прежнему задорное, но теперь еще и мудрое имя: Максим Горький.

Все это прошло в дни моей юности. Батько мой был человеком старого стиля, он учил меня на медные деньги, впрочем, других у него и не было. Учили меня книги, в этом деле таким надежным для многих людей сделался пример Максима Горького: в моем культурном и нравственном росте он определил все.

Горький вплотную подошел к нашему человеческому и гражданскому бытию. Особенно после 1905 г. его деятельность, его книги и его удивительная жизнь сделались источником наших размышлений и работы над собой.

Ни с чем не сравнимым по своему значению стало «На дне». Я и теперь считаю это произведение величайшим из всего творческого богатства Горького, и меня не поколебали в этом убеждении известные недавние высказывания Алексея Максимовича о своей пьесе. То, что Лука врет и утешает, разумеется, не может служить образцом поведения для нашего времени, но ведь никто никогда Луку и не принимал как пример; сила этого образа вовсе не в нравственной его величине. Едва ли было бы убедительнее, если бы Лука излагал программу социал-демократов большевиков и призывал обитателей ночлежки... к чему, собственно говоря, можно было их призывать? Я продолжаю думать, что «На дне» — совершеннейшая пьеса нового времени во всей мировой литературе. Я воспринял ее как трагедию и до сих пор так ее ощущаю, хотя на сцене ее трагические моменты, вероятно по недоразумению, затушеваны. Лукавый старец Лука с его водянистым бальзамом именно потому, что он ласков и бессилен, страшным образом подчеркивает обреченность, безнадежность всего ночлежного мира и сознательно ощущает ужас этой безнадежности. Лука — образ высокого напряжения, выраженный в исключительной силе противоречия между его мудрым безжалостным знанием и его не менее мудрой жалостной ласковостью. Это противоречие трагическое и само по себе способно оправдать пьесу. Но в пьесе звучит и другая, более трагическая линия, линия разрыва между той же безжалостной обреченностью и душевной человеческой прелестью забытых «в обществе» людей. Великий талант Максима Горького сказался в этой пьесе в нескольких разрезах и везде одинаково великолепен. Он блещет буквально в каждом слове, каждое слово здесь — произведение большого искусства, каждое вызывает и мысль и эмоцию. Я вспоминаю руки Бубнова, руки, которые кажутся такими прекрасными в прошлом, когда они были грязными от работы, и такими жалкими те-

перь, когда они «просто грязные». Вспоминаю бессильный вопль Клеща: «Пристанища нету́!» — и всегда ощущаю этот вопль как мой собственный протест против безобразного, преступного «общества». И то, что Горький показал ночлежку в полном уединении от прочего мира, у меня лично всегда вызывало представление как раз об этом «мире». Я всегда чувствовал за стенами ночлежки этот самый так называемый мир, слышал шум торговли, видел разряженных бар, болтающих интеллигентов, видел их дворцы и «квартиры»... и тем больше ненавидел все это, чем меньше об этом «мире» говорили жители ночлежки...

Мой товарищ Орлов[2], народный учитель, с которым я был на спектакле, выходя из театра, сказал мне:

— Надо этого старичка уложить в постель, напоить чаем, укрыть хорошенько, пускай отдыхает, а самому пойти громить всю эту... сволочь...

— Какую сволочь? — спросил я.

— Да вот всех, кто за это отвечает.

«На дне» прежде всего вызывает мысль об ответственности, иначе говоря, мысль о революции. «Сволочи» ощущаются в пьесе как живые образы. Вероятно, для меня это яснее, чем для многих людей, потому что вся моя последующая жизнь была посвящена тем людям, которые в старом мире обязательно кончали бы в ночлежке. А в новом мире... здесь невозможно никакое сравнение. В новом мире лучшие деятели страны, за которыми идут миллионы, приезжают в коммуну им. Дзержинского, бывшие кандидаты в ночлежку показывают им производственные дворцы, пронизанные солнцем и счастьем спальни, гектары цветников и оранжереи, плутовато-дружески щурят глаза в улыбке и говорят:

— А знаете что, Павел Петрович?[3] Мы эту хризантему вам в машину поставим, честное слово, поставим. А только дома вы ее поливайте.

— Убирайтесь вы с вашей хризантемой, есть у меня время поливать...

— Э, нет, — возмущается уже несколько голосов, — раз вы к нам приехали, так слушайтесь. Понимаете, дисциплина...

Но так получается теперь, когда ответственность «общества» реализована в приговоре революции. А тогда получалось иначе. Предреволюционное мещанство хотело видеть в пьесе только босяков, бытовую картину, транспарант для умиления и точку отправления для житейской мудрости и для молитвы: «Благодарю тебя, господи, что я не такой, как они». Самое слово «босяки» сделалось удобным щитом для закрывания глаз на истинную сущность горьковской трагедии, ибо в этом слове заключается некоторое целительное средство, в нем чувствуется осуждение и отграничение...

Максим Горький сделался для меня не только писателем, но и учителем жизни. А я был просто «народным учителем», и в моей работе нельзя было обойтись без Максима Горького. В железнодорожной школе, где я учительствовал, воздух был несравненно чище, чем в других местах; рабочее, настоящее пролетарское общество крепко держало школу в своих руках, и «Союз русского народа» боялся к ней приближаться. Из этой школы вышло много большевиков[4].

И для меня и для моих учеников Максим Горький был организатором марксистского мироощущения. Если понимание истории приходило к нам по другим путям, по путям большевистской пропаганды и ре-

волюционных событий, по путям нашего бытия в особенности, то Горький учил нас ощущать эту историю, заражал нас ненавистью и страстью и еще большим уверенным оптимизмом, большой радостью требования: «Пусть сильнее грянет буря!»

Человеческий и писательский путь Горького был для нас еще и образцом поведения. В Горьком мы видели какие-то кусочки самих себя, может быть, даже бессознательно мы видели в нем прорыв нашего брата в недоступную для нас до сих пор большую культуру. За ним нужно было броситься всем, чтобы закрепить и расширить победу. И многие бросились, и многие помогли Горькому...

Бросился, конечно, и я. Мне казалось некоторое время, что это можно сделать только в форме литературной работы. В 1914 г. я написал рассказ под названием «Глупый день»[5] и послал Горькому. В рассказе я изобразил действительное событие: поп ревнует жену к учителю, и жена и учитель боятся попа; но попа заставляют служить молебен по случаю открытия «Союза русского народа», и после этого поп чувствует, что он потерял власть над женой, потерял право на ревность и молодая жена приобрела право относиться к нему с презрением. Горький прислал мне собственноручное письмо, которое я и теперь помню слово в слово:

«Рассказ интересен по теме, но написан слабо, драматизм переживаний попа неясен, не написан фон, а диалог неинтересен. Попробуйте написать что-нибудь другое.

М. Горький»

Меня мало утешило признание, что тема интересна. Я увидел, что и для писателя нужна большая техника, нужно что-то знать о фоне, нужно предъявлять какие-то требования к диалогу. И нужен еще талант; очевидно, с талантом у меня слабовато. Но сам Горький научил меня человеческой гордости, и я эту гордость пустил немедленно в дело. Я подумал, что можно, разумеется, «написать что-нибудь другое», но совершенно уже доказано, что ничего путного в этом другом заключаться не будет. Я без особого страдания отбросил писательские мечты, тем более что и свою учительскую деятельность ставил очень высоко. Бороться в прорыве на культурном фронте можно было и в роли учителя. Горький даже порадовал меня своей товарищеской прямотой, которой тоже ведь надо было учиться.

Учительская моя деятельность была более или менее удачна, а после Октября передо мной открылись невиданные перспективы. Мы, педагоги, тогда так опьянели от этих перспектив, что уже и себя не помнили, и, по правде сказать, много напутали в разных увлечениях. К счастью, в 20-м г. мне дали колонию для правонарушителей. Задача, стоявшая передо мной, была так трудна и так неотложна, что путать было некогда. Но и прямых нитей в моих руках не было. Старый опыт колоний малолетних преступников для меня не годился, нового опыта не было, книг тоже не было. Мое положение было очень тяжелым, почти безвыходным.

Я не мог найти никаких «научных» выходов. Я принужден был непосредственно обратиться к своим общим представлениям о человеке, а

для меня это значило обратиться к Горькому. Мне, собственно говоря, не нужно было перечитывать его книг, я их хорошо знал, но снова перечитал все от начала до конца. И сейчас советую начинающему воспитателю читать книги Горького. Конечно, они не подскажут метода, не разрешат отдельных «текущих» вопросов, но они дадут большое знание о человеке в огромном диапазоне возможностей, и при этом дадут человека не натуралистического, не списанного с натуры, а человека в великолепном обобщении и, что особенно важно, в обобщении марксистском.

Горьковский человек всегда в обществе, всегда видны его корни, он прежде всего социален, и, если он страдает или несчастен, всегда можно сказать, кто в этом виноват. Но не эти страдания главное. Можно, пожалуй, утверждать, что горьковские герои неохотно страдают, — и для нас, педагогов, это чрезвычайно важно. Я затрудняюсь это объяснить подробно, для этого необходимо специальное исследование. В этом случае решающим является горьковский оптимизм. Ведь он оптимист не только в том смысле, что видит впереди счастливое человечество, не только потому, что в буре находит счастье, но еще и потому, что каждый человек у него хорош. Хорош не в моральном и не в социальном смысле, а в смысле красоты и силы. Даже герои враждебного лагеря, даже самые настоящие «враги» Горьким так показаны, что ясно видны их человеческие силы и лучшие человеческие потенциалы. Горький прекрасно доказал, что капиталистическое общество губительно не только для пролетариев, но и для людей других классов, оно губительно для всех, для всего человечества. В Артамоновых, в Вассе Железновой, в Фоме Гордееве, в Егоре Булычове ясно видны все проклятья капитализма и прекрасные человеческие характеры, развращенные и исковерканные в наживе, в несправедливом властвовании, в неоправданной социальной силе, в нетрудовом опыте.

Видеть хорошее в человеке всегда трудно. В живых будничных движениях людей, тем более в коллективе сколько-нибудь нездоровом, это хорошее видеть почти невозможно, оно слишком прикрыто мелкой повседневной борьбой, оно теряется в текущих конфликтах. Хорошее в человеке приходится всегда проектировать, и педагог это обязан делать. Он обязан подходить к человеку с оптимистической гипотезой, пусть даже и с некоторым риском ошибиться. И вот этому умению проектировать в человеке лучшее, более сильное, более интересное нужно учиться у Горького. Особенно важно, что у Горького это умение далеко не так просто реализуется. Горький умеет видеть в человеке положительные силы, но он никогда не умиляется перед ними, никогда не понижает своего требования к человеку и никогда не остановится перед самым суровым осуждением.

Такое отношение к человеку есть отношение марксистское. Наш социализм, такой еще молодой, лучше всего доказывает это. Уже не подлежит сомнению, что средний моральный и политический уровень гражданина Советского Союза несравненно выше уровня подданного царской России и выше уровня среднего западноевропейского человека... Не подлежит сомнению, что причины этих изменений лежат в самой струк-

туре общества и его деятельности, тем более что какой-нибудь специальной педагогической техники, специальных приемов у нас не выработалось. Переход к советскому строю сопровождался категорическим перенесением внимания личности на вопросы широкого государственного значения... Примеров искать не нужно, достаточно вспомнить японскую агрессию или стахановское движение. Личность в Советском Союзе не растрачивает свои силы в будничных текущих столкновениях, и поэтому виднее ее лучшие человеческие черты. Суть в том, что легче и свободнее реализуются положительные человеческие потенциалы, которые раньше не реализовались[6]. В этом величайшее значение нашей революции и величайшая заслуга Коммунистической партии.

Но сейчас все это понятно и очевидно, а тогда, в 1920 г., это знание у меня только начинало складываться, и, так как элементы социалистической педагогики еще не видны были в жизни, я находил их в мудрости и проникновенности Горького.

Я очень много передумал тогда над Горьким. Это раздумье только в редких случаях приводило меня к формулировкам, я ничего не записывал и ничего не определял. Я просто смотрел и видел.

Я видел, что в сочетании горьковского оптимизма и требовательности есть «мудрость жизни», я чувствовал, с какой страстью Горький находит в человеке героическое, и как он любуется скромностью человеческого героизма, и как вырастает по-новому героическое в человечестве... («Мать»). Я видел, как нетрудно человеку помочь, если подходить к нему без позы и «вплотную», и сколько трагедий рождается в жизни только потому, что «нет человека». Я, наконец, почти физически ощутил всю мерзость и гниль капиталистической накипи на людях.

Я обратился к своим первым воспитанникам и постарался посмотреть на них глазами Горького. Признаюсь откровенно, это мне не сразу удалось; я еще не умел обобщать живые движения, я еще не научился видеть в человеческом поведении основные оси и пружины. В своих поступках и действиях я еще не был «горьковцем», я был им только в своих стремлениях.

Но я уже добивался, чтобы моей колонии дали имя Горького, и добился этого. В этом моменте меня увлекала не только методика горьковского отношения к человеку, меня захватывала больше историческая параллель: революция поручила мне работу «на дне», и, естественно, вспоминалось «дно» Горького. Параллель эта, впрочем, ощущалась недолго. «Дно» принципиально было невозможно в Советской стране, и мои «горьковцы» очень скоро возымели настойчивое намерение не ограничиться простым всплыванием наверх, их соблазняли вершины гор, из горьковских героев больше других импонировал им Сокол. Дна, конечно, не было, но остался личный пример Горького, осталось его «Детство», осталась глубокая пролетарская родственность великого писателя и бывших правонарушителей.

В 1925 г. мы написали первое письмо в Сорренто, написали с очень малой надеждой на ответ — мало ли Горькому пишут. Но Горький ответил немедленно, предложил свою помощь, просил передать ребятам: «Скажите, что они живут в дни великого исторического значения».

Началась регулярная наша переписка. Она продолжалась непре-

рывно до июля 1928 г., когда Горький приехал в Союз и немедленно посетил колонию[7].

За эти три года колония выросла в крепкий боевой коллектив, сильно повысилась и его культура, и его общественное значение. Успехи колонии живо радовали Алексея Максимовича. Письма колонистов регулярно отправлялись в Италию в огромных конвертах, потому что Горькому каждый отряд писал отдельно, у каждого отряда были особенные дела, а отрядов было до тридцати. В своих ответах Алексей Максимович касался многих деталей отрядных писем и писал мне: «Очень волнуют меня милые письма колонистов...»

В это время колония добивалась перевода на новое место. Алексей Максимович горячо отзывался на наши планы и всегда предлагал свою помощь. Мы от этой помощи отказывались, так как по-горьковски не хотели обращать Максима Горького в ходатая по нашим маленьким делам, да и колонистам необходимо было надеяться на силы своего коллектива. Наш переезд в Куряж был делом очень трудным и опасным, и Алексей Максимович вместе с нами радовался его благополучному завершению. Я привожу полностью его письмо, написанное через 20 дней после «завоевания Куряжа»:

«Сердечно поздравляю Вас и прошу поздравить колонию с переездом на новое место.

Новых сил, душевной бодрости, веры в свое дело желаю всем вам!

Прекрасное дело делаете Вы, превосходные плоды должно дать оно.

Земля эта — поистине наша земля. Это мы сделали ее плодородной, мы украсили ее городами, избороздили дорогами, создали на ней всевозможные чудеса, мы, люди, в прошлом — ничтожные кусочки бесформенной и немой материи, затем — полузвери, а ныне — смелые зачинатели новой жизни.

Будьте здоровы и уважайте друг друга, не забывая, что в каждом человеке скрыта мудрая сила строителя и что нужно ей дать волю развиться и расцвести, чтобы она обогатила землю еще большими чудесами.

Привет. *М. Горький*»

Сорренто, 3.VI.26

Это письмо, как и многие другие письма этого периода, имело для меня как педагога совершенно особое значение. Оно поддерживало меня в неравной борьбе, которая к этому времени разгорелась по поводу метода колонии им. Горького. Эта борьба происходила не только в моей колонии, но здесь она была острее благодаря тому, что в моей работе наиболее ярко звучали противоречия между социально-педагогической и педологической точками зрения. Последняя выступала от имени марксизма, и нужно было много мужества, чтобы этому не верить, чтобы большому авторитету «признанной» науки противопоставить свой сравнительно узкий опыт. А так как опыт протекал в обстановке повседневной «каторги», то нелегко было проверить собственные синтезы. С присущей ему щедростью Горький подсказывал мне широкие социалистические обобщения. После его писем у меня удесятерялись и энергия и вера. Я уже не говорю о том, что письма эти, прочитанные колонистам, делали буквально чудеса, ведь не так просто человеку увидеть в себе самом «мудрые силы строителя».

Великий писатель Максим Горький становился в нашей колонии активным участником нашей борьбы, становился живым человеком в наши ряды. Только в это время я многое до конца понял и до конца сформулировал в своем педагогическом кредо. Но мое глубочайшее уважение и любовь к Горькому, моя тревога о его здоровье не позволяли мне решительно втянуть Алексея Максимовича в мою педагогическую возню с врагами. Я все больше и больше старался, чтобы эта возня по возможности проходила мимо его нервов. Алексей Максимович каким-то чудом заметил линию моего поведения по отношению к нему. В письме от 17 марта 1927 г. он писал:

«Это напрасно! Знали бы Вы, как мало считаются с этим многие мои корреспонденты и с какими просьбами обращаются ко мне! Один просил выслать ему в Харбин — в Маньчжурию — пианино, другой спрашивает, какая фабрика в Италии вырабатывает лучшие краски, спрашивают, водится ли в Тирренском море белуга, в какой срок вызревают апельсины и т. д. и т. д.».

И в письме от 9 мая 1928 г.:

«Позвольте дружески упрекнуть Вас: напрасно Вы не хотите научить меня, как и чем мог бы я Вам и колонии помочь. Вашу гордость борца за свое дело я также понимаю, очень понимаю! Но ведь дело это как-то связано со мною, и стыдно, неловко мне оставаться пассивным в те дни, когда оно требует помощи»...

Когда Алексей Максимович приехал в июле 1928 г. в колонию и прожил в ней три дня, когда уже был решен вопрос о моем уходе и, следовательно, и вопрос о «педологических» реформах в колонии, я не сказал об этом моему гостю. При нем приехал в колонию один из видных деятелей Наркомпроса и предложил мне сделать «минимальные» уступки в моей системе. Я познакомил его с Алексеем Максимовичем. Они мирно поговорили о ребятах, посидели за стаканом чаю, и посетитель уехал. Провожая его, я просил принять уверения, что никаких, даже минимальных, уступок быть не может.

Эти дни были самыми счастливыми днями и в моей жизни, и в жизни ребят... Я, между прочим, считал, что Алексей Максимович — гость колонистов, а не мой, поэтому постарался, чтобы его общение с колонистами было наиболее тесным и радужным. Но по вечерам, когда ребята отправлялись на покой, мне удавалось побывать с Алексеем Максимовичем в близкой беседе. Беседа касалась, разумеется, тем педагогических. Я был страшно рад, что все коллективные наши находки встретили полное одобрение Алексея Максимовича, в том числе и пресловутая «военизация», за которую еще и сейчас покусывают меня некоторые критики и в которой Алексей Максимович в два дня сумел разглядеть то, что в ней было: небольшую игру, эстетическое прибавление к трудовой жизни, жизни все-таки трудной и довольно бедной. Он понял, что это прибавление украшает жизнь колонистов, и не пожалел об этом.

Горький уехал, а на другой день я оставил колонию. Эта катастрофа для меня не была абсолютной. Я ушел, ощущая в своей душе теплоту моральной поддержки Алексея Максимовича, проверив до конца все свои установки, получив во всем его полное одобрение. Это одобрение было выражено не только в словах, но и в том душевном волнении, с которым

Алексей Максимович наблюдал живую жизнь колонии, в том человеческом празднике, который я не мог ощущать иначе, как праздник нового, социалистического общества. И ведь Горький был не один. Мою беспризорную педагогику немедленно «подобрали» смелые и педологически неуязвимые чекисты и не только не дали ей погибнуть, но дали высказаться до конца, предоставив ей участие в блестящей организации коммуны им. Дзержинского[8].

В эти дни я начал свою «Педагогическую поэму»[9]. Я несмело сказал о своей литературной затее Алексею Максимовичу. Он деликатно одобрил мое начинание... Поэма была написана в 1928 г. и... пять лет пролежала в ящике стола, так я боялся представить ее на суд Максима Горького. Во-первых, я помнил свой «Глупый день» и «не написан фон», во-вторых, я не хотел превращаться в глазах Алексея Максимовича из порядочного педагога в неудачного писателя. За эти пять лет я написал небольшую книжонку о коммуне Дзержинского и... тоже побоялся послать ее своему великому другу, а послал в ГИХЛ. Она два с лишним года пролежала в редакции, и вдруг, даже неожиданно для меня, ее напечатали. Я не встретил ее ни в одном магазине, я не прочитал о ней ни одной строчки в журналах или газетах, я не видел ее в руках читателя, вообще эта книжонка как-то незаметно провалилась в небытие. Поэтому я был несколько удивлен и обрадован, когда в декабре 1932 г. получил из Сорренто письмо, начинающееся так:

«Вчера прочитал Вашу книжку «Марш тридцатого года». Читал с волнением и радостью...»

После этого Алексей Максимович уже не отпустил меня. Еще около года я сопротивлялся и все боялся представить ему «Педагогическую поэму» — книгу о моей жизни, о моих ошибках и о моей маленькой борьбе. Но он настойчиво требовал:

«Поезжайте куда-нибудь в теплые места и пишите книгу...»

В теплые места я не поехал — некогда было, но поддержка и настойчивость Алексея Максимовича преодолели мою трусость: осенью 1933 г. я привез ему свою книгу — первую часть. Через день я получил полное одобрение, и книга была сдана в очередной номер альманаха «Год XVII». Все остальные части тоже прошли через руки Алексея Максимовича. Второй частью он остался менее доволен, ругал меня за некоторые места и настойчиво требовал, чтобы все линии моих педагогических споров были выяснены до конца, а я все еще продолжал побаиваться педологов, даже это слово старался не употреблять в книге. Отправляя к нему в Крым третью часть, я даже просил его выбросить главу «У подошвы Олимпа», но он ответил коротко по этому вопросу:

«У подошвы Олимпа» нельзя исключить...»

Это уже было написано осенью 1935 г.

Так до самых последних дней Максим Горький оставался моим учителем; и как ни долго я учился у него, до последних дней у него было чему учиться. Его культурная и человеческая высота, его непримиримость в борьбе, его гениальное чутье ко всякой фальши, ко всему дешевому, мелкому, чуждому, карикатурному, его ненависть к старому миру... его любовь к человеку — «мудрому строителю жизни» — для многих миллионов живущих и будущих людей должны всегда быть неисчерпаемым образцом.

К сожалению, у нас еще нет настоящего анализа всего творческого богатства Максима Горького. Когда этот анализ будет произведен, человечество поразится глубиной и захватом горьковского исследования о человеке. Его имя будет поставлено в самом первом ряду великих писателей мира, тем более в первом, что он единственный, взявший тему человека в момент его освобождения, в момент становления его человеком социалистическим.

Моя жизнь прошла под знаком Горького, и поэтому сейчас я по-настоящему первый раз в жизни ощущаю свою сиротливость. В этот момент утраты так особенно трагично переживается моя к нему великая и нежная благодарность. Я уже не могу ее высказать Алексею Максимовичу, тем более горячо и глубоко я благодарен нашей эпохе, нашей революции и нашей Коммунистической партии, создавшим Максима Горького, вынесшим его на ту высоту, без которой его голос не мог быть услышан в мире трудящихся и в мире врагов.

Мой первый учитель

В моей жизни, в моей первой работе значение Алексея Максимовича Горького исключительно велико.

Старый учитель, я принадлежал к тем кругам, которые назывались рабочей интеллигенцией. Когда я перелистываю страницы моей жизни, в памяти возникают ужасающие годы беспросветной реакции, наступившей после 1905 г. Для нас имя Горького было маяком. В его произведениях нас особенно покоряла исключительная жажда жизни, неисчерпаемый оптимизм, вера в человека, непреклонная убежденность в прекрасном будущем.

После Октябрьской революции я начинал искать пути для создания новой, советской педагогики, и первым моим учителем, к которому обращались мысли и чувства, снова был Горький[1].

Утверждение человека, освобождение его от грязи, оставленной капиталистическим строем, выпрямление человека — всему этому учило горьковское творчество с его неисчерпаемым запасом мудрых наблюдений, доскональным знанием жизни, глубоким пониманием Человека, творчество, проникнутое любовью к Человеку и ненавистью ко всему, что препятствует свободному развитию Человека. Передо мной всегда был образ того, кто сам вышел из недр народных. Так, когда я должен был указать моим «босякам» образец человека, который, пройдя через «дно», поднялся до высот культуры, я всегда говорил:

— Горький! Вот образец, вот у кого учиться!

Великий мастер мировой культуры! Огромные знания Алексея Максимовича не имели ничего общего с тем, что обозначалось понятием «западноевропейская цивилизация». Горький впитал квинтэссенцию того наилучшего, что создали самые светлые головы человечества. И не только в литературе.

Алексей Максимович заинтересовался работой моей и моих друзей. Мы были поражены его умением проникать в сущность дела, выделять

важнейшее, а потом в такой простой, доступной форме делать глубокие философские обобщения.

Алексей Максимович пробыл в колонии им. Горького три дня. Должен признаться, что за это время он успел заметить много такого нового, характерного, очень важного, чего я не замечал на протяжении года. Он сблизился с многими из 400 воспитанников, и большинство новых друзей уже не порывало с ним связи. Горький переписывался с ними, помогал советами.

Алексей Максимович освятил мою писательскую жизнь. Вряд ли я написал бы «Педагогическую поэму» или какое-нибудь другое произведение без чуткой, но неуклонной настойчивости Алексея Максимовича. Четыре года я сопротивлялся, отказывался писать, четыре года длилась эта «борьба» между нами. Я всегда считал, что у меня иная дорога — педагогическая работа; к тому же и времени для серьезного литературного труда у меня не было. Собственно, последнее обстоятельство и было тем поводом, на который я ссылался, отказываясь писать. Тогда Алексей Максимович прислал мне перевод на пять тысяч рублей с требованием немедленно идти в отпуск и засесть за книгу. В отпуск я не пошел (оставить работу я не мог), однако настойчивость Горького взяла наконец свое: педагог стал писателем.

С великим моим учителем я встречался много раз. Горький очень мало говорил со мной о литературных делах; он расспрашивал, как живут хлопцы. Очень интересовали Алексея Максимовича вопросы семьи, отношение семьи к детям, что, по-моему, нужно сделать, чтобы укрепить семью. Во время этих бесед Алексей Максимович как будто мимоходом бросал по поводу той или иной области моей работы одно-два слова. Они значили больше, чем пространные советы.

Последнее время Алексея Максимовича волновал вопрос о школе. Как-то мы ехали вместе из Москвы. По дороге он все время говорил о том, какой должна быть наша школа, говорил, что школьная дисциплина не должна стеснять молодую инициативу, что в школе нужно создать такие условия, чтобы можно было объединить одно и другое.

Безграничная любовь к жизни, огромный философский ум и полный мудрости взгляд, который проникает во все мелочи жизни, отыскивает в них основное зерно и умеет поднять их до философских обобщений, — это характерно для Горького.

В примере со мной как в фокусе отражается значение Горького и некоторые стороны великой души этого еще не до конца оцененного человека.

Мы обязаны глубже и ответственнее относиться к великим проблемам воспитания человека, поставленным творчеством великого писателя.

Близкий, родной, незабываемый!

Максим Горький — это имя уже более четырех десятилетий назад стало для всего мира символом новой позиции человека на земле. Мы —

те, кто вступил в трудовую жизнь в 1905 г., воспитывал нашу мысль и волю в учении марксизма, в борьбе Ленина и партии большевиков. Чувства наши, образы и картины внутренней сущности человека формировались благодаря творчеству Максима Горького.

Это имя знаменовало для нас и высокую убежденность в победе человека, и полнокровное человеческое достоинство, и полноценность человеческой культуры, которая освобождается от проклятия капиталистической «цивилизации».

И поэтому, когда Октябрьская революция внезапно открыла передо мной невиданные просторы для развития свободной человеческой личности, открыла богатейшие возможности в моей воспитательной работе, я принял за образец страсть и веру Максима Горького.

Его утверждение ценности Человека, его любовь и его ненависть, его постоянное движение вперед и борьба объединялись в человеческом оптимизме художника. Он умел видеть в каждом человеке, несмотря на самые ужасные жизненные катастрофы, несмотря на грязь в задавленном капитализмом мире, прекрасные черты Человека, духовные силы, заслуживающие лучшей участи, лучшего общественного строя.

В этом были для меня самые богатые педагогические позиции, и, разумеется, такими они были не только для меня.

И потому, что на мою долю выпали дети, наиболее пострадавшие от «цивилизации», я мог предъявить им всю горьковскую программу человечности.

И в особенно прекрасном гармоническом сочетании с богатым светом горьковского творчества возник перед нами сам А. М. Горький, возникла его личность.

Своим примером он доказывал свою писательскую правду, он каждым своим личным движением подтверждал возможности и силы развития Человека.

Когда в 1928 г. он приехал в колонию и просто, с шуткой вошел в ряды бывших беспризорных, заинтересовался их судьбой, их заботами, воспитанием, как свой брат, который вместе с ними несет на своих плечах высокое звание Человека, я особенно глубоко мог проникнуть в тайны и секреты новой, советской педагогики. Тогда я прекрасно понял, что эта педагогика вся находится в горьковском русле оптимистического реализма; он был потом назван правильнее и точнее — социалистическим реализмом.

Но великий Горький не разрешил мне успокоиться на этом. Бесконечно мягко и бесконечно настойчиво он заставил меня взяться за перо и написать книгу, одну из тех книг, которые стали возможны только благодаря ему. Хороша она или плоха, но она говорит о наших днях, нашем опыте, наших ошибках. А. М. Горький так высоко ценил такой еще молодой опыт свободной рабочей страны, что всякое слово об этом опыте он считал нужным. Так в моей жизни, в моей работе прикоснулся ко мне гениальный пролетарский писатель Максим Горький, и благодаря этому моя жизнь стала более нужной, более полезной, более достойной.

Но разве он прикоснулся только к моей жизни? Сколько жизненных путей, путей борьбы и побед обозначил А. М. Горький!

Его смерть — скорбное начало для нашей подлинной благодарности, для грандиозной картины его исторического значения.

Большое горе

С 1920 по 1928 г. я заведовал колонией им. М. Горького. Я и ребята начали переписку с Алексеем Максимовичем в 1923 г. Несмотря на то что первое письмо было отправлено с очень коротеньким адресом Italia, Massimo Gorki, наша переписка на протяжении пяти лет была регулярной и очень сблизила нас с Алексеем Максимовичем[1].

Он знал подробности нашей жизни, откликался на них то советом, то указанием, то простым дружеским словом, сочувствием. Взаимоотношения между Алексеем Максимовичем и горьковцами были настолько живыми и наполненными содержанием, что личная встреча была потребностью и радостью не только для нас, но и для Алексея Максимовича.

И действительно, в первые же месяцы после своего возвращения в СССР А. М. Горький собрался к нам в колонию погостить. Он прожил в колонии три дня: 7—10 июля 1928 г.[2].

Нам удалось обеспечить в этой встрече простоту и интимность обстановки: в течение трех дней Алексей Максимович был с ребятами, никто нам не мешал, и мы не превратили наше свидание в официальное торжество.

Алексей Максимович быстро вошел в самую сущность колонистских будней, принял участие в решении наших текущих дел, близко ознакомился со многими колонистами, работал с ними в поле и терпеливо просмотрел до конца постановку на нашей сцене «На дне», сделанную силами ребят. Высочайшая человеческая культура А. М. Горького в сочетании с такой же простотой, его глубокое искреннее чувство и внимание к каждому колонисту покорили ребят в несколько часов. Расстаться с Алексеем Максимовичем было для нас невыразимо тяжело. В эти дни вечерами мы много говорили с Алексеем Максимовичем о трудных путях воспитания, о сложности в коммунах воспитательного процесса, о неясной еще для нас технике создания нового человека. Он настоятельно требовал от меня литературного изложения моего педагогического опыта и доказывал, что я не имею права хоронить в Куряже ни свои ошибки, ни свои находки.

Но чрезвычайно занятый работой в колонии им. Горького, а затем в коммуне им. Дзержинского, я не так быстро мог выполнить требование Алексея Максимовича. В 1932 г. он телеграфно требовал от меня немедленно начать работу над книгой, взять для этого отпуск и поехать в Гагры[3].

Я не мог добиться отпуска, но первую часть «Педагогической поэмы» мне удалось написать, не отрываясь от коммуны. Осенью 1933 г. я послал рукопись Алексею Максимовичу. Он прочитал ее в течение одного дня и немедленно передал для печатания в третьей книге альманаха «Год XVII».

По поводу «Педагогической поэмы» несколько раз мне пришлось встре-

чаться с Алексеем Максимовичем. К моей книге он всегда относился хорошо, настойчиво требовал продолжения моей литературной работы и всегда повторял: «Дайте волю вашему юмору»,— но в оживленной беседе и он, и я быстро оставляли литературные темы и говорили почти исключительно о детях.

Алексея Максимовича особенно интересовали вопросы о новой семье и, в частности, о новых позициях наших детей и по отношению к родителям, и по отношению к обществу. Как-то по дороге из Москвы в Крым он сказал:

— Вот главный вопрос: соединить стремление человека к свободе с дисциплиной — вот такая нужна педагогика[4].

Наша новая Конституция является ярким подтверждением мудрой прозорливости Алексея Максимовича.

Для меня смерть Алексея Максимовича — большое горе. Силой своей настойчивости и ясного взгляда он заставил меня свой педагогический опыт исчерпать и до конца отдать нашему социалистическому обществу. Я лишь в последнее время понял, насколько он был прав: ведь наш опыт — опыт новый, и каждая его деталь имеет значение для нашей жизни и для жизни будущего человека, великим поэтом которого был Алексей Максимович.

Прекрасный памятник

Детская трудовая коммуна им. Ф. Э. Дзержинского в Харькове не только хорошее учреждение, несущее на своем знамени это имя. Во всей деятельности, в каждом дне своей жизни, в сложном кружеве детского коллектива она отражает и оживляет образ Феликса Эдмундовича. Коммуна — живая композиция живых движений прекрасных новых людей. Именно поэтому коммуна прежде всего производит впечатление большой художественной силы, ее жизнь вылеплена с такой же экспрессией таланта, какую мы обычно встречаем и находим в произведениях искусства. И поэтому, говоря о коммуне, нельзя не говорить об ее авторах, о тех людях, которые изваяли этот замечательный памятник. Достаточно только один раз побывать в коммуне, только прикоснуться к жизни дзержинцев, чтобы сразу увидеть, сколько глубокой мысли, сколько внимания, любви и вкуса заложено в каждом кирпиче ее здания, в каждом луче пронизывающего ее солнца, в каждой линии цветника и в особенности в жизни тридцати коммунарских отрядов, в их быте, традициях, законах, в высоком человеческом стиле этого коллектива.

Как прекрасна была жизнь Феликса Эдмундовича, так же прекрасна история коммунаров: в течение всех девяти лет коммуна не знала провалов, не знала разложения или упадка энергии, ни одного дня в ее истории не было такого, когда бы имя Ф. Э. Дзержинского звучало укором. И это случилось вовсе не потому, что в коммуну приходили какие-либо особые дети, здоровые и радостные. В коммуну приходили именно те, о которых Ф. Э. Дзержинский сказал:

«Сколько их искалечено борьбой и нуждой!»

Великая и простая любовь Ф. Э. Дзержинского к детям выражена была им однажды в таком коротком и таком выразительном слове[1]:

«Когда смотришь на детей, так не можешь не думать — всё для них. Плоды революции не нам, а им».

Не призрение, не высокомерную подачку, не ханжеское умиление перед человеческим несчастьем подарили чекисты этим искалеченным детям. Они дали им то, о чем с таким человеческим чувством говорил Феликс Эдмундович, — всё дали самое дорогое в нашей стране: плоды революции, плоды своей борьбы и своих страданий. А среди этих плодов не паркет, не цветы, не чудесные солнечные комнаты главное. Главное — новое отношение к человеку, новая позиция человека в коллективе, новая о нем забота и новое внимание. И только поэтому искалеченные дети, пришедшие в коммуну, переставали нести на себе проклятие людей «третьего сорта». Они становились дзержинцами. Об этом хорошо знают коммунары, потому что и самый путь коммунара в коммуне обозначается знаменательным чертежом движения: вот ты пришел в коммуну — ты только воспитанник; ты уже пошел вперед — ты получаешь звание коммунара, наконец, ты ведешь других, ты борешься впереди, ты хорошо знаешь, за что борешься, — ты получаешь звание коммунара-дзержинца[2]. Этот путь не такой уж легкий, ибо на легком пути создаются и легкие люди, а коммунары-дзержинцы справедливо утверждают:

«Человека нужно не лепить, а ковать».

Этот путь не легкий, но всегда неизменно радостный, бодрый путь победителя. Коммуна железного Феликса умеет воспитывать в своих прекрасных дворцах, окруженных цветами, не только улыбку друга, не только хорошее, теплое товарищеское слово, но и суровое слово большевика, железное требование и непоколебимую принципиальность. В ее жизни как в зеркале отражается личность Ф. Э. Дзержинского, личность великого гуманиста, скромного и доброго человека, и в то же время сурового борца, чекиста. И поэтому таким уверенным и таким большевистским всегда был и будет путь коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, и поэтому с тем большим успехом она выполняет одну из основных своих задач — помощь детям.

К сожалению, в нашем обществе мало знают о жизни коммуны и мало людей наблюдали те чудесные операции, которые с таким блеском и с таким спокойствием умеют совершать коммунары. Постановление партии и правительства от 1 июня 1935 г. о полной ликвидации беспризорности застало коммуну в составе 500 коммунаров. В течение нескольких месяцев к ним пришли новые пятьсот, пришли с улицы, из зала суда, из неудачных, деморализованных семей. И в настоящее время только очень опытный глаз способен отличить, где старые испытанные дзержинцы, а где новые, только что налаженные воспитанники. В коммуне давно не существует института воспитателей, и, принимая новых пятьсот, ни один коммунар не предложил в панике: давайте все-таки пригласим воспитателей[3].

Проделывая эту совершенно невероятной трудности операцию, коммунары не просили помощи, но, и закончив ее, они не возгордились, не

кричали о своих успехах, они, кажется, даже и не заметили успеха, потому что у них много забот и много новых дел и новых стремлений[4]. Среди этих стремлений лицо коммунара-хозяина особенно прелестно.

Ф. Э. Дзержинский оставил коммунарам и второй большевистский завет — строительство. И поэтому, выковывая для советского общества сотни новых большевиков, коммунары делают это как будто между делом, а дело у них серьезное, одно из славных дел нашего времени[5]. Кто теперь не знает ФЭД — советской «Лейки»? Кто не мечтает иметь в своих руках эту прекрасную вещь, и ФЭД, пожалуй, даже более известен, чем коммуна Ф. Э. Дзержинского. История ФЭД — сама по себе чудеснейшая история, это история борьбы, страстного стремления к победе и страстного неутомимого терпения. Эта машинка оказалась гораздо более трудной, чем казалось вначале, а дзержинцам пришлось освоить ее без заграничной помощи.

Выполняя многомиллионные промфинпланы, с гневом вгрызаясь в каждое производственное препятствие, с огромным чувством и размахом подхватив стахановское движение, они способны были всегда поставить «Тартюфа» на своей сцене, не пропустить ни одной премьеры в харьковских театрах, танцевать, петь, сотнями считать значки ГТО и требовать от каждого коммунара, чтобы он был ворошиловским стрелком. И уже совсем как будто нечаянно из последнего класса коммунарской десятилетки[6] ежегодно выходят десятки культурных, образованных людей, а через год приезжают в коммуну в гости и рассказывают простыми словами о своем новом пути: инженера, врача, педагога, летчика, радиста, актера. И пожалуй, никто из них не думает о том, что в своей жизни они выражают лучшие стремления нашего советского стиля, они находят те пути, за которые боролся Ф. Э. Дзержинский.

г. Киев

О лесной школе

Письмо в Совет жен писателей

В «Литературной газете» от 15 июля я прочитал об организации Совета жен писателей. От души хочется приветствовать это замечательное дело, тем более что в списке его целей значится: улучшение быта детей писателей. По последнему вопросу мне хочется сделать одно предложение... организовать под Москвой лесную школу, или трудовую колонию, или можно назвать еще как-нибудь удобнее и оригинальнее. В этом учреждении должна быть полная, хорошо оборудованная десятилетка с общежитием для мальчиков и девочек, с небольшими мастерскими производственного типа, выпускающими товарную продукцию (это обязательно). Рабочий день на производстве — два часа, труд детей должен оплачиваться, как и труд всякого производственного рабочего. Особенно меня интересует такое устройство этого учреждения, при котором не было бы никакого разрыва между семьей и школой.

Питание, одежда, культурные услуги, книги и все прочее должны предоставляться детям учреждением, семья может кое-что добавлять только с разрешения школы. Я при этом думаю, что полное обеспечение детей не должно иметь характера какого бы то ни было баловства или тем более излишнего удовлетворения потребностей или преждевременного их удовлетворения. Наряду с вопросами образования должны быть хорошо разрешены все вопросы воспитания характера и физического воспитания. Ведь всем известно, что в этих как раз областях в нашей семье, даже культурной, не всегда умеют дать детям то, что нужно.

Пишу в Совет жен писателей потому, что, мне думается, это дело должно быть сделано матерями, а дело это, уверяю вас, очень хорошее и достойное.

Привет. *А. Макаренко*

«Чудо», созданное советской жизнью

Я как-то рискнул написать рассказ еще в 1914 г., задолго до работы в колонии им. Горького. Послал Алексею Максимовичу и получил короткий ответ — тема рассказа интересная, но написано слабо. Это отбило у меня временно охоту писать, но заставило с большей энергией отнестись к работе по специальности. Когда я второй раз попробовал, коечто получилось. Так и у всех. Если свое советское дело и свою личность, которая вложена в это дело, описать точно и детально, получится интересно. Я не хочу себя чувствовать писателем и в дальнейшем. Я хочу остаться педагогом и очень благодарен вам, что сегодня вы говорили о самом важном, о самом существенном для меня — о педагогической работе, о людях, которые подвергаются педагогическому воздействию.

Посчастливилось мне больше, чем многим другим, посчастливилось потому, что я 8 лет был в колонии им. Горького несменяемым заведующим и 8 лет у меня была в руках коммуна им. Дзержинского, коммуна, созданная не мной, а чекистами. Кроме этих двух коммун очень много таких же учреждений, не менее удачных. Я могу назвать Болшевскую коммуну, Люберецкую коммуну, Томскую — коммуны Наркомвнудела. Я видел много чудес в детских колониях, перед которыми поблекнет опыт горьковской коммуны.

Когда я писал «Педагогическую поэму», я хотел показать, что в Советском Союзе из людей «последнего сорта», из тех, что за рубежом считают «отбросами», можно создать великолепные коллективы. Я хотел это так описать, чтобы было видно, что не я это создаю и не кучка педагогов, но создает это «чудо» вся атмосфера советской жизни.

Я взял темой «Педагогическую поэму», но, работая над ней, я, по совести, не считал себя писателем. «Поэму» я написал в 1928 г., сразу после оставления колонии им. Горького, и считал ее настолько плохой книгой, что не показывал даже ближайшим друзьям. Пять лет она лежала у меня в чемодане, я ее даже в письменном столе не хотел держать[1].

И только настойчивость Алексея Максимовича заставила меня, наконец, с большим страхом отвезти ему первую часть и ждать с трепетом приговора. Приговор был не очень строгий, и книга увидела свет. Теперь я не думаю быть писателем. Я не скромничаю, но говорю это потому, что считаю — в нашей стране происходят сейчас такие события, на которые надо откликаться всяческими способами. Сейчас я работаю над книгой, которую я считаю нужной практически.

Сейчас назрела необходимость выпустить книгу для родителей. Слишком много материала и слишком много уже есть законов советской педагогики, об этом надо писать. Такая книга будет у меня готова к 15 октября, уже и редактор есть.

Спрашивают меня о моей биографии. Она очень проста. С 1905 г. я — народный учитель. Мне посчастливилось учительствовать в народной школе до самой революции. А после революции дали колонию им. Горького.

Я написал в 1930 г. «Марш тридцатого года» — о коммуне им. Дзержинского. Эта книга понравилась Горькому, но прошла в литературе незамеченной. Она слабее последней книги, но события там не менее яркие. В 1933 г. я написал пьесу «Мажор», под фамилией Гальченко, о коммуне им. Дзержинского, и представил ее на всесоюзный конкурс. На этом конкурсе она была рекомендована к изданию, была издана и тоже прошла незамеченной.

Мы живем в самую счастливую эпоху

Мы, вероятно, не в состоянии постигнуть всего величия исторического значения Конституции СССР, первой в мировой истории конституции бесклассового общества[1]. Мы не способны, наверное, почувствовать всю глубину гениальности ее простых положений, потому что эта простота вытекает из железной естественности свободного человечества. Мы живем в самую счастливую эпоху, когда восстанавливается эта свобода и когда вдруг ненужными и смешными стали тонкости так называемой демократии, оправдывающей и регламентирующей повторение несправедливости классового общества[2].

Нашу Конституцию через тысячелетия будут изучать в школах как первый основной закон нового человечества, как документ, разделяющий всю историю человеческого общества на две принципиально разные части.

И как раз поэтому я считаю, что в Конституции в главе X должно быть сказано о семье. Семья в социалистическом обществе является первичной ячейкой, и эта ячейка должна быть социалистической. Должно быть сказано, что семья является не подвластной отцу (как хозяину) группой родственников, а трудовым коллективом, счастье и разумная жизнь которого обеспечиваются всем строем социалистического государства. Эта семья имеет права и обязанности, особенно обязанности по отношению к детям, их воспитанию, здоровью и т. п. Я полагаю, что такой раздел о семье должен быть в тексте Конституции.

Дело партии

Больше, чем другие детские учреждения Союза, коммуна им. Дзержинского отражает в своей истории и в своем стиле нашу великую эпоху. Трудно найти в организации «Дзержинки» такую область работы, где бы строительство, которое проводит большевистская партия, не звучало бы во всю мощь, не призывало к новой борьбе и новым завоеваниям. И это потому, что коммуну им. Дзержинского строили лучшие большевики — чекисты.

Пройдите по коммуне, и вы на каждом шагу встретите ответ коммунаров на тот или другой исторический лозунг нашей партии.

В производственных цехах вы увидите бесконечные шеренги лучших станков. Тут техника, достойная социалистических требований. Сама продукция производства — ФЭД и электросверла — это прежде всего работа за экономическую независимость нашей страны...

Развивая производство, выполняя из года в год миллионные промфинпланы, непрестанно повышая качество продукции, дзержинцы не отстали и в выполнении тех требований, которые партия предъявила школе[1].

Уже на протяжении шести лет у коммунаров есть полная средняя школа[2], они ежегодно выпускают из школы десятки образованных людей...

Пятого сентября этого года коммуна торжественно выпустила в жизнь семьдесят человек. Все они, в прошлом беспризорные и правонарушители, вышли из коммуны образованными и квалифицированными людьми, все семьдесят вышли комсомольцами. Наши большевистские заботы о людях праздновали в этом случае великую победу. В коммуне забота о людях — главное содержание работы. Ведь только за последний год коммуна приняла в свои стены свыше 400 новичков, выполняя директиву Коммунистической партии о ликвидации беспризорности[3].

И именно потому, что коммуна так чутко, так энергично и так искренне откликается на каждое указание партии, именно поэтому в ее жизни на каждом шагу чувствуется: «Жить стало лучше, жить стало веселее».

Коммуна живет действительно прекрасно, радостно, разумно.

Трудно себе представить более жизнерадостный и бодрый коллектив. У дзержинцев интересна и новая жизнь, полная света, комфорта, чистоты, музыки, танцев, физкультуры, — подлинно социалистическая жизнь.

Пожелаем же коммуне им. Дзержинского — коммунарам и руководителям ее — с таким же энергичным и прекрасным успехом и дальше идти великим и счастливым путем, которым ведет нас Коммунистическая партия!

Выступление на заводе «Шарикоподшипник» 24 октября 1936 г.

Дорогие товарищи, очень благодарен вам за внимание, которое вы оказываете мне и тому делу, которому служу я и вместе со мной многие тысячи людей,— делу воспитания.

Я хочу сказать вам несколько слов с таким расчетом, чтобы стало для вас понятно, как я представлял себе задачу своей книги и что рассчитывал вызвать у читателя.

Признаться, я не очень надеялся на то, что вопросы воспитания беспризорных вызовут такой интерес у общественности, как это оказалось на самом деле. Кроме того, я не надеялся на свои литературные способности. Поэтому написанная мною книга пролежала пять лет[1], пока я решился под большим нажимом и после энергичных требований А. М. Горького отдать ее в печать.

Чего я хотел добиться этой книгой? Я вовсе не думал писать книгу для того, чтобы у меня учились работать с беспризорными. У меня была другая цель — я хотел доказать нашему широкому обществу, а не педагогам, что эти дети, которые назывались беспризорными,— это такие же обыкновенные, хорошие, нормальные дети, как и все. Я хотел вызвать у читателей симпатию к ним и тем самым в какой-то мере улучшить нашу работу по воспитанию этих детей.

Это была первая цель.

Какова была вторая цель? Мне хотелось показать, что только в нашем обществе — обществе трудящихся, в советском обществе, даже из людей третьего сорта, последнего сорта, из тех людей, которых на Западе сваливают на свалку нищеты, огромной смертности и каторжного фабричного детского труда, могут получиться и получаются образцовые, настоящие советские люди, я бы даже сказал, — большевистские коллективы[2].

Мне хотелось на всей этой стихии беспризорщины отразить наш советский стиль — стиль нашей жизни.

Наконец, мне хотелось высказать громким голосом те чисто педагогические мысли, которые возникали у меня в процессе работы.

И вот что касается педагогических мыслей, то, вероятно, меньше всего меня поняли даже педагоги, может быть, по моей вине, потому что я только между делом говорил о педагогике. Говорил между делом еще и потому, что боялся говорить, — должен вам прямо признаться в этом.

Вы прекрасно знаете, что только в этом году педология, так сказать, скончалась благополучно[3].

Что такое педагогика? До сих пор у нас в этой области существует еще некоторая путаница в терминах. Под педагогикой мы подразумеваем вопросы образования, школьное дело, вопросы повышения человеческих знаний, т. е. все то, что входит в так называемый образовательный процесс. Кроме того, мы понимаем под педагогикой очень широкую стихию воспитания, которая проводится не только воспитателями, но и всей нашей жизнью — каждым из вас над каждым из вас. Два человека, проживающие вместе неделю, уже воспитывают один другого. Явление воспитания — чрезвычайно широкое явление. Трудно понимать его как явление только детское, в особенности в Советском Союзе, где воспитание сделалось одним из широчайших общественных дел. Вы об этом прекрасно знаете.

Если спросить, например, откуда взялась наша новая советская молодежь, то ведь прямо как будто ниоткуда, как будто у нас никаких особенных воспитательных книг не написано, как будто и наркомпросы наши работали плоховато, во всяком случае, мы их ругали буквально ежедневно, как будто и родители наши плавают еще в вопросах воспитания, настоящего коммунистического воспитания, и любовь у нас не всегда зефиром звучала, иногда сквознячком прохватывало. Семейные формы нашего быта недостаточно утряслись. Семья наша только теперь получает свое оформление.

Но вот смотрите — на наших глазах выросли десятки тысяч новых, совершенно новых, страшно интересных людей, которые фактически сейчас ведут нашу работу, — это молодежь, советская молодежь. Вот на вашем заводе средний возраст — это, наверное, 22—24 года.

Да, товарищи, воспитание — это очень широкое общественное явление, и я не осмелился бы взять на себя задачу писать законы этого общественного воспитания. Некоторые догадки, некоторые отдельные мысли, которые у меня, естественно, возникли в процессе работы с беспризорными, я позволил себе высказать в этой книге.

Я еще раз повторяю — педологии я боялся настолько, что в своей книге ни разу не упомянул слова «педология», тогда как фактически моя борьба была с педологией и с педологическим уклоном в педагогике.

В чем заключается педологическая работа в педагогике? Коротко говоря, в том, что ребенок берется совершенно отдельно, как обезьяна или кролик в биологическом кабинете, и рассматривается при помощи разных искусственных форм наблюдения, иногда оторванных от жизни, оторванных от коллектива, от широкого общественного движения, и не диалектически этот ребенок рассматривается, и естественно в таком случае, что картина получается не социальная, а биологическая.

Этот совершенно уединенный, обособленный ребенок, по мнению педологии, давал основа-

ние для того, чтобы делать о нем разные выводы и рекомендовать методы его воспитания.

С моей точки зрения, такой подход к ребенку всегда был подходом вредным, прямо скажу — антисоветским подходом. С моей точки зрения, ребенок — это прежде всего член общества, и притом общества советского, общества трудящихся, общества социалистического.

Несмотря на то что эта мысль как будто бы совершенно ясна, в самой работе по воспитанию на каждом шагу эту ясность нельзя было доказать очень многим людям из нашего педагогического лагеря, людям, которые в той или иной мере увлеклись педологическим подходом к ребенку.

С этой точки зрения я и позволил себе высказать несколько мыслей, строго теоретических, какие, может быть, уместнее было бы высказать не в этой книге, а в книге научной, специально посвященной вопросам воспитания.

Коснусь только одного из всех педагогических вопросов, который, вероятно, в известной мере занимает и вас, — вопроса о наказании. Это чрезвычайно трудный вопрос. Мы знаем, что в старой школе и в теперешней буржуазной школе не только употребляются наказания и утверждены как главный метод, но употребляются даже наказания физические. В немецкой школе порют еще сейчас, то же самое и в английской школе. Это установлено законом, допускается и считается необходимым.

После революции мы, педагоги, так широко размахнулись, что пошли прямо по линии *свободного воспитания*[4]: никакого наказания. Даже слово «наказание» было запрещено. Было запрещено даже слово «метод воздействия», потому что этим можно было прикрыть вопрос о наказании.

Я в своей работе с беспризорными правонарушителями сорвался на этом методе. Об этом я прямо и правдиво рассказал в своей книге. Но я сорвался, если хотите, по-советски. Я избил мальчика, но избил его не потому, что был убежден в необходимости избить его, не потому, что я сторонник такого наказания, а потому, что я, как человек, просто сорвался.

Работать с беспризорными, в особенности с правонарушителями, очень трудно. Но сейчас я могу держать коллектив в 800 человек, и у меня нет такого момента, когда я мог бы сорваться. Это невозможно. А тогда, в 1920 г., я совершил преступление. Я это иначе и не называю. Это было преступление, и меня можно было судить и осудить, и я не имел права заявлять какие бы то ни было претензии.

Я рассказал об этом в своей книге вовсе не для того, чтобы другие мне подражали и совершали такое же преступление и с преступления начинали, а для того, чтобы показать, как плохо, как гибельно, как преступно я начал свою работу.

Интересно, между прочим, что я и такие, как я, — а таких очень много, в особенности много у нас, в нашем ведомстве НКВД, которое занимается исключительно перековкой взрослых и малолетних правонарушителей, — прошли одну линию. Те, которые раньше говорили, что ребенку все позволено, что ребенок — творческая личность, что он сам себя воспитывает, а потому по отношению к ребенку не может быть никаких мер воздействия, — прошли свою линию. И вот наши линии в прошлом году столкнулись. Это линия таких людей, как я, и старая, наробразовская линия. Столкнулись они тогда, когда мы, согласно постановлению ЦК партии и СНК, принимали от Наробраза некоторые колонии для правонарушителей. Мне самому пришлось принять такую колонию, которая была целиком во власти педологов, т. е. наиболее образованных, прекрасных, с их точки зрения, педагогов, — это одна киевская колония[5].

За 16 лет нашей работы, стоя на позиции наказания, признавая, что наказание — не физическое, конечно, а вообще — необходимо, мы фактически пришли к такой жизни, когда наказывать, собственно, не нужно, не приходится наказывать, ибо у нас есть другие методы работы.

И вот я принял эту колонию под Киевом[6] у целой кучи педологов в таком виде: колония имела 300 мальчиков и делилась она на 3 коллектива. Один коллектив сидел буквально за решеткой и не имел права даже и носа показывать из-за решетки. Это были наиболее трудные дети — так называемые дезорганизаторы. Второй коллектив сидел тоже взаперти, но решеток на окнах не было, а третий коллектив бродил вокруг этих двух коллективов по двору. (Смех.)

К такой системе пришли на базе отрицания наказания.

Меня уверяли, что посадить таких мальчишек двенадцати-тринадцати лет за решетку — это не наказание, а это только изолирование более трудных — дезорганизаторов — от менее трудных. Я им только сказал:

— Если бы вас посадить за решетку, как бы вы это испытывали — как изолирование или как наказание? (Смех.)

Мне на это не ответили и с презрением на меня посмотрели.

Что мы сделали из этой колонии? Мы в течение одного дня разрушили все три коллектива, всех смешали вместе, уничтожили решетки, и мальчики и сейчас живут в этой колонии. Прекрасные дети, приветливые, ласковые, трудолюбивые, дисциплинированные и красивые. И вот они живут и живут, потому что мы их не изолируем, а наказываем так, как это рекомендовано постановлением ЦК партии[7].

Как мы наказываем? В крайнем случае, если нам нужно оказать какое-то давление, затормозить человека, остановить его в каком-то падении, мы позволяем себе оставить его без отпуска, не выдать ему заработанные деньги, а положить их в сберкассу на его имя; если он лентяй — поручить ему специальную работу с индивидуальной ответственностью, иногда мы лишаем его какого-нибудь удовольствия, вроде кино или поездки в театр. Вот что мы понимаем под наказанием.

В коммуне им. Дзержинского — это наша опорная образцовая коммуна на Украине — за опоздание из отпуска на пять минут коммунара посадят под домашний арест на полчаса в кабинете управляющего, а за кражу не накажут совсем, потому что считают, что ты крадешь потому, что привык к этому. Поставят такого пацана на середину и скажут ему:

— Ты еще два-три раза украдешь, потому что ты привык, так пускай уж скорее эти три раза пройдут. (С м е х.)

Такой пацан начнет доказывать:

— Нет, никогда больше не украду.

— Брось,— говорят ему,— еще на той неделе, еще в том месяце украдешь, а потом перестанешь.

И что всего удивительнее, что это не только точно в смысле воспитательного метода, но это точно и в смысле прогноза. Он на следующей неделе сопрет у кого-нибудь пояс, через некоторое время у другого — три рубля, а потом ему скажут:

— Ну это уж в последний раз, правда?

— Совершенно верно, в последний раз. (С м е х.)

Обычно воровство после этого прекращается. Воровство — это результат опыта, и даже дети это понимают. Наказывать за это нельзя.

Опоздание же из отпуска — это большое преступление. Раз ты заслужил отпуск, раз ты представился перед коллективом таким, что тебя можно отпустить, а потом ты опоздал и не пришел точно, — значит, ты наврал, значит, ты не уважаешь коллектив, не уважаешь себя, значит, у тебя нет к себе достаточной требовательности, а ты должен ее иметь, ты должен требовать от себя точности. Поэтому, пожалуйста, посиди на диване в кабинете управляющего и подумай.

Видите, какие могут быть страшно интересные повороты в вопросе о наказании. Это повороты, взятые вместе со всеми остальными приемами, должны составить ту педагогическую технику, которая должна быть техникой советской, техникой коммунистического воспитания, и мы эту технику творим, творим открыто перед всем миром.

Вот, например, 7 апреля прошлого года был издан закон, что все несовершеннолетние, совершившие преступления, отдаются под суд и судятся по всем законам обычного нашего советского уголовного права. В Европе тогда крик подняли:

— Смотрите, — говорят, — В Советском Союзе малышей судят по уголовному закону.

Мы не испугались этого — судим и теперь. Но у нас совсем другая стихия этого суда и этого наказания.

Вот и сейчас многие дети, большей частью семейные, потому что беспризорные сейчас перестали совершать преступления, попадаются в том или ином преступлении — в краже, в хулиганстве, иногда и в маленьком грабеже, и их судит суд. Выносится приговор: три года или пять лет заключения. Немедленно после суда, тут же в судебном заседании, этот мальчик освобождается из-под стражи и передается в наши совершенно открытые колонии, где запрещено иметь стены, заборы, решетки, сторожей. Приезжает он туда, и говорят ему:

— Ты осужден, но это вовсе не значит, что тебя приговорили к страданию. Нет, это значит, что тебя осудили морально, тебе сказали — ты заслуживаешь по своему проступку три года тюрьмы, но фактически ты живешь в свободной трудовой колонии, ты носишь очень почетное звание колониста — члена колонии, ты работаешь на производстве, как и всякий трудящийся, ты учишься в школе, как и каждый ребенок и юноша, ты пользуешься всеми правами гражданства. Проживешь здесь 3—4 года, затем мы тебя выпустим и снимем с тебя ту судимость, которую ты имеешь.

Принципиально оставаясь на позиции наказания, фактически вся наша советская жизнь идет к тому, что наш метод воспитания является методом не наказания, а методом

трудового коллектива, так же воодушевленного общей работой, как и здесь все на заводе, так же ведущего свою работу по-стахановски, так же идущего вперед в образовательном, политическом и культурно-просветительном деле. Одним словом, такой мальчик становится полноправным настоящим советским гражданином.

Вот видите, как можно, чувствуя общий тон нашей жизни, общие устремления, установить, как нужно воспитывать наших детей.

Это главный пункт, которого я коснулся в «Педагогической поэме». Это вопрос о методе, главным образом в смысле приемов воспитания.

Что такое дисциплина? У нас в Советском Союзе это очень хорошо знают. Образцом у нас является дисциплина нашей Коммунистической партии. Такую дисциплину надо, конечно, воспитывать и в наших детях. Если подумать над теми образцами дисциплины, которые мы имеем, то очень легко вывести педагогический метод.

Вот все, что я хотел вам сказать по вопросу о педагогике.

Все остальное, что есть в книжке, — это уже не столько педагогика, сколько живые люди, живые характеры, т. е. то, что вас, вероятно, больше всего могло привлечь и больше всего убедило в том, как нужно работать с таким народом и как нужно к нему относиться.

В настоящее время... беспризорность у нас фактически ликвидирована. Сейчас наша работа заключается уже не столько в подборе беспризорных с улиц, сколько в воспитании тех, кого мы собрали за все это время, и в установлении окончательно трудового метода.

Но должен сказать вам, что в настоящее время перед нами возникла другая, чрезвычайно важная задача — это воспитание тех детей, которые выпадают из семьи. Это небольшой процент, но даже один-два процента нас не устраивают.

Есть такие семьи, которые с ребятами, в особенности с мальчиками, не умеют справиться по-настоящему, по-советски, не умеют воспитывать настоящих будущих граждан. Таких детей мы получаем сейчас в наши колонии, и, признаться вам, они труднее беспризорных. Они труднее потому, что беспризорных портила улица и некоторые педагоги, а этих портят и улица, и педагоги, и родители.

Беспризорные, приходя к нам, видят в нас и отцов, и матерей. Больше им не к кому обращаться. Семейный же ребенок, который сбился с пути, может выбирать. Некоторые прямо выбирают наши трудовые колонии, а некоторые ребята, окончательно избалованные родителями, не приученные к труду, а только к потреблению, к удовольствию, приученные каждый день ходить в кинотеатр, приученные с двенадцати лет мечтать о галстуке, о нарядах, о танцах, стараются от нас уйти, чтобы опять продолжать свою жизнь в такой семье, которая их так плохо воспитала.

Эти дети представляют сейчас предмет нашей работы, и я думаю, что всем родителям, в особенности теперь, после постановления ЦК партии о семье, о воспитании и ликвидации беспризорности, нужно особенно заинтересоваться вопросами воспитания. Идя навстречу нужде многих родителей, я написал вторую книгу, которая печатается сейчас в Москве. Она так и называется — «Книга для родителей».

В этой книге я хочу рассказать родителям в простых словах, на примере разных хороших и плохих родителей, как нужно воспитывать настоящих советских граждан, каких ошибок нужно избегать, как нужно себя вести, чтобы воспитать своего ребенка как следует, как нужно найти середину между строгостью и лаской, как нужно найти родительский авторитет, который необходим и который является для многих родителей довольно трудным. Вы знаете, в старое «доброе» время родительский авторитет базировался на третьей заповеди: «Чти отца своего и мать свою, и благо тебе будет». Сам бог приказал чтить, и за это обещалась определенная награда. Будешь чтить — будет тебе хорошо, получишь наследство, получишь приданое, получишь имение от папаши и мамаши.

Так как большинство родителей не имело никаких благ, то обещать своим ребятам награду за почтение было, собственно, не из чего. Таким родителям предлагалось обещать блага со знаком минус, т. е. чти, но если не будешь чтить, то будет тебе порка.

Выходит, что родительский авторитет был построен на законе божьем. А теперь на чем построен родительский авторитет? Никакой исповеди нет, никакого наследства, никаких благ нет — ни со знаком плюс, ни со знаком минус.

Теперешний мальчик в подавляющем большинстве случаев не позволит папаше взять палку — не позволит, да и все. Убежит. Вот родителям и нужно свой авторитет построить на том, чтобы мальчик оставался их другом, в то же время, чтобы отец и мать почитались своим сыном.

Всю эту хитрость совсем не трудно постигнуть, если хорошенько вдуматься в один главный вопрос — кого мы должны воспитывать из нашего ребенка.

Я буду очень рад, если из «Педагогической поэмы» и из моей второй книги пусть даже

незначительное число людей получит для себя какую-нибудь пользу, хотя бы даже в том смысле, что задумается над вопросом воспитания, что-то пересмотрит, перечувствует более серьезно, чем это обычно бывает.

В заключение два слова о самой книге и ее истории. Я книгу писал не как писатель, а потому не придирайтесь ко мне за некоторые промахи, может быть, чисто художественного порядка. И сейчас я себя писателем не считаю, по-прежнему работаю с беспризорными и буду продолжать работать. Поэтому все обвинения, какие будут направлены ко мне как к писателю, я заранее отвожу. (Смех.) Я просто педагог, который написал так, как писалось.

Затем очень прошу, товарищи, в самую глубину вашей души смотрю с просьбой, — не нужно меня хвалить, потому что это может меня испортить, как лишние похвалы портят многих детей. Всегда в похвале нужно быть особенно осторожным. (Бурные аплодисменты.)

Мне было подано много записок. Большинство записок касается одного вопроса — *просят рассказать о моей жизни*. Мне легко это сделать, потому что жизнь моя очень проста.

Я учитель, сын рабочего — маляра-железнодорожника. Учительствую с семнадцати лет. Батька у меня был очень строгий и противник образования. Поэтому я получил образование только низшее и начал учительствовать в 1905 г. в железнодорожной рабочей школе того самого вагонного завода, где работал мой отец.

Только в 1914 г., через 9 лет, уже после смерти отца, я смог поступить в педагогический институт и окончил его в 1917 г.

С 1917 г. я опять учительствовал в той же школе, что и раньше, но я был уже директором школы. Это вагонный завод в Крюкове. Меня привлекло туда то, что там была очень знакомая мне среда, так как буквально все рабочее общество, до одной семьи, было мне известно.

Сейчас я руковожу 5-й киевской колонией, если кому нужно будет — пожалуйста. (Смех.)

Собираюсь ли я написать книгу? Мне писать книгу очень трудно. В колонии работать нужно как? Вставать в шесть часов и освобождаться от работы в час ночи. Поэтому приходится писать рядом с ребятами. Слово написал и 20 слов поговори. Собираюсь все-таки книжку о взрослых написать. Меня интересуют взрослые с той же воспитательной позиции.

У нас в жизни есть много чудаков, таких как будто странных людей, иногда и дураки есть. (Смех.) Есть люди с мошенническими наклонностями, халтурщики, марафетчики, портачи. Очень интересно, как их воспитывает общество уже не в колонии, а в самой работе. Это тема меня страшно увлекает...

Как я связан с педагогическим миром? Раньше я был очень связан, как вы знаете по книге. Были у меня противники, но большинство, в особенности члены партии, стояли на моей стороне, или, вернее, я стоял на их стороне. Я считаю, что советская педагогика носится в воздухе. Тут не может быть двух мнений. Совершенно ясно и определенно, что нужно делать...

Насчет кустарности метода. Это чрезвычайно сложный вопрос. Я сторонник педагогической науки, но только новой науки. Как меня ни обливают холодной и горячей водой, не могу я понять, что я могу взять у Руссо. Я его читаю миллион раз, и все-таки нет, отвращение у меня к Руссо. Ну хорошо, Песталоцци был хорошим человеком. Он был добрым, любил детей — это мы у него давно взяли. Что же касается метода, то у него тоже ничего нельзя взять[8].

Когда мне говорят — а Маркса читали, Ленина читали? Я отвечаю: извините, пожалуйста, Маркс и Ленин не педагоги, это больше, чем педагоги. Если я беру что-то у Маркса, Ленина, то это не значит, что я должен благодарить педагогов. (Аплодисменты.)

Я выписал из Ленина от первой до последней строчки все места, имеющие отношение к вопросам воспитания, такие, которые сначала, казалось бы, даже никакого отношения не имеют к воспитанию.

Когда Ленин говорит о дисциплине среди рабочих, эти места являются для меня основанием для дисциплины среди воспитанников.

Из этого, конечно, можно создать большую, настоящую педагогическую книгу, но я не решаюсь, считаю себя еще малоподкованным, чтобы заняться такой работой. Когда-нибудь обязательно сделаю это. Я считаю, что можно не читать больше ничего, кроме Маркса и Ленина, чтобы создать новую педагогику. (Аплодисменты.)

Будет ли продолжена «Поэма»? Хватит, не могу больше «Поэму» продолжать...

Вот интересная записка, видно, что писал педагог: *«В последней части своей книги вы сравниваете процесс воспитания детей с технологическим процессом. Не перегнули ли вы в своих суждениях? Никак нельзя согласиться с вашим сравнением обработки металла и живого человека. Не механический ли это подход?»*

Но понимаете, никак я не могу добиться, чтобы меня поняли. Все-таки люди верят, что есть душа, какой-то пар, который нужно особо обрабатывать.

Какая, собственно, принципиальная разница? Когда вы берете кусок металла, вы имеете цель, средства и технологический процесс. Почему невозможен технологический процесс по отношению к человеку? Пока мы не придем к необходимому уважению своей технологической науки, мы не сможем хорошо воспитывать детей[9].

Я в своей книге говорю, что некоторые детали человеческой личности можно штамповать на штампах. На меня педагоги страшно кричат за это место — как можно человека штамповать? Я же не предлагаю взять живого человека и засунуть его в пресс. (Смех.)

Возьмем, например, привычку к чистоте, к точности. Это буквально штампуется в коллективе. Не нужно никакого индивидуального подхода к этому вопросу. Вы создаете общие условия, создаете ежедневный опыт. Они изо дня в день умываются, чистят зубы, моют ноги, и, когда они выходят из коммуны, они уже не могут не умываться ежедневно.

Какая особая хитрость для этого нужна? Никакой, это пустяковая задача, и это действительно можно сравнить со штампом. Но как и в штамповальном деле требуется тонкая работа самих штампов, так и здесь...

О моей переписке с Горьким. С Горьким я сначала переписывался как заведующий колонией им. Горького, а потом, когда я оттуда ушел, переписывался с ним лично как автор.

Алексей Максимович очень настаивал все время на том, чтобы я писал книгу, а я сопротивлялся. Хотя книга у меня была написана, но, по совести, считал ее такой плохой и неинтересной, что думал — не стоит ее показывать Горькому[10]. По этому вопросу была переписка. Она потом пошла уже в порядке нашей литературной дружбы и, главным образом, в порядке его опеки над моим литературным трудом...

О девушках. Мне был сделан правильный упрек насчет Раисы, что в книге не показано ее перерождение.

Вообще я должен признаться, что с девушками я работал слабее, чем с мальчиками. С мальчиками у меня как-то лучше выходило, а с девушками, в особенности когда они достигают 15—16 лет и начинают влюбляться, — дело совсем плохо. (Смех.)

Мальчик, если влюбится, я могу подозвать его и сказать — подожди. И, конечно, он подождет. (Смех.)

Девушке этого не скажешь.

Хлопца спросишь — влюблен? Он скажет — влюблен. А если девушку спросишь, она говорит — ничего подобного, что вы выдумали! (Смех.)

Не за что взять, и потом там какая-то особенная нежность требуется, особенная паутинка, за которую надо повести, а я для этого дела немножко грубоват, что ли. Мне с девушками трудно было работать; или я боялся разбить эти нежные организмы — они, знаете, умеют казаться нежными, — или, может быть, там нужна женщина для специальных разговоров.

Все-таки колонию без девушек я себе не представляю. Считаю, что правильное воспитание может быть только совместным. Как в жизни люди живут вместе, так и воспитываться они должны вместе, и тогда нормально будет идти жизнь девушек и мальчиков. Такова наша советская установка.

В некотором отношении с девушками легче, но зато внутренность их души так не ковырнешь, как у хлопца. С внешней стороны они причиняют меньше затруднений. Они почти никогда не крадут, никогда не убегают, не дерутся, но, правда, ссорятся гораздо больше. (Смех.) Как мирить их в этих ссорах — это даже для меня, с таким опытом, в значительной мере еще секрет. Так трудно добиться того, чтобы они не обиделись на тебя же и чтобы не усилить еще эту ссору.

Вообще с девушками очень трудно работать. Поэтому и книга у меня дана, может быть, без такой прямой любви к делу отражения работы с девушками...

Как реагировали сами ребята на мою книгу? Сказать, что они пришли в большой восторг, — нельзя. Они просто считают, что описана правда. Так было, говорят, так и написано. Никаких особенных вопросов у них не возникало...

Спрашивают о будущей книге — будет ли там сказано об отношениях между школой и семьей? Конечно, без этого никак не обойдешься, но о школе нужно говорить отдельно, и говорить нужно очень много. Там очень много интересных вопросов.

В записке пишут, что нужно подчеркнуть в этой книге, что должно быть созвучие отношений между отцом и матерью. Можно не подчеркивать. Само собой понятно, что если отец и мать находятся в постоянной вражде и драке, то какое же там может быть воспитание.

Хотелось бы прочесть о похвале и наказании. Об этом нужно говорить в книге. Если воспитание ведется правильно с первого года рождения, то наказывать никогда не приходит-

ся. Наказание — это уже метод перевоспитания, а не воспитания. Товарищам родителям это нужно очень хорошо знать. В нашем советском воспитании не должно быть никакого наказания.

Если вы настолько плохо воспитали своего ребенка, что он начинает вас крыть, ругать и не слушается вас, то вы хватаетесь за наказание. причем хватаетесь за него неумеючи. Наказание — хитрая штука, и наказывать нужно только умеючи. Наказывая неумеючи, можно испортить все дело. О том, как наказывать умеючи, я в своей книге думаю кое-что написать.

Но главная задача моя и ваша должна состоять в том, чтоб воспитывать так, чтобы не нужно было наказывать[11]. Это очень нетрудно, если вы к делу воспитания относитесь не как к забаве или игре, а как к серьезному делу, порученному на вашу ответственность, как к такому делу, за которое вы отвечаете перед всей Советской страной.

Вы должны понять, что плохо воспитанный ребенок — это брак, который вы сдаете государству. В нашем семейном производстве вы являетесь бракоделами (смех), пользуясь тем, что нет специального браковщика, который стоял бы возле вас. Вы подсунете обществу либо лентяя, либо шкурника, либо портача, либо лакея, либо мошенника, воспользовавшись тем, что его сразу не разобрали, а потом будут браковать, но вас уже не найдут. Если вы серьезно, с первого дня рождения сына подумаете над вопросом воспитания, то наказывать никогда не придется.

Уж на что босяки приходят в коммуну им. Дзержинского, а ведь наказание там — очень редкое явление.

Чем наше советское наказание должно отличаться от наказания буржуазного? В буржуазном наказании такая логика: ты согрешил — теперь ты страдай, обязательно страдай, сиди без пищи, либо сиди за решеткой, либо палкой тебя треснут, страдай.

У нас такой советской логики быть не может. Наше наказание должно быть таким способом воздействия, когда конфликт разрешается до конца и нового конфликта не получается. Такое наказание вполне возможно и уместно, в особенности в семье.

Вопросы все.

Теперь несколько заключительных слов.

Многие товарищи совершенно правильно указывали на недостатки моей книги, в частности тут говорили, что воспитатели плохо изображены — как-то мельком. Не думайте, что это нарочно вышло, это чисто художественный недостаток. Работа девушек отражена слабо — это тоже большой недостаток чисто художественного порядка.

Таких недостатков, конечно, много, и я считаю, что всех недостатков художественного порядка вы даже не назвали. Есть очень растянутые места, есть неправильные, неточные выражения, которые дают возможность толковать и так и этак. Возьмите хотя бы разговор о механическом воспитании. Значит, плохо изложил, не так, как следует.

Но я считаю, что так как главное мое дело все-таки педагогическое, то особенно придираться ко мне никто не имеет права. Я не давал никогда и никому никакого обязательства написать художественную книгу[12].

Я лично убежден в том, что каждый из нас, работающий на таком большом и интересном деле, как наше, скажет: можно писать. Я вчера был у вас на заводе. Ведь у вас прямо какая-то музыка, а не завод. Если бы вы захотели подробно, искренне и честно описать вашу работу с первого дня прихода на завод до сегодняшнего дня — ваши разговоры, ваше участие в производстве, в борьбе, — получилась бы увлекательная книжка.

Я являюсь сторонником именно такой литературы. Я не могу представить себе, как это можно в Советском Союзе писать вымышленные книжки, когда не нужно ничего выдумывать. Зачем тут выдумывать и что выдумывать? Выдумать завод «Шарикоподшипник», когда он существует, когда это реальный завод и тут есть реальные люди, реальная борьба и реальные столкновения?

Я считаю, что теперь нет никакой особенной заслуги в том, чтобы написать приличную и интересную книжку.

Если у вас есть такие люди, которые захотят такую книгу о своей работе написать, то нужно внимательно, до мельчайших подробностей знать свое дело, следить за ним и кое-что записывать... Есть много подробностей, которые могут выскочить из памяти. Их нужно записывать. Через 3—4 года вы сможете написать интересную книжку.

Еще раз благодарю вас за внимание ко мне, к моей работе и книге, желаю вам от души в дальнейшей вашей работе добиваться больших успехов и о вашей работе рассказать другим людям так, чтобы она была реальна, интересна и памятна. (Бурные аплодисменты.)

Разговор о воспитании

Вступительное слово

У нас нет еще полноценной методики воспитания, и мы должны ее создать. Критики, разбиравшие «Педагогическую поэму», больше всего меня ругали за недооценку теории педагогики. Но когда я писал свою книгу, то меня занимала не классная жизнь, а проблема воспитания и перевоспитания правонарушителей. Мой опыт воспитательской работы привел меня к тому выводу, что нам нужно создать методику воспитания. Я получил высшее педагогическое образование[1], перечитал все, что есть в литературе по вопросам воспитания, и все это меня нисколько не удовлетворило. Я не получил метода работы. Я полагаю, что в интересах дела нужно отличать школьную методику учебной классной работы от методики воспитания. Желательно у вас в институте создать специальную кафедру воспитания, которой у вас до сих пор нет.

В начале моей «Педагогической поэмы» я показал свою полную техническую беспомощность. В 20-м г., когда я приступал к перевоспитанию правонарушителей, я не имел ни инструмента, ни метода. Я оказался в лесу с пятилинейной лампочкой и стаей бандитов. Я оказался педагогически беспомощен, и тогда, при тех условиях, я назвал педагогику шарлатанством... Тогда я сделал большую ошибку, что ударил своего воспитанника Задорова[2]. В этом было не только преступление, но и крушение моей педагогической личности. Я тяжело переживал эти минуты и как человек и как педагог.

Всегда я считал подобные факты большим педагогическим преступлением и за это сам отдаю своих подчиненных под суд. Года через два после столкновения с Задоровым я понял и открыто сказал, что нужна педагогическая наука, но не оторванная от жизни, а связанная с ней и помогающая воспитателю в практической работе. Я уверен, что она будет, в этом меня убедил мой шестнадцатилетний опыт. Мне пришлось быть руководителем в трех колониях НКВД[3].

В нашей прекрасной действительности, способной породить такое величественное движение, как стахановское, в этой действительности есть все, чтобы создать новую науку — педагогику. Мы сейчас крепко бьемся за новую воспитательную технику. И можно быть уверенным, что новая, социалистическая педагогика будет создана сегодня или завтра.

В журнале «Коммунистическое просвещение» (август, 1936 г.) дается совет, как бороться с недисциплинированностью учеников, с хулиганством и т. д. Этот вопрос задавался еще в 20-м г., затем повторялся в 23, 25, 27, 29-м гг. и сохранился до 36-го г. Когда же наконец будет разрешен этот деловой и простой вопрос?

Чистая теория педагогики показала свою полную беспомощность, если до сих пор не смогла разрешить этого вопроса. В консультации журнала «Коммунистическое просвещение» дается совет учителям самим быть дисциплинированными, сплоченными, самим не опаздывать в школу и т. д. Это отписка, а не совет. Такой «консультацией» ничего не сделаешь для воспитателя. Здесь хотели и совет дать, и ничего «страшного» не насоветовать. В седьмом пункте рекомендуется учителю вести беседу с учеником, нарушающим правила внутреннего распорядка, занимающимся воровством и хулиганством, вести беседу спокойным, ровным голосом!.. Наша печать ежедневно сообщает о героических людях, о страстной работе, а учителям этот авторитетный журнал Наркомпроса рекомендует спокойный, ровный голос![4]

Со своими воспитанниками я могу говорить ласково и нежно, но могу и повысить голос, твердо сказать: «Брось!» Без этого нет воспитания.

Я не хочу сказать, что нужно кричать на воспитанников. Нет! Но нужны страсть, любовь, увлечение своим собственным делом в той мере, как это мы наблюдаем у стахановцев. Если я не умею волноваться, то я обязан этому научиться! При совершении воспитанником преступления воспитатель как представитель общества должен показать свое негодование.

Неудивительно, что в указанной консультации ничего не говорится о коллективе как воспитательном факторе. Учителю Позднякову рекомендуется только лично побеседовать с учеником, который занимался мелкими кражами и дошел до квартирных краж. Рекомендуется взять с ученика слово, что он больше не будет заниматься подобными делами. И только. Не рекомендуют выносить этот поступок на обсуждение коллектива, так как это нанесет ребенку «тяжелую внутреннюю рану», отчего пострадает учеба, а коллектив ничего не выиграет. Это вредная установка.

Затем в данной консультации ничего не говорится о наказании. Боятся этого слова. А в постановлении ЦК[5] нашей партии это слово называется с большевистской прямотой и наказание не вуалируется словами «мера воздействия»[6]. Я стою за наказание. Только надо уметь его применять, а этому нужно учиться.

Весь отдел консультации журнала «Коммунистическое просвещение» отдает установками левака Шульгина. Консультанты стремятся удивить мир фокусом[7].

Они подобны покойным педологам, которые любили такие вопросы изучать, изучать; изучать и записывать, чем и путали учителя в вопросе, как ему быть с наказанием. У нас еще не освоена система наказания. Из старой школы мы не можем взять систему наказаний, чуждую нам, с ее слежкой, кондуитами, привязываниями к каждому пустяку и т. д. Применению наказания я долго учился.

Сами коммунары боролись с нарушениями правил внутреннего распорядка и сами управляли всей жизнью коммуны. В коммуне им. Дзержинского наказания принципиально признаны, но именно поэтому на практике они почти не применяются. Такого положения мне удалось добиться при помощи использования всей воспитательной силы коллектива. Воспитание, а следовательно, и наказание должны проходить через крепкий коллектив.

Сознательный крепкий коллектив крайне необходимо создать в каждой школе как живой организм с действующими органами и общими интересами. Снимать ответственность преступника перед коллективом, как советуют в журнале «Коммунистическое просвещение»,— значит отказываться от новой педагогики.

Я настаиваю, что и в педагогике нужно изобретать. До последнего времени не занимались изобретением в педагогике, так как боялись педологии, которая отнимала это законное право у педагогики. Пусть вновь созданная кафедра воспитания разработает вопросы воспитательного значения коллектива, проблему наказания, стиля, тона и т. д.

Я уверен, что в ближайшие десять лет мы создадим методику коммунистического воспитания.

Заключительное слово

Я не отрицаю науку педагогику. Прежнее суждение о педагогике у меня сложилось в ее рабочем понимании. Послезавтра я опять еду в Киев и буду руководить новой колонией НКВД, где придется столкнуться с множеством практических вопросов. Придется опираться не на старую педагогическую систему, а на новую систему завтрашнего дня. Приходится ругаться из-за отсутствия не педагогических идей, а педагогической техники, которой не хватает. И сейчас остается спорным вопрос механизации[8] воспитательной работы. Воспитать умение чувствовать себя в рядах с другими, ощущать товарища локтем. Нужна обработка не только индивидуальная, но и при помощи коллектива, через организацию. Такие «детали» личности, как привычка к чистоте, к точности, как способность к быстрой ориентировке, нельзя воспитать при помощи индивидуальной обработки, не хватит сил и времени, а исключительно методом накопления коллективного опыта. Я выработал для себя рабочую схему, в которой разбираю четыре типа влияния (чистое и практическое, собственное и постороннее)[9]. Надо уметь организовать и подчинить себе эти влияния, чтобы создать технику и полезный пучок влияний. В социалистическом обществе владеть ими будет легче — без применения наказания. И наконец самое главное. Наша коммунистическая работа не может быть бесстрастной. Надо уметь работать с верой в человека, с сердцем, с настоящим гуманизмом.

Без любви к человеку не было бы и Октябрьской революции. Мирюсь с вами и по вопросу о наследстве. Глубоко уважаю старых педагогов. Много их читал и многому научился у них. Но нам нужно продолжать дело создания воспитательной методики. Эта ответственная задача лежит на нас. Многому в воспитательной работе учился у чекистов, имеющих доброе сердце и сильно любящих детей. Они ежеминутно чувствуют ответственность за свою работу. Они не проявляют ни лени, ни самоанализа, ни интеллигентщины в подходе к детям, они работают уверенно, хорошо, эффективно. Я учусь у них. Я соглашаюсь, что педагогика должна быть единой наукой[10], но продолжаю настаивать, что необходимо разработать методику воспитания и уметь ее подчинить воспитательным целям школы.

Прекрасна работа по созданию нового человека! В ней много наслаждения! Я приветствую партию, давшую нам это счастье и радость!..

Беседа с рабочим активом на заводе «Шарикоподшипник»

Беседа т. Макаренко с активом состоялась в парткабинете. Писатель-педагог рассказал об очень интересных методах воспитания, переубеждения людей, которые применяются в детских колониях НКВД и основаны на опыте большой долголетней работы.

В коммуне им. Дзержинского, сказал т. Макаренко, мы организовали учет поведения. Каждый воспитанник знал (и это самое главное), что его поведение ежедневно фотографируется. То или иное уклонение от нормы в поведении всегда отмечалось особым значком. Прогул, например, обозначался кружочком, опоздание — треугольником, грубость с мастером — вертикальной черточкой и т. д. Причем, говорит т. Макаренко, мы этот учет поведения ввели не для организационных выводов. Мы использовали его для соревнования по вопросам поведения. С 1930 г. все 28 бригад ведут это соревнование.

Не репрессия, а коллективное осуждение

Мы по-иному относимся к репрессиям.

Допустим, какой-нибудь великовозрастный воспитанник нагрубил мастеру. Его проступок обсуждается на собрании. Собрание постановляет: «Поручить Мише Вареннику (пионеру десяти лет) разъяснить Зубатову (виновнику), в чем заключается неправильность его поведения». Или другой случай. Собрание, состоявшееся 1 октября, выносит следующее решение: «6 октября в 2 часа дня Иванову обязательно подумать над тем, почему он совершил свой проступок».

Ясно, что Иванов будет думать об этом не только 6 октября в 2 часа дня, но и во все дни, предшествующие этой дате.

Прогульщик — «гость»

Прогульщика мы усаживали в столовой за стол для гостей, а не рядом с товарищами. Причем кормили не хуже, а даже несколько лучше, чем остальных коммунаров. Несколько дней прогульщик в роли гостя чувствовал себя неплохо, но потом это ему надоедало и он возвращался к товарищам на работу.

Практикуем также и объявление выговора в особой обстановке. Например, в апреле выносится такое постановление: «Объявить Петрову выговор в день 1 Мая». Я не помню случая, чтобы выносили кому-нибудь выговор в этот праздничный день, ибо за время, предшествующее празднику, парень настолько исправлялся, что отпадала всякая необходимость вообще выносить ему выговор.

Как беседовать

Важнейшим методом воздействия считаю беседу. Причем эту беседу должен проводить человек высокоавторитетный. Вся наша система воспитания — это реализация лозунга о внимании к человеку. О внимании не только к его интересам, его нуждам, но и к его долгу.

На борьбу с ворами призвали коллектив. Попавшийся вор вызывался на собрание. Оно происходило в большой комнате. С центра потолка свисает большая яркая люстра. Виновнику предлагают выйти на середину. Если он вышел и стал в небрежную позу, все собравшиеся предлагают: «Стань смирно!» Ослушаться всего собрания никто никогда не осмеливался. Затем выступал наш воспитанник Землянский, которого мы звали Робеспьером. Робеспьер произносит гневную стремительную речь и в заключение предлагает выгнать виновника из коммуны. Затем выступают еще несколько таких же энергичных ораторов. Вор все это время бледнеет и краснеет. После [этого] говорит кто-нибудь из комсомольцев:

— Мы ведь исправляем таких. Если его выгоним, он опять станет беспризорным. Нужно дать ему возможность исправиться. Я думаю, что его исправить можно. Предлагаю его зачислить в нашу бригаду. Мы за него поручимся. Выгнать всегда успеем.

Излишне отрицать, что этот вор может украсть еще раз, еще два (выступавшие ребята об этом говорили), но больше воровать он не будет. И спустя сравнительно короткий срок он «входит в норму».

Товарищеский «чай»

Часто мы практиковали такой способ сближения людей. Раз в пятидневку вечером я накрываю у себя в кабинете стол для чая, приглашаю бригаду. В этой бригаде есть, конечно, и плохие воспитанники. Во время чая происходит задушевная беседа. Выступающие воспитанники обрушиваются на недисциплинированных, а я беру их под защиту, говорю приблизительно следующее:

— Что вы на них напали? Они ведь хорошие ребята. Ну, были грешки, надо думать, что эти проступки повторяться не будут.

Воспитанники дорожат этими беседами. Они с нетерпением ждут, когда я их приглашу на чай следующий раз.

Выбор профессии

И до революции я работал с детьми[1]. Как и полагалось до революции, в моем ведении находилось очень ограниченное социальное поле. Я сам был сыном рабочего, и мои ученики были такого же сорта. Официальные люди того времени называли нас мастеровыми. Все же у меня были дети мастеровых более высокого ранга — железнодорожников. Родители их были народом квалифицированным: заслуженные деятели паровозных и вагонных парков, машинисты, их помощники, токари, попадались между ними и начальники станций.

Железнодорожники жили лучше других рабочих и даже несколько гордились своей хорошей жизнью. И детей своих учили не в каких-нибудь «начальных» трехлетках и не в церковноприходских школах, а в специально для них придуманных «пятилетках». Одним словом, мои ученики составляли некоторым образом привилегированное детство.

Оканчивая пятилетку, мои ребята приступали к выбору жизненного пути. Я руководил ими, и тогда мне казалось, что я действительно им помогаю и что без моей помощи трудно было бы ребятам выбрать жизненный путь. А сейчас я вспоминаю это время и думаю насмешливо: собственно говоря, ребятам моя помощь и не требовалась: выбора никакого не было. Я проработал в железнодорожной школе девять лет, выпустил в жизнь человек 500; всем помог выбрать профессию, и все они, за малым исключением... сделались железнодорожниками. То, что я называл выбором профессии, было вариацией на очень малом диапазоне: от паровозного слесаря до паровозного машиниста. Окончив школу, мои ребята поступали в тот или иной цех «учениками». Я годами встречал их в этом завидном звании, и они все были похожи друг на друга: замасленная, заношенная рубашка, измазанная мордочка, в руках неизменные «концы». Учебная работа их заключалась почти исключительно в том, что они целый день ползали в самых грязных местах и вытирали части машин и паровозов. Только когда у них начинала сильно отрастать борода, их переводили в помощники слесаря, это было уже большим карьерным достижением. Заработки их выражались в каких-то грошах, и тем не менее при выборе профессии этот заработок был чуть ли не единственным стимулом.

* * *

После революции судьба поручила мне «самый низший отдел человечества» — беспризорных... Вот кто составлял мое обычное общество. До того как попасть в мою колонию, эти маленькие люди, собственно говоря, уже выбрали себе «профессию», были ею очень довольны и мою непрошенную консультацию встречали даже с некоторым сопротивлением.

Но я терпеливо приучал их к труду и к школе, вокруг себя они видели

новое, советское общество, новую свободу, новые пути человека. Перед их глазами, как и перед глазами всех советских юношей, открылись широкие дороги. Сначала осторожно, потом все смелей и смелей мои воспитанники вступали на них, захватывали новые области, открывали новые перспективы. Скоро закончится 17 лет, как я работаю с ними. Многие мои воспитанники давно стали взрослыми людьми, женились, имеют детей. Тысячи разошлось их по Советскому Союзу, и все нашли для себя профессию. Что они выбрали?

Вот я вспоминаю их имена, вижу их деятельность и хочу честно перечислить их рабочие пути. Но такое перечисление было бы очень утомительным. Мне трудно сказать, что они выбрали. Гораздо легче сказать, чего они не выбрали. И кажется, единственная «профессия», которую они обошли с презрением, это «профессия» вора или мошенника.

И что поразительно: при выборе профессии они меньше всего думали о будущих заработках, о материальных стимулах. Они жадными глазами следили за великим подъемом нашей жизни и видели, куда требуются силы, где не хватает людей, куда призывает их партия. В начале первой пятилетки они все бросились в индустрию. «Инженер» — вот что выражало в их глазах высшую степень выполнения долга, высшую форму деятельности. И от того времени много осталось на этом пути: инженеры-технологи, инженеры-строители, специалисты по тяжелому машиностроению, по легкому машиностроению, авиаконструкторы. Потом, когда в самом настойчивом порядке дня стали вопросы культурного строительства, дороги моих учеников стали разнообразнее. Многие пошли учиться на исторические, педагогические, медицинские факультеты, многие ушли в такие заманчивые области, как геология, появились первые представители в области искусства — студенты литературных факультетов, музыкальных институтов, театральных студий, художественных школ. Особый отдел составляют военные вузы, и самый любимый отдел — летные школы.

Конечно, выбор профессии в советское время — гораздо более трудное дело, чем до революции. Главное затруднение, если угодно, главный недостаток нашего времени — слишком много путей, слишком широки возможности. Чтобы выбрать профессию, теперь не нужно оглядываться ни на классовое или сословное положение, ни на материальную обеспеченность, ни на самодурство родителя. И бывает нередко, когда юноша или девушка растеряется перед этими просторными далями, бросится в одну сторону, увидит нечто более привлекательное. Потом оказывается, что ему вовсе не это нужно, что на самом деле по призванию своему он не летчик, не инженер, а музыкант или медик. И поэтому в настоящее время гораздо большее значение имеет помощь родителя и воспитателя.

Конечно, не всем удается осилить учебу и дойти до вуза. Многие так увлекаются характером своей работы, что уже не могут добраться до учебных вершин и остаются на средних пунктах: начальниками цехов, инструкторами, монтерами. Но в своей жизни они все равно пережили настоящие стремления, все равно испытали прелесть свободного выбора дороги, а если выбрали более узкую, то по доброй воле.

Больше активности в игре

Очень часто мне вспоминается парадокс моего друга — педагога: «Игрушка тогда хороша, когда ребенок не играет, а действует». В этом парадоксе чрезвычайно справедливо требование активности. Скажем, ребенку подарили пароход и он в течение целого дня только водит его по комнате. В этом случае творческая инициатива ребенка не проявляется. Представим себе другой случай. У ребенка имеются только материалы, из которых он создает по собственной инициативе какие-то сооружения. У него есть песок, вода, спички, стебли растений, и он устраивает парк, проводит дорожки. Пусть у него даже есть пароход, но он увлечен не простым движением его по полу комнаты, а затевает широкое водное хозяйство — строит порт, прудит реку, нагружает и разгружает пароход, что-то перевозит с места на место, руководствуясь при этом какой-то целью. Только такая игра будет настоящей, содержащей в себе целесообразное действие.

Дети менее обеспеченной семьи поэтому играют всегда лучше и богаче, чем дети, имеющие много готовых дорогих игрушек.

Я считаю, что было бы очень хорошо, если бы в наших магазинах было больше материалов для игры.

Письмо Л. В. Конисевичу

Москва, 18 апреля 1937 г.

Дорогой Леонид!

Ты не можешь себе представить, как приятно и важно было получить от тебя письмо, которое с таким опозданием переслали мне из Броваров, где я давно не работаю (с конца января). Горячо поздравляю тебя с орденом и с тем, что ты не подкачал в своем человеческом достоинстве. Горжусь тобой и уверен, что и дальше ты останешься таким же благородным человеком.

Я сейчас живу в Москве на постоянном жительстве. Возможно, что ты будешь в Москве, в таком случае обязательно будешь у нас.

Что касается твоей женитьбы, ты же знаешь мой характер? Я Нину знаю хорошо. Если ты поднимешь ее до значения настоящего человека, это будет новая твоя заслуга. Не знаю, может быть, это дело и трудное, но я люблю людей, которые берутся за трудные дела. Во всяком случае, искренне желаю тебе и Нине счастья и удачи в жизни, а счастье и удача придут только тогда, когда люди меньше всего за ними гоняются, а больше думают о больших человеческих делах.

Дела коммуны мне более или менее известны, и, конечно, они малоутешительны. Я знаю, что по-настоящему понравиться она уже не может без чрезвычайных мер и усилий, а самое главное — без героических людей[1], которые не пожалели бы себя для такого красивого дела. Те люди, которые там сидят сейчас, очень мало соответствуют такому требованию. Я в коммуне давно не был, мне туда и показываться нельзя, ты же понимаешь, одно мое имя производит там беспорядки.

Напиши подробно о своих делах. Очень боюсь, что это письмо тебя не застанет в Одессе, наверное, ты куда-нибудь уплыл. Вообще напиши, что ты делаешь, какую несешь работу.

Мой адрес: Москва, Лаврушинский, 17/19, квартира 14— мне.

Твой *А. Макаренко*

Если есть литературная работа, зачем тебе искать других шефов, кроме меня. Присылай мне, если вещь стоящая, поправлю и сдам в журнал.

Цель воспитания

В педагогической теории, как это ни странно, цель воспитательной работы обратилась в категорию почти забытую[1]. На последнем Всероссийском научном совещании по педагогическим наукам о цели воспитания не говорилось. Можно думать, что научной педагогике нет никакого дела до этого вопроса.

В специальных педагогических контекстах недопустимо говорить только об идеале воспитания, как это уместно делать в философских высказываниях. От педагога-теоретика требуется решение проблемы не идеала, а путей к этому идеалу. Это значит, что педагогика должна разработать сложнейший вопрос о цели воспитания и о методе приближения к этой цели.

Точно так же мы не можем говорить только о профессиональной подготовке нового поколения. Мы должны думать и о воспитании такого типа поведения, таких характеров, таких личных качеств, которые необходимы Советскому государству в эпоху диктатуры рабочего класса, в момент становления бесклассового общества.

Как же обстоит у нас дело с этой проблемой?

В начале революции наши педагогические писатели и ораторы, разогнавшись на западноевропейских педагогических трамплинах, прыгали очень высоко и легко «брали» такие идеалы, как «гармоническая личность». Потом они заменили гармоническую личность «человеком-коммунистом», в глубине души успокаивая себя дельным соображением, что это «все равно». Еще через год они расширили идеал и возглашали, что мы должны воспитывать «борца, полного инициативы».

С самого начала и проповедникам, и ученым, и посторонним зрителям было одинаково понятно, что при такой абстрактной постановке вопроса об «идеале» проверить педагогическую работу все равно никому не доведется, а потому и проповедь указанных идеалов была делом совершенно безопасным.

Педагогическая арена все более делалась достоянием педологии, и к 1936 г. у педагогов остались самые незначительные «территории», не выходящие за пределы частных методик.

Педология почти не скрывала своего безразличного отношения к нашим целям. Да и какие же цели могли вытекать из «среды и наследственности», кроме фатального следования педолога за биологическими и генетическими капризами?

Педологи сумели сохранять самое жреческое выражение во время подобных манипуляций, а мы, развесив уши, слушали их и даже чуточку удивлялись: откуда у людей такая глубокая ученость? Впрочем, не только удивлялись, но и подражали. А. С. Бубнов[2] в своей статье в «Коммунистическом просвещении» (№ 5—6 за 1936 г.) приводит случай, когда деятели научной педагогики тт. Каменев и Пинкевич в объяснительной записке к программе по общей педагогике писали: «Система расположения материала подчиняется не отдельным отвлеченно взятым «целям», «темам», «вопросам»... а воспитанию и обучению детей определенного возраста».

Если возраст является единственным направляющим началом педагогики, то, разумеется, слово цели можно взять в иронические кавычки. Но мы вправе заинтересоваться: почему вдруг в нашей стране воспитание молодого поколения сделалось игрушкой возрастных, биологических, психологических и других симпатий? Почему такое презрение высказывается по отношению к самой идее целенаправленности?

На эти вопросы можно ответить различно. Может быть, причины заключаются в простом безразличии к нашей жизни и нашим целям. Ну, а если дело в сознательном намерении скомкать нашу воспитательную работу, сделать ее безразличной и пустой дрессировкой личности в пределах тех возможностей, которые сами собой в этой личности открываются: личность способна научиться читать — прекрасно, пусть учится; она проявляет наклонности к спорту — тоже неплохо; она никаких наклонностей не проявляет, и то хлеб для педолога — это «трудная» личность, и можно над ней покуражиться вволю.

Трудно подсчитать раны, нанесенные педологией делу социалистического строительства на самом важнейшем его участке — воспитания молодежи. Дело идет о болезни теории, и даже не теории, а теоретиков, ослепленных педологией настолько, что они потеряли способность видеть истинные источники теории. В этом смысле болезнь имеет вид довольно несимпатичный. Суть этой болезни не только в количестве педологических положений, сохранившихся до сегодняшнего дня, не только в некоторой пустоте, образовавшейся на месте педологического Олимпа, суть в отравлении самого нашего мышления. Научная мысль даже в искренней критике педологических утверждений еще содержит педологические пережитки.

Зараза довольно глубока. Инфекция началась еще до революции в гнездах экспериментальной педагогики[3], для которой характерен был разрыв между изучением ребенка и его воспитанием[4]. Буржуазная педагогика начала XX в., разрываемая на части многочисленными школами и новаторами, бесконечными колебаниями от крайнего индивидуализма до бесформенного и нетворческого биологизма, могла казаться революционной наукой, потому что выступала под знаменем борьбы с казенной школьной муштровкой и официальным ханжеством. Но для чуткого уха уже и тогда были основания весьма подозрительно встретить эту «науку», лишенную прежде всего настоящего научного базиса. Уже и тогда можно было видеть в ней очень сомнительные склонности к биологическим экскурсам, в сущности своей представляющие явную попытку ревизии марксистского представления о человеке.

Биологические тенденции[5] экспериментальной педагогики и потом педо-

логии отталкивают каждого учителя-марксиста. И напрасно думают, что наше учительство заморочено педологией. Если кто и заморочен, то не учительство.

Выполнить призыв партии — «восстановить в правах педагогику и педагогов»[6] — мы способны только при одном условии: решительно порвав с безразличным отношением к нашим государственным и общественно-политическим целям.

На Всероссийском совещании по педагогическим наукам в апреле 1937 г. был поставлен специальный доклад: «Методические принципы воспитательной работы». Что в этом докладе сказано о целях воспитания, каким образом из этих целей вытекает метод?

Доклад имеет такой вид, как будто цели воспитания автору и слушателям давно хорошо известны, нужно говорить только о методах, о средствах их достижения. Только для торжественного финала, отделенного от остального изложения некоторой черточкой, докладчик возглашает:

«В основе их (принципов) лежит принцип коммунистической направленности, который является общим руководящим диалектическим принципом воспитания, поскольку он определяет и содержание, и методы, и организацию всей воспитательной работы».

И в самом конце:

«Принцип этот требует от педагога партийности в работе, политической бдительности, глубокого понимания целей, средств и условий воспитания».

Такие именно финалы и раньше наблюдались в педагогических писаниях. От педагога всегда требовалось высокое совершенство, всегда теоретик любил сказать два слова: «педагог должен». А в чем заключается долг самого теоретика, имеется ли у него самого «глубокое понимание целей, средств и условий»? Может быть, и имеется, но почему в таком случае теоретик держит свои богатства в секрете, почему он не раскрывает перед слушателями глубин своего знания? Почему только «под занавес» он иногда позволяет себе нечто продекламировать о целях и условиях, почему в самом изложении этих целей не видишь и не чувствуешь? И наконец, до каких же пор такой теоретик будет отделываться общеизвестным утверждением, что наше воспитание должно быть коммунистическим?

Когда я в своей книге «Педагогическая поэма» протестовал против слабости педагогической науки, меня на всех перекрестках обвиняли в неуважении к теории, в кустарщине, в отрицании науки, в пренебрежении к культурному наследству. Но вот передо мной специальный доклад о методах воспитания, предложенный на специальном научном совещании. В докладе не упоминается ни одно ученое имя, нет ссылки ни на одно научное положение, нет попытки применить какую-либо научную логику. Доклад в сущности представляет собой обыкновенное домашнее рассуждение, средний навар из житейской мудрости и благих пожеланий. Только в некоторых местах в нем проглядывают уши известного немецкого педагога Гербарта, который, между прочим, почитался и царской официальной педагогикой как автор так называемого воспитывающего обучения.

В начале вышеприведенного доклада говорится, что, несмотря на улучшение, у нас имеются и недостатки. Недостатки следующие:

а) нет надежной системы и последовательности в организации воспитательной работы педагога;

б) воспитательная работа протекает от случая к случаю, главным образом в связи с отдельными проступками учащихся;

в) в организации воспитательной работы наблюдается разрыв воспитания;

г) наблюдается разрыв воспитания, обучения и руководства детьми;

д) наблюдаются случаи нечуткого подхода.

Эти, скромно выражаясь, недостатки приобретают весьма выразительный вид, если мы к ним прибавим еще один: неясность вопроса, в каком направлении, к каким целям «протекает» эта воспитательная работа, не имеющая системы и последовательности, живущая от случая к случаю, украшенная разными «разрывами» и «нечуткими подходами».

Автор признает, что «воспитательная работа носит по существу характер оберегающего воздействия и сводится к борьбе с отрицательными проявлениями в поведении учащихся, т. е. на практике осуществляется один из тезисов мелкобуржуазной теории свободного воспитания». «...Воспитательное воздействие педагога начинается в таких случаях лишь после того, как ученики совершили проступок».

Следовательно, мы можем позавидовать только тем детям, которые совершили проступки. Их все-таки воспитывают. Автор как будто не сомневается, что их воспитывают правильно. Мне бы хотелось знать, как их воспитывают, какими целями руководствуются в их воспитании. Что же касается детей без проступков, то их воспитание «протекает» неизвестно куда.

Посвятив недостаткам три четверти доклада, докладчик переходит к своему положительному кредо. Оно имеет вид очень добродетельный:

«Воспитывать детей — это значит прививать им положительные качества (честность, правдивость, добросовестность, ответственность, дисциплинированность, любовь к учебе, социалистическое отношение к труду, советский патриотизм и пр.) и на этой основе исправлять имеющиеся у них недостатки».

В этом милом «научном» перечислении меня все приводит в восторг. Больше всего мне нравится «и пр.». Так как перед этим «положительным качеством» стоит «советский патриотизм», то можно надеяться, что «и пр.» будет тоже неплохо. А какая тонкость в понятиях: с одной стороны — честность, с другой — добросовестность, а между ними, обложенная добродетелями, как ватой, помещается «правдивость». Вид замечательно приятный! Какой читатель не прослезится, услышав, что и любовь не забыта, на первое время, конечно, к учебе. А посмотрите, с каким старанием выписано слово «дисциплинированность»! И это ведь всерьез, потому что перед ним стоит «ответственность».

Но одно дело — декларация, а другое дело — будничная работа[7]. В декларациях коммунистическое воспитание, а в частном случае — неразборчивая мешанина досужих находок, отравленных педологическим инертным фатализмом[8].

Вот отдел «консультации» в № 3 «Коммунистического просвещения» за прошлый год. Ответ товарищу Немченко:

«Когда приходится с ребенком или подростком проводить беседу о

нарушении им правил внутреннего распорядка школы, о совершении им недопустимого для школьника поступка,— надо вести эту беседу спокойным, ровным тоном. Ребенок должен чувствовать, что учитель, даже при применении мер воздействия, делает это не из чувства злобы, не рассматривает это как акт мести, а исключительно как обязанность, которую учитель выполняет в интересах ребенка».

Каким целеустремлением направляется подобный совет? Почему учитель должен выступать как бесстрастный ментор, «ровным» голосом изрекающий поучение? Кому неизвестно, что именно такие учителя, у которых ничего нет за душой, кроме «обязанности», вызывают отвращение у ребят, а их «ровный голос» производит самое отталкивающее впечатление? Какие положительные качества личности должны быть воспитаны рекомендуемым бесстрастием?

Еще интереснее ответ товарищу Позднякову. В нем довольно нежными красками описывается случай, когда учитель обнаружил вора, укравшего у товарища три рубля. Учитель никому не сказал о своем открытии, а поговорил с укравшим наедине. «Никто из учащихся класса так и не узнал, кто же украл, в том числе и девочка, у которой были украдены деньги». По словам «консультации», ученик, совершивший этот поступок, с тех пор стал прилежнее заниматься и отлично соблюдать дисциплину.

Консультант приходит в восхищение:

«Вы чутко подошли к нему, не стали позорить его перед всем классом, не сказали его отцу, и мальчик оценил эту чуткость... Ведь учащихся вашего класса и не было надобности воспитывать на поступке мальчика, укравшего деньги, а этому мальчику вы нанесли бы тяжелую внутреннюю рану».

Стоит остановиться на этом «рождественском» случае, чтобы выяснить, как велико его расстояние от коммунистического воспитания. Прежде всего отметим, что подобное «чуткое» мастерство возможно в любой буржуазной школе, в нем нет ничего принципиально нашего. Это обыкновенный случай парного морализирования, когда и воспитатель и воспитанник стоят в позиции tête-a-tête. Консультант уверен, что здесь произошел положительный акт воспитания. Может быть, но какого воспитания?

Давайте присмотримся к мальчику, поступок которого был скрыт от коллектива. По мнению консультанта, весьма важное значение имеет то обстоятельство, что мальчик «оценил эту чуткость». Так ли? Мальчик остался в сознании своей независимости от общественного мнения коллектива, для него решающим явилось христианское всепрощение учителя. Он не пережил своей ответственности перед коллективом, его мораль начинает складываться в формах индивидуальных расчетов с учителем. Это не наша мораль. В своей жизни мальчик будет встречаться с очень многими людьми. Неужели его нравственная личность будет строиться в случайных комбинациях с их воззрениями? А если он встретится с троцкистом, какие у него выработаны способы сопротивления для такой встречи? Мораль уединенного сознания — это в лучшем случае мораль «доброго» человека, а большею частью это мораль двурушника.

Но дело не только в мальчике. Есть еще и класс, т. е. коллектив, один из членов которого совершил кражу. По мысли консультанта, «учащих-

ся класса не было надобности воспитывать на поступке мальчика». Странно. Почему же нет надобности?

В коллективе произошла кража, а воспитатель считает возможным обойтись без мобилизации общественного мнения по этому поводу. Он позволяет классу думать что угодно, подозревать в краже кого угодно, в последнем счете он воспитывает в классе полное безразличие к таким случаям; спрашивается, откуда возьмется у наших людей опыт борьбы с врагами коллектива, откуда придет к ним опыт страсти и бдительности, каким образом коллектив научится контролировать личность?

Вот если бы учитель передал случай с кражей на рассмотрение коллектива, а я предлагаю даже большее — на решение коллектива, тогда каждый ученик был бы поставлен перед необходимостью активно участвовать в общественной борьбе, тогда учитель получил бы возможность развернуть перед классом какую-то моральную картину, дать детям и положительные чертежи правильного поступка. И каждый ученик, переживший эмоцию решения и осуждения, тем самым привлекался бы к опыту нравственной жизни. Только в такой коллективной инструментовке возможно настоящее коммунистическое воспитание. Только в этом случае и весь коллектив, и каждый отдельный ученик приходят к ощущению силы коллектива, к уверенности в его правоте, к гордости своей дисциплиной и своей честью. Само собой разумеется, что проведение такой операции требует от воспитателя большой тактичности и большого мастерства.

При самом поверхностном анализе на каждом шагу мы можем убедиться, что наше педагогическое движение в отдельном случае происходит не в направлении коммунистической личности, а куда-то в сторону. Поэтому в формировании личности, личных деталей нового человека мы должны быть в высшей степени внимательны и обладать хорошей политической чуткостью. Эта политическая чуткость является первым признаком нашей педагогической квалификации.

Кроме того, мы всегда должны помнить еще одно обстоятельство, чрезвычайно важное. Каким бы цельным ни представлялся для нас человек в порядке широкого отвлечения, все же люди являются очень разнообразным материалом для воспитания, и выпускаемый нами «продукт» тоже будет разнообразен. Общие и индивидуальные качества личности в нашем проекте образуют очень запутанные узлы.

Самым опасным моментом является страх перед этой сложностью и этим разнообразием. Страх этот может проявляться в двух формах: первая заключается в стремлении остричь всех одним номером, втиснуть человека в стандартный шаблон, воспитать узкую серию человеческих типов. Вторая форма страха — это пассивное следование за каждым индивидуумом, безнадежная попытка справиться с миллионной массой воспитанников при помощи разрозненной возни с каждым человеком в отдельности. Это — гипертрофия «индивидуального» подхода.

И тот и другой страх не советского происхождения, и педагогика, направляемая этими страхами, не наша педагогика: в первом случае она будет приближаться к старым казенным нормам, во втором случае — к педологии.

Достойной нашей эпохи и нашей революции организационной задачей может быть только создание метода, который, будучи общим и единым, в

то же время дает возможность каждой отдельной личности развивать свои особенности, сохранять свою индивидуальность. Такая задача была бы абсолютно непосильной для педагогики, если бы не марксизм, который давно разрешил проблему личности и коллектива.

Совершенно очевидно, что, приступая к решению нашей частной педагогической задачи, мы не должны мудрствовать лукаво. Мы должны только хорошо понять положение нового человека в новом обществе. Социалистическое общество основано на принципе коллективности. В нем не должно быть уединенной личности, то выпяченной в виде прыща, то размельченной в придорожную пыль, а есть член социалистического коллектива.

В Советском Союзе не может быть личности вне коллектива и поэтому не может быть обособленной личной судьбы и личного пути и счастья, противопоставленных судьбе и счастью коллектива.

В социалистическом обществе много таких коллективов: широкая советская общественность сплошь состоит именно из таких коллективов, но это вовсе не значит, что с педагогов снимается долг искать и находить в своей работе совершенные коллективные формы. Школьный коллектив, ячейка советского детского общества, прежде всего должен сделаться объектом воспитательной работы. Воспитывая отдельную личность, мы должны думать о воспитании всего коллектива. На практике эти две задачи будут решаться только совместно и только в одном общем приеме. В каждый момент нашего воздействия на личность эти воздействия обязательно должны быть и воздействием на коллектив. И наоборот, каждое наше прикосновение к коллективу обязательно будет и воспитанием каждой личности, входящей в коллектив.

Эти положения, в сущности, общеизвестны. Но в нашей литературе они не сопровождались точным исследованием проблемы коллектива. О коллективе нужно специальное исследование.

Коллектив, который должен быть первой целью нашего воспитания, должен обладать совершенно определенными качествами, ясно вытекающими из его социалистического характера. В короткой статье, может быть, невозможно перечислить все эти качества, я укажу главные.

А. Коллектив объединяет людей не только в общей цели и в общем труде, но и в общей организации этого труда. Общая цель здесь — не случайное совпадение частных целей, как в вагоне трамвая или в театре, а именно цель всего коллектива. Отношение общей и частной цели у нас не есть отношение противоположностей, а только отношение общего (значит, и моего) к частному, которое, оставаясь только моим, будет итожиться в общее в особом порядке.

Каждое действие отдельного ученика, каждая его удача или неудача должны расцениваться как неудача на фоне общего дела, как удача в общем деле. Такая педагогическая логика должна буквально пропитывать каждый школьный день, каждое движение коллектива.

Б. Коллектив является частью советского общества, органически связанной со всеми другими коллективами. На нем лежит первая ответственность перед обществом, он несет на себе первый долг перед всей страной, только через коллектив каждый его член входит в общество. Отсюда вытекает идея советской дисциплины. В таком случае каждому школьнику

станут понятны и интересы коллектива, и понятия долга и чести. Только в такой инструментовке возможно воспитание гармонии личных и общих интересов, воспитание того чувства чести, которое ни в какой мере не напоминает старого гонора зазнавшегося насильника.

В. Достижение целей коллектива, общий труд, долг и честь коллектива не могут стать игрой случайных капризов отдельных людей. Коллектив — не толпа. Коллектив есть социальный организм, следовательно, он обладает органами управления и координирования, уполномоченными в первую очередь представлять интересы коллектива и общества.

Опыт коллективной жизни есть не только опыт соседства с другими людьми, это очень сложный опыт целесообразных коллективных движений, среди которых самое видное место занимают принципы распоряжения, обсуждения, подчинения большинству, подчинения товарища товарищу, ответственности и согласованности.

Для учительской работы в советской школе открываются светлые и широкие перспективы. Учитель призван создать эту образцовую организацию, беречь ее, улучшать, передавать ее новому учительскому составу. Не парное морализирование, а тактичное и мудрое руководство правильным ростом коллектива — вот его призвание.

Г. Советский коллектив стоит на принципиальной позиции мирового единства трудового человечества. Это не просто бытовое объединение людей, это — часть боевого фронта человечества в эпоху мировой революции. Все предыдущие свойства коллектива не будут звучать, если в его жизни не будет жить пафос исторической борьбы, переживаемой нами. В этой идее должны объединяться и воспитываться все прочие качества коллектива. Перед коллективом всегда, буквально на каждом шагу, должны стоять образцы нашей борьбы, он всегда должен чувствовать впереди себя Коммунистическую партию, ведущую его к подлинному счастью.

Из этих положений о коллективе вытекают и все детали развития личности. Мы должны выпускать из наших школ энергичных и идейных членов социалистического общества, способных без колебаний, всегда, в каждый момент своей жизни найти правильный критерий для личного поступка, способных в то же время требовать и от других правильного поведения. Наш воспитанник, кто бы он ни был, никогда не может выступать в жизни как носитель некоего личного совершенства, только как добрый или честный человек. Он всегда должен выступать прежде всего как член своего коллектива, как член общества, отвечающий за поступки не только свои, но и своих товарищей.

В особенности важна область дисциплины, в которой мы, педагоги, больше всего нагрешили. До сих пор у нас существует взгляд на дисциплину как на один из многочисленных атрибутов человека и иногда только как на метод, иногда только как на форму. В социалистическом обществе, свободном от каких бы то ни было потусторонних оснований нравственности, дисциплина становится не технической, а обязательно нравственной категорией. Поэтому для нашего коллектива абсолютно чужда дисциплина торможения, которая сейчас по какому-то недоразумению сделалась альфой и омегой воспитательной премудрости многих педагогов. Дисциплина, выражаемая только в запретительных нормах,— худший вид нравственного воспитания в советской школе.

В нашем школьном обществе должна быть дисциплина, которая есть в нашей партии и во всем нашем обществе, дисциплина движения вперед и преодоления препятствий, в особенности таких препятствий, которые заключаются в людях.

В газетной статье трудно представить развернутую картину деталей в воспитании личности, для этого требуется специальное исследование. Очевидно, что наше общество и наша революция для такого исследования дают самые исчерпывающие данные. Наша педагогика необходимо и быстро придет к формулировке целей, как только оставит приобретенную у педологии инертность по отношению к цели.

И в нашей практике, в каждодневной работе нашей учительской армии уже сейчас, несмотря на все педологические отрыжки, активно выступает идея целесообразности. Каждый хороший, каждый честный учитель видит перед собой больш ю политическую цель воспитания гражданина и упорно борется за достижение этой цели. Только этим объясняется действительно мировой успех нашей общественно-воспитательной работы, создавшей такое замечательное поколение нашей молодежи.

Тем более уместно будет и теоретической мысли принять участие в этом успехе.

На пороге третьего десятилетия

Первого сентября мы начинаем 21-й советский учебный год. Раньше, чем кто-нибудь другой в Союзе, мы, педагоги, можем подвести итоги нашей двадцатилетней работы.

Вместе со всем советским народом учительство за истекшие два десятка лет прошло боевой путь. От старого мира мы получили жалкое наследие — и материальное и духовное. Ни в какой другой области не было такого «чистого» места, как в области педагогической организации и работы[1]. Буржуазное наследие в большей своей части оказалось вредным. До самых последних лет его удушливые газы отравляли воздух, а мы не всегда умели разобрать, чем пахнет. Наше дело — одно из самых тонких и нежных человеческих дел, и здесь легче всего прививаются бактерии враждебных и чуждых влияний.

Обидно теперь вспоминать, какие искренние и горячие наши взлеты, какие высокие педагогические мечты были отравлены сначала убийственным формализмом «комплекса»[2], потом «лабораторно-бригадным методом»[3]. Обидно вспомнить потому, что ведь не так много нужно было с нашей стороны бдительности и чувства ответственности, чтобы разглядеть истинное лицо этих «методов». Точно так же можно было почувствовать фальшивое ханжество «свободного» воспитания и знахарскую возню педологии. То, что мы так долго терпели рядом со своей героической работой эту шарлатанскую, беспринципную, чуждую галиматью, указывает на главное «препятствие» из всех тех, которые мешали нашей работе. Это препятствие — в нас самих. Мы очень медленно освобождались от интеллигентской бесхарактерности, от непротивленчества, от боязни самокритики. Долгое время у нас не было настоящего, зоркого, большевистского глаза, обходились мы все тем же мирным прекраснодушием и бесхребетной уступчивостью. Мы терпели нахальство разных псевдоученых и трусливо

встречали каждое живое, настоящее педагогическое слово. Мы малодушно смотрели, как педологи на наших глазах душили свежие, самые нежные ростки нашего дела.

Не менее сильные препятствия мы должны были преодолеть и в материальной обстановке нашей работы. Школьные здания были запущены. Наново пришлось создавать весь строй учебников — тот строй, который обыкновенно создается и проверяется десятилетиями. И в этом деле наши усилия регулярно отравлялись все теми же болтающими, безответственными лжеучеными, все той же средой дешевых фокусников. Из года в год мы переживали тетрадный голод: ведь в старой России даже сравнительно ничтожное количество школ вынуждено было прокармливаться бумагой, привозимой из-за границы. В нашем развороте всеобщего образования пришлось с самого первого дня революции считаться с нищенской бумажной промышленностью, полученной от старой России.

Страдали мы и от недостатка учительских кадров. Учителя составляли одну из самых многочисленных и самых демократических прослоек дореволюционной интеллигенции. Совершенно естественно, что во время грандиозной борьбы с контрреволюцией и при стройке новой, Советской страны, когда сразу потребовалась большая мобилизация интеллигентских сил, значительная часть учительства ушла в другие области работы. Некоторая часть учительства из средней школы просто отпала как враждебно настроенная. Пришлось почти наново создавать учительские кадры для широко развернувшейся, действительно народной всеобщей школы.

И, несмотря на все эти препятствия, мы заканчиваем наш двадцатилетний путь с грандиозными достижениями в сознании исполненного долга. Конечно, мы еще не раз задумаемся над путями улучшения нашего дела. Но сейчас мы с гордостью говорим: наше дело не отстало от общего движения страны.

Партия создала учительские кадры социалистической страны. Они работают преданно и самоотверженно и последовательно идут за Коммунистической партией. Советская учительская армия таит в себе богатейшие силы и возможности.

Мы успеваем удовлетворить колоссальные потребности счастливой советской молодежи в высшем образовании. У нас невиданный в мире размах в строительстве высших школ, разветвленных на множество отраслей, в большинстве новых.

Мы реально проводим программу всеобщего обучения детей и взрослых. В истории не было примера, чтобы в такое короткое время страна, потрясенная войной империалистической и войной гражданской, окруженная со всех сторон врагами, пришла от колоссальной безграмотности и темноты к почти поголовной грамотности.

Создавая советскую школу в тяжелой идеологической борьбе и среди материальных трудностей, мы сумели развить до невиданных пределов гуманистические, высокочеловеческие принципы воспитания. Мы не уступили ни разболтанному, анархическому «свободному» индивидуализму, ни формалистическим соблазнам внешней муштровки. Мы сохранили настоящую, глубокую любовь к нашим детям. Социалистическая страна создала для них действительно счастливое детство, свободное в своем развитии и единое в преданности социалистической революции.

Мы можем, наконец, гордиться и материальными достижениями в деле народного образования и коммунистического воспитания. Благодаря особой заботе партии и правительства наша работа в подавляющей части проходит теперь в новых, светлых, приспособленных и уютных школьных зданиях. Ученики обеспечены учебниками и пособиями. Учителя Советской страны относятся к категории высокооплачиваемых работников, составляя в этом отношении завидное исключение среди мирового учительства.

Мы гордимся нашими успехами и участием в социалистическом строительстве. И именно эта гордость не позволяет нам сказать, что все уже сделано, что теперь остается только добросовестно следить, чтобы не снизилось качество работы. Нет, впереди еще много дела! Еще много нужно построить зданий, богаче нужно обеспечить школу всем необходимым, настойчиво воспитывать учительские кадры. Необходимо максимально поднять успеваемость наших учеников, решительно устранить основания для жалоб вузов на слабую подготовку выпускников средней школы.

Но самый отсталый наш участок — воспитательная работа школы. Тут требуется от нас настойчивое и длительное напряжение. Надо до конца освободиться от привычек педологии. Надо по-настоящему обратить педагогику в активную, целеустремленную, политическую науку. Учитель должен обладать необходимой смелостью и для того, чтобы более действенно ковать молодые большевистские характеры, и для того, чтобы не привыкать к шаблонам, чтобы с большей отвагой и ответственностью искать лучших методов влияния, не отказываясь от изобретательности.

В методике воспитательной работы есть еще много нерешенного. Не оформился по-настоящему ученический коллектив: не найдены еще в нем гармонические линии свободы и дисциплины. Не установился общий стиль и тон нашего педагогического коллектива.

Нельзя сомневаться в том, что стоящие перед советской педагогикой ответственные и трудные задачи она решит с таким же успехом, глубиной и блеском, с каким разрешены другие задачи советской жизни. Залог тому — советский патриотизм учительства и замечательные условия нашей социалистической страны.

Народное просвещение в СССР

1

Россия старая, дореволюционная Россия, славилась своей темнотой и неграмотностью. К этой горькой славе так привыкли, что уже начинали ею кокетничать (из года в год печатая в календарях резко контрастные цифры о грамотности в Германии, в Бельгии и у нас). Констатировать нашу темноту сделалось чуть ли не хорошим тоном. После революции 1905 г. таким же хорошим тоном считалось помечтать о повышении грамотности, и такая мечта стала необходимым признаком либерального мышления. В Государственной думе не только кадеты, но и октябристы произносили горячие речи о необходимости поднять народную грамотность и на таких речах зарабатывали и добрую славу, и прогрессивное лицо.

В этих мечтаниях сказывалось не только ханжество. Для русской буржуазии действительно необходим был более грамотный рабочий, в своих речах она в иные исторические периоды была искренней. Искренность была и в пределах мечты: добивались или пытались добиваться именно грамотности, а не чего-либо большего. Рабочий, умеющий читать и писать,— приятный и практически приемлемый идеал, позволяющий надеяться на подъем промышленности, а следовательно, и на подъем кривых прибылей и накоплений. Правда, даже этот грамотный рабочий заключал в себе большие опасности: грамотность позволяет человеку читать не только деловые записки и чертежи, но и революционные газеты и прокламации, она приносит ему то расширение кругозора, которое угрожает прежде всего прибылям и накоплениям. Широкое народное образование нечто большее, чем простая грамотность, и оно тем более не могло увлекать ни русское правительство, ни русскую буржуазию.

Цели царского просветительного ведомства не могли идти дальше осторожного распространения техники чтения и письма. При этом всегда подразумевалось стремление сохранить по возможности патриархальную темноту и прославленную непосредственность русского мужика. Но даже такая программа вызывала бешеное сопротивление дворянских и дворцовых кругов, курских, волынских и иных зубров, князей Мещерских, газеты «Новое время», всей романовской фамильной коллекции ничтожеств. Темнота и мракобесие были стилем последнего Романова. Недаром курсом его царствования была распутинщина — дикая и темная возня с прощелыгой, возведенным в звание пророка.

Неудивительно поэтому, что даже та первоначальная грамотность, о которой мечтали либеральные ораторы, находилась в очень печальном состоянии. Она достигалась при помощи самых дешевых казенных способов и в подавляющем большинстве случаев не превышала того, что теперь мы обычно называем полуграмотностью. «Статистическое» убожество русского императорского просвещения, само по себе достаточно выразительное, открыто для всех дополнялось качественной его примитивностью.

Октябрьская революция получила в наследство весьма жалкое «просвещение» народа — результат многолетней позорной и преступной политики Романовых и их клики. Толчки к просвещению, проделанные Петром Первым в начале XVIII в., не выросли в большое государственное дело, и на протяжении двух столетий они были заторможены на удивление однообразной, на удивление тупой политикой охранения, охранения народа от крамолы и, разумеется, от знания.

Образовательный «актив» царской России, если не выходить за пределы цифр, был такой[1]:

учащихся во всех школах, не считая высшей... 7 800 600.

Вот это и все, что было достигнуто за триста лет романовского царствования,— 7 миллионов детей в школах. Чему учились эти дети, какое они получили образование? Об образовании можно и не говорить — они получали ту самую грамотность, необходимость которой так красноречиво обосновывали в своих речах кадеты и октябристы. Если спросить, сколько же из этих 7 миллионов детей не пошли дальше начальной школы, ответ в круглых цифрах останется тот же: 7 миллионов. Более точный ответ очень незначительно изменяет картину:

всего учащихся —7 800 600,
в том числе в начальных школах —7 015 000.

Следовательно, в начальной школе получали законченное образование 90 процентов всех учащихся. В этом и заключалась политика «грамотности». Так говорят голые цифры.

Еще выразительнее язык исторических воспоминаний. Добрая половина начальных школ была школами церковноприходскими — одно из самых «светлых» достижений последних Романовых,— гениальное творчество знаменитого Победоносцева. Эти школы меньше всего беспокоились о грамотности, перед ними стояла более высокая цель — воспитание народа в духе православия. На наше счастье, даже на достижение такой светлой цели царское правительство жалело средств — оно было поручено ленивым и невежественным людям: попам, псаломщикам и дешевым малограмотным учителям. Воспитать в школах христианские доблести и главную из них — долготерпение так и не удалось, но зато, промучившись три года за изучением мертвого церковнославянского языка, ученик из этой школы выходил таким же темным, каким и входил в нее. Та незначительная грамотность, которую он уносил с собой из школы и которая позволяла статистикам что-то показывать в сравнительных таблицах, эта «грамотность» обречена была на медленное умирание. Преобладающее в стране крестьянское население, а впрочем, и вообще все население провинции жило без книг и газет. Этим грамотным «статистам» читать было нечего. В этом «организационном моменте» крылись корни явления, которое нашими публицистами именовалось столь выразительно —«рецидив». Через несколько лет по окончании школы «грамотный» еле-еле умел брести по печатной странице, а потом вовсе терял эту способность. Единственное знание, которое у него оставалось,— это умение нацарапать свою фамилию в случаях официальных. Подобная грамотность в подавляющем большинстве случаев была тем особым видом косноязычия, комических и жалких потуг выражаться по-книжному, которое еще так недавно привлекало внимание наших юмористов. Но и таких «ученых» людей было немного. Большинство же даже в официальных случаях ставило кресты — обычай поистине христианский.

Сверх 90 процентов, получающих образование в начальной школе, оставались все-таки еще какие-то 10 процентов. Может быть, они, хотя бы в незначительной степени, удовлетворяли нужду в народном образовании? Нет, 10 процентов имели другое назначение. Темной массой «грамотного» и неграмотного народа нужно было управлять. Назначение этих 10 процентов было настолько ясно, что нет даже надобности особенно привлекать аргументацию.

Цифры достаточно красноречивы:

всего в средней и в неполной средней школе (высшие начальные училища) учащихся было 785 600,
из них: в средней школе —564 800,
в неполной средней школе —220 800.

Средняя школа: гимназии, реальные училища, коммерческие училища, кадетские корпуса, институты благородных девиц и духовные семинарии полностью, разумеется, обслуживали «чистую» публику — дворянство, чиновничество, духовенство и значительные слои буржуазии. Народ же

здесь был представлен ничтожной цифрой — 220 тыс. учеников, или 2,8 процента общего числа учащихся в неполной средней школе.

Совершенно неестественный, поразительно нелогический разрыв между начальной и средней школой, который сказывается в этих процентах,— замечательно точный символ непроходимой пропасти, разделявшей народные массы России и ее блестящую богатую и образованную верхушку.

Для этой верхушки, для нужд дворянско-чиновничьего управления существовало 91 высшее учебное заведение с 124 700 студентами и 233 учебных заведения, приближающихся по типу к нашим техникумам. В этих техникумах учащихся было всего 48 тыс. Так разрешалась царской Россией «проблема кадров».

Октябрьская революция получила настолько бедное наследие от царского просветительного ведомства, что почти невозможным становится сравнение просветительной работы Советской власти и «просвещения» императорской России. Если все же возможно сопоставление некоторых цифр в области школ, то во всех остальных областях культуры приходится противопоставлять звучные полновесные ряды цифр — великие завоевания Октября — буквально единицам, а иногда и абсолютным нулям «культурных» показателей проклятого прошлого.

2

Различие между постановкой народного образования в СССР и в старой России — различие не только качественное, но и принципиальное. Оно так же глубоко, как глубока бездна, которая разделяет эксплуататорское общество с его охранительной идеологией и свободную жизнь 165 миллионов трудящихся нашей страны.

В течение двухсот лет после эпохи Петра Первого царская Россия смогла создать контингент учащихся в 7 млн. Советская страна только за двадцать лет своего существования сумела это число поднять на 18 млн. В царской России приходило в школы в течение одного года 35 тыс. новых учеников, а в СССР на каждый год его истории приходится в среднем около миллиона нового пополнения в школе. Эти цифры уже выводят нас за пределы сравнения, они не только говорят о поистине могучем движении культуры, они показывают не виданное еще в истории человечества богатство возможностей, открывшихся перед народом, освобожденным от эксплуатации. Они говорят о таком скачке вперед, стремительность которого почти невозможно изобразить цифрой. Гигантское движение советского народа к высотам культуры ни в коей мере не может быть истолковано как простое продолжение культурной эволюции прошлого.

Нашу страну населяют сейчас совершенно новые люди. Они отличаются не только высокой культурностью. Решительно изменилось самое понятие образования. То, что знал человек, кончающий университет в старой России, было совершенно иным по сравнению с тем, что знает гражданин Советского Союза, окончивший семилетку или даже начальную школу, а в крайнем случае и ничего не окончивший, а побывавший на каких-либо профсоюзных курсах. Это явление, собственно говоря, не подлежит доказательству, это аксиома, но она доказывается буквально на каждом

шагу. Возьмем первую попавшуюся цифру, иллюстрирующую наши хозяйственные успехи.

Например, алюминий в 1913 г. был целиком предметом импорта, у нас вовсе не добывался. А в 1935 г. мы импортировали уже только 2 процента нужного нам количества. Этот путь — от 100 до 2 процентов — сам по себе путь величественный, могущий поразить воображение любого европейца, уже не поражает наше воображение. Этот итог, пожалуй, не мог бы поразить воображение и старого россиянина. Он, наш недавний предок, потому не стал бы удивляться, что ему не было ровно никакого дела ни до алюминия, ни до его производства, ни до импорта или экспорта. Для советского гражданина эти цифры не объект его любопытства, а итог его собственной деятельности. В величественном движении вперед страны, совсем еще недавно нищей и отсталой, наш современник участвовал сознательно в каждом из дней своей жизни, боролся за это, переносил лишения и преодолевал препятствия, сопротивление и предательство врагов. Не поэтому ли в нашей двадцатилетней истории стали действительно бытовыми многие «астрономические» цифры, которые другому мироощущению просто недоступны, как недоступны ощущению человека ультрафиолетовые лучи. Движение вперед нашей культуры так грандиозно и так стремительно, что напоминает по своему характеру космические явления. Тот же самый алюминий, импорт которого мы скостили со 100 до 2 процентов, выступает еще в одном астрономическом итоге: потребление алюминия в стране в 1935 г. составляло по отношению к 1913 г. 1417 процентов. А ведь алюминий отнюдь не относится к «звездам первой величины»: импорт по автомобилям мы снизили от 100 процентов до 0 процентов, увеличив уже в 1925 г. потребление в стране автомобилей на 4493 процента.

И все эти действительно мирового размаха количественные данные отражают обыкновенные будни нашей страны. Они есть и наш труд, и наше знание, и результат нашего знания, и основание будущего знания. Диапазон познания, познавательная глубина социалистической культуры выходят далеко за пределы школы — знание рождается из опыта, оно выражение наших стремлений и наших удач и неудач. *Образование в нашей стране — часть ее жизни, оно перестало быть эрудицией потребителя жизни, оно сделалось оружием создателя жизни.*

3

Только помня о такой качественной поправке, можно согласиться на сопоставление наших цифровых показателей по народному образованию с данными старой России.

Увеличение общего числа учащихся в советской общеобразовательной школе от 7800 тыс. до 25 555 тыс. произошло главным образом за счет роста школ повышенного типа. Число учащихся в начальной школе выросло всего в полтора раза, составляя в 1935 г.[2] 10 887 тыс. человек, т. е. 155 процентов по отношению к 1914 г. По нашим масштабам это незначительное повышение. В будущем оно примет еще более скромные размеры, пока совершенно не исчезнет после введения всеобщего семилетнего образования.

Зато рост числа обучаемых в средней и неполной средней школе составляет изумительнейшее явление в истории человечества. Число учеников в средней школе возросло с 564 тыс. до 4481 тыс., т. е. на 790 процентов. Еще более выразительны показатели по неполной средней школе. Те 220 тыс. учеников, которые в 1914 г., собственно говоря, демонстрировали только разрыв между низами и верхами, выросли в 10 887 тыс. учеников — рост на 4945 процентов.

Эти данные показывают настоящее духовное воскрешение советского народа. Они буквально потрясают тогда, когда вопрос касается села, этого классического символа вековой темноты и нищеты. Здесь сила цифр просто-напросто превышает способность обыкновенного человеческого ощущения. Число учащихся в сельской средней школе возросло с 14 тыс. до 1291 тыс., или на 9121 процент, а в неполной средней школе с 37 тыс. до 7948 тыс. учеников, т. е. более чем на 20 тыс. процентов (21 381 процент).

Столь же изумителен рост высших учебных заведений — этого многообразного и сложного вида обучения, который известен у нас как подготовка кадров. Уже упоминалось, что в старой России было 91 высшее учебное заведение, в 1935 г. их уже 718. В советской высшей школе получает образование свыше полумиллиона человек.

Среднее техническое образование до революции было в зачаточном состоянии. В техникумах в 1914/15 учебном году обучалось 35,8 тыс. человек, ничего не значащая цифра для государства, занимающего одну шестую часть мира. В Советской стране наново создана средняя техническая школа. В ней в настоящее время 715 тыс. учащихся —1991 процент по сравнению с прошлым. Такие учреждения, как рабфаки и ФЗУ, с общим числом учащихся свыше полумиллиона даже и сравнивать не с чем — это действительно новое слово в деле просвещения масс, подготовки их к активному участию в строительстве социализма.

Общее количество учащейся молодежи в наших стационарных школах составляло в 1935 г.[3] 27 344 тыс. человек против 8191 тыс. в 1913 г. При этом не учитывается огромная масса правительственных, общественных и различного рода ведомственных образовательных учреждений, которые составляют параллельное русло просвещения: разнообразные курсы, школы ликвидации неграмотности и малограмотности, школы переквалификации, клубные кружки и т. д. Точно так же не принимаются в расчет детские дома, площадки и сады, охватывающие в общем итоге тоже несколько миллионов детей.

Таково исключительное по своему размаху культурное движение советского народа, одно из самых поразительных в человеческой истории явлений, показывающее, как органически цельна, как прекрасна новая свободная жизнь. То, что капиталистическая Европа сделала с большим напряжением в течение веков, Октябрьская революция совершила на протяжении двух десятков лет, совершила при этом в совершенно новом стиле,— что называется с открытым человеческим лицом, в чудесной радости творчества, без малейшего проявления жестокой конкуренции, без группового и личного эгоизма, в действительно единодушном дружеском усилии освобожденных масс, в мудром равновесии духа и в счастливом предвидении прекрасного будущего, не каких-либо отодвинутых в мечту веков, а будущего завтрашнего, не выходящего за пределы живущего и творящего поколения.

И сделано это не в порядке парадного блеска, сделано в могучем процессе все той же великой социальной победы, в общем подъеме поистине новорожденной истории.

Мы, современники, не всегда можем понять всю пленительность этой картины, этого грандиозного движения, столь неизмеримого по масштабам с капиталистической культурой и уже столь привычного и будничного для нас самих. В нашей стране еще можно встретить людей-одиночек, которых как бы укачивает стремительное наше движение, которые естественный ритм его ощущают как неприятные толчки. У нас еще можно услышать брюзжание какого-нибудь чудака на тему о наших недостатках. Есть такие брюзги среди наших сограждан. Часто бывает: сын такого чудака заканчивает техникум, занимая прочное место в тех самых астрономических 19 тыс. процентов, а его папаша ворчит:

— Как это так не хватает тетрадей? Почему раньше были тетради и хватало, а теперь не хватает?

Раньше и в самом деле кое-кому хватало и не только одних тетрадей. Старая Россия имела ежегодно 124 млн. тетрадей, включая сюда и импорт. А в 1935 г. у нас было произведено больше одного миллиарда тетрадей, и этого все еще маловато для обслуживания замечательного духовного воскрешения народов нашей страны. Почему это? Потому, что такой подъем народного образования на коротком отрезке времени в двадцать лет, из которых многие годы ушли на кровавую военную борьбу, на защиту основ нашей революции, на отстаивание самого права нашего жить и строить, на утверждение вот этой первоначальной вершины истории,— такой подъем не только блестящее и счастливое деяние Советской власти, но и дело совершенно неизмеримой сложности и трудности, дело такой же неповторимой, как и прекрасной смелости.

Тот самый многомиллионный народ, который так тяжело, с таким предельным напряжением, с такими страданиями, вопреки воле своих властителей, всю свою жизнь рвался к культуре и к знанию, который в то же время еще так недавно не верил врачам и возился с нечистой силой, теперь обнаружил столько энергии, столько талантов, столько воли к великим действиям, что одно его стремление к образованию могло испугать и ошеломить многих талантливых и знающих организаторов. Дело просвещения — ведь это дело прежде всего материальное: забота, строительство, то же производство, а во-вторых, это дело гигантской мобилизации культурных и духовных сил всей страны, мобилизации, для которой тоже необходимы реальные основания.

При всем своем ошеломляющем размахе советское народное образование отнюдь не творится как-нибудь, по дешевке, а делается очень основательно и добротно. Только в одной нашей общеобразовательной школе работает около миллиона учителей — эту огромную культурную армию нужно было создать,— старые учительские кадры, и без того незначительные, во время войны и революции сильно поредели. Организация образования многомиллионного народа в условиях революции и только что отгремевшей войны была делом не менее трудным, чем организация промышленности в отсталой и истощавшей стране...

Народное просвещение в СССР — это не только дело просвещения народа, но и дело просвещения народов. Это не только небывалая по количест-

венному объему задача, но и задача труднейшей социальной композиции. Достаточно сказать, что многие народности России не только не имели своей школы, учителей, учебников (и тетрадей!), они не имели и письменности. Язык этих народностей еще нужно было открывать, как Колумб открыл Америку. Нужно было еще прислушиваться к этому языку, научиться ему, выяснить его законы, грамматику, снабдить его азбукой. И Советская власть не только создала школу и письменность у этих народов, но и организовала действительную и глубокую систему народного национального образования.

Это была работа невероятной трудности и неизмеримого величия, и эта работа завершена. Не многие из нас знают, что, например, в Узбекской ССР 22 высших учебных заведения и 63 техникума с общим числом учащихся в 25 200 человек. В царской России на месте этих учреждений стояли многоговорящие нули и тире. В начальной, средней и неполной средней школах Узбекской ССР учится 676 тыс. детей — процент по отношению к 1913 г. совершенно неизмеримый. А ведь в Узбекской ССР населения всего 5 млн. человек,— как это немного для советской астрономической статистики и как это возмутительно много для великодержавной системы российского пренебрежения! И этот огромный сдвиг произошел почти исключительно за время первой и второй пятилеток. Рост числа учащихся в этой республике только по отношению к 1923 г. составляет 916 процентов.

Столь же интересны данные и по другим национальным республикам. В Таджикской ССР с населением всего в 1360 тыс. человек —3 высших учебных заведения и 27 техникумов с общим числом учащихся 2800. Кроме того, в общеобразовательной школе учится 142 930 детей.

Говоря о нашей работе по народному просвещению, нельзя забывать необычайную сложность и богатство ее красок. Советская страна дала возможность учиться на родном языке восьмидесяти трем национальностям, и из них нет ни одной, которая не имела бы учеников в старших классах средней школы. Средний русский читатель, поглощенный своими делами, мало знает об этом замечательном движении народов. Он, может быть, не знает совсем, что из 25 млн. учеников в советской общеобразовательной школе русская национальность представлена только четырнадцатью с половиной, т. е. примерно 60 процентами...

Лекции о воспитании детей

Общие условия семейного воспитания

Дорогие родители, граждане Советского Союза!

Воспитание детей — самая важная область нашей жизни. Наши дети — это будущие граждане нашей страны и граждане мира. Они будут творить историю. Наши дети — это будущие отцы и матери, они тоже будут воспитателями своих детей. Наши дети должны вырасти прекрасными гражданами, хорошими отцами и матерями. Но и это не все: наши дети — это наша старость. Правильное воспитание — это наша счастливая старость, плохое воспитание — это наше будущее горе, это наши слезы, это наша вина перед другими людьми, перед всей страной.

Дорогие родители, прежде всего вы всегда должны помнить о великой важности этого дела, о вашей большой ответственности за него.

Сегодня мы начинаем целый ряд бесед по вопросам семейного воспитания[1]. В дальнейшем мы будем говорить подробно об отдельных деталях воспитательной работы: о дисциплине и родительском авторитете, об игре, о пище и одежде, о вежливости и т. д. Все это — очень важные отделы, говорящие о полезных методах воспитательной работы. Но прежде чем говорить о них, обратим ваше внимание на некоторые вопросы, которые имеют общее значение, которые относятся ко всем отделам, ко всем деталям воспитания, которые всегда нужно помнить.

Прежде всего обращаем ваше внимание на следующее: воспитать ребенка правильно и нормально гораздо легче, чем перевоспитывать. Правильное воспитание с самого раннего детства — это вовсе не такое трудное дело, как многим кажется. По своей трудности это дело по силам каждому человеку, каждому отцу и каждой матери. Хорошо воспитать своего ребенка легко может каждый человек, если только он этого действительно захочет, а кроме того, это дело приятное, радостное, счастливое. Совсем другое — перевоспитание[2]. Если ваш ребенок воспитывался неправильно, если вы что-то прозевали, мало о нем думали, а то, бывает, и поленились, запустили ребенка, тогда уже нужно многое переделывать, поправлять. И вот эта работа поправки, работа перевоспитания — уже не такое легкое дело. Перевоспитание требует и больше сил и больше знаний, больше терпения, а не у каждого родителя все это найдется. Очень часто бывают такие случаи, когда семья уже никак не может справиться с трудностями перевоспитания и приходится отправлять сына или дочку в трудовую колонию. А бывает и так, что и колония ничего поделать не может и выходит в жизнь человек не совсем правильный. Возьмем даже

такой случай, когда переделка помогла, вышел человек в жизнь и работает. Все смотрят на него, и все довольны, и родители в том числе. Но того никто не хочет подсчитать, сколько все-таки потеряли. Если бы этого человека с самого начала правильно воспитывали, он больше взял бы от жизни, он вышел бы в жизнь еще более сильным, более подготовленным, а значит, и более счастливым. А кроме того, работа перевоспитания, переделки — это работа не только более трудная, но и горестная. Такая работа, даже при полном успехе, причиняет родителям постоянные огорчения, изнашивает нервы, часто портит родительский характер.

Советуем родителям всегда помнить об этом, всегда стараться воспитывать так, чтобы ничего потом не пришлось переделывать, чтобы с самого начала все было сделано правильно.

Очень много ошибок в семейной работе получается от того, что родители как будто забывают, в какое они живут время. Бывает, родители на службе, вообще в жизни, в обществе выступают как хорошие граждане Советского Союза, как члены нового, социалистического общества, а дома, среди детей, живут по старинке. Конечно, нельзя сказать, что в старой, дореволюционной семье все было плохо, многое из старой семьи можно перенять, но нужно всегда помнить, что наша жизнь принципиально отличается от старой жизни. Нужно помнить, что мы живем в бесклассовом обществе[3], что такое общество существует пока только в СССР, что нам предстоят большие бои с умирающей буржуазией, большое социалистическое строительство. Наши дети должны вырасти активными и сознательными строителями коммунизма.

Родители должны подумать, чем отличается новая, советская семья от старой. В старой семье, например, отец имел больше власти, дети жили в полной его воле и податься им от отцовской власти было некуда. Многие отцы такой властью и злоупотребляли, относились к детям жестоко, как самодуры. Государство и православная церковь такую власть поддерживали: это было выгодно для общества эксплуататоров. В нашей семье иначе. Например, наша девушка не будет ждать, пока ей родители найдут жениха... Но и наша семья должна руководить чувствами своих детей. Очевидно, что наше руководство уже не может пользоваться в этом деле старыми способами, а должно находить новые.

В старом обществе каждая семья принадлежала к какому-нибудь классу и дети этой семьи обыкновенно оставались в том же классе. Сын крестьянина и сам обыкновенно крестьянствовал, сын рабочего тоже становился рабочим. Для наших детей предоставлены очень широкие просторы выбора. В этом выборе решающую роль играют не материальные возможности семьи, а исключительно способности и подготовка ребенка. Наши дети, стало быть, пользуются совершенно несравненным простором. Об этом знают и отцы, об этом знают и дети. При таких условиях становится просто невозможным никакое отцовское усмотрение. Для родителей теперь нужно рекомендовать гораздо более тонкое, осторожное и умелое руководство.

Семья перестала быть отцовской семьей. Наша женщина пользуется такими же правами, как и мужчина, наша мать имеет права, равные правам отца. Наша семья подчиняется не отцовскому единовластию, а представляет собой советский коллектив. В этом коллективе родители обладают известными правами. Откуда берутся эти права?

В старое время считалось, что отцовская власть имеет небесное происхождение: так угодно богу, о почитании родителей существовала особая заповедь. В школах батюшки толковали об этом, рассказывали детям, как бог жестоко наказывал детей за неуважение к родителям. В Советском государстве мы детей не обманываем. Наши родители, однако, тоже отвечают за свою семью перед всем советским обществом и советским законом. Поэтому и наши родители имеют некоторую власть и должны иметь авторитет в своей семье. Хотя каждая семья составляет коллектив равноправных членов общества, все же родители и дети отличаются тем, что первые руководят семьей, а вторые воспитываются в семье.

Обо всем этом каждый родитель должен иметь совершенно ясное представление. Каждый должен понимать, что в семье он не полный, бесконтрольный хозяин, а только старший, ответственный член коллектива. Если эта мысль хорошо будет понята, то правильно пойдет и вся воспитательная работа.

Мы знаем, что эта работа не у всех одинаково успешно протекает. Это зависит от многих причин, и прежде всего от применения правильных методов воспитания. Но очень важной причиной является и самое устройство семьи, ее структура. В известной мере эта структура находится в нашей власти. Можно, например, решительно утверждать, что воспитание единственного сына или единственной дочери гораздо более трудное дело, чем воспитание нескольких детей. Даже в том случае, если семья испытывает некоторые материальные затруднения, нельзя ограничиваться одним ребенком. Единственный ребенок очень скоро становится центром семьи. Заботы отца и матери, сосредоточенные на этом ребенке, обыкновенно превышают полезную норму. Любовь родительская в таком случае отличается известной нервозностью. Болезнь этого ребенка или его смерть переносится такой семьей очень тяжело, и страх такого несчастья всегда стоит перед родителями и лишает их необходимого спокойствия. Очень часто единственный ребенок привыкает к своему исключительному положению и становится настоящим деспотом в семье. Для родителей очень трудно бывает затормозить свою любовь к нему и свои заботы, и волей-неволей они воспитывают эгоиста.

Только в семье, где есть несколько детей, родительская забота может иметь нормальный характер. Она равномерно распределяется между всеми. В большой семье ребенок привыкает с самых малых лет к коллективу, приобретает опыт взаимной связи. Если в семье есть старшие и младшие дети, между ними устанавливается опыт любви и дружбы в самых разнообразных формах. Жизнь такой семьи предоставляет ребенку возможность упражняться в различных видах человеческих отношений. Перед ними проходят такие жизненные задачи, которые единственному ребенку недоступны: любовь к старшему брату и любовь к младшему брату — это совершенно различные чувства, умение поделиться с братом или сестрой, привычка посочувствовать им. Мы уже не говорим, что в большой семье на каждом шагу, даже в игре, ребенок привыкает быть в коллективе. Все это очень важно именно для советского воспитания. В буржуазной семье этот вопрос не имеет такого значения, так как там все общество построено на эгоистическом принципе.

Бывают и другие случаи неполной семьи. Очень болезненно отражается

на воспитании ребенка, если родители не живут вместе, если они разошлись. Часто дети становятся предметом распри между родителями, которые открыто друг друга ненавидят и не скрывают этого от детей.

Необходимо рекомендовать тем родителям, которые почему-либо оставляют один другого, чтобы в своей ссоре, в своем расхождении они больше думали о детях. Какие угодно несогласия можно разрешить более деликатно, можно скрыть от детей и свою неприязнь и свою ненависть к бывшему супругу. Трудно, разумеется, мужу, оставившему семью, как-нибудь продолжать воспитание детей. И если он не может благотворно влиять на свою старую семью, то лучше постараться, чтобы она совсем его забыла, это будет более честно. Хотя, разумеется, свои материальные обязательства по отношению к покинутым детям он должен нести по-прежнему.

Вопрос о структуре семьи — вопрос очень важный, и к нему нужно относиться вполне сознательно.

Если родители по-настоящему любят своих детей и хотят их воспитать как можно лучше, они будут стараться и свои взаимные несогласия не доводить до разрыва и тем не ставить детей в самое трудное положение.

Следующий вопрос, на который нужно обратить самое серьезное внимание,— это вопрос о цели воспитания. В некоторых семьях можно наблюдать полное бездумье в этом вопросе: просто живут рядом родители и дети, и родители надеются на то, что все само собой получится. У родителей нет ни ясной цели, ни определенной программы. Конечно, в таком случае и результаты будут всегда случайны, и часто такие родители потом удивляются, почему это у них выросли плохие дети. Никакое дело нельзя хорошо сделать, если неизвестно, чего хотят достигнуть.

Каждый отец и каждая мать дожны хорошо знать, что́ они хотят воспитать в своем ребенке. Надо отдавать себе ясный отчет относительно своих собственных родительских желаний. Хотите ли вы воспитать настоящего гражданина Советской страны, человека знающего, энергичного, честного, преданного своему народу, делу революции, трудолюбивого, бодрого и вежливого? Или вы хотите, чтобы из вашего ребенка вышел мещанин, жадный, трусливый, какой-нибудь хитренький и мелкий делец? Дайте себе труд, подумайте хорошо над этим вопросом, подумайте хотя бы втайне, и вы сразу увидите и много сделанных вами ошибок, и много правильных путей впереди.

И при этом всегда вы должны помнить: вы родили и воспитываете сына или дочь не только для вашей родительской радости. В вашей семье и под вашим руководством растет будущий гражданин, будущий деятель и будущий борец. Если вы напутаете, воспитаете плохого человека, горе от этого будет не только вам, но и многим людям, и всей стране. Не отмахивайтесь от этого вопроса, не считайте его надоедливым резонерством. Ведь на вашем заводе, в вашем учреждении вы стыдитесь выпускать брак вместо хорошей продукции. Еще более стыдно должно быть для вас давать обществу плохих или вредных людей.

Этот вопрос имеет очень важное значение. Стоит только вам серьезно над ним задуматься, и многие беседы о воспитании станут для вас лишними, вы и сами увидите, что́ вам нужно делать. А как раз многие родители не думают над таким вопросом. Они любят своих детей; они наслаждаются их обществом, они даже хвастаются ими, наряжают их и совершенно

забывают о том, что на их моральной ответственности лежит рост будущего гражданина.

Может ли задуматься над всем этим такой отец, который сам является плохим гражданином, который совершенно не интересуется ни жизнью страны, ни ее борьбой, ни ее успехами, которого не тревожат вражеские вылазки? Конечно, не может. Но о таких людях и говорить не стоит, их немного в нашей стране...

Но есть иные люди. Они на работе и среди людей чувствуют себя гражданами, а домашние дела проходят независимо от этого: дома они или просто помалкивают, или, напротив, ведут себя так, как не должен вести себя советский гражданин. Раньше, чем вы начнете воспитывать своих детей, проверьте ваше собственное поведение.

Нельзя отделить семейные дела от дел общественных. Ваша активность в обществе или на работе должна иметь отражение и в семье, семья ваша должна видеть ваше политическое и гражданское лицо и не отделять его от лица родителя. Все, что совершается в стране, через вашу душу и вашу мысль должно приходить к детям. То, что совершается на вашем заводе, что радует или печалит вас, должно интересовать и ваших детей. Они должны знать, что вы — общественный деятель, и гордиться вами, вашими успехами, вашими заслугами перед обществом. И только в том случае эта гордость будет здоровой гордостью, если ее общественная сущность детям понятна, если они не гордятся просто вашим хорошим костюмом, вашим автомобилем или охотничьим ружьем.

Ваше собственное поведение — самая решающая вещь. Не думайте, что вы воспитываете ребенка только тогда, когда с ним разговариваете, или поучаете его, или приказываете ему. Вы воспитываете его в каждый момент вашей жизни, даже тогда, когда вас нет дома. Как вы одеваетесь, как вы разговариваете с другими людьми и о других людях, как вы радуетесь или печалитесь, как вы обращаетесь с друзьями и с врагами, как вы смеетесь, читаете газету — все это имеет для ребенка большое значение. Малейшие изменения в тоне ребенок видит или чувствует, все повороты вашей мысли доходят до него невидимыми путями, вы их не замечаете. А если дома вы грубы, или хвастливы, или пьянствуете, а еще хуже, если вы оскорбляете мать, вам уже не нужно думать о воспитании: вы уже воспитываете ваших детей, и воспитываете плохо, и никакие самые лучшие советы и методы вам не помогут.

Родительское требование к себе, родительское уважение к своей семье, родительский контроль над каждым своим шагом — вот первый и самый главный метод воспитания!

А между тем приходится иногда встречать таких родителей, которые считают, что нужно найти какой-то хитрейший рецепт воспитания детей, и дело будет сделано. По их мнению, если этот рецепт дать в руки самому заядлому лежебоке, он при помощи рецепта воспитает трудолюбивого человека; если его дать мошеннику, рецепт поможет воспитать честного гражданина; в руках враля он тоже сделает чудо, и ребенок вырастет правдивым.

Таких чудес не бывает. Никакие рецепты не помогут, если в самой личности воспитателя есть большие недостатки.

На эти недостатки и нужно обратить первое внимание. А что касается

фокусов, то нужно раз навсегда помнить, что педагогических фокусов просто не существует. К сожалению, иногда можно видеть таких людей, верящих в фокусы. Тот придумает особое наказание, другой вводит какие-нибудь премии, третий всеми силами старается паясничать дома и развлекать детей, четвертый подкупает обещаниями.

Воспитание детей требует самого серьезного тона, самого простого и искреннего. В этих трех качествах должна заключаться предельная правда вашей жизни. Самое незначительное прибавление лживости, искусственности, зубоскальства, легкомыслия делает воспитательную работу обреченной на неудачу. Это вовсе не значит, что вы должны быть всегда надуты, напыщенны,— будьте просто искренни, пусть ваше настроение соответствует моменту и сущности происходящего в вашей семье.

Фокусы мешают людям видеть настоящие задачи, стоящие перед ними, фокусы в первую очередь забавляют самих родителей, фокусы отнимают время.

А многие родители так любят жаловаться на недостаток времени!

Конечно, лучше, если родители чаще бывают с детьми, очень нехорошо, если родители никогда их не видят. Но все же необходимо сказать, что правильное воспитание вовсе не требует, чтобы родители не спускали с детей глаз. Такое воспитание может принести только вред. Оно развивает пассивность характера, такие дети слишком привыкают к обществу взрослых, и духовный рост их идет слишком быстро. Родители любят этим похвастаться, но потом убеждаются, что допустили ошибку.

Вы должны хорошо знать, что делает, где находится, кем окружен ваш ребенок, но вы должны предоставить ему необходимую свободу, чтобы он находился не только под вашим личным влиянием, а под многими разнообразными влияниями жизни. Не думайте при этом, что вы должны трусливо отгораживать его от влияний отрицательных или даже враждебных. Ведь в жизни все равно ему придется столкнуться с различными соблазнами, с чуждыми и вредными людьми и обстоятельствами. Вы должны выработать у него умение разбираться в них, бороться с ними, узнавать их своевременно. В парниковом воспитании, в изолированном высиживании нельзя этого выработать. Поэтому, совершенно естественно, вы должны допустить самое разнообразное окружение ваших детей, но никогда не теряйте их из виду.

Детям необходимо вовремя помочь, вовремя остановить их, направить. Таким образом, от вас требуется только постоянный корректив к жизни ребенка, но вовсе не то, что называется вождением за руку. В свое время мы коснемся подробнее этого вопроса, сейчас же мы остановились на нем только потому, что зашел разговор о времени. Для воспитания нужно не большое время, а разумное использование малого времени. И еще раз повторяем: воспитание происходит всегда, даже тогда, когда вас нет дома.

Истинная сущность воспитательной работы, вероятно вы и сами уже догадались об этом, заключается вовсе не в ваших разговорах с ребенком, не в прямом воздействии на ребенка, а в организации вашей семьи, вашей личной и общественной жизни и в организации жизни ребенка. Воспитательная работа есть прежде всего работа организатора. В этом деле поэтому нет мелочей. Вы не имеете права ничего назвать мелочью и забыть о

ней. Страшной ошибкой будет думать, что в вашей жизни или в жизни вашего ребенка вы что-нибудь выделите крупное и уделите этому крупному все ваше внимание, а все остальное отбросите в сторону. В воспитательной работе нет пустяков. Какой-нибудь бант, который вы завязываете в волосах девочки, та или иная шапочка, какая-нибудь игрушка — все это такие вещи, которые могут иметь в жизни ребенка самое большое значение. Хорошая организация в том и заключается, что она не выпускает из виду мельчайших подробностей и случаев. Мелочи действуют регулярно, ежедневно, ежечасно, из них и складывается жизнь. Руководить этой жизнью, организовать ее и будет самой ответственной вашей задачей.

В следующих беседах мы рассмотрим отдельные методы воспитательной работы в семье более подробно. Сегодняшняя беседа была вступлением.

Резюмируем кратко сказанное сегодня.

Надо стремиться к правильному воспитанию, чтобы потом не пришлось заниматься перевоспитанием, что гораздо труднее.

Надо помнить, что вы руководите новой советской семьей. По возможности надо добиваться правильной структуры этой семьи.

Необходимо иметь перед собой точную цель и программу воспитательной работы.

Надо всегда помнить, что ребенок не только ваша радость, но и будущий гражданин, что вы отвечаете за него перед страной. Надо прежде всего самому быть хорошим гражданином и вносить свое гражданское самочувствие и в семью.

Надо предъявлять самые строгие требования к своему собственному поведению.

Не нужно надеяться ни на какие рецепты и фокусы. Нужно быть серьезным, простым и искренним.

Не нужно рассчитывать на большую трату времени, нужно уметь руководить ребенком, а не оберегать его от жизни.

Главное в воспитательной работе заключается в организации жизни семьи с пристальным учетом мелочей.

О родительском авторитете

В прошлой беседе мы говорили о том, что советская семья многим отличается от семьи буржуазной. И прежде всего ее отличие заключается в характере родительской власти. Наш отец и наша мать уполномочены обществом воспитать будущего гражданина нашего Отечества, они отвечают перед обществом. На этом и основывается их родительская власть и их авторитет в глазах детей.

Однако будет просто неудобно в самой семье перед детьми доказывать родительскую власть постоянной ссылкой на такое общественное полномочие. Воспитание детей начинается с того возраста, когда никакие логические доказательства и предъявление общественных прав вообще невозможны, а между тем без авторитета невозможен воспитатель.

Наконец, самый смысл авторитета в том и заключается, что он не требует никаких доказательств, что он принимается как несомненное достоинство старшего, как его сила и ценность, видимая, так сказать, простым детским глазом.

Отец и мать в глазах ребенка должны иметь этот авторитет. Часто приходится слышать вопрос: что делать с ребенком, если он не слушается? Вот это самое «не слушается» и есть признак того, что родители в его глазах не имеют авторитета.

Откуда берется родительский авторитет, как он организуется?

Те родители, у которых дети «не слушаются», склонны иногда думать, что авторитет дается от природы, что это — особый талант. Если таланта нет, то и поделать ничего нельзя, остается только позавидовать тому, у кого такой талант есть. Эти родители ошибаются. Авторитет может быть организован в каждой семье, и это даже не очень трудное дело.

К сожалению, встречаются родители, которые организуют такой авторитет на ложных основаниях. Они стремятся к тому, чтобы дети их слушались, это составляет их цель. А на самом деле это ошибка. Авторитет и послушание не могут быть целью. Цель может быть только одна: правильное воспитание. Только к этой одной цели и нужно стремиться. Детское послушание может быть только одним из путей к этой цели. Как раз те родители, которые о настоящих целях воспитания не думают, добиваются послушания для самого послушания. Если дети послушны, родителям живется спокойнее. Вот это самое спокойствие и является их настоящей целью. На поверку всегда выходит, что ни спокойствие, ни послушание не сохраняются долго. Авторитет, построенный на ложных основаниях, только на очень короткое время помогает, скоро все разрушается, не остается ни авторитета, ни послушания. Бывает и так, что родители добиваются послушания, но зато все остальные цели воспитания в загоне: вырастают, правда, послушные, но слабые дети.

Есть много сортов такого ложного авторитета. Мы рассмотрим здесь более или менее подробно десяток этих сортов. Надеемся, что после такого рассмотрения легче будет выяснить, каким должен быть авторитет настоящий. Приступим.

А в т о р и т е т   п о д а в л е н и я. Это самый страшный сорт авторитета, хотя и не самый вредный. Больше всего таким авторитетом страдают отцы. Если отец дома всегда рычит, всегда сердит, за каждый пустяк разражается громом, при всяком удобном и неудобном случае хватается за палку или за ремень, на каждый вопрос отвечает грубостью, каждую вину ребенка отмечает наказанием, то это и есть авторитет подавления. Такой отцовский террор держит в страхе всю семью: не только детей, но и мать. Он приносит вред не только потому, что запугивает детей, но и потому, что делает мать нулевым существом, которое способно быть только прислугой. Не нужно доказывать, как вреден такой авторитет. Он ничего не воспитывает, он только приучает детей подальше держаться от страшного папаши, он вызывает детскую ложь и человеческую трусость, и в то же время он воспитывает в ребенке жестокость. Из забитых и безвольных детей выходят потом либо слякотные, никчемные люди, либо самодуры, в течение всей своей жизни мстящие за подавлен-

ное детство. Этот самый дикий сорт авторитета бывает только у некультурных родителей и в последнее время, к счастью, вымирает.

Авторитет расстояния. Есть такие отцы, да и матери, которые серьезно убеждены: чтобы дети слушались, нужно поменьше с ними разговаривать, подальше держаться, изредка только выступать в виде начальства. Особенно любили этот вид в некоторых старых интеллигентских семьях. Здесь сплошь и рядом у отца какой-нибудь отдельный кабинет, из которого он показывается изредка как первосвященник. Обедает он отдельно, развлекается отдельно, даже свои распоряжения по вверенной ему семье он передает через мать. Бывают и такие матери: у них своя жизнь, свои интересы, свои мысли. Дети находятся в ведении бабушки или даже домработницы.

Нечего и говорить, что такой авторитет не приносит никакой пользы и такая семья не может быть названа советской семьей.

Авторитет чванства. Это особый вид авторитета расстояния, но, пожалуй, более вредный. У каждого гражданина Советского государства есть свои заслуги. Но некоторые люди считают, что они самые заслуженные, самые важные деятели, и показывают эту важность на каждом шагу, показывают своим детям. Дома они даже больше пыжатся и надуваются, чем на работе, они только и делают, что толкуют о своих достоинствах, они высокомерно относятся к остальным людям. Бывает очень часто, что, пораженные таким видом отца, начинают чваниться и дети. Перед товарищами они тоже выступают не иначе, как с хвастливым словом, на каждом шагу повторяя: мой папа — начальник, мой папа — писатель, мой папа — командир, мой папа — знаменитость. В этой атмосфере высокомерия важный папа уже не может разобрать, куда идут его дети и кого он воспитывает. Встречается такой авторитет и у матерей: какое-нибудь особенное платье, важное знакомство, поездка на курорт — все это дает им основание для чванства, для отделения от остальных людей и от своих собственных детей.

Авторитет педантизма. В этом случае родители больше обращают внимания на детей, больше работают, но работают, как бюрократы. Они уверены в том, что дети должны каждое родительское слово выслушивать с трепетом, что слово их — это святыня. Свои распоряжения они отдают холодным тоном, и раз оно отдано, то немедленно становится законом. Такие родители больше всего боятся, как бы дети не подумали, что папа ошибся, что папа человек нетвердый. Если такой папа сказал: «Завтра будет дождь, гулять нельзя», то хотя бы завтра была и хорошая погода, все же считается, что гулять нельзя. Папе не понравилась какая-нибудь кинокартина, он вообще запретил детям ходить в кино, в том числе и на хорошие картины. Папа наказал ребенка, потом обнаружилось, что ребенок не так виноват, как казалось сначала, папа ни за что не отменит своего наказания: раз я сказал, так и должно быть. На каждый день хватает для такого папы дела, в каждом движении ребенка он видит нарушение порядка и законности и пристает к нему с новыми законами и распоряжениями. Жизнь ребенка, его интересы, его рост проходят мимо такого папы незаметно; он ничего не видит, кроме своего бюрократического начальствования в семье.

Авторитет резонерства. В этом случае родители буквально

заедают детскую жизнь бесконечными поучениями и назидательными разговорами. Вместо того чтобы сказать ребенку несколько слов, может быть даже в шутливом тоне, родитель усаживает его против себя и начинает скучную и надоедливую речь. Такие родители уверены, что в поучениях заключается главная педагогическая мудрость. В такой семье всегда мало радости и улыбки. Родители изо всех сил стараются быть добродетельными, они хотят в глазах детей быть непогрешимыми. Но они забывают, что дети — это не взрослые, что у детей своя жизнь и что нужно эту жизнь уважать. Ребенок живет более эмоционально, более страстно, чем взрослый, он меньше всего умеет заниматься рассуждениями. Привычка мыслить должна приходить к нему постепенно и довольно медленно, а постоянные разглагольствования родителей, постоянное их зудение и болтливость проходят почти бесследно в их сознании. В резонерстве родителей дети не могут увидеть никакого авторитета.

Авторитет любви. Это у нас самый распространенный вид ложного авторитета. Многие родители убеждены: чтобы дети слушались, нужно, чтобы они любили родителей, а чтобы заслужить эту любовь, необходимо на каждом шагу показывать детям свою родительскую любовь. Нежные слова, бесконечные лобзания, ласки, признания сыплются на детей в совершенно избыточном количестве. Если ребенок не слушается, у него немедленно спрашивают: «Значит, ты папу не любишь?» Родители ревниво следят за выражением детских глаз и требуют нежности и любви. Часто мать при детях рассказывает знакомым: «Он страшно любит папу и страшно любит меня, он такой нежный ребенок...»

Такая семья настолько погружается в море сентиментальности и нежных чувств, что уже ничего другого не замечает. Мимо внимания родителей проходят многие важные мелочи семейного воспитания. Ребенок все должен делать из любви к родителям.

В этой линии много опасных мест. Здесь вырастает семейный эгоизм. У детей, конечно, не хватает сил на такую любовь. Очень скоро они замечают, что папу и маму можно как угодно обмануть, только нужно это делать с нежным выражением. Папу и маму можно даже запугать, стоит только надуться и показать, что любовь начинает проходить. С малых лет ребенок начинает понимать, что к людям можно подыгрываться. А так как он не может любить так же сильно и других людей, то подыгрывается к ним уже без всякой любви, с холодным и циническим расчетом. Иногда бывает, что любовь к родителям сохраняется надолго, но все остальные люди рассматриваются как посторонние и чуждые, к ним нет симпатии, нет чувства товарищества.

Это очень опасный вид авторитета. Он выращивает неискренних и лживых эгоистов. И очень часто первыми жертвами такого эгоизма становятся сами родители.

Авторитет доброты. Это самый неумный вид авторитета. В этом случае детское послушание также организуется через детскую любовь, но она вызывается не поцелуями и излияниями, а уступчивостью, мягкостью, добротой родителей. Папа или мама выступает перед ребенком в образе доброго ангела. Они все разрешают, им ничего не жаль, они не скупые, они замечательные родители. Они боятся всяких конфликтов, они предпочитают семейный мир, они готовы чем угодно пожертвовать,

только бы все было благополучно. Очень скоро в такой семье дети начинают просто командовать родителями, родительское непротивление открывает самый широкий простор для детских желаний, капризов, требований. Иногда родители позволяют себе небольшое сопротивление, но уже поздно, в семье уже образовался вредный опыт.

Авторитет дружбы. Довольно часто еще и дети не родились, а между родителями есть уже договор: наши дети будут нашими друзьями. В общем, это, конечно, хорошо. Отец и сын, мать и дочь могут быть друзьями и должны быть друзьями, но все же родители остаются старшими членами семейного коллектива и дети все же остаются воспитанниками. Если дружба достигнет крайних пределов, воспитание прекращается или начинается противоположный процесс: дети начинают воспитывать родителей. Такие семьи приходится иногда наблюдать среди интеллигенции. В этих семьях дети называют родителей Петькой или Маруськой, потешаются над ними, грубо обрывают, поучают на каждом шагу, ни о каком послушании не может быть и речи. Но здесь нет и дружбы, так как никакая дружба невозможна без взаимного уважения.

Авторитет подкупа — самый безнравственный вид авторитета, когда послушание просто покупается подарками и обещаниями. Родители, не стесняясь, так и говорят: будешь слушаться — куплю тебе лошадку, будешь слушаться — пойдем в цирк.

Разумеется, в семье тоже возможно некоторое поощрение, нечто похожее на премирование[4]; но ни в каком случае нельзя детей премировать за послушание, за хорошее отношение к родителям. Можно премировать за хорошую учебу, за выполнение действительно какой-нибудь трудной работы. Но и в этом случае никогда нельзя заранее объявлять ставку и подстегивать детей в их школьной или иной работе соблазнительными обещаниями.

Мы рассмотрели несколько видов ложного авторитета. Кроме них, есть еще много сортов. Есть авторитет веселости, авторитет учености, авторитет «рубахи-парня», авторитет красоты. Но бывает часто и так, что родители вообще не думают ни о каком авторитете, живут как-нибудь, как попало и как-нибудь тянут волынку воспитания детей. Сегодня родитель нагремел и за пустяк наказал мальчика, завтра он признается ему в любви, послезавтра что-нибудь ему обещает в порядке подкупа, а на следующий день снова наказал, да еще и упрекнул за все свои добрые дела. Такие родители всегда мечутся, как угорелые кошки, в полном бессилии, в полном непонимании того, что они делают. Бывает и так, что отец придерживается одного вида авторитета, а мать — другого. Детям в таком случае приходится быть прежде всего дипломатами и научиться лавировать между папой и мамой. Наконец, бывает и так, что родители просто не обращают внимания на детей и думают только о своем спокойствии.

В чем же должен состоять настоящий родительский авторитет в советской семье?

Главным основанием родительского авторитета только и может быть жизнь и работа родителей, их гражданское лицо, их поведение. Семья есть большое и ответственное дело, родители руководят этим делом и отвечают за него перед обществом, перед своим счастьем и перед жизнью де-

тей. Если родители это дело делают честно, разумно, если перед ними поставлены значительные и прекрасные цели, если они сами всегда дают себе полный отчет в своих действиях и поступках, это значит, что у них есть и родительский авторитет, и не нужно искать никаких иных оснований, и тем более не нужно придумывать ничего искусственного.

Как только дети начинают подрастать, они всегда интересуются, где работает отец или мать, каково их общественное положение. Как можно раньше они должны узнать, чем живут, чем интересуются, с кем рядом стоят их родители. Дело отца или матери должно выступать перед ребенком как серьезное, заслуживающее уважения дело. Заслуги родителей в глазах детей должны быть прежде всего заслугами перед обществом, действительной ценностью, а не только внешностью. Очень важно, если эти заслуги дети видят не изолированно, а на фоне достижений нашей страны. Не чванство, а хорошая советская гордость должна быть у детей, но в то же время необходимо, чтобы дети гордились не только своим отцом или матерью, чтобы они знали имена великих и знатных людей нашего Отечества, чтобы отец или мать в их представлении выступали как участники этого большого ряда деятелей.

При этом нужно всегда помнить, что в каждой человеческой деятельности есть свои напряжения и свое достоинство. Ни в коем случае родители не должны представляться детям как рекордсмены в своей области, как ни с чем не сравнимые гении. Дети должны видеть и заслуги других людей, и обязательно заслуги ближайших товарищей отца и матери. Гражданский авторитет родителей только тогда станет на настоящую высоту, если это не авторитет выскочки или хвастуна, а авторитет члена коллектива. Если вам удастся воспитать своего сына так, что он будет гордиться целым заводом, на котором отец работает, если его будут радовать успехи этого завода,— значит, вы воспитали его правильно.

Но родители должны выступать не только как деятели ограниченного фронта своего коллектива. Наша жизнь есть жизнь социалистического общества. Перед своими детьми отец и мать должны выступать как участники этой жизни. События международной жизни, достижения литературы — все должно отражаться в мыслях отца, в его чувствах, в его стремлениях. Только такие родители, живущие полной жизнью,— граждане нашей страны, будут иметь у детей настоящий авторитет. При этом не думайте, пожалуйста, что такой жизнью вы должны жить «нарочно», чтобы дети видели, чтобы поразить их вашими качествами. Это — порочная установка. Вы должны искренне, на самом деле жить такой жизнью, вы не должны стараться особо демонстрировать ее перед детьми. Будьте покойны, они сами все увидят, что нужно.

Но вы не только гражданин. Вы еще и отец. И родительское ваше дело вы должны выполнять как можно лучше, и в этом заключаются корни вашего авторитета. И прежде всего вы должны знать, чем живет, интересуется, что любит, чего не любит, чего хочет и чего не хочет ваш ребенок. Вы должны знать, с кем он дружит, с кем играет и во что играет, что читает, как воспринимает прочитанное. Когда он учится в школе, вам должно быть известно, как он относится к школе и к учителям, какие у него затруднения, как он ведет себя в классе. Это все вы должны знать всегда, с самых малых лет вашего ребенка. Вы не должны неожиданно узнавать о

разных неприятностях и конфликтах, вы должны их предугадывать и предупреждать.

Все это нужно знать, но это вовсе не значит, что вы можете преследовать вашего сына постоянными и надоедливыми расспросами, дешевым и назойливым шпионством. С самого начала вы должны так поставить дело, чтобы дети сами вам рассказывали о своих делах, чтобы им хотелось вам рассказать, чтобы они были заинтересованы в вашем знании. Иногда вы должны пригласить к себе товарищей сына, даже угостить их чем-нибудь, иногда вы сами должны побывать в той семье, где есть эти товарищи, вы должны при первой возможности познакомиться с этой семьей.

Для всего этого не требуется много времени, для этого нужно только внимание к детям и к их жизни.

И если у вас будет такое знание и такое внимание, это не пройдет незамеченным для ваших детей. Дети любят такое знание и уважают родителей за это.

Авторитет знания необходимо приведет и к авторитету помощи. В жизни каждого ребенка бывает много случаев, когда он не знает, как нужно поступить, когда он нуждается в совете и в помощи. Может быть, он не попросит вас о помощи, потому что не умеет это сделать, вы сами должны прийти с помощью.

Часто эта помощь может быть оказана в прямом совете, иногда в шутке, иногда в распоряжении, иногда даже в приказе. Если вы знаете жизнь вашего ребенка, вы сами увидите, как поступить наилучшим образом. Часто бывает, что эту помощь нужно оказать особым способом. Нужно бывает либо принять участие в детской игре, либо познакомиться с товарищами детей, либо побывать в школе и поговорить с учителем. Если в вашей семье несколько детей, а это — самый счастливый случай, к делу такой помощи могут быть привлечены старшие братья и сестры.

Родительская помощь не должна быть навязчива, надоедлива, утомительна. В некоторых случаях совершенно необходимо предоставить ребенку самому выбраться из затруднения, нужно, чтобы он привыкал преодолевать препятствия и разрешать более сложные вопросы. Но нужно всегда видеть, как ребенок совершает эту операцию, нельзя допускать, чтобы он запутался и пришел в отчаяние. Иногда даже нужно, чтобы ребенок видел вашу настороженность, внимание и доверие к его силам.

Авторитет помощи, осторожного и внимательного руководства счастливо дополнится авторитетом знания. Ребенок будет чувствовать ваше присутствие рядом с ним, вашу разумную заботу о нем, вашу страховку, но в то же время он будет знать, что вы от него кое-что требуете, что вы и не собираетесь все делать за него, снять с него ответственность.

Вот именно линия ответственности является следующей важной линией родительского авторитета. Ни в каком случае ребенок не должен думать, что ваше руководство семьей и им самим есть ваше удовольствие или развлечение. Он должен знать, что вы отвечаете не только за себя, но и за него перед советским обществом. Не нужно бояться открыто и твердо сказать сыну или дочери, что они воспитываются, что им нужно еще многому учиться, что они должны вырасти хорошими гражданами и хорошими людьми, что родители отвечают за достижение этой цели,

что они не боятся этой ответственности. В этой линии ответственности лежат начала не только помощи, но и требования. В некоторых случаях это требование должно быть выражено в самой суровой форме, не допускающей возражений. Между прочим, нужно сказать, что такое требование только и может быть сделано с пользой, если авторитет ответственности уже создан в представлении ребенка. Даже в самом малом возрасте он должен чувствовать, что его родители не живут вместе с ним на необитаемом острове.

Заканчивая нашу беседу, кратко резюмируем сказанное.

Авторитет необходим в семье.

Надо отличать настоящий авторитет от авторитета ложного, основанного на искусственных принципах и стремящегося создать послушание любыми средствами.

Действительный авторитет основывается на вашей гражданской деятельности, на вашем гражданском чувстве, на вашем знании жизни ребенка, на вашей помощи ему и на вашей ответственности за его воспитание.

Игра

Игра имеет важное значение в жизни ребенка, имеет то же значение, какое у взрослого имеет деятельность, работа, служба. Каков ребенок в игре, таков во многом он будет в работе, когда вырастет. Поэтому воспитание будущего деятеля происходит прежде всего в игре. И вся история отдельного человека как деятеля и работника может быть представлена в развитии игры и в постепенном переходе ее в работу. Этот переход совершается очень медленно. В самом младшем возрасте ребенок преимущественно играет, его рабочие функции очень незначительны и не выходят за пределы самого простого самообслуживания: он начинает самостоятельно есть, укрываться одеялом, надевать штанишки. Но даже и в эту работу он еще вносит много игры. В хорошо организованной семье эти рабочие функции постепенно усложняются, ребенку поручаются все более сложные работы, сначала исключительно в целях самообслуживания, потом и такие работы, которые имеют значение для всей семьи. Но игра в это время составляет главное занятие ребенка, наиболее его увлекает, интересует. В школьном возрасте работа уже занимает очень важное место, она связана с более серьезной ответственностью, она связана и с более определенными и ясными представлениями о будущей жизни ребенка, это уже работа такого сорта, которая близко стоит к общественной деятельности. Но и в это время ребенок еще очень много играет, любит игру, ему даже приходится переживать довольно сложные коллизии, когда игра кажется настолько симпатичнее работы, что хочется отложить работу и поиграть. Если такие коллизии происходят, это значит, что воспитание ребенка в игре и в рабочих функциях происходило неправильно, что родители допустили какие-то перегибы. Отсюда уже видно, какое важное значение имеет руководство игрой ребенка. В жизни мы встречаем много взрослых людей, давно окончивших школу, у которых любовь к игре преобладает над

любовью к работе. Сюда нужно отнести всех людей, которые слишком активно гоняются за удовольствиями, которые забывают о работе ради хорошей, веселой компании. К этому сорту людей нужно отнести и тех, которые позируют, важничают, фиглярничают, лгут без всякой цели. Они принесли из детства в серьезную жизнь игровые установки, у них эти установки не были правильно преобразованы в рабочие установки, — это значит, что они плохо воспитаны, и это плохое воспитание происходило преимущественно в неправильно организованной игре.

Все сказанное вовсе не означает, что нужно как можно раньше отвлекать ребенка от игры и переводить на рабочее усилие и на рабочую заботу. Такой перевод не принесет пользы, он явится насилием над ребенком, он вызовет у него отвращение к работе и усилит стремление к игре. Воспитание будущего деятеля должно заключаться не в устранении игры, а в такой организации ее, когда игра остается игрой, но в игре воспитываются качества будущего работника и гражданина.

Для того чтобы руководить игрой ребенка и воспитывать его в игре, родители должны хорошо подумать над вопросом о том, что такое игра и чем она отличается от работы. Если родители не подумают над этим вопросом, не разберутся в нем как следует, они не смогут руководить ребенком и будут теряться в каждом отдельном случае, будут скорее портить ребенка, чем воспитывать.

Нужно прежде всего сказать, что между игрой и работой нет такой большой разницы, как многие думают. Хорошая игра похожа на хорошую работу, плохая игра похожа на плохую работу. Это сходство очень велико, можно прямо сказать: плохая работа больше похожа на плохую игру, чем на хорошую работу.

В каждой хорошей игре есть прежде всего рабочее усилие и усилие мысли. Если вы купите ребенку заводную мышку, целый день будете заводить ее и пускать, а ребенок будет целый день смотреть на эту мышку и радоваться — в этой игре не будет ничего хорошего. Ребенок в этой игре остается пассивным, все его участие заключается в том, что он глазеет. Если ваш ребенок будет заниматься только такими играми, из него и вырастет пассивный человек, привыкший глазеть на чужую работу, лишенный почина и не привыкший творить в работе новое, не привыкший преодолевать трудности. Игра без усилия, игра без активной деятельности — всегда плохая игра. Как видите, в этом пункте игра очень похожа на работу.

Игра доставляет ребенку радость. Это будет или радость творчества, или радость победы, или радость эстетическая — радость качества. Такую же радость приносит и хорошая работа. И здесь полное сходство.

Некоторые думают, что работа отличается от игры тем, что в работе есть ответственность, а в игре ее нет. Это неправильно: в игре есть такая же большая ответственность, как в работе, — конечно, в игре хорошей, правильной, об этом ниже будет сказано подробнее.

Чем же все-таки отличается игра от работы? Это отличие лежит только в одном: работа есть участие человека в общественном производстве или в руководстве этим производством, в создании материальных, культурных, иначе говоря, социальных ценностей. Игра не преследует таких целей, к общественным целям она не имеет прямого отношения, но имеет к ним

отношение косвенное: она приучает человека к тем физическим и психическим усилиям, которые необходимы для работы.

Теперь уже ясно, что́ мы должны потребовать от родителей в деле руководства детской игрой. Первое — это следить, чтобы игра не делалась единственным стремлением ребенка, чтобы не отвлекала его целиком от общественных целей. Второе — чтобы в игре воспитывались те психические и физические навыки, которые необходимы для работы.

Первая цель достигается, как уже было сказано, постепенным вовлечением ребенка в область труда, который медленно, но неуклонно приходит на смену игре. Вторая цель достигается правильным руководством самой игрой: выбором игры, помощью ребенку в игре.

В настоящей беседе мы будем говорить только о второй цели, вопросу же о трудовом воспитании будет посвящена отдельная беседа.

Приходится очень часто наблюдать неправильные действия родителей в деле руководства игрой. Эта неправильность бывает трех видов. Некоторые родители просто не интересуются игрой своих детей и думают, что дети и сами знают, как лучше играть. У таких родителей дети играют как хотят и когда хотят, сами выбирают себе игрушки и сами организуют игру. Другие родители много внимания уделяют игре, даже слишком много, все время вмешиваются в игру детей, показывают, рассказывают, дают игровые задачи, часто решают их раньше, чем решит ребенок, и радуются. У таких родителей ребенку ничего не остается, как слушаться родителей и подражать им; здесь, в сущности, играют больше родители, чем ребенок. Если у таких родителей ребенок что-нибудь строит и затрудняется в постройке, отец или мать присаживается рядом с ним и говорит:

— Ты не так делаешь, смотри, как надо делать.

Если ребенок вырезывает что-нибудь из бумаги, отец или мать некоторое время смотрит на его усилия, а потом отбирает у него ножницы и говорит:

— Давай я тебе вырежу. Видишь, как хорошо вышло?

Ребенок смотрит и видит, что у отца вышло действительно лучше. Он протягивает отцу второй листок бумаги и просит еще что-нибудь вырезать, и отец охотно это делает, довольный своими успехами. У таких родителей дети повторяют только то, что делают родители, они не привыкают преодолевать затруднения, самостоятельно добиваться повышения качества и очень рано привыкают к мысли, что только взрослые все умеют делать хорошо. У таких детей развивается неуверенность в своих силах, страх перед неудачей.

Третьи родители считают, что самое главное заключается в количестве игрушек. Они расходуют большие деньги на игрушки, забрасывают детей самыми разнообразными игрушками и гордятся этим. Детский уголок у таких родителей похож на игрушечный магазин. Такие родители как раз очень любят механические хитрые игрушки и заполняют ими жизнь своего ребенка. Дети у таких родителей в лучшем случае становятся коллекционерами игрушек, а в худшем случае — наиболее частом — без всякого интереса переходят от игрушки к игрушке, играют без увлечения, портят и ломают игрушки и требуют новых.

Правильное руководство игрой требует от родителей более вдумчивого и более осторожного отношения к игре детей.

Детская игра проходит несколько стадий развития, и в каждой стадии требуется особый метод руководства. Первая стадия — это время комнатной игры, время игрушки. Она начинает переходить во вторую стадию в возрасте пяти-шести лет[5]. Первая стадия характеризуется тем, что ребенок предпочитает играть один, редко допускает участие одного, двух товарищей. В эти годы ребенок любит играть своими игрушками и неохотно играет игрушками чужими. В этой стадии как раз развиваются личные способности ребенка. Не нужно бояться, что, играя один, ребенок вырастет эгоистом, нужно предоставить ему возможность играть в одиночестве, но нужно следить, чтобы эта первая стадия не затянулась, чтобы она вовремя перешла во вторую стадию. В первой стадии ребенок не способен играть в группе, он часто ссорится с товарищами, не умеет найти с ними коллективный интерес. Нужно дать ему свободу в этой индивидуальной игре, не нужно навязывать ему компаньонов, потому что такое навязывание приводит только к разрушению игрового настроения, к привычкам нервничать и скандалить. Можно прямо утверждать: чем лучше ребенок играет в младшем возрасте в одиночку, тем лучшим товарищем он будет в дальнейшем. В этом возрасте ребенок отличается очень большой агрессивностью, он в известном смысле «собственник». Самый лучший метод заключается в том, что не нужно давать ребенку упражняться в этой агрессивности и в развитии «собственнических» побуждений. Если ребенок играет один, он развивает свои способности: воображение, конструктивные навыки, навыки материальной организации. Это полезно. Если же вы против его воли посадите его играть в группе, то этим самым не избавите его от агрессивности, себялюбия.

У некоторых детей раньше, у других позже это предпочтение одинокой игры начинает перерастать в интерес к товарищам, к групповой игре. Надо помочь ребенку с наибольшей выгодой совершить этот довольно трудный переход. Нужно, чтобы расширение круга товарищей происходило в обстановке наиболее благоприятной. Обыкновенно этот переход происходит в виде повышения интереса ребенка к подвижным играм на свежем воздухе, к играм во дворе. Мы считаем наиболее выгодным такое положение, когда в группе детей во дворе есть один более старший, который пользуется общим авторитетом и выступает как организатор более молодых.

Вторая стадия детской игры труднее для руководства, так как в этой стадии дети уже не играют на глазах у родителей, а выходят на более широкую общественную арену. Вторая стадия продолжается до 11—12 лет, захватывая часть школьного времени.

Школа приносит более широкую компанию товарищей, более широкий круг интересов и более трудную арену, в частности для игровой деятельности, но зато она приносит и готовую, более четкую организацию, определенный и более точный режим и, самое главное, помощь квалифицированных педагогов. Во второй стадии ребенок выступает уже как член общества, но общества еще детского, не обладающего ни строгой дисциплиной, ни общественным контролем. Школа приносит и то и другое, школа и является формой перехода к третьей стадии игры.

На этой третьей стадии ребенок уже выступает как член коллектива, при этом коллектива не только игрового, но и делового, учебного. По-

этому и игра в этом возрасте принимает более строгие коллективные формы и постепенно становится игрой спортивной, т. е. связанной с определенными физкультурными целями, правилами, а самое главное — с понятиями коллективного интереса и коллективной дисциплины.

На всех трех стадиях развития игры влияние родителей имеет огромное значение. Конечно, на первом месте по значению этого влияния нужно поставить первую стадию, когда ребенок не состоит еще членом другого коллектива, кроме семейного, когда, кроме родителей, часто и нет других руководителей. Но и на других стадиях влияние родителей может быть очень велико и полезно.

В первой стадии материальным центром игры является игрушка. Игрушки бывают следующих типов:

игрушка готовая, механическая или простая. Это разные автомобили, пароходы, лошадки, куклы, мышки и ваньки-встаньки и пр.;

игрушка полуготовая, требующая от ребенка некоторой доделки: разные картинки с вопросами, картинки разрезные, кубики, ящики-конструкторы, разборные модели;

игрушка-материал: глина, песок, куски картона, слюды, дерева, бумаги, растения, проволока, гвозди.

У каждого из этих типов есть свои достоинства и недостатки. Готовая игрушка хороша тем, что она знакомит ребенка со сложными идеями и вещами, она подводит ребенка к вопросам техники и сложного человеческого хозяйства. Поэтому такая игрушка вызывает более широкую деятельность воображения. Паровоз в руках мальчика настраивает его воображение на определенный транспортный лад, лошадь вызывает представление о жизни животного, заботу о кормлении и использовании. Родители и должны следить, чтобы эти хорошие стороны такой игрушки действительно были заметны для ребенка, чтобы он не увлекался только одной стороной игрушки, ее механичностью и легкостью для игры. И в особенности важно добиваться, чтобы ребенок не гордился тем, что вот папа или мама купили для него такую хитрую игрушку, да еще не одну, а много, а у других детей нет таких хороших игрушек. Вообще эти механические игрушки полезны только тогда, когда ребенок действительно с ними играет, а не только бережет для того, чтобы похвастаться перед соседями, и играет при этом не просто наблюдая движение игрушки, а организуя это движение в каком-нибудь сложном предприятии. Автомобили должны что-нибудь перевозить, ванька-встанька должен куда-нибудь переезжать или что-нибудь делать, куклы должны и спать и бодрствовать, одеваться и раздеваться, ходить в гости и совершать какую-нибудь полезную работу в игрушечном царстве. Для детской фантазии в этих игрушках заключается большой простор, и чем шире и серьезнее развертывается эта фантазия с такими игрушками, тем лучше. Если мишка просто перебрасывается с места на место, если его только тормошат и потрошат, это очень плохо. Но если мишка живет в определенном месте, специально для его жизни оборудованном, если он кого-то пугает или с кем-то дружит, это уже хорошо.

Второй тип игрушки хорош тем, что здесь ставится перед ребенком какая-нибудь задача — обыкновенно такая, которую нужно решить с известным напряжением, которую сам ребенок никогда бы поставить не мог.

В разрешении этих задач уже требуется заметная дисциплина мышления, требуется логика, понятие о законном отношении частей, а не простая вольная фантазия. А недостаток этих игрушек в том, что задачи эти всегда одни и те же, однообразны и надоедают своими повторениями.

Игрушки третьего сорта — различные материалы — представляют самый дешевый и самый благодарный игровой элемент. Эти игрушки ближе всего стоят к нормальной человеческой деятельности: из материалов человек создает ценности и культуру. Если ребенок умеет играть с такими игрушками, это значит, что у него уже есть высокая культура игры и зарождается высокая культура деятельности. В игрушке-материале есть много хорошего реализма, но в то же время есть простор и для фантазии, не простого воображения, а большой творческой рабочей фантазии. Если есть кусочки стекла или слюды, из них можно сделать окна, а для этого нужно придумать рамы, следовательно возбуждается вопрос о постройке дома. Если есть глина и стебли растений, возникает вопрос о саде.

Какой тип игрушек самый лучший? Мы считаем, что наилучший способ комбинировать все три типа, но ни в коем случае не в избыточном количестве. Если у мальчика или девочки есть одна-две механические игрушки, не нужно покупать больше. Прибавьте к этому какую-нибудь разборную игрушку и побольше прибавьте всяких материалов, и вот уже игрушечное царство организовано. Не нужно, чтобы в нем было все, чтобы у ребенка разбегались глаза, чтобы он терялся в обилии игрушек. Дайте ему немного, но постарайтесь, чтобы из этого немногого он организовал игру. А потом наблюдайте за ним, прислушивайтесь незаметно к его игре, постарайтесь, чтобы он самостоятельно почувствовал какой-либо определенный недостаток и захотел его пополнить. Если вы купили ребенку маленькую лошадку и он увлекся задачей перевозки, естественно, что у него будет ощущаться недостаток в подводе или экипаже. Не спешите покупать ему эту подводу. Постарайтесь, чтобы он сам ее сделал из каких-нибудь коробок, катушек или картона. Если он такую подводу сделает, прекрасно — цель достигнута. Но если ему требуется много подвод и самодельных уже не хватает, не нужно, чтобы он обязательно сделал и вторую подводу, вторую можно и купить.

Самое главное в этой детской игре добиться следующего:

1. Чтобы ребенок действительно играл, сочинял, строил, комбинировал.

2. Чтобы не бросался от одной задачи к другой, не окончив первой, чтобы доводил свою деятельность до конца.

3. Чтобы в каждой игрушке видел определенную, нужную для будущего ценность, хранил ее, берег. В игрушечном царстве всегда должен быть полный порядок, должна производиться уборка. Игрушки не должны ломаться, а в случае поломок должен производиться ремонт; если он труден, то с помощью родителей.

Особенное внимание должны обратить родители на отношение ребенка к игрушке. Ребенок не должен ломать игрушку, должен любить ее, но не должен и бесконечно страдать, если она испортилась или поломалась. Эта цель будет достигнута, если ребенок действительно привык считать себя хорошим хозяином, если он не боится отдельных ущербов и чувствует себя в силах поправить беду. Задачей отца и матери является всегда прийти на помощь ребенку в подобных случаях, поддержать его в отчаянии, дока-

зать ему, что человеческая находчивость и труд всегда могут поправить положение. Исходя из этого, мы рекомендуем родителям всегда принимать меры к починке поломанной игрушки, никогда не выбрасывать ее раньше времени. В процессе самой игры родители должны по возможности предоставить ребенку полную свободу действий, но только до той минуты, пока игра идет правильно. Если ребенок затруднился в каком-либо положении, если игра пошла слишком просто, неинтересно, нужно помочь ребенку: подсказать, поставить какой-либо интересный вопрос, добавить какой-либо новый, интересный материал, иногда даже и поиграть с ним.

Таковы общие формы метода на первой стадии игры.

На второй стадии от родителей требуется прежде всего внимание. Ваш ребенок вышел во двор, попал в группу мальчиков. Вы должны внимательно изучить, что это за мальчики. Ваша девочка тянется к подругам во дворе, вы должны хорошо знать этих девочек. Вы должны знать, чем увлекаются дети, окружающие вашего ребенка, чего у них не хватает, что плохо в их играх. Бывает очень часто, что внимание и инициатива одного отца или одной матери помогают изменить к лучшему жизнь целой группы детей в том или другом месте. Вы заметили, что дети зимой спускаются, как с горки, с обледеневшей мусорной кучи. Сговоритесь с другими родителями, а если не сговоритесь, то и одни помогите ребятам насыпать горку. Сделайте своему мальчику простые деревянные санки, и вы увидите, и у других ребят появится что-либо подобное. В этой стадии игры чрезвычайно важным и полезным будет общение родителей между собой, к сожалению, очень незначительное среди родителей. Бывает, что каждый родитель недоволен жизнью детей во дворе, но не поговорит с другим родителем, не придумают они вместе что-нибудь для улучшения этой жизни, а между тем это совсем не такое трудное дело и каждому оно по силам. На этой стадии дети уже организуются в некоторое подобие коллектива; будет очень полезно, если и их родители так же организованно будут руководить ими.

Очень часто бывает на этой стадии, что дети ссорятся, дерутся, жалуются друг на друга. Родители поступают ошибочно, если немедленно принимают сторону своего сына или дочери и сами ввязываются в ссору с отцом или матерью обидчика. Если ваш ребенок пришел в слезах, если он обижен, если он страдает и уже озлоблен, не спешите раздражаться и бросаться в атаку на обидчика и на его родителей. Прежде всего расспросите спокойно вашего сына или вашу девочку, постарайтесь представить себе точную картину события. Редко бывает, что виновата какая-нибудь одна сторона. Наверное, и ваш ребенок в чем-либо погорячился; растолкуйте ему, что в игре не всегда нужно быть неуступчивым, что нужно по возможности искать мирные выходы из конфликтов. Постарайтесь во что бы то ни стало помирить вашего ребенка с противником, пригласите этого противника в гости и с ним поговорите, познакомьтесь с его отцом, выясните положение до конца. В этом деле самое главное заключается в том, что вы не должны уже видеть перед собой только вашего ребенка, но должны видеть перед собой всю группу детей и воспитывать ее вместе с другими родителями. Только в таком случае вы принесете наибольшую пользу и вашему ребенку. Он заметит, что вы не увлекаетесь семейным патриотизмом, что вы совершаете общественную работу, и будет видеть в этом пример для своего

поведения. Нет ничего вреднее горячей агрессивности отца или матери по отношению к семье соседей; такая агрессивность как раз и воспитывает злобность характера у ребенка, подозрительность, дикий и слепой семейный эгоизм.

На третьей стадии руководство игрой уже не находится в руках родителей, оно передано школьной или спортивной организации, но у родителей остаются большие возможности для правильного влияния на характер ребенка. Во-первых, нужно внимательно следить, чтобы увлечение спортом не принимало характера всепоглощающей страсти, нужно указывать ребенку и на другие стороны деятельности. Во-вторых, нужно вызывать у мальчика или девочки гордость не только своим личным успехом, главным же образом гордость успехом команды или организации. Нужно также умерять всякую хвастливость, воспитывать уважение к силе противника, обращать внимание на организованность, тренировку, дисциплину в команде. Нужно, наконец, добиваться спокойного отношения к удачам и неудачам. И на этой стадии будет очень хорошо, если родители ближе познакомятся с товарищами по команде сына или дочери.

И на всех трех стадиях родители должны зорко наблюдать, чтобы игра не поглощала всю духовную жизнь ребенка, чтобы параллельно развивались и трудовые навыки.

В игре на всех трех стадиях вы должны воспитывать стремление к более ценным удовлетворениям, чем простое глазение, простое удовольствие, воспитывать мужественное преодоление трудностей, воспитывать воображение и размах мысли. А на второй и третьей стадиях вы должны всегда иметь в виду, что здесь уже ваш ребенок вступил в общество, что от него уже требуется умение не только играть, но и правильно относиться к людям.

Резюмируем то, что сказано в сегодняшней беседе.

Игра имеет важное значение в жизни человека, она является подготовкой к труду и должна постепенно заменяться трудом. Многие родители не обращают достаточного внимания на дело руководства игрой и либо предоставляют ребенка самому себе, либо окружают его игру излишней заботой и излишними игрушками. Родители должны применять различные методы на разных стадиях игры, но всегда должны предоставить ребенку возможность самодеятельности и правильного развития его способностей, не отказывая в то же время в помощи ему в трудных случаях. На второй и третьей стадиях нужно уже руководить не столько игрой, сколько отношением ребенка к другим людям и к своему коллективу.

Дисциплина

Слово «дисциплина» имеет несколько значений. Одни под дисциплиной понимают собрание правил поведения. Другие называют дисциплиной уже сложившиеся, воспитанные привычки человека, третьи видят в дисциплине только послушание. Все эти отдельные мнения в большей или меньшей степени приближаются к истине, но для правильной работы воспитателя необходимо иметь более точное представление о самом понятии «дисциплина».

Иногда дисциплинированным называют человека, отличающегося послушанием. Конечно, в подавляющем большинстве случаев от каждого человека требуется точное и быстрое выполнение приказаний и распоряжений вышестоящих органов и лиц, и все же в советском обществе так называемое послушание является совершенно недостаточным признаком человека дисциплинированного — простое послушание нас удовлетворить не может, тем более не может удовлетворить слепое послушание, которое обыкновенно требовалось в старой, дореволюционной школе.

От советского гражданина мы требуем гораздо более сложной дисциплинированности. Мы требуем, чтобы он не только понимал, для чего и почему нужно выполнить тот или другой приказ, но чтобы он и сам активно стремился выполнить его как можно лучше. Мало этого. Мы требуем от нашего гражданина, чтобы он в каждую минуту своей жизни был готов выполнить свой долг, не ожидая распоряжения или приказания, чтобы он обладал инициативой и творческой волей. Мы надеемся при этом, что он будет делать только то, что действительно полезно и нужно для нашего общества, для нашей страны, что в этом деле он не остановится ни перед какими трудностями и препятствиями. Наоборот, мы требуем от советского человека умения воздержаться от таких поступков или действий, которые принесут пользу или удовольствие только ему одному, а другим людям или всему обществу могут принести вред. Кроме того, мы всегда требуем от нашего гражданина, чтобы он никогда не ограничивался только узким кругом своего дела, своего участка, своего станка, своей семьи, а умел видеть и дела окружающих людей, их жизнь, их поведение; умел прийти им на помощь не только словом, но и делом, даже если для этого нужно пожертвовать частью личного покоя. Но по отношению к нашим общим врагам мы от каждого человека требуем решительного противодействия, постоянной бдительности, несмотря ни на какую неприятность или опасность.

Одним словом, в советском обществе дисциплинированным человеком мы имеем право назвать только такого, который всегда, при всяких условиях сумеет выбрать правильное поведение, наиболее полезное для общества, и найдет в себе твердость продолжать такое поведение до конца, несмотря на какие бы то ни было трудности и неприятности.

Само собой понятно, что нельзя воспитать такого дисциплинированного человека только при помощи одной дисциплины, т. е. упражнений в послушании. Советский дисциплинированный гражданин может быть воспитан только всей суммой правильных влияний, среди которых самое видное место должны занимать: широкое политическое воспитание, общее образование, книга, газета, труд, общественная работа и даже такие как будто второстепенные вещи, как игра, развлечение, отдых. Только в совместном действии всех этих влияний может быть проведено правильное воспитание, и только в результате его может получиться настоящий дисциплинированный гражданин социалистического общества[6].

Мы в особенности рекомендуем родителям помнить всегда это важное положение: дисциплина создается не отдельными какими-нибудь «дисциплинарными» мерами, а всей системой воспитания, всей обстановкой жизни, всеми влияниями, которым подвергаются дети. В таком понимании дисциплина есть не причина, не метод, не способ правильного воспитания,

а результат его[7]. Правильная дисциплина — это тот хороший конец, к которому должен стремиться воспитатель всеми своими силами и при помощи всех средств, имеющихся в его распоряжении. Поэтому каждый родитель должен знать, что, давая сыну или дочери книгу для чтения, знакомя его с новым товарищем, беседуя с ребенком о международном положении, о делах на своем заводе или о своих стахановских успехах, он вместе с другими делами добивается и цели большего или меньшего дисциплинирования.

Таким образом, под дисциплиной мы будем понимать широкий общий результат всей воспитательной работы.

Но есть и более узкий отдел воспитательной работы, который ближе всего стоит к воспитанию дисциплины и который часто смешивают с дисциплиной: это режим. Если дисциплина есть результат всей воспитательной работы, то режим есть только средство, только способ воспитания. Отличия режима от дисциплины — очень важные отличия, родители должны в них хорошо разбираться. Дисциплина, например, относится к числу тех явлений, от которых мы всегда требуем совершенства. Мы всегда желаем, чтобы в нашей семье, в нашей работе была самая лучшая, самая строгая дисциплина. И иначе быть не может: дисциплина — это результат, а во всяком деле мы привыкли бороться за самые лучшие результаты. Трудно представить себе человека, который сказал бы: «У нас дисциплина так себе, но нам лучшей и не надо...»

Такой человек или глупец, или настоящий враг. Всякий нормальный человек должен добиваться самой высокой дисциплины, т. е. самого лучшего результата.

Совсем другое дело режим[8]. Режим, как мы уже говорили, — это только средство, а мы вообще знаем, что всякое средство в какой угодно области жизни нужно употреблять только тогда, когда оно соответствует цели, когда оно уместно. Поэтому можно представить себе самую лучшую дисциплину, и к ней мы всегда стремимся, но нельзя представить себе какой-нибудь идеальный, самый лучший режим. В одних случаях один режим будет самым подходящим, в других случаях — другой.

Семейный режим не может быть и не должен быть одинаковым при различных условиях. Возраст детей, их способности, окружающая обстановка, соседи, величина квартиры, ее удобства, дорога в школу, оживленность улиц и многие другие обстоятельства определяют и изменяют характер режима. Один режим должен быть в большой семье, где много детей, и совершенно иной в такой семье, где один ребенок. Режим, полезный по отношению к малым детям, может принести большой вред, если его применять к более взрослым детям. Точно так же свои особенности имеет режим для девочек, в особенности в старшем возрасте.

Таким образом, под режимом нельзя понимать что-то постоянное, неизменное. В некоторых семьях часто делают такую ошибку, свято верят в целебность раз принятого режима, берегут его неприкосновенность в ущерб интересам детей и своим собственным. Такой неподвижный режим скоро становится мертвым приспособлением, которое не может принести пользы, а приносит только вред.

Режим не может быть постоянным по своему характеру именно потому, что является только средством воспитания. Каждое воспитание пресле-

дует определенные цели, причем эти цели всегда изменяются и усложняются. В раннем детстве, например, перед родителями стоит серьезная задача — приучить детей к чистоте. Стремясь к этой цели, родители устанавливают для детей особый режим, т. е. правила умывания, пользования ванной, душем или баней, правила уборки, правила соблюдения чистоты комнаты, постели, стола. Такой режим должен регулярно поддерживаться, родители никогда не должны забывать о нем, следить за его выполнением, помогать детям в тех случаях, когда они сами не могут что-либо сделать, требовать от детей хорошего качества работы. Если весь этот порядок организован хорошо, он приносит большую пользу, и наконец наступает такое время, когда у детей образуются привычки к чистоте, когда сам ребенок уже не может сесть за стол с грязными руками. Значит, можно уже говорить о том, что цель достигнута. Тот режим, который был нужен для достижения этой цели, теперь становится излишним. Конечно, это вовсе не значит, что его можно отменить в течение одного дня. Постепенно этот режим должен заменяться другим режимом, который преследует цель закрепить образовавшуюся привычку к чистоте, а когда эта привычка закреплена, перед родителями возникают новые цели, более сложные и более важные. Продолжать и в это время возиться только с чистотой будет не только излишней тратой родительской энергии, но и вредной тратой: таким именно образом воспитываются бездушные чистюльки, у которых за душой ничего нет, кроме привычки к чистоте, и которые способны иногда кое-как выполнить работу, только бы не запачкать руки.

На этом примере с режимом чистоты мы видим, что правильность режима — явление временное и преходящее; так это бывает и со всяким другим средством, а режим есть только средство.

Следовательно, нельзя рекомендовать родителям какой-нибудь один режим. Режимов есть много, а нужно из них выбрать один, самый подходящий в данной обстановке.

Несмотря на такое разнообразие возможных режимов, нужно все-таки сказать, что режим в советской семье должен всегда отличаться определенными свойствами, обязательными при всякой обстановке. В настоящей лекции мы и должны выяснить эти общие свойства.

Первое, на что мы обращаем внимание родителей, — это следующее: какой бы вы ни выбрали режим для вашей семьи, он должен быть прежде всего целесообразен. Любое правило жизни должно быть введено в семье не потому, что кто-то другой его завел у себя, и не потому, что с таким правилом жить приятнее, а исключительно потому, что это необходимо для достижения поставленной вами разумной цели. Эту цель вы и сами должны хорошо знать, и в подавляющем большинстве случаев должны знать ее и дети. Во всяком случае, и в ваших глазах, и в глазах детей режим должен иметь характер разумного правила. Если вы требуете, чтобы дети в определенный час сходились к обеду и садились за стол вместе с другими, то дети должны понимать, что такой порядок необходим для того, чтобы облегчить работу матери или домашней работницы, а также и для того, чтобы несколько раз в день собраться всей семьей, побыть вместе, поделиться своими мыслями или чувствами. Если вы требуете, чтобы дети не оставляли недоеденных кусков, то дети должны понимать,

что это необходимо и из уважения к труду людей, производящих пищевые продукты, и из уважения к труду родителей, и из соображений семейной экономии. Мы знаем и такой случай, когда родители требовали, чтобы дети за столом молчали. Дети, конечно, подчинялись этому требованию, но ни они, ни родители не знали, для чего введено такое правило. Когда родителей спросили об этом, они объяснили, что если за обедом разговаривать, то можно из-за этого подавиться. Такое правило, конечно, бессмысленно: у всех людей принято за столом беседовать, и от этого никаких несчастных случаев не происходит.

Рекомендуя родителям добиваться того, чтобы семейный режим имел разумный и целесообразный характер, мы в то же время должны предостеречь родителей, что вовсе не следует на каждом шагу объяснять детям значение того или другого правила, нельзя надоедать им такими объяснениями и толкованиями. По возможности нужно стараться, чтобы дети сами поняли, для чего это нужно. Только в крайнем случае нужно подсказать им правильную мысль. Вообще нужно стремиться к тому, чтобы у детей как можно крепче складывались хорошие привычки, а для этой цели наиболее важным является постоянное упражнение в правильном поступке. Постоянные же рассуждения и разглагольствования о правильном поведении могут испортить какой угодно хороший опыт.

Вторым важным свойством каждого режима является его определенность. Если сегодня нужно чистить зубы, то нужно их чистить и завтра; если сегодня нужно убрать после себя постель, то нужно это сделать и завтра. Не должно быть так, что сегодня мать потребовала уборки постели, а завтра не потребовала и сама убрала. Такая неопределенность лишает режим всякого значения и обращает его в набор случайных, не связанных между собой распоряжений. Правильный режим должен отличаться определенностью, точностью и не допускать исключений, кроме таких случаев, когда исключения действительно необходимы и вызываются важными обстоятельствами. Как правило же, в каждой семье должен существовать такой порядок, чтобы малейшее нарушение режима было обязательно отмечено. Это нужно делать с самого малого возраста ребенка, и чем родители строже будут следить за выполнением режима, тем все меньше будет нарушений и тем реже впоследствии придется прибегать к наказаниям.

Мы обращаем особенное внимание родителей на это обстоятельство. Многие ошибочно полагают так: мальчик утром не убрал свою постель, стоит ли из-за этого поднимать скандал? Во-первых, он это сделал первый раз, во-вторых, неубранная постель — вообще пустяк, не стоит из-за нее портить мальчику нервы. Такое рассуждение целиком неправильно. В деле воспитания нет пустяков. Неубранная постель обозначает не только возникающую неряшливость, но и возникающее пренебрежение к установленному режиму, начало такого опыта, который потом может принять формы прямой враждебности по отношению к родителям.

Определенность режима, его точность и обязательность подвергаются большой опасности, если родители сами относятся к режиму неискренне, если они требуют его выполнения от детей, а в то же время сами живут беспорядочно, не подчиняясь никакому режиму. Конечно, вполне естественно, что режим самих родителей будет отличаться от режима детей, но эти отличия не должны быть принципиальными. Если вы требуете,

чтобы дети за обедом не читали книгу, то и сами этого не должны делать. Настаивая, чтобы дети мыли руки перед обедом, не забывайте и от себя требовать того же. Старайтесь сами убирать свою постель, это вовсе не трудная и не позорная работа. Во всех этих пустяках горазо больше значения, чем обыкновенно думают.

Режим в самой семье, дома, обязательно должен касаться следующих частностей: точно должно быть установлено время вставания и время отхода ко сну — одно и то же как в рабочие дни, так и в дни отдыха; правила аккуратности и соблюдения чистоты, сроки и правила смены белья, одежды, правила их носки, чистки; дети должны приучаться к тому, что все вещи имеют свое место, должны после работы или игры оставлять все в порядке; с самого раннего возраста дети должны уметь пользоваться уборной, умывальником, ванной; должны следить за электрическим светом, включать и выключать его, когда нужно. Особый режим должен быть установлен за столом. Каждый ребенок должен знать свое место за столом, приходить к столу вовремя, должен уметь вести себя за столом, пользоваться ножом и вилкой, не пачкать скатерти, не набрасывать кусков на столе, съедать все, положенное на тарелку, и поэтому не просить себе лишнего.

Строгому режиму должно подчиняться распределение рабочего времени ребенка, что особенно важно, когда он начинает ходить в школу. Но уже и раньше желательно точное распределение сроков принятия пищи, игры, прогулки и т. п. Большое внимание нужно оказывать вопросам движения. Некоторые думают, что детям необходимо много бегать, кричать, вообще буйно проявлять свою энергию. Что у детей есть потребность в движении в большей степени, чем у взрослых, не подлежит сомнению, но нельзя и слепо следовать за этой потребностью. Необходимо воспитывать у детей привычку к целесообразному движению, к умению тормозить его, когда это нужно. Во всяком случае, в комнате не нужно допускать ни бега, ни прыжков, для этого более подходит площадка во дворе, сад. Точно так же необходимо приучать детей к умению сдерживать свои голоса: крик, визг, громкий плач — все это явления одного порядка; они свидетельствуют больше о нездоровых нервах ребенка, чем о какой-либо действительной потребности. Родители сами бывают виноваты в такой нервной крикливости детей. Они иногда сами повышают голос до крика, сами нервничают, вместо того чтобы вносить в атмосферу семьи тон уверенного спокойствия.

Режим внутри семьи, в квартире, занимаемой семьей, находится почти в полной власти родителей. Этого нельзя сказать о режиме вне дома. Известную часть времени ребенок проводит с товарищами во дворе, а часто вне двора, на прогулках, на площадках, катках, иногда на улице. Чем старше становятся дети, тем товарищеское окружение играет все большую и большую роль. Взять на себя полное руководство этим товарищеским влиянием родители, конечно, не могут, но за ними остается полная возможность наблюдать за этим товарищеским влиянием, а этого в большинстве случаев бывает совершенно достаточно, если в семье уже образовался опыт коллективной связи, доверия, правдивости, если правильно создан родительский авторитет. В таком случае для родителей нужно только одно: более или менее основательно знать, что окружает

вашего сына или вашу дочь. Многие случаи дурного поведения детей, а тем более многие явления детской распущенности не имели бы места, если бы родители ближе знакомились с товарищами сына, с родителями этих товарищей, смотрели иногда на игру детей, даже приняли в ней участие, вместе с ними совершили бы прогулку, пошли в кино, в цирк и т. д. Такое активное приближение родителей к жизни детей вовсе не трудное дело и доставляет даже удовольствие. Оно позволяет отцу или матери ближе узнать сущность товарищеских отношений, позволяет родителям помогать друг другу, и, самое главное, оно дает возможность поделиться впечатлениями с детьми и во время такой беседы высказать свое мнение о товарищах, об их поведении, о правильности или неправильности того или иного поступка, о полезности или вредности той или иной детской затеи.

Такова общая методика организации режима в семье. Пользуясь этими общими указаниями, каждый родитель сможет выработать такое устройство семейного быта, которое наиболее соответствует особенностям его семьи. Чрезвычайно важным является вопрос о форме режимных отношений между родителями и детьми. В этой области можно встретить самые разнообразные преувеличения и загибы, приносящие большой вред воспитанию. Некоторые злоупотребляют уговорами, другие — разными разъяснительными беседами, третьи злоупотребляют лаской, четвертые — приказом, пятые — поощрениями, шестые — наказаниями, седьмые — уступчивостью, восьмые — твердостью. В течение семейной жизни, конечно, много бывает случаев, когда уместна и ласка, и беседа, и твердость, и даже уступчивость. Но там, где дело касается режима, все эти формы должны уступить место одной главной, и эта единственная и лучшая форма — распоряжение.

Семья — очень важное, очень ответственное дело человека. Семья приносит полноту жизни, семья приносит счастье, но каждая семья, в особенности в жизни социалистического общества, является прежде всего большим делом, имеющим государственное значение. Семейный режим поэтому должен строиться, развиваться и действовать прежде всего как деловое установление. Делового тона родители не должны бояться. Они не должны думать, что деловой тон противоречит любовному чувству отца или матери, что он может привести к сухости отношений, к их холодности. Мы утверждаем, что только настоящий, серьезный деловой тон может создать ту спокойную атмосферу в семье, которая необходима и для правильного воспитания детей, и для развития взаимного уважения и любви между членами семьи.

Родители как можно раньше должны усвоить спокойный, уравновешенный, приветливый, но всегда решительный тон в своем деловом распоряжении, а дети с самого малого возраста должны привыкнуть к такому тону, привыкнуть подчиняться распоряжению и выполнять его охотно. Можно быть как угодно ласковым с ребенком, шутить с ним, играть, но, когда возникает надобность, надо уметь распорядиться коротко, один раз, распорядиться с таким видом и в таком тоне, чтобы ни у вас, ни у ребенка не было сомнений в правильности распоряжения, в неизбежности его выполнения.

Родители должны научиться отдавать такие распоряжения очень рано,

когда первому ребенку полтора-два года. Дело это совсем нетрудное. Нужно только следить за тем, чтобы ваше распоряжение удовлетворяло следующим требованиям:

1. Оно не должно отдаваться со злостью, с криком, с раздражением, но оно не должно быть похоже и на упрашивание.

2. Оно должно быть посильным для ребенка, не требовать от него слишком трудного напряжения.

3. Оно должно быть разумным, т. е. не должно противоречить здравому смыслу.

4. Оно не должно противоречить другому распоряжению вашему или другого родителя.

Если распоряжение отдано, оно должно быть обязательно выполнено. Очень плохо, если вы распорядились, а потом и сами забыли о своем распоряжении. В семье, как и во всяком другом деле, необходимы постоянный, неусыпный контроль и проверка. Конечно, родители должны стараться производить этот контроль большей частью незаметно для ребенка; ребенок вообще не должен сомневаться в том, что распоряжение должно быть выполнено. Но иногда, когда ребенку поручается более сложное дело, в котором большое значение имеет качество выполнения, вполне уместен и открытый контроль.

Как поступить, если ребенок не выполнил распоряжения? Надо прежде всего стараться, чтобы такого случая не было. Но если уж так случилось, что ребенок в первый раз не послушался вас, следует повторить распоряжение, но уже в более официальном, в более холодном тоне, приблизительно так:

— Я тебе сказал сделать так, а ты не сделал. Немедленно сделай, и чтобы больше таких случаев не было.

Давая такое повторное распоряжение и обязательно добиваясь его выполнения, нужно в то же время присмотреться и задуматься, почему в данном случае возникло сопротивление вашему распоряжению. Вы обязательно увидите, что в чем-то вы сами были виноваты, что-то сделали неправильно, что-либо упустили из виду. Постарайтесь избегать таких ошибок.

Самое важное в этой области — следить, чтобы у детей не накоплялся опыт непослушания, чтобы не нарушался семейный режим. Очень плохо, если вы допустили такой опыт, если вы позволили детям смотреть на ваши распоряжения как на нечто необязательное.

Если вы этого не допустите с самого начала, вам никогда не придется впоследствии прибегать к наказаниям.

Если режим развивается правильно с самого начала, если родители внимательно следят за его развитием, наказания не будут нужны. В хорошей семье наказаний никогда не бывает, и это — самый правильный путь семейного воспитания.

Но бывают семьи, где воспитание настолько уже запущено, что без наказаний обойтись нельзя. В таком случае родители прибегают к наказаниям обычно очень неумело и часто больше портят дело, чем поправляют.

Наказание — очень трудная вещь; оно требует от воспитателя огромного такта и осторожности. Поэтому мы рекомендуем родителям по возможности избегать применения наказаний, а стараться прежде всего вос-

становить правильный режим. Для этого, конечно, потребуется много времени, но нужно быть терпеливым и спокойно ожидать результатов.

В самом крайнем случае можно допустить некоторые виды наказаний, а именно: задержка удовольствия или развлечения (если было назначено посещение кино или цирка, отложить его); задержка карманных денег, если они выдаются; запрещение выхода к товарищам.

Еще раз обращаем внимание родителей, что сами по себе наказания не принесут никакой пользы, если нет правильного режима. А если есть правильный режим, свободно можно обойтись без наказаний, нужно только больше терпения. Во всяком случае, в семейном быту гораздо важнее и полезнее наладить правильный опыт, чем исправлять неправильный.

Точно так же нужно быть осторожным и с поощрением. Никогда не нужно объявлять вперед какие-либо премии или награды. Лучше всего ограничиться простой похвалой и одобрением. Детская радость, удовольствие, развлечение должны предоставляться детям не в качестве награды за хорошие поступки, а в естественном порядке удовлетворения правильных потребностей. То, что ребенку необходимо, нужно дать ему при всех условиях, независимо от его заслуг, а то, что для него не нужно или вредно, нельзя давать ему в виде награды.

Резюмируем содержание беседы.

Дисциплину нужно отличать от режима. Дисциплина — это результат воспитания, режим — это средство воспитания. Поэтому режим может иметь различный характер в зависимости от обстоятельств. Каждый режим должен отличаться целесообразностью, определенностью, точностью. Он должен касаться как внутренней жизни семьи, так и внешней. Выражением режима в деловой обстановке семьи должны быть распоряжение и контроль за его выполнением. Главная цель режима — накопление правильного дисциплинарного опыта, и больше всего нужно бояться неправильного опыта. При правильном режиме не нужны наказания, и вообще их нужно избегать, как и излишних поощрений. Лучше во всех случаях надеяться на правильный режим и терпеливо ждать его результатов.

Семейное хозяйство

Каждая семья имеет свое хозяйство. В отличие от буржуазного общества наша семья имеет только трудовое хозяйство, которое не может преследовать цели эксплуатации людей. Это хозяйство может расти и увеличиваться, но не потому, что члены семьи получают какие-нибудь прибыли, а исключительно вследствие повышения заработков членов семьи и семейной экономии. Хозяйство нашей семьи состоит только из вещей личного пользования, в его состав не могут входить средства производства, которые в нашей стране принадлежат всему обществу.

В буржуазной семье всегда бывает так: богатая семья обращает часть своего имущества в средства производства, чтобы эксплуатировать наемную рабочую силу и таким способом еще больше богатеть и расширять

производство. В нашей семье, семье трудовой, такое богатство невозможно. Значит, если наша семья богатеет, то это обозначает только одно: она лучше и счастливее живет, приобретает больше вещей личного пользования, удовлетворяет большее количество своих потребностей. Совершенно естественно, что каждая семья стремится улучшить свою жизнь при помощи улучшения своего хозяйства, но это она делает не в порядке грабительской эксплуатации других людей, а исключительно в порядке трудового участия членов семьи в общей жизни и общей работе всего советского народа. Богатство нашей семьи зависит не столько от усилий этой семьи, сколько от успехов всей Советской страны, от ее побед и достижений на хозяйственном и культурном фронте.

Каждый ребенок есть член семьи и, следовательно, участник семейного хозяйства, а следовательно, в известной степени и участник всего советского хозяйства. Хозяйственное воспитание наших детей и должно заключаться в воспитании не только хозяйственного члена семьи, но и хозяина-гражданина. В буржуазном обществе перед воспитателем такая цель не стоит. Там каждый человек заинтересован только в развитии собственного хозяйства, государственное хозяйство занимает слишком незаметное место в массе хозяйственных частных единиц.

У нас каждому человеку предстоит в жизни обязательно участвовать в общем государственном хозяйстве, и чем лучше он будет подготовлен к этому делу, тем больше он принесет пользы и всему советскому обществу, и самому себе.

Все это должны знать и хорошо понимать все родители, должны чаще размышлять над этими вопросами и всегда проверять свои воспитательные методы при помощи ясного политического представления о целях воспитания.

Многие родители думают, что воспитательная работа происходит только во время бесед и разговоров с детьми, во время руководства их игрой или их отношением к людям. Во всех этих областях действительно много можно сделать педагогически полезного, но эта польза будет незначительна, если ребенок не воспитывается и в хозяйственной области. Ведь из вашего ребенка должен вырасти не только хороший, честный человек, но и хороший, честный советский хозяин.

Семейное хозяйство представляет собой очень удобное поле для воспитания многих очень важных особенностей характера будущего гражданина-хозяина. В настоящей короткой беседе даже невозможно перечислить все эти особенности. Мы коснемся только главных.

При помощи правильного руководства в области семейного хозяйства воспитываются: коллективизм, честность, заботливость, бережливость, ответственность, способность ориентировки, оперативная способность.

Мы рассмотрим в отдельности каждое из этих важных достоинств характера.

Коллективизм. В простейшем определении коллективизм означает солидарность человека с обществом. Противоположностью коллективизма является индивидуализм. В некоторых семьях по причине плохого внимания родителей к этим вопросам воспитываются такие индивидуалисты. Если ребенок до самого юношества не знает, откуда берутся средства семьи, если он привыкает только удовлетворять свои потребности, а не замечает

потребностей других членов семьи, если он не связывает свою семью со всем советским обществом, если он растет жадным потребителем — это и есть воспитание индивидуалиста, который потом может принести много вреда и всему обществу, и самому себе.

Некоторые матери и отцы незаметно для себя воспитывают таких индивидуалистов.

Часто они заботятся только о том, чтобы у ребенка все было, чтобы он был хорошо накормлен, хорошо одет, снабжен игрушками и удовольствиями. Все это они делают по безграничной своей доброте и любви, отказывают себе во многом, даже в самом необходимом, а ребенок даже не знает об этом и постепенно привыкает думать, что он лучше всех, что его желание для родителей закон. В такой семье дети часто ничего не знают о работе отца или матери, не знают, насколько она трудна и насколько она важна и полезна для общества. Тем более они ничего не знают о работе других людей. Они знают только свои желания и их удовлетворение.

Это очень неправильный и вредный путь воспитания, и больше всего и скорее всего от этой неправильности будут страдать родители. Только воспитание коллективиста может быть правильным воспитанием в нашей стране, и родители должны регулярно проводить это воспитание. Для этого мы рекомендуем следующее:

1. Как можно раньше ребенок должен узнать, где работает отец и мать, в чем состоит эта работа, насколько она трудна, какие в ней напряжения, какие достижения. Он должен знать, что производит его отец или мать, какое значение это производство имеет для всего общества. При первом случае родители должны познакомить ребенка с некоторыми коллегами и сотрудниками по работе, рассказать о значении их работы. Если даже отец или мать неодобрительно думает о каком-либо человеке, не нужно надоедать ребенку младшего возраста такими неодобрительными отзывами.

Вообще как можно раньше ребенок должен хорошо понять, что те деньги, которые родители приносят домой, составляют не только удобную вещь, которую можно истратить, но и заработок на основе большого и полезного общественного труда. Родители всегда должны найти время и простые слова, чтобы рассказать ребенку обо всем этом. Когда ребенок подрастет, нужно в таких же простых словах рассказать ему побольше о других подобных же предприятиях по всему Союзу, об их работе и достижениях. Если есть возможность, нужно ребятам показать самый завод, объяснить производственный процесс.

Если мать не работает в учреждении, на производстве, а работает дома по хозяйству, ребенок должен и эту работу знать, относиться к ней с уважением и понимать, что эта работа требует усилий и напряжения.

2. Как можно раньше ребенок должен познакомиться с семейным бюджетом. Он должен знать заработок отца или матери. От него не нужно скрывать финансовый семейный план, а, напротив, постепенно привлекать его к обсуждению семейных финансовых наметок. Он должен знать, в чем нуждается отец или мать, насколько эта нужда велика и неотложна, и должен научиться отказываться от удовлетворения некоторых своих потребностей, чтобы лучше удовлетворять потребности других членов семьи. В особенности он должен привлекаться к обсуждению таких воп-

росов, которые касаются общих семейных потребностей: приобретения посуды, мебели, радио, книг, газет и т. п.

3. Если семья находится в очень хороших материальных условиях, нельзя допускать, чтобы ребенок гордился этими условиями перед другими семьями, чтобы он привыкал хвастать своим костюмом, своей квартирой. Он должен понять, что в семейном богатстве нет никаких оснований для чванства. В такой семье, где есть несколько избыточный достаток, меньше всего нужно удовлетворять дополнительные потребности самого ребенка, а лучше расходовать деньги на удовлетворение общих семейных потребностей, лучше купить книги, чем лишний костюм.

Но если семья по разным причинам с трудом удовлетворяет свои потребности, нужно добиваться, чтобы ребенок не завидовал другим семьям и не хотел из своей семьи перейти в другую. Ребенок должен знать, что в настойчивой борьбе за улучшение жизни больше гордости, чем в лишней копейке. Именно в такой семье нужно воспитывать терпение, стремление к лучшему будущему, осуществимому в нашей стране, взаимную уступчивость и веселую готовность поделиться с товарищем. Родители никогда не должны ныть и жаловаться в присутствии ребенка, должны по возможности быть бодрыми и веселыми и всегда надеяться на лучшее, стремясь к нему в улучшении семейного хозяйства и повышении своего заработка. Каждое действительное улучшение в такой семье должно быть обязательно отмечено и подчеркнуто.

Честность. Честность не падает с неба, она воспитывается в семье. В семье можно воспитать и бесчестность: все зависит от правильного воспитательного метода родителей. Что такое честность? Честность есть открытое, искреннее отношение. Нечестность есть тайное, спрятанное отношение. Если ребенок хочет яблока и открыто это заявляет, это будет честно. Если он это желание оставляет втайне, но не отказывается от яблока, а старается взять его, чтобы никто не видел, это уже будет нечестно. Если мать дает ребенку это яблоко тайно от других детей, допустим даже чужих, она уже воспитывает в нем тайное отношение к вещи, следовательно, воспитывает нечестность. Тайное отношение к вещам в пределах семейного обихода, хозяйственный личный секрет, кормление по углам, прятание отдельных сладких кусков — все это вызывает зарождение нечестности. Только в более старшем возрасте ребенок должен научиться различать полезный секрет, т. е. то, что нужно скрывать от врагов и недругов, или то, что вообще должно составлять личное переживание каждого человека. В младшем же возрасте чем откровеннее ребенок и чем меньше у него каких бы то ни было секретов, тем лучше для его воспитания.

Родители должны внимательно следить за развитием честности у ребенка. Они ничего не должны нарочито прятать от ребенка, но и должны приучать ребенка ничего не брать без спросу, даже если это лежит на виду, не заперто, не закрыто. Можно специально оставлять на виду всякие соблазнительные вещи и приучать ребенка относиться к ним спокойно, без жадного желания. Эту черту спокойного отношения к тому, что плохо лежит, нужно воспитать в самом младшем возрасте. В то же время в семье не должно быть такого порядка, когда все лежит плохо, нет никакого учета, никто не помнит, где что положено. В таком беспорядке,

конечно, и развивается своевольное отношение ребенка к вещам, и он делает с ними что хочет, никому об этом не говорит и таким образом приучается к неоткрытому хозяйничанью.

Если ребенку вы дали поручение что-нибудь купить, обязательно проверяйте покупки и сдачу, делайте это до тех пор, пока у ребенка не выработаются твердые правила честности. Такую проверку нужно делать очень деликатно, чтобы ребенок не подумал, что вы его в чем-либо подозреваете.

Еще раз обращаем внимание родителей на то, что честность нужно воспитывать с самого раннего возраста. Если вы к пяти годам это дело запустили, будет очень трудно исправлять запущенное.

З а б о т л и в о с т ь. Вещи, составляющие хозяйство семьи, приходят постепенно в ветхость и должны заменяться новыми. Новые вещи нужно купить, следовательно, истратить некоторое количество заработанных родителями или другими членами семьи денег. Ребенок видит, как постоянно одни вещи ветшают, а другие приобретаются. Нужно, чтобы ребенок с малых лет приучался разумно пользоваться вещами, не допускать, чтобы вещи руководили им. Хороший хозяин должен всегда видеть заранее, что у него начинает стареть, не допускать слишком быстрого обветшания вещей, вовремя их ремонтировать, а покупать только те вещи, которые действительно нужны, а не те, которые случайно он увидел на рынке или у другого человека. Все это составляет тот отдел человеческой деятельности, который называется заботливостью. Не всякая заботливость хороша. Бывают люди, которые до краев наполнены заботой, которые за этой заботой забывают все остальное. Такая забота имеет характер страдания. Она не должна быть у советского хозяина. Заботливость нашего гражданина должна отличаться спокойствием, разумным расчетом надолго вперед, умением спокойно выбрать то, что нужно, и отвергнуть то, что не нужно. И самая главная черта советской заботливости: она не похожа на жадность. Надо, чтобы ребенок проявлял эту заботливость скорее по отношению к другим членам семьи, чем по отношению к себе, а в особенности, чтобы он проявлял заботливость по отношению к общим вещам семьи. В заботливости лежит важнейшее начало планирования, предвидения. Этим советская заботливость отличается от накопительской жадности буржуазной семьи. Родители с раннего возраста должны приучать ребенка к такой плановости. Они должны время от времени обсуждать в семье различные назревшие потребности и намечать пути их удовлетворения. Если ребенок будет знать, что, допустим, такая вещь, как диван, приходит в ветхость, что требуется его ремонт или замена, если эта потребность для всех очевидна, ребенок уже и свои личные потребности будет заранее сообразовывать с этой общей потребностью и даже сам напоминать о ней родителям. Важно при этом воспитать у ребенка внимание к важным мелочам, к их взаимной зависимости. Бывает, что какая-нибудь ценная вещь только потому портится, что не хватает какого-нибудь пустяка для ее сохранения, на этот пустяк и должно быть обращено внимание хозяина.

Б е р е ж л и в о с т ь. Бережливость есть особая сторона заботливости, только заботливость проявляется больше в мыслях, в соображениях человека, а бережливость проявляется в привычках. Можно быть

очень заботливым хозяином и в то же время совершенно не иметь привычек бережливости. Эти привычки должны воспитываться как можно раньше. С самого малого возраста ребенок должен уметь есть, не пачкая скатерти или костюма, он должен уметь пользоваться вещами, не пачкая их и не ломая. Эти привычки даются с некоторым трудом, и все же нужно стараться во что бы то ни стало, чтобы эти привычки образовались. Никакие поучения не помогут в этом деле, если нет привычки. Привычка образуется благодаря многократному упражнению. Поэтому нужно заботиться о правильном упражнении. Если мальчик, пробегая по комнате, повалил стул, не нужно говорить ему целую речь о бережливом отношении к стулу, а нужно ему сказать:

— Может быть, ты сможешь так пройти, чтобы стул не упал? А ну, попробуй. Прекрасно! Ты это хорошо умеешь делать.

Если, допустим, семилетний ребенок испачкал или изорвал костюм, нужно дать ему целый костюм и сказать:

— Вот тебе костюм. Он чистый. Даю тебе неделю срока и посмотрю, какой он будет.

Нужно возбуждать у ребенка постоянное желание упражняться в бережливости, нужно, чтобы он так привык к чистым ботинкам, чтобы грязные ботинки он уже не мог надеть.

Бережливость должна распространяться на вещи не только своей семьи, но и других людей, и в особенности на предметы общественного пользования. Поэтому никогда не позволяйте ребенку небрежно относиться к вещам на улице, в парке, в театре.

Ответственность. Ответственность заключается не только в том, что человек боится наказания, а в том еще, что человек и без наказания чувствует себя неловко, если по его вине испортилась или уничтожена вещь. Именно такую ответственность нужно воспитывать у советского гражданина, и именно поэтому не нужно наказывать за порчу вещей или грозить наказанием, а нужно, чтобы ребенок сам увидел тот вред, который он принес небрежным обращением с вещью, и пожалел о своей небрежности. Об этом ребенку нужно, конечно, сказать, нужно объяснить ему все результаты небрежности, но еще полезнее будет, если ребенок на собственном опыте почувствует эти результаты. Если ребенок, к примеру, поломал игрушку, не нужно спешить покупать новую, не нужно и выбрасывать ее, а необходимо, чтобы некоторое время эта игрушка была на глазах у ребенка и требовала ремонта. Нужно, чтобы отец или мать говорили и совещались о ремонте этой игрушки, чтобы ребенок видел, что он причинил лишнюю заботу родителям, что они относятся к игрушке более внимательно и заботливо, чем он. А когда игрушка будет отремонтирована, полезно будет, если отец или мать шутя скажут:

— Она теперь хороша, только что ж, давать ли ее тебе или не давать? Ведь ты небрежно будешь с ней обращаться и снова поломаешь?

В таких случаях ребенок начинает понимать, что его поступки приводят к некоторым неприятным последствиям, у него появится ощущение естественной ответственности. Но чем ребенок старше, тем эта естественная ответственность должна быть для него обязательнее и привычнее. Если и теперь он проявляет недопустимую небрежность, уже не нужно шутить с ним и вызывать чувство ответственности, а нужно самым серьезным тоном потребовать большего порядка, допуская даже и такое выражение:

— Это безобразие. Постарайтесь, чтобы таких случаев больше не было.

В особенности важно воспитывать ответственность в тех случаях, когда затрагиваются интересы других членов семьи или даже интересы общественные. Если в семье есть правильный коллективный тон, это воспитание проводить очень нетрудно.

Способность ориентировки. Это та важнейшая способность, без которой не может быть хорошего хозяйственника. В чем она заключается? Она заключается в умении видеть и понимать все подробности, окружающие данный случай. Если человек что-то делает, он не должен забывать и о том, что сзади него и сбоку тоже находятся люди и тоже чем-то заняты. Ориентировка невозможна, если человек привык видеть только то, что перед глазами, а что совершается вокруг, не видит и не чувствует. В хозяйственной деятельности способность ориентировки имеет громадное значение. Делая одно дело, ребенок не должен забывать и все другие свои дела и дела окружающих людей. Играя в какую-нибудь игру, ребенок не должен забывать, что он окружен вещами, о которых тоже должен заботиться. Исполняя поручение родителей по покупке чего-нибудь в магазине, ребенок должен помнить, что он должен возвратиться домой вовремя, что должен после этого поручения сделать что-либо для себя или для семьи.

Для выработки такой способности полезно давать ребенку не одно поручение, а два или три, давать условное поручение или комбинированное. Вот самые простые примеры таких поручений:

— Убери в книжном шкафу, а кстати и подбери книги по авторам. Купи сельдей, но если будет в магазине хорошая вобла, то не покупай сельдей, а купи воблу. Способность ориентировки воспитывается постоянными упражнениями в хозяйственной заботе, в знании всех подробностей и частностей хозяйства.

Оперативная способность. Такая способность необходима для выполнения более длительных хозяйственных работ, выходящих за пределы одного короткого поручения. Уже с семи-восьми лет, а часто и раньше нужно давать ребенку такие более длительные задачи, например: поливать цветы, держать в порядке книги, кормить кошку, следить за младшим братом. В особенности важной является область денежных расходов[9]. Здесь мы настойчиво рекомендуем каждой семье предоставить ребенку некоторую самостоятельность в расходовании денег для удовлетворения его личных, а в некоторых случаях и общих семейных потребностей. Для этого нужно один раз или несколько раз в месяц выдавать ему определенную сумму денег с точным обозначением, на что эти деньги должны расходоваться. Список таких расходов может быть различным в зависимости от возраста ребенка, от достатков семьи. Например, для мальчика 14 лет можно составить такой список: покупка тетрадей, расходы на трамвай, покупка мыла и зубного порошка для всей семьи, расходы на кино для него и младшего брата. Чем старше ребенок, тем ответственнее и сложнее должен быть такой список.

Необходимо при этом следить за тем, как выполняет мальчик или девочка порученные задачи, не злоупотребляет ли свободой расходования, не преобладают ли в тратах расходы на удовольствия, а не на дело.

Иногда такие ошибки происходят от неправильно назначенной суммы, но бывает и так, что мальчик просто недостаточно серьезно относится к своему праву и своим возможностям. В таком случае достаточно просто поговорить с ним, обратить внимание на его ошибки и посоветовать исправить их. Во всяком случае, не нужно надоедать ребенку постоянными проверками, а тем более постоянным недоверием. Нужно просто уметь видеть его поведение в порученной ему области.

Мы закончили рассмотрение главных особенностей семейного хозяйства. Сами родители найдут в своем опыте много разнообразных упражнений для правильного хозяйственного воспитания детей. Они при этом должны помнить, что, воспитывая хорошего и честного хозяина, они тем самым воспитывают и хорошего гражданина. Важно, чтобы семейное хозяйство было организовано в коллективном, спокойном и в то же время дисциплинированном порядке, чтобы в нем не было излишней нервности, нытья, а чтобы больше было бодрости и дружного стремления улучшить жизнь семьи.

Резюмируем содержание сегодняшней беседы.

Хозяйственная деятельность семьи представляет собой важнейшую арену для воспитательной работы. Именно в семейном хозяйстве воспитываются:

коллективизм, т. е. реальная солидарность человека с работой и интересами других людей, с интересами всего общества. Коллективизм воспитывается методом приближения ребенка к условиям деятельности родителей, методом участия ребенка в семейном бюджете, скромностью во время избытка и достоинством во время недостатка в семье;

честность, т. е. открытое, искреннее отношение к людям и вещам;

заботливость, т. е. постоянное внимание к семейным нуждам и плану их удовлетворения;

бережливость, т. е. привычка сохранять вещи;

ответственность, т. е. чувство вины и неловкости в случае порчи или уничтожения вещи;

способность ориентировки, иначе говоря, умение охватить вниманием целую группу вещей и вопросов;

оперативная способность, т. е. умение распорядиться временем и работой.

Все семейное хозяйство должно быть хозяйством коллектива и вестись в спокойных тонах, без нервности.

Воспитание в труде

Правильное советское воспитание невозможно себе представить как воспитание нетрудовое. Труд всегда был основанием для человеческой жизни, для создания благополучия человеческой жизни и культуры. В нашей стране труд перестал быть предметом эксплуатации, он сделался делом чести, славы, доблести и геройства. Наше государство есть государство трудящихся, в нашей Конституции написано: «Кто не работает, тот не ест».

Поэтому и в воспитательной работе труд должен быть одним из самых основных элементов.

Попробуем подробнее проанализировать смысл и значение трудового воспитания в семье.

Первое, о чем в особенности должны помнить родители,— это следующее. Ваш ребенок будет членом трудового общества, следовательно, его значение в этом обществе, ценность его как гражданина будут зависеть исключительно от того, насколько он в состоянии будет принимать участие в общественном труде, насколько он к этому труду будет подготовлен. Но от этого будет зависеть и его благосостояние, материальный уровень его жизни, ибо в нашей Конституции также сказано: «От каждого по способностям, каждому по труду». Мы хорошо знаем, что от природы все люди обладают приблизительно одинаковыми трудовыми данными, но в жизни одни люди умеют работать лучше, другие — хуже, одни способны только к самому простому труду, другие — к труду более сложному и, следовательно, более ценному. Эти различные трудовые качества не даются человеку от природы, они воспитываются в нем в течение его жизни, и в особенности в молодости.

Следовательно, трудовая подготовка, воспитание трудового качества человека — это подготовка и воспитание не только будущего хорошего или плохого гражданина, но и воспитание его будущего жизненного уровня, его благосостояния.

Второе: трудиться можно из нужды, из жизненной необходимости. В человеческой истории в большинстве случаев труд всегда имел такой характер принудительного тяжелого действия, необходимого для того, чтобы не умереть с голода. Но уже и в старое время люди старались быть не только рабочей силой, но и творческой силой. Только им не всегда удавалось достигнуть этого в условиях классового неравенства и эксплуатации. В Советской стране каждый труд должен быть творческим трудом, ибо он целиком идет на создание общественного богатства и культуры страны трудящихся. Научить творческому труду — особая задача воспитателя.

Творческий труд возможен только тогда, когда человек относится к работе с любовью, когда он сознательно видит в ней радость, понимает пользу и необходимость труда, когда труд делается для него основной формой проявления личности и таланта.

Такое отношение к труду возможно только тогда, когда образовалась глубокая привычка к трудовому усилию, когда никакая работа не кажется неприятной, если в ней есть какой-нибудь смысл.

Творческий труд совершенно невозможен у тех людей, которые к работе подходят со страхом, которые боятся ощущения усилия, боятся, так сказать, трудового пота, которые на каждом шагу только и делают, что соображают, как бы поскорее отделаться от работы и начать что-нибудь другое. Это другое кажется им симпатичным до тех пор, пока они за него не взялись.

Третье: в трудовом усилии воспитывается не только рабочая подготовка человека, но и подготовка товарища, т. е. воспитывается правильное отношение к другим людям, — это уже будет нравственная подготовка. Человек, который старается на каждом шагу от работы увильнуть, который спокойно смотрит, как другие работают, пользуется плодами их трудов, такой человек — самый безнравственный человек в советском обществе.

И наоборот, совместное трудовое усилие, работа в коллективе, трудовая помощь людей и постоянная их взаимная трудовая зависимость только и могут создать правильное отношение человека друг к другу. Это правильное отношение состоит не только в том, что каждый человек отдает свои силы обществу, но и в том, что он и от других требует того же, что он не хочет рядом с собой переносить жизнь дармоеда. Только участие в коллективном труде позволяет человеку выработать правильное, нравственное отношение к другим людям — родственную любовь и дружбу по отношению ко всякому трудящемуся, возмущение и осуждение по отношению к лентяю, к человеку, уклоняющемуся от труда.

Четвертое: неправильно думать, что в трудовом воспитании развиваются только мускулы или внешние качества — зрение, осязание, развиваются пальцы и т. д. Физическое развитие в труде, конечно, тоже имеет большое значение, являясь важным и совершенно необходимым элементом физической культуры. Но главная польза труда сказывается в психическом, духовном развитии человека. Это духовное развитие и должно составить главную особенность человека.

Пятое: необходимо указать еще на одно обстоятельство, которому у нас придают, к сожалению, небольшое значение. Труд имеет не только значение общественно-производственное, но имеет большое значение и в личной жизни. Мы хорошо знаем, насколько веселее и счастливее живут люди, которые многое умеют делать, у которых все удается и спорится, которые не потеряются ни при каких обстоятельствах, которые умеют владеть вещами и командовать ими. И наоборот, всегда вызывают нашу жалость те люди, которые перед каждым пустяком становятся в тупик, которые не умеют обслуживать сами себя, а всегда нуждаются то в няньках, то в дружеской услуге, то в помощи, а если им никто не поможет, живут в неудобной обстановке, неряшливо, грязно, растерянно.

Родители должны хорошо подумать над каждым из указанных обстоятельств. В своей жизни и в жизни своих знакомых они на каждом шагу увидят подтверждение важнейшего значения трудового воспитания. И в работе по воспитанию своих детей родители никогда не должны забывать о трудовом принципе.

Конечно, в границах семьи трудно дать ребенку такое трудовое воспитание, которое обычно называется квалификацией. Для образования хорошей специальной квалификации семья не приспособлена; квалификацию мальчик или девочка получит в какой-либо общественной организации: в школе, на заводе, в учреждении, на курсах. Семья ни в коем случае и не должна гоняться за квалификацией в той или другой специальности. Это в старое время бывало обычно так, что если отец сапожник, то он и сына учил своему ремеслу; если он столяр, то и сын «приучался» к столярному делу. А девочки, как известно, всегда получали квалификацию домашней хозяйки, на большее они и не рассчитывали. В советское время о квалификации будущих граждан заботится государство, которое имеет в своем распоряжении много мощных и хорошо оборудованных институтов.

Но родители вовсе не должны думать, что семейное воспитание не имеет никакого отношения к получению квалификации. Именно семейная трудовая подготовка имеет самое важное значение для будущей квалификации человека. Тот ребенок, который получил в семье правильное трудо-

вое воспитание, тот в дальнейшем с большим успехом будет проходить и свою специальную подготовку. А те дети, которые не прошли в семье никакого трудового опыта, те и квалификации не могут получить хорошей, их постигают различные неудачи, они выходят плохими работниками, несмотря на все усилия государственных учреждений.

Точно так же родители не должны думать, что под трудом мы понимаем только физический труд, мускульную работу. С развитием машинного производства физический труд постепенно теряет свое былое значение в человеческой общественной жизни. Советское государство старается совершенно уничтожить тяжелый физический труд. Мы уже видим, что на постройках домов кирпичи подаются машинами, носилки имеют все меньшее и меньшее значение в нашем строительстве. На наших заводах, в особенности на тех, которые построены после революции, совершенно уничтожен тяжелый физический труд. Человек становится все больше и больше владетелем больших, организованных механических сил, от него теперь все больше и больше требуются не физические, а умственные силы: распорядительность, внимание, расчет, изобретательность, находчивость, ухватка. Наше стахановское движение, одно из замечательных явлений нашей страны, вовсе не представляет собой мобилизацию физических сил рабочего класса, а как раз творческую мобилизацию его духовных сил, освобожденных от насилия великой социалистической революцией. Настоящий стахановец меньше всего надеется на свои мускулы, он организует свой успех, применяя новые методы расстановки материала, инструмента, новые приспособления, новые приемы работы. Об этом родители также всегда должны помнить. В своей семье они должны воспитывать не ломовую рабочую силу, а стахановцев, людей социалистического труда и социалистических успехов.

Поэтому мы не должны думать, что в советском воспитании есть какая-либо существенная разница между трудом физическим и трудом умственным. В том и в другом труде важной стороной является прежде всего организация трудового усилия, его настоящая человеческая сторона.

Если мы будем поручать мальчику или девочке всегда одно и то же дело, одну и ту же физическую работу, требующую от него только расхода мускульной энергии, воспитательное значение такого труда будет весьма ограниченно, хотя и нельзя сказать, что такой труд совершенно бесполезен. Ребенок будет приучаться к трудовому усилию, будет принимать участие в общественном труде, будет нравственно воспитываться в трудовом равенстве с другими людьми, но все же это не будет настоящее трудовое стахановское воспитание, если мы не прибавим к трудовому упражнению интересных организационных задач.

В трудовом воспитании важным является следующая сторона метода. Перед ребенком должна быть поставлена некоторая задача, которую он может разрешить, применяя то или другое трудовое средство. Эта задача не обязательно должна стоять на короткий отрезок времени, на один или на два дня. Она может иметь длительный характер, даже продолжаться месяцами и годами. Важно то, что ребенку должна быть предоставлена некоторая свобода в выборе средств и он должен нести некоторую ответственность за выполнение работы и за ее качество. Меньше будет пользы, если вы скажете ребенку:

— Вот тебе веник, подмети эту комнату, сделай это так или так.

Лучше будет, если вы на долгое время поручите ребенку поддержание чистоты в определенной комнате, а как он будет это делать — предоставьте решать и отвечать за решение ему самому. В первом случае вы поставили перед ребенком только мускульную задачу, во втором случае вы поставили перед ним задачу организационную; последняя гораздо выше и полезнее. Следовательно, чем сложнее и самостоятельнее будет трудовая задача, тем лучше она будет в педагогическом отношении. Многие родители не учитывают этого обстоятельства. Они поручают детям сделать то или другое дело, но разбрасываются в слишком мелких трудовых задачах. Они посылают мальчика или девочку в магазин купить какой-нибудь предмет, а гораздо лучше будет, если они возложат на него постоянную, определенную заботу, например всегда заботиться о том, чтобы в семье было мыло или зубной порошок.

Трудовое участие детей в жизни семьи должно начинаться очень рано. Начинаться оно должно в игре. Ребенку должно быть указано, что он отвечает за целость игрушек, за чистоту и порядок в том месте, где стоят игрушки и где он играет. И эту работу нужно поставить перед ним в самых общих чертах: должно быть чисто, не должно быть набросано, налито, на игрушках не должно быть пыли. Конечно, некоторые приемы уборки можно ему и показать, но вообще хорошо, если он сам догадается, что для вытирания пыли нужно иметь чистую тряпку, если эту тряпку он сам выпросит у матери, если он к этой тряпке предъявит определенные санитарные требования, если он потребует лучшую тряпку и т. д. Точно так же и починка изломанных игрушек должна быть предоставлена ему самому в той мере, в какой это ему по силам, разумеется, с предоставлением в его распоряжение определенных материалов.

С возрастом трудовые поручения должны быть усложнены и отделены от игры. Мы перечислим несколько видов детской работы, рассчитывая, что каждая семья в зависимости от условий своей жизни и возраста детей сможет исправить и дополнить этот список.

1. Поливать цветы в комнате или во всей квартире.
2. Вытирать пыль на подоконниках.
3. Накрывать на стол перед обедом.
4. Следить за солонками, горчичницами.
5. Следить за письменным столом отца.
6. Отвечать за книжную полку или за книжный шкаф и держать их в порядке.
7. Получать газеты и складывать их в определенном месте, отделяя новые от прочитанных.
8. Кормить котенка или щенка.
9. Держать в порядке умывальник, покупать мыло, зубной порошок, бритвенные ножи для отца.
10. Производить полную уборку в отдельной комнате или отдельной части комнаты.
11. Пришивать на своем платье оторвавшиеся пуговицы, иметь всегда в полном порядке приспособления для этого.
12. Отвечать за порядок в буфетном шкафу.
13. Чистить платье свое или младшего брата или одного из родителей.

14. Заботиться об украшении комнаты портретами, открытками, репродукциями.

15. Если в семье есть огород или цветник, отвечать за определенный его участок как в плане посева, так и ухода за ним и сбора плодов.

16. Заботиться о том, чтобы в квартире были цветы, для этого иногда поехать и за город (это для более старшего возраста).

17. Если в квартире есть телефон, первому подходить на звонок, вести домашний телефонный справочник.

18. Вести справочник трамвайных маршрутов с учетом тех мест, куда членам семьи приходится наиболее часто ездить.

19. В более старшем возрасте самостоятельно планировать и обслуживать посещение семьей театров и кино, узнавать программу, доставать билеты, хранить их и т. д.

20. Вести в полном порядке домашнюю аптеку и отвечать за своевременное ее пополнение.

21. Следить за тем, чтобы в квартире не появлялись паразиты: клопы, блохи и т. д., принимать энергичные меры к их уничтожению.

22. Помогать матери или сестре в определенных хозяйственных функциях.

Каждая семья найдет у себя очень много подобных работ, более или менее интересных и посильных. Конечно, нельзя ребенка загружать чрезмерным количеством работы, но во всяком случае необходимо, чтобы не бросалась в глаза разница в трудовой нагрузке родителей и в трудовых нагрузках детей. Если отцу или матери приходится очень трудно в домашнем хозяйстве, дети должны привлекаться к помощи им. Бывает и иначе: если в семье есть домашняя работница, дети сплошь и рядом привыкают надеяться на ее труд в таких случаях, когда они и сами могли бы себя обслужить. Родители должны хорошенько проверить эту область и добиться такого положения, чтобы по возможности домработница не делала таких работ, которые могут и должны сделать дети.

Нужно при этом всегда помнить: когда дети учатся в школе, последняя довольно сильно нагружает их домашней работой. Разумеется, эта работа должна считаться самой главной и первоочередной. Дети должны хорошо понимать, что в школьной работе они выполняют функцию не только личную, но и общественную, что за успех школьной работы отвечают они не только перед родителями, но и перед государством. С другой стороны, неправильно, если только школьная работа пользуется уважением, а все остальные трудовые задачи отбрасываются. Такое обособление школьной работы очень опасно, так как вызывает у детей полное пренебрежение к жизни и работе своего семейного коллектива. В семье должна всегда чувствоваться атмосфера коллективизма, как можно чаще проявляться помощь одних членов семьи по отношению к другим.

Спрашивается: какими мерами можно и должно вызывать у ребенка то или другое трудовое усилие? Меры эти могут быть самые разнообразные. В раннем детстве, конечно, многое ребенку нужно и подсказать и показать, но вообще необходимо считать идеальной формой, когда ребенок сам замечает необходимость той или другой работы, видит, что матери или отцу некогда ее сделать, когда он по собственной инициативе приходит на помощь своему семейному коллективу. Воспитать такую готовность к труду,

такую внимательность к нуждам своего коллектива — значит воспитать настоящего советского гражданина.

Очень часто бывает, что ребенок по своей неопытности, по слабости ориентировки не может самостоятельно заметить потребности в той или другой работе. Родители должны в таких случаях осторожно подсказать, помочь ребенку выяснить свое отношение к этой задаче и принять участие в ее разрешении. Это часто лучше всего делать, вызывая простой технический интерес к работе, но и злоупотреблять этим способом нельзя. Ребенок должен уметь выполнять и такие работы, которые не вызывают у него особого интереса, которые кажутся в первый момент работами скучными. Вообще он должен воспитываться так, чтобы решающим моментом в трудовом усилии была не его занимательность, а его польза, его необходимость. Родители должны воспитывать у ребенка способность терпеливо и без хныканья выполнять работы неприятные. Потом, по мере развития ребенка, даже самая неприятная работа будет приносить ему радость, если общественная ценность работы будет для него очевидна.

В том случае, если необходимость или интерес недостаточны, чтобы вызвать у ребенка желание потрудиться, можно применить способ просьбы. Просьба тем отличается от других видов обращения, что она предоставляет ребенку полную свободу выбора. Просьба и должна быть такова. Ее так нужно произнести, чтобы ребенку казалось, что он исполняет просьбу по собственному доброму желанию, не побуждаемый к этому никакими принуждениями. Нужно говорить:

— У меня к тебе просьба. Хоть это и трудно, и у тебя всякие другие дела...

Просьба — самый лучший и мягкий способ обращения, но и злоупотреблять просьбой не следует. Форму просьбы лучше всего употреблять в тех случаях, когда вы хорошо знаете, что ребенок с удовольствием просьбу вашу выполнит. Если же у вас есть какое-нибудь сомнение в этом, применяйте форму обыкновенного поручения, спокойного, уверенного, делового. Если с самого малого возраста вашего ребенка вы будете правильно чередовать просьбу и поручение и, в особенности, если вы будете возбуждать личную инициативу ребенка, будете учить его видеть необходимость работы самому и по собственному почину выполнять ее, в вашем поручении не будет уже никаких прорывов. Только, если вы запустили дело воспитания, вам придется иногда прибегнуть к принуждению.

Принуждение может быть различное — от простого повторения поручения до повторения резкого и требовательного. Во всяком случае, никогда не нужно прибегать к физическому принуждению, так как оно меньше всего приносит пользы и вызывает у ребенка отвращение к трудовой задаче.

Больше всего затрудняет родителей вопрос, как нужно обращаться с так называемыми ленивыми детьми. Нужно при этом сказать, что лень, т. е. отвращение к трудовому усилию, только в очень редких случаях объясняется плохим состоянием здоровья, физической слабостью, вялостью духа. В этом случае, конечно, лучше всего обратиться к врачу. Большей же частью лень у ребенка развивается благодаря неправильному воспитанию, когда с самого малого возраста родители не воспитывают у ребенка энергии, не приучают его преодолевать препятствия, не возбуждают у него интереса к семейному хозяйству, не воспитывают у него привычки к труду и привычки к тем удовольствиям, которые труд всегда доставляет.

Способ борьбы с ленью единственный: постепенное втягивание ребенка в область труда, медленное возбуждение у него трудового интереса.

Но, борясь с ленью, нужно бороться и с другим недостатком. Есть дети, которые охотно выполняют любую работу, но делают ее без увлечения, без интереса, без мысли, без радости. Они работают только потому, что хотят избежать неприятностей, чтобы отделаться от упреков и т. д. Такая работа часто очень напоминает усилия рабочей лошади. Такие работники могут совершенно потерять контроль над своим трудом, приучаются относиться к нему некритически. Из них вырастают люди, которые очень легко поддаются эксплуатации, которые всегда, всю жизнь только и знают, что всех обслуживают, всем помогают, даже тем, которые сами ничего не делают. В Советском государстве нельзя воспитывать такую лошадиную покорность, ибо у этих людей нет нравственного требования ни к своей работе, ни к работе других людей.

Правда, в нашем государстве невозможна эксплуатация человека человеком на производстве, но есть еще очень много охотников, которые могут пользоваться чужим трудом в домашней обстановке, в быту, в семье.

Воспитание наших детей должно проходить таким образом, чтобы в нашем обществе не было готовых объектов для эксплуатации, чтобы никакие эксплуататорские аппетиты у нас не могли развиваться даже в домашней обстановке.

Поэтому родители в особенности должны внимательно следить, чтобы старшие братья не пользовались трудом младших иначе, как в порядке взаимной помощи, чтобы в семье не было никакого трудового неравенства.

Нам остается сказать несколько слов о качестве труда. Качество труда должно иметь самое решающее значение: высокого качества нужно требовать всегда и требовать серьезно. Конечно, ребенок еще неопытен, часто он физически неспособен выполнить работу во всех отношениях идеально. От него и нужно требовать такого качества, которое для него совершенно посильно, которое доступно и его силам, и его пониманию.

Не нужно при этом поносить ребенка за плохую работу, стыдить его, упрекать. Нужно просто и спокойно сказать, что работа сделана неудовлетворительно, что она должна быть переделана, или исправлена, или сделана заново. При этом никогда не нужно производить работу за ребенка силами самих родителей, только в редких случаях можно проделать такую часть работы, которая явно не по силам ребенку, поправляя в этом случае допущенную нами ошибку в самом назначении работы.

Мы решительно не рекомендуем применять в области труда какие-либо поощрения или наказания. Трудовая задача и ее решение должны сами по себе доставлять ребенку такое удовлетворение, чтобы он испытывал радость. Признание его работы хорошей работой должно быть лучшей наградой за его труд. Такой же наградой будет для него ваше одобрение его изобретательности, его находчивости, его способов работы. Но даже и таким словесным одобрением никогда не нужно злоупотреблять, в особенности не следует хвалить ребенка за произведенную работу в присутствии знакомых ваших и друзей. Тем более не нужно ребенка наказывать за плохую работу или за работу непроизведенную. Самое важное в этом случае — добиться того, чтобы работа была все-таки выполнена.

Половое воспитание

Вопрос о половом воспитании считается одним из самых трудных педагогических вопросов. И действительно, ни в каком вопросе не было столько напутано и столько высказано неправильных мнений. А между тем практически этот вопрос вовсе не так труден и во многих семьях он разрешается очень просто и без мучительных колебаний. Он становится трудным только тогда, когда его рассматривают отдельно и когда ему придают слишком большое значение, выделяя из общей массы других воспитательных вопросов.

Вопрос о половом воспитании в семье может быть разрешен правильно только тогда, когда родители хорошо себе представят самую цель, которую они должны преследовать в половом воспитании своих детей. Если эта цель будет для родителей ясна, ясными станут и пути к ее достижению.

Каждый человек по достижении известного возраста живет половой жизнью, но половой жизнью живет не только человек, она составляет необходимый отдел жизни большинства живых существ.

Половая жизнь человека должна существенно отличаться от половой жизни животного, в этом отличии и заключаются цели полового воспитания. Но бывает, что половая жизнь человека отличается от половой жизни животного не в лучшую, а в худшую сторону. Животное имеет потребность в половой жизни постольку, поскольку оно стремится иметь потомство, у животных почти не бывает разврата. Человек сплошь и рядом стремится к половому наслаждению независимо от желания иметь детей, и это стремление иногда приобретает такие беспорядочные и нравственно не оправданные формы, что приносит несчастье и ему самому, и другим людям. Человек прошел длинную историю развития, и развивался он не только как зоологический вид, но и как общественное существо. В истории этого развития давно выработаны человеческие идеалы для многих сторон нравственности, и в том числе выработаны идеалы половых отношений человека. В классовом обществе эти идеалы сплошь и рядом нарушаются в угоду интересам правящих классов. Такие нарушения мы знаем и в форме семьи, и в положении женщины, и в деспотической власти мужчины. Мы хорошо знаем, что в некоторых странах происходит настоящая продажа и покупка женщин; знаем многие исторические формы многоженства, когда женщина рассматривается только как предмет наслаждения мужчины; знаем о существовании такого безобразного явления, как проституция, когда мужчина просто на короткое время покупал ласку женщины; знаем, наконец, принудительные рамки семьи, когда мужчина и женщина принуждаемы были жить вместе независимо от того, хотят они этого или не хотят.

Октябрьская социалистическая революция уничтожила все эти безобразные пережитки классового общества. Она освободила семью от сходства с цепями, она освободила женщину от многих видов оскорбительного отношения к ней со стороны мужчины. Только после Октябрьской революции половая жизнь людей вплотную приблизилась к тем идеалам, о которых давно мечтало человечество. Но некоторые люди неправильно поняли эту новую свободу, они решили, что половая жизнь человека может проходить в беспорядочной смене супружеских пар, в так называемой свободной любви. В строго организованном человеческом обществе, в социалистическом об-

ществе, такая практика половой жизни обязательно приводит к недостойной человека простоте отношений, к их вульгаризации, к тяжелым переживаниям личности, к несчастьям, к разрушению семьи, к сиротству детей.

Как и во всей своей жизни, так и в жизни половой человек не может забыть о том, что он есть член общества, что он — гражданин своей страны, что он — участник нашего социалистического строительства. Поэтому и в своем отношении к женщине или в своем отношении к мужчине советский человек не может игнорировать требования общественной нравственности, которая всегда стоит на страже интересов всего общества. И в половой сфере эта общественная нравственность предъявляет каждому гражданину определенные требования. Родители должны воспитывать своих детей так, чтобы из них не вышли люди, в своем поведении идущие против общественной нравственности.

Что требует общественная нравственность в вопросах половой жизни? Она требует, чтобы половая жизнь человека, каждого мужчины и каждой женщины, находилась в постоянном гармоническом отношении к двум областям жизни: к семье и к любви. Она признает нормальной и оправданной нравственно только такую половую жизнь, которая основывается на взаимной любви и которая проявляется в семье, т. е. в открытом гражданском союзе мужчины и женщины, союзе, который преследует две цели: человеческое счастье и рождение и воспитание детей.

Отсюда ясны и цели полового воспитания. Мы должны так воспитать наших детей, чтобы они только по любви могли наслаждаться половой жизнью и чтобы свое наслаждение, свою любовь и свое счастье они реализовали в семье.

Говоря о воспитании будущего полового чувства нашего ребенка, мы должны, собственно, говорить о воспитании его будущей любви и о воспитании его как будущего семьянина. Всякое иное половое воспитание будет обязательно вредным и противообщественным. Каждый родитель, каждый отец и каждая мать должны поставить перед собой такую цель, чтобы будущий гражданин или будущая гражданка, которых они воспитывают, могли быть счастливы только в семейной любви и чтобы только в этой форме они могли искать и радостей половой жизни. Если родители такой цели перед собой не поставят, если они ее не достигнут, их дети будут жить беспорядочной жизнью пола, следовательно, будут жить жизнью, полной всяких драм, несчастья, всякой грязи и общественного вреда.

Поставив перед собой такую цель, родители должны подумать о средствах к ее достижению. Относительно этих средств они могут и в литературе специальной, и в литературе художественной встретить самые разнообразные мнения и рецепты, самые противоречивые точки зрения и советы. Родители должны научиться хорошо разбираться в этих мнениях и считать правильными только такие, которые помогут им в ответственной работе воспитания и в достижении поставленных ими целей.

Правильное половое воспитание, как и всякое воспитание человеческого характера, достигается, конечно, на каждом шагу, если вообще правильно организована жизнь семьи, если под руководством родителей растет настоящий советский человек.

В вопросах любви и семейной жизни решающими всегда будут общие способности человека, его политическое и нравственное лицо, его развитие,

его работоспособность, его честность, его преданность своей стране, его любовь к обществу. Поэтому совершенно правильным является утверждение, что половая жизнь будущего человека воспитывается всегда, на каждом шагу, когда родители или воспитатели даже и не думают о половом воспитании. Старая поговорка «Лень — мать всех пороков» очень правильно отражает этот общий закон, но у пороков — не одна мать. Не только лень, а всякое уклонение человека от правильного общественного поведения обязательно приводит к порочному поведению его в обществе, в том числе и к беспорядочной половой жизни.

Поэтому, разумеется, в вопросах полового воспитания решающими являются не какие-либо отдельные способы, специально предназначенные для полового воспитания, а весь общий вид воспитательной работы, вся его картина в целом.

Поэтому, воспитывая в ребенке честность, работоспособность, искренность, прямоту, привычку к чистоте, привычку говорить правду, уважение к другому человеку, к его переживаниям и интересам, любовь к своей Родине, преданность идеям социалистической революции, мы тем самым воспитываем его и в половом отношении. Среди этих общих методов воспитания есть такие, которые к половому воспитанию имеют большее отношение, есть такие, которые имеют меньшее отношение, но все они, вместе взятые, в значительной мере определяют и наш успех в воспитании будущего семьянина, будущего мужа или будущей жены.

Но есть и отдельные воспитательные методы и приемы, которые специально как будто назначены, чтобы быть полезными именно в вопросах полового воспитания. И есть люди, которые на эти отдельные приемы и методы возлагают особенные надежды и считают их наиболее мудрым выражением педагогического творчества.

Необходимо указать, что как раз в этих особых специальных советах и заложены наиболее вредные пути полового воспитания и к ним нужно относиться с исключительной осторожностью

Очень много внимания половому воспитанию было уделено в старое время. Тогда многие думали, что половая сфера есть самая главная, решающая сфера в физической и психической конституции человека, что все человеческое поведение зависит от половой сферы. Сторонники таких «теоретических» положений старались доказать, что все воспитание юноши или девушки есть, в сущности, половое воспитание.

Многие из этих «теорий» так и остались погребенными в книгах, даже не дойдя до широкого читателя, но многие просочились в широкое общество и породили самые вредные и самые опасные мнения.

Больше всего беспокоились о том, чтобы ребенок был как-то по-особенному разумно подготовлен к половой жизни, чтобы он не видел в ней ничего «стыдного», ничего тайного. Стремясь к этому, старались как можно раньше посвятить ребенка во все тайны половой жизни, объяснить ему тайну деторождения. Конечно, с настоящим «ужасом» показывали на тех «простаков», которые обманывали детей и рассказывали им сказки об аистах и других фиктивных виновниках деторождения. Полагали при этом, что если ребенку все разъяснить и растолковать, если в его представлении о половой любви не останется ничего стыдного, то этим будет достигнуто и правильное половое воспитание.

Надо с очень большой осторожностью относиться к таким советам. К вопросам полового воспитания надо относиться с гораздо большим спокойствием и не делать из него непоправимых фокусов. Правда, ребенок часто спрашивает о том, откуда берутся дети, но из того, что ребенок заинтересован этим вопросом, не вытекает, что в раннем возрасте ему все нужно до конца объяснить. Ведь ребенок не только в половом вопросе кое-чего не знает. Многого он не знает и в других вопросах жизни, однако мы не спешим нагружать его непосильными знаниями раньше времени. Мы ведь не объясняем ребенку в три года, отчего бывает тепло или холодно, отчего увеличивается или уменьшается день. Так же точно мы не объясняем ему в семь лет устройства аэропланного мотора, хотя и этим вопросом он может заинтересоваться. Для всякого знания приходит свое время, и нет никакой опасности в том, если вы ответите ему:

— Ты еще мал, подрастешь — узнаешь.

Нужно при этом отметить, что никакого особенно настойчивого интереса к половым вопросам у ребенка нет и не может быть. Такой интерес наступает только в период полового созревания, но к этому времени обыкновенно ничего таинственного в половой жизни для ребенка уже нет.

Поэтому нет никакой срочной надобности торопиться с открыванием «тайны деторождения», пользуясь для этого случайным вопросом ребенка. В этих вопросах не содержится еще никакого особенного полового любопытства, сокрытие тайны никаких переживаний и страданий ребенку не приносит. Если вы более или менее тактично отведете вопрос ребенка, отделаетесь шуткой или улыбкой, ребенок забудет о своем вопросе и займется чем-либо другим. Но если вы начнете с ним толковать о самых секретных подробностях в отношениях между мужчиной и женщиной, вы обязательно поддержите в нем любопытство к половой сфере, а потом поддержите и слишком рано взбудораженное воображение. То знание, которое вы ему сообщите, для него совершенно не нужно и бесполезно, но та игра воображения, которую вы у него возбудите, может положить начало половым переживаниям, для которых еще не наступило время.

Совершенно не нужно бояться того, что ребенок узнает о тайне деторождения от своих товарищей и подруг и будет держать свое знание в секрете. Секрет в этом случае вовсе не страшен. Ребенок должен приучаться к тому, что многие стороны жизни человека составляют интимную, секретную область, о которой не нужно делиться со всеми, которую не нужно выставлять напоказ всему обществу. И только тогда, когда у ребенка уже воспитано это отношение к интимной жизни людей, когда у него есть большая привычка к целомудренному умолчанию о некоторых вещах, только тогда, следовательно в более позднем возрасте, можно говорить с ребенком о половой жизни. Эти беседы должны происходить строго по секрету между отцом и сыном или между матерью и дочерью. Они оправданы действительной и прямой пользой, так как будут соответствовать естественному пробуждению половой жизни у юноши или девушки. В это время такие беседы уже не могут принести вреда, так как и родители и дети уже понимают, что они касаются важной и секретной темы, что обсуждение этой темы необходимо по соображениям пользы, что эта польза, оставаясь интимной, будет в то же время и реальной. Такие беседы должны касаться как вопросов половой гигиены, так и в особенности вопросов половой нравственности.

Признавая необходимость таких бесед в период полового созревания, не нужно все же преувеличивать их значения. Собственно говоря, будет гораздо лучше, если эти беседы проведет врач, если они будут организованы в школе. Между родителями и детьми желательна всегда атмосфера доверия и деликатности, атмосфера целомудрия, которая иногда нарушается слишком откровенными разговорами на такие трудные темы.

Против слишком ранних обсуждений полового вопроса с детьми нужно возражать и по другим соображениям: открытое и слишком преждевременное обсуждение половых вопросов приводит ребенка к грубо рационалистическому взгляду на половую сферу, кладет начало тому цинизму, с которым иногда взрослый человек так легко делится с другими самыми сокровенными своими половыми переживаниями.

Такие беседы с детьми ставят перед ребенком половую тему в узком физиологическом оформлении. Половые темы в этом случае не будут облагорожены темами любви, т. е. более высокого и общественно ценного отношения к женщине.

В каких словах можно малому ребенку сказать, что половые отношения оправдываются любовью, если и о любви ребенок не имеет еще никакого представления? Волей-неволей такие беседы будут беседами узкофизиологическими.

Говоря с сыном или дочерью в более позднем их возрасте о половой жизни, вы уже имеете возможность ставить ее в зависимость от любви и воспитывать у юноши или у девушки глубокое уважение ко всем этим вопросам, уважение гражданское, эстетическое и человеческое. С темами любви наши юноши и девушки знакомятся открыто по литературе, из окружающего опыта людей, из общественных наблюдений. Родители и должны опираться на эти уже имеющиеся у молодых людей знания и представления.

Половое воспитание и должно быть воспитанием именно любви, т. е. большого и глубокого чувства — чувства, украшенного единством жизни, стремлений и надежд. Но такое половое воспитание должно проводиться без слишком открытого и, в сущности, циничного разбора узкофизиологических вопросов.

Как проводить такое половое воспитание? В этом деле самое главное место имеет пример. Настоящая любовь между отцом и матерью, их уважение друг к другу, помощь и забота, открыто допустимые проявления нежности и ласки, если все это происходит на глазах у детей с первого года их жизни, являются самым могучим воспитательным фактором, необходимо возбуждают у детей внимание к таким серьезным и красивым отношениям между мужчиной и женщиной.

Вторым важнейшим фактором является вообще воспитание чувства любви у ребенка. Если, вырастая, ребенок не научился любить родителей, братьев и сестер, свою школу, свою Родину, если в его характере воспитаны начала грубого эгоизма, очень трудно рассчитывать, что он способен глубоко полюбить избранную им женщину. Такие люди проявляют очень часто самые сильные половые чувства, но всегда склонны не уважать ту, которая их привлекает, не дорожить ее духовной жизнью и даже не интересоваться ею. Они поэтому легко меняют привязанности и очень недалеко стоят от обыкновенного разврата. Конечно, это бывает не только с мужчинами, но и с женщинами.

Любовь неполовая — дружба, опыт этой любви-дружбы, переживаемый в детстве, опыт длительных привязанностей к отдельным людям, любовь к Родине, воспитанная с детства, — все это самый лучший метод и воспитания будущего высокообщественного отношения к женщине-другу. А без такого отношения дисциплинировать и обуздать половую сферу вообще очень трудно.

И поэтому мы советуем родителям чрезвычайно внимательно относиться к вопросу о чувствах ребенка к людям и к обществу. Необходимо заботиться, чтобы у ребенка были друзья (родители, братья, товарищи), чтобы его отношение к этим друзьям не было случайным и эгоистичным, чтобы интересы друзей занимали ребенка. Как можно раньше нужно пробуждать интерес у ребенка к своему селу или городу, к заводу, на котором работает отец, а потом и ко всей нашей стране, к ее истории, к ее выдающимся деятелям. Конечно, для такой цели мало одних разговоров. Надо, чтобы ребенок много видел, о многом думал, чтобы он переживал художественное впечатление. Этим целям замечательно хорошо соответствует художественная литература, кино, театр.

Вот такое воспитание будет уже положительным воспитанием и в половом отношении. Оно будет создавать те черты личности и характера, которые необходимы человеку-коллективисту, а такой человек и в половой сфере будет вести себя нравственно.

В том же направлении будет полезно действовать и правильный режим, установленный в семье. Мальчик или девочка, с детства привыкшие к порядку, не имеющие опыта беспорядочной и безответственной жизни, эту свою привычку потом перенесут и на отношение к мужчине или к женщине.

Правильный режим имеет и другое, более частное значение. Беспорядочный опыт половой жизни очень часто начинается в условиях случайных, беспорядочных встреч мальчиков и девочек, безделья, скуки, бесконтрольного пустого времяпрепровождения. Родители должны хорошо знать, с кем встречается ребенок и какие интересы преследуют эти встречи. Наконец, правильный режим способствует просто правильному физическому самочувствию ребенка, при котором никогда не возникнет никакое слишком раннее половое переживание. Вовремя лечь спать и вовремя встать, не валяться в постели без нужды — это уже хорошая нравственная, а следовательно, и половая закалка.

Следующим важным условием полового воспитания является нормальная загруженность ребенка заботой и работой. Об этом говорилось в других беседах, но этот вопрос имеет большое значение и в половом воспитании. Некоторая нормальная приятная усталость к вечеру, представление об обязанностях и работах в течение дня, по утрам — все это создает очень важные предпосылки для правильного развития воображения, для равномерного распределения сил ребенка в течение дня. При таком условии у ребенка не остается ни психического, ни физического стремления к пустому, ленивому бродяжничеству, к излишней игре воображения, к случайным встречам и впечатлениям. Те дети, которые провели свое первое детство в условиях правильного и точного режима, обыкновенно и вырастают с симпатией к такому режиму, с привычкой к нему, у них и отношения к людям создаются более упорядоченные.

В таком же значении правильного общего воспитания, отражающего-

ся обязательно и на половой сфере, выступает и спорт. Правильно организованные спортивные упражнения, в особенности коньки, лыжи, лодка, регулярная комнатная гимнастика, приносят очень большую пользу, настолько очевидную и известную, что доказывать эту пользу не нужно.

Все указанные выше воспитательные мероприятия и начала как будто не направлены непосредственно к цели полового воспитания, но они неуклонно ведут к этой цели, так как наилучшим образом содействуют воспитанию характера, организуют психический и физический опыт молодежи. Они и являются самыми могучими средствами полового воспитания.

Только в том случае, если эти начала и методы применяются в семье, становится более облегченным и эффективным и прямое воздействие родителей на детей и юношей при помощи бесед. Если же указанные нами выше условия не соблюдены, если не воспитывается чувство ребенка к отдельным людям и коллективу, если не организован режим и спорт, никакие разговоры, даже самые остроумные и своевременные, не могут принести пользы.

Беседы эти должны возникать обязательно по случаю. Никогда не нужно вести беседы авансом, поучая ребенка вперед, ничего не предъявляя к нему в его поведении. Но в то же время необходимо в этом поведении подмечать мельчайшие случаи уклонений от нормы, чтобы ничего не запустить и не становиться потом перед совершившимся фактом.

Поводом для таких бесед должны быть: свободные циничные разговоры и словечки, повышенный интерес к чужим семейным скандалам, подозрительное и не вполне чистоплотное отношение к любовным парам, легкомысленная дружба с девушками, явно не свободная от простого полового интереса, неуважение к женщине, излишнее увлечение нарядами, ранняя кокетливость, интерес к книгам, которые слишком открыто изображают половые отношения.

В более старшем возрасте беседы эти могут иметь характер убеждения, раскрытия и анализа явления, показа более положительных решений вопроса, указания на пример других юношей и девушек.

В более молодом возрасте эти беседы должны быть короче и иногда не лишены тонов прямого запрещения и укора, простого требования более чистоплотного поведения.

Гораздо лучше бесед влияют высказывания родителей, направленные по адресу посторонних лиц, если в их поведении выдвинуты проблемы полового характера. В таких высказываниях родители совершенно свободно могут выразить и чувство резкого осуждения и даже отвращения, могут при этом показать, что от своего сына или дочери они ждут других образцов поведения и настолько уверены в этом, что даже не говорят о своих детях. В таком случае никогда не нужно говорить: «Никогда так не делайте, это нехорошо», а лучше сказать так: «Я знаю, что ты так не сделаешь, — ты не такой».

Воспитание культурных навыков

Сильно ошибаются те родители, которые думают, что настоящее культурное воспитание составляет обязанность школы и общества, а семья в этой области ничего сделать не может.

Приходится иногда наблюдать такие семьи, которые большое внимание уделяют питанию ребенка, его одежде, играм и в то же время уверены, что до школы ребенок должен нагуляться, набрать сил и здоровья, а в школе он уже прикоснется к культуре.

На самом деле семья не только обязана как можно раньше начать культурное воспитание, но имеет для этого в своем распоряжении большие возможности, которые и обязана использовать как можно лучше.

Культурное воспитание в семье — дело очень нетрудное, но это справедливо только в том случае, если родители не думают, что культура нужна только для ребенка, что воспитание культурных навыков составляет только педагогическую их обязанность.

В той семье, где сами родители не читают газет, книг, не бывают в театре или кино, не интересуются выставками, музеями, разумеется, очень трудно культурно воспитывать ребенка. В этом случае, как бы родители ни старались, в их стараниях будет много неискреннего и искусственного, ребенок сразу это увидит и сразу поймет, что это не такое уж важное дело.

И наоборот, в той семье, в которой сами родители живут активной культурной жизнью, где газета и книга составляют необходимую принадлежность быта, где вопросы театра и кино задевают всех за живое, там культурное воспитание будет иметь место даже тогда, когда родители как будто и не думают о нем. Отсюда, конечно, не нужно делать вывода, что воспитание культурных привычек может идти самотеком, что это — самая лучшая форма работы. Самотек и в этом деле, как и во всяком другом, может принести большой вред, понизит качество воспитания, оставит много неясностей и ошибок. Именно самотек бывает причиной таких положений, когда родители начинают разводить руками и спрашивать себя: откуда это взялось? Откуда у мальчика или у девочки такие мысли, такие привычки?

Культурное воспитание будет только в том случае полезно, когда оно организовано сознательно, сопровождается некоторым планом, правильным методом и контролем. Культурное воспитание ребенка должно начинаться очень рано, когда ребенку еще очень далеко до грамотности, когда он только что научился хорошо видеть, слышать и кое-как говорить.

Хорошо рассказанная сказка — это уже начало культурного воспитания. Было бы весьма желательно, если бы на книжной полке каждой семьи был сборник сказок. В последнее время вышло много хороших сборников. Для рассказывания малым детям многие сказки нужно, конечно, сокращать, изменять язык, доводить сказку до полного понимания.

Может быть, и родители знают сказки, слышанные ими еще в молодости.

Выбор сказки имеет большое значение. Прежде всего нужно отбросить те сказки, в которых говорится о нечистой силе, о черте, о бабе-яге, о лешем, водяном, русалке. Такие сказки можно предложить детям только в старшем возрасте, когда они уже хорошо вооружены против древней темной выдумки. Это вооружение позволит им увидеть в сказке только художественную выдумку, скрывающую за образами разных чудовищ вообще нечто враждебное и злое по отношению к человеку. В младшем же возрасте образы представителей нечистой силы могут быть восприняты ребенком как реальные образы, могут направить воображение ребенка в сторону мрачной и пугающей мистики.

Лучшими сказками для малышей всегда будут сказки о животных. В русском сказочном богатстве этих сказок очень много, и они очень хороши. Точно так же и у других народов СССР имеется богатый запас сказок. По мере роста ребенка можно переходить к сказкам о человеческих отношениях.

Много есть интересных повестей об Иванушке-дурачке, но из них нужно выбирать такие, где не выпячивается человеческая глупость, а Иванушка называется дурачком иронически. К этой серии нужно отнести прекрасную сказку Ершова «Конек-горбунок». Более серьезным сказочным отделом является тот, где в сказке уже изображается борьба между богатыми и бедными, где уже отражена классовая борьба. По отношению к этим сказкам мы рекомендуем родителям также некоторую осторожность: не нужно рассказывать сказок мрачных, описывающих гибель хороших людей или детей. Вообще нужно сказать, что предпочитать нужно такую сказку, которая возбуждает энергию, уверенность в своих силах, оптимистический взгляд на жизнь, надежду на победу. Симпатия к угнетенным не должна сопровождаться представлением об их обреченности, последнем отчаянии. Картины печальные, говорящие о кошмарных формах насилия и эксплуатации, могут быть показаны детям только в старшем возрасте.

Очень важное значение для развития детского воображения и широких представлений о жизни имеет рассматривание иллюстраций. Для этого не обязательно выбирать детские журналы, можно воспользоваться любым воспроизведением картины, или гравюры, или фотографии, если они по своему содержанию подходят. Обычно, рассматривая такие картинки, дети много спрашивают, интересуются подробностями, зависимостями, причинами. На эти вопросы всегда необходимо отвечать в такой форме, которая доступна пониманию ребенка. Если при этом задается вопрос, на который действительно нельзя ответить, то нужно так и сказать: ты еще не поймешь, подрастешь — узнаешь. Подобные ответы нисколько не вредны, они приучают ребенка даже в постановке вопросов соразмерять свои силы и обещают ему более интересное и серьезное будущее. Картинки для такого рассматривания можно найти в любом журнале-двухнедельнике и в таких журналах, как «Смена», «Огонек» и др.

В младшем возрасте можно допустить посещение детьми театра и кино только в исключительных случаях и на специальные пьесы, для таких детей предназначенные. Вообще же говоря, лучше в это время воздержаться от театра и кино, так как количество подходящих пьес очень незначительно. Например, пьеса символиста Метерлинка[10] «Синяя птица» не нужна для малых детей. Очевидно, родители считают: раз написано, что «Синяя птица» — сказка, нужно показать ее детям. На самом деле эта пьеса совершенно недоступна для детей младшего возраста, а в некоторых местах и для детей среднего возраста. В пьесе — сложная и напряженная символика, усложненные характеры вещей и животных, много надуманных и натянутых образов («Ужасы»).

Значительный переломный момент в работе семьи по воспитанию культурных навыков наступает во время обучения грамоте. Обычно этот перелом происходит уже в обстановке детского коллектива, в школе. Этот момент имеет большое значение в жизни ребенка. Ребенок вступает в об-

ласть книги и печатного слова, иногда вступает неохотно, с трудом преодолевая те технические затруднения, которые ставят перед ним буква и самый процесс чтения. Не нужно насиловать детей в этой первой работе по грамотности, но не следует поощрять и некоторую лень, возникающую в борьбе с трудностями.

Книги нужно приобретать самые доступные, напечатанные крупным шрифтом, с большим количеством иллюстраций. Если даже ребенок еще не может прочитать их, то они, во всяком случае, возбуждают у него интерес к чтению и желание преодолеть трудности грамоты.

С обучения грамоте начинается второй отдел детства — отдел, посвященный учебе и приобретению знаний. В это время школа приобретает в жизни ребенка виднейшее место, но это вовсе не значит, что родители могут забыть о своих обязанностях и положиться только на школу. Как раз родительская культработа и общий культурный тон в семье имеют громадное значение для школьной работы ребенка, для качества и энергии его учебы, для установления правильных отношений с учителями, товарищами и всей школьной организацией. Именно в это время приобретают большое значение газета, книга, театр, кино, музей, выставки и другие формы культурного воспитания. Перейдем к рассмотрению каждого из этих установлений в отдельности.

Газета. Когда ребенок еще неграмотен, когда он может только слушать прочитанное, газета уже должна занять прочное место среди его впечатлений. Семья должна выписывать одну из газет. Чтение газеты не должно происходить в отдалении от ребенка, родители не должны просматривать газету каждый для себя. В каждой газете найдется материал, который можно прочитать вслух и поговорить о нем если не специально для ребенка, то обязательно в его присутствии. Будет даже лучше, если вы по поводу прочитанного будете говорить с таким видом, как будто не думаете специально о ребенке. Он все равно будет вас слушать и тем внимательнее, чем безыскусственнее будете вы держаться. В каждой газете вы найдете такой материал: международные события, демонстрация трудящихся в праздник, пограничные эпизоды, стахановские достижения, героические и мужественные поступки отдельных людей, строительство и украшение городов, новые законы.

В дальнейшем, с развитием ребенка и в особенности с того времени, когда он уже и сам научился читать, газета должна приобретать все большее и большее значение. Конечно, хорошо, если можно выписать для ребенка пионерскую газету, но, если этого почему-либо нельзя сделать, тоже небольшая беда: советские газеты пишутся языком, доступным для всякого грамотного человека, и в них всегда можно найти материал, интересный и для ребенка. Надо при этом стараться, чтобы он и сам читал газету, чтобы она сделалась необходимым элементом его быта. Но обязательно и семейное обсуждение прочитанного или, по крайней мере, разговор будет по поводу его. Никогда это обсуждение не нужно делать формальностью, посвящать ему определенные часы, тем более не нужно посвящать ему много времени. Во время такого разговора не нужно родителям употреблять специальный поучительный тон.

Обсуждение прочитанного должно иметь характер свободной беседы,

и будет лучше, если такая беседа возникает как будто нечаянно по поводу того или иного домашнего дела или сказанного кем-нибудь слова. Если таких хороших поводов не найдется, можно просто спросить, что сегодня интересного в газетах.

В старшем возрасте газета должна быть уже совершенно привычным и необходимым признаком советской культурности, активного и живого, близкого и горячего интереса мальчика или девочки к жизни его Родины.

Книга. Знакомство с книгой также должно начинаться с чтения вслух. И в дальнейшем, как бы хорошо ни был грамотен ребенок, чтение вслух должно составлять одно из самых широких мероприятий семьи. Чрезвычайно желательно, чтобы такое чтение сделалось привычным и постоянным праздником среди рабочих будней. При этом если сначала чтецами выступают родители, то в дальнейшем эта работа должна быть передана ребятам. Но как вначале, так и потом очень полезно, если такое чтение происходит не специально для слушателя-ребенка, а в кругу семьи, с расчетом на то, что оно вызовет и коллективный отзыв и обмен мнениями. Только при помощи такого коллективного чтения можно направить читательские вкусы ребенка и выработать в нем привычку критически относиться к прочитанному.

Независимо от чтения вслух необходимо постепенно прививать ребенку и охоту самому посидеть за книжкой. Самостоятельное чтение ребенка направляется преимущественно школой, особенно в старшем возрасте, но и родители могут принести много пользы, если не оставят это чтение без своего внимания. Это внимание должно выражаться в следующем:

а) должен контролироваться самый подбор литературы, так как еще и теперь приходится наблюдать, как наши дети держат в руках книги, неизвестно откуда пришедшие;

б) родители должны знать, как ребенок читает книгу; в особенности нужно бояться бессмысленного проглатывания страницы за страницей, безвольного следования только за внешней интересностью книги, за тем, что называется фабулой;

в) наконец, необходимо приучать ребенка к бережливому отношению к книге.

Многие родители слишком скромны в своем отношении к книге. Они считают, что для этого нужно специально учиться, быть специалистом-книжником. Это неверно. Как показал опыт изучения нашего советского читателя, наши люди умеют прекрасно разбираться в книге, очень часто нисколько не хуже записных критиков. Во всяком случае, по всем вопросам, относящимся к книгам, можно получить консультацию учителя или библиотекаря, и в такой консультации никто никогда не откажет.

Кино. В наше время кино является самым могучим воспитательным фактором по отношению не только к детям, но и к взрослым. В Советском Союзе каждый кинофильм создается исключительно в государственных киностудиях и даже в случае самой большой художественной неудачи не может принести большого вреда для слушателя-ребенка.

В подавляющем числе наши кинофильмы являются прекрасным и высокохудожественным воспитательным средством. Тем не менее это вовсе

не значит, что кино можно предложить детям в неограниченном количестве и без контроля.

Прежде всего родители должны обратить внимание на самое отношение ребенка к кино. Приходится иногда видеть, как кино делается главным содержанием жизни ребенка, когда он из-за кино забывает о своих других обязанностях и о школьной работе, не пропускает ни одной картины, на кино тратит все свои карманные деньги и даже деньги, которые украдкой берет в семье.

Обычно в таком случае можно наблюдать и другие несимпатичные стороны такого увлечения. Ребенок привыкает к пассивному удовольствию, которое часто не идет дальше простого безвольного зрительного впечатления; он «глазеет» и только; художественные впечатления у него пробегают поверхностно, не задевая личности, не вызывая мысли, не ставя перед ним никаких вопросов. Польза такого посещения кино чрезвычайно незначительна, а иногда она обращается в большой вред. Поэтому от родителей и по отношению к кино требуется направляющее внимание, требуется постоянное руководство ребенком.

Мы рекомендуем позволять ребенку бывать в кино не больше двух раз в месяц. До 14—15 лет желательно, чтобы посещение кинотеатра происходило вместе с родителями или со старшими братьями или сестрами. Это нужно не столько для контроля поведения, а для того же, для чего мы советовали совместное чтение. Каждый кинофильм должен хотя бы на несколько минут сделаться предметом обсуждения и высказывания в семье, родители должны добиваться, чтобы и ребенок высказал о нем свое мнение, рассказал, что ему понравилось, что не понравилось, что произвело сильное впечатление. Если при этом родители увидят, что ребенка увлекают только внешние события, занимательность сюжета, история приключений того или другого героя, они должны при помощи одного-двух вопросов навести его на более глубокие и важные стороны кинофильма. Иногда даже не нужно задавать ребенку никаких вопросов, а нужно только в его присутствии высказать свое мнение. В известной мере родители должны и выбирать, на какой фильм более желательно направить ребенка. Почти всегда можно встретить человека, который уже посмотрел картину и кое-что может о ней рассказать. Некоторых картин уже потому нужно избегать, что они трудны по теме, ребенок в них не разберется, в других будет предложена такая тема, которая может вызвать неправильные реакции, в третьих слишком рано для ребенка предлагается тема любви или тема медицины. Разумеется, при выборе картины нужно принимать во внимание и состояние ребенка, его работу в школе, его поведение. В очень редких случаях можно отложить посещение кино, если ребенок вел себя плохо или регулярно не выполняет школьных работ. Но очень часто бывает, что как раз просмотр хорошего кинофильма помогает ребенку восстановить правильное отношение к школе и к работе.

Театр. Все, что относится к кино, может быть отнесено и к театру. Но театр гораздо чаще предлагает темы, непосильные и для интеллекта, и для чувства ребенка. Такие спектакли, как «Отелло» или «Анна Каренина», должны быть признаны абсолютно противопоказанными для среднего возраста. С большой осторожностью нужно рекомендовать и посещение

детьми некоторых балетов. В нашем обществе это достигается прежде всего запрещением входа в театры на вечерние спектакли до определенного возраста.

Вопросы выбора театральной пьесы не представляют труда, так как у нас во многих городах есть специальные театры для детей и специальный репертуар. Посещение этих театров представляет собой весьма желательное явление. Пьеса в театре требует от ребенка более серьезного и длительного напряжения внимания, в этом отношении театр гораздо сложнее кино. Уже то, что он подает пьесу с перерывами (антрактами), вызывает и более внимательное отношение зрителя к частностям темы, поддерживает в нем более активный анализ.

Посещение театра требует целого вечера, в известной мере он организует событие в жизни ребенка. Этим обстоятельством родители в особенности должны воспользоваться.

Еще больше, чем кинофильм, театральная пьеса должна сопровождаться обсуждением и обменом мнений в семье.

Музеи и выставки. Почти в каждом городе у нас есть какой-нибудь музей или галерея. В некоторых городах очень много музеев, но родители редко пользуются ими. А между тем музей, выставка, галерея представляют собой очень важное воспитательное средство. Они требуют от ребенка серьезного внимания, развлекательный момент в них очень незначителен, они организуют работу детского интеллекта и вызывают большие и глубокие чувства. Нужно только стараться, чтобы осмотр музея не превратился в такое же «глазенье», относительно которого мы предупреждали, когда говорили о кино. Поэтому никогда не нужно большие музеи осматривать за один раз. Третьяковской галерее нужно обязательно посвятить несколько дней. Музей Революции также нужно осматривать в течение двух-трех дней.

Другие формы культурного воспитания. Мы коснулись только главных форм культурного воспитания, при этом тех, которые организуются Советским государством. Родителям не нужно ничего придумывать в этих областях, они должны только как можно лучше использовать все культурные блага нашей страны.

Если родители полностью используют газету, книгу, кино, театр и музей, то они очень много дадут своим детям и в области знания, и в деле воспитания характера.

Но многие родители могут и прибавить. Формы культурного воспитания в семье гораздо разнообразнее, чем кажется с первого взгляда. Возьмите обыкновенный выходной день, зимний или летний. Прогулка за город, знакомство с природой, с городом, с селом, с людьми, с такими великолепными темами, как реконструкция городов, как жилстроительство, как проведение дорог, как строительство заводов,— все это замечательные темы для наполнения ими дня отдыха. Разумеется, не нужно обращать эти темы в специальные лекции или доклады. Прогулка так и должна остаться прогулкой, она должна быть отдыхом прежде всего, не нужно насиловать ребенка и заставлять его выслушивать ваши поучения. Но во время таких прогулок внимание ребенка останав-

ливается невольно на том, что он видит, и несколько ваших слов, подкрепляющих его впечатления, даже шутливых, какой-нибудь рассказ, представляющий параллель с прошлым, даже рассказ смешной сделают незаметно свое большое дело.

Всеми мерами семья должна поощрять интерес к спорту. Нужно, однако, следить за тем, чтобы этот интерес не сделался интересом наблюдателя-болельщика. Если ваш сын с горячей страстью рвется на все футбольные матчи, знает имена всех рекордсменов и цифровые выражения всех рекордов, но сам не принимает участия ни в одном физкультурном кружке, не катается на коньках, не бегает на лыжах, не знает, что такое волейбол,— польза от такого интереса к спорту очень невелика и часто равняется вреду. Точно так же мало смысла в интересе, проявляемом к шахматам, если ваш ребенок в шахматы не играет. Каждая семья должна стремиться к тому, чтобы ее дети были спортсменами не только по интересу, но и в своем собственном опыте. Конечно, в этом случае всего лучше, если и сами родители принимают участие в спорте. По отношению к пожилым родителям это требование, может быть, уже запоздало, но родители молодые имеют полную возможность втянуться в тот или иной вид спорта, и в таком случае спортивная дорога их детей будет гораздо лучше оборудована.

Здесь уместно несколько слов сказать о том, что если наши отцы отдают известную дань спорту, то наши матери очень редко имеют к нему отношение, а между тем для молодых матерей спорт — очень полезное дело. Точно так же и наши девушки гораздо меньше втянуты в спорт, чем мальчики.

Кроме прогулок и спорта в семье возможны такие формы культурного воспитания: устройство домашних спектаклей, выпуск стенгазеты, ведение дневников, организация переписки с друзьями, участие детей в политических кампаниях, участие детей в благоустройстве дома, организация детей во дворе, встреч, игр, прогулок и т. д.

Во всех видах домашнего культурного воспитания нужно отличать не только содержание его, но и формы. В каждой работе нужно добиваться наибольшей активности детей, необходимо воспитывать умение не только смотреть и слушать, но и желать, хотеть, добиваться, стремиться к победе, преодолевать препятствия, втягивать товарищей и младших детей. В то же время такой активный метод должен отличаться вниманием к товарищам, отсутствием какого бы то ни было чванства, хвастовства.

Очень часто бывает, что первый успех в той или другой работе вызывает у ребенка преувеличенное представление о своих силах, пренебрежение к другим, привычку к быстрым победам. В дальнейшем это может отозваться неумением преодолевать длительные препятствия. Поэтому всегда хорошо, если родители нарисуют перед ребенком план на ближайшее будущее, если они заинтересуют его этим планом и будут следить за его выполнением. В такой план может быть введено и чтение книг и газет, и посещение кино, театров и музеев и т. п.

Во всяком случае, родители должны следить внимательно за тем, чтобы в практике культурного воспитания не начинали преобладать только интересы развлечения, убивания времени. Конечно, каждое культурное начинание должно доставлять и радость. Умение соединить эту радость

с большой воспитательной пользой и должно составить главное умение родителей. В этом деле от родителей требуется некоторая изобретательность, по своим качествам вовсе не затруднительная.

Даже в читку газет можно ввести много нового и занятного для ребенка. Можно, например, побудить его делать вырезки по определенным вопросам, можно его научить, как сделать домашнюю карту Испании с обозначением фронта. В более старшем возрасте можно заняться составлением альбомов с монтажом газетных вырезок и рисунков из журналов по тому или иному вопросу.

При помощи самых разнообразных методов культурную работу в семье можно сделать очень интресной и важной, имеющей большое значение для воспитания. Но решительно и всегда необходимо, чтобы за любой культурной темой, за любым делом и родители и ребенок видели советский народ и наше социалистическое строительство. Вся эта работа должна иметь постоянное направление от активности культурной к активности политической. Ребенок все больше и больше должен чувствовать себя гражданином нашей страны, должен видеть героические подвиги наших людей, должен видеть ее врагов, должен знать, кому он вместе с другими обязан своей сознательной культурной жизнью.

Письмо Н. Ф. Абушену

Москва, 3.XII.37 г.

Дорогой Николай!

Насилу узнал твой адрес от Волченко. Говорили, что ты куда-то уехал, а куда — неизвестно.

Судя по адресу, ты играешь в хорошем оркестре. Доволен ли ты своей жизнью и работой, как устроился в бытовом отношении, какие товарищи? Что дальше думаешь делать? Напиши обо всем, не ленись.

Если тебе не трудно, напиши адреса, кого знаешь. Меня в особенности интересуют адреса Анисимова, Брегель, Борисова Феди, Гапеева, Гуляева, Захожая, Зозули Вали, Илюшечкина, Кривопущенко, Мохарева, Назарова, Самойлова, Семенова (Женька), Судакиной.

Пожалуйста, пришли самое подробное письмо. Очень буду благодарен.

Крепко жму руку. *А. Макаренко*

Москва, 17,
Лаврушинский пер., 17/19,
кв. 14

Письмо Н. Ф. Шершневу

Москва, 13.XII.37 г.

Милый Колька!

Наконец ты написал, и при этом лично мне, а не всем своим друзьям в одном письме. Ну, давай будем отвечать.

«Счастье», голубок, не для парада, а от чистой души. Да, счастье любит работу — это счастье совершенно невиданное, ты о нем и понятия не имеешь. Сейчас ты врач, культурный, живой, мыслящий человек, но тебе хочется большего, тебе хочется, чтобы вовсе не было дураков,— желаешь страшно высокого порядка. Если бы не было революции и ты не попал в широкую струю человеческого движения, ты, вероятно, был бы провинциальным сектантом, дураков бы просто не видел, возможно, даже испытывал кое-какое счастье. Променяешь ли ты сейчас свою долю на эту возможность?

Счастье, конечно, вещь относительная. Каждому хочется большего, и поэтому покойного счастья быть не может, кто ничего не хочет, тот просто свинья, и черт с ним.

Революция только началась в самом человеке. У нас хоть и сказано: от каждого по способностям, но фактически от каждого требуется больше, и поэтому многие кажутся дураками. Это, конечно, пройдет, это необходимое следствие самого величия нашего дела. Его движение шире, чем рост человеческой культуры, и поэтому между героями и гениями вплетаются так называемые дураки и путаются между ногами.

Ну, довольно об этом, ты сам подумай дальше. Обрати внимание, дураки иногда нечаянно помогают.

...Тебя ссадили с главного врача — это замечательно сделали, хотя по всему видно, что тебе не нравится.

Для чего тебе административный путь? Ты талантливый, хороший врач, ты можешь далеко пойти, ты можешь много добра принести людям, для чего тебе из-за сомнительного «административного восторга» считать кровати? Я всегда немножко страдать привык от этих твоих начальственных талантов.

Очень благодарен тебе за сведения о ребятах, но как было бы замечательно, если бы ты заставил кого-нибудь прислать мне обыкновенный бюрократический список — обязательно для всех ребят — с указанием, где кто работает. Так вам, чертям, наверное, трудно будет это сделать, такие вы ленивые. Мне и адреса нужны.

А с врагами, голубок, нужно бороться, и всегда будет твой верх. Конечно, они и тебя могут положить на обе лопатки, но ты все равно вывернешься, потому что на твоей стороне дело.

Последний выпуск «Красной нови»[1] не пришлю, их давно уже нет в продаже, а «Книгу для родителей»[2] в отдельном издании скоро вышлю. И вышлю мой новый роман «Честь», который сейчас печатается в «Октябре» № 11, 12, 1 и 2. «Честь», кажется, лучше.

Работаю много, устаю, но доволен. Считаю, что свой долг выполняю.

Красавец, пиши чаще. За каждое твое письмо страшно тебе благодарен.

Целую. Твой *А.*

Проблемы школьного советского воспитания

(тезисы)

1

Проблемы школьного советского воспитания не могут быть выведены из положений, стоящих вне советской общественной жизни и советской политической истории. Безнадежной является попытка построить воспитательную технику при помощи дедуктивных выводов из какой угодно науки: психологии, биологии и т. д.[1]. Это вовсе не значит, что положения этих наук не должны участвовать в деле построения советской воспитательной техники. Однако роль их должна быть чисто служебная, вполне подчиненная тем целям, которые диктуются политическими (практическими) обстоятельствами в жизни советского общества.

В настоящее время педагогическое значение таких наук, как психология и биология, очень слабо разработано. Очень вероятно, что в ближайшее время мы будем свидетелями самых широких открытий в этих областях, которые позволят нам более осмотрительно и более точно пользоваться показаниями этих наук для наших политических целей.

Но и в настоящее время, и в будущем одно не подлежит сомнению: никакое педагогическое средство не может быть выведено (силлогистически) из положений какой бы то ни было науки. Такой вывод в лучшем случае будет выводом аполитичным, очень часто будет выводом политически вредным. Лучшим доказательством этого является практика педологии. В настоящее время вполне уместно всякую тенденцию дедуктивного логического вывода педагогического средства из положения какой бы то ни было науки считать тенденцией педологической.

2

Отношение средства и цели должно быть той пробной областью, на которой проверяется правильность педагогической логики. Наша логика должна быть логикой марксистской, логикой диалектической.

С точки зрения этой логики, мы не можем допустить никакого средства, которое не вело бы к поставленной нами цели. Это первое положение. Второе, совершенно естественно, заключается в том, что никакое средство не может быть объявлено постоянным, всегда полезным и действующим всегда одинаково точно. Педагогика — наука диалектическая, абсолютно не допускающая догмы.

Целесообразность и диалектичность воспитательного средства — вот основные положения, которые должны лечь в основу советской воспитательной системы.

3

Целесообразность. Не всякая логика целесообразности нас может удовлетворить. В двадцатилетней практике нашей педагогической науки было много ошибок, и почти все они заключались в искривлении идеи целесообразности.

Главные типы таких искривлений следующие:
а) тип дедуктивного предсказания,
б) тип этического фетишизма,
в) тип уединенного средства.

Тип дедуктивного предсказания характеризуется тем, что в нем преобладает вывод из допущенной посылки. При этом самая посылка никогда не контролируется и считается непогрешимой; непогрешимым, следовательно, считается и вывод. В таком случае обыкновенно утверждают: данное средство должно обязательно привести к таким-то и таким-то результатам. Эти результаты выражаются, например, в положительных терминах. Их положительность выведена из данного средства как логический вывод, но в то же время и самая положительность результата считается доказательством правильности самого средства. Получающийся таким образом логический круг почти не поддается ударам дедуктивной критики, другая же критика, проверка действительных результатов, в таком случае вообще считается принципиально порочной. Вера в средство настолько велика, что неожиданно плохие результаты всегда относятся к якобы неправильному применению средства или к причинам посторонним, которые нужно только найти.

Ошибка *типа этического фетишизма* заключается в том, что и средство и метод ставятся рядом с понятием, этическое содержание которого не вызывает сомнения. Вот это самое стояние рядом и считается аргументом достаточным и не подлежащим контролю. Такие ошибки совершаются нашей педагогической мыслью. Сюда нужно отнести многие попытки организовать так называемое трудовое воспитание. Соседство такого понятия, как труд, оказывалось достаточным, чтобы быть уверенным в спасительности многих средств, собственно говоря, никакого отношения к труду не имеющих. В этой же области находятся все ошибки самоорганизации и самоуправления.

Наконец, целесообразность очень часто утверждалась применительно к *уединенному средству,* разумеется, также без практической проверки. Диалектичность педагогического действия настолько велика, что никакое средство не может проектироваться как положительное, если его действие не контролируется всеми другими средствами, применяемыми одновременно с ним. Человек не воспитывается по частям, он создается синтетически всей суммой влияний, которым он подвергается. Поэтому отдельное средство всегда может быть и положительным и отрицательным, решающим моментом является не его прямая логика, а логика и действие всей системы средств, гармонически организованных.

4

Целесообразность и диалектичность педагогического действия в советской педагогике могут быть организованы только опытным путем[2]. В нашей школе достаточно оснований для индуктивно-опытного вывода. Но истинная логика педагогического средства и системы средств заключается даже не в узкой школьной области, а в широкой общественной жизни Союза, в области тех принципов и традиций, которые уже совершенно ясно отличают наше общество от всякого другого.

Прежде всего значение этой широкой области звучит в самой постановке целей воспитания.

Цели воспитательного процесса должны всегда ясно ощущаться воспитательной организацией и каждым воспитателем в отдельности. Они должны составлять основной фон педагогической работы, и без ощущения развернутой цели никакая воспитательная деятельность невозможна. Эти цели и должны выражаться в проектируемых качествах личности, в картинах характеров и в тех линиях развития их, которые определенно намечаются для каждого отдельного человека.

Эти качества личности, проектируемые нами в каждом воспитаннике, могут быть общие и частные, индивидуальные. Советский человек должен в среднем отличаться как типичный характер. Воспитание этого типичного характера советского человека и должно составить одну из важнейших целей педагогической работы. К сожалению, нет ни одного исследования о качествах этого типичного характера, хотя интуитивно мы уже знаем, какими качествами отличается на деле советский гражданин. Это знание является знанием реалистическим. В нем важны не самые формы, а тенденции, и советская педагогика, отталкиваясь от этих тенденций, обязана далеко вперед проектировать качества нового типичного советского человека, должна даже обгонять общество в его человеческом творчестве.

К этим общим типичным качествам мы относим следующие стороны личности: самочувствие человека в коллективе, характер его коллективных связей и реакций, его дисциплинированность, готовность к действию и торможению, способность такта и ориентировки, принципиальность и эмоциональное перспективное устремление. Все это синтезируется в том комплексе черт, которые обращают нашего воспитанника в политически деятельную и ответственную фигуру.

К этому же общему комплексу мы относим ту систему знаний и представлений, которые должны составить у него образовательный запас к моменту выхода из школы.

Особой общей задачей является гармонирование этих знаний с указанными чертами характера, приведение их к одному советскому синтезу.

5

Цели индивидуального воспитания заключаются в определении и развитии личных способностей и направленностей в области не только знания, но и характера. В этом отделе должны разрешаться вопросы о полезности или вредности так называемой ломки. Чрезвычайно важным вопросом является, например, такой: мягкий, податливый, пассивный характер, склонный к созерцанию, отражающий мир в форме внутренней неяркой и неагрессивной работы анализа, подлежит ли ломке и перестройке или подлежит нашему советскому усовершенствованию? На этом примере видно, какой нежности и тонкости могут стоять перед педагогом задачи индивидуального воспитания.

6

Общие и индивидуальные цели, поставленные перед советским воспитанием, должны быть целями обязательными, и к ним мы должны стремиться в прямом и энергичном действии. В воспитательной работе тре-

буется решительная и активная энергия устремления к цели. Наше воспитание должно быть обязательно настойчивым и требовательным, прежде всего по отношению к самим себе. Мы должны знать, чего мы добиваемся, и никогда не забывать об этом. Ни одно действие педагога не должно стоять в стороне от поставленных целей. Никакая параллельная или боковая цель не должна отстранять нас от главной цели. Поэтому, если, например, такая боковая цель возникнет, мы должны прежде всего проверить ее возможность с точки зрения соответствия с главной целью.

7

Указанная выше диалектичность педагогического процесса необходимо требует от педагога большого охватывающего внимания, относящегося к целой системе средств. Самая система средств никогда не может быть мертвой и застывшей нормой, она всегда изменяется и развивается, хотя бы уже потому, что растет и ребенок, входит в новые стадии общественного и личного развития, растет и изменяется и наша страна.

Поэтому никакая система воспитательных средств не может быть установлена навсегда. Но кто должен ее изменять, кому можно дать право вносить в нее поправки и коррективы? Она должна быть так поставлена, чтобы отражать необходимость движения и отбрасывать устаревшие и ненужные средства.

Указанные выше принципы должны быть реализованы в следующих отделах и деталях воспитательной работы: а) коллектив и его организация, б) общее движение коллектива и его законы, в) общий тон и стиль работы, г) коллектив педагогов и их центр, д) система режима и дисциплины, е) эстетика коллектива, ж) связь коллектива с другими коллективами, з) индивидуальные особенности коллектива, и) преемственность поколений в коллективе.

План лекции «Режим и дисциплина»

1. Дисциплина — результат воспитательного процесса.
   Дисциплиной должно гордиться.
   Дисциплина в старом обществе — техническое удобство подавления.
   У нас — нравственно-политическая категория.
2. Сознательная дисциплина:
   а) достижение целей коллектива,
   б) защита и совершенствование отдельного человека,
   в) дисциплина коллектива выше интересов отдельных его членов,
   г) дисциплина украшает коллектив,
   д) дисциплина проявляется не только в приятных вещах.
3. Дисциплина сопровождается сознанием, но не вытекает из сознания, вытекает из опыта.
4. Как организуется опыт дисциплины:
   как можно больше требований к человеку, как можно больше уважения к нему.
5. Требования. Развитие требований:
   а) требования организатора,
   б) требования актива,
   в) требования коллектива,

г) требования к самому себе.
Непреложность требования.

6. Чего требовать:
   а) подчинения коллективу,
   б) поведения.
7. Форма требований:
   а) привлечение,
   б) разъяснения — теория,
   в) понуждение,
   г) волевое давление,
   д) угроза.
8. Разная степень всех этих методов:
   а) привлечение прямым и внутренним удовлетворением,
   б) разъяснение,
   в) давление приказом и улыбкой,
   г) угроза наказания и угроза осуждения.
9. Уважение. Внутренние формы. Внешние формы:
   незлопамятность,
   доверие,
   искренность,
   поручение,
   вежливость,
   специальные формы,
   всегда и на каждом шагу.
10. Режим, его качества:
    целесообразность,
    точность,
    общность,
    определенность (завтрак),
    непреклонность.
11. Высшие показатели дисциплины:
    специальные упражнения,
    доверие,
    коллективное единство.
12. Наказания:
    общий взгляд: наказание — зло. Терпимость,
    обязательность наказания,
    старое и новое наказание,
    значение общественного мнения,
    наказание имеет смысл в некоторых случаях,
    в других не имеет,
    какие наказания,
    кто должен наказывать,
    прощение,
    соревнование и поощрение,
    жестокость в наказании.

Проблемы школьного советского воспитания

(лекции)

Лекция первая

Методы воспитания

Мы будем говорить на тему о воспитании. Имейте только в виду, товарищи, что я работник практического фронта, и поэтому такой уклон, несколько практический, в моих словах, конечно, будет. Но я считаю, что мы живем в эпоху, когда практические работники вносят замечательные коррективы в положения наук. Эти работники у нас в Советском Союзе называются стахановцами. Мы знаем, как много изменений внесено стахановцами, работниками практического фронта, во многие положения, даже более точные, чем наши науки, как много новых рекордов в деле производительности труда, в деле трудовой рабочей и специальной ухватки внесено стахановцами. Эта производительность труда повышается не простым увеличением расхода рабочей энергии, а при помощи нового подхода к работе, новой логики, новой расстановки элементов труда. Следовательно, производительность труда повышается при помощи метода изобретений, открытий, находок.

Область нашего производства — область воспитания — никоим образом не может быть исключена из этого общего советского движения. И в нашей области — я в этом глубоко убежден был всю жизнь — также необходимы изобретения, даже изобретения в отдельных деталях, даже в мелочах, а тем более в группах деталей, в системе, в частях системы. И такие изобретения могут идти, конечно, не только от работников теоретического фронта, но от обычных, рядовых работников, вот таких, как я. Поэтому я без особого смущения позволяю себе рассказывать о своем опыте и о выводах из этого опыта, считая, что его значение должно находиться также в плоскости такого корректива, который вносит практический работник в определенные достижения теории.

Каким багажом я обладаю, чтобы говорить с вами?

Многие считают меня специалистом по работе с беспризорными. Это неправда. Я всего работал 32 года, из них 16 лет в школе и 16 лет с беспризорными. Правда, в школе всю свою жизнь я работал в особых условиях — в заводской школе, находящейся под постоянным влиянием рабочей общественности, общественности партийной...

Точно так же и моя работа с беспризорными отнюдь не была специальной работой с беспризорными детьми. Во-первых, в качестве рабочей гипотезы я с первых дней своей работы с беспризорными установил, что никаких особых методов по отношению к беспризорным употреблять не нужно; во-вторых, мне удалось в очень короткое время довести беспри-

зорных до состояния нормы и дальнейшую работу с ними вести как с нормальными детьми.

Последний период моей работы в коммуне НКВД им. Дзержинского под Харьковом я уже имел нормальный коллектив, вооруженный десятилеткой и стремящийся к тем обычным целям, к каким стремится наша обычная школа. Дети в этом коллективе, бывшие беспризорные, в сущности, ничем не отличались от нормальных детей. А если отличались, то, пожалуй, в лучшую сторону, поскольку жизнь в трудовом коллективе коммуны им. Дзержинского давала чрезвычайно много добавочных воспитательных влияний, даже в сравнении с семьей. Поэтому мои практические выводы могут быть отнесены не только к беспризорным трудным детям, а и ко всякому детскому коллективу, и, следовательно, ко всякому работнику на фронте воспитания.

Вот это первое замечание, которое я прошу вас принять во внимание.

Теперь несколько слов о самом характере моей практической педагогической логики. Я пришел к некоторым убеждениям, пришел не безболезненно и не быстро, а пройдя через несколько стадий довольно мучительных сомнений и ошибок, пришел к некоторым выводам, которые покажутся некоторым из вас странными, но относительно которых у меня есть достаточно доказательств, чтобы, не стесняясь, их доложить. Из этих выводов некоторые имеют теоретический характер. Я кратко перечислю их перед тем, как начать изложение своего собственного опыта.

Прежде всего интересен вопрос о самом характере науки о воспитании. У нас среди педагогических мыслителей нашего времени и отдельных организаторов нашей педагогической работы есть убеждение, что никакой особенной, отдельной методики воспитательной работы не нужно, что методика преподавания, методика учебного предмета должна заключать в себе и всю воспитательную мысль. Я с этим не согласен. Я считаю, что воспитательная область — область чистого воспитания — есть в некоторых случаях отдельная область, отличная от методики преподавания.

Что меня в этом особенно убеждает? Убеждает следующее. В Советской стране воспитанию подвергается не только ребенок, не только школьник, а каждый гражданин на каждом шагу. Подвергается воспитанию либо в специально организованных формах, либо в формах широкого общественного воздействия. Каждое наше дело, каждая кампания, каждый процесс в нашей стране всегда сопровождаются не только специальными задачами, но и задачами воспитания. Достаточно вспомнить недавно пережитые нами выборы в Верховный Совет: здесь была огромная воспитательная работа, затронувшая десятки миллионов людей, даже тех людей, которые как будто были в стороне от воспитательной работы, она выдвинула даже самых пассивных и втянула их в активную деятельность. Подчеркну особенно успешную воспитательную работу Красной Армии: вы прекрасно знаете, что каждый человек, побывавший в Красной Армии, выходит оттуда новым человеком, не только с новыми военными знаниями, с новыми политическими знаниями, а с новым характером, с новыми ухватками, с новым типом поведения. Все это огромная советская социалистическая воспитательная работа, конечно, единая в своем тоне, в своем стиле, в своих стремлениях и, конечно, вооруженная определенным воспитательным методом. Этот метод, осуществляемый на протяжении двадцати

лет Советской власти, уже можно подытожить. А если к нему прибавить огромный опыт воспитательных успехов нашей школы, наших вузов, наших организаций другого типа: детских садов, детских домов,— то мы имеем громадный опыт воспитательной работы.

Если мы возьмем давно проверенный, установленный, точно формулированный состав воспитательных приемов, утверждений, положений нашей партии, комсомола, то мы действительно в настоящее время, собственно говоря, имеем полную возможность составить настоящий большой кодекс всех теорем и аксиом воспитательного дела в СССР.

Лично мне и на практике пришлось воспитательную цель иметь как главную: поскольку мне поручалось перевоспитание так называемых правонарушителей, передо мной ставилась прежде всего задача воспитать. Никто даже не ставил передо мной задачи образовать. Мне давали мальчиков и девочек — правонарушителей, по-старому — преступников, мальчиков и девочек со слишком яркими и опасными особенностями характера, и прежде всего передо мной ставилась цель — этот характер переделать.

Сначала казалось, что главное — это какая-то отдельная воспитательная работа, в особенности трудовое воспитание. На такой крайней позиции я стоял недолго, но другие мои коллеги по коммуне стояли довольно долго. В некоторых коммунах, даже НКВД (при старом его руководстве), эта линия преобладала.

Проводилась она при помощи как будто вполне допустимого утверждения: кто хочет — может заниматься в школе, кто не хочет — может не заниматься. Практически это кончалось тем, что никто всерьез не занимался. Стоило человеку потерпеть какую-нибудь неудачу в классе, и он мог реализовать свое право — не хотеть заниматься.

Я скоро пришел к убеждению, что в системе трудовых колоний школа является могучим воспитательным средством. В последние годы я подвергался гонениям за этот принцип утверждения школы как воспитательного средства со стороны отдельных работников отдела трудовых колоний. За последние годы я опирался на полную школу-десятилетку и твердо убежден, что перевоспитание настоящее, полное перевоспитание, гарантирующее от рецидивов, возможно только при полной средней школе,— все-таки я и теперь остаюсь при убеждении, что методика воспитательной работы имеет свою логику, сравнительно независимую от логики работы образовательной. И то и другое — методика воспитания и методика образования,— по моему мнению, составляют два отдела, более или менее самостоятельных отдела педагогической науки. Разумеется, эти отделы органически должны быть связаны. Разумеется, всякая работа в классе есть всегда работа воспитательная, но сводить воспитательную работу к образованию я считаю невозможным. В дальнейшем я коснусь этого вопроса более подробно.

Теперь несколько слов о том, что может быть взято за основу методики воспитания.

Я прежде всего убежден в том, что методику воспитательной работы нельзя выводить из предложений соседних наук, как бы ни были разработаны такие науки, как психология и биология, в особенности последняя, после работ Павлова[1]. Я убежден, что сделать из данных этих наук прямой вывод к воспитательному средству мы права не имеем. Эти науки должны

иметь огромное значение в воспитательной работе, но вовсе не как предпосылка для вывода, а как контрольные положения для проверки наших практических достижений.

Кроме того, я считаю, что воспитательное средство может быть выведено только из опыта (и проверено и утверждено положениями таких наук, как психология, биология и др.).

Это мое утверждение происходит из следующего: педагогика, в особенности теория воспитания, есть прежде всего наука практически целесообразная. Мы не можем просто воспитывать человека, мы не имеем права проводить работу воспитания, не ставя перед собой определенную политическую цель. Работа воспитания, не вооруженная ясной, развернутой, детально известной целью, будет работой аполитичного воспитания, и в нашей общественной советской жизни мы на каждом шагу встречаем доказательства в подтверждение этого положения. Большой, огромный, исключительный даже в мировой истории успех имеет в воспитательной работе Красная Армия. Потому такой большой, огромный успех, что воспитательная работа Красной Армии всегда до конца целесообразна и воспитатели Красной Армии всегда знают, кого они хотят воспитать, чего они хотят добиться. А лучшим примером нецелеустремленной педагогической теории является почившая недавно педология. В этом смысле педология может рассматриваться как полная противоположность советского воспитательного устремления. Это была воспитательная работа, не снабженная целью.

Откуда же может вытекать цель воспитательной работы? Конечно, она вытекает из наших общественных нужд, из стремлений советского народа, из целей и задач нашей революции, из целей и задач нашей борьбы. И поэтому формулировка целей, конечно, не может быть выведена ни из биологии, ни из психологии, а может быть выведена только из нашей общественной истории, из нашей общественной жизни.

При этом я думаю, что вообще установить такое отношение к биологии и психологии в подтверждение воспитательного метода сейчас невозможно. Эти науки развиваются, и, вероятно, в ближайшее десятилетие и психология и биология дадут точные положения о поведении человеческой личности, и тогда мы сможем больше опираться на эти науки. Отношение наших общественных нужд, наших общественных целей социалистического воспитания к целям и данным теорий психологии и биологии должно всегда изменяться, и, может быть, даже оно будет изменяться в сторону постоянного участия психологии и биологии в нашей воспитательной работе. Но в чем я убежден твердо — это в том, что ни из психологии, ни из биологии не может быть выведено дедуктивным путем, путем просто силлогистическим, путем формальной логики, не может быть выведено педагогическое средство. Я уже сказал, что педагогическое средство должно выводиться первоначально из нашей общественной и политической цели[2].

Вот в области цели, в области целесообразности я убежден, что педагогическая теория погрешила прежде всего. Все ошибки, все уклоны в нашей педагогической работе происходили всегда в области ломки целесообразности. Условно будем называть это ошибками.

Я вижу в педагогической теории три типа этих ошибок: это тип дедуктивного высказывания, тип этического фетишизма и тип уединенного средства.

Я в своей практике очень много страдал от борьбы с такими ошибками. Берется какое-нибудь средство и утверждается, что следствие из него будет вот такое; к примеру возьмем известную вам всем историю комплекса. Рекомендуется средство — комплексный метод преподавания; из этого средства спекулятивно, логическим путем выводится утверждение, что этот способ преподавания приводит к хорошим результатам.

Вот это следствие, что комплексный способ приводит к хорошим результатам, утвердилось до проверки опытом; но утвердилось, что результат обязательно будет хороший; в каких-то тайниках психики, где-то будет спрятан хороший результат.

Когда скромные работники-практики требовали: покажите нам этот хороший результат,— нам возражали: как мы можем открыть человеческую душу, там должен быть хороший результат, это — комплексная гармония, связь частей. Связь отдельных частей урока — она обязательно в психике человека должна отложиться положительным результатом.

Значит, проверка опытом здесь и логически не допускалась. И получался такой круг: средство хорошее — должен быть хороший результат, а раз хороший результат,— значит, хорошее средство.

Таких ошибок, проистекающих из преобладания дедуктивной логики, не опытной логики, было много.

Много было ошибок и так называемого этического фетишизма. Вот вам, например, трудовое воспитание.

И я в том числе тоже погрешил такой ошибкой. В самом слове «труд» столько приятного, столько для нас священного и столько оправданного, что и трудовое воспитание нам казалось совершенно точным, определенным и правильным. А потом оказалось, что в самом слове «труд» не заключается какой-либо единственно правильной, законченной логики. Труд сначала понимался как труд простой, как труд самообслуживания, потом труд как трудовой процесс бесцельный, непроизводительный — упражнение в трате мускульной энергии[3]. И слово «труд» так освещало логику, что казалась она непогрешимой, хотя на каждом шагу обнаруживалось, что непогрешимости настоящей нет. Но настолько верили в этическую силу самого термина, что и логика казалась священной. А между тем мой опыт и многих школьных товарищей показал, что вывод какого-либо средства из этической окраски самого термина невозможен, что и труд в применении к воспитанию может быть организован разнообразно и в каждом отдельном случае может дать различный результат. Во всяком случае, труд без идущего рядом образования, без идущего рядом политического и общественного воспитания не приносит воспитательной пользы, оказывается нейтральным процессом. Вы можете заставить человека трудиться сколько угодно, но если одновременно с этим вы не будете его воспитывать политически и нравственно, если он не будет участвовать в общественной и политической жизни, то этот труд будет просто нейтральным процессом, не дающим положительного результата.

Труд как воспитательное средство возможен только как часть общей системы.

И наконец, еще одна ошибка — это тип уединенного средства. Очень часто говорят, что такое-то средство обязательно приводит к таким-то результатам. Одно средство. Возьмем как будто бы на первый взгляд

самое несомненное утверждение, которое часто высказывалось на страницах педагогической печати,— вопрос о наказании. Наказание воспитывает раба — это точная аксиома, которая не подвергалась никакому сомнению. В этом утверждении, конечно, были и все три ошибки. Тут была ошибка и дедуктивного предсказания, и ошибка этического фетишизма. В наказании логика начиналась от самой окраски этого слова. И наконец, была ошибка уединенного средства — наказание воспитывает раба. А между тем я убежден, что никакое средство нельзя рассматривать отдельно взятым от системы. Никакое средство вообще, какое бы ни взяли, не может быть признано ни хорошим, ни плохим, если мы рассматриваем его отдельно от других средств, от целой системы, от целого комплекса влияний. Наказание может воспитывать раба, а иногда может воспитывать и очень хорошего человека, и очень свободного и гордого человека. Представьте себе, что в моей практике, когда стояла задача воспитывать человеческое достоинство и гордость, то я этого достигал и через наказание.

Потом я расскажу, в каких случаях наказание приводит к воспитанию человеческого достоинства. Конечно, такое следствие может быть только в определенной обстановке, т. е. в определенном окружении других средств и на определенном этапе развития. Никакое средство педагогическое, даже общепринятое, каким обычно у нас считается и внушение, и объяснение, и беседа, и общественное воздействие, не может быть признано всегда абсолютно полезным. Самое хорошее средство в некоторых случаях обязательно будет самым плохим. Возьмите даже такое средство, как коллективное воздействие, воздействие коллектива на личность. Иногда оно будет хорошо, иногда плохо. Возьмите индивидуальное воздействие, беседу воспитателя с глаза на глаз с воспитанником. Иногда это будет полезно, а иногда вредно. Никакое средство нельзя рассматривать с точки зрения полезности или вредности, взятое уединенно от всей системы средств. И наконец, никакая система средств не может быть рекомендована как система постоянная.

Вот я вспоминаю историю коллектива коммуны им. Дзержинского. Он рос, он начинался с 28-го г. коллективом мальчиков и девочек в пределах восьмого класса. Это был здоровый, веселый коллектив, но это не был коллектив 1935 г., когда он состоял из молодежи до 20 лет и имел большую комсомольскую организацию. Конечно, такой коллектив требовал совершенно иной системы воспитания.

Я лично убежден в следующем: если мы возьмем обычную советскую школу, дадим ее в руки хороших педагогов, организаторов, воспитателей и эта школа будет жить 20 лет, то в течение этих 20 лет в хороших педагогических руках она должна пройти такой замечательный путь, что система воспитания в начале и в конце должна сильно отличаться одна от другой.

В общем, педагогика есть самая диалектическая, подвижная, самая сложная и разнообразная наука. Вот это утверждение и является основным символом моей педагогической веры. Я не говорю, что так уже я все проверил на опыте, вовсе нет, и для меня есть еще очень много неясностей, неточностей, но я это утверждаю как рабочую гипотезу, которую, во всяком случае, надо проверить. Для меня лично она доказана моим опытом, но, конечно, ее надо проверить большим советским общественным опытом.

Между прочим, я убежден, что логика того, что я сказал, не противоречит и опыту наших лучших советских школ и очень многих наших лучших детских и недетских коллективов.

Вот это общие предварительные замечания, на которых я хотел остановиться.

Теперь перейдем к самому главному вопросу, к вопросу об установке целей воспитания. Кем, как и когда могут быть установлены цели воспитания и что такое цели воспитания?

Я под целью воспитания понимаю программу человеческой личности, программу человеческого характера, причем в понятие характера я вкладываю все содержание личности, т. е. и характер внешних проявлений и внутренней убежденности, и политическое воспитание, и знания — решительно всю картину человеческой личности; я считаю, что мы, педагоги, должны иметь такую программу человеческой личности, к которой должны стремиться.

В своей практической работе я не мог без такой программы обойтись. Ничто так человека не учит, как опыт. Когда-то мне дали в той же коммуне им. Дзержинского несколько сотен человек, и в каждом из них я видел глубокие и опасные стремления характера, глубокие привычки, я должен был подумать: а каким должен быть их характер, к чему я должен стремиться, чтобы из этого мальчика, девочки воспитать гражданина? И когда я задумался, то увидел, что на этот вопрос нельзя ответить в двух словах. Воспитать хорошего советского гражданина — это мне не указывало пути. Я должен был прийти к более развернутой программе человеческой личности. И, подходя к программе личности, я встретился с таким вопросом: что́ — эта программа личности должна быть одинакова для всех? Что же, я должен вгонять каждую индивидуальность в единую программу, в стандарт и этого стандарта добиваться? Тогда я должен пожертвовать индивидуальной прелестью, своеобразием, особой красотой личности, а если не пожертвовать, то какая же у меня может быть программа! И я не мог этого вопроса так просто, отвлеченно разрешить, но он у меня был разрешен практически в течение десяти лет[4].

Я увидел в своей воспитательной работе, что да, должна быть и общая программа, «стандартная», и индивидуальный корректив к ней. Для меня не возникал вопрос: должен ли мой воспитанник выйти смелым человеком, или я должен воспитать труса? Тут я допускал «стандарт», что каждый должен быть смелым, мужественным, честным, трудолюбивым, патриотом. Но как поступать, когда подходишь к таким нежным отделам личности, как талант? Вот иногда по отношению к таланту, когда стоишь перед ним, приходится переживать чрезвычайные сомнения. У меня был такой случай, когда мальчик окончил десятилетку. Его фамилия Терентюк. Он очень хорошо учился — на пятерках (у нас в школе была пятибалльная система), потом пожелал пойти в технологический вуз. Я в нем открыл большой артистический талант раньше этого, причем талант очень редкой наполненности комика, чрезвычайно тонкого, остроумного, обладающего прекрасными голосовыми связками, богатейшей мимикой, умного такого комика. Я видел, что именно в области актерской работы он может дать большой результат, а в технологическом училище он будет средним студентом. Но тогда было такое увлечение, что все мои

«пацаны» хотели быть инженерами. А уж если заведешь речь о том, чтобы идти в педагоги, так прямо в глаза смеялись: «Как это, сознательно, нарочно идти в педагоги?» — «Ну, иди в актеры». — «Да что вы, какая это работа у актера?» И вот он ушел в технологический институт при моем глубочайшем убеждении, что мы теряем прекрасного актера. Я сдался, я не имею права, в конце концов, совершать такую ломку...

Но здесь я не удержался. Он проучился полгода, участвовал в нашем драматическом кружке. Я подумал-подумал и решился — вызвал его на собрание коммунаров, говорю, что вношу жалобу на Терентюка: он не подчинился дисциплине и ушел в технологический вуз. На общем собрании говорят: «Как тебе не стыдно, тебе говорят, а ты не подчиняешься». Постановили: «Отчислить его из технологического института и определить в театральный техникум». Он ходил очень грустный, но не подчиниться коллективу не мог — он получал стипендию, общежитие в коллективе. И сейчас он прекрасный актер, уже играет в одном из лучших дальневосточных театров, в два года он проделал путь, который люди делают в 10 лет. И сейчас он мне очень благодарен.

Но все-таки, если бы теперь передо мной стояла такая задача, я бы боялся ее решить,— кто его знает, какое я имею право произвести насилие? Вот право производить такую ломку — вопрос для меня не решенный. Но я глубоко убежден, что перед каждым педагогом такой вопрос будет вставать — имеет ли право педагог вмешиваться в движение характера и направлять туда, куда надо, или он должен пассивно следовать за этим характером? Я считаю, что вопрос должен быть решен так: имеет право. Но как это сделать? В каждом отдельном случае это надо решать индивидуально, потому что одно дело иметь право, а другое дело — уметь это сделать. Это две различные проблемы. И очень возможно, что в дальнейшем подготовка наших кадров будет заключаться в том, чтобы учить людей, как производить такую ломку. Ведь учат врача, как производить трепанацию черепа. В наших условиях, может быть, будут учить педагога, как такую «трепанацию» производить,— может быть, более тактично, более успешно, чем я это сделал, но как, следуя за качествами личности, за ее наклонностями и способностями, направить эту личность в наиболее нужную для нее сторону.

Перейдем к изложению тех практических форм, которые в моем опыте и в опыте других моих коллег, я считаю, наиболее удачно воплощались в воспитательной работе. Главнейшей формой воспитательной работы я считаю коллектив. О коллективе как будто бы и много писалось в педагогической литературе, но писалось как-то маловразумительно.

Что такое коллектив и где границы нашего вмешательства в коллектив? Я сейчас наблюдаю очень много школ — и здесь в Москве, и в Киеве приходится бывать и бывал,— и я не всегда вижу коллектив учеников. Иногда удается видеть коллектив классный, но мне почти никогда не приходилось видеть коллектив школы.

Я вам расскажу сейчас простыми словами о моем коллективе, воспитанном мною и моими товарищами. Имейте в виду, что я был в иных условиях, чем школа, потому что у меня ребята жили в общежитии, работали на производстве, в подавляющем большинстве не имели семьи, т. е. не имели другого коллектива. И естественно, в моем распоряжении были бóльшие

средства коллективного воспитания, чем в школе. Но я не склонен к уступкам только на том основании, что были лучшие условия. В свое время у меня была школа, школа заводская — вагонного завода, и я все-таки там имел коллектив школьников[5].

В школьной практике, направляемой в свое время старым руководством Наркомпроса, я вижу очень странные явления, для моей педагогической души совершенно непонятные. К примеру. Вчера я был в одном парке культуры и отдыха, где есть районный пионерский городок. В этом же районе есть дом, отдельный дом им. Павлика Морозова. И в этом же районе есть 13 школ. И я вчера видел, как эти три учреждения—школа, пионерский дворец и специальный дом им. Павлика Морозова — растаскивают детей по разным коллективам. У детей нет коллектива. В школе он в одном коллективе, в семье — в другом, в пионергородке — в третьем, в доме Павлика Морозова — в четвертом. Он бродит между коллективами и может выбрать утром один, вечером другой, в обед — третий. Я вчера был свидетелем такого события: в пионерском городке — танцевальный кружок, называется он несколько по-старому — ритмический: ну, просто танцуют. Комсорг одной школы заявил: «Мы не будем пускать наших девочек в ритмический кружок». Директор школы бьет себя в грудь: «Вы подумайте! Комсорг заявил, что он не будет пускать!» Директор вытащил комсорга на общественный суд. «Вот так и так, смотрите, что он делает». А комсорг на своем: «Не пущу!» Конфликт. А я вспомнил другой конфликт, у себя в коммуне, такого же типа. Были у нас самые разнообразные кружки, и очень серьезные, были свои настоящие планеры, кавалерийская секция... И вот один мальчик, очень хороший мальчик, пионер, через пионерскую организацию вошел в Харьковский Дворец пионеров и там участвовал в арктических исследованиях, проявил там себя хорошо, и его пионерский дворец премировал командировкой в Мурманск вместе с другими ребятами. Этот мальчик, Миша Пекер, в коммуне говорит:

— Вот я еду в Мурманск.

Кто-то из старших спрашивает:

— Куда ты едешь?

— В Мурманск.

— Кто тебя отпускает?

— А меня командирует Дворец!

На общем собрании старшие коммунары заявили:

— Пусть Миша Пекер даст объяснения, кто его командирует и куда он едет.

Тот сказал:

— Да, я еду в Мурманск исследовать Арктику, и меня командирует пионерский дворец.

Крик общий:

— Как смеет пионерский дворец тебя командировать! А, может быть, мы тебя завтра в Африку командируем. Во-первых, у нас поход по Волге, а ты у нас играешь на кларнете, а, во-вторых, если бы даже ты не играл, что ты латаешься? Ты и тут служишь, и там служишь. Нет, никуда ты не поедешь. Раньше должен был у нас на общем собрании спросить, можно ли тебе там премии всякие получать или нет!

Миша подчинился собранию. Но узнали об этом пионерская и комсо-

мольская организации, пионерский дворец: «Что такое в коммуне им. Дзержинского делается? Мы командируем человека в Арктику, а тут говорят: ты будешь играть на кларнете, потому что будет поход по Волге». Дело дошло до ЦК украинского комсомола. Но все было решено, собственно говоря, практически, потому что комсомольская организация коммуны заявила: если Миша должен ехать, мы его, конечно, за полы держать не будем, мы ему выдадим стипендию и т. д., пожалуйста, переходи в пионерский дворец и будь членом дворца... А если нам нужно будет, мы и сами пошлем в Арктику кого нужно произвести нужные исследования и поможем завоеванию Северного полюса. На данном отрезке времени, в данную эпоху это не входит в нашу программу. А что вы говорите Шмидт, Шмидт, но мало ли что — Шмидт ездит на Север, но весь Союз не ездит на Север, и поэтому доказывать, что каждый человек должен ехать в Арктику, нельзя. Очевидно, Миша хотел спорить, но ему сказали, что довольно, «пошумел и перестань». И Миша сказал: «Я и сам не хочу».

Вот другой вопрос. Я был в нескольких лагерях под Москвой. Это хорошие лагеря, в них приятно побывать, и, конечно, это прекрасные оздоровительные учреждения. Но я удивился, что в этих лагерях собираются дети разных школ, а я этого не понимаю. Я считаю, что тут нарушена какая-то гармония воспитания. Мальчик состоит в определенном школьном коллективе, а лето он проводит в сборном коллективе. Значит, его школьный коллектив никакого участия в организации его летнего отдыха не принимает. И как видите, в пионерском дворце и других местах, как я вам говорил, чувствуются трения, скрип. Я понимаю, отчего этот скрип происходит.

Правильное, советское воспитание должно быть организовано путем создания единых, сильных, влиятельных коллективов. Школа должна быть единым коллективом, в котором организованы все воспитательные процессы, и отдельный член этого коллектива должен чувствовать свою зависимость от него — от коллектива, должен быть предан интересам коллектива, отстаивать эти интересы и в первую очередь дорожить этими интересами. Такое же положение, когда каждому отдельному члену предоставляется выбор искать себе более удобных и более полезных людей, не пользуясь для этого силами и средствами своего коллектива,— такое положение я считаю неправильным. А это приводит к каким результатам? Пионерские дворцы во всех городах работают прекрасно, в Москве особенно хорошо. Можно аплодировать очень многим работникам и методам работы пионерского дворца. Несмотря на то что они так хорошо работают и наше общество помогает им так хорошо работать, это дает возможность некоторым школам уклоняться от всякой дополнительной работы. Во многих школах нет таких кружков, которые есть в пионерских дворцах. В общем, внешкольная работа действительно делается «внешкольной» и школа считает себя вправе отказаться от нее. А предлоги, безусловно, найдутся: у нас зала нет, у нас ассигнований нет, у нас специалиста-работника нет и т. д. Я являюсь сторонником такого коллектива, в котором весь воспитательный процесс должен быть организованным.

Я лично представляю себе систему таких мощных, сильных, оборудованных, прекрасно вооруженных школьных коллективов. Но это только внешние рамки организации коллектива...

Этот же пионерский дворец, детский клуб, так сказать, может работать

наряду со школой, но организация работы в нем должна принадлежать все-таки школе. Школы должны отвечать за эту работу, они там должны объединяться в работе. Комсорг, который возражает против участия девочек в ритмическом кружке, прав. Если комсорг отвечает за воспитание детей своего коллектива, то он должен интересоваться и отвечать за то, что делают его дети в пионерском дворце. Такое разбивание воспитательного процесса между различными учреждениями и лицами, не связанными взаимной ответственностью и единоначалием, не может принести пользы.

Я понимаю, что единый детский коллектив, прекрасно оборудованный и вооруженный, конечно, будет стоить дороже, но очень возможно, что более стройная организация детских коллективов тоже приведет к некоторой экономии средств.

Это все касается самой сетки коллективов. Я, одним словом, склонен настаивать, что единым детским коллективом, руководящим воспитанием детей, должна быть школа. И все остальные учреждения должны быть подчинены школе...

Я убежден, что если перед коллективом нет цели, то нельзя найти способа его организации. Перед каждым коллективом должна быть поставлена общая, коллективная цель — не перед отдельным классом, а обязательно перед целой школой.

Мой коллектив был 500 человек. Там были дети от 8 до 18 лет, значит, ученики первых и десятых классов. Они, конечно, отличались друг от друга очень многими особенностями. Во-первых, старшие были более образованны, более производственно квалифицированны и более культурны. Младшие были ближе к беспризорности, неграмотны, конечно. И наконец, они были просто дети. Тем не менее все эти 500 человек в последние годы моей работы составляли действительно единый коллектив. Я ни разу не позволил себе лишить права члена коллектива и голоса ни одного коммунара, вне зависимости от его возраста или развития. Общее собрание членов коммуны было действительно реальным, правящим органом.

Вот это общее собрание, как правящий орган коллектива, вызвало со стороны моих критиков и начальников протесты, сомнения. Говорили: нельзя позволять такому большому собранию решать вопросы, нельзя доверять толпе детей руководство коллективом. Это, конечно, правильно. Но в этом-то и дело — надо добиться такого положения, когда это была бы не толпа детей, а общее собрание членов коллектива.

Чрезвычайно много путей и средств для того, чтобы толпу обратить в общее собрание. Это нельзя делать как-нибудь искусственно, и это нельзя сделать в один месяц. Вообще погоня за скороспелыми результатами в этом случае всегда будет печальна. Если мы возьмем школу, где нет никакого коллектива, где все разрозненно, где в лучшем случае каждый класс живет обособленной жизнью и встречается с другими классами, как мы на улице встречаемся с обычной публикой, то, чтобы из такого аморфного собрания детей сделать коллектив, конечно, нужна длительная (не год и не два), настойчивая и терпеливая работа. Но зато коллектив один раз создали, и если его беречь, если за ним, за его движением внимательно следить, то такой коллектив может сохраняться века. И такой коллектив, особенно в школе, где ребенок находится 8—10 лет, должен быть драгоценным, богатейшим инструментом воспитания. Но такой коллектив, конеч-

но, легко и развалить. Вот когда вместе объединяется, с одной стороны, такая могучая сила детского коллектива, могущества почти непревзойденного, и, с другой стороны, ряд ошибок, ряд смен руководителей — очень скоро можно тоже коллектив обратить в толпу. Но чем больше коллектив живет, чем крепче он становится, тем более он склонен продолжать свою жизнь.

Здесь мы подходим к одной важной детали, на которой я хотел бы особенно настаивать. Это — традиция. Ничто так не скрепляет коллектив, как традиция. Воспитать традиции, сохранить их — чрезвычайно важная задача воспитательной работы. Школа, в которой нет традиций, советская школа, конечно, не может быть хорошей школой, и лучшие школы, которые я наблюдал, кстати и в Москве,— это школы, которые накопили традиции.

Что такое традиция? Я возражения встречал и против традиций. Старые наши педагогические деятели говорили: всякий закон, всякое правило должны быть разумны, логически понятны. А вы допускаете традицию, разум и логика которой уже исчезли. Совершенно верно, я допускал традицию. Пример. Когда я был моложе и у меня было меньше работы, я каждый день вставал в коммуне в 6 часов утра и каждый день совершал поверку, т. е. ходил в спальню вместе с дежурным командиром отряда, и меня встречали салютом, командой «Отряд, смирно!». Я совершал поверку состава и состояния отряда на начало дня. В это время меня принимали как начальника коммуны, и, как начальник, я в таких случаях мог производить всякие разборы и налагать взыскания. Кроме меня, никто в коммуне правом наложения взысканий не пользовался, конечно кроме общих собраний. Но вот я потерял возможность бывать каждый день на поверке. Первый раз я уведомил, что я завтра быть не могу и поверку примет дежурный командир.

Постепенно эта форма стала обыкновенной. И вот установилась традиция: дежурный командир в момент поверки встречался как начальник. В первое время это было понятно, а потом это утерялось. И новенькие знали, что командир имеет право налагать взыскания, а почему — не понимали. Старые-то это помнили. Командир говорил: «Получи два наряда!» И ему отвечали: «Есть, два наряда». А если бы в другое время дня или ночи этот командир предъявил такие права, ему бы сказали: «Ты кто такой?» А эта традиция сохранилась и очень крепила коллектив.

Другая традиция, тоже потерявшая свою логику. Когда-то давно был конфликт. Дежурный командир вечером, отдавая рапорт, заявил: «А Иванов нарушил дисциплину за обедом». А Иванов сказал: «Ничего подобного, я не нарушал». Я, проверив дело, сказал, что, по моему мнению, он не нарушал. И другие были за это. А дежурный командир настаивал на своем. Я оставил дело без последствий. Дежурный командир обжаловал мое решение в общем собрании. Он заявил: «Антон Семенович не имел права проверять мои слова: я не просто сказал ему на ушко, я ему отдавал рапорт, стоял «смирно», с салютом, в присутствии всех других командиров. В таком случае, раз он не доверяет моему рапорту, он не должен доверять и дежурство. Если он каждый мой рапорт будет проверять следственными показаниями, тогда к чему дежурить?»

Общее собрание постановило: Антон Семенович не прав, рапорт дежур-

ного командира не проверяется. Вот если шепчут на ухо, тогда, пожалуйста, можно проверить. И в течение 10 лет это было законом. Что угодно можно было говорить в течение дня, а когда отдается рапорт, то это уже действительно верно: он же, салютуя, поднял руку, значит, это верно, это правда, а если ты в самом деле ни в чем не был виноват, то считай про себя, что командир ошибся.

И эта прекрасная традиция так въелась, что стало легко работать. Во-первых, ни один дежурный командир не позволяет себе соврать, потому что он знает, что ему должны верить, а во-вторых, не надо тратить время и энергию на проверку. Может быть, дежурный командир действительно ошибся, но несчастный потерпевший должен подчиниться. И когда один комсомолец поднял разговор — что это за правило такое, надо его отменить, потому что я действительно на работу не опаздывал, а дежурный в рапорте заявил, что я опоздал на 10 минут, и мне сказал, что проверки не может быть, — ему объяснили, что, может быть, ты и прав, ты действительно ходил за резцами, но для нас и для тебя дороже твоей правоты дисциплина и доверие к дежурному командиру, так что ты своей правотой пожертвуй; если мы будем каждого дежурного проверять, что он говорит, так это будет не дежурный, а холуй, а нам нужен дежурный командир. Таких традиций в моем коллективе было очень много, просто сотни. И я их не знал всех, но ребята их знали. И ребята знали их незаписанными, узнавали какими-то щупальцами, усиками. Так надо делать. Почему так? Так старшие делают. Этот опыт старших, уважение к логике старших, уважение к их труду по созданию коммуны и, самое главное, уважение к правам коллектива и его уполномоченных — это чрезвычайно важные достоинства коллектива, и, конечно, они поддерживаются традициями. Такие традиции украшают жизнь ребят. Живя в такой сетке традиций, ребята чувствуют себя в обстановке своего особенного коллективного закона, гордятся им и стараются его улучшать. Без таких традиций я считаю невозможным правильное советское воспитание. Почему? Потому что невозможно правильное воспитание без могучего коллектива, уважающего свое достоинство и чувствующего свое коллективное лицо.

Я мог бы назвать очень много интересных традиций и примерно назову несколько. Вот тоже традиция, и тоже смешная. Дежурный член санкома каждый день дежурит, носит красный крест на руке и имеет большие права, права диктатора, он может любому из комсомольцев или членов коллектива предложить встать из-за стола и пойти помыть руки, и тот должен подчиниться; он может зайти в любую квартиру инженера, сотрудника, педагога, доложить на общем собрании, что в квартире такого-то педагога грязь. Причем постановили — никогда не разбираться, какая грязь: у того — вода налита, у того — пыль на подоконнике, у того — пыль на спинке стула. Постановили никогда не рапортовать подробно, не описывать беспорядка, а просто одно слово — грязь. Этого было совершенно достаточно для того, чтобы возбудить преследование против нее. И вот по традиции этот «диктатор» — я даже не помню, откуда это взялось,— выбирался обязательно из девочек, обязательно девочка, обязательно младшая и обязательно чистюлька. Например, предлагают такую-то, говорят: «Да что вы, ведь ей уже

17 лет». И никто не понимает, почему семнадцатилетнюю нельзя выбрать в члены ДЧСК. «Да она прошлый раз выходила, у нее чулок спустился — поэтому нельзя». Почему обязательно девочка? Говорят, что хлопец не всегда сам может убрать как следует, а, во-вторых, логика говорит, что девчата злей. Уж если девочка скажет, то она никому — ни другу, ни недругу не спустит. Я боролся против этого: «Как не стыдно, почему вы лишаете мужчин такого права, что значит чистюлька она или не чистюлька». Все равно, со мной согласны, но как выборы — выдвинешь кандидатуру комсомолки, — нет — все против, давай пионерку. Пионерку выдвинут такую, что совсем ребенок, куда уж ей доверять такую работу. «Нет, — говорят, — подходящая». И эти самые ДЧСК были варварами, житья от них не было, от такой двенадцатилетней девочки не было покоя в течение дня никому — и за обедом, и на работе, и в спальне, и везде. И ругают ее: «Жить невозможно. Ищет-ищет она пыль в спальне, никакой пыли нет, — так она перевернет стул и говорит:

— А что это?

— Волосок прицепился».

И она пишет в рапорте, что в 15-й спальне грязь. И нельзя ничего сказать, потому что это правда. А эта Нина — ребенок, она говорит: «Ты вот причесывался, волосы у тебя летели, так что́, я должна тебя прикрывать?»

Отчитывается такой ребенок, взрослые парни смотрят на нее. Она говорит, что было столько-то обходов квартир, столько-то сообщений и т. д. «Хорошая работа?» — «Хорошая». И опять ее выбирают, забыв, что сами от нее страдали.

Это традиция. Коллектив чувствовал, что именно таким маленьким девочкам, наиболее педантичным, наиболее чистым, честным, не склонным ни к каким увлечениям — ни сердечным, ни иным, — именно им надо поручать такую работу. И эта традиция была такой глубокой, что и на комсомольском бюро говорили: «Нет, этот не подойдет; вот такую Клаву давайте, она маленькая, чистенькая, будет работать».

И дети — удивительные мастера создавать такие традиции.

Надо признать, что в создании традиций нужно использовать какой-то маленький инстинктивный консерватизм, но консерватизм хорошего типа, т. е. доверие к вчерашнему дню, к нашим товарищам, создавшим какую-то ценность и не желающим эту ценность разрушать сегодняшним моим капризом.

Среди таких традиций особенно я ценю традицию военизации — игры. Меня в свое время за это часто поносили, называли жандармом, Аракчеевым и другими генеральскими фамилиями. И я в последнее время, настаивая на этом, всегда краснел и чувствовал, что я совершаю безнравственный поступок. Но в прошлом году здесь, в Москве, была получена 2-я часть 16-го тома Маркса и Энгельса, и я с огромным наслаждением, после 16 лет мучений, прочитал, что и Энгельс настаивал на такой военизации. У него есть прекрасная статья о необходимости военизации в школе[6]. Это не должно быть повторением закона военной части. Ни в коем случае не должно быть подражания, копировки.

Я являюсь противником того, чем увлекаются некоторые молодые педагоги, — это постоянным маршем: в столовую идут — маршируют, на работу идут — маршируют, всегда маршируют. Это некрасиво и ненужно. Но в военном быту, особенно в быту Красной Армии, есть много красивого, увлекающего людей, и в своей работе я все более и более убеждался в полезности этой эстетики. Ребята умеют еще больше украсить эту «военизацию», сделать ее более детской и более приятной. Мой коллектив был военизирован до некоторой степени. Во-первых, терминология несколько военная, например «командир отряда». Терминология имеет важное значение. Я, например, не совсем согласен, что можно школу называть неполной средней школой[7]. Мне кажется, что об этом нужно подумать. Что значит: ученик учится в школе, а его школа называется неполная средняя школа? Такое усеченное название. Само название должно быть для него привлекательным. Я обращал внимание на эту терминологию. И когда я предлагал назвать — бригадир бригады, то ребята говорили, что это не то. Что такое бригадир бригады — бригадир на производстве, а у нас в отряде должен быть командир. Но ведь ты то же самое будешь делать. Нет, как сказать, я могу и приказать, а бригадир прикажет, ему скажут: ты не командир, а бригадир. В детском коллективе чрезвычайно красиво организуется единоначалие.

Такой термин, как рапортовать. Конечно, можно было бы и просто получить отчет мальчика, но я считаю, что их очень увлекает некоторая законность этого отчета. Законность такая: командир на отчет должен прийти в форме, не в спецовке, не в том платье, в котором он может пробегать целый день. На отчете, когда один командир отдает рапорт, он должен салютовать, и я не имею права принимать рапорт сидя, и все присутствующие должны салютовать. И все прекрасно знают, что, поднимая руку, все отдают привет работе отряда, всего коллектива...

Потом многое можно ввести из военного быта в самый быт коллектива, в движение его. Например, в коммуне была прекрасная традиция начала общих собраний. Общее собрание должно было всегда открываться только дежурным командиром. Причем удивительно, эта традиция была так велика, что когда в коммуну приезжало большое начальство, нарком включительно, то все равно никому не позволяли открывать общее собрание, только дежурному командиру. Причем собрание все десять лет по традиции обязательно имело определенный регламент. Сигнал для сбора общего собрания давался на трубе. После этого оркестр, который помещался на балконе, играет три марша. Один марш для слуха, можно было сидеть, разговаривать, приходить, уходить. Когда заканчивался третий марш, я обязан был быть в зале, и я чувствовал, что я не мог не явиться; если бы я не явился, меня бы обвинили, что я нарушаю порядок. Когда кончается марш, я обязан скомандовать: «Встать под знамя! Смирно!» — причем я не вижу, где знамя, но я уверен, что оно близко и что, когда я скомандую, его внесут. И когда вносят знамя, все обязательно встают, и оркестр играет специальный знаменный салют; когда знамя поставлено на сцену, собрание считается открытым; входит немедленно дежурный и говорит: «Собрание открыто».

И в течение 10 лет ни одно собрание иначе не открывалось, и если бы оно открылось иначе, стали бы говорить, что у нас беспорядок, что у нас черт знает что происходит и т. д.

Вот эта традиция украшает коллектив, она создает для коллектива тот внешний каркас, в котором красиво можно жить и который поэтому увлекает. Красное знамя — это прекрасное содержание для такой традиции.

По той же традиции знаменщик и ассистенты знамени выбирались общим собранием из самых лучших и достойных коммунаров и выбирались «до конца жизни», как говорили, т. е. пока ты живешь в коммуне. Знаменщика нельзя было наказать никакими наказаниями, знаменщики имели отдельную комнату, они имели лишний парадный костюм, и нельзя было, когда он стоял со знаменем, называть его «на ты».

Откуда взялась эта традиция, я тоже не знаю; но то, что знаменщик — самое почетное лицо в коммуне, доказывается тем, что у меня только один из коммунаров получил орден за заслуги военного характера, и это был знаменщик[8].

Почет знамени в школе — богатейшее воспитательное средство. В коммуне им. Дзержинского этот почет выражался и в том, что если в комнате стоит знамя, которое по случаю ремонта надо вынести в другое помещение, то нельзя было сделать иначе, как построить весь коллектив, вызвать оркестр и торжественно перенести знамя в другое помещение.

Мы прошли почти всю Украину, Волгу, Кавказ, Крым, и красное знамя ни одной минуты не оставалось без караула. Когда об этом узнавали мои приятели-педагоги, они говорили: «Что вы делаете? Ночью мальчикам надо спать. У вас оздоровительная кампания, поход, а они стоят у вас ночами у знамени».

Мы говорили на разных языках. А я не понимал, как это можно в походной обстановке оставить знамя без караула.

При входе в коммуну всегда стоял часовой с исправной винтовкой. Я даже боюсь об этом говорить. Патронов у него, конечно, не было, но он имел большую власть. Часто стоял тринадцати-четырнадцатилетний мальчик. Стояли по очереди. Он каждого постороннего проверял при входе — кто он такой, что ему нужно, зачем он идет — и имел право преградить ему путь винтовкой. Ночью двери в коммуну не запирались, он стоял тоже на часах, иногда трусил и боялся, но все равно стоял свои два часа. И вот один раз приехала из Украинского Наркомпроса одна из педологичек с чекистом. Между ними произошел интересный разговор: «Что же, он так и стоит?» — «Так и стоит». — «Ему скучно. Книжку дали бы ему почитать». Он говорит: «Как, часовому книжку читать?» — «Но как же, нужно время использовать и развитие получать». Разные люди: она поражена тем, что часовой ничего не делает, а чекист поражен предположением, что часовой может читать на посту книжку. По-разному поражены. И эта организация — это необходимая функция, и воспитывающая функция коллектива...

Было правило, тоже традиция: нельзя сходить по лестнице, держась за перила. Я знаю, откуда это пошло. Лестница хорошего дома, лестницу начали вытаптывать, там, где перила,— там и вытаптывают, и постановили ребята: чтобы сберечь лестницу, не нужно ходить

возле перил. Но забыли об этом. Пришли новенькие. «Почему нельзя держаться?» Им говорят: «Ты должен надеяться на свой позвоночный столб, а не на перила». А вначале имели в виду не укрепление позвоночного столба, а сбережение лестницы.

Должна быть эстетика военного быта, подтянутость, четкость, но ни в коем случае не просто шагистика.

Что касается военной подготовки, то она идет, не вполне совпадая с этой эстетикой. Это стрелковый спорт, кавалерийский спорт и военное дело. А это — четкость, эстетика, и в детском обществе она совершенно необходима. В особенности она хороша потому, что сохраняет силы коллектива, сохраняет от неразборчивых, неладных движений, от разболтанности движений, от разбросанности их. В этом смысле чрезвычайно важное значение имеет форма. Вы это лучше меня знаете, и на этот счет есть определенная точка зрения и Наркомпроса, и партии, и об этом я говорить не буду. Но форма хороша только тогда, когда она красива, когда она удобна. Мне пришлось в связи с формой очень много пережить разных неприятностей и неудач, пока я пришел к более или менее удобной и красивой форме.

Но что касается формы — я готов идти дальше. Я считаю, что дети должны быть так красиво, так красочно одеты, чтобы они вызывали удивление. В старые века красиво одевались войска. Это было пышностью привилегированных классов. У нас таким привилегированным слоем общества, который имеет право красиво одеваться, должны быть дети. Я не остановился бы ни перед чем, я бы дал каждой школе очень красивую форму. Это очень хороший клей для коллектива. В известной мере я шел по этому направлению, но меня подстригали. У меня были вензели золотые и серебряные, расшитые тюбетейки, отглаженные белые пикейные воротники и т. д. Коллектив, который вы хорошо одеваете, на 50% у вас в руках.

Лекция вторая

Дисциплина, режим, наказания и поощрения

Сегодня я предложу тему — дисциплина, режим, наказания и поощрения. Еще раз я вам хочу напомнить, что мои положения вытекают исключительно из моего личного опыта, который проходил в несколько особых условиях, главным образом в колониях и коммунах для правонарушителей. Но я убежден, что не только отдельные выводы, но общая система моих находок может быть применена и к нормальному детскому коллективу. В частности, логика здесь такая.

Из моих 16 лет работы во главе учреждения правонарушительского я последние 10, а может быть и 12 лет, считаю работой нормальной. Все дело в том, что, по моему глубокому убеждению, мальчики и девочки становятся правонарушителями или «ненормальными» благодаря «правонарушительской» или «ненормальной» педагогике. Нормальная педагогика, педагогика активная и целеустремленная, очень быстро обращает детский коллектив в коллектив совершенно нормаль-

ный. Никаких прирожденных преступников, никаких прирожденных трудных характеров нет; у меня лично, в моем опыте, это положение достигло выражения стопроцентной убедительности.

В последние годы в коммуне им. Дзержинского я вообще решительно протестовал против какой-либо мысли о том, что у меня коллектив ненормальный, коллектив правонарушительский, и поэтому те выводы и те приемы, которые я вам сегодня предложу, мне лично представляются применимыми к нормальному детству.

Что такое дисциплина? В нашей практике у некоторых учителей и у некоторых педагогов-мыслителей дисциплина иногда рисуется как средство воспитания. Я считаю, что дисциплина является не средством воспитания, а результатом воспитания и как средство воспитания должна отличаться от режима. Режим — это есть определенная система средств и методов, которые помогают воспитывать. Результатом же воспитания является именно дисциплина.

Я при этом предлагаю дисциплину понимать несколько шире, чем она понималась до революции, — в дореволюционной школе и в дореволюционном обществе дисциплина была внешним явлением. Это была форма властвования, форма подавления личности, личной воли и личных стремлений, наконец, в известной мере это был метод властвования, метод приведения личности к покорности по отношению к элементам власти. Так рассматривалась дисциплина и всеми нами, кто пережил старый режим, кто был в школе, в гимназии, в реальном училище, и все знают, что и мы и учителя также смотрели на дисциплину одинаково — дисциплина — это кодекс некоторых обязательных положений, которые необходимы для удобства, для порядка, для какого-то благополучия, чисто внешнего благополучия, скорее типа связи, чем типа нравственного.

Дисциплина в нашем обществе — это явление нравственное и политическое. Вместе с тем я наблюдаю некоторых учителей, которые и теперь не могут отвыкнуть от старого взгляда на дисциплину. Человек недисциплинированный в старом обществе не рассматривался как человек безнравственный, как человек, нарушающий какую-то общественную мораль. Вы помните, что в старой школе такая недисциплинированность рассматривалась нами и товарищами как некоторое геройство, как некоторый подвиг или, во всяком случае, как некоторое остроумное веселящее представление. Всякая проказливость не только учениками, но даже и самими учителями не рассматривалась иначе, как проявление какой-то живости характера или проявление какого-то революционного порядка.

В нашем обществе недисциплинированность, недисциплинированный человек — это человек, выступающий против общества, и такого человека мы рассматриваем не только с точки зрения внешнего технического удобства, но с точки зрения политической и нравственной. Иметь такую точку зрения на дисциплину необходимо каждому педагогу, но это только тогда, когда дисциплина рассматривается как результат воспитания.

Прежде всего, как нам уже известно, наша дисциплина всегда должна быть дисциплиной сознательной. Как раз в 20-х гг., когда такой широ-

кой популярностью пользовалась теория свободного воспитания, по крайней мере тенденция свободного воспитания, тогда эту формулу о сознательной дисциплине расширяли, считали, что дисциплина должна вытекать из сознания. Уже в своем раннем опыте я видел, что такая формулировка может привести только к катастрофе, т. е. убедить человека в том, что он должен соблюдать дисциплину, и надеяться, что при помощи такого убеждения можно добиться дисциплины, это значит рисковать 50—60% успеха.

Определяться сознанием дисциплина не может, так как она является результатом всего воспитательного процесса, а не отдельных специальных мер. Думать, что дисциплины можно добиться при помощи каких-то специальных методов, направленных на создание дисциплины, — ошибка. Дисциплина является продуктом всей суммы воспитательного воздействия, включая сюда и образовательный процесс, и процесс политического образования, и процесс организации характера, и процесс столкновения, конфликтов, и разрешение конфликтов в коллективе, в процессе дружбы, и доверия, и всего решительно воспитательного процесса, считая здесь также такие процессы, как процесс физкультурного воспитания, физического развития и т. д.

Рассчитывать, что дисциплину можно создать только одной проповедью, одними разъяснениями,— это значит рассчитывать на результат чрезвычайно слабый.

Как раз в области рассуждений мне приходилось сталкиваться с очень упорными противниками дисциплины [среди воспитанников], и если доказывать им необходимость дисциплины словесно, то можно встретить такие же яркие слова и выражения.

Таким образом, воспитание дисциплины при помощи рассуждений и убеждений может обратиться только в бесконечные споры. Тем не менее я первый настаиваю, что наша дисциплина, в отличие от старой дисциплины, как явление нравственное и политическое должна сопровождаться сознанием, т. е. полным пониманием того, что такое дисциплина и для чего она нужна[9].

Каким способом можно достигать этой сознательной дисциплины? Необходимо сказать, что в наших школах ученики и учителя поставлены в более худшие условия, чем учителя и ученики в старой школе с этой точки зрения, и вот почему.

В нашей школе нет теории морали, нет такого предмета, нет такого лица, которое бы эту теорию морали преподавало или было бы обязано по известной программе сообщать детям.

В старой школе был закон божий, предмет, отрицаемый не только учениками, но сплошь и рядом и самими батюшками, которые относились к нему, как к чему-то не заслуживающему уважения, но вместе с тем в нем было много моральных проблем, которых так или иначе касались на занятиях. Другой вопрос, имела эта теория положительный результат или нет, но в известной мере проблематика моральная проходила перед учениками в теоретическом изложении, т. е. говорилось: «нельзя красть, нельзя убивать, нельзя оскорблять, нужно уважать старших, уважать родителей», — и такие отделы морали, христианской морали, которая рассчитывала на веру и на религиозное убеждение, вскрывались в теоре-

тическом изложении, и моральные требования, хотя бы в старомодной религиозной форме, перед учениками проходили.

В своей практике я пришел к убеждению, что и для нас необходимо изложение теории морали. В наших современных школах такого предмета нет. Есть воспитательский коллектив, есть комсорги, пионервожатые, которые имеют возможность при желании систематическую теорию морали, теорию поведения ученикам преподнести.

Я уверен, что в развитии нашей школы в будущем мы необходимо придем к такой форме. В своей практике я принужден был теорию морали в определенном виде, в программном виде своим ученикам предлагать. Я сам не имел права ввести такой предмет — мораль, но я имел перед собой программу, мною лично составленную, которую я излагал моим воспитанникам на общих собраниях, пользуясь различными поводами.

Я в своем опыте даже имел уже разработанные конспекты таких бесед теоретического морального типа, имел время несколько совершенствовать свою работу в этом направлении, и я видел очень хорошие, большие результаты такой теории морали, конечно, несравненно бо́льшие, чем могли быть результаты в старой школе в руках какого-нибудь, хотя бы и просвещенного, батюшки.

Возьмем вопрос о воровстве. Мы имеем возможность теорию честности, теорию отношения к вещам чужим, своим и государственным развить с бесконечной убедительностью, с очень строгой логикой, с большой внушаемостью, и вся конкретная теория поступков по отношению к вещам, теория запрещения воровства по своей убедительности и силе не имеет сравнения со старыми разглагольствованиями о том, что нельзя украсть, так как старая логика, что нельзя красть, а то бог накажет, мало кого убеждала. Она могла сотрясать представление о воровстве, но не действовать как торможение.

Сдержанность, уважение к женщине, к ребенку, к старику, уважение к себе — вся теория поступков, которые относятся к целому обществу или к коллективу, может быть предложена нашим ученикам в чрезвычайно убедительной и сильной форме.

Я считаю, что такая теория поведения, теория советского поведения, имеет настолько много данных в общественной жизни, в нашей общественной практике, в истории нашей гражданской войны, в истории нашей советской борьбы и в особенности в истории Коммунистической партии, что немного нужно усилий, чтобы такой предмет, как теория поступков, мораль, мог быть легко, красиво, убедительно предложен нашим ученикам.

Я могу утверждать, что коллектив, перед которым такая теория морали излагается, несомненно воспримет все это, и в каждом отдельном случае каждый отдельный ученик и воспитанник сам для себя найдет какие-то обязательные формы и формулы морали...

Я помню, как быстро и радостно возрождался мой коллектив в отдельных случаях и проблемах после единственной беседы на такую моральную тему. Целый ряд бесед, целый цикл таких бесед производил просто большое философское оздоровление в моем коллективе.

Какие общие положения могут служить доводом в такой теории морали?

Я пришел к следующему списку общих моральных положений. Прежде

всего дисциплина как форма нашего политического и нравственного благополучия, дисциплина должна требоваться от коллектива. Нельзя рассчитывать, что дисциплина придет сама благодаря внешним мерам, приемам или отдельным разговорчикам. Нет, перед коллективом задачу дисциплины, цель дисциплины нужно поставить прямо, ясно и определенно.

Эти доводы, требования дисциплины подсказывают такие моменты. Прежде всего каждый ученик должен быть убежден, что дисциплина является формой для наилучшего достижения цели коллектива. Та логика достижения цели всего коллектива, утверждающая, что без дисциплины коллектив своей цели добиться не может, если она излагается четко и горячо (я против холодных рассуждений о дисциплине), такая логика будет первым камнем, положенным в основание определенной теории поступка, т. е. определенной теории морали.

Во-вторых, логика нашей дисциплины утверждает, что дисциплина ставит каждую отдельную личность, каждого отдельного человека в более защищенное, более свободное положение. Представьте себе, что это парадоксальное утверждение, что дисциплина есть свобода, понимается самими ребятами очень легко и на практике ребята вспоминают это утверждение, на каждом шагу получают подтверждение, что оно верно, и в своих активных выступлениях за дисциплину многие говорят, что дисциплина — это свобода.

Дисциплина в коллективе — это полная защищенность, полная уверенность в своем праве, путях и возможностях именно для каждой отдельной личности.

Конечно, в нашей общественной жизни, в нашей советской истории очень много можно найти доказательств этого положения, и сама наша революция, само наше общество являются подтверждением этого закона. Мы для того и сделали революцию, чтобы личность была свободна, но форма нашего общества — это дисциплина.

Это второй тип общеморальных требований, который нужно предложить детскому коллективу, и такой тип требования помогает потом воспитателю разрешать каждый отдельный конфликт. В каждом отдельном случае нарушитель дисциплины обвиняется не только мною, но и всем коллективом в том, что он нарушает интересы других членов коллектива, лишает их той свободы, на которую они имеют право.

Между прочим, это происходит, может быть, оттого, что как раз беспризорные и правонарушители, бывшие у меня, в значительном числе случаев побывали в таком детском коллективе, где нет дисциплины, и они на своей шкуре испытали всю страшную тяжесть такой бездисциплинированной жизни. Это — власть отдельных вожаков, так называемых глотов, более старших, сильных беспризорных, которые посылали малышей на воровство и хулиганство, которые эксплуатировали этих детей, и дисциплина для этих детей, страдавших от бездисциплинированного состояния, являлась действительным спасением, действительным условием человеческого расцвета.

Я, если было бы время, рассказал бы вам об очень ярких случаях почти мгновенного человеческого возрождения благодаря тому, что мальчик попадал в дисциплинированную среду. Но я расскажу сейчас один случай.

В 1932 г. я взял на вокзале в Харькове по распоряжению НКВД со

всех проходящих через Харьков скорых поездов 50 беспризорных. Я взял их в очень тяжелом состоянии. Прежде всего, что меня поразило,— они все друг друга знали, хотя я взял их с разных поездов, главным образом идущих с Кавказа и из Крыма, но они все были знакомы. Это было «курортное общество», которое разъезжало, встречалось, пересекалось и имело какие-то внутренние отношения.

Эти 50 человек, когда я их привел, помыл, постриг и так далее, на другой день передрались между собой. Оказывается, у них очень много счетов. Тот у того-то украл, тот оскорбил, тот не выполнил слова, и я сразу увидел, что в этой группе из 50 человек есть вожаки, есть эксплуататоры, есть власть имущие и есть эксплуатируемые, подавленные. Это увидел не только я, но и мои коммунары, и мы увидели, что допустили ошибку, слив эти 50 человек, пытаясь создать из них отдельный маленький коллектив.

На другой день вечером мы их распределили между остальными 400 коммунарами, причем распределили, придерживаясь правила, кто позлее — в сильный коллектив, а тот, кто помягче,— в более слабый.

Мы в течение недели наблюдали, как при встречах они старались еще сводить прежние счеты. Под давлением коллектива эти счеты были прекращены, но несколько человек убежали из коммуны, не будучи в состоянии перенести свои расчеты с врагами более сильными, чем они.

В комсомольской организации мы этот вопрос крепко продискутировали и выяснили очень многие обстоятельства этой недисциплинированной жизни, этого страдания отдельной личности от отсутствия дисциплины, причем, в конце концов, воспользовавшись случаем, мы провели целую кампанию по разъяснению этого морального принципа, что дисциплина является свободой отдельной личности, и кто с наибольшей страстью, убедительностью и наибольшей слезой выступал за утверждение этого принципа, это как раз новенькие, которых я подобрал на Харьковском вокзале... Они рассказывали, как трудно жить, когда нет дисциплины, они поняли за две недели новой жизни на своем примере, что́ такое дисциплина.

Это произошло потому, что мы подняли эту кампанию, провели дискуссию. Если бы мы об этом не говорили, они могли бы ощущать всю тяжесть бездисциплинированной жизни, но понять этого они не могли бы.

Из таких детей, пострадавших от анархии беспризорного общества, у меня вырастали наибольшие сторонники дисциплины, наиболее горячие ее защитники, наиболее преданные ее проповедники. И если я вспомню всех юношей, которые были у меня правой рукой в педагогическом коллективе, то это как раз те дети, которые в своей жизни больше всего претерпели от анархии недисциплинированного общества.

Третий пункт морального теоретического утверждения, который должен быть предложен коллективу и всегда быть ему известен и всегда направлять его на борьбу за дисциплинированность, это такой: интересы коллектива выше интересов личности. Казалось бы, вполне понятная для нас, советских граждан, теорема. Однако на практике она далеко не понятна очень многим интеллигентным, образованным, культурным и даже социально культурным людям.

Мы утверждаем, что интересы коллектива стоят выше интересов лич-

ности там, где личность выступает против коллектива.

Но когда дело приходит к практическому случаю, оно решается часто как раз наоборот.

В моей жизни был такой сложный случай. В коммуне им. Дзержинского в последние годы не было воспитателей, работали педагоги-учителя, а в самом коллективе отдельных воспитателей у нас не было и вся воспитательная работа велась старшими коммунарами, главным образом комсомольцами, причем этому помогала структура коллектива. Коллектив делился на отряды, во главе которых стояли командиры. Один из командиров отвечал за всю работу коллектива в течение дня — уборка, обед, прием гостей, порядок, чистота, вся работа школы, прием пищи и производство. Назывался он дежурный командир, носил красную повязку и имел очень большую власть, которая была ему необходима для единоличного руководства порядком дня. Власть заключалась в том, что его приказы должны были выполняться беспрекословно, и только вечером он мог дать отчет о всех своих приказаниях. Никто не имел права разговаривать с ним сидя, а должен был стоять, и никто не имел права возражать ему в какой-либо форме. Обычно дежурным командиром был уважаемый, заслуженный товарищ, и никаких конфликтов с ним не происходило.

Однажды дежурным командиром был мальчик, которого условно назовем Ивановым. Он был комсомолец, один из видных культурных работников, член драмкружка, хороший производственник, пользовался полным уважением всех, в том числе и моим, один из старых беспризорников, имевший большой стаж правонарушений и бродяжничества, которого я лично подобрал в Симферополе.

Этот дежурный командир вечером, во время рапорта, доложил мне, что у мальчика Мезяка украден только что купленный им радиоприемник. Это был первый радиоприемник в коммуне. Мезяк заплатил за него 70 рублей, которые собирал в течение полугода из своего заработка. Радиоприемник стоял около кровати в спальне и оттуда исчез. Спальня не запиралась, так как замки в коммуне были запрещены, но в течение дня вход туда был не разрешен, и коммунары не могли войти туда, так как были на работе.

По моему предложению было созвано общее собрание, на котором дежурный командир разобрал вопрос, куда мог деваться радиоприемник. Он очень тактично вел разговор, указал, кто мог бы войти в спальню за инструментом и т. д., высказал несколько подозрений, предложил избрать комиссию, уговаривал общее собрание выяснить до конца это дело, так как было жалко Мезяка и затем тревожил поступок — кража вещи, на которую человек полгода собирал деньги из своего заработка.

Но ничего не удалось открыть; с тем и легли спать. Мезяк — мальчик лет 12.

Наутро ко мне пришли несколько пионеров-малышей и сообщили, что они встали в 5 часов, обследовали всю коммуну и нашли в театре под сценой радиоприемник. Они попросили освободить их от работы, чтобы понаблюдать, что там происходит.

Они стояли весь день, потом пришли ко мне и сказали прямо — радиоприемник украл Иванов, так как они видели, как он один подходил несколько раз к суфлерской будке, стоял там и что-то слушал. Больше ника-

ких доказательств они не имели. Только то, что он стоял, не будучи дежурным командиром, у суфлерской будки и слушал.

Я сыграл ва-банк. Я позвал Иванова и говорю:

— Ты украл радиоприемник, и баста!

Он побледнел, сел на стул и говорит:

— Да, я украл.

Этот случай сделался предметом обсуждения общего собрания. Комсомол исключил его и передал дело на общее собрание коммунаров. Общее собрание происходило под председательством мальчика, которого называли Робеспьер, он всегда предлагал одно — выгнать из коммуны. На этот раз также постановили выгнать, но постановили выгнать буквально — открыть дверь и спустить Иванова с лестницы.

Я возражал против изгнания, вспоминал всякие случаи, что и тебя хотели выгнать и тебя хотели выгнать, но ничего не добился.

Позвонил в НКВД и сообщил, что есть такое постановление общего собрания — выгнать, и выгнать символически таким-то образом. Они мне ответили, что этого постановления не утвердят и что я должен добиться отмены его.

Я обладал очень большим авторитетом у коммунаров и мог добиться, чего хотел, иногда очень трудных вещей. Тут я ничего не мог сделать — они меня лишили слова в первый раз за всю жизнь коммуны.

— Антон Семенович, мы вас лишаем слова!

И кончено. Я все-таки им сказал, что они не имеют права выгнать, пока они не получат утверждения НКВД. Тут они со мной согласились и перенесли вопрос на завтра с тем, что прибудут представители НКВД, а они при них подтвердят свое решение.

Я имел неприятности, меня упрекали в том, что я не добился отмены постановления. На другой день несколько видных чекистов приехали в коммуну. Их встретили так:

— Вы чего приехали? Защищать Иванова?

— Нет, добиться справедливости.

И тут произошел между коммунарами и чекистами диспут о дисциплине, который может и теперь служить для меня каркасом для разработки этой важнейшей проблемы.

На общем собрании чекисты так говорили:

— Что вы хотите показать вашим постановлением? Иванов ваш передовик, ваш активист, вы его вооружили доверием, вы ему доверяли коммуну, вы подчинялись его распоряжениям беспрекословно. А теперь, когда он один раз украл, вы его выгоняете. И затем, куда он пойдет? Он пойдет на улицу, а это значит — бандит! Неужели вы так слабы, что не можете перевоспитать Иванова?

Причем сам Иванов, «бандит», в истерике бьется целый день.

С ним больше доктора возятся, чем комсомольцы.

Показывают на него:

— Вот человек болен. Вы, такой сильный коллектив, вы перековали столько человек, неужели вы боитесь, что он плохо на вас повлияет? Ведь вас 456 человек! А он один.

Это убийственные доводы, это убийственная логика.

И вот что отвечали им коммунары, не такие опытные люди, но люди,

отвечающие за свой коллектив, тот же Робеспьер и другие. Они говорили:

— Если Иванов пропадет — правильно. Пусть пропадает. Если бы он украл что-нибудь — одно дело. Но он был дежурным командиром, мы ему доверили коммуну, он председательствовал на общем собрании и упрашивал нас — говорите то, что знаете. Тут не воровство. Это он один нахально, цинично, нагло пошел против всех, соблазнившись 70 рублями, пошел против нас, против Мезяка, который несколько месяцев собирал по 10 рублей из своего заработка. Если он пропадет, нам не жалко его!

И, во-вторых, мы с ним, конечно, справимся. Мы не боимся, но нас не это интересует. Мы потому и справимся с ним, что мы можем его выгнать. И если мы его не выгоним и другого не выгоним, тогда наш коллектив потеряет свою силу и ни с кем не справится. Мы его выгоним, а таких, как он, у нас 70 человек, и мы с ними справимся, именно потому, что мы его выгоним!

Чекисты возражали, что вы все-таки теряете члена коллектива, у вас пятно на коллективе, он пропадет. Им возражали коммунары: посмотрите на такую-то колонию, на такую-то колонию, где нет дисциплины, сколько она теряет в год. Там бежит в год 50%. Значит, если мы настаиваем так резко на дисциплине, то потеря будет меньше, мы согласны его потерять, но зато справимся с другими.

Спор шел долго, целый вечер. Наконец коммунары перестали возражать и даже аплодировали хорошим речам чекистов. Но когда дело доходило до голосования и председатель говорил: «Кто за то, чтобы выгнать Иванова?» — все сразу поднимали руки. Опять брали чекисты слово, опять убеждали, и я видел по их лицам, что они улыбаются, потому что знают, что все равно Иванова выгонят. И в 12 часов ночи постановили: выгнать именно так, как постановили вчера, — открыть дверь и спустить с лестницы. Единственно, чего мы добились, что не физически выгнать, а взять под стражу и отправить в Харьков.

Так и выгнали. Конечно, потом я и другие приняли меры, чтобы Иванова отправить в другую колонию, но чтобы никто не знал, так как когда через год узнали об этом, то меня спрашивали, как это я нарушил постановление общего собрания, — мы постановили выгнать, а он ходил и хлопотал.

Этот случай явился для меня толчком, после которого я долго думал, до каких пор интересы коллектива должны стоять впереди интересов отдельной личности. И сейчас я склонен думать, что предпочтение интересов коллектива должно быть доведено до конца, даже до беспощадного конца — и в этом случае будет настоящее воспитание коллектива и отдельной личности.

На эту тему я еще буду говорить. Сейчас только скажу, что этот беспощадный конец на самом деле должен быть беспощаден только в логике, т. е. физически беспощадным он может и не быть, т. е. нужно так организовать технику беспощадности, чтобы интересы коллектива стояли впереди интересов личности, но и чтобы личность не оказалась в тяжелом, катастрофическом положении.

Наконец, четвертая теорема, которая должна быть внушаема и предлагаться детям как чистая теория: дисциплина украшает коллектив. Эта сторона дисциплины — красота дисциплины, эстетика дисциплины —

является очень значительной. Как раз в наших детских коллективах, насколько я знаю, делается очень мало в этом отношении. У нас порой бывает дисциплина, выражаясь беспризорным языком, «занудная», скучная дисциплина разглагольствования, понукания, надоедания болтовней. Вопрос о том, как сделать дисциплину приятной, увлекающей, задевающей за живое, является вопросом просто педагогической техники.

Я в своей истории не так скоро пришел к окончательной форме такой красивой дисциплины, причем, конечно, здесь есть опасность, чтобы дисциплина не была просто внешним украшением. Нужно, чтобы красота дисциплины вытекала из ее сущности.

Во всяком случае, в последнее время я имел уже у себя довольно сложную распланировку такой эстетической стороны дисциплины. Для примера приведу несколько приемов, которыми я пользовался уже не для воспитания дисциплины, а для проверки и поддержания эстетичности.

Например, опоздал завтрак. Дали сигнал на завтрак по вине кухни, или по вине дежурного, или по вине кого-нибудь из воспитанников, которые проспали, на 10 минут позднее. Возникает вопрос: как же поступить дальше — задержать ли сигнал на работу на 10 минут, задержать ли работу или поступиться завтраком? Вопрос на практике бывает очень тяжелый.

У меня было много наемного персонала: инженеры, мастера, инструкторы — до 200 человек персонала, который также дорожит своим временем. Они пришли в 8 часов на работу, и в 8 часов я должен дать гудок. А тут завтрак запоздал на 10 минут, коммунары не выходят, и получается, что я должен задержать рабочих, инженеров. Многие живут за городом, опаздывают на поезд и т. д. И вообще тут закон точности.

Я не сомневался ни разу за последние годы, как поступить, и у ребят также не было сомнения. Опоздал завтрак. Я даю гудок ровно в 8 часов. Многие ребята бегут, некоторые еще только начинают завтракать. Я прихожу в столовую и говорю: «Завтрак окончен». Я прекрасно понимаю, что я их оставляю без завтрака, и прекрасно знаю, что и физически это нехорошо, и как хотите. Но тем не менее у меня ни разу сомнения не было. Если бы я поступил так с коллективом, не чувствующим красоты дисциплины, мне бы кто-нибудь сказал:

— Что́ же, мы голодные будем?

Мне никто никогда не говорил таких вещей. Все прекрасно понимают, что нужно так поступить, и то, что я могу войти и потребовать, показывает, что я доверяю коллективу, требуя, чтобы он не завтракал.

Как-то стали обращаться ко мне дежурные, говоря, что ребята задерживаются в спальне и не спешат приходить в столовую, опаздывают на завтрак. Я никогда не поднимал по этому поводу никаких теоретических рассуждений и никому ничего не говорил. Я просто подходил к столовой на другой день и начинал разговаривать с кем-нибудь, рядом стоящим, по совершенно другому делу, и все опаздывавшие 100—150 человек, обычно старшие воспитанники, спускаясь с лестницы, не заворачивали в столовую, а прямо на завод. «Здравствуйте, Антон Семенович!» И никто не покажет вида, что опоздал на завтрак. А вечером только иногда скажет:

— Ну и проморили вы нас сегодня!

На этой основе я мог проделывать такие упражнения. Ждут картину

«Броненосец Потемкин». Привезли картину, все расселись в зале. Идет третья часть. Я говорю:

— Четвертый, второй, третий отряды, выйдите из зала.

— Что такое?

— Я получил сведения, что какие-то подозрительные личности ходят вокруг коммуны. Проверьте.

— Есть, проверить.

Они не знают, ходят или не ходят подозрительные личности, допускают, что это проба, но если кто-нибудь скажет, что это проба, то другие его взгреют. Пойдут, проверят, возвратятся; пропустили часть любимой картины, и никто ничего не скажет, что пропустили любимую картину, а идут и смотрят дальше.

Это такое упражнение. Таких упражнений может быть много. Всегда, в частности, известно, какой отряд в коллективе лучший. У нас была традиция: лучшему отряду поручать самую тяжелую и неприятную работу при распределении уборки. А уборка — это довольно напряженное дело, так как в коммуне каждый день несколько делегаций бывало и коммуну нужно было держать в лоске, доводить до полного блеска.

— Какой лучший у нас отряд?

— Шестой.

Значит, самую неприятную уборку производит шестой отряд за то, что он самый лучший. За это ты и совершай самую неприятную работу. И это было у нас вполне естественной логикой. Это самый лучший отряд, и ему поручается самая тяжелая работа.

Или в походах очень часто бывало тяжелое положение, требующее физического напряжения, быстроты, энергии. Какой отряд посылается? Самый лучший, и этот лучший отряд гордился этим. Трудно представить, что это лучший отряд, и я бы постеснялся поручить ему лишнюю нагрузку, внеочередное задание. Но именно ему я это поручаю без всякого сомнения, без всяких слов потому, что он лучший, и он это доверие чувствует. Он чувствует в этом особую красоту, эстетичность.

Эта эстетичность будет последней филигранной работой дисциплинированности. И не каждый коллектив придет к ней, но если коллектив пришел к ней, и если логика такова, что чем выше ты стоишь, тем больше от тебя требуется, если эта логика делается настоящей, живой логикой, это значит, вопросы дисциплинированности и воспитания доведены до известного удовлетворительного предела.

Наконец, последнее теоретическое общее положение о дисциплине, которое я считал необходимым своим воспитанникам предлагать как можно чаще в простой форме, доступной для детского понимания: если человеку нужно сделать что-нибудь для себя приятное, он всегда сделает это и без дисциплины; дисциплина именно тогда, когда человек делает и неприятное для себя с удовольствием. Это очень важное дисциплинарное положение. Его также нужно отметить и подчеркивать как можно чаще, при всяком случае. Вот коротко та общая теория поведения, мораль, которую необходимо детям предъявлять как определенное знание, о котором нужно всегда говорить, подчеркивать и добиваться понимания этих теорем и положений. Только таким образом, при таком общем теоретизировании дисциплина будет получаться сознательной.

Во всех этих теоремах и аксиомах дисциплины нужно всегда подчеркивать главное и основное — это политическое значение дисциплины. Здесь наша советская действительность дает очень много блестящих примеров. Наибольшие достижения, самые славные страницы нашей истории связаны с великолепным блеском дисциплины. Вспомните наши арктические походы, папанинскую группу, все подвиги Героев Советского Союза, возьмите историю колхозного движения, возьмите историю нашей индустриализации — здесь и в художественной литературе вы увидите блестящие примеры, которые вы можете предъявить нашим воспитанникам как пример советской дисциплины, основанной именно на этих принципах дисциплины.

Все-таки я уже сказал, что такая сознательность, такая теория поведения должны сопровождать дисциплину, должны идти параллельно с дисциплиной, а не быть основанием дисциплины.

Что же является основанием дисциплины?

Говоря просто, чтобы не зарываться в глубь психологических изысканий, основанием дисциплины является требование без теории. Если бы кто-нибудь спросил, как бы я мог в краткой формуле определить сущность моего педагогического опыта, я бы ответил, что как можно больше требования к человеку и как можно больше уважения к нему. Я убежден, что эта формула есть формула вообще советской дисциплины, есть формула вообще нашего общества. От буржуазного общества наше общество отличается именно тем, что мы к человеку предъявляем гораздо большие требования, чем буржуазное общество, и наши требования шире по объему. В буржуазном обществе можно открыть лавочку, можно эксплуатировать, спекулировать, быть рантье и жить на проценты. Там предъявляется гораздо меньше требований, чем у нас.

У нас к личности предъявляются глубокие, основательные и общие требования[10], но с другой стороны, мы оказываем личности необыкновенно большое, принципиально отличное уважение. Это соединение требований к личности и уважения к ней не две разные вещи, а одно и то же. И наши требования, предъявляемые к личности, выражают и уважение к ее силам и возможностям, и в нашем уважении предъявляются в то же самое время и требования наши к личности. Это уважение не к чему-то внешнему, вне общества стоящему, к приятному и красивому. Это уважение к товарищам, участвовавшим в нашем общем труде, в нашей общей работе, это уважение к деятелю.

Не может быть, конечно, ни создан коллектив, ни создана дисциплина коллектива, если не будет требований к личности. Я являюсь сторонником требования последовательного, крайнего, определенного, без поправок и без смягчения.

Кто из вас читал мою книгу «Педагогическая поэма», тот знает, что я начал с таких требований, тот знает историю с побоями воспитанника Задорова. Эти побои показали, во-первых, плохую мою подготовленность как воспитателя, плохую мою вооруженность педагогической техникой и плохое состояние нервов, отчаяние. Но это не было наказание. Это также было требование.

В первые годы моей работы я доводил требования до предела, до насилия, но никогда не наказывал моих воспитанников за проступки,

никогда не наказывал так жестоко и таким крайним образом. То мое преступление, которое я описал, было не наказанием, а требованием.

Я не рекомендую вам повторять мой опыт, потому что сейчас не 1920, а 1938 год и потому что едва ли кто-нибудь из вас, из товарищей, которыми вы руководите, окажется в таком тяжелейшем, одиноком, затрудненном положении, в каком оказался я. Но я утверждаю, что не может быть воспитания, если нет требования. Требование не может быть половинчатым. Оно должно быть большевистски предельным, доведенным до возможного предела.

Эта организация требования, конечно, очень трудная вещь, но она вовсе не требует воли, как многие думают. Я лично человек вовсе не волевой, и никогда не отличался такими достоинствами сильной личности. Вовсе нет. Обыкновенный интеллигент, обыкновенный учитель. Я был только убежден в том, что играть и кокетничать моей интеллигентностью я не имею права, и кокетничание своей интеллигентностью у воспитателя часто происходит от незнания той линии, которую нужно утвердить. Я убежден, что эта линия, которую нужно утвердить, есть требование.

Конечно, это требование должно развиваться. Но я уверен, что пути тут всегда одинаковы. Если вы хотите взять коллектив детей недисциплинированных или дисциплинированных только с внешней стороны, не начинайте никаких споров. Вам нужно будет начинать с ваших индивидуальных единоличных требований.

Очень часто бывает, и в большинстве случаев даже бывает так, что достаточно просто выразить решительное, неломающееся, негнущееся требование, чтобы дети вам уступили и поступили так, как вы хотите. Тут есть некоторая доля внушаемости и некоторая доля сознания того, что вы правы. Все в дальнейшем будет зависеть от вашего интеллекта. Нельзя предъявлять грубые требования, нелогические, смешные, не связанные с требованиями коллектива.

Я боюсь, что я буду не логичен. Для себя лично я создал такую теорему. Там, где я не уверен, можно ли потребовать чего-либо, правильно или неправильно, я делал вид, что я ничего не вижу. Я ожидал случая, когда и для меня становилось очевидным, и для всякого человека со здравым смыслом становилось ясно, что я прав. В таком случае я и предъявлял до конца диктаторские требования, и так как они казались лучше от такой очевидной правды, я действовал смелее, и ребята понимали, что я прав, и легко мне уступали.

Я считаю, что такая логика требований на первых порах должна быть законом. Тот воспитатель, который дает простор своей воле и обращается в самодура в глазах коллектива, требует того, чего коллектив не понимает, тот победы не одержит.

Я от своего первого коллектива не требовал, чтобы они не крали. Я понимал, что на первых порах не могу убедить их ни в чем. Но я требовал, чтобы они вставали, когда нужно, выполняли то, что нужно. Но они воровали, и на это воровство я смотрел до поры до времени сквозь пальцы.

Во всяком случае, без искреннего, открытого, убежденного, горячего и решительного требования нельзя начинать воспитание коллектива, и тот,

кто думает начать с колеблющихся, подмазывающихся уговариваний, тот делает ошибку.

Наряду с требованием должно идти и развитие теории морали, но оно ни в коем случае не должно подменять требования. Там, где вы нашли случай теоретизировать, рассказать детям, что нужно сделать, там вы должны это сделать. Но там, где вы должны потребовать, вы никаких теорий не должны разводить, а должны требовать и добиваться выполнения ваших требований.

В частности, я был во многих школах, большей частью киевских. Что меня поражало в детских школьных коллективах, так это страшная крикливость, егозливость, несерьезность, истеричность детей, беготня по лестницам, разбивание стекол, носов, голов и т. д.

Я не выношу этого крика. У меня нервы здоровые настолько, что я мог писать «Педагогическую поэму» в окружении ребят, в толпе. Разговоры мне не мешали. Но я считаю, что крик и визг, беготня не нужны детям.

А вместе с тем я встречал такие рассуждения педагогов: ребенок должен бегать, должен кричать, в этом проявляется его натура.

Я возражаю против этой теории. Ребенку это совсем не нужно. Как раз этот общий крик в школе только расстраивал все время нервы, больше никакой пользы не приносил. Наоборот, я на своем опыте убедился, что в детском коллективе можно с успехом проводить движение упорядоченное, с торможением, с уважением к соседу, к имуществу, к дверям, к окнам и т. д.

В коммуне вы не могли бы встретить такой галдеж. Я добился полного порядка в движении на улице, на площадке, в здании. Я требовал полного упорядочения движения.

Потребовать такую вещь в наших школах совсем не трудно. Если бы я получил сейчас школу, я поставил бы себя в положение организатора. Я всех собрал бы, сказал, чтобы больше этого я не видел. Никаких доказательств, никаких теорий! Потом я поднес бы им теорию, а тут теория могла бы только повредить. Я бы приступил в решительной форме — чтобы я больше этого не видел! Чтобы я не видел ни одного кричащего ученика в школе.

Такое требование, высказанное в форме, не допускающей возражений, необходимо на первых порах в каждом коллективе. Я не представляю себе, чтобы можно было дисциплинировать разболтанный, изнервничавшийся коллектив без такого холодного тона требования отдельного организатора. А дальше это идет гораздо легче.

Вторая стадия развития этого требования, когда на вашу сторону перешли первый, второй, третий, четвертый активисты, когда около вас организуется группа мальчиков или девочек, которые сознательно хотят поддержать дисциплину.

Я спешил с этим. Я не глядел на то, что эти мальчики или девочки имеют также много недостатков, старался скорее набрать такую группу активистов, которые поддерживали мои требования своими требованиями, высказываемыми на общих собраниях, в своей группе, своим мнением. Это вторая стадия развития требования, когда около меня образовалось такое ядро.

И наконец, третья стадия развития этого требования, когда требует коллектив. Это — тот результат, который вознаграждает вас за нервный

труд первого периода. Когда требует коллектив, когда коллектив сбился в известном тоне и стиле, работа воспитателя становится математически точной, организованной работой.

В последние 5 лет в коммуне им. Дзержинского я уже ничего не требовал. Напротив, я выступал уже как тормоз для требований коллектива, так как обычно коллектив разгоняется и требует часто очень многого от отдельной личности.

Вот тут-то, когда уже требует коллектив, тут для вас и будет простор для развертывания теории морали. Тут каждый понимает, что требования морали, политической морали и нравственной — основные, и общий итог требований, когда каждый воспитанник требует от себя и больше всего интересуется своим поведением.

Этот путь от диктаторского требования организатора до свободного требования каждой личности от себя на фоне требований коллектива, этот путь я считаю основным путем в развитии советского детского коллектива. Я убежден, что тут не может быть постоянных форм. Один коллектив может стоять на первой стадии развития, и там нужно иметь фигуру диктатора-воспитателя, и как можно скорее этот коллектив должен переходить к форме свободного коллективного требования и к требованию свободной личности к самой себе.

Конечно, нельзя ограничиваться только одним требованием. Требование — необходимый элемент дисциплинирования коллектива, но не единственный. Впрочем, все остальные элементы здесь также по существу будут требованиями, но высказанными не в такой решительной форме. Кроме требования, есть привлечение и понуждение. Эти две формы есть выражение как бы в слабой форме требования. И наконец, более сильная форма, чем обыкновенное требование, это угроза.

Я считаю, что эти формы должны употребляться в нашей практике.

Что такое привлечение? Оно тоже должно испытывать некоторое развитие. Одно дело — привлечение подарком, наградой, премией или какими-нибудь благами для отдельной личности, и другое дело — привлечение эстетикой поступка, его красивой внутренней сущностью.

То же самое понуждение. В первом случае понуждение может быть высказано в более примитивной форме, в форме доказательства или убеждения. В более совершенном случае понуждение высказывается намеком, улыбкой, юмором. Оно — что-то ценное и видное для детей.

То же самое угроза. Если в начале развития коллектива вы можете угрожать наказаниями, неприятностью, то в конце развития коллектива — это уже не нужно. Такой угрозы в развитом коллективе нельзя допускать, и в коммуне им. Дзержинского я не позволял себе угрожать: я то-то сделаю с тобой! Это было бы ошибочным с моей стороны. Я угрожал осуждением, что поставлю вопрос на общем собрании, причем на общем собрании самым страшным являлось это осуждение.

Понуждение, привлечение и угроза могут иметь самые различные формы в развитии коллектива. В коммуне им. Дзержинского в последние годы, когда премировались воспитанники за отдельные достижения на производственном, нравственном или бытовом участке, была такая лестница в премиях — подарок, денежная премия и самая высокая награда — благодарность в приказе перед строем, и за эту благодар-

ность в приказе перед строем, которая не сопровождалась никакими подарками, никакими материальными удовольствиями, за нее дрались самые лучшие отряды. За что дрались? За то, что специально в этот день все по приказу надевали парадные костюмы с белыми воротниками и вензелями и по приказу на площадке строилась вся коммуна в военно-строевом порядке. Выходит оркестр, приходят все преподаватели, инженеры, инструкторы, становятся отдельной шеренгой. Дается команда: «Смирно!» Выносится знамя, оркестр играет салют, и после этого выхожу я и тот, кому выносится благодарность, и читается приказ:

«На основе постановления общего собрания коммуны за то-то и за то-то такому-то выражается благодарность».

Это высшая награда. И такая благодарность записывалась в дневник отряда, в дневник коммуны и на красную доску, что такой-то отряд или такое-то лицо в строю такого-то числа получили благодарность.

Это высшая награда, которая возможна в богатом чувствами, нравственными достоинствами и уважением к себе коллективе. Но к этому нужно стремиться, а начинать с этого нельзя. Начинать нужно с привлечения более примитивного типа, с некоторых материальных и других удовольствий в каждом отдельном случае, например театр и т. д. Хороший воспитатель, конечно, для каждого случая найдет очень много нюансов, мелких движений, когда он сможет применить и привлечение, и понуждение, и угрозу, и требование.

Вопрос — что требовать? Здесь я предложил бы такую формулу, которая даже, пожалуй, не развивается, а должна быть всегда одна и та же. Прежде всего, единственное, чего нужно требовать, — это подчинения коллективу... Коммунары меня этому научили. Они, развивая свой коллектив, пришли к очень интересной форме.

В последние годы мы не наказывали за воровство. Для меня это явилось также несколько неожиданным. Я натолкнулся вдруг на такой случай. Один из коммунаров, молодой еще парень, лет 16, украл у товарища 5 рублей из шкафчика...

Его пригласили на общее собрание. Он должен был стать на середину. Среди многих коммунарских традиций у нас была такая старейшая традиция. Зал вроде этого, только больше, и он имеет бесконечный диван под стеной. На этом диване все сидят, а середина свободная, и всякий, кто должен делать отчет перед общим собранием, должен выйти на середину, стать точно под люстрой. Было определенно установлено, существовал такой определенный кодекс, кто должен выходить и кто не должен выходить на середину. Например, если спрашивали кого-нибудь как свидетеля, то он не выходил. Если командир отвечает за отряд, он не выходит на середину, но когда он отвечает лично за себя, он должен выйти на середину, причем я не помню, чтобы разбирались поступки иначе. Отказ выйти на середину рассматривался как отказ подчиниться коллективу. Он мог бы совершить какое-нибудь мелкое преступление, и его отпустили бы с маленьким наказанием, но, если он отказался выйти на середину, его судили бы как нарушителя высшей степени — восставшего против коллектива.

Этот парень вышел на середину. Его спрашивают:

— Крал ты?

— Крал.
— Кто желает высказаться?
На середине полагалось стоять смирно.
Один берет слово. Это тот самый Робеспьер, который всегда требовал выгнать. Берет слово, и вдруг он говорит:
— Что нам с ним делать? Он дикарь. Как же он может не украсть? Слушай, ты еще два раза украдешь!
Всем это понравилось. Все говорят:
— Правильно, он еще два раза украдет. Пустите его с середины.
Тот обиделся:
— Как это я еще два раза украду? Честное слово, не украду!
Робеспьер говорит:
— Ты слушай, что тебе говорят. Ты еще два раза украдешь.
Тот ушел. Приходит ко мне вечером и говорит:
— Черт знает что такое! Даже не наказали, издеваются, говорят, что я еще два раза украду!
Я говорю:
— Ты докажи, что над тобой издевались.
Представьте себе, что прошла неделя и он украл резец из шкафчика соседа, даже не для продажи, замок свинтил и т. д. И вот он опять стоит на середине, и когда председатель ему говорит: «Украл резец?» — все хохочут.
Встает Робеспьер и говорит:
— Я тебе говорил, что ты еще два раза украдешь, ты и украл. Зачем же ты по коммуне ходил и обижался? Ты еще раз украдешь!
Тот ушел. Месяц он держался, а через месяц зашел на кухню и украл пирожок.
Когда он опять стоял на середине, то на него смотрели сочувствующими глазами, радостно. И Робеспьер говорит:
— Ну, в последний раз?
Тот просит слова и говорит:
— Теперь я вижу, что в последний раз.
И его отпустили и оказались правы, больше он не крал.
Так всем понравилась эта история, что сделалось обычаем, когда воровство, так у нас сакраментальная фраза:
— Ты еще два раза украдешь.
Я говорю:
— Что вы придумали! Говорите, что еще два раза украдешь! Ведь у нас в коммуне 450 человек, и каждый по три раза украдет — во что вы коммуну превратите?
Они говорят:
— Не бойтесь.
И действительно, не нужно было бояться, так как это было так убийственно,— такая сила убеждения коллектива, что... прекратилось всякое воровство, и когда один украл, то он на коленях просил не ставить его на середину, никогда не будет больше красть, а то будут говорить, что он еще два раза украдет, а оказывается, что он сам раньше эти слова говорил.
За такое преступление, как мелкое воровство, мы не наказывали. Счи-

талось, что это человек больной, что у него старые привычки, он никак не отвыкнет...

И затем мы не наказывали за грубость, за некоторые хулиганские наклонности, если они проявляются у новенького, недавно к нам пришедшего.

А наказывали вот за что. Например, такой случай. Девочка, старая коммунарка, командир отряда, комсомолка, хорошенькая, живая, одна из ведущих девочек в коммуне, пользующаяся всеобщим уважением, отправилась в отпуск и не вернулась обратно ночевать, а ее подруга позвонила по телефону, что Шура заболела и осталась у нее ночевать.

Дежурный командир, приняв по телефону это сообщение, пришел ко мне и доложил, что вот Шура заболела и осталась ночевать там-то и там-то.

Я испугался. Я сказал бывшему воспитаннику Вершневу, врачу коммуны, поехать туда и посмотреть, в чем дело. Он поехал и никого не застал, ни Шуры, ни ее подруги. А на другой день Шура стала на середину.

С одной стороны, это было девичье смущение, а с другой, было что-то другое. Она говорит:

— Мне захотелось пойти в театр, а я боялась, что мне не разрешат.

И при этом такая застенчивая и приятная улыбка.

Но я вижу — нет. И все коммунары видят — нет. Улыбкой тут не пахнет. Робеспьер, как всегда, предложил ее выгнать из коммуны, так как если каждый командир отряда будет уезжать в город и «заболевать», а мы будем посылать докторов и т. д., и т. п.

Я посмотрел — ну, как...

— Нужно голосовать, — говорит председатель.

Я говорю:

— Вы обалдели. Ведь она у нас столько лет в коммуне, а вы будете ее выгонять...

Робеспьер говорит:

— Да, мы немного перехватили, но нужно дать ей 10 часов ареста.

Так и решили — 10 часов ареста, а затем комсомольская организация за нее взялась. Вечером ее на комсомольском собрании «парили», и партийная организация должна была вмешаться, чтоб ее не выгнали из комсомола, так как говорили, что лучше бы она украла, а то ты комсомолка, командир отряда — и вдруг по телефону звонишь дежурному, что ты заболела, а на самом деле ты не заболела, а куда-то отправилась, ты же солгала; это — преступление.

Такая логика приходит не сразу, а постепенно и развертывается по мере развития коллектива.

Наибольшие требования должны предъявляться в том случае, когда человек выступает против коллектива более или менее сознательно. Там, где поступок происходит от натуры, от характера, от несдержанности, от темноты политической и нравственной, там требование может предъявляться не такое резкое. Там можно рассчитывать на положительное влияние опыта, на постепенное накопление привычек. Но там, где личность сознательно выступает против коллектива, отрицая его требование и его власть, там требования должны быть предъявлены ре-

шительные до конца, до тех пор пока личность не признает, что нужно подчиниться коллективу.

Теперь несколько слов о наказаниях. У нас по отношению к наказаниям выходит не совсем хорошо. С одной стороны, мы уже признали, что наказания бывают и нужными и полезными. Наказание можно допустить, но, с другой стороны, у нас есть такая установка, чисто наша, интеллигентская, главным образом, конечно, педагогов, что наказание допустимо, но лучше обойтись без наказания. Все-таки наказывать можно, но если ты наказываешь, то ты плохой педагог. Тот педагог хорош, который не наказывает.

Я уверен, что такая логика дезорганизует педагога. Нужно установить точно, что такое наказание. Я лично убежден, что наказание не такое большое благо. Но я убежден в следующем: там, где нужно наказывать, там педагог не имеет права не наказывать. Наказание — это не только право, но и обязанность в тех случаях, когда наказание необходимо, т. е. я утверждаю, что педагог может наказывать или не наказывать, но если его совесть, его техническая квалификация, его убеждение говорят, что он должен наказать, он не имеет права отказаться от наказания. Наказание должно быть объявлено такой же естественной, простой и логически вместимой мерой, как и всякая другая мера.

Нужно решительно забыть о христианском отношении к наказанию, наказание — допустимое зло. Взгляд на наказание как на зло, которое допустимо почему-то, в известной мере, я считаю, не соответствует ни логическим, ни теоретическим взглядам. Там, где наказание должно принести пользу, там, где другие меры нельзя применить, там педагог никаких разговоров о зле иметь не должен, а должен чувствовать своим долгом применить наказание. Такое убеждение, такая вера, что наказание есть допустимое зло, превращают педагога в объект упражнения в ханжестве. Никакого ханжества не должно быть. Никакой педагог не должен кокетничать, что вот я — святой человек, обхожусь без наказания.

А что делать тому человеку, который искренне видит, что нужно наказать? Он сидит и тужит: вот какой-то педагог обходится без наказания, и что же скажут обо мне? Скажут, что я педагог второго сорта. Такое ханжество я считаю нужным отбросить. Там, где наказание должно быть применено, где оно может быть применено с пользой, там педагог должен его применить.

Однако это вовсе не значит, что мы утверждаем желательность наказания во всех случаях и всегда.

Что такое наказание? В области наказания я считаю, что как раз советская педагогика имеет возможность найти очень много нового. Все наше общество так устроено: так много уважения у нас к человеку, так много гуманности, что мы имеем возможность прийти к той счастливой норме, какая может быть по вопросу о наказаниях. И эта счастливая норма должна быть такой: наказание должно разрешить и уничтожить отдельный конфликт и не создавать новых конфликтов.

Все зло старого наказания было в том, что наказание, уничтожая один конфликт, создавало другой конфликт, который приходилось разрешать еще более сложным путем. Я утверждаю, что не выработано еще

наказание, уничтожающее до конца конфликт. Ясно, что наказание в одном случае имеет смысл, а в другом случае не имеет смысла.

Каковы же отличия советского наказания от других? Во-первых, ни в коем случае оно не должно иметь в виду причинение страдания. Обычная логика говорит, что я тебя накажу, ты будешь страдать, а другие будут смотреть и думать: «Вот ты страдаешь, и нам нужно воздержаться от этого поступка».

Никакого физического и нравственного страдания не должно быть. В чем же сущность наказания? Сущность наказания в том, что человек переживает то, что он осужден коллективом, зная, что он поступил неправильно, т. е. в наказании нет подавленности, а есть переживание ошибки, есть переживание отрешения от коллектива, хотя бы минимального.

Поэтому и к наказанию нужно прибегать только в том случае, когда вопрос логически ясен, и только в том случае, когда общественное мнение стоит на стороне наказания. Там, где коллектив не на вашей стороне, там, где коллектив вы не перетянули на свою сторону, наказывать нельзя. Там, где ваше решение будет решением, отрицаемым всеми, там наказание производит не полезное, а вредное впечатление; только когда вы чувствуете, что коллектив за вашими плечами и коллектив думает так же, как вы, и осуждает так же, как вы, тогда только можно наказывать.

Это то, что касается сущности наказания.

Теперь, что такое форма наказания?

Я противник каких бы то ни было регламентированных форм. Наказание должно быть чрезвычайно индивидуальным, чрезвычайно приспособленным к отдельной личности, тем не менее и в области наказания могут быть определенные законы и формы, ограничивающие право наказания.

Я в своей практике считал, что прежде всего наказывать может либо весь коллектив, его общее собрание, либо один человек, уполномоченный коллектива. Я не представляю себе здорового коллектива, где могут наказывать, иметь право наказывать 10 человек.

В коммуне им. Дзержинского, где я руководил и производством, и бытом, и школой, только я один мог наказывать[11]. Это необходимо. Необходимо, чтобы была единая логика наказания и чтобы наказание не было частым.

Во-вторых, в наказании должны быть также известные традиции и норма для того, кто применяет наказание.

В коммуне им. Дзержинского был такой закон. Каждый новенький имел звание воспитанника. Когда он становился всем известным и когда все видели, что он идет вместе с коллективом, не возражая ему, он получал звание коммунара и значок с надписью ФЭД. Этот значок утверждал, что он коммунар.

Воспитанника я мог наказать так — наряд. Это получасовая работа, главным образом на кухне, по уборке, в оранжерее, но не на производстве. Затем лишение отпуска в выходной день, лишение карманных денег, т. е. заработанные карманные деньги не выдавались, а шли в сберкассу на его имя, а получить из сберкассы деньги он не мог без моей подписи. И самое страшное наказание, которое можно было при-

менить, — это увольнение с производства и перевод на хозяйственные работы.

Вот наказания, которые я мог применить и имел право применить только по отношению к воспитанникам.

По отношению к коммунарам я не имел права применять эти наказания. Там было только одно наказание — арест. Воспитанник же не мог быть арестован. Арест — это единственная форма наказания, которую я мог применить к коммунару... Но если он коммунар, он имел значок и потерял значок, то я не имел права его арестовать. Я никогда всех на память не знал. Ведь у меня было 500 человек. Но говорили так:

«Потерял значок, — не теряй».

Обычно старших воспитанников я знал всех. Так вот по отношению к коммунару арест — это единственная форма.

Эта система имела огромное значение. Каждый старался как можно скорее получить звание коммунара. Тогда он получал такую привилегию — быть арестованным. А я арестами не стеснялся. За мелочь, за маленький проступок, за то, что пуговица не застегнута, — час ареста. Я не имел права садиться или сидеть, наказывая коммунара. Я должен был встать и сказать:

— Такой-то, получай час ареста.

И он говорил:

— Есть, час ареста.

И я мог до 10 часов наказывать. Что это значит?

В выходной день он обязательно отдает пояс дежурному командиру, приходит ко мне в кабинет и говорит:

— Я прибыл под арест.

А раз он прибыл, я не мог его отпустить, так как в 1933 г. меня общее собрание лишило права прощать. Сегодня я прощу, а завтра накажу, какой же порядок. Поэтому я прощать не мог, и он имел право сидеть и заниматься в моем кабинете. Разговаривать с ним мог только я, больше никто не имел права с ним говорить, причем тут нельзя было говорить о его проступке. Это считалось дурным тоном, это считалось вульгарным, если бы я заговорил с ним о его проступке. Он сидит под арестом, он «отдувается», и разговаривать об этом было в высшей степени неприлично.

Обычно мы разговаривали о коммунарских делах, о производстве и т. д. Я не имел права напоминать ему, что он арестован, и не имел права смотреть на часы, сколько он просидел, и считалось, что он сам должен был организовать свой арест. И то, что это поручалось ему самому, меня очень устраивало.

Вы не знаете, что это такое — арест. Просидеть в течение целого выходного дня у меня в кабинете, разговаривать со мной.

Попробуйте-ка даром наказать. Никто ни за что не сядет, а ведь это приятный арест. На общее собрание пойдет, обжалует. Считалось, что это нарушение его личного права.

Девочки относились к аресту с каким-то ужасом, сесть под арест — это значило быть опозоренной перед всей коммуной. Поэтому девочки-коммунарки, имеющие значок, обычно никогда не попадали под арест. Не допускалось такого случая, чтобы девочка попала под арест.

Когда я одну хорошенькую, умненькую девочку, командира отряда, посадил под арест на 2 часа, она все 2 часа плакала у меня в кабинете: как теперь появится перед общим собранием. Теперь она драматическая актриса харьковского театра.

Арест — это применение той теоремы, о которой я говорил: как можно больше требования к человеку и как можно больше к нему уважения, и арест был делом священным.

Когда я был срочно, в течение одного часа, откомандирован по телеграмме из Киева из коммуны им. Дзержинского и должен был уехать в Киев, я имел только полчаса в своем распоряжении, чтобы проститься с коллективом, с которым я провел 8 лет. Конечно, говорить тут было невозможно, и мне, и им было трудно. Девочки плакали, состояние было нервного потрясения, и все же рефлекс сыграл свою роль. Я прервал прощальную речь, увидев, что рояль в пыли, и говорю:

— Кто дежурит по театру?

— Первый отряд.

— Командиру первого отряда пять часов ареста.

Командир первого отряда — мой давний соратник. Все 8 лет мы с ним вместе провели. Но почему пыль? Он недосмотрел — и вот получай 5 часов ареста.

Я уехал, а через 2 месяца приехал с ревизией, и командир первого отряда является в кабинет:

— Прибыл под арест.

— Почему?

— За пыль на рояле.

— А почему ты не отсидел до сих пор?

— А я хотел отсидеть, когда вы приедете.

И я должен был сидеть из-за него 5 часов, пока он кончит арест.

Это то, что относится к форме наказания.

Там, где коллектив объединен в общем тоне, в стиле доверия, там наказание может быть очень оригинальным и интересным, если накладывается общим собранием.

На общем собрании коммунаров был такой случай: старший комсомолец выругал инструктора. Он был прав, но выругал неприлично. Общее собрание постановило: «Пионеру Киренко (самому маленькому) объяснить комсомольцу такому-то, как нужно поступать в таких случаях».

Серьезное постановление. И после этого дежурный командир приглашает Киренко и этого комсомольца и говорит:

— Садись и слушай.

И тот объяснил, причем пионер сознательно выполнил свои обязанности, а тот сознательно слушал.

На собрании дежурный командир доложил:

— Постановление общего собрания Киренко выполнил.

— Ты понял, что тебе говорил Киренко?

— Понял.

— Иди.

И все кончено.

Другое постановление: гулял с девочкой-коммунаркой один комму-

нар, увидел, что в публике драка. Он не удержался и также вступил в драку. Дело кончилось скандалом.

Постановили:

«В следующий выходной день такого-то числа в 3 часа 5 минут такому-то подумать над своим поступком и доложить об этом командиру».

Поневоле будешь думать. Ведь нужно же будет сказать, что надумал. И вот заставили человека целую неделю думать. И в конце концов он придумал, пришел и доложил.

Такое наказание является не наказанием, а толчком, где коллектив шутя, играючи показывает свои силы. Но, конечно, главным в моей практике было не наказание, а беседы индивидуального характера.

Лекция третья

Педагогика индивидуального действия

Сегодня я рассчитывал предложить вам вопрос об индивидуальном влиянии, о педагогике индивидуального действия. Переход от коллективного воздействия, от организации коллектива к личности, к организации личности особым способом мною в первые годы моего опыта был понят ошибочно. Я полагал, что нужно иметь в виду воздействие на целый коллектив, во-первых, и воздействие на отдельную личность как корректив к развитию коллектива, во-вторых[12].

В развитии моего опыта я пришел к глубокому убеждению, которое было подтверждено потом практикой, что непосредственного перехода от целого коллектива к личности нет, а есть только переход через посредство первичного коллектива, специально организованного в педагогических целях.

Мне кажется, что будущая теория педагогики особое внимание уделит теории первичного коллектива. Что же нужно разуметь под этим первичным коллективом?

Первичным коллективом нужно называть такой коллектив, в котором отдельные его члены оказываются в постоянном деловом, дружеском, бытовом и идеологическом объединении. Это тот коллектив, который одно время наша педагогическая теория предлагала назвать контактным коллективом.

В школах наших такие коллективы, естественно, существуют: это класс, и недостаток его в нашей школе, пожалуй, заключается только в том, что он не играет роли первичного коллектива, т. е. связующего звена между личностью и целым коллективом, а очень часто является и последним коллективом. В некоторых школах мне приходилось наблюдать, что класс завершает коллектив школы, и целого коллектива школы иногда и не наблюдается.

У меня были условия более благоприятные, так как у меня была коммуна с общежитием, с производством, и мои коммунары имели много логических и практических оснований интересоваться делами общего коллектива и жить интересами общего коллектива. Но зато у меня не

было такого естественного первичного коллектива, каким является класс. Я его должен был создать. В дальнейшем у меня развернулась десятилетка, и я бы мог основываться на первичном коллективе типа класса. Но я не пошел по этому пути вот почему. Класс объединяет детей в постоянной дневной работе, и соблазн воспользоваться этим обстоятельством приводил к тому, что такой первичный коллектив отходил от интересов общего коллектива. Слишком много, слишком солидные основания для того, чтобы уединиться от общего коллектива в границах отдельных классных интересов. Поэтому в последние годы я отказался от построения первичного коллектива по признаку класса и даже от построения первичного коллектива по признаку производственной бригады. Моя попытка организовать коммуну в виде таких первичных коллективов, объединенных такими сильными скрепами, как скрепы класса и производства, приводила к печальным результатам. Такой первичный коллектив, объединенный в своих границах, всегда имеет тенденцию отойти от интересов общего коллектива, уединиться в своих интересах первичного коллектива. В таких случаях первичный коллектив теряет свою ценность как первичный коллектив и становится поглощающим интересы общего коллектива, и переход к интересам общего коллектива оказывается затруднительным.

Я пришел к этому через ошибки, и ошибки эти сказывались на моей воспитательной работе. Я поэтому имею право говорить, что и многие школы, слишком ограничивающие свои интересы интересами первичного коллектива, приходят к тем же воспитательным результатам.

Коллективное воспитание не может проводиться только через первичный (контактный) коллектив, ибо в таком коллективе, в котором дети объединены постоянным бытовым содружеством, когда они в течение дня видят друг друга, появляется семейственность и получается тот род воспитания, который нельзя назвать вполне советским воспитанием. Только через большой коллектив, интересы которого вытекают не из простого общения, а из более глубокого социального синтеза, возможен переход к широкому политическому воспитанию, когда под коллективом подразумевается целое советское общество.

Опасность замыкания ребят в коллектив дружеский есть опасность группового, а не широкого политического воспитания...

В моем опыте я пришел к такой организации, что первичный коллектив не покрывал ни классных, школьных интересов, ни производственных интересов, а являлся такой ячейкой, в которой и школьные и производственные интересы приходили от разных групп. Вот почему я в последнее время остановился на отряде, в который входили и школьники разных классов, и работники разных производственных бригад.

Я очень хорошо понимаю, что для вас логика такого строения недостаточно убедительна. Я не имею времени развивать ее подробно, но вкратце укажу на некоторые обстоятельства. Например, меня интересовало практически, и я исследовал в статистике, в движении, в поведении такой вопрос. Возьмем вопрос возраста. Я в первое время работы тоже был сторонником строения первичного коллектива по возрастному принципу. Это вытекало отчасти из школьных интересов. Но потом я увидел, что это ошибка.

Малыши, обособленные от старшего возраста, попадают, казалось бы, в наиболее правильное и естественное положение. В таком возрасте (ребята 11—12 лет) должны находиться в одном коллективе, иметь свои интересы, свои органы, и мне казалось, что это наиболее правильная педагогическая точка зрения. К этому меня приводило и некоторое влияние педагогической литературы, которая считала, что возраст является одним из определяющих начал в воспитании.

Но я увидел, что малыши, обособленные от других возрастов, попадают в искусственное состояние. В таком коллективе не было постоянного влияния более старшего возраста, не получалось преемственности поколений, не получалось морального и эстетического импульса, который исходит от старших братьев, от людей более опытных и организованных и, главное, от людей, которые в известном смысле составляют образец для малышей.

Когда я попробовал в качестве опыта объединить разные возрасты, малышей и более взрослых, у меня получилось лучше. Я на этой форме и остановился. Мой отряд в последние 7—8 лет состоял обязательно из самых старших, наиболее опытных, политически развитых и грамотных комсомольцев и из самых маленьких моих коммунаров, включая и некоторые средние возрасты. Такой коллектив, составленный по типу различных возрастов, приносил мне гораздо больший воспитательный эффект, это во-первых, а во-вторых, в моих руках получался коллектив более подвижный и точный, которым я мог легко руководить[13].

Коллектив, составленный из ребят одного возраста, всегда имеет тенденцию замыкаться в интересах данного возраста и уходить и от меня, руководителя, и от общего коллектива. Если все малыши увлекаются, допустим, коньками в зимнее время, то это коньковое увлечение, естественно, их замыкает в чем-то отдельном, обособленном. Но если у меня составлен коллектив из разных возрастов, то там типы увлечений разные, жизнь первичного коллектива организуется более сложно, требует больше усилий от отдельных его членов, и старших, и молодых, предъявляет к тем и другим большие требования, следовательно, и дает больший воспитательный эффект.

Такой коллектив, составленный из разных возрастов, я организовывал в последнее время по принципу «кто с кем хочет». Сначала я сам испугался этого принципа, а потом увидел, что это наиболее естественная и здоровая постановка, при том условии, что в таком естественном первичном коллективе у меня будут представители разных групп и разных школьных бригад.

В последние годы я окончательно пришел к такой именно организации первичного коллектива.

В отряде 10—12 человек, добровольно объединившихся. Это объединение складывалось, конечно, постепенно. Но всегда в общекоммунарском коллективе оставались мальчики, с которыми никто не хотел добровольно объединиться. Для меня это было удобно, я сразу видел, кто является элементом, с трудом втягивающимся в общий коллектив. На 500 человек таких мальчиков набиралось 15—20, которых ни один отряд в своем составе иметь не желал по добровольному принципу. Девочек, с которыми не желали объединяться в первичном коллективе, бывало мень-

ше. Их приходилось на 150 человек три-четыре, несмотря на то, что обычно у девочек отношения менее дружественные, чем у мальчиков. Происходила такая разница потому, что мальчики были как-то принципиальнее девочек и иногда поэтому впадали в различные загибы, не желая брать такого-то: «Он нам будет портить коньки, обижать малышей». Девочки были более оптимистичны в своих надеждах на воспитание, более ласковы и скорее соглашались принять в свой коллектив лицо, относительно которого есть некоторые сомнения.

Что я делал в таких случаях? Я приводил их на общее собрание и говорил:

— Вот вам 15 человек, которых ни один отряд не хочет брать. Вот Земляной. Он хотел быть в первом отряде, первый отряд от него отказался. Он хотел быть во втором отряде, второй отряд отказался. Он хотел быть в пятнадцатом отряде, пятнадцатый отряд отказался. Как поступить?

Обычно прения идут по такому пути. Поднимается представитель какого-нибудь отряда и говорит:

— С какой стати первый отряд отказывается его брать, второй также, пятнадцатый также. Почему они не берут? Они должны дать объяснение.

Объяснение дается кратко.

— Если вы так говорите, то возьмите в свой четырнадцатый отряд. Отвечайте за него и возитесь с ним.

В таком случае находятся аргументы такого порядка:

— Мы с ним дела не имели. Он был у вас. Он корешок такого-то. Ты хвастался, что с ним что-то сделаешь!

И выясняется, что ни один отряд не желает его брать.

Это был мой педагогический «хлеб». Что я с ними делал? Естественно, что и отряд, который не желает его брать, переживает положение трудное и неприятное, тем более что никто никаких обвинений не предъявляет, а просто говорят — пусть другой отряд возьмет, а он стоит как человек, которого коллектив не принимает.

Он начинает убеждать и клясться, обещать всякие блага и подвиги в дальнейшем. Но нужно как-то кончать. И тогда обычно руководящие лица, члены комсомольского бюро, командиры начинают высказываться, в какой отряд его лучше всего поместить. Обычно такие разговоры кончаются ничем.

Переходят к Иванову, Романченко, Петренко и стараются распределить 15 человек между всеми отрядами по одному.

И тогда начинается другой процесс. Каждый из 15 отрядов хочет из этих 15 получить более сносного. Тогда делается перерыв, и после перерыва командир какого-нибудь отряда говорит:

— Я возьму такого-то.

Самый сносный является уже приманкой для остальных, и получается, что тот самый Земляной, которого никто не хотел брать, сейчас делается объектом аппетита всех отрядов, так как есть еще Петренко и Шаповалов, которые хуже Земляного...

Получает первый отряд. Тогда мы говорим:

— Вы за него ручаетесь. Вы его выпросили, вы за него отвечаете.

Затем переходим ко второму. Второй является также лучшим из оставшихся 14, и за него снова идет борьба. И так идет дальше, пока не остаются двое: Воскобойников и Шаповалов. Из этих двух каждый отряд старается схватить наименее вредного.

Этот процесс распределения давал возможность мне видеть всех. Они образовывали для меня особое общество, которое я заносил на особый лист, и этот лист у меня был под рукой каждый день, и я знал, что эти 15 составляют мой наиболее опасный состав. Хотя преступлений за ними не водилось, но для меня важно было указание коллектива, что таких-то не хотят брать в коллектив.

Ребята, составляя отряд, очень хорошо чувствуют глубинную сущность Петренко, и если они не желают его брать, значит, он заслуживает моего особого внимания.

Затем я выигрывал в том отношении, что отряд, выбравший Петренко, естественно, за него отвечает.

Так составлялся первичный коллектив. Тут, конечно, нужна была еще очень сложная инструментовка, чтобы такой первичный коллектив приносил наибольшую пользу. Она заключалась в тоне и стиле организации отряда.

Что такое первичный коллектив — отряд? В нашей практике в колонии им. Горького и в коммуне им. Дзержинского мы пришли к такому положению. Я, как центр коммуны, и все коммунарские органы, и комсомольское бюро, и совет командиров, и общее собрание обычно старались дела с отдельными личностями не иметь. Это формально. Мне очень трудно вам эту логику доказывать. Я называю эту логику логикой параллельного педагогического действия. Мне очень трудно объяснить, так как я никогда не писал об этом, поэтому не искал и не находил формулировок.

Что такое параллельное педагогическое действие?

Мы имеем дело только с отрядом. Мы с личностью не имеем дела. Такова официальная формулировка. В сущности, это есть форма воздействия именно на личность, но формулировка идет параллельно сущности[14]. На самом деле мы имеем дело с личностью, но утверждаем, что до личности нам нет никакого дела.

Каким образом это получается? Мы не хотели, чтобы каждая отдельная личность чувствовала себя объектом воспитания. Я исходил из тех соображений, что человек 12—15 лет живет, он живет, наслаждается жизнью, получает какую-то радость жизни, у него есть какие-то жизненные впечатления.

Для нас он объект воспитания, а для себя он живой человек, и убеждать его в том, что ты не человек, а только будущий человек, что ты явление педагогическое, а не жизненное, было бы мне невыгодно. Я старался убедить, что я не столько педагог, сколько я тебя учу, чтобы ты был грамотным, чтобы ты работал на производстве, что ты участник производственного процесса, ты гражданин, а я старший, который руководит жизнью при твоей же помощи, при твоем же участии. Меньше всего я старался убедить его, что он только воспитанник, т. е. явление только педагогическое, а не общественное и не личное. На самом деле для меня он явление педагогическое.

Так же и отряд. Мы утверждали, что отряд есть маленькая советская ячейка, которая имеет большие общественные задачи. Она имеет общественные задачи, она старается привести коммуну к возможно лучшему состоянию. Она помогает бывшим коммунарам, она помогает бывшим беспризорным, которые в коммуну приходят и нуждаются в помощи. Отряд — общественный деятель и первичная ячейка общественной работы, жизни.

Чтобы ребенок себя чувствовал прежде всего гражданином, чтобы он чувствовал себя прежде всего человеком, мы с моими сотрудниками-педагогами пришли к убеждению, что прикасаться к личности нужно с особо сложной инструментовкой. В дальнейшей нашей работе это сделалось традицией.

Петренко опоздал на завод. Вечером я получаю об этом рапорт. Я вызываю командира того отряда, в котором находится Петренко, и говорю:

— У тебя опоздание на заводе.

— Да, Петренко опоздал.

— Чтобы этого больше не было.

— Есть, больше не будет.

На второй раз Петренко опять опоздал. Я собираю отряд.

— У вас Петренко опаздывает второй раз на завод.

Я делаю замечание всему отряду. Они говорят, этого не будет.

— Можете идти.

Затем я слежу, что делается. Отряд сам будет воспитывать Петренко и говорить ему:

— Ты опоздал на завод, значит, наш отряд опаздывает!

Отряд будет предъявлять огромные требования к Петренко как к члену своего отряда, как к члену всего коллектива.

Мы довели это требование к отряду до совершенного вида. Например, совет командиров. Туда приходили командиры, избранные общим собранием люди, лица, уполномоченные советом. Но у нас был такой закон: сидят ли в совете командиров командиры или кто-нибудь другой из отряда — это все равно. Мы проверяли, представлены ли в совете все отряды. Есть первый отряд? Есть, но не командир, а другое лицо, так как командир занят, и это лицо имело право участвовать в собрании и иметь голос как командир отряда.

Затем, например: Волков украл, с Волковым ведется и отдельная работа в этом случае, но замечания, известные минусы ставятся не Волкову, а отряду. Отряд отвечает целиком за то, что Волков что-то украл.

И дальше. В отряде в большинстве отличники. Из 12 человек 10 отличников. Отряд выдвигается на первое место. Отряд получает известные преимущества, премию или наслаждение, например несколько походов в оперный театр. Мы имели каждый день несколько билетов в театр. Все равно, идет весь отряд. И отличники идут, и те, которые не имели «отлично», а имели даже плохие отметки. Они пользуются тем, что получил отряд.

Казалось бы, несправедливо, а на самом деле чрезвычайно полезно, так как такой Петя, который среди 10 отличников идет в театр, чувствует себя неловко. Он не заработал, а пользуется и получает то, что заработали его товарищи, и это является для него молчаливым нравствен-

ным обязательством. На следующий месяц он из кожи вылезает, а выйдет в отличники.

Иногда такой Петя приходит и говорит:

— Переведите в другой отряд. Там все отличники, а я не хочу. Они все в театр идут и мне говорят: «Вот билет, что он пропадать, что ли, будет, иди».

Такое авансирование личности через отряд нам очень помогает.

Если в отряде 12 человек, из них 5 хорошо, нормально работают, а 7 тянут отряд вниз до того, что отряд занимает последнее место, то весь отряд отвечает за это.

У нас было 35—45 отрядов. Каждый месяц отряд, получивший по всем показателям лучшее место, объявлялся первым. Каждый месяц отряд, получивший наихудшие показатели, объявляется последним. На диаграмме это известным образом показывалось. Второго числа каждого месяца устраивалось собрание, на котором лучший отряд прошлого месяца в присутствии всего собрания под команду «Встать — смирно!» передавал знамя лучшему отряду этого месяца как победителю. Это специально сделанное, богатое, прекрасное знамя, которое отряд держал у себя в спальне. Или, например, заключалось соревнование по бытовому порядку, или по дисциплине, или еще по чему-нибудь. Итоги подводились каждую шестидневку. Первые лучшие 7 отрядов получали билеты в театр. Мы имели в театры 31 место каждый день. Распределяли так, что лучший отряд получал 7 билетов, следующий 6 билетов, затем 5, затем 4, затем 3, 2 и 1. Значит, первый отряд в течение шестидневки каждый день получал по 7 билетов, второй отряд получал по 6 билетов и т. д. Мы не следили за тем, кому эти билеты даются, ходят ли те, которые тянут отряд вперед или которые тянут отряд назад. Это дело не наше — отряда. Ходили все. Каждый день подавался автобус, и все, имевшие билеты, подходили к автобусу, а дежурный командир проверял: имеет ли он билет, одет ли по форме и имеет ли он рубль, чтобы воспользоваться буфетом. Вот три требования, которые предъявлялись к идущим в театр: билет, костюм и рубль, и никто не спрашивал — ты в отряде последний или первый.

Такое значение имел отряд и во всех других случаях. Например, при распределении уборки. В коммуне не было уборщиков, а здание нужно было содержать в чистоте, так как оно было на большой дороге и у нас бывало много наших и иностранных делегаций. В 1935 г. только «Интурист» чествовал нас за двухсотую делегацию. Это помогало держать коммуну в блестящем виде, но, чтобы держать в чистоте, натирать полы, чистить медные ручки, зеркала, иметь всегда свежие цветы, нужно было производить огромную работу, и эта работа выполнялась не отдельными лицами, не уборщиками, а всеми вместе. Все 500 человек с четверти седьмого до без четверти семь выходили на работу.

Такую работу, чтобы она протекала хорошо, было трудно организовать. Нужно было иметь известный опыт в работе. Организация достигалась тем, что работа распределялась на полгода вперед между отрядами. Менять работу часто нельзя. Один отряд получал щетку, ведро, тряпку, другой получал все, что нужно для чистки и натирки полов, для уборной он получал другие приспособления, для уборки театрального зала он по-

лучал все, что нужно для чистки и натирки полов и уборки пыли. И затем при распределении обязанностей принималось во внимание, какой отряд — хороший или плохой. Например, лучший отряд получал задание привести уборную в порядок, на это требовалось 12 минут, а худший отряд получал театральный зал, который нужно убирать очень долго, и чтобы привести в порядок, надо было всем потеть. Обычно самый плохой отряд получал работу самую чистую, но самую объемистую, причем за плохо произведенную уборку садился под арест только командир отряда. Мы не интересовались, кто не вытер пыль на батарее. Получает арест командир, он получал наказание за то, что делалось в отряде.

Во всех случаях жизни отряд являлся тем местом, с которым я как старший в коммуне имел тесное соприкосновение. Но для меня было трудным делом проверить внимательно психику отряда. И здесь выступает на первый план личность воспитателя, прикрепленного к этому отряду[15]. Об этом мы будем говорить потом.

Я мог бы долго говорить о значении первичного коллектива, но не имею времени. Еще хочу вот что сказать. В школе у нас меньшая возможность звучания такого первичного коллектива. Там должна быть какая-то другая методика. Но тем не менее я убежден в следующем. Во-первых, первичный коллектив не должен оттеснять общий коллектив и заменять его и, во-вторых, первичный коллектив должен быть основным путем прикосновения к отдельной личности. Это общая моя теорема, а более детальный метод — для коммуны один, а для школы должен быть совершенно другой.

Только через такой первичный коллектив официально мы прикасались к индивидуальности. Такова была инструментовка, и на деле мы всегда имели в виду прежде всего отдельного воспитанника.

Как организовал я и мои коллеги работу с отдельными воспитанниками, с отдельной личностью?

Для того чтобы работать с отдельной личностью, нужно ее знать и ее культивировать. Если в моем представлении отдельные личности будут насыпаны, как отдельные горошины, без коллективного масштаба, если я буду подходить к ним без этой коллективной мерки, я с ними не справлюсь.

У меня было 500 личностей. Тут было такое важное обстоятельство. В первый год я как начинающий педагог совершил обычную ошибку. Я обращал внимание на личность, выпадающую из коллектива. У меня был неправильный взгляд, направленный в самые опасные места, и я этими опасными местами занимался. Естественно, моим особым вниманием пользовался тот, кто украл, тот, кто хулиганил, кто идет против коллектива, кто хочет убежать, т. е. то, что выбрасывалось из коллектива, выпадающее. Естественно, что я на этих людей направлял свое особое внимание. Так я делал как человек, убежденный, что он педагог и умеет работать с отдельной личностью, т. е. я каждого вызывал, с каждым разговаривал, убеждал и т. д.

В последние годы я изменил такой тон. Я увидел, что наиболее опасным элементом в моей работе является не тот, который обращает на себя особое внимание, а тот, кто от меня прячется.

Почему я пришел к мысли об этом? Потому, что уже сделал 15 выпу-

сков, и я следил за этими выпущенными и видел, что многие из тех, которых я считал самыми опасными и плохими, в жизни идут активно, по-советски, иногда совершают и ошибки, но в общем они удовлетворяли меня вполне как продукт воспитания. А те, которые прятались от меня и были незаметны в коллективе, в жизни иногда идут совсем как мещане: рано женятся, заводят «семейку», пристраиваются при помощи всяких лазеек на работу, из комсомола выходят, теряют всякую общественную связь, обращаются в серепьких существ, относительно которых нельзя сказать, что они такое или «чем они пахнут». А в некоторых случаях я замечал даже медленное глубокое гниение. Кто хату начинал ставить, кто свиней начинает разводить, на собраниях не бывает, газет не читает, а тот, глядишь, и в мелкую спекуляцию пустился.

Наблюдая такие случаи в первые годы своей работы, я пришел к глубокому убеждению, что именно тот, кто от меня прячется и старается не попадаться на глаза, тот является самым опасным объектом, на того я должен обратить особое внимание.

Между прочим, натолкнули меня на это сами коммунары. В некоторых случаях они прямо утверждали, что тот, кто сидит в своем отряде, зубрит, но на собраниях не выступает, не высказывается, в случае пожара также сидит и зубрит или свой радиоприемник чинит, это самый вредный, так как он достаточно умен, достаточно «дипломатичен», чтобы не попадаться на глаза и вести свою тихую линию и выйти в жизнь нетронутым и невоспитанным.

Когда я пришел к известному успеху, когда меня перестали потрясать воровство и хулиганство, я понял, что цель моей воспитательной работы не заключалась в том, чтобы привести в порядок двух-трех воров и хулиганов, а положительная цель моей работы в том, чтобы воспитать определенный тип гражданина, выпустить боевой, активный, жизненный характер, и эта цель может быть достигнута только в том случае, если я воспитаю каждого, а не только приведу в порядок отдельную личность.

Такую ошибку совершают и некоторые педагоги в школе. Есть педагоги в школе, которые считают своей обязанностью возиться с теми, кто либо протестует, либо отстает, а так называемая норма сама идет. Но куда она идет и куда она выходит — это вопрос.

Мне помогли коммунары даже в терминологии. Постоянный анализ коллектива, записанный на листе бумаги, известный всей коммуне, производился не мною, а советом командиров. Все коммунары в моих глазах делились на такие группы: 1) действующий актив, 2) резерв актива.

Действующий актив — это те, которые явно для всех ведут коммуну, которые на каждый вопрос отзываются с чувством, со страстью, с убеждением, с требованиями. В обычном смысле — они коммуну ведут. Но в случае опасности, большой кампании или реагирования на какой-нибудь скандал у них всегда есть резерв, который еще не актив, не командиры, не имеют еще формально официального места, но который приходит к ним на помощь немедленно. Это тот резерв актива, который всегда сменяет действующий актив.

Затем у меня была отмечена группа здорового пассива. Это те, которые не доросли, но в кружках участвуют, и в физкультурной работе,

и в фотокружке, и в стенной газете, но которые идут послушно за более старшими.

У меня было несколько человек гниющего актива. Это получалось так. Он командир, он член комиссии, он член бюро комсомола, но мы видим, я и ребята видим просто по глазам, по походке — и для них, и для меня даже не нужны были факты, — мы видим некоторую тонкую дипломатию— там интрига, там клевета, уклонился от работы, там станок не убрал, а за него убирает какой-нибудь малыш, назавтра опять то же самое; и гниение начинается с пользования привилегиями, с уклонений, с барского тона. Иногда такое гниение доходит до более солидной величины. Смотришь, от него пахнет вином, а к вину у нас было беспощадное отношение. В коммуне был такой закон: за первый случай пьянства — на все четыре стороны! Спросишь его, почему пахнет вином.

— Я был в городе, выпил стакан пива.

Стакан пива — это не страшно, но является подозрение — пиво ли это?

Таков гниющий актив. Мы туда формально не заносили людей, но секретарь комсомольского бюро и два-три человека из комсомольцев знали, что тут начинается какое-то гниение.

Наконец, была группа, которую некоторые коммунары называли красочно — «шпана». Это значит — держи карманы, и все внимание нужно остановить на них. Эти могут и кассу взломать, и залезть на завод, и детали украсть. Обычно это новенькие более старшего возраста. Таких бывало человек 15—20. Они ничего не делали, но все знали, что это «шпана» и если ее выпустить из глаз, то обязательно что-нибудь устроит.

И наконец, термин, подсказанный французской революцией, — «болото». Здесь человек 50, которые кое-как бредут, кое-как выполняют нормы, а чем они живут, что у них в голове и на душе, как они относятся к коммуне, не узнаешь.

Было особенно радостным и приятным наблюдение за этим составом, наблюдение за их движением. Мы видим, что такой-то Петров был у нас в болоте, причем мы говорили ему, что ты у нас в болоте, ты ничего не делаешь, ничем не болеешь, ничем не интересуешься, ты скучный, вялый, тебя ничего не волнует, а отряд дальше его активизирует. Смотришь, он чем-то себя проявил, чем-то заинтересовался, еще раз себя проявил, и вот он уже переходит в резерв актива или в здоровый пассив.

Вся наша задача в том и заключается, чтобы совершенно уничтожить этот элемент «болота» и элемент «шпаны».

Со «шпаной» шел бой в лоб. Там никаких прикрытий не было. «Шпану» брали прямой лобовой атакой. С ней говорили по каждому пустяку, вызывали на общее собрание. Это была работа настойчивости и требований.

Что касается более трудных элементов, т. е. «болота» и гниющего актива, то приходилось вести тут разнообразную индивидуальную работу.

Переходим к индивидуальной работе. Здесь-то и является важнейшим институтом педагогический коллектив. Очень трудно определить работу педагогического коллектива в каких-нибудь точных выражениях. Это, может быть, самый трудный вопрос в нашей педагогике — работа педагогического коллектива. У нас сплошь и рядом и в педагогической

литературе слово «воспитатель» появляется в единственном числе: «воспитатель должен быть таким-то», «воспитатель должен так-то действовать», «воспитатель должен так-то разговаривать».

Я не представляю себе, чтобы педагогика могла рассчитывать на обособленного воспитателя. Конечно, без талантливого воспитателя, способного руководить, обладающего зорким глазом, настойчивостью, обладающего умом, опытом, одним словом, хорошего воспитателя нам трудно. Но в воспитании 35 миллионов наших детей и юношей можем ли мы делать ставку на случайную картину таких воспитателей?

Если делать ставку на отдельного воспитателя, то, значит, идти сознательно на то, что хороший воспитатель будет воспитывать хорошо, а плохой — плохо. Кто подсчитывал, сколько талантливых воспитателей и сколько бесталанных? И затем давайте решим вопрос — воспитатель должен быть сам воспитан. Как он должен быть воспитан, что у него за характер, чем он руководствуется, чем живет? Сколько таких воспитателей, против которых нужно ставить минус, никто не подсчитал...

А мы делаем ставку на воспитателя в единственном числе.

Так как мне в своей жизни приходилось делать ставку главным образом на воспитательные цели и проблемы, я очень страдал от этого вопроса, когда ко мне попадали воспитатели, сами невоспитанные. Я потратил несколько лет жизни и работы, так как в высшей степени глупо надеяться, что этот невоспитанный воспитатель будет нам кого-то воспитывать. Потом я пришел к глубокому убеждению, что лучше совсем не иметь воспитателя, чем иметь воспитателя, который сам не воспитан. Я считал, что лучше иметь в коллективе 4 талантливых воспитателей, чем 40 бесталанных и невоспитанных. Я видел сам примеры, когда такие бесталанные, невоспитанные люди работали в коллективе. Какие результаты могли быть от такой работы? Только разложение коллектива. Других результатов не могло быть.

Значит, чрезвычайно важным является вопрос о выборе воспитателя. Как же выбирать, по каким признакам? У нас почему-то на этот вопрос обращают мало внимания. У нас считают, что любой человек, любой, кто угодно, сто́ит его только назначить на должность воспитателя и заплатить воспитательское жалованье, он может воспитывать. А между тем эта работа самая трудная, в итоге, возможно, работа самая ответственная и требующая от личности не только наибольшего напряжения, но и больших сил, больших способностей.

Никто так не вредил, никто так не портил моей работы, никто так не сбивал в сторону налаженной годами работы, как плохой воспитатель. Поэтому я в последние годы пришел к твердой линии — работать без воспитателей совсем и пользоваться только теми воспитателями, которые действительно могут воспитывать. Это была неожиданная прибавка к моему плану.

Потом я совсем отказался от отдельных воспитателей. Я обычно пользовался помощью одних школьных учителей, но и с ними нужно было вести большую работу, чтобы научить их воспитывать. Я убежден, что научить воспитывать так же легко, может быть, как научить математике, как научить читать, как научить быть хорошим фрезеровщиком или токарем, и я учил.

В чем заключалась такая учеба? Прежде всего в организации характера педагога, воспитании его поведения, а затем в организации его специальных знаний и навыков, без которых ни один воспитатель не может быть хорошим воспитателем, не может работать, так как у него не поставлен голос, он не умеет разговаривать с ребенком и не знает, в каких случаях как нужно говорить. Без этих умений не может быть хорошего воспитателя. Не может быть хорошим воспитатель, который не владеет мимикой, который не может придать своему лицу необходимого выражения или сдержать свое настроение. Воспитатель должен уметь организовывать, ходить, шутить, быть веселым, сердитым. Воспитатель должен себя так вести, чтобы каждое движение его воспитывало, и всегда должен знать, чего он хочет в данный момент и чего он не хочет. Если воспитатель не знает этого, кого он может воспитывать?

Я убежден, что в будущем в педагогических вузах обязательно будет преподаваться и постановка голоса, и поза, и владение своим организмом, и владение своим лицом, и без такой работы я не представляю себе работы воспитателя. Конечно, постановка голоса имеет значение не только для того, чтобы красиво петь или разговаривать, а чтобы уметь наиболее точно, внушительно, повелительно выражать свои мысли и чувства. Все это вопросы воспитательной техники.

Например, относительно голоса, как нужно делать выговор, в каких границах вы имеете право показать свой гнев или негодование, имеете ли право показать или не имеете права, и если имеете право, то как вы должны показать. Это постоянное действие воспитателя и есть воспитание. Воспитанник воспринимает вашу душу и ваши мысли не потому, что знает, что у вас в душе происходит, а потому, что видит вас, слушает вас. Если мы идем в театр и любуемся актерами, которые играют прекрасно, то там эта игра — наше эстетическое наслаждение, а здесь воспитанник имеет перед собой такой же живой организм, но не играющий, а воспитывающий.

Я не могу долго останавливаться на этом вопросе. Важно, что воспитатель должен быть активно действующим организмом, сознательно направленным на воспитательную работу.

Во-вторых, ни один воспитатель не имеет права действовать в одиночку, на свой собственный риск и на свою собственную ответственность. Должен быть коллектив воспитателей, и там, где воспитатели не соединены в коллектив и коллектив не имеет единого плана работы, единого тона, единого точного подхода к ребенку, там не может быть никакого воспитательного процесса. Поэтому лучше иметь 5 слабых воспитателей, объединенных в коллектив, воодушевленных одной мыслью, одним принципом, одним стилем и работающих едино, чем 10 хороших воспитателей, которые работают все в одиночку, как кто хочет.

Здесь может быть очень много всяких искривлений. Вы, наверно, знаете такое явление, как явление любимого учителя. Я учитель в школе, и я воображаю, что я любимый учитель, а все мои коллеги — нелюбимые. Незаметно для самого себя я веду определенную линию. Меня любят, я стараюсь заслужить любовь, я стараюсь понравиться воспитанникам. Вообще, я любимый, а те — нелюбимые.

Какой это воспитательный процесс? Человек уже выбил себя из коллек-

тива. Человек вообразил, что его любят, и поэтому он может работать как ему нравится и как он хочет.

Я уважал своих помощников, а у меня были просто гении в воспитательной работе, но я их убеждал, что меньше всего нужно быть любимым воспитателем. Я лично никогда не добивался детской любви и считаю, что эта любовь, организуемая педагогом для собственного удовольствия, является преступлением. Может быть, некоторые коммунары меня и любят, но я полагал, что 500 человек, которых я воспитываю, должны выйти гражданами и настоящими людьми, зачем же к этому еще прибавлять какую-то припадочную любовь ко мне дополнительно к моему плану.

Это кокетничанье, эта погоня за любовью, эта хвастливость любовью приносят большой вред воспитателю и воспитанию. Я убедил себя и своих товарищей, что этого привеска... не должно быть в нашей жизни...

Пусть любовь придет незаметно, без ваших усилий. Но если человек видит цель в любви, то это только вред... Если он любви воспитанников не добивается, то он может быть требовательным и справедливым и по отношению к воспитанникам, и по отношению к самому себе.

Такой коллектив воспитателей, объединенный общим мнением, убеждением, помощью друг друга, свободный от зависти друг другу, свободный от индивидуальной и личной погони за любовью воспитанников, только такой коллектив и может воспитывать детей. Поэтому я горячо приветствую напечатанное в газетах сообщение, что у вас в Наркомпросе сейчас серьезно поставлен вопрос об увеличении влияния и власти директоров школ и заведующих учебной частью. Это будет способствовать увеличению коллективности в работе педагогов.

Недавно мне прислали из редакции издательства «Советский писатель» рукопись, написанную одним московским педагогом. В этой рукописи изображается учительница, работающая в школе, изображается учебный год, педагогический состав, ученики и она. Книга написана от первого лица.

В «Советском писателе» мнения по поводу этой рукописи разделились. Одни сказали, что это пошлость, а другие сказали, что это замечательная книга: меня выбрали арбитром.

Если книгу и следовало бы издать, то только с одной целью. Там выведена такая отвратительная фигура учительницы, что, собственно говоря, очень полезно, чтобы люди читали и видели, какой не должна быть учительница. Но автор в восторге от этой учительницы.

Это педагогическая бестия, которая только и занимается тем, что гоняется за «любовью» воспитанников. И родители там все ужасные, она их не называет иначе, как «папаши» и «мамаши», с глубоким презрением, — «родители — это серая семья», а она, видите ли, педагог. Все учителя также отрицательные: один задавлен своей гордостью, другой ничем не интересуется, третий — интриган, четвертый — ленив; директор бездеятелен и туп. Одна она гениальна.

При этом все написано в самом мерзком вульгарном тоне. Даны такие учителя, «у которых развязности много и есть работоспособность, а таланта мало». И на каждом шагу нежные вздыхания в стиле Вербицкой. Погоня за любовью, и такое описание учеников: вот эта девочка

«наводит тень на ясный день». И затем особенное внимание, нездоровое внимание к половым вопросам.

Пожалуй, в этом и заключается все содержание: какой мальчик поглядел на какую девочку, какая девочка написала записочку, и как она, педагог, гениально разбила эти попытки влюбленности, и как ей были все благодарны.

Такие педагогические бестии, которые кокетничают в одиночку и перед учениками, и перед обществом, они никого воспитывать не могут. И чтобы из педагогического персонала получились ответственные, серьезные воспитатели, есть только один путь — объединение их в коллектив, объединение вокруг определенной фигуры, центра педагогического коллектива — директора. Это тоже очень серьезная проблема, на которую наши педагоги также должны обратить большое внимание.

Если так много нужно потребовать от воспитателя, то еще больше нужно потребовать от того лица, которое объединяет воспитателей в коллектив.

Чрезвычайно важным является такое обстоятельство — длительность педагогического коллектива[16], и я считаю, что наши педагоги уделяют этому вопросу мало внимания. Если у нас в коммуне живет энное количество коммунаров и средний срок пребывания их в коммуне 5 лет, то и средний срок пребывания одного воспитателя в коммуне не может быть меньше 5 лет. Это закон, так как если коллектив живет и сбит по-настоящему, то каждый новенький является новеньким — не только воспитанник, но и педагог. И воображать, что сегодня пришедший педагог может воспитывать, это ошибка. Успех воспитателя зависит от того, насколько он старый член коллектива, сколько им заложено в прошлом сил и энергии, чтобы вести коллектив, и если коллектив педагогов будет моложе коллектива воспитанников, естественно, что он будет слаб. Но это не значит, что в коллективе нужно собирать только стариков. Тут наши педагоги должны заняться вопросом об особенностях звучания старого педагога и начинающего педагога. Коллектив педагогов должен быть собран не случайно, а составлен разумно. Должно быть определенное количество стариков, опытных педагогов, и обязательно должна быть одна девочка, только что окончившая педагогический вуз, которая еще и ступить не может. Но она должна быть обязательно, потому что тут совершается мистерия педагогики, так как когда такая девочка приходит и попадает в старый коллектив и педагогов и воспитанников, то начинается неуловимо тонкая мистерия, которая определяет успех педагогический. Такая девочка будет учиться и у старых педагогов, и у старых учеников, и то, что она будет учиться у старых педагогов, сообщает и им ответственность за ее нормальную работу.

Нужно разрешить вопрос, сколько должно быть женщин и сколько мужчин в педагогическом коллективе. Об этом нужно серьезно подумать, так как бывает преобладание мужчин и это создает нехороший тон. Слишком много женщин — также какое-то однобокое развитие.

Я бы сказал, что очень большое значение имеет еще и просто внешний вид педагога. Конечно, желательно, чтобы все педагоги были красивы, но, во всяком случае, хоть один красивый молодой педагог, одна красивая молодая женщина обязательно должны быть.

Я так делал. У меня 22 педагога и есть одна вакансия. И я вижу, что остались все такие, как я, а нужно, чтобы ребят увлекла еще эстетика, красота в коллективе. Пусть они будут немного влюблены. Эта влюбленность будет самого хорошего типа, причем не полового типа, а приятная для глаз, некоторая эстетика.

Нужно обсудить вопрос, сколько должно быть из педагогов людей веселых и сколько угрюмых. Я не представляю себе коллектива, составленного из угрюмых людей. Должен быть хоть один весельчак, хоть один остроумец. По законам построения педагогического коллектива в будущей педагогике должен быть составлен целый том.

У меня был педагог Терский. Я дрожал, как бы его у меня не сманили. Он был удивительно веселый человек. Он меня заражал и воспитанников заражал своим буйным весельем. Он был несобран, но я добился, что он стал хорошим, настоящим педагогом. Иногда он был возмутителен. Он был семейным. Например, идем в театр, он тащит годовалого ребенка на руках. Я говорю: «Зачем ребенка тащить в театр?» — «А нужно, чтобы он с году привыкал слушать музыку».

Я говорю: «Носи, когда коммунаров не будет...»

Но потом получился из него замечательный человек. Он без веселья и минуты не мог ничего делать, причем он оказался удивительным мастером на всякие выдумки, ребусники и т. д. Например, ребусник — это большой плакат на полстены. Я даже удивлялся гению этого человека, как можно так много придумать задач. Плакат забит разными вопросами: и короткими, и длинными, и с рисунками, и с чертежами, и вопросами типа шуток. И не он один придумывает эти вопросы, а у него человек 150 работает, целая коллегия редакционная, находят в журналах — тащат, сами придумывают и т. д. И там целая система была. Висит задача — за нее тысяча очков. Решит задачу один человек — тысяча очков тому, кто решил, и тысяча тому, кто ее предложил. Решат задачу 100 человек,— значит, по 10 очков на каждого, потому что задача более легкая.

Вокруг этих ребусников он сумел объединить всех коммунаров, и сюда он не мог не внести своей огневой бодрости.

Например, наклеена такая задача: «Я буду в выходной день на северо-восток от коммуны на расстоянии 4 км, и у меня в правом кармане будет интересная вещь. Кто меня найдет, тот получит тысячу очков».

И вот в выходной день вся коммуна отправляется за 4 км на северо-восток от коммуны и ищет Терского. Ребята запасаются компасами, завтраками, но он исчез. Я отменяю обед.

— Где ребята?

Оказывается, ищут Терского на северо-восток от коммуны.

А сколько там было интересного, и перечислить невозможно! Кончилась эта серия, он объявляет: «Такого-то числа в таком-то часу у заведующего производством Соломона Борисовича Когана нужно развязать шнурок на ботинке. Кто это сделает, тот получит столько-то очков».

Соломон Борисович Коган — с брюшком, солидная фигура. Он уже знает и возмущается. Но в три часа Соломон Борисович уже окружен всеми коммунарами. Он говорит:

— Что, вы будете класть меня на лопатки? Это не годится!

И действительно, не годится... нужно с хитростью развязывать. И как-то один раз удалось.

Терский — человек, наполненный бодростью, он умеет занять ребят на каждом шагу.

Или вдруг Терский объявляет коммунарам и всей коммуне:

— Собственно говоря, перпетуум-мобиле можно сделать. Наверно, можно сделать такую машину, которая всегда будет двигаться.

И он так убежден и так сумеет сыграть, что, смотришь, и инженеры находятся под его влиянием, инструкторы, все начинают делать перпетуум-мобиле. Я ему говорю:

— Зачем это вы? Ведь всем же известно, что нельзя сделать перпетуум-мобиле.

А он отвечает:

— Ну пускай попробуют, а может быть, кто-нибудь и сделает.

И я сам чуть ли не начинаю верить, что можно сделать перпетуум-мобиле.

А с другой стороны, нужен человек, который никогда не улыбнется, весьма суровый человек, который никому не прощает и которого не послушаться невозможно.

Я бывало наслаждался. Дежурит сегодня девочка, которая вчера только кончила педагогический институт. Мобилизуется вся коммуна, так как всегда найдутся воспитанники, которые готовы ее надуть, и ей надо помочь.

— Лидия Петровна, я опоздал на работу, так как у меня ботинок нет!

И готово, она уже растерялась. И немедленно тут же кто-нибудь:

— А ну, ты врешь!

И это мобилизует весь коллектив.

Завтра дежурит суровый. Он ровно в 6 часов появляется, не дает никому проспать, откроет дверь и только усом поведет, и все знают, что он не спустит.

В моей практике я был убежден, что педагог, воспитатель или учитель не должен иметь права наказания, и я никогда не давал ему права наказания, даже выговора. Во-первых, это очень трудная вещь. Во-вторых, я считал, что право наказания должно быть сосредоточено у одного лица, чтобы не путать и не мешать друг другу. От этого работа педагогов делалась труднее, ибо они должны были иметь авторитет.

Говоря об авторитете, многие педагоги убеждены, что авторитет либо дается от бога — родился человек с авторитетом, все смотрят и видят, что он авторитетен, либо должен быть искусственно организован. Поэтому многие говорят:

— Что это вы при воспитанниках сделали замечание учителю. Вы подрываете его авторитет.

По-моему, авторитет проистекает только от ответственности. Если человек должен отвечать за свое дело и отвечает, то вот его авторитет. На этой базе он и должен строить свое поведение достаточно авторитетно.

Работа педагога должна заключаться в наибольшем приближении к первичному коллективу, в наибольшей дружбе с ним, в товарищеском

воспитании. Инструментовка педагогическая вообще сложная и длительная история. Например, если один член коллектива нарушил дисциплину, показал себя не с хорошей стороны, я требовал, чтобы педагог добивался прежде всего, чтобы отряд занялся этим вопросом. Его работа должна заключаться в возбуждении активности отряда, в возбуждении требований коллектива к отдельной личности.

Я не могу останавливаться на методике работы отдельных преподавателей, это потребовало бы много времени, но я скажу, как я сам с воспитанниками, с отдельными личностями работал как воспитатель.

По отношению к отдельной личности я предпочитал и рекомендовал другим предпочесть все-таки атаку в лоб. Это значит, если мальчик совершил плохой поступок, отвратительный, я ему так и говорю:

— Ты совершил отвратительный поступок.

Тот знаменитый педагогический такт, о котором так много пишут, должен заключаться в искренности вашего мнения. Я не позволю себе ничего скрывать, маслить, я говорю то, что я на самом деле думаю. Это наиболее искренне, просто, легко и наиболее эффективно, но как раз не всегда можно говорить.

Я считаю, что разговор меньше всего помогает. Поэтому, когда я раз увидел, что мои разговоры не нужны, я уже ничего не говорил.

Например, мальчик оскорбил девочку. Я об этом узнал. Нужно об этом говорить? Для меня важно, чтобы и без разговора он понял, в чем дело. Я ему пишу записочку и отсылаю в конверте.

Нужно сказать, что у меня были такие «связисты». Это 10-летние мальчики с глазами сложными, как у мухи: они всегда знают, где кого можно найти. Обычно такой связист — хорошенький мальчик, имеет большое значение. Я передаю ему конверт. В конверте написано: «Тов. Евстигнеев, прошу тебя зайти сегодня в 11 вечера».

Мой связист прекрасно знает, о чем написана записка, что случилось, почему я его зову и т. д., всю подноготную знает, но и виду не подает. Я ему говорю:

— Отдай записку.

И больше ничего не говорю. Я знаю, как это делается. Он придет в столовую:

— Вам письмо.

— Что такое?

— Вас Антон Семенович зовет.

— Почему?

— Я сейчас тебе объясню. А помнишь, как ты вчера обидел такую-то?

А в половине 11-го этот связист придет.

— Ты готов?

— Готов.

— Тебя ждут.

Иногда этот Евстигнеев не вытерпит и зайдет ко мне не в 11 часов вечера, а в 3 часа дня.

— Антон Семенович, вы меня звали?

— Нет, не сейчас, а в 11 часов вечера.

Он идет в отряд. А там уже спрашивают:

— Что такое? Отдуваться?

— Отдуваться.

— А за что?

И до 11 вечера его разделают в отряде под орех. В 11 он приходит ко мне бледный, взволнованный всем сегодняшним днем. Я его спрашиваю:

— Ты понял?

— Понял.

— Иди.

И больше ничего не нужно.

В других случаях я поступал иначе. Я говорил связисту:

— Немедленно явиться!

И когда вызванный приходит, я говорю все, что я думаю. Если же это человек трудный, который мне не верит, против меня настроен, недоверчиво ко мне относится, я с тем разговаривать не буду. Я соберу старших, вызову его и в самом официальном, приветливом тоне буду с ним говорить. Для меня важно не то, что я говорю, а как другие на него смотрят. Он на меня поднимает глаза, а на товарищей боится смотреть. Я говорю:

— А дальше товарищи тебе расскажут.

И товарищи расскажут ему то, чему я их раньше научил, а он будет воображать, что это они сами придумали.

Иногда требуется особая система. Были случаи, когда я приглашал весь отряд, но чтобы не показать виду, что я приглашаю весь отряд для того, чтобы разделаться с одним, я приглашаю весь отряд на чашку чая, т. е. ставлю на стол чай, пирожные, ситро. Обычно каждую неделю какой-нибудь отряд бывал у меня. И обычно отряд не знает, в чем дело, и страшно интересуется. И тут в беседе, за чашкой чая, за шутками, коммунары думают, кто же виноват. И иногда даже виду не покажешь, кто виноват. А если они сами в разговоре расскажут, кто в чем виноват, то тут же над ним и пошутят. После чая все с хорошими чувствами, настроениями идут в спальню.

— Все было прекрасно, но вот видишь, как ты нас подвел.

И на следующую шестидневку я опять приглашаю этот же отряд чай пить. Они понимают, что это проверка, проверочное чаепитие. И они сами рассказывают мне, как они с ним поговорили, что он дал обещание, что назначили ему шефа:

— Не беспокойтесь! Все будет благополучно!

Иногда на такое чаепитие я приглашал класс.

И так как обычно отряд не знает, когда будет чай и кто будет приглашен, то они готовятся все. Стараются быть хорошо одетыми и т. д. (Был у них и одеколон.) И обычно такой отряд и отдельные лица стеснялись, что вдруг они будут приглашены к чаю, а у них какие-то неполадки в отряде.

И один раз был такой случай, что началось чаепитие, и вдруг обнаружился такой проступок, что дежурный командир предложил прекратить чай. И это было заслуженно. И весь коллектив страдал на другое утро, так как его встречали вопросом:

— Ну, были в гостях? Пили чай?

— Нет...

Это все формы индивидуальной обработки. Особенно важны такие формы, которые приходят от самого воспитанника. Обычно мальчик или девочка приходят и говорят:

— Мне нужно поговорить с вами по секрету.

Это самая дружеская и лучшая форма.

Но в некоторых случаях я позволял себе изменить фронтальную атаку и заняться обходным движением[17]. Это тогда, когда против личности восстановлен весь коллектив. Тогда бить фронтально человека нельзя, он остается без защиты. Коллектив против него, я против него, и человек может сломаться.

Был такой случай. Была девочка, милая, хорошая, но побывавшая на улице. Далась нам она очень трудно, но через год начала выправляться, и вдруг пропали 50 рублей из тумбочки у ее подруги. Все сказали, что их взяла Лена. Я дал разрешение на обыск. Произвели обыск. Не нашли. Я предложил историю считать исчерпанной.

Но через несколько дней в клубе, в читальне, эти деньги были найдены под гардиной, спрятанные в особые приспособления для закрывания окон, и ребята сказали, что они видели, как Лена вертелась около этих окон и даже в руках что-то держала.

Совет командиров вызвал ее, и все ребята сказали:

— Ты украла!

Я вижу, что ребята действительно убеждены. Они требуют увольнения за кражу. Я вижу, что ни один человек не склонен стоять за нее, даже девочки, которые обычно в таких случаях защищают свою подругу, и те настаивают на увольнении, и я вижу, что действительно она украла. Это вне всяких сомнений.

В таких случаях приходится применять обходное движение. Я говорю:

— Нет, вы не доказали, что она украла. Я не могу разрешить уволить.

Они смотрят на меня дикими глазами. Я говорю:

— Я убежден, что украла не она.

И пока они доказывают, что украла она, я доказываю, что украла не она.

— Почему вы убеждены?

— По глазам вижу.

А они знают, что я действительно часто узнаю по глазам.

Она приходит ко мне на другой день.

— Спасибо вам, вы меня защитили, они напрасно на меня нападали.

Я говорю:

— Как это так? Ведь ты украла.

Тут я ее взял этим неожиданным поворотом. Она расплакалась и призналась. Но этот секрет мы только знаем, она и я, что я на общем собрании «лгал», чтобы ее защитить, зная, что она украла, отдал ее в мое полное педагогическое распоряжение.

Это ложь. Но я видел гнев коллектива. Ее могли выгнать, и, чтобы этого избежать, надо было пойти на такую штуку. Я противник таких обходных движений. Это опасная вещь, но в данном случае девочка поняла, что я обманул общее собрание для нее, что у нас есть общий

секрет, и это отдает ее целиком мне как педагогический объект. Но эти обходные движения очень трудны и сложны. И на них можно решаться только в редких случаях.

Лекция четвертая

Трудовое воспитание, отношения, стиль, тон в коллективе

Я хочу остановиться недолго на вопросе о трудовом воспитании, чтобы потом перейти к заключительному отделу — к отделу о стиле и тоне.

Как вы помните, с начала нашей революции наша школа называлась трудовой и все мы, педагоги, находились под впечатлением не столько трудового метода, сколько под обаянием самого слова «труд» и под обаянием трудового принципа. В колонии возможности труда были, конечно, больше, чем в школе, но за 16 лет моей работы в колониях им. Горького, им. Ф. Э. Дзержинского мне пришлось пережить очень сложную историю развития и моего отношения к воспитывающей роли труда, и организации трудовых процессов, и даже понимания самого трудового метода.

В 1920 г. я никак не мог представить себе ту трудовую обстановку, которая была в коммуне им. Дзержинского в 1935—1936 гг.

Я не могу сказать уверенно, что путь трудовой организации, ее развития, который я прошел, был путем правильным, так как я не был самостоятельным в этой области и находился в зависимости от многих мнений и точек зрения людей, временно прикасавшихся к моей работе, вносивших в нее свою точку зрения, свои изменения и формы. В течение всех 16 лет мне приходилось идти рядом и приспосабливаться к тем обстоятельствам, в которых я находился. В колонии им. Горького мне приходилось приспосабливаться главным образом к нужде и выводить трудовой принцип из необходимости, из обстановки нужды. В коммуне им. Дзержинского мне приходилось приспосабливаться и даже бороться с отдельными течениями, исходящими от моего начальства[18].

Я считаю, что были некоторые периоды в истории моего коллектива, которые я с известным правом могу назвать вполне идеальными. В коммуне им. Дзержинского это было приблизительно в 1930—1931 гг.

Почему я называю этот период идеальным? Это был период, когда все мои коммунары работали уже на настоящем производстве, т. е. была такая организация, в которой был промфинплан, стройный порядок, в которой присутствовали все формы серьезного завода — планово-производственный отдел, нормировочный отдел, точнее — нормы для каждого дела, стройная зависимость между всеми рабочими местами, очень строго разработанный перечень деталей, снабженный не только количеством выпускаемых деталей, но и нормами выпуска, и нормами качества.

Тогда производство было у нас вполне рентабельно, окупало не только себя, но и коммунарский коллектив в его бытовой жизни и приводило к накоплению, т. е. у нас было настоящее производство. И в то же время коммунары не получали заработной платы. Это, конечно, спорный во-

прос, и он остается спорным вопросом до сих пор. Я не знаю других учреждений, которые проводили бы такой опыт.

Я был в то время противником заработной платы. Поднятие производительности труда, исходящее из интересов коллектива, поднятие трудового энтузиазма постоянного наполнения, не энтузиазма штурма и не энтузиазма ближайших целей этой шестидневки или этого месяца, а энтузиазма спокойного, ровного, видящего далекие перспективы коллектива, и под влиянием этого энтузиазма совершение огромной работы, требующей от педагога мобилизации психической, физической и идеологической... Я считал такой энтузиазм наиболее ценным воспитанием, и я глубоко был уверен, что заработная плата эту картину нравственного благополучия должна несколько испортить и расколоть.

Я не могу сказать, чтобы введение заработной платы привело к каким-либо дополнительным достижениям, и потому я продолжал отстаивать свою точку зрения. Я указывал на то, что работали без заработной платы и делали все, что нужно, превышая норму и превышая план, и находились в полном благополучии с материальной стороны.

Но я был окружен настолько влиятельными противниками, отнюдь не заинтересованными в моих педагогических устремлениях, но уверенными в том, что заработная плата повысит интенсивность труда и заинтересованность воспитанников в труде, и настолько эта точка зрения поддерживалась моим руководством, что я не имел возможности и сил бороться с этой тенденцией, и поэтому последние годы я прожил в обстановке заработной платы.

Поэтому я сейчас могу отбросить другие положения и считать, пожалуй, их негативными положениями трудового воспитания. Это такие положения, когда нет производства, когда нет коллективного труда, а когда есть отдельные усилия, т. е. трудовой процесс, имеющий целью дать якобы трудовое воспитание.

Я не представляю сейчас себе трудового воспитания коммунаров вне условий производства. Вероятно, что такое воспитание также возможно, т. е. воспитание в труде, не имеющем производственного характера. Такое воспитание я пережил сравнительно недолго, в первые годы в колонии им. Горького, когда поневоле из-за отсутствия производственной арены, производственного оборудования мне пришлось довольствоваться, так сказать, производственным самообслуживанием и так называемым производственным процессом. Правда, я никогда не имел хорошо оборудованного учебного производства. Когда я его стал иметь, оно не играло самостоятельной роли, а было подспорьем по отношению к коллективному производству. Во всяком случае, я уверен, что труд, не имеющий в виду создания ценностей, не является положительным элементом воспитания, так что труд, так называемый учебный, и тот должен исходить из представления о ценностях, которые труд может создать.

В колонии им. Горького просто из-за нужды я торопился перейти к производству. Это было производство сельскохозяйственное. В условиях детских коммун сельское хозяйство почти всегда является убыточным. Мне удалось в течение двух лет, и только благодаря исключительным знаниям и умению агронома Н. Э. Фере, перейти к рентабельному хозяйству, и не к зерновому, а к животноводческому. Главной ареной у меня была сви-

нарня. В последние годы мы имели до 200 маток и производителей и несколько сотен молодняка. Это хозяйство было оборудовано по последнему слову техники. Была специально выстроенная свинарня, в которой чистота была, пожалуй, не меньше, чем в коммунарских спальнях, которая промывалась при помощи солидной системы водопроводов и сливов, стоков и кранов, где даже не было запаха, свинари имели вид франтов. Вот такое хозяйство, оборудованное по последнему слову техники, снабженное кормовой базой, уже приносило нам большой доход и позволяло жить более или менее зажиточно. Мы уже имели возможность не только хорошо есть и одеваться, но и усиленно пополнять наше школьное хозяйство, библиотеку, имели возможность построить и оборудовать хорошую сцену; мы за эти деньги приобрели инструменты для духового оркестра, киноаппарат, все то, что в 20-х гг. мы не могли иметь ни по какой смете.

Кроме того, мы помогали бывшим воспитанникам, которых становилось все больше и больше, студентам, бывшим воспитанникам, оказавшимся в нужде, помогали очень многим, вступающим в брак. Предпринимать путешествия, принимать гостей — тоже дорогая очень штука. Мы бывали очень часто в театрах,— в общем, имели все те блага, которые и должен иметь советский гражданин, выполняющий свои трудовые обязанности.

Вот все эти блага, которые я перечислил, они были настолько убедительным импульсом для повышения производительности труда, что я даже не вспоминал тогда о заработной плате.

Правда, я признавал необходимость для воспитанников иметь карманные деньги и вообще являюсь большим сторонником карманных денег... Человек, вышедший в свет, должен иметь некоторый опыт личного бюджета и должен уметь тратить деньги. Он не должен выходить в жизнь такой институткой, которая не знакома с тем, что такое деньги. Но тогда Украинский наркомпрос категорически возражал против выдачи карманных денег воспитанникам колонии, считая, что таким образом я буду воспитывать меркантильность[19]. Поэтому я мог выдавать карманные деньги, только предварительно договорившись с воспитанниками, что они никому не будут об этом говорить, и должен был проводить эти карманные деньги тоже более или менее мошенническим образом.

Но эти карманные деньги я выдавал не в зависимости от произведенного труда в каждом отдельном случае, а в зависимости от общих заслуг воспитанника по отношению к коллективу.

В таком же положении я находился в коммуне им. Дзержинского, где было не сельское хозяйство, а производство. Там зависимость коммунаров от производства была еще больше. Колония им. Горького получала деньги по смете, а коммуна им. Дзержинского не получала ни копейки, и, мне кажется, за все время своего существования она не взяла от государства ничего. Поэтому не только дополнительные блага в коллективе, но и нормальная пища, простая сытость коммунаров исключительно зависела от их труда в коллективе.

Мне пришлось начинать в очень тяжелой обстановке в коммуне им. Дзержинского, в гораздо более тяжелой, чем в колонии им. Горького, где все-таки была смета. Коммуну им. Дзержинского построили очень шикарно. Она была организована в несколько благотворительном стиле

в первые годы. Хотели увековечить память Ф. Э. Дзержинского и выстроили дом, очень красивое здание, одно из прекраснейших произведений архитектуры известнейшего архитектора в Советском Союзе, где и теперь нельзя найти никакой дисгармонии ни в плане, ни в рисунке фасада, ни в украшениях дома, ни в рисунке окон и т. д. Там были прекрасные спальни, был великолепный вестибюль, ванны, души, прекрасные классные комнаты, широкие и красивые. Коммунаров одели в богатые суконные костюмы и запас дали достаточный. Но не поставили ни одного порядочного станка. Не было у нас ни огорода, никакого участка земли, и сметы также не было. Предполагалось, что как-нибудь устроится.

В первые годы коммуна жила на отчисления, которые производили чекисты Украины из своего жалованья в размере $^1/_2$ процента. Это давало в месяц около 2000 рублей. А мне нужно было до 4000—5000 рублей в месяц, только чтобы покрыть наши текущие расходы, считая школу. Остальные 2000—3000 рублей мне достать было негде, так как и работать было негде. Были по недоразумению те мастерские, на которые еще от Адама и Евы Наркомпрос возлагал свои надежды,— это сапожная, швейная и столярная. Эти мастерские — сапожная, швейная и ручная столярная,— как вы знаете, считались альфой и омегой педагогического трудового процесса, причем сапожная мастерская состояла в том, что в ней было несколько пар колодок, несколько табуреток, были шилья, молотки и не было ни одного станка, не было кожи, и предполагалось, что мы будем выращивать ручных сапожников, т. е. тот тип мастерового, который нам сейчас абсолютно не нужен.

Такое же было оборудование и в столярной мастерской, где было несколько фуганков, рубанков, и считалось, что мы будем выпускать хороших столяров, делая все вручную.

Швейная мастерская тоже была построена по дореволюционным нормам, и предполагалось, что мы будем воспитывать хороших домашних хозяек, которые смогут в случае чего подрубить пеленки, положить заплату и сшить себе кофту.

Все эти мастерские вызывали у меня отвращение еще в колонии им. Горького, а здесь я совсем не понимал, для чего они устроены. Поэтому я со своим советом командиров закрыл их через неделю, кое-что оставив для наших собственных нужд.

В первые три года коммуне им. Дзержинского пришлось пережить очень большую нужду. Были моменты, когда мы в течение дня ели один хлеб. Насколько велика была нужда, можно было судить по тому, что я первые 8 месяцев не получал жалованья, должен был кормиться тем самым хлебом, которым кормилась и коммуна... Были моменты, когда в коммуне не было ни копейки и когда надо было ходить «позычать», как говорят украинцы. Представьте себе, эта нужда, несмотря на то, что мы переживали ее тяжело и с обидой,— она-то и была прекрасным стимулом для развития труда. Чекисты — и я им за это очень благодарен — никогда не соглашались перейти на смету и просить помощи у Наркомпроса: дайте нам денег на содержание воспитанников. И действительно, было стыдно: построили коммуну, а содержать детей не на что. И поэтому все наши усилия направились к тому, чтобы заработать самим — самое неприкрытое стремление заработать на жизнь.

Первый год мы очень много работали в своих столярных, мы делали все то, что требуется для домашнего обихода,— стулья, шкафчики. И были заказчики. Делали очень плохо, заказчики обижались, и обычно мы были в убытке. Стоимость материалов, электроэнергии, гвоздей, клея — все это только-только совпадало с той ценой, которую мы назначали заказчикам, а труд наш не оплачивался.

Помогло нам одно счастливое обстоятельство. Мы пригласили заведующего производством Соломона Борисовича Когана, человека весьма беспринципного по отношению к педагогике, но чрезвычайно энергичного. Я очень благодарен этому товарищу и считаю, что мне когда-нибудь надо специально поблагодарить его за те совершенно новые педагогические принципы, которые он внес в мое дело, несмотря на полную свою педагогическую беспринципность.

Прежде всего он поразил меня своими первыми словами. Это толстый такой человек, с животиком, с одышкой, очень напористый.

Придя в коммуну, он сказал:

— Как? 150 коммунаров, 300 рук не могут себе заработать на суп! Как это может быть? Они должны уметь зарабатывать себе на жизнь, и не может быть иначе.

Это был принцип, в котором я раньше сомневался. Он доказал мне через месяц, что он прав. Правда, мне пришлось уступить ему во многих моих педагогических тезисах.

Прежде всего он начал с некоторой авантюры. Он отправился в Управление строительством строительного института и предложил:

— Я вам сделаю мебель для института.

Он никаких оснований не имел для такого предложения. Мы не умели делать мебели, и для производства мебели у нас не было оборудования, не было станков, не было материала. У нас был только Соломон Борисович Коган и 150 коммунаров.

К счастью, люди оказались доверчивые и наивные и говорят:

— Пожалуйста, сделайте.

— Давайте напишем заказ.

Написали заказ — столько-то тысяч разных предметов для аудиторий, столько-то столов, столько-то стульев, шкафов и т. д. Когда я посмотрел этот список на 200 000 рублей, я подумал, не позвонить ли врачу и не смерить ли температуру у Соломона Борисовича. Я говорю:

— Как это вы взяли?

Он говорит:

— Сделаем.

— А все-таки, с чего мы начнем? Ведь нам нужны деньги, а денег нет.

Он говорит:

— Всегда бывает так, что, когда у человека не бывает денег, он говорит — нет денег. А потом откуда-то достает, и мы достанем.

— Откуда достанем? Кто же даст?

— А разве нет на свете «дураков», которые дадут?..

И представьте себе, он нашел. В том же институте оказался, простите за выражение, «дурак», который пошел на его предложение. Соломон Борисович говорит:

— Мы мебель сделаем, а куда ее складывать? У вас только фундамент

роют. Хорошо, мебель у нас скоро будет готова, но куда ее сложить?

Тот отвечает:

— Да, действительно, некуда складывать.

Соломон Борисович говорит:

— Ну, мы можем ее у себя сложить.

— А у вас есть куда сложить?

— Нет, но мы можем построить складское помещение. На это надо 50 000 рублей.

— Получайте 50 000 рублей.

Получили 50 000 рублей, но и я, и коммунары, и Соломон Борисович решили, что мы складского помещения строить не будем. На эти деньги мы купили станки деревообделочные, купили материал. Соломон Борисович взял еще аванс и стал производить отнюдь не оборудование для строительного института, а всякие вещи, которые могли быть проданы на рынке. Он стал делать обыкновенные стулья для продажи на рынке, причем сначала делал стулья корявые, никуда не годные, но Соломон Борисович говорил, что, пока коммунар стул делать не умеет, он будет делать проножку. И он ввел разделение труда. Я очень сомневался.

Он ввел такое разделение — один строгал, другой пилил, третий чистил, четвертый шлифовал, пятый брал на контроль и т. д. Но никакого учебного процесса не получалось, и мои коммунары обратили внимание и говорят: мы тут ничего не научимся. На общем собрании говорили, что нужное дело, что для коммуны нужно поработать, но нужно, чтобы и польза была, и учение было, а на этих планках и проножках научиться нельзя.

Соломон Борисович оказался действительно знающим в своей области. Он разбил производство стула на десятки операций, и каждый коммунар выполнял одну-единственную операцию. Но благодаря этому мы стали выпускать стульев видимо-невидимо.

Скоро весь наш двор был завален стульями, правда очень плохого качества. Сначала Соломон Борисович больше полагался на всякие поправки: когда стулья были сделаны, он изобрел специальную замазку из клея и опилок, и этой замазкой он замазывал все дырочки, шлифовал и т. д. Во всяком случае, через полгода он 50 тыс. основного капитала превратил в 200 тыс. Тогда он купил еще станки и лесу и перешел на производство театральной мебели...

В дальнейшем Соломон Борисович отошел на второй план и сделался начальником снабжения — должность, наиболее соответствующая его специальности и таланту; пришел новый инженер, и все-таки я убедился, что такое строгое разделение труда по отдельным мельчайшим процессам — полезная вещь. Когда смотришь на него в лоб расширенными зрачками, оно производит угнетающее впечатление, а когда рассматриваешь его во времени, оно ничего страшного не представляет. Конечно, каждый отдельный мальчик или девочка в каждый данный момент производит только одну операцию, которая, казалось бы, не дает никакой квалификации, но в течение нескольких лет, которые коммунар проводит в коммуне, он проходит через такое большое количество различных операций, переходя наконец к сложнейшим операциям — сборке и др., что он действительно делается очень квалифицированным работником, необхо-

димым для широкого общественного производства, а не для кустарного.

Конечно, если бы я так и остался сидеть на деревообделочном деле, то мои коммунары могли бы выходить только производственниками для деревообделочной фабрики, и то только для фабрики с большим разделением труда. Но именно успех коммерческий, успех в смысле производительности позволил нам настолько основательно удовлетворить наши потребности, что мы уже через год после пришествия Соломона Борисовича поблагодарили чекистов и просили их прекратить отчисление своих процентов, а еще через год мы уже имели накоплений 600 тыс. чистых в банке.

Вот что нам дало наше производство. А имея 600 тыс. рублей, мы уже имели лицо не благотворительного учреждения, а серьезного предприятия, которому можно верить.

И банк нам доверил ссуды на строительство[20]. В 1931 г. мы построили первый завод, уже основательный завод металлообрабатывающей промышленности, производящей сверлилки — очень сложные машинки, до того времени импортные. Очень быстро освоили, несмотря на то что эта машинка имела свой мотор, 150 деталей, много всяких шестеренок, так что требовались и фрезерные, и зуборезные станки, очень сложная сборка, литье, и все-таки мы имели возможность, пользуясь опытом разделения труда на дереве, очень быстро освоить производство на металле. Эта психология человека, работающего на одной детали, но доводящего этот процесс до совершенства,— она пригодилась и на металле. Нам понадобилось месяца полтора, чтобы освоить очень сложные станки, причем на станках стояли коммунары 13—14 лет.

Работа на металлообрабатывающем заводе была настолько успешной, что мы начали строить завод фотоаппаратов. Этот очень сложный завод был построен на собственном оборудовании. Нынешний завод фотоаппаратов коммуны является своим заводом. Там вы можете встретить станки, которые не на всех заводах имеются, причем там очень сложный процесс точности — до микрона, т. е. требующий очень сложных инструментов, подбора инструментария, научно оборудованной и придирчивой техники контроля, вообще сложнейшее производство.

Я убежден, что мы не могли прийти к нему, если бы не начали с производства стульев, с разделения труда. Я понимал, что суть не в том, с чего начинать, а в логике производства, основанного на последних данных, а таковыми являются разделение труда и план.

Для непроизводственника трудно понять, что такое план на производстве. План заключается не только в том, сколько надо сделать столов и стульев. План — это тонкое кружево норм и отношений. Это кружево всяких деталей, это кружево всяких частей, движение от станка к станку. Нужно предусмотреть и приспособление качества материала, подачу материала, выдачу инструмента, его заточку, его пополнение и, наконец, контрольные требования, а в хорошем производстве контроль — это также набор всяких приспособлений, норм и условий. Это сложнейшее «оборудование» человеческой деятельности. И на таком «оборудовании» нужно воспитывать наших граждан, поскольку они участвуют не в кустарном производстве, а в производстве большого государственного масштаба, организованном по последнему слову техники.

Конечно, после этого оборудования в коммуне им. Дзержинского я не

могу представить себе не только сапожной или швейной мастерской, но и деревообделочной на ручном станке...

Трудовое воспитание постепенно у нас перешло в производственное воспитание, я не ожидал сам, к чему оно может привести. Но в последние годы я не удивлялся, когда у меня мальчики 13—14 лет управляли группой фрезерных станков, где нужны и математика, и очень тонкое соображение.

Я уже не говорю, что здесь надо знать и качество материала, и качество резца, уметь читать чертежи и т. д. Рядом с мальчиком 14—15 лет, который уже сам прекрасный фрезеровщик и руководит группой фрезеровщиков, вы видите мальчика лет 16—17 — начальника цеха, правда, может быть, цеха более простого, а уже в 19 лет юноша руководит сложным цехом. Вот Володька Козырь, бывший мой связист, который умел только побежать и найти товарища, руководил сложным механическим цехом.

Этот путь, который для взрослого человека, может быть, потребует 10 лет, для мальчика на производстве потребует 1—2 года. Этот путь, к которому я перешел, не так легок, и сразу трудно поверить, что мальчики и девочки на своем производстве достигают такой большой квалификации. По отношению к девочкам надо сделать такую поправку: они также быстро достигают стахановских норм выработки, только не в металлообрабатывающем производстве, а в процессе сборки, монтажа, в производстве с легкой физической работой, в особенности в производстве оптическом: в производстве линз, где больше требуется чистоты и внешней точности; в части точных движений и внимательности они мальчиков обгоняли. Мальчики преобладали своими способностями конструкторов, а девочки — своими способностями к точности и организованности в сложных и ответственных процессах. Мальчики не могли справиться с производством линз, и все это производство было передано девочкам. В процессе сборки тончайших узлов, где нужны не только точность движения рук и точность глаза, но еще очень строгое точное расположение частей на столе, там тоже девочки мальчиков обгоняли не только в производстве, но и в организации производства.

Мальчики вообще были убежденными металлистами, девочки — нет, металл у них не вызывал таких эмоций. У мальчиков железо, медь, никель сотрясение души производят всегда. Девочки отдалялись от станков фрезерных, револьверных, в особенности от станков, где работа связана с эмульсией, с брызгами, грязью.

Девочки-коммунарки никогда не пробовали работать в литейном цехе.

Вот виды труда, к которым перешел мой коллектив к последнему своему году.

Если рассматривать этот труд с точки зрения обычного понимания педагогического процесса, т. е. вот отдельный человек — воспитанник, а вот его воспитатель, то, пожалуй, производство может показаться неправильно оборудованным педагогическим процессом, но если его рассматривать в коллективе и во времени, то оно окажется очень притягательным.

Всякое сложное производство уже тем хорошо, что оно дает простор для удовлетворения вкусов и наклонностей.

В таком производстве, как производство ФЭДов, у нас большой чертежный цех, где работает несколько десятков чертежников, и плановый отдел, и контрольный отдел, и большой инструментальный цех, коммерческий

отдел, и поэтому каждый воспитанник мог иметь выход для своих наклонностей. Конструкторское бюро (конструкторы, чертежники) целиком обслуживалось коммунарами. Значит, туда шли те, у кого к этой работе были наклонности и способности.

Наибольшую квалификацию дает инструментальный цех, т. е. мальчик пройдет все цехи и отделы и увенчает свое производственное образование в инструментальном цехе, откуда он может выйти лекальщиком, т. е. добиться наивысшей квалификации инструментальщика.

Я вижу полезность этого процесса производства в каждом отдельном его пункте для воспитания характера человека, вышедшего из коммуны. У меня бывают часто коммунары, вышедшие из коммуны, учащиеся в вузах и приезжающие из города меня навестить. Это все люди, получающие или получившие высшее образование. Там есть и историки, и геологи, и врачи, и инженеры, и конструкторы и т. д. Но у всех в характере есть особая черта широты и разносторонности взглядов, привычек, точек зрения и т. д.

Недавно приезжал ко мне врач. Я помню, что он у нас работал шлифовальщиком на большом шлифовальном станке, где деталь доводится до последней степени точности, до сотой миллиметра. Он работал так. Ему мастер говорит:

— Пожалуйста, сними на сотую миллиметра — на «сотку».

Он устанавливает на станке деталь и, не производя никакой проверки, не работая никакими измерительными приборами, говорит:

— Пожалуйста, вот «сотка».

Глаз, рука и станок у него были так сработаны, что он работал не проверяя. Чуткость его к станку была совершенна. Этот прекрасный шлифовальщик теперь врач, но в его философии и сейчас я чувствую страшное уважение к точности. И, наблюдая коммунаров, я вижу сейчас отражение тех навыков, которые приобрели они на всяких пройденных ими организационных и производственных работах.

Коллектив, имеющий у себя завод и отвечающий за завод, много приобретает навыков организаторских, т. е. тех навыков, которые, может быть, наиболее нужны для гражданина Советского Союза. На каждом общем собрании, на каждом производственном совещании командиров, просто на сборах и группах, в цехе, во время будничного разговора всегда упражняется эта организаторская способность, и всегда коллектив привыкает требовать ответственности не только от каждого отдельного рабочего, но и от каждого коммунара как организатора. Если вы должны представлять себе всю сложность производства, то вы должны представить и всю сложность отношений человека к производству. На общем собрании, где сидят ученики и механического цеха, и оптического, и сборочного одного, и сборочного другого, и инструментального, кто-нибудь поднимает вопрос о недостаче какой-нибудь детали, и высказывается сборочный цех, прося высказаться людей, которые никакого отношения к сборочному цеху не имеют, и эти люди высказываются, т. е. они понимают, чего там не хватает, они высказываются как организаторы.

Еще большее упражнение организаторских способностей происходит в самом цехе во время работы. То же самое руководство группой фрезерных станков требует умения организатора-единоначальника.

Я понимаю, что не так легко организовать такое производство, но нельзя же говорить только о легких вещах. И для меня организовать такое производство стоило 16 лет труда, 16 лет нужды и борьбы. Ну что же, я уверен, что и любой детский коллектив, если бы он захотел перейти на серьезное производство, тоже истратит не меньше 10 лет и, конечно, первые поколения, которые будут бороться за это производство, уйдут, не испытав еще всех благ. Следующие испытают.

Не надо думать, что первые поколения уйдут обиженные. Ведь бороться за цели, поставленные на будущие годы,— это уже стоит многого в смысле квалификации и воспитания. Может быть, во всем этом процессе главным является эта коллективная борьба, это устремление вперед, марш к ясно поставленным целям.

Я счастлив, что мой коллектив всегда имел перед собой ясно поставленные трудные цели и шел к ним, и не просто передвигался в пространстве, но преодолевал трудности, даже нищету и трения внутри своего коллектива. И когда есть марш к ясно поставленным целям, если поставить эти слова сознательно, именно «движение к ясно поставленным целям», тогда вопрос о заработной плате не имеет уже такого принципиального значения. В хозяйственном коллективе, где слишком явны достижения труда, где слишком явное благополучие, где каждый рубль накопления сулит что-то на завтра, там уже не нужно стимулировать каждого человека его личной заработной платой.

Заработная плата у меня была потом введена, но мне удалось сохранить и коллективный тон, и нивелировать тот вред, который могла бы принести заработная плата в младшем возрасте. Зарплата у взрослого человека, у которого есть семья, ответственность перед семьей, детьми,— это одно. В детском коллективе я разорвусь на части, чтобы он был одет. Я отвечаю за то, чтобы он был одет, за то, чтобы он был в тепле, за его школу. Поэтому зарплата все-таки является некоторым дополнительным удовлетворением, а это достигается и без заработной платы в хорошем коллективе. Я добился того, что вся заработная плата поступала в мое распоряжение. Это — постановление общего собрания. И коммунары интересовались не столько получением денег на руки, сколько уже накоплением их в сберкассе на будущую жизнь.

Последние нормы в этом отношении были такие. Во-первых, каждый коммунар из своего заработка 10 процентов отчислял в фонд совета командиров. Это не пустяки: 10 процентов заработной платы — это очень большая сумма.

И таким образом у нас образовался большой фонд очень быстро. Этим фондом распоряжался уже совет командиров, фонд не считался принадлежащим отдельным коммунарам. Фонд предназначался главным образом на усиление культурной работы, на помощь бывшим коммунарам.

Вы себе представить не можете, что это такое, когда совет командиров постановляет:

— Вот Ваня Волченко обладает большими музыкальными способностями — командировать его в консерваторию и выдавать дополнительно, до окончания консерватории, 100 рублей в месяц.

И таких стипендиатов в коммуне им. Дзержинского несколько десятков. В тот год, когда я оставил коммуну, до 100 человек получали стипендии.

Стипендия, получаемая студентом в вузе, вполне достаточна, если человек связан с семьей, с отцом, с матерью. Но если он одиночка, она не удовлетворяет всех его потребностей. В коммуне, давая 50—100 рублей в месяц стипендии в зависимости от успеваемости и от курса, совершали большое полезное человеческое дело.

Из этого же фонда дается помощь также оказавшимся в нужде коммунарам, если видно, что эта нужда произошла из действительных причин, а не из простой лени. И такой фонд позволяет коммуне держать в своих руках судьбу всех своих воспитанников до того момента, пока они окончательно не вступят в жизнь.

А это заработок коммунаров. Ни один коммунар за все годы, проведенные мною с ним, ни разу не выразил неудовольствия ни в скрытой, ни в явной форме, что 10 процентов его заработка идут в фонд командиров. Имейте в виду, что из этого фонда каждому коммунару, выпускаемому из коммуны, дается «приданое» — кровать, одеяло, пальто, полдюжины белья, костюм, то, что дает каждая семья своему сыну, когда он уходит от нее.

Этот фонд позволял руководить жизнью коммунаров, а такой фонд дороже стоит, чем тысяча наших педагогических аргументов, не проверенных в опыте.

Остальная часть заработной платы коммунаров обычно шла в сберегательную кассу, и считалось, что каждый коммунар, выходя из коммуны, должен иметь в сберегательной кассе не меньше тысячи рублей. Этих денег он не мог получить в коммуне, и вообще они не могли быть выданы ему без моей подписи. Были коммунары, которые получали по 2000—2500 рублей,— это те накопления, которые производились за 5—6 лет жизни в коммуне; и наконец, небольшая часть денег выдавалась на руки как карманные деньги. Мы каждый год совершали походы. Я им придавал большое значение, и не просто походы, а очень большие мероприятия. В коммуне мы совершили 6 походов. Эти походы мы совершали так. Под походом разумелось: поездка по железной дороге, обязательно пеший марш на расстояние не меньше 80—100 км, лагерь, обратный марш и снова железная дорога. Такие походы назначались с осени. Для меня этот поход был важен как летняя перспектива, та же самая, которую вы имеете перед собой, думая, куда вы поедете в отпуск летом, мечтаете и готовитесь. Так и коллектив готовился к походам. Когда заводы останавливались, мы знали, как мы проведем эти летние каникулы.

Для меня этот поход имел огромное значение, потому что в течение всего года я мобилизовал вокруг похода и каждого человека, и весь коллектив, и материальные условия, и вел культурную и всякую другую подготовку. Например, чтобы совершить поход по Кавказу — на Владикавказ, Тбилиси, Батуми, надо было целую зиму готовиться, надо было посылать разведчика, чтобы знать, где можно ночевать, кормиться, с кем можно договориться. В разведку посылался коммунар. В последние годы мы дошли до такой тонкости подготовки походов, что, например, мы знали, выходя из Харькова коллективом в 500 человек, на каком километре, возле какого километрового столба коммунар Иванов передаст коммунару Петрову бас, который надо было нести по всей Военно-Грузинской дороге. Он не может нести его на расстоянии 400 км, он играет, когда это

надо, а несут этот бас все воспитанники, каждый по 10 км. И точно было известно, возле какого километрового столба какому коммунару должен быть передан бас.

Даже такие мелочи надо предусмотреть для того, чтобы поход не превратился в каторгу. А уже более серьезные вещи — посадка в поезда, остановки на ночлег и т. д.— так, чтобы была крыша, рядом вода, люди, с которыми можно переговорить и устроить митинг,— все это тоже требует предварительной поездки и разведки.

Самый наш большой поход был Харьков, Нижний Новгород, Сталинград, Сочи, Одесса, Харьков. Он занял полтора месяца и потребовал очень большой подготовки. По Волге мы плыли 15 дней, и каждый день капитан спрашивал коммунаров:

— Плыть или стоять?

Ему отвечали:

— Жарь на Каму, возвращайся на Оку!

Капитан даже водку пил только с нашего разрешения. Страшный был пьяница, и мы его вызвали на общее собрание после того, как он посадил на мель пароход около Самары. Хотя всем это дало большое наслаждение, конечно, но мы просили его больше водки до конца похода не пить.

Каждый коммунар собирал себе на поход, откладывал карманные деньги, потому что предполагалось, что в походе много других драгоценностей, которые можно будет купить. Обычно получалось так, что никаких особых драгоценностей не было, покупали бумажники, кошельки, пили ситро, ели конфеты — все то, что можно было купить и в Харькове. Но конфеты, съеденные в Ульяновске, кажутся вкуснее, чем те, которые можно съесть в Харькове.

И каждый коммунар откладывал деньги не у себя, а у меня в кассе. И я всегда в поход возил целый чемодан денег: 50—60 тысяч.

Так что все эти приспособления позволяли уменьшить ту жадность на деньги, на заработок, которая в коллективе, совершенно обеспеченном, могла бы быть очень тяжелой, неприятной прибавкой в воспитательном процессе.

Я забыл сказать вам, что в вопросе об отношении школы к производству и производства к школе я был постоянным противником какой бы то ни было увязки и за это я подвергался немалым гонениям[21]. Таким противником я остался и теперь и глубоко убежден, что, если у нас в районе или в колонии есть десятилетка со всеми требованиями Наркомпроса к десятилетке,— а эти требования увеличиваются у нас каждый день,— я считаю, что не нужно не только никакой увязки с производством, но даже полезно не иметь никакой увязки.

Я глубоко убежден, что те проповеди увязки, которые высказываются, есть остатки веры в комплекс, а я к комплексу всегда имел отвращение, так как считаю, что некоторую роль надо предоставить и свободному образованию ассоциаций, и только такое свободное образование может дать широту, самобытность личности, и там, где мы стараемся активизировать личность по ассоциативным отношениям, мы можем создать только скучную, неинтересную личность.

Поэтому в моей практике я допустил единственное отклонение от

своих убеждений — это то, что прибавил в школе в каждом классе два урока черчения, а в остальном наша школа руководилась педагогическим советом, как и всякая школа, и никакого отношения к производству не имела. В каждой области знания, учения и обучения у нас имеются свои законы, свои требования, свои цели, и эти требования должны удовлетворять каждого равно.

В результате получалась самая здоровая и самая естественная увязка. Выходил человек, знающий производство, знающий организацию производства, процессы производства, и, кроме того, образованный человек, получивший среднее образование.

И когда мне возражали представители теоретической мысли, я им говорил, что среднее образование и квалификация фрезеровщика VII разряда — это прекрасная комбинация, и никаких дополнений к этой комбинации не надо. Нельзя пожаловаться, если человек умеет обращаться со станком.

Вообще я считаю, что перековка характера и перевоспитание правонарушителя возможны только при условии полного среднего образования. Я вам говорил, что неполное среднее образование не дает такой уверенности, как полное.

Теперь перехожу к заключительной части моего доклада — это об основном виде и характере личности, которая должна выработаться в воспитательном коллективе. Я считаю, что в этом пункте мы, педагоги, еще не всё додумали до конца. Я глубоко убежден, что качества нашей советской личности принципиально отличаются от качеств личности в буржуазном обществе, и поэтому и наше воспитание должно быть также принципиально отличным.

Воспитание в буржуазном обществе — это воспитание отдельной личности, приспособление ее к борьбе за существование. И совершенно естественно, что такой личности должны сообщаться качества, необходимые в такой борьбе: качество хитроумия и жизненной дипломатии и качество обособленной борьбы, обособленного борца за самого себя.

И совершенно естественно, в старой школе и во всякой буржуазной школе и воспитывается этот комплекс зависимостей человека, которые необходимы в буржуазном обществе. Человек в этом обществе находится в совершенно иной цепи зависимостей, чем у нас.

Вы вспомните, как мы, старики, учились. Нам на каждом шагу не говорили, что ты будешь зависеть от богатого класса, от царского чиновничества, но это пропитывало всю суть нашего воспитания. И даже когда говорили, что богатый должен помогать бедным, то в этом, казалось бы, таком прекрасном, даже красивом требовании, в сущности, заключалось определенное указание на ту зависимость, какая существует в жизни между богатым и бедным. То, что богатый будет мне, бедному, помогать, означало, что богатый имеет богатство, что он в силе мне помочь, а я могу только рассчитывать на его помощь, его подачки, на помощь богатого человека. Я, бедняк, являюсь объектом его благотворительности. В этом и заключалось глубокое внушение той системы зависимостей, которая должна была меня встретить в жизни. Зависимость от состояния, от доброй воли, от богатства, от милостыни и жестокости — вот та цепь зависимостей, к которой готовился человек.

Наш воспитанник тоже готовится к определенной системе зависимостей. Страшное заблуждение полагать, что, освободившись от системы зависимостей буржуазного общества, т. е. от эксплуатации и неравномерного распределения жизненных благ, воспитанник вообще свободен от всякой цепи зависимостей. В советском обществе существует иная цепь зависимостей, это зависимость членов общества, находящихся не в простой толпе, а в организованной жизни, стремящихся к определенной цели. И в этой нашей организованности есть процессы и явления, которые определяют и нравственность нашего советского человека, и его поведение.

И все мы по мере того, как живем в советском обществе, растем, мы растем как члены коллектива, т. е. как люди, находящиеся в определенной системе зависимостей. Я не знаю, до конца ли я дошел в своей работе в этом отношении, но эта суть воспитания меня всегда интересовала больше всего. Я уже говорил немного об этом, когда вспоминал о дисциплине.

Для того чтобы яснее представить себе эту проблему, посмотрим коллектив в действии, именно коллектив, а не толпу, т. е. коллектив, имеющий перед собой определенные общие цели. В этом коллективе зависимости очень сложные, каждая отдельная личность должна согласовать свои личные стремления со стремлениями других: во-первых, целого коллектива, во-вторых, своего первичного коллектива — ближайшей группы, должна согласовать так, чтобы личные цели не делались антагонистичными по отношению к общим целям. Следовательно, общие цели должны определять и мои личные цели. Эта гармония общих и личных целей является характером советского общества. Для меня общие цели являются не только главными, доминирующими, но и связанными с моими личными целями. Очевидно, детский коллектив только так может быть построен. Если он построен не так, я утверждаю — это не советское воспитание.

В практике коллектива на каждом шагу возникают вопросы противоположения личных и коллективных целей и вопросы гармонизирования этих целей. Если в коллективе чувствуется это противоречие между целями общими и частными, личными, значит, коллектив не советский, значит, он организован неправильно. И только там, где личные и общие цели совпадают, где нет никакой дисгармонии, там коллектив советский.

Но разрешить этот вопрос нельзя, если отойти от практических будничных деталей каждого сегодняшнего дня. Этот вопрос может разрешаться только на практике каждого отдельного коммунара и каждого отдельного коллектива. Практика — это то, что я называю стилем работы. Я считаю, что вопрос о стиле педагогической работы должен быть сочтен достойным иметь отдельные монографии, настолько важен этот вопрос[22].

Возьмем такую деталь, как отношения коммунаров между собой, отношения товарища к товарищу. Как будто вопрос не новый, а между тем он слабо у нас разрешается в нашей педагогической теории. Этот вопрос почти не мог существовать в дореволюционной педагогике. В дореволюционной педагогике, как и в дореволюционном обществе, отношения человека к человеку разрешались как отношения индивида к индивиду, т. е. отношения двух свободных самостоятельных миров, и можно

было говорить о воспитании хорошего человека, о воспитании доброго человека, о воспитании такого-сякого человека.

В нашей педагогике можно говорить о воспитании товарища, об отношении члена одного коллектива к члену другого коллектива, которые не свободны, которые не вращаются в пустом пространстве, а которые связаны своими обязательствами или отношениями с коллективом, своим долгом по отношению к коллективу, своей честью по отношению к коллективу, своими движениями по отношению к коллективу. Это организованное отношение членов одного коллектива к членам другого коллектива должно являться решающим в постановке воспитания.

Что такое коллектив? Это не просто собрание, не просто группа взаимодействующих индивидов, как учили педологи. Коллектив — это есть целеустремленный комплекс личностей, организованных, обладающих органами коллектива. А там, где есть организация коллектива, там есть органы коллектива, там есть организация уполномоченных лиц, доверенных коллектива, и вопрос отношения товарища к товарищу — это не вопрос дружбы, не вопрос любви, не вопрос соседства, а это вопрос ответственной зависимости. Даже если товарищи находятся в равных условиях, идут рядом в одной шеренге, исполняя приблизительно одинаковые функции, связываются не просто дружбой, а связываются общей ответственностью в работе, общим участием в работе коллектива.

А в особенности интересными являются отношения таких товарищей, которые идут не рядом в одной шеренге, а в разных шеренгах, и особенно интересны отношения тех товарищей, где зависимость не равная, где один товарищ подчиняется другому товарищу. В этом наибольшая хитрость в детском коллективе, наибольшая трудность — создать отношения подчинения, а не равностояния. Это то, чего больше всего боятся наши педагоги. Товарищ должен уметь подчиняться товарищу, не просто подчиняться, а уметь подчиняться.

И товарищ должен уметь приказать товарищу, т. е. поручить ему и потребовать от него определенных функций и ответственности.

Такое умение подчиняться товарищу, причем это не подчинение богатству, и не подчинение силе, и не подчинение в порядке милостыни или подачки, а подчинение равноправных членов коллектива,— это чрезвычайно трудная задача не только для детского общества, но и для взрослых. Если еще остались пережитки старого, то все они умещаются в этом самом месте. И в особенности трудно приказать равному себе только потому, что меня уполномочил коллектив. Здесь чрезвычайно сложный комплекс. Я только тогда сумею приказать товарищу, поручить ему, пробудить его к действию, отвечать за него, когда я чувствую ответственность перед коллективом и когда я знаю, что, приказывая, я выполняю волю коллектива. Если я этого не чувствую, то у меня остается только простор для личного преобладания, для властолюбия, для честолюбия, для всех иных чувств и тенденций не нашего порядка.

Я в особенности много обращал внимания на эту сторону дела. Я поэтому шел на очень сложный принцип зависимостей и подчинений в коллективе. К примеру, вот этот самый мальчик дежурный командир, который сегодня руководит коллективом, а завтра уже подчиняется новому руководителю, он как раз является прекрасным примером такого воспитания.

Я уходил еще дальше в этом отношении, я старался как можно больше переплести зависимости отдельных уполномоченных коллектива друг с другом, так чтобы подчинения и приказания как можно чаще встречались...

Вот почему я так настаивал на некоторой военизации и... строил систему первичных коллективов, причем на правах единоначалия, которые я давал своему командиру. Я старался дробить коллектив на отряды по 10 человек, чтобы число уполномоченных было как можно больше, я старался создавать как можно больше разных комиссий, а в последнее время пришел к такой форме — поручения отдельному лицу.

Я не пропускал ни одного случая, чтобы не использовать этой формы. Беру первое, что я вспоминаю. Вот нужно перевести ребят из одной спальни в другую, перегруппировка по спальням в зависимости от прибытия новых ребят и т. д. А новенькие всегда вкраплялись в старые отряды. Совет командиров постановляет переселиться из спальни в таком-то часу, разрешается брать с собой только постели, не разрешается брать с собой ни кроватей, ни столов, ни портретов, ни шкафов; ответственным за правильность переселения назначается, скажем, Козырь. И вот первое время это было не так легко. Этому Козырю не подчинялись, махали руками, он сам не знал, как ему 400 человек подчинить.

В последнее время я добился не только того, что это удавалось, но и того, что Козырь и остальные были на своих местах и Козырь стоял в коридоре, одним движением пальца, бровей, глаз делал то, что было нужно, и все прекрасно понимали: Козырь отвечает за успех; если такой-то унес лучший портрет в свою спальню, отвечать будет Козырь, если он прозевал, не заметил.

Скажем, мне нужно взять 20 беспризорных с вечернего поезда. Всегда совет командиров выделял специальную свободную бригаду в 5—6 человек. Командиром бригады назначался, допустим, Землянский. И он прекрасно понимал, что он командир бригады, и все 5—6 человек из отряда подчинялись немедленно всем его распоряжениям. В этом для них какое-то удовольствие, и они видят, что у них есть центр, который руководит ими и отвечает за них.

И такой Землянский понял, что всю операцию возложили на его плечи, и бригада также поняла, и на вокзалах, где нужно снимать и с крыш, с поездов, где нужно было выбирать хороших пацанов, т. е. боевых, на которых можно было бы положиться, а не слюнявых и сопливых, они и выбирали таких боевых пацанов. Землянский выполнял эти обязанности. Я не мог следить. Он должен был выполнить поручение, и за такое поручение Землянский должен был отчитаться.

Я не имел времени, но как ни поздно, как ни трудно, но я не упускал возможности выслушать отчет и признать работу удовлетворительной, хорошей или неудовлетворительной. Больше никакого решения не выносилось. Не было такого дня в коммуне, чтобы для определенного случая, возникшего сегодня, не нашелся ответственный человек и ему в помощь несколько мальчиков из разных отрядов. Поссорились хлопцы и не мирятся. Немедленно назначается товарищ, который должен выяснить всю сущность спора, помирить их и отчитаться в поручении.

Серьезная ответственность являлась таким воспитательным средством

для разрешения многих проблем. Само собой разумеется, что все это было дополнительно по отношению к общей системе отряда. Это был действительно штаб, отвечающий за работу, а не только показывающий.

Я наблюдал, как в некоторых детских домах заботятся о такой организации работы, но не позаботятся о точности и строгой ответственности. А без ответственности не может быть настоящей работы. В то же самое время очень важно, чтобы ответственность требовалась и на производстве, и в классе, и в школе, в сводной бригаде. Даже в таком случае, как баня,— значит, сегодня должен быть ответственный по бане. Эта ответственность должна сливаться с единством ответственности всего коллектива. Если такого единства ответственности нет, если нет полной гармонии ответственных лиц, то может получиться игра, а не серьезное дело.

Из всех этих поручений, из всех этих приемов и создается стиль работы, стиль коллектива. Я уже сказал, что об этом стиле нужно писать монографии.

Отличительными признаками стиля советского детского коллектива я считаю следующие.

Во-первых, мажор. Я ставлю во главу угла это качество. Постоянная бодрость, никаких сумрачных лиц, никаких кислых выражений, постоянная готовность к действию, радужное настроение, именно мажорное, веселое, бодрое настроение, но вовсе не истеричность. Готовность к полезным действиям, к действиям интересным, к действиям с содержанием, со смыслом, но ни в коем случае не к бестолочи, визгу, крику, не к бестолковым зоологическим действиям.

Такие зоологические действия — крик, визг, беготню — я решительно отрицаю. И в коммуне им. Дзержинского, где жило 500 мальчиков и девочек, вы никогда не услышали бы визга и крика. И в то же время вы видите постоянно бодрость и уверенность в своей жизни, в своем настроении.

Этот мажор не может, конечно, создаваться специальными методами, это результат всей работы коллектива, всего того, о чем я говорил.

Следующий признак стиля — ощущение собственного достоинства. Это, конечно, нельзя сделать в один день. Эта уверенность в своем собственном лице вытекает из представления о ценности своего коллектива, из гордости за свой коллектив.

Если вы приезжаете в коммуну, вас очень вежливо, очень приветливо встретят, никогда не бывало, чтобы прошли и вас не заметили. Первый, кого вы встретили, обязательно вам поклонится, скажет:

— Здравствуйте! Пожалуйста, что вы хотите?

И каждый насторожен.

— А кто вы такой, а что вам угодно?

Никто не станет вам жаловаться на коммуну. Я наблюдал поразительное явление среди коммунаров. Вот его только что взгрели, человек расстроен до последней степени. И вдруг он оказался лицом к лицу с приехавшим, посторонним человеком. Он весь изменился, он приветлив, радостен, он проводит вас, куда можно; если нельзя, он скажет:

— Пойдемте, возьмем разрешение.

Он занят своим несчастьем, своей ошибкой, но он бросит все и ни за что не покажет, что он только что пережил что-то. А если его спросят:

— Как живете?

Он скажет:

— Прекрасно живем.

Он это делает вовсе не потому, что он хочет кому-то понравиться, а потому, что он чувствует свою ответственность за коллектив, гордится своим коллективом, даже наказанный.

Вот какого-нибудь пацана за вредные действия только что взгрели, вот приехала экскурсия:

— Какой хороший мальчик! Как он у вас?

Никто ни слова не скажет, что он нагрешил и наказан. Это считается дурным тоном, это дело наше, а по отношению к другому мы его не выдадим.

Вот этот тон достоинства очень трудно воспитывается, для него нужны, конечно, годы. Вежливость к каждому гостю, к каждому товарищу должна быть доведена, конечно, до совершенства. Но эта вежливость должна сопровождаться постоянным сопротивлением проникновению в коммуну, в коллектив каких-то посторонних, праздно шатающихся элементов, а тем более врагов. И поэтому в коммуне очень вежливо встретят и проводят, но первым долгом спросят:

— Кто вы такой? Зачем пришли?

И если увидят, что, собственно, никакого дела нет, то очень вежливо скажут:

— Нет, мы не можем вас принять; если у вас будет дело какое-нибудь,— пожалуйста.

А охотников пошляться, поглазеть на коммуну было всегда очень много. Вот эта вежливость вытекает из очень важной способности, которую надо воспитывать нам у каждого гражданина. Эта способность — ориентировка. Вы, наверное, видели, как очень часто в детском коллективе или в толпе нет этой способности ориентироваться. Человек видит то, что у него перед глазами, а то, что за затылком, не видит.

Эта способность чувствовать, что находится вокруг тебя, кем ты окружен, эта способность чувствовать также все то, чего ты не видишь, что делается в других комнатах, чувствовать тон жизни, тон дня — это способность ориентироваться — она воспитывается с очень большим трудом.

И нужно прилагать очень большие усилия и постоянно помнить, чтобы эту способность к ориентировке воспитать. Тот визг и крик, который часто бывает в детском коллективе,— это прежде всего полное отсутствие ориентировки, ощущение только себя и своего движения. Нет ощущения окружающего. А настоящий советский гражданин должен всеми своими нервами почти бессознательно ощущать, что кругом происходит. Одно дело, когда ты находишься среди своих друзей. Тогда ты можешь себя вести таким-то образом. Другое дело, когда ты находишься среди новичков-коммунаров, когда ты видишь, что тут есть пацаны, которые только вчера прибыли. Если коммунар видит это, он не скажет того, что не должен услышать такой пацан. Одно дело, когда он видит, что женщина или девочка проходит мимо. Она ему не нужна, но он должен изменить поведение. Если я нахожусь около, он должен и обязан знать и ощущать, что я — центр коллектива — нахожусь близко. Или если это другой пе-

дагог, инструктор, инженер, представитель центра, по отношению к каждому человеку должна быть ориентировка.

Это не значит приспособляться и подделываться. Это значит — ощущать, в каком месте коллектива ты находишься и какие твои обязанности по отношению к поведению из этого вытекают.

Мне приходилось видеть, что большей частью воспитанники детских домов и колоний очень несимпатичный тон принимают по отношению к тем, кто к ним приезжает. Они, кто бы ни вошел, начинают жаловаться и на воспитателей, и на завхоза, и друг на друга, не зная, кто я такой. Я добивался, чтобы коммунары с такими жалобами к посторонним лицам не обращались. Самокритика — это одно дело, а «слезливость», способность, как говорят коммунары, «канючить», «пищать» в присутствии кого угодно, это недопустимо.

Очень часто коммунары были недовольны то одним, то другим, то третьим. Об этом они говорили на совете командиров, но никогда не позволяли себе жаловаться и «пищать» в присутствии других лиц, по отношению к которым коллектив являлся целым. Стремление жаловаться — это не самокритика. Это состояние лица, чувствующего себя несчастным в коллективе, это слезливость коллектива и слезливость отдельных лиц. Идея защищенности должна особенно присутствовать в коллективе и украшать его стиль. Она должна быть создана там, где есть гордость коллектива, где есть требование к каждой личности, т. е. где каждая личность чувствует себя защищенной от насилия и самодурства, от издевательства.

И эта защищенность вытекает из опыта. Я добился, что самые маленькие, самые нежные мальчики и девочки 10—12 лет не чувствовали себя младшими членами коллектива. В работе — да, в деле — да, но в самочувствии, в уверенности в себе они чувствовали себя прекрасно защищенными, так как они чувствовали, что никто не сможет их обидеть, так как каждый обиженный будет защищен не только своим отрядом, бригадой, мною, а более того — первым встречным товарищем.

Очевидно, что такая идея защищенности все же сама не придет, ее тоже надо создавать и над ней работать. Создавая в этом стиле постоянный мажор, способность к движению, к энергии, к действию, надо одновременно создавать и способность к торможению. Как раз это то, что сравнительно редко удается обычному воспитателю. Тормозить себя — это очень трудное дело, особенно в детстве, оно не приходит от простой биологии, оно может быть только воспитано. И если воспитатель не позаботился о воспитании торможения, то оно не получается. Тормозить себя нужно на каждом шагу, и это должно превратиться в привычку. И коммунары прекрасно знают, что человек без тормоза — это испорченная машина. Это торможение выражается в каждом физическом и психическом движении, в особенности оно проявляется в спорах и ссорах. Как часто ссорятся дети потому, что у них нет способности торможения.

Воспитать привычку уступить товарищу — это очень трудное дело. Я добился этой уступчивости исключительно из соображений коллективной пользы. Я добился того, что раньше, чем дети перессорятся,— стоп, тормоз, и уже ссора не происходит. Поэтому я добился того, что в коммуне по целым месяцам не было ссор между товарищами, а тем более драк,

сплетен, интриг друг против друга. И я добился этого не упором на то, кто прав, кто виноват, а исключительно умением тормозить себя.

Каждый из вас понимает прекрасно, каких случаев жизни это касается и к чему это может привести. Конечно, все эти признаки стиля, его особенности воспитываются во всех решительно отделах жизни коллектива, но они воспитываются и в правилах и нормах внешнего поведения — то, над чем многие смеялись, рассматривая мою работу, и не могли помириться, это внешние нормы поведения.

Я до сих пор считаю чрезвычайно важным условием то, что коммунар не должен держаться за перила лестницы, не должен прислоняться к стене, вот так со мной и другими разговаривать (показывает), то, что он всегда должен надеяться на свою талию, и для этого она крепко стянута у него ремнем; то, что он мне, командиру, обязан на всякое приказание ответить: «Есть», и пока он этого не сказал, считается, что он не понял приказания.

Все это имеет очень большое значение. Так у нас было принято. Сегодня Землянский назначен командиром домашних работ. И он говорит:

— Николай, пойди принеси мне бумагу и карандаш.

И если тот побежал, он скажет:

— Ты как идешь?

— Есть, принести бумагу!

Эта внешняя подтянутость, чувство формы, оно определяет и внутреннее содержание поведения. Тот же Землянский и Николай могли потом целый день играть в лапту, в футбол, но здесь он командир над своим товарищем. И должна быть определенная внешняя форма их отношений.

И если я накладываю взыскание, я не считаю, что его приняли, если мне не скажут:

— Есть!

Эта установленная форма вежливости в деловых отношениях чрезвычайно полезна, она мобилизует волю, она заставляет человека себя чувствовать собранным, она подчеркивает тип деловых отношений, она учит человека различать: это дружба, это соседство, это любовь, это приятельство, а вот это — дела. И это вызывает особое уважение к делу.

Я считаю, что, может быть, без этого можно обойтись, конечно, но это наиболее экономная форма делового воспитания, внешняя форма деловых отношений. А внешняя форма часто определяет и самую сущность

Потом в коммуне это сделалось настолько повседневным, естественным совершенно явлением, что иначе и быть не могло. У самых маленьких пацанов рефлекс салюта так точно выработался, что никто никогда в конце концов не сказал бы: это вы шутите, играете, — а как только он становится в деловые отношения, у него это естественно вытекает, этот рефлекс делового отношения.

Мальчик играет на площадке, увлечен, разгорячен. И случайно, проскальзывая мимо своего дежурного командира, слышит какое-то небольшое распоряжение. Он обязательно сразу вытянется. И я считаю, что это очень важно и полезно.

Вот эти нормы внешнего поведения не имеют смысла, если нет и не воспитывается общий определенный стиль. И там, где захотели бы ввести такую внешность, не воспитывая ни способности ориентироваться, ни спо-

собности торможения, ни ответственности, ни четкости в работе, ни единоначальной ответственности, ни идеи защищенности,— там, конечно, такой внешней формы не будет, иначе говоря, она будет работать впустую. И только там, где есть общий стиль, стиль, построенный на постоянном коллективном движении и содержании, там, конечно, форма внешней вежливости, может быть, несколько напоминающая военизацию, но в общем не выходящая даже за принцип пионерского движения, там она необходима, полезна и чрезвычайно украшает коллектив. А украшая коллектив, она уже производит повторное, обратное действие, она уже делает коллектив притягательным и с эстетической стороны[23].

Я не представляю себе коллектива, в котором ребенку хотелось бы жить, которым он гордился бы, не представляю себе такого коллектива некрасивым с внешней стороны. Нельзя пренебрегать эстетическими сторонами жизни. А как раз мы, педагоги, очень часто страдаем некоторым нигилизмом по отношению к эстетике.

Эстетика костюма, комнаты, лестницы, станка имеет нисколько не меньшее значение, чем эстетика поведения. А что такое эстетика поведения? Это именно поведение оформленное, получившее какую-то форму. Форма сама является признаком более высокой культуры.

Поэтому здесь еще один отдел забот: приходя к эстетике как к результату стиля, как показателю стиля, мы эту эстетику потом начинаем рассматривать и как фактор, сам по себе воспитывающий.

Я не могу вам перечислить всех норм красивой жизни, но эта красивая жизнь должна быть обязательной. И красивая жизнь детей — это не то, что красивая жизнь взрослых. Дети имеют свой тип эмоциональности, свою степень выразительности духовных движений. И красота в детском коллективе не вполне может повторять красоту коллектива взрослых.

Вот хотя бы игра. Игра обязательно должна присутствовать в детском коллективе. Детский коллектив неиграющий не будет настоящим детским коллективом. Игра должна заключаться не только в том, что мальчик бегает по площадке и играет в футбол, а в том, что каждую минуту своей жизни он немного играет, он приближается к какой-то лишь ступеньке воображения, фантазии, он что-то из себя немного изображает, он чем-то более высоким себя чувствует, играя. Воображение развивается только в коллективе, обязательно играющем. И я, как педагог, должен с ним немножко играть. Если я буду только приучать, требовать, настаивать, я буду посторонней силой, может быть, полезной, но не близкой. Я должен обязательно немного играть, и я этого требовал от всех своих коллег.

Конечно, разговаривая сейчас с вами, я совсем иной человек, но когда я с ребятами, я должен добавить немного этого мажора, и остроумия, и улыбки, не какой-нибудь подыгрывающей улыбки, но приветливой улыбки, достаточно наполненной воображением. Я должен быть таким членом коллектива, который не только довлел бы над коллективом, но который также радовал коллектив. Я должен быть эстетически выразителен, поэтому я ни разу не вышел с непочищенными сапогами или без пояса. Я тоже должен иметь какой-то блеск, по силе и возможности, конечно. Я тоже должен быть таким же радостным, как коллектив. Я никогда не позволял себе иметь печальную физиономию, грустное лицо. Даже если у меня были не-

приятности, если я болен, я должен уметь не выкладывать всего этого перед детьми.

С другой стороны, я должен уметь разразиться. В прошлом году я читал в вашем педагогическом журнале, каким тоном надо разговаривать с воспитанниками. Там сказано: педагог должен разговаривать с воспитанниками ровным голосом. С какой стати? Почему ровным голосом? Я считаю, что это такой нудный получится педагог, что его просто все возненавидят. Нет, я считаю, что педагог должен быть весел, бодр, а когда не то делается, должен и прикрикнуть, чтобы чувствовали, что если я сердит, так сердит по-настоящему, а не так что — не то сердится, не то педагогическую мораль разводит.

Это требование относится ко всем педагогическим работникам. Я без жалости увольнял прекрасных педагогических работников только потому, что постоянно такую грусть они разводили. Взрослый человек в детском коллективе должен уметь тормозить, скрывать свои неприятности.

Коллектив надо украшать и внешним образом. Поэтому я даже тогда, когда коллектив наш был очень беден, первым долгом всегда строил оранжерею, и не как-нибудь, а с расчетом на гектар цветов, как бы дорого это ни стоило. И обязательно розы, не какие-нибудь дрянные цветочки, а хризантемы, розы. И я, и мои ребята кохались* в этих цветах до предела. У нас был действительно гектар цветов, и не каких-нибудь, а настоящих. Не только в спальнях, столовых, классах, кабинетах стояли цветы, но даже на лестницах. Мы делали из жести специальные корзинки и все бордюры лестницы уставляли цветами. Это очень важно. Причем каждый отряд вовсе не получал цветы по какому-нибудь наряду, а просто — завял цветок, он идет в оранжерею и берет себе следующий горшок или два.

Вот эти цветы, костюмы, чистота комнат, чистота обуви — это должно быть в детском коллективе. Ботинки должны быть всегда почищены, без этого какое может быть воспитание? Не только зубы, но и ботинки. На костюме не должно быть никакой пыли. И требование прически. Пожалуйста, носи какую угодно прическу, но прическа должна быть действительно прической. Поэтому раз в месяц ДЧСК брал машинку и шел по спальням. Чуть не причесан — провел машинкой, иди в парикмахерскую. Поэтому всегда все ходили причесанные.

Вот это требование чистоты должно очень строго проводиться. Через полгода после того, как я оставил коммуну им. Дзержинского, я приехал туда с ревизией из Киева. Конечно, все выбежали, пожимали мне руки, было милое отношение и т. д. Я пошел по спальням. Вижу, что-то не то: пыль, там носовой платок валяется у самого лучшего моего командира Яновского, открыл шкаф — оттуда целую кучу грязи можно вывезти. Я тут ровным голосом ничего не говорил, а настоящим голосом сказал: «Десять часов ареста, а больше я никуда не иду, завтра утром буду принимать уборку сам». И вот они присылают за мной в половине пятого машину в Харьков, и когда я приехал, я не мог найти ни пылинки. Я спрашиваю: «Когда же вы успели?» Говорят: «Спать не ложились». Я же понимаю, что у меня требования такие, а у другого требования другие. Чуть уменьшил требования — нет тона, нет стиля. Все это надо помнить. В классе во время

---

* *Кохались* — любовно заботились, нежились.

урока ДЧСК прежде всего обращается к учителю: «Вы довольны чистотой в нашем классе?»

Вот положение учителя — скажет: «Доволен»,— а ДЧСК найдет тысячу недостатков. Учитель доволен, а там грязь, у того ногти не стрижены, парта изрезана. Так что поневоле каждый учитель требовал в классе чистоты.

Я не допускал к уроку учителя, неряшливо одетого. Поэтому у нас вошло в обыкновение ходить на работу в лучшем костюме. И я сам выходил на работу в лучшем своем костюме, который у меня был. Так что все наши педагоги, инженер и архитектор ходили франтами.

Все это очень важно. Вот стол. Можно положить клеенку — хорошо, гигиенично, можно что угодно положить, а потом вымыл, и чисто. Нет, только белая скатерть, только белая скатерть может научить есть аккуратно, а клеенка — развращение. Скатерть в первые дни всегда будет грязная, вся в пятнах, а через полгода она станет чистая. Невозможно воспитать умение аккуратно есть, если вы не дадите белой скатерти.

Так что серьезные требования надо предъявлять ко всякому пустяку, на каждом шагу — к учебнику, к ручке, к карандашу. Объеденный карандаш — что это такое? Карандаш должен быть очинен прекрасно. Что такое заржавевшее перо, которое не пишет, что такое муха в чернильнице и т. д.? Ко всем педагогическим устремлениям, которые у вас есть, прибавьте миллиарды этих мелочей. Конечно, одиночка за ними не уследит, а когда коллектив за этим следит и знает цену этим мелочам, с этим вполне можно справиться.

В дверях стоит человек с винтовкой. Он стоит в парадном костюме. Он должен следить, чтобы каждый вытирал ноги. Все равно — сухо на дворе или грязно — ни один человек не может войти в комнату, не вытерев ноги. И этот коммунар, который следит за этим, стоя на часах, прекрасно понимает, почему он должен следить,— потому что он каждый день вытирает пыль, а если вытирать ноги, пыли не будет в коммуне совсем. Поэтому напоминать коммунарам об этом не приходится. А посторонние часто удивляются:

— Зачем мне вытирать ноги, я прошел по чистому тротуару.

И мальчик должен ему объяснить.

«Да, но вы приносите нам два грамма пыли».

Или такая мелочь, как носовой платок. Как это не дать человеку чистого платка и не менять его каждый день! Я видел детские дома, где носовые платки меняют раз в месяц, т. е. специально приучают человека вытирать нос грязной тряпкой. А ведь это же пустяк, это стоит гроши.

Плевательница. Казалось бы, какое достижение санитарии — в каждом углу поставить плевательницы. Для чего люди должны ходить и плевать? Ребята так и говорят:

— Ты хочешь плевать? В больницу ложись, ты болен, ты заболел какой-то верблюжьей болезнью, а здоровый человек никогда не плюется.

— Я курю.

— Какой же ты курильщик, бросай курить, хороший курильщик никогда не плюет.

И если человек продолжает плевать, его тащили к врачу.

— Что такое? Плюет и плюет.

И врач обычно помогал, убеждал, что это лишь рефлекс.

А я видел детские дома, где стоят плевательницы. И они обозначают только то место, которое можно заплевать. И вся стена около действительно заплевана.

Вот таких мелочей в жизни коллектива очень много, из них и составляется та эстетика поведения, которая должна быть в коллективе. Мальчик, который не плюет, который не вычищает нос при помощи двух пальцев, — это уже воспитанный мальчик. И эти принципиальные мелочи должны быть не только доведены до конца, но должны быть строго продуманы и сгармонированы с какими-то общими принципами. Сюда относятся многие мелочи, которые нельзя здесь перечислить, но все они могут исполняться красиво, здорово и в связи с общим движением коллектива.

На этом я заканчиваю. Я считаю, что то, что делал я и мои сотрудники, это делалось очень многими людьми в Советском Союзе. Я от них отличаюсь только тем, что я чувствую потребность требовать этого от всех, т. е. чувствую потребность проповедовать вот такие обычные положения, не мои личные положения, а имеющиеся у очень многих педагогов Советского Союза.

Я чувствую также потребность их систематизировать. Я сам наблюдал очень красивый опыт во многих наших школах, у нас есть прекрасные коллективы, очень хорошо организованные, с центром, со стилем, с красотой. Я думаю, что этот опыт требует систематизации. Жалко, если этот опыт, большой советский педагогический двадцатилетний опыт, будет потерян. Только поэтому я и считаю себя обязанным как можно больше писать. Причем я очень часто, может быть, путаю, ошибаюсь. Но это дело надо двигать, дело пропаганды советского педагогического опыта.

Я считаю, что в особенности ваша обязанность, деятелей Наркомпроса, принять какие-то меры по подытоживанию этого опыта и пропаганде лучших педагогических советских учреждений.

Проблемы воспитания в советской школе

Обычно, если какой-нибудь школьник огорчит семью, учителей, а то и органы милиции каким-либо неблаговидным поступком, начинаются неизменные пререкания:

— Ну конечно, комсомол плохо помогает школе.

— А пионерская организация? Не умеет работать...

— Позвольте, а чем занимается директор? Он ведь только старший завхоз. Хозяйственные заботы — финансы, отопление, ремонт — целиком поглощают его день. Кто же отвечает за дисциплину?

— Родители тоже хороши! Ничем не помогают.

— Помилуйте, а педагоги разве помогают? Уткнулись носом в тетрадки и совершенно не занимаются воспитанием.

Необходимо, однако, реабилитировать советскую школу, освободить ее от совершенно незаслуженных обвинений в немощи.

Без всякого преувеличения можно сказать, что вопросы воспитания всплывают обычно на поверхность только при каких-нибудь досадных происшествиях, когда на «помощь» привлекается Уголовный кодекс. Если же происшествий нет — школьник не сорвался с подножки трамвая под

колеса, стрелок из рогатки не вышиб глаз товарищу, — о проблемах воспитания не вспоминают. Ни один раздел школьной педагогики так слабо не разработан, как методика нормальной воспитательной работы. Теоретики видят в воспитательных мероприятиях лишь подсобное вспомогательное средство к повышению успеваемости — и только.

Практики-педагоги теряются среди множества эмпирических приемов, не связанных в стройную воспитательную систему. Лучшие наши учителя знают чрезвычайно ценные приемы воспитания воли, выработки внутреннего кодекса поведения советского ребенка, предлагают в этой области своеобразные изобретения, интересные начинания. Но такое опытничество слабо поощряется органами народного образования и крайне слабо изучается.

Неопределенность воспитательного процесса в школе, распыленность педагогических сил, боязнь смелого почина снижают эффективность труда даже талантливых учителей. Тем хуже дела у тех классных руководителей, — а их у нас сотни тысяч, — которые, не обладая выдающимся педагогическим мастерством, работая в одиночку, не находят нужной линии, не овладевают своими воспитанниками. А неповоротливые молчальники-теоретики, с постной миной «изживающие» педологические ошибки, покаянно выгребающие псевдонаучный мусор из педагогической литературы, до сих пор не оплодотворили школьную практику положительными мыслями, несмотря на то что общие педагогические идеи марксизма-ленинизма, высказывания Ленина дают в области воспитания совершенно ясную установку и открывают большой простор педагогическому творчеству. Учителям до сих пор не помогли понять, что нормальная работа школы немыслима без сплоченного педагогического коллектива, придерживающегося единой методики и коллективно отвечающего не только за «свой» класс, а за всю школу в целом[1].

Наша школьная сеть, которой вправе гордится страна, представляет собой в педагогическом секторе распыленную массу одиночек-учителей и в ученическом — массу разрозненных классов, лишь механически связанных соседством в общем школьном здании. Школы как единого коллектива, как целостного учреждения не знают у нас ни педагоги, ни дети, ни семья, ни советская общественность. И именно в этом таится корень многих бед.

Если, например, ребенок учится в московской школе № 575, то этот астрономический номер без индивидуального названия не рождает в нем никаких эмоций. Учащийся теряется в огромной толпе сверстников (ведь вместе с ним в школе часто учится до двух тысяч детей). Ученик знает только свой класс. Между классным коллективом и советским обществом нет связующего звена — более широкого коллектива, нет самой школы как единого общественного организма[2].

Педагогическая теория, размениваясь на мелочи, не удосужилась заняться этим кардинальным вопросом. Между тем совершенно очевидно, что каждый ученик должен жить не только интересами своего маленького классного кружка, а должен воодушевляться общими школьными целями, переживать общие школьные радости.

Как правило, коллектив учащихся школы не должен превышать тысячи. Школы-гиганты следовало бы разукрупнить, чтобы каждая имела свое лицо, чтобы дети были знакомы друг с другом, чтобы учителя узнавали в коридоре тех, кого они воспитывают, чтобы весь школьный коллектив друже-

ски общался на школьных праздниках, на литературно-художественных вечерах, в кружках, чтобы крепли дружба и уважение друг к другу в совместной творческой работе всего коллектива. Только создав единый школьный коллектив, можно разбудить в детском сознании могущественную силу общественного мнения как регулирующего и дисциплинирующего воспитательного фактора.

Индивидуальный подход к детям не означает возню с уединенной капризничающей личностью. Под флагом индивидуального подхода не следует протаскивать мещанское индивидуалистическое воспитание. Беспомощен тот педагог, который потворствует недостаткам ученика, слепо следует его капризу, подыгрывается и сюсюкает вместо того, чтобы воспитывать и переделывать его характер. Надо уметь предъявлять бескомпромиссные требования к личности ребенка, имеющего определенные обязанности перед обществом и отвечающего за свои поступки. Индивидуальный подход к ребенку в том и заключается, чтобы применительно к его индивидуальным особенностям сделать его преданным и достойным членом своего коллектива, гражданином Советского государства.

Вздыхая по хорошей дисциплине, у нас боятся процесса дисциплинирования. По сути дела, мы недалеко ушли от веры в пресловутую самодисциплину. Школа должна с первого же дня предъявлять к ученику твердые, непререкаемые требования советского общества, вооружать ребенка нормами поведения, чтобы он знал, что можно и чего нельзя, что похвально и что наказуемо.

Контроль общественного мнения большого авторитетного и любимого школьного коллектива закаляет характер ученика, воспитывает волю, прививает общественно полезные навыки личного поведения, гордость за школу и за себя как члена этого славного содружества. И тогда ребенок ведет себя не в зависимости от внешней обстановки, — в обществе хороших ребят он хорош, а среди драчунов и сам хулиган, — он знает, как себя вести: за что его одобрит уважаемый им коллектив и за что осудит. Так рождается в ребенке твердость, несгибаемость закаленного характера, так воспитывается чувство гражданской чести, долга, сознание обязанности по отношению к другим людям[3].

Сила общественного мнения в детском коллективе — совершенно материальный реально осязаемый фактор воспитания. Когда я руководил коммуной НКВД, то не побоялся, например, послать пятьдесят воспитанников — бывших воришек и беспризорников — на праздник открытия Краматорского завода. Я знал, что они не уронят достоинства коммуны, оказавшей им доверие и честь. Наши коммунары приняли за правило в трамвае не садиться, потому что всегда найдется в вагоне человек, которому следует уступить место. И каждый коммунар просто провалился бы от стыда сквозь землю, если бы его уличили в том, что он нарушил этот пункт этической заповеди коммуны — вежливость к старшим, помощь слабым.

Только отсутствием в школе организованного общественного мнения можно объяснить беспомощность воспитателей, позорящих себя подобными, например, характеристиками непослушных питомцев:

«Мешает, сорит, бьет стекла, выражается, мажет краской лица товарищам, своим хулиганским поведением разлагает не только учащихся, но и учащих...»

Такие аттестации звучат клеветнически. Школьник, изображенный драматическим злодеем, разлагает даже учителей.

Воспитатели, по существу, пишут приговор себе, расписываясь в своей никчемности. А теоретическая педагогика не осмеливается разработать проблему взаимодействия в школьном обиходе воспитательных мер и репрессий, имеющих при должном применении не менее воспитательное значение.

Странная вещь, педагоги боятся даже самого слова «наказание». У нас в школе не знают даже выговора. Маниловы от педагогики мечтают о таком идеальном положении: вот хорошо бы было, если бы дисциплину поднять и никаких мер воздействия для этого не требовалось!

Подобный ложный гуманизм считается до сих пор у теоретиков хорошим тоном. А школе это беспринципное сюсюканье наносит большой вред. Страх педагогов перед наказанием истекает из боязни возродить нравы старой школы. Но кто сказал, что разумно применяемое разумное наказание грозит нам ужасами царской школы? Ведь у нас нет социальной пропасти, антагонизма между учителями и учениками, между школьниками и школьным начальством. Если в старой школе наказание превращалось в насилие и не разрешало конфликта, а только усиливало его, загоняя язвы внутрь, то у нас система наказаний, по характеру своему отличная от жестокого и унизительного оскорбления человеческого достоинства школьника, несомненно, сыграет положительную воспитательную роль.

Разумная система взысканий не только законна, но и необходима. Она помогает оформиться крепкому человеческому характеру, воспитывает чувство ответственности, тренирует волю, человеческое достоинство, умение сопротивляться соблазнам и преодолевать их.

Активизация общественных начал школьного коллектива и сочетание воспитательных мер и системы взысканий требуют обязательного усиления воспитательного центра в школе. Таким центром может быть только директор, как самое ответственное в школе лицо, как уполномоченный государством руководитель. Наши директора непомерно много уделяют внимания хозяйству, а между тем директор должен прежде всего быть единоличным и абсолютно правомочным воспитателем школы. Все остальные школьные работники должны действовать под его непосредственным руководством и по его прямым указаниям.

Но педагогическое мастерство директора школы не может заключаться в простом администрировании. Мастерство в том именно и состоит, чтобы, сохраняя строгое соподчинение, ответственность, дать широкий простор общественным силам школы, общественному мнению, педагогическому коллективу, школьной печати, инициативе отдельных лиц и развернутой системе школьного самоуправления.

Имеющиеся сейчас — и то лишь в старших классах — старостаты не могут обеспечить действенного участия школьников в организации школьного быта. Между тем самоуправление может сделаться самым эффективным воспитательным средством.

При наличии школьного общественного мнения, общешкольной дисциплины, поддерживаемой общешкольными органами самоуправления, воспитательная работа педагогов существенно облегчается.

Руководство органами школьного самоуправления должно составить

главную заботу директора. Нужно отбросить старую педагогическую хмурость, излишнюю «взрослую» серьезность. Это тем легче сделать, что наши пионерские организации давно уже придумали много хорошего, общественно целеустремленного и отвечающего естественной потребности детей украшать жизнь элементами игры, внешними атрибутами парадности — значками, знаменами, музыкой. Для изобретательного воспитателя здесь большое и благодарное поприще.

Наша Родина вправе требовать от советской школы больших усилий к закреплению сознательной дисциплины среди миллионов учащихся.

Воспитание характера в школе

Статья «Проблемы воспитания в советской школе», напечатанная «Правдой» 23 марта в порядке обсуждения, вызвала множество откликов. Письма и статьи продолжают еще поступать. Пишут главным образом родители и учителя, партийные работники, директора школ. Только профессора педагогики, те люди, которые в первую очередь должны интересоваться вопросами воспитания, не прислали ни одного отзыва. Чем можно объяснить это весьма странное молчание, само по себе заслуживающее пристального внимания? Трудно представить себе, чтобы в какой угодно области принципиальные вопросы, поднятые в центральном органе, не вызвали отклика прежде всего со стороны самых высоких специалистов в данной области. Полбеды, если это молчание объясняется презрительным высокомерием ученых-олимпийцев, не желающих проблемы своей науки отдавать на растерзание толпе родителей и учителей. Не так страшно, если молчание есть результат трусости, непривычки к смелой мысли и к искренности. Но очень печально, если молчат просто потому, что ничего не понимают в вопросе, так далеко отошли от жизни, что она уже перестала быть областью, доступной их разумению. Последнее допущение, между прочим, очень вероятно. Не отозвалась на статью и «Учительская газета». О причинах тоже гадать не будем, но вот что пишет об «Учительской газете» преподаватель химии в средней школе № 40 в г. Иванове тов. Ильин...

«Для «Учительской газеты» характерно замалчивание недостатков в школе и описывание однообразных чудес по одному и тому же плану: ученик X. хулиганил, срывал уроки, бил учеников, разрушал имущество, оскорблял учителей. Учительница познакомила его с лейтенантом, когда узнала, что он любит военное дело. Мгновенно ученик превратился в отличника и по успеваемости и по поведению. Бедная редакция. Она и не замечает, что такие сообщения с удовольствием и с раскрытыми ртами могут слушать только незадачливые газетные работники и работники Наркомпроса...»

Нужно порадоваться тому, что люди, для которых дороги судьбы нашей школы и наших детей, откликнулись на статью «Проблемы воспитания в советской школе». В этих откликах нужно прежде всего отметить глубокое понимание воспитательных вопросов, знание нашей школьной действительности и умение в ней разобраться. В тех замечаниях, которые высказывают авторы многочисленных писем, больше здравого смысла и советской мудрости, чем во многих литературных упражнениях педагогических журналов.

Судя по этим письмам, можно прямо утверждать: в нашем обществе нет двух мнений по вопросам школьного воспитания. Все единодушно признают, что нашей школе предоставлены все возможности для отличной работы, что наши дети представляют благодарный материал для педагогов, но что, несмотря на эти счастливые условия, в нашей школе воспитательная работа часто поставлена очень плохо.

Будучи столь единодушны в оценке положения, все авторы согласны с теми требованиями, которые они предъявляют к школьному воспитанию: единый школьный коллектив преподавателей и учеников, разукрупнение школ-гигантов, усиление воспитательного центра, бескомпромиссное требование к ученику, воспитание воли и ответственности, твердый режим и дисциплина, система наказаний, активизирование общественного мнения в школе, большая связь школы с общественной жизнью страны.

В письмах находится очень много ценнейших мыслей по отдельным деталям школьной работы, привести которые полностью в настоящей статье мы не имеем возможности. В частности, некоторые авторы указывают на явные перегибы в деле борьбы за успеваемость. Перегибы эти заключаются в бюрократическом омертвлении идеи соревнования, в увлечении цифровыми результатами и сводками, создающими почву для развития очковтирательства, для глубокого развращения ученика и целых классных групп[1].

Другие обращают внимание на то, что боязнь педологии иногда принимает нелепую форму: отрицают возможность лени у ребенка, боятся говорить об изучении ребенка, игнорируют действительно средние или небольшие способности у того или у другого ученика, не допуская даже мысли о том, что в некоторых случаях полезно и необходимо оставить ребенка на второй год.

Эти замечания совершенно справедливы. Никакое дело не требует от работника такой оперативной гибкости, как работа учителя. Какие бы то ни было шаблоны по отношению к отдельному ученику совершенно недопустимы. Это, конечно, вовсе не обозначает, что школа должна обратиться в распыленное собрание «индивидуальных подходов», ничем не объединенных, как это часто наблюдается в настоящее время. Борьба за образцовую советскую школу должна быть борьбой не за шаблонный «неукоснительный метод», а за настоящий советский стиль в нашей школе...

В согласии со всеми многочисленными лицами, отозвавшимися на статью в «Правде», мы утверждаем: полная, последовательная реализация в каждом нашем педагогическом движении, в каждом нашем организационном мероприятии этого программного положения позволит нам поставить нашу школу на высоту, совершенно недосягаемую, в сравнение с которой не может идти никакое буржуазное школьное новаторство. ...Русский революционный размах должен отличать нашу школу от всякой другой. Наше отношение к человеку, великие цели, которые обязана ставить перед собой воспитательная работа, социалистический гуманизм, воспитание активного деятеля социалистического общества, воспитание целых поколений закаленных, преданных революции, радостных и суровых деятелей, разве этого можно достигнуть без революционного размаха?

В воспитательной работе не хватает серьезности, солидности, основательности, прямой, энергичной целеустремленности, логики в деталях. Именно поэтому в свое время в порядке «фантастического сочинитель-

ства» была придумана пустая и вредная формула: «Наказание воспитывает раба». И никто не потрудился проверить ее на деле. Рабов воспитывает как раз не наказание, а самодурство, не ограниченная ничем беспардонность, позволяющая у нас некоторым педагогам воспитывать хулиганов[2].

Вопрос о наказании — самый трудный вопрос в представлении многих педагогов. Трудным он кажется потому, что вспоминается старая школа, а нового опыта в области педагогической репрессии мы не знаем[3]...

Надо решительно отбросить, с одной стороны, всякую трусость в вопросе о наказаниях, с другой стороны, всякую попытку в той или иной форме протащить старый стиль царской школы... Стоит заговорить о наказании, как у слушателей дыбом встают волосы, холодеет кровь.

В лучшем случае соглашаются с тем, что наказание уместно в школе, но тут же наговорят столько примечаний, что, в сущности, все остается по-прежнему: наказывать нужно в исключительных случаях, 99% учеников нельзя наказывать, настолько они хороши, и, наконец, у нас и сейчас есть наказания, например замечание, выговор, вызов родителей.

Последнее утверждение правильно, но иногда в неожиданном смысле. Вот несколько отрывков из писем читателей.

«Вызываются в срочном порядке родители и начинается:

— Ваш сын хулиган, играет в перышки, дергает девочек за косы, придется исключить.

Несчастный родитель уходит домой с зловещим видом.

Через несколько дней:

— Ну, как мой сын?

— Ничего, знаете, притих.

Родитель наклоняется к уху учителя и сообщает о «внушении». Педагог виновато улыбается. Все в порядке» (Л. Блащик, г. Омск).

«Откровенно говоря, система безнаказанности существует только для нарушителей порядка из среды учеников. Лучшую часть учеников руками отсталых мы без стеснения наказываем слишком грубо (плевки, толчки, оскорбления, создание невозможных условий для нормальных занятий, шум, крики, ругань за уроками), и притом без всякого повода, без всякой вины. Этого не хотят видеть педагогические Маниловы» (В. Ильин, г. Иваново).

«Моя дочь четвертый год из четверти в четверть идет отлично. А в текущем году ее изводят ученики и периодами проявляют «дружеские рукоприкладства», чем я и заинтересовался. Разговаривал с педагогом и зав. учебной частью, которые... заявили мне, что напрасно я беспокоюсь, раз дочь у меня отличница» (Тимохин, станция Янаул Казанской железной дороги).

Другими словами, безнаказанность в школе обязательно обращается в беззащитность части учеников. Неужели это положение составляет такую непосильную мудрость?

А между тем можно составить ряд мер воздействия, которые, впрочем, и представляют собой наказание: замечание наедине, замечание перед классом, замечание перед общим собранием школы, выговор в приказе по школе, лишение школьного билета[4].

Наказание — настолько тонкое дело, что оно не может быть поручено каждому педагогу. Поэтому право наказания должно принадлежать только директору. Разумеется, это очень большая нагрузка, но самая авторитет-

ность такого правила, несомненно, чрезвычайно полезна. Вообще, наказанию должно предшествовать нерепрессивное воздействие — беседа наедине, беседа в присутствии товарищей, требование объяснений на общем собрании, причем общее собрание может ограничиться постановлением — виноват или не виноват товарищ.

Основной принцип, который должен определять всю систему наказаний: как можно больше уважения к человеку, как можно больше требования к нему.

Не приходится, конечно, доказывать, что никакая система наказаний не принесет пользы, если не обеспечена правильная организация коллектива — точное взаимоотношение частей, воля директора, общественное мнение, активная работа органов самоуправления, внешкольная работа, — если ученики не гордятся своей школой и не дорожат ее добрым именем. Не в наказании, а именно в этом заключается секрет успеха, но в наказании проявляется стиль самого требования.

Соблюдение всех этих условий только и может дать простор тому содержанию нашей работы, которое называется: деятельное, целеустремленное воспитание характера.

Помочь педагогам по-большевистски заняться становлением характера миллионов советских школьников обязаны наркомпросы, и в первую очередь Наркомат просвещения РСФСР, и ЦК ВЛКСМ, которые все еще очень плохо занимаются вопросами воспитания детей и юношества.

Письмо пионервожатому

Уважаемый т. Гринберг!

Сегодня я возвратился из Ялты и распечатал Ваше письмо. Вероятно, Вы уже перестали ждать ответа, а может быть, он и вовсе Вам не нужен, так как Вы оканчиваете десятый класс и вместе с ним окончите и Вашу деятельность вожатого.

Тем не менее Ваше письмо поднимает несколько очень важных вопросов, о которых я давно раздумываю.

Самый важный вопрос о том, как работать пионервожатому. Давно уже все спрашивают, где методика этой работы. Между нами говоря, я всегда нахожусь в уверенности, что такую методику — список правил для уединенного, оставленного в одиночестве юноши — написать нельзя. А между тем я сам был организатором работы большого юношеского коллектива, который управлялся с воспитательной работой почти без помощи педагогов. Вы пишете, что Вы сами не знаете, что такое воспитание. К сожалению, и многие педагоги этого тоже не знают. Вам неоткуда было узнать, а нам тоже. Они учились для того, чтобы быть преподавателями, а учиться воспитывать совсем отдельное дело.

Я всегда полагался на коллектив. И до тех пор, пока мы не научимся создавать хорошие коллективы, положение пионервожатого всегда будет трудным.

Вы убеждаете меня написать хорошую книгу о том, как нужно работать юношам-пионервожатым. По соображениям, высказанным выше, я за такую работу не возьмусь. Но книгу о том, как должен работать юношеский и дет-

ский коллектив и как старшие должны воспитывать младших, я, конечно, написать должен. Для этого вовсе не нужно поступать учителем в школу — жизнь нашей школы я знаю прекрасно.

Может быть, придется писать не одну книгу, а несколько — это дело очень трудное, как Вы уже и сами знаете.

Ответить сейчас на Ваши вопросы я не в состоянии: просто времени не хватит и места в письме. Да я и не уверен, нужно ли это для Вас сейчас.

Во всяком случае, если такие вопросы будут Вас интересовать, прошу Вас прочитать мою последнюю книгу «Флаги на башнях»[1], которая печатается в журнале «Красная новь». На некоторые вопросы Вы там найдете ответ, только прошу Вас всегда иметь в виду, что вне условий крепкого, дружного коллектива я вообще не могу представить себе советское воспитание.

Крепко жму Вашу руку. *А. Макаренко*

Семья и воспитание детей

Товарищи, я не совсем понимаю, как можно по этому важнейшему вопросу — воспитание детей, уложившись в какой-нибудь час, затронуть все самое главное. Люди работают над этим вопросом века, и каждый из вас этому вопросу посвящает в известной мере свою жизнь, и я посвятил жизнь этому вопросу. Мне нужно написать книгу для родителей, она задумана в четырех томах; я один том написал, а второй все пишу, пишу. Вы знаете — очень трудная задача — разработка педагогических проблем. А мне, вот, говорят — в течение одного часа все принципы изложить, подсчитать, подчеркнуть, подвести итоги, и все будет хорошо: «Вы, тов. Макаренко, прочтете лекцию, а родители пойдут домой и начнут правильно воспитывать».

Как видите, даже в самой организации лекций по этим вопросам много еще всяких недоумений, потому что, если перечислить только названия тем, касающихся воспитания детей в семье, и то я в час едва ли уложусь. Поэтому мне хотелось в этой короткой беседе поговорить о главнейших вопросах, какие нас всех беспокоят, и в этом смысле, в смысле постановки некоторых основных вопросов воспитания, наша беседа может принести пользу в определении отправных позиций для ваших размышлений в этой важнейшей области. Почему? А вот почему. После того как вышла «Педагогическая поэма», ко мне стали ходить педагоги, молодые люди и люди постарше, различного общественного положения, которые ищут новых советских моральных норм, хотят следовать им в своей жизни и спрашивают меня, как нужно поступить.

Представьте себе, пришел ко мне однажды молодой ученый-геолог и говорит: «Меня командируют для научной работы на Кавказ или в Сибирь, — что мне выбрать?» Я ему ответил: «Поезжайте туда, где наиболее трудная работа». Он уехал на Памир, и недавно я получил от него письмо, в котором он благодарил меня за совет.

Но после «Книги для родителей» стали ходить родители-неудачники. Зачем ко мне пойдет родитель, у которого хорошие дети? А приходят вот какие родители, приходят отец и мать:

— Мы оба члены партии, общественники, я — инженер, она — педагог,

и у нас был хороший сын, а теперь ничего с ним сделать не можем. И мать ругает, и из дому уходит, и вещи пропадают. Что нам делать? И воспитываем его хорошо, внимание оказываем, и комната у него отдельная, игрушек всегда было сколько хочешь, и одевали, и обували, и всякие развлечения предоставляли. А теперь (ему 15 лет): хочешь в кино, театр — иди, хочешь велосипед — вот велосипед. Посмотрите на нас: нормальные люди, никакой плохой наследственности быть не может. Почему такой плохой сын?

— Вы после ребенка постель убираете? — спрашиваю у матери. — Всегда?

— Всегда.

— Ни разу не пришло вам в голову предложить ему самому убрать постель?

Пробую отцу задать вопрос:

— А вы ботинки вашему сыну чистите?

— Чищу.

И я говорю:

— До свидания, и больше не ходите ни к кому. Сядьте на бульваре, на какой-нибудь тихой скамеечке, вспомните, что вы делали с сыном, и спросите, кто виноват, что сын вышел такой, и вы найдете ответ и пути исправления вашего сына.

Действительно, ботинки сыну чистят, каждое утро мать убирает постель. Какой сын может получиться?

Я много возился с ребятами, не то, что с беспризорными, а хуже — из семей избалованных и большей частью из семей интеллигентных и сплошь и рядом из семей ответственных работников. Дети таких родителей, самых лучших семей, какие только могут быть, через три-четыре года будут такими, как я рассказывал. Здесь дело не в каких-то педагогических законах, не в каком-то таланте воспитания, а в здравом смысле. Здравый смысл — это такая обыкновенная штука, которая есть у каждого человека, а у родителей начинает почему-то исчезать.

Второй том «Книги для родителей» я посвящу этому вопросу, почему люди здравомыслящие, которые могут хорошо работать, учиться, даже получившие высшее образование, — значит, с нормальным разумом и способностями, общественники, которые могут руководить целым учреждением, ведомством, фабрикой или каким-нибудь другим предприятием, которые умеют с очень разнообразными людьми поддерживать нормальные отношения, и товарищеские, и дружеские, и какие угодно,— почему эти люди, столкнувшись со своим собственным сыном, делаются людьми, не способными разобраться в простых вещах? Потому, что они в этом случае теряют тот здравый смысл, тот жизненный опыт, тот самый разум, ту самую мудрость, которую они накопили за свою жизнь. Перед своими детьми они останавливаются как люди «ненормальные», не способные разобраться даже в пустячных вопросах. Почему? Оказывается, единственная причина — любовь к собственному ребенку. Любовь — это самое великое чувство, которое вообще творит чудеса, которое творит новых людей, создает величайшие человеческие ценности, которые могут быть созданы только человеческим духом, — это самое чувство делается причиной брака, т. е. причиной создания негодных людей и, естественно, приносящих вред всему обществу, и прежде всего семье.

Если точно обозначить наш вывод, то придется просто и прямо сказать: любовь требует какой-то дозировки, как хинин, как пища. Никто не может съесть 10 килограммов хлеба и гордиться тем, что он так хорошо поел. И любовь требует дозировки, требует меры.

За что бы мы не ухватились в деле воспитания, мы везде придем к этому вопросу — к вопросу меры, а если сказать точнее — к середине. Это слово для нас неприятно звучит. Что такое середина, что такое средний человек? Многие педагоги, которые всегда так «восхищенно» живут и мыслят, указывали мне на это как на мою ошибку: если вы рекомендуете середину, то будете воспитывать среднего человека: ни злого, ни доброго, ни талантливого, ни бесталанного, ни то ни се.

Такие возражения меня не смущали. Я начинал проверять, не ошибаюсь ли я, не воспитаю ли я таких средних людей, и если я говорю, что в моем педагогическом методе должна быть середина, то не выйдут ли из-под моей воспитательской руки люди средние, люди неинтересные, скучные, могущие благополучно жить, но не способные ни создать великое, ни пережить настоящие высокие человеческие душевные переживания? Я проверил это на деле, и за мои тридцать два года учительской и педагогической деятельности и последние восемь лет в трудовой коммуне им. Дзержинского я пришел к выводу, что этот метод правилен и приложим к семейному воспитанию.

Слово «середина» может быть заменено другим словом, но как принцип это необходимо иметь в виду при воспитании детей. Мы должны создать настоящего человека, способного на великий подвиг, на великие дела и великие чувства, способного, с одной стороны, стать героем нашей эпохи, с другой стороны, вовсе не «шляпу» и не человека, который все может раздать, без всего остаться и хвалиться — вот я какой добрый человек. Даже в нашем идеале, против которого никто не может спорить, присутствует принцип какой-то середины, какой-то меры, какой-то дозы. И я понял, почему слово «середина» меня не смущает. Конечно, если сказать, что «середина — это смесь белого и черного, тогда — правильно, смешайте черную краску с белой, и получится краска серая. Такая середина как будто бы и убийственна. Но если вы не будете гнаться за словами, а просто подумаете о человеке, то вы сразу увидите, какого человека мы считаем самым лучшим, самым идеальным человеком, таким, какими должны быть и наши дети, и если мы не будем ни в какую сторону уклоняться, если мы не будем увлекаться никакой излишней словесной «философией», мы всегда скажем, какими должны быть наши дети. Каждый скажет: я хочу, чтобы сын был способен на подвиг, чтобы это был настоящий человек с большой душой, с большими страстями, желаниями, стремлениями, и в то же время я хочу, чтобы это не был раззява, который может все раздать, потому что, видите ли, добрый очень, [может] остаться нищим и в нищете оставить жену и детей и растерять от такой доброты даже духовное богатство.

То человеческое счастье, которое завоевала наша Великая пролетарская революция и которое будет увеличиваться с каждым годом, — это счастье должно принадлежать всем, и я — отдельный человек — на это счастье имею право. Я хочу быть героем и совершать подвиги, как можно больше дать государству и обществу, и в то же время я хочу быть счастливым человеком. Такими должны быть наши дети. Они должны отдать себя, когда это нужно, не оглядываясь, не подсчитывая, не имея никакой бухгал-

терии действий, или счастья, или горя, а с другой стороны, они должны быть счастливыми.

Я, к сожалению, не вполне проверил, но вот что я вижу: самые лучшие дети бывают у счастливых родителей... Причем счастливые родители — это не значит, что квартира с газом, и ванна, и все удобства. Вовсе нет. Я вижу много людей, у которых квартира в пять комнат и с газом, и с горячей водой, и холодной водой, и две домашние работницы, но неудачные дети. То жена бросила, то муж бросил, то на службе не так, то хочется шестой комнаты или дачи отдельной. И я много вижу счастливых людей, у которых многого не хватает. Это я вижу и в моей собственной жизни, а я очень счастливый человек, и мое счастье не зависело ни от каких материальных благ. Вспомните свои самые прекрасные времена, когда и того, казалось, недостает, и другого еще нет, а есть духовное единение, силы в душе и влечет вперед.

Полная возможность такого чистого счастья, необходимость его, обязательность завоеваны нашей революцией и обеспечены советским строем. В единстве нашего народа, в верности партии... — счастье наших людей. Надо быть честным, партийным в своих мыслях и действиях человеком, потому что необходимый аксессуар счастья — это уверенность, что живешь правильно, что за спиной не стоит ни подлость, ни жульничество, ни хитрость, ни подсиживание, ни какая-нибудь другая скверна. Счастье такого открытого, честного человека дает большой процент не только этому человеку, а прежде всего его детям. Поэтому позвольте сказать вам: хотите, чтобы были хорошие дети, — будьте счастливы. Разорвитесь на части, используйте все свои таланты, ваши способности, привлеките ваших друзей, знакомых, но будьте счастливы настоящим человеческим счастьем. А бывает так, что человеку хочется счастья, и он хватает какие-то камни, из которых потом счастье будет строиться. Я и сам одно время так ошибался. Мне казалось, что вот, если я возьму эту штуку, это еще не счастье, а на этой штуке потом счастье построится. Ничего подобного. Эти камни для фундамента, для того, чтобы потом на этих камнях построить дворец счастья, — эти камни потом очень часто обрушиваются на голову и оказываются просто несчастьем.

Нетрудно представить себе, что у счастливых родителей, которые счастливы своей общественной деятельностью, своей культурой, своей жизнью, которые умеют этим счастьем распоряжаться, — у таких родителей всегда будут хорошие дети, и они всегда их правильно воспитают.

В этом корень этой формулировки, о которой я сказал с самого начала: и в нашем педагогическом действии должна быть середина. Середина лежит между нашей большой, отдающей себя обществу работой и нашим счастьем, тем, что мы берем от общества. Какой бы метод семейного воспитания вы ни взяли, нужно найти меру, и поэтому нужно воспитывать в себе чувство меры.

Возьмем самый трудный вопрос (я так вижу, что у людей это считается самым трудным) — это вопрос о дисциплине. Строгость и ласка — это самый проклятый вопрос...

В большинстве случаев люди не умеют нормировать ласку и строгость, а это умение в воспитании совершенно необходимо. Очень часто наблюдается, что люди разбираются в этих вопросах, но думают: это правильно, строгости должна быть норма, ласке должна быть норма, но это нужно тогда,

когда ребенку шесть-семь лет, а вот до шести лет можно без нормы. На самом деле главные основы воспитания закладываются до пяти лет, и то, что вы сделали до пяти лет, — это 90% всего воспитательного процесса, а затем воспитание человека продолжается, обработка человека продолжается, но в общем вы начинаете вкушать ягодки, а цветы, за которыми вы ухаживали, были до пяти лет[1]. И поэтому до пяти лет вопрос о мере строгости и ласки — самый важный вопрос. Даже в первый день жизни вашего ребенка вопрос о норме строгости и ласки, т. е. вопрос о дисциплине и вашей нежности, должен быть поставлен в порядок дня. Мы часто можем наблюдать, что ребенку то очень много позволяют плакать, и он кричит целый день, то совсем не позволяют плакать. Прямо хоть в Америку посылай за нормой строгости и ласки; может быть, американцы нормировали это дело. У нас люди не нормировали этого.

По многим вашим глазам я вижу, что у вас прекрасные дети. Но в пять, и в шесть, и в семь лет эта норма, эта золотая середина, какая-то гармония в распределении строгости и ласки должны быть всегда.

Мне на это возражали: вы говорите о мере строгости, а можно воспитать ребенка без всякой строгости. Если вы будете все делать разумно и ласково, так и жизнь проживете и никогда не будете строги с ребенком.

Я под строгостью не понимаю какой-нибудь гнев или какой-нибудь истерический крик. Вовсе нет. Строгость хороша только тогда, когда она не имеет никаких признаков истерики.

И в своей практике я научился быть строгим при очень ласковом тоне. Я мог сказать совершенно вежливо, ласково и спокойно слова, от которых бледнели люди — мои колонисты. Строгость не предполагает обязательно крик или визг. Это лишнее. А вот ваше спокойствие, ваша уверенность, ваше твердое решение, если вы его ласково выразите, оно производит еще большее впечатление. «Пошел вон» — это производит впечатление, а сказать «будьте добры уйти» — тоже производит впечатление, может быть, даже большее.

Первое правило — это правило какой-то нормы, особенно в вопросе о степени вашего вмешательства в жизнь ребенка. Это чрезвычайно важный вопрос, который в семье часто решается неправильно. Какую долю самостоятельности, свободы нужно предоставить ребенку, в какой мере нужно «водить его за ручку», в какой мере и что можно ему разрешать, и что запрещать, и что предоставить собственной воле?

Мальчик вышел на улицу. Вы кричите: не бегай туда, не ходи сюда. В какой степени это правильно? Если представить себе безмерную свободу для ребенка, это пагубно. Но если ребенок должен обо всем спрашивать, всегда к вам приходить, всегда получать ваше разрешение и поступать, как вы сказали, то у ребенка не остается никакого простора для своей инициативы, для собственной находчивости и собственного риска. Это тоже плохо.

Я сказал слово «риск». Ребенок в семь-восемь лет должен уже в своем поведении иногда и рисковать, и вы должны видеть этот риск, и вы должны допускать известную долю риска, чтобы ребенок был смелым, чтобы он не приучился все под вашу ответственность складывать: мама сказала, папа сказал, они все знают, им и книги в руки, а я буду поступать так, как они скажут. При такой предельной степени вашего вмешательства

сын не вырастет настоящим человеком. Иногда из него вырастет безвольный, не способный ни на какое решение, не способный ни на какой риск и дерзания человек, а иногда бывает наоборот, он подчиняется, подчиняется вашему давлению до какого-то предела, но силы, бурлящие и требующие исхода, иногда взрываются, и дело кончается домашним скандалом: «Был хороший мальчик, а потом что-то с ним сделалось». А на самом деле с ним делалось это все время, когда он подчинялся и слушался, но силы, заложенные в нем природой и развивающиеся по мере роста и учебы, производили свое действие, и сначала он тайно начинает сопротивляться, а потом явно. Дать точный рецепт в такой короткой лекции я не могу, да и никогда не смогу. Я пишу об этом второй том «Книги для родителей».

Если вы внимательно присмотритесь к таким явлениям, вы найдете тот предел, дальше которого идти нельзя.

Бывает и другая крайность, тоже часто встречающаяся, когда считают, что ребенок должен проявлять полную инициативу и поступать как хочет, и совсем не обращают внимания на то, как дети живут и что они делают, и они приучаются к бесконтрольной жизни, мышлению и решениям. Многие думают, что в таком случае у ребенка развивается большая воля. Как раз нет. Никакой воли не развивается в таком случае потому, что настоящая большая воля — это вовсе не умение чего-то пожелать и добиться. Большая воля — это не только умение чего-то пожелать и добиться, но и умение заставить себя отказаться от чего-то, когда это нужно. Воля — это не просто желание и его удовлетворение, а это и желание и остановка, и желание и отказ одновременно. Если ваш ребенок упражняется только в том, что он свои желания приводит в исполнение, и не упражняется в тормозе, у него не будет большой воли. Без тормоза не может быть машины, и без тормоза не может быть никакой воли.

Мои коммунары очень хорошо были знакомы с этим вопросом. «Почему ты не затормозил себя, ты знал, что здесь нужно остановиться?» — спрашивал я у них. И требовал в то же время: «Почему ты успокоился, почему ты не решился, ждал, пока я скажу?» Тоже виноват.

В детях нужно вырабатывать умение остановить, задержать себя. Конечно, это не так просто. В своей книге я подробно об этом напишу.

Наряду с этим нужно вырабатывать чрезвычайно важную способность, которую не так трудно выработать: это способность ориентировки. Она проявляется сплошь и рядом в пустяках, в мельчайших деталях. В раннем детстве обращайте внимание вашего ребенка, как нужно ориентироваться. Он что-нибудь говорит. В это время кто-то пришел чужой или, может быть, не совсем чужой, но дополнительный элемент вашего общества, вашей семьи: посетитель, гость, тетя и бабушка. Дети должны знать, что нужно и чего не нужно сейчас говорить (например, не нужно говорить при пожилых людях о старости, так как им это неприятно. Сперва выслушать человека, а потом разговаривать самому и пр.). Умение детей чувствовать, в какой они обстановке, и чувствовать моментально, — это умение чрезвычайно важно воспитывать и нетрудно воспитать. Достаточно остановить внимание на двух-трех случаях и поговорить с сыном или дочерью, как ваш толчок произведет полезное действие. Способность ориентировки очень полезна и приятна и для окружающих. и для того, кто ею обладает и владеет.

Для меня в коммуне это было более трудное дело, чем в семье. В коммуне было много детей, и обстановка была гораздо сложнее. Всегда на людях: приходили и свои, и посторонние, инженеры, рабочие, строители; коммуну постоянно посещали гости, экскурсии и т. д. И то я добивался в этом деле довольно хороших результатов, а в семье таких результатов можно добиться еще быстрее. Это — умение ощущать вокруг себя изменяющуюся обстановку — проявляется везде: мальчик перебегает улицу, он должен видеть, где кто идет или едет; и на работе он должен видеть, где самые опасные и благополучные места. Такая способность ориентировки помогает ему выбрать, где нужно пустить в ход свою смелость и волю, а где нужно пустить тормоз. Все это сегодня поясняю в грубой форме, а на самом деле ориентировка нюансируется, утончается, когда дело доходит до жизни.

Возьмите такой пример. Ваши дети вас любят, и им хочется эту любовь выразить. И вот тут то же: выражение любви — это тот же закон о действии и тормозе. Как неприятно видеть девочек (это у них большей частью бывает) — подруг: одна в восьмом классе одной школы и другая — в восьмом классе другой школы, они виделись два раза в жизни, на даче, а при встрече они уже целуются, они уже стонут от любви друг к другу. Вы думаете, что они на самом деле любят друг друга? Очень часто это воображаемое чувство, игра в чувство, а иногда это уже делается привычной формой такого любовного цинизма, неискреннего выражения чувств.

У нас есть знакомые семьи, где есть дети, вы знаете, как выражают дети любовь к родителям. В некоторых семьях это постоянные лобзания и нежные слова, постоянное проявление чувств, постоянное настолько, что возникает подозрение, есть ли за внешними проявлениями какая-нибудь любовь, или это привычная игра.

В других семьях какой-то холодный тон, как будто бы все живут отдельно. Мальчик пришел, довольно холодно обратился к отцу или к матери, ушел по своим делам, как будто нет никакой любви. И только в редких приятных случаях вы можете видеть, как при внешне сдержанных отношениях мелькнет любовный взгляд и скроется. Это настоящий сын, который любит отца и мать. Умение воспитывать, с одной стороны, чувство любви откровенное, искреннее, от души, а с другой стороны — сдержанность в проявлении любви, чтобы любовь не подменялась внешней формой, не подменялась лобзаниями, — это чрезвычайно важная способность. На этой способности, на проявлении любви к отцу и матери можно воспитать прекрасную человеческую душу.

Коммунары любили меня так, как можно любить отца, и в то же время я добивался того, чтобы никаких нежных слов, нежных прикосновений не было. Любовь вовсе не страдала от этого. Они учились проявлять свою любовь в естественной, простой и сдержанной форме. Они находили способ проявить любовь ко мне без всяких лобзаний и нежных слов. Я думаю, что вы прекрасно понимаете, о чем я говорю. Это важно и не только потому, что воспитывает человека внешним образом. Это важно и потому, что сохраняет силу искреннего движения, закладывает тормозы, которые пригодятся в каком угодно деле.

Здесь мы опять подходим к основному принципу: это — норма, чувство меры.

Это же чувство меры проявляется и в такой сложной, трудной области, как вопросы деловых, материальных отношений. Недавно ко мне пришла группа женщин из одного дома. В доме произошла драма. Две семьи дружили, и в той и в другой семье были дети. Мальчика Юру (он учился в седьмом классе) подозревали, что он взял что-то у себя дома без спросу, какую-то вещь или деньги. Друзьям этот случай был известен.

И вот у этих друзей пропала дорогая готовальня. Юра был частым гостем и своим человеком в этой семье. Никого чужого, кто мог бы взять готовальню, в доме не было, кроме этого мальчика. Подозрение пало на него. И эти две семьи, очень культурные, вполне отвечающие за свои поступки люди, как-то вдруг, неожиданно для себя, увлеклись процессом следствия. Им нужно было во что бы то ни стало установить: украл Юра готовальню или не украл. Они три месяца занимались этим делом. Правда, они не вызвали собаку, не вызвали никакой посторонней помощи, но они проверяли, допрашивали, подсылали и находили каких-то свидетелей, вели тайные разговоры и довели Юру до болезни. Наконец они стали требовать:

— Скажи, мы тебя не будем наказывать.

Отец бил себя кулаком в грудь.

— Пожалей меня, я хочу знать, вор у меня сын или не вор!

Про мальчика забыли. Отец стал главным объектом, его нужно было спасать от страданий.

Пришли ко мне:

— Что дальше делать? Мы так не можем жить!..

Я с ворами имел много дела, и для меня воровство давно перестало быть самым страшным делом. В коммуне ежедневно общие собрания, на которых разбирались разные проступки. Опоздал на час из отпуска старый коммунар:

— Что это такое? Что за дисциплина? Как ты смел опаздывать? На пять часов под арест!

Все:

— Правильно!

— Виноват. Есть пять часов под арест!

И следующий выходит: украл. Украл три рубля у товарища.

— Ну что же, еще раза два украдет. Можешь идти.

Никакого гнева, знают, привык человек красть. Все прекрасно знают и уверены, что он перестанет красть.

Воровство — это не такая страшная вещь. Это предрассудок, который идет от тех пор, когда собственность была священной и неприкосновенной.

Я попросил привести мальчика ко мне. Я не всегда по глазам вижу, украл он или не украл, но я сказал ему:

— Ты ничего не украл. Готовальни ты не брал и не позволяй больше задавать себе вопросов о готовальне.

А с родителями я поговорил особо:

— Бросьте об этом разговаривать. Готовальни нет, исчезла, кто бы ее ни украл. Вас мучит вопрос, вор у вас сын или не вор. Вы как будто читаете детективный роман, и вам хочется знать, чем кончилось, кто — вор. Отбросьте это любопытство. Дело идет о жизни вашего ребенка. И раньше мальчик что-то крал, и теперь, может быть, он украл. Эта наклон-

ность есть у него, воспитывайте его. Но этот случай забудьте и не мучайте себя и мальчика.

В некоторых случаях как раз чрезвычайно важно, если вы проследите, что ребенок что-то украл, а если вы можете доказать это и чувствуете, что нужно поговорить,— поговорите. Но если у вас ничего нет, кроме подозрения, когда вы не уверены, что он украл, защищайте его от всех посторонних подозрений. Но сами будьте бдительны и усильте внимание к вашему ребенку.

Одна девочка в трудкоммуне, взятая мною из проституток, действительно украла. Я вижу, что украла. Я вижу, что и ребята все уверены в этом, и она смущается. Оставалось мне последнее слово сказать. Я знаю, что она так привыкла красть, что для нее это так обычно, что, если мы скажем ей — как тебе не стыдно, на нее это не произведет впечатления. И я в совете командиров — а это серьезные люди — сказал:

— Чего вы к ней пристали? Я убежден, что она не крала и у вас нет доказательств.

Они кричали, кричали, но мое взяло верх. Отпустили ее.

И что вы думаете? Эта девочка сначала страшно заволновалась, посматривала на меня серьезно, с расстроенным видом. Она тоже человек неглупый. Ведь дело ясное — как я так поверил, и неужели я поверил ей, как я мог так поверить? Я играл или я так глубоко убежден? И когда я должен был давать ответственные поручения, я давал ей.

Так продолжалось месяц. Девочка переживала боль моего доверия. Через месяц зашла ко мне, заплакала:

— Какое вам спасибо, как меня все обвиняли, вы один защищали меня. Все думали, что я украла, а вы один думали, что я не украла.

Я ей тогда сказал:

— Это ты украла, именно — ты, я прекрасно знаю это и знал. Вот теперь ты больше не украдешь. Я никому не скажу, и ты не украла, разговор между нами «замнем».

Конечно, она после этого вовсе не крала.

Такие ходы — это тоже ходы нелживые, они исходят из чувства меры, и они должны найти применение в семье. Не всегда в семье нужно злоупотреблять правдой. Всегда детям нужно говорить правду, в общем это правильный закон, но в некоторых случаях приходится детям говорить неправду. В тех случаях, когда вы знаете, что он вор, но уверенности нет, скройте. А в некоторых случаях, когда вы убеждены и доказательства есть, сыграйте на вашем доверии. Это только чувство меры. Там, где вы касаетесь личности ребенка, там вы не можете выражать ваши чувства, ваше негодование, вашу мысль без меры.

Я уверен, что среди ваших детей нет воров. (Смех в зале.). Не видно, чтобы у вас это было. Но в других семьях это очень часто происходит.

И очень часто родители думают: отчего наши дети крадут?

Я убежден, что это самый легкий вопрос.

Так воспитать детей, чтобы они не крали, — это наиболее легкое дело. Гораздо труднее воспитать характер: смелость, тормоз, умение руководить своими чувствами, умение преодолевать препятствия. А воспитать уважение к вещам (не брать) — это легче всего. Если у вас в семье постоянный

порядок и отец и мать знают, где что лежит, никогда в вашем доме воровства не будет. А когда вы сами не знаете, где что положили, бросили деньги на шкаф или буфет или положили кошелек под подушку и забыли, у вас дети могут начать красть. Раз в семье вы держите в беспорядке ваши вещи, то ясно, что и ребенок этот беспорядок видит. Он видит, что вся система вещей не находится в центре вашего внимания, и он уверен, что, если он какой-нибудь пустяк из этой беспорядочной системы возьмет, вы не заметите.

Первый случай детского воровства — это не воровство, это «взял без спросу». А потом это делается привычкой — воровством. Если ваш ребенок точно знает, что́ он может взять без спросу, а о чем должен предварительно спросить, то это значит, что ребенок никогда не будет красть. Простая штука, какое-нибудь пирожное, оставшееся от обеда или после приема гостей, которое стоит в буфете, и не заперто, и никто не запрещает его взять. Но если ребенок взял его тайно, взял без спросу, это уже воровство. И если постановлено в доме так, что дети этого пирожного без спросу не возьмут, это хорошо. Хорошо, если они не будут выпрашивать у вас, а просто поставят вас в известность. В таком случае не разовьется и воровство.

Если же вы все запрещаете и пирожное ребенок будет просить с самочувствием человека, которому могут дать, а могут и не дать, и от этого иногда развивается воровство. Если вы позволяете все брать и выносить или если он ничего не можеть взять в доме, когда у него никакой воли нет, на все должно быть дано разрешение, и в том и в другом случае может развиваться воровство.

Кроме того, очень важно, чтобы в доме были порядок и чистота, отсутствие пыли, отсутствие лишних, изломанных, разбросанных вещей. Это все чрезвычайно важно, гораздо более важно, чем кажется. Если в доме много вещей, которые мешают жить, но которые жалко выбросить, либо потому, что они чего-то стоят, либо потому, что они что-то напоминают, и поэтому торчат и обрывки старых платьев, и ковер, который только потому лежит, что куда вы его денете, то в таких случаях воспитывается беспорядочность, отсутствие ответственности за вещи. Если в вашем доме только необходимые вещи, которые нужны действительно, которые чем-нибудь полезны и приятны, если не торчат старые, истрепанные, изношенные края, тогда воровство развивается с большим трудом. Эта ответственность, выражающаяся в вашем внимании к вещи, которую вы поставили или выбросили, когда она не нужна,— эта ответственность за вещь воспитывается и у ребенка, и принимает форму уважения к вещи, и служит иммунитетом воровства.

Я сказал о самом главном, что я считаю важным в нашей воспитательной работе: это чувство меры в любви и строгости, в ласке и в суровости, в вашем отношении к вещам и хозяйству. Это один из главных принципов, на которых я настаиваю.

Я подчеркиваю, что именно при таком воспитании можно вырастить людей, способных и к большому терпению, без жалоб и без слез, и к большому подвигу, потому что таким воспитанием вы будете вырабатывать волю.

Ответы на вопросы

Вопрос. У всех нас есть наболевшие вопросы, и нам всем интересно поговорить с А. С. Макаренко.

У меня два мальчика. Условия воспитания одинаковые, а ребята разные. Одного не интересуют деньги, а другой не может видеть денег, чтобы не взять. Никакие замки не помогают. Трудовая обстановка в семье, родители живут дружно. Но если оставить варенье, он обязательно съест. Если оставишь кошелек с 30—40 рублями, возьмет последнее.

Парень хороший. У чужих не возьмет, свое отдаст. Не знаешь, как к нему подойти. Отец возмущается, когда об этом говоришь. Мальчику шестнадцать лет, а физически развит, как в восемнадцать. Старший — комсомолец, а этого комсомол не интересует. Очень красив собой. Девочки нравятся ему. Учиться не хочет и учился плохо с первого класса. Переходит из класса в класс на «посредственно». Труд ему ненавистен, но он за все хватается.

— Что, ты хочешь учиться?

— Да.

— Почему же не учишься?

Молчит.

— Не хочешь учиться — иди работать. Чего ты вообще хочешь в жизни?

— Не знаю.

Футбол любит. Приходит домой в три часа ночи.

— Где ты был?

— Где был — там нет.

Чужим не грубит — в семье грубит. И вот это воровство.

Как быть с ним? Отец говорит — он не брал, а я говорю — брал. Отец играет на этом доверии, но никакого толку от этого нет.

Сейчас перешел в девятый класс.

Ответ. Почему вас постигли неудачи в воспитании младшего сына?

На ваш вопрос невозможно дать ответ заглазно. Если бы я познакомился с мальчиком, я мог бы поговорить и дать совет, но, не зная вашей обстановки, не зная ваших ошибок, ошибок в тоне и других, не зная ваших знакомств и быта, не могу взять на себя ответственности дать какой-либо совет.

Но вообще должен сказать — неутешительные факты. В «Книге для родителей» я стараюсь говорить на одну тему: как нужно правильно воспитывать, а как нужно перевоспитывать, я ни в «Книге», ни сегодня не пытался говорить. Для семьи это чрезвычайно трудная вещь. Чтобы перевоспитывать, необходимо изменить весь тон коллектива, в котором он живет; ваш сын в коммуне был бы самым легким мальчиком, поскольку он и грамотный, и нормальный, и красивый, а вы в семье действительно растерялись, что можно с ним сделать. Вы бросаетесь из стороны в сторону, вы то одно попробуете, то другое попробуете. Но я уверен, что если вы позовете меня к себе в гости и если мы с вами побеседуем, то мы придем к какому-нибудь результату. У меня много таких домов, где я бываю в качестве педагога-консультанта. Это и для меня важно: я расширяю сферу наблюдений. Причем прошу не стесняться: вы обращаетесь ко мне, а я оказываю вам какое-то содействие, вы мне поможете, а я вам помогу.

Вопрос. У меня девочка, ей шесть лет. Я хотела бы воспитать из нее смелую хорошую девочку, но, несмотря на все мои усилия, а я избегала запугивания ребенка, все-таки у меня ребенок несмелый, боязливый. Когда ложится спать, всегда спрашивает: «Какие мне будут сниться сны?» Как будто бы она боится снов. Она просыпается, когда видит сны.

Каким образом воспитать смелость в ребенке? Я много старалась, но результатов нет.

Ответ. Вы спрашиваете, как бороться с несмелостью девочки?

Здесь вам нечего бояться. У девочек в шесть лет сплошь и рядом бывает повышенная восприимчивость, нервность. Девочка в шесть-семь лет несмелая, а в одиннадцать станет таким буяном, что не удержите.

Нет ли у вас в семье или по соседству людей, которые рассказывают всякие страхи. Чего она боится?

Я не представляю себе, что это за тип страха. А может быть, это воображение? Иногда это очень сильно развитое воображение.

Здесь врач больше поможет. Вы никаких данных для определения поведения девочки не даете. Не познакомившись с девочкой, было бы несерьезно с моей стороны говорить о ней. Вы разрешите зайти к вам, а сами лучше поговорите с врачом по нервным болезням.

Вопрос. Как быть в таком случае? Дома с мальчиком беседуешь, что можно, чего нельзя. Прививаешь ему хорошие навыки. И отпускаешь его к ребятам, т. е. не ограничиваешь его в том, чтобы он был среди ребят. Хотя знаешь, с какими разными детьми он общается, знаешь, что он может научиться ругаться, знаешь, что ребята разговаривают и о воровских делах. Не отпускать ребенка тоже нельзя, тогда его нужно засадить дома, смотреть за ним и лишить его всяких удовольствий. Отпускать его опасно потому, что от детей в нашем дворе можно ожидать много всяких неприятностей.

Ответ. Вопрос трудный, как оградить ребенка от посторонних вредных влияний. Как-то к нам в Союз приезжал один видный французский политический деятель, побывал он и в нашей коммуне[2]. Коммуна ему очень понравилась. Он плакал, пока оркестр коммунаров играл Бетховена. Он не мог себе представить, что бывшие «уличные мальчики» играют ему Бетховена. Решил познакомиться ближе.

— Все бы хорошо,— сказал он,— но с одним я не согласен: как вы допускаете, что нормальные, хорошие дети воспитываются вместе с бывшими воришками и маленькими бродягами?

Ему я коротко ответил:

— А в жизни как — хорошие люди живут рядом с плохими? Особенно в капиталистическом обществе темные дельцы, мошенники среди честных людей?..

Готовить детей, чтобы они могли жить только в обществе идеальных людей, мы не можем. Такого мальчика воспитаете — он скиснет, как только попадет в общество[3]. Ваш мальчик должен приучаться к обществу самых различных людей. Он должен уметь и ладить с людьми, и сопротивляться, и чем он больше окружен всеми условиями жизни, тем лучше. Изолировать его, не пускать — это может принести большой вред. Он так приучится к семейному инкубатору, что каждый его сможет обмануть и провести. Нужно воспитывать сопротивление. Для этого есть прекрасный способ:

это тон вашей семьи. Если в вашей семье настоящий хороший тон, если вы имеете авторитет, если мальчик верит, что его мать самая красивая, самая справедливая, самая аккуратная, самая веселая и в то же время самая серьезная, то не нужно его убеждать, потому что вы для него то высшее существо, авторитет которого — самое главное. А раз вы начинаете уговаривать и убеждать, он думает: ты, значит, не такое высшее существо, раз ты меня убеждаешь. Говорите совершенно просто: «Ты должен знать, что этого делать нельзя». Если он все-таки поступил дурно, потребуйте от него: «Объясни». Пусть он вам объясняет свое поведение, а не вы ему. Этот момент распоряжения, не подлежащего сомнению: «Нельзя»,— уже будет первым шагом вашего сына к умению сопротивляться.

Если мальчик, с которым ваш сын играет, плохой, вы не запрещайте сыну с ним играть, но подойдите поближе к этому мальчику, узнайте, чем он нехорош, и узнайте, в чем, когда проявляется это дурное. Сделайте так, чтобы не убеждать этого мальчика, а произведите на него впечатление вашей уверенностью, вашим спокойствием, чтобы сын видел, что вы не трепещете, что и он таким же дурным сделается. Здесь дело не только разума и души, но и глаза, умения помочь своему сыну и чужим детям, если это нужно. И сын уверенно пойдет за вашей силой, тогда вредные влияния не страшны, он будет легко преодолевать их.

Вопрос. У меня мальчик учится в четвертом классе. К родителям относится идеально. Если он заболевает, то не разрешит себе ночью позвать мать:

— Ты устала, я сам встану.

Ребенок дисциплинированный. В школе педагог периодически подсаживает к нему детей недисциплинированных. Я не имела ничего против этого. Но у ребенка развивается какая-то неприятная черта. Он приходит домой и говорит:

— Знаешь, а сегодня мой «питомец» получил уже отлично. Так его, вероятно, пересадят, а ко мне Петрова или Иванова подсадят. Надо будет и его вытягивать.

Я не знаю, насколько это полезно для него или вредно и как ему объяснить, что все-таки он не педагог еще, а такой же мальчик.

Другой случай. В семье, которую мне пришлось наблюдать, рос мальчик. Я знаю его с полутора лет. Рос хороший мальчик. Задатки были хорошие. Отец был артистом. Мать — домашняя хозяйка. Отец умирает, мальчику двенадцать лет. Он остается некоторое время таким же хорошим. Сестра — очень хорошая девочка; когда она была маленькой, брат ее очень жалел. Сейчас он не жалеет ни мать, ни сестру. Почему так получилось, что после смерти отца из хорошего мальчика вдруг получился грубый, дерзкий шестнадцатилетний парень? А ведь мать очень любила детей и последнее им отдавала, она и сейчас сама не съест, а сына накормит.

Ответ. Если мать отказывает себе во всем, отдает сыну даже свою пищу,— это наибольшее преступление. Сын должен матери отдавать пищу, сын должен отказывать себе для матери. А в этой семье, о которой вы рассказали, пусть мать начинает борьбу. Это трудная борьба.

Я сторонник того, чтобы в трамваях дети уступали место взрослым. Это правильно, но по этому вопросу приходится часто спорить с родителями.

А я убежденный сторонник того, чтобы в семье все лучшее было прежде всего родителям. Если у вас есть шелк, надо шить платье матери. Если у вас есть сто рублей и стоит вопрос, кому поехать прокатиться по каналу «Волга — Москва» — родителям или детям, то самое лучшее решение — в первую очередь родителям, а потом уже детям. Это вовсе не значит, что вы о детях перестанете беспокоиться. Вы можете о них заботиться, но так, чтобы они были убеждены, что в первую очередь должна быть забота о родителях.

Мне приходилось слышать такие рассуждения. Комсомолка, да еще отличница, говорит матери, когда решается вопрос, кому шить новое платье:

— Да что тебе нужно? Тебе тридцать восемь лет, сколько тебе осталось жить, а я молода, мне нужно жить!

У меня дочери нет, но племянница у меня жила и воспитывалась. Если у жены четыре платья, а у племянницы два, я настаиваю, чтобы жена сшила себе пятое платье, а девочка пусть подождет третьего. Я предложил бы девочкам до шестнадцати лет делать только ситцевые платья. А окончит десятилетку — получай простенькое шелковое. Имей два-три ситцевых платья, а еще сама их зашивай, и гладь, и перешивай, если нравится, и это норма. А если подруге сшили шикарное платье, так и мне нужно — это не годится. Так нужно сделать, чтобы дочь гордилась ситцевым платьем и гордилась тем, что матери уступила[4].

Что же касается вашего сына, мальчика-«педагога», то раз здесь вмешались школа и учитель, что я могу сделать? Там ведь понимают, что делают, люди ученые.

Я сам поручал своим коммунарам наблюдение за более слабыми. Но это нужно инструментировать иначе. Другая инструментовка должна быть[5]. То есть я не говорил, что ты лучше, а тот хуже, а я говорил:

— Ты того-то не сделал, так я тебе даю нагрузку: повозись с этим отсталым человеком. И непременно добейся хороших результатов, а если не добьешься, будешь отвечать.

При такой постановке вопроса, оказывая помощь товарищу, он не чувствует себя педагогом, он исполняет данное ему поручение.

В вашем случае плохо то, что и другим мальчикам в классе не поручают того же, что и вашему сыну. Если одни другим помогают, то никто не будет воображать себя педагогом. Все это зависит от стиля учительской работы. Общего закона здесь придумать нельзя. Вредно, если ваш сын зазнается, очень вредно. Ему нужно сказать: «Учитель немножко ошибся, тебя самого нужно еще подтягивать».

Если учитель делает ошибку — что я могу поделать? Это очень грубый, дешевый метод.

Выступления по докладу

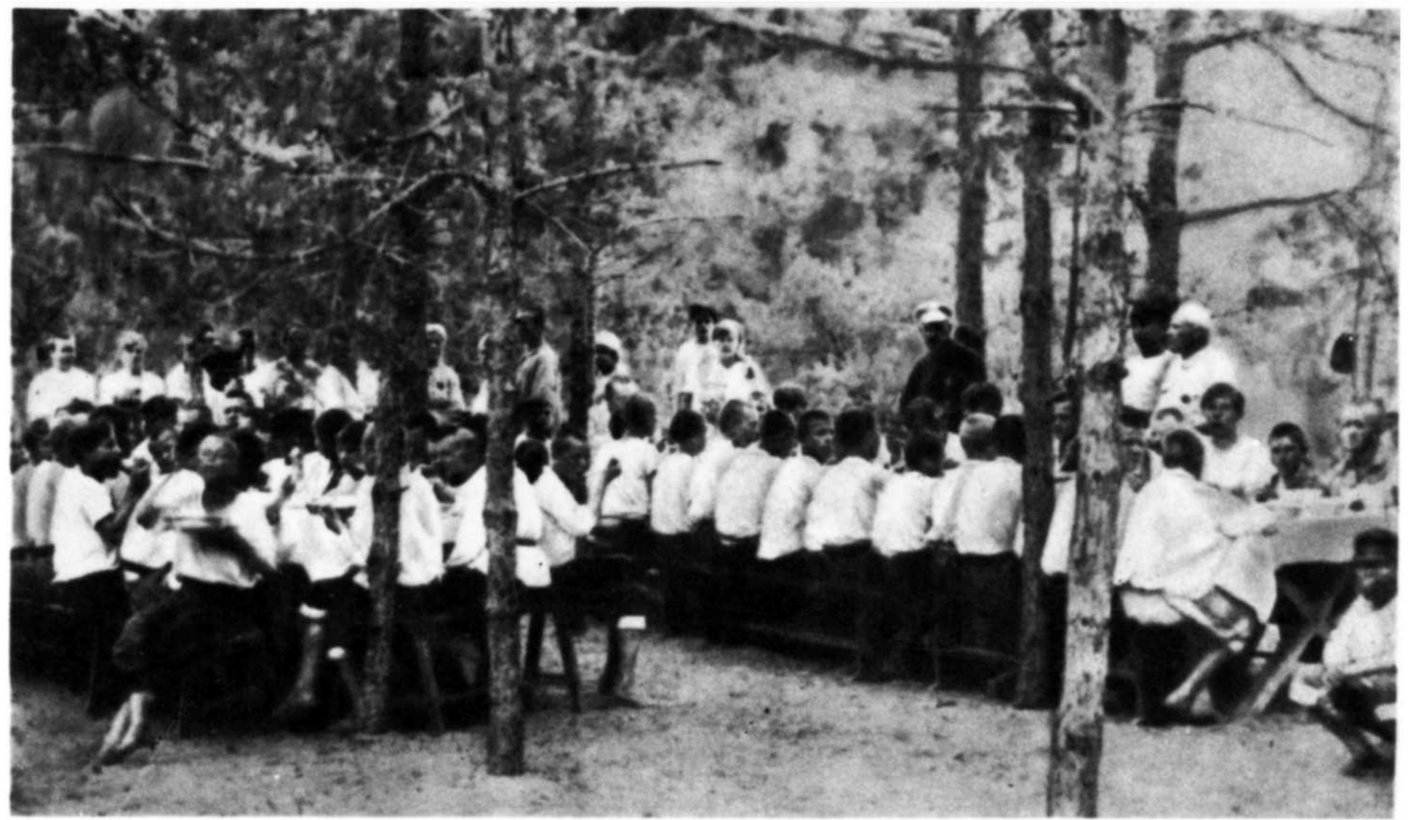
Тов. Л. Сегодня я с большим нетерпением сюда шла послушать т. Макаренко о воспитании детей, и все то, что сказал тов. Макаренко, полностью совпадает с воспитанием моих ребят. Это, очевидно, потому, что у меня не один ребенок, а трое.

Как понимать родительское счастье? Конечно, оно заключается не толь-

Коммунар на посту (1926 или 1927 г.).

Праздничный обед в колонии им. М. Горького. А. С. Макаренко — за вторым столом, в центре.

А. М. Горький среди колонистов (1928).

А. С. Макаренко и врач коммуны Р. Р. Радовильский перед зданием коммуны (1931).

Педагогический коллектив коммуны им. Ф. Э. Дзержинского. А. С. Макаренко — третий слева в первом ряду.

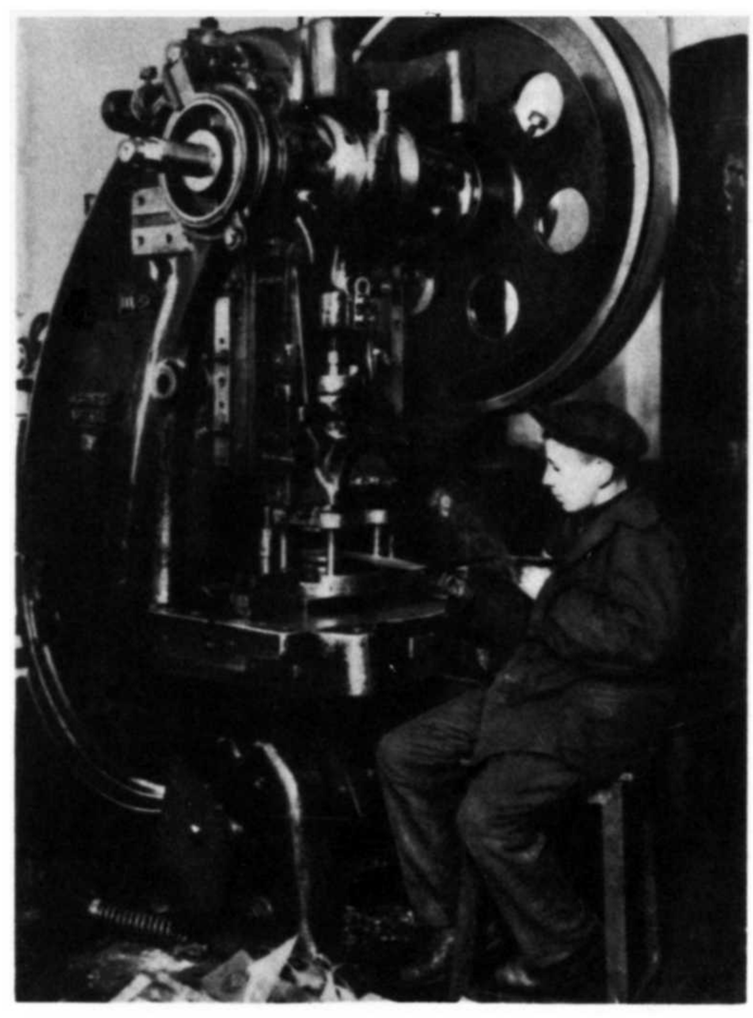

А. С. Макаренко среди коммунаров в «тихом клубе».

Коммунары в сборочном цехе завода электросверлилок (кадр кинохроники, 1932).

Коммунары в конструкторском бюро завода коммуны.

Коммунар на производстве.

Занятия в кружке по химии.

Спальня коммунаров.

Группа коммунаров-физкультурников.

А. С. Макаренко и художественный руководитель Харьковского театра русской драмы, заслуженный деятель искусств Н. В. Петров (театр был шефом коммуны им. Ф. Э. Дзержинского).

Видный общественно-политический деятель Франции Э. Эррио в коммуне дзержинцев (кадр кинохроники, 1933).

Коммунары в г. Сочи (летний поход коммуны, 1931).

ко в любви к детям и какой-то особой комфортабельности быта, а в том, чтобы родители работали и дети видели и ценили эту работу.

Мой муж работает, я тоже работаю — общественной работой занимаюсь. Я нахожу моральное удовлетворение в этой работе. Я счастлива, что мне ясна цель воспитания моих ребят.

Как я начала их воспитывать? Почему такое сходство с тем, что сказал т. Макаренко? Действительно, с пеленок, все трое ребят у меня с рождения никогда не были на руках. Ребенок лежит в коляске, его нужно кормить — беру, кормлю. Спать с собой никогда не кладу. Сажусь обедать или пить чай, ребенка не беру, в гости с собой никогда не брала. Проснулся ребенок, играет в кроватке. Если заплачет, я выясню причину и устраняю ее. И дети до года совершенно на руках не были. И этот режим строго соблюдался.

Сейчас старшему одиннадцать, второму восемь и третьему четыре года, три мальчика. Своих детей я очень люблю, все для них делаю: хорошо одеваю, кормлю, стараюсь доставить им приятное, хожу с ними в театр, в кино, в лес. А наказание заключается в том, что я лишаю ребенка какого-нибудь удовольствия, если он провинился.

Режим дня у меня точный.

Мы, родители, должны прежде всего воспитывать своих детей, а у нас зачастую бывает так: сегодня режим нарушили, а завтра уже новый распорядок. Это очень отражается на детях. Мне трудно бывает, но я не отклоняюсь от режима дня.

Если я куда-нибудь ухожу, я даю детям указания, что они будут делать без меня, а когда прихожу, то я премирую тех, кто лучше себя вел. Премирую хорошей конфеткой или игрушкой.

Родители должны иметь авторитет. А для этого мы должны свое слово всегда честно, правдиво приводить в исполнение.

Один маленький пример. Я вела общественную работу в школе. Был такой случай. Своих ребят, ребят школы, где учится мальчик, я водила неоднократно в театр. Я шефствовала над одним классом. Мне говорят, что там пять хулиганов. Я спрашиваю:

— Ребята, кто пойдет из вас в театр? Кто будет хорошо вести себя, всех в следующий раз возьму в театр.

Раз я говорю, я должна привести в исполнение.

На следующий раз, когда я прихожу в класс, обращаюсь к одному из тех мальчиков, которые считались хулиганами:

— Ну как, Сироткин, вел себя хорошо?

Он вел себя хорошо.

— Деньги есть?

Вынимает деньги.

Когда вела ребят в театр, мне говорят:

— Он убежит от вас. Каждый педагог говорит, что хулиган, хулиган — никто не сказал ему ласкового слова.

Когда приехали в детский театр, мне говорят — вы его одного не отпускайте. А я ему говорю:

— Иди и гуляй, но только знай свое место.

Когда в антракте я стала подходить к своему месту, я увидела позади себя мальчика: он ходил за мной и смотрел, куда я пойду.

Я на него не обращала внимания, но здраво говорила с ним, и он вели-

колепно встал в пару и хорошо себя вел, а когда мы доехали на трамвае и стали расходиться по домам, он сказал мне:

— До свидания, тетя!

Индивидуальный подход к ребенку и ласка, прежде всего, должны быть.

В отношении своих ребят. Я довольна, что частица того, что сказал тов. Макаренко, отражается в моей жизни. Но мне кажется, я бываю строга. Нужно ли эту строгость продолжать в таком духе?

Макаренко. У меня впечатление, что к своим вы очень строги, а к чужим, вероятно, ласковы.

Тов. Л. Иногда ребенку чего-нибудь хочется, я отказываю, или ему хочется пойти, а я говорю: «Без меня не можешь пойти, не можешь самовольно уходить» и т. д. Может быть, я не предоставляю такого широкого права. Ему одиннадцать лет.

В отношении воровства. Недавно был такой случай. Я взяла новую прислугу. Когда бабушка высыпала сахар и ребята его не таскали, она удивилась и говорит:

— У той хозяйки дети всегда таскали сахар.

У меня ничего не запирается и нет того, чтобы ограничивать ребят, но если ребенок что берет, он ставит меня в известность: я взял то-то.

С места. Ваш муж вам помогает или подрывает вашу дисциплину?

Тов. Л. Мой муж большой авторитет для детей. В длинные беседы он с ними не пускается, когда они провинятся. Недавно был такой случай. В выходной день утром он говорит:

— Ребята, одевайтесь, поедем на лыжах.

А старшему (он провинился):

— Ты на лыжах не поедешь с нами.

Больше ничего не было сказано. Мы собираемся выходить. Сын подходит ко мне:

— Мама, я с вами пойду.

— Я ничего не знаю, спрашивай папу.

Отец сказал: «Нет». Сын просил и плакал, но мы его так и не взяли кататься на лыжах, несмотря на то что это ему полезно. Мы считаем, что свое слово нужно всегда приводить в исполнение.

Макаренко. Это чрезвычайно интересно.

С места. Многие матери, в том числе и я, к чужим детям более ласковы, чем к своим, т. е. к своим строже. И сын делает мне замечание:

— Ты как будто бы того больше любишь.

Я отвечаю:

— У него нет папы и мамы (на этот раз это было так), а у тебя есть мама. Хоть я тебя и поругаю, все-таки я твоя мама.

Макаренко. Потому что я тебя больше люблю, поэтому я строже.

С места. А у меня девочка четырнадцати лет. Она растет замкнутой. У нее нет подруг. Второй год она работает в кружке собаководов, она дрессирует собак. А мы с отцом смотрим на это так: ну что девочка с собаками возится. Когда начинаешь говорить девочке, когда ты кончишь гонять собак, она отвечает: или я собак буду дрессировать, или по задворкам буду гулять. Но отец и я смотрим, что это пустяковое занятие. Мы это очень переживаем.

На туалеты не обращает внимания, лишь бы было чистое. Перешла в

седьмой класс, «посредственно» имеет только по русскому письменному. Она хочет быть собаководом, работать по биологии.

Макаренко. Я удивляюсь вашему беспокойству. Такой замечательный случай. До чего неприятна та молодежь, которая ничем не интересуется, лишь бы только вечер провести. Это действительно самый несчастный случай. А если девочка увлекается собаками и заинтересовалась биологией, это шикарно, и пусть увлекается. Собаки — это прекрасные существа, их общество никогда не вредно.

С места. Одна из товарищей, говоря о воспитании своих детей, сказала, что она премирует ребят за хорошие поступки. Правильно ли это?

Макаренко. Я это записал. Что касается премирования шоколадкой, я против этого. В семье одно премирование должно быть: «Ты поступил правильно». Вы можете дать шоколадку независимо от поступков.

Мои коммунары жили богаче, чем многие дети в семье. Они делали фотоаппараты. Мы построили прекрасное здание: паркет, зеркала, прекрасные картины. Вы можете прочитать «Флаги на башнях», печатается в «Красной нови». Этот вопрос о премировании меня всегда занимал. Как это просто — подкупить ребенка: сделаешь это — получишь премию. Я всегда сопротивлялся. Никакой премии. Самая большая премия: «Правильно поступил». Еще бо́льшая премия — благодарность в приказе. Это высшая награда, и никто из коммунаров никакой другой награды не получал.

Если какой-нибудь мальчик поступил безобразно, некрасиво, я его наказывал. Как я мог наказывать? Под арест или в наряд, но лишить его пищи или сладкого, не дать чего-нибудь — этого я себе не позволял. Шоколад всем полагается, и ты получи, как бы ты ни был плох. Ни премирование, ни наказание при помощи сладостей не допустимы.

Это небольшая опасность, но это приучает к бухгалтерии, расчету. До одиннадцати лет эти «бухгалтеры» себя не проявляют, а когда им будет 18—20 лет, вы увидите неприятные последствия. У вас прекрасная норма строгости и ласки, но в шоколадках что-то есть, что надо пересмотреть.

Тов. Л. Я не примирую их каждый день. Мне нужно идти на собрание, они остаются одни. Я им говорю:

— Ребята, будете вести себя хорошо, я вам вкусных вещей принесу.

Макаренко. В этом случае вы поступаете, как старомодная мамаша. Вы такая сильная мать, вы можете без этого обойтись. У вас это, может, вреда не приносит, потому что у вас и без того хорошо, а у кого слабовато, это может быть и вредно.

Тов. Л. Ведь лучших стахановцев на заводе премируют, и дети знают, что и папу премируют. Вот папа получил премию, а почему мне нельзя?

Макаренко. Если вы дадите длительное задание детям на год вперед,— за перевыполнение плана — премия. Но при этом должна быть не конфетка, не шоколадка, не велосипед, а что-нибудь такое, что ему нужно для работы: инструмент или молоток. Тут выбирать не так легко. А это — «будешь хорошо вести — дам конфетку»— я никогда не применял бы.

И часто вы хвалите. А если редко хвалишь, то похвала действует очень сильно. Иногда я приглашал того или другого коммунара официальной запиской: «Прошу прибыть в 11 часов». Когда он приходил, я вставал и говорил в таких случаях: «Ты поступил правильно»,— и это для всей коммуны было событием. Я признал его поступок правильным.

И в семье это легко.

Я остановлюсь вот еще на каком вопросе. Муж и жена. Семья состоит не всегда из двух одинаковых компонентов: иногда жена мягче, муж строже, а иногда наоборот: муж такой сахарный, ласковый, что никакого спасения, а жена зато все в руках держит. Я прихожу к такому заключению: это как-то нужно упорядочить — в семье должны быть две инстанции — низшая и высшая. Кто больше в этой семье уделяет внимания детям? Если жена, то муж должен быть в запасе. Он должен посматривать и по поводу незначительных конфликтов с детьми говорить очень редко. Такой разговор в «высшей инстанции» должен иметь вид маленького «скандала». Когда ребенок немного провинился, лучше отцу не вмешиваться: мать одна разберется. А когда мальчик «перебрал» в своем поведении, тогда можно позвать на помощь «тяжелую артиллерию» — папу. Это необходимо.

А когда одновременно «набрасываются» и отец и мать, это непосильная нагрузка детям. И здесь нужно распределить, кто будет апелляционной инстанцией, кто кассационной, а кто постоянно действующей.

С места. Что вы считаете излишним в семейной обстановке и что не считаете лишним? Если я буду воспитывать ребенка в «голой» обстановке, правильно ли это? Допустим, много вещей не нужно, и все они должны лежать в строго определенном месте. Каждый из нас старается это делать, потому что непорядок в доме — это значит непорядочно воспитывать ребят.

Не скажу, чтобы у меня была скудная обстановка. Я сама художница, и у меня висят картины. Завесить всю комнату картинами — это, может быть, негигиенично, и не лучше ли будет, если бы я сняла картины?

Но мой сын попал на квартиру к преподавателю математики. В классе этот преподаватель детям кажется сухим педантом, придирчивым, бездушным человеком. И какое же впечатление произвела на сына (мальчику восемнадцать лет) домашняя обстановка этого преподавателя!

— Я думал, что он сухой, неинтересный человек, а когда я к нему зашел, мне стало так приятно сидеть у него. У него висят хорошие картины, стоят старинные диваны, старинный стол, все это ласкает глаз — не хотелось уходить, а в классе ждешь не дождешься, когда он уйдет.

Другой случай. У меня для мальчиков ширмами выделена комната. Я старалась, чтобы в их комнате не было картин. А недавно, в пушкинский юбилей, один художник подарил нам портрет Пушкина. Я вставила его в раму и повесила у мальчиков в комнате.

— Как приятно — Пушкин!— сказали они.— Нельзя ли еще что-нибудь повесить?

Хорошая обстановка, хорошие вещи облагораживают ребят, а вы сказали — лишних вещей не нужно. Я боюсь, что я не так поняла. Что считать лишними вещами?

Макаренко. На этот вопрос вы сами как художник можете ответить. Лишние вещи — это вещи, которые лишние. Портрет Пушкина нравится, производит впечатление — это не лишняя вещь. Лишняя вещь — это та вещь, которая не нужна, никакого впечатления ни на кого не производит, торчит в комнате. Разве вы не знаете квартир, которые похожи на мебельный магазин. Иным это кажется — роскошь, а на самом деле мебельный

склад. Если вы просто завесите вашу комнату картинами, то из них половина будет лишними.

Не должно быть вещей, пришедших в изношенность. Не должно быть книг, которых никто не читает, не должны лежать прошлогодние журналы, не должны стоять диваны, на которых никто не сидит и которые только загромождают комнату. Лишнего, пыльного, истрепанного быть не должно, а вообще красивая богатая обстановка — почему же, это не так плохо. То, что вы повесили мальчикам портрет Пушкина, это прекрасно.

С места. Я педагог. Мне приходится сталкиваться с детьми по линии учебной. Вызываешь родителей, говоришь, что ребенок несистематически готовит уроки. Родитель рвет и мечет. Но добиться, чтобы родители следили за дневником ребенка, усаживали регулярно за уроки, не удается. Один из важнейших принципов — не действовать наскоками на ребят, а проводить определенный метод воспитания, предъявлять к ребенку требования и постоянно соблюдать их.

У т. Макаренко именно этот принцип. Я была у него в колонии, когда была еще студенткой, и на всю жизнь вынесла яркое впечатление. Я видела, что ребята отлично знают, что они могут делать, чего не могут. Такой образцовый порядок, дающий возможность воспитывать ребят, должен быть в семье. Больше всего мешает эта несистематичность, когда мать то кричит на ребенка, то бьет его, то позволяет ему делать, что угодно. То, что обещания не выполняются, это тоже чрезвычайно вредно влияет.

Макаренко. Я заключительного слова говорить не буду. Этот вопрос закончить никогда нельзя, и мы долго можем об этом разговаривать.

На один только вопрос мне хочется ответить: это насчет материальной обеспеченности и необеспеченности семьи. Насчет карманных денег. Это корректив чрезвычайно важный в семье, когда вы не сами покупаете, а даете детям смету, и в эту смету они должны укладываться. Конечно, деньги нужно давать не в излишнем количестве.

Иногда говорят, что трудно воспитывать детей, когда нет материальной обеспеченности. Я не скажу, чтобы в семьях со скромным материальным достатком было худшее воспитание, чем в богатых. Процент брака в воспитании детей в тех и других семьях примерно одинаковый. Все это зависит от родительской заботы и родительского внимания. Мой коллега правильно заявил, что нужно систематически воспитывать детей, а не то, что раз в месяц воспитывать. Систематическое воспитание очень важно.

Что же касается школы и семьи, то я никогда не вызывал родителей. Я педагог. Шестнадцать лет учительствовал и считал, что если дети у меня воспитываются, я квалифицированный воспитатель, так я детей заставлю вносить положительное влияние в семью.

Попробуйте стать на эту точку зрения, и вы увидите, как будет легко, когда вы научите детей чувствовать ответственность за семью. Нужно детей в школе так воспитывать, чтобы они вносили в семью какую-то дополнительную здоровую струю, не то, чтобы перевоспитывали семью, а чтобы они шли в семью как представители государственной школы и несли эти идеи в жизнь.

Вопрос, конечно, еще дискуссионный. До следующего раза. Спасибо за внимание.

Некоторые выводы из моего педагогического опыта

Дорогие товарищи и коллеги!

Я немножко боюсь вас. (Смех.) Боюсь не за «Книгу для родителей». Там, я думаю, нет таких моментов, где бы мы с вами слишком категорически расходились. Например, по вопросу об алиментщиках. Я получал очень много писем от этих алиментщиков, и очень ругательных, где так и пишут: «Вы идете против любви». (Смех.) Я оправдываюсь в некоторых случаях, если вижу, что алиментщиков много. Но всем известно, что среди педагогов наименьший процент алиментщиков. (Смех.)

Так что с этой стороны я не боюсь вас.

А, во-вторых, я рассчитываю, что в случае нужды вы будете на моей стороне. Ибо почему у нас, педагогов, меньше алиментщиков? Да потому, что мы привыкли относиться к детям с определенным уважением, а если мы с определенным уважением относимся к чужим детям, то с тем большим уважением мы относимся к своим.

Что касается единственного ребенка, то у педагогов это тоже редкое явление (смех), и если даже он единственный, то опасность плохого воспитания не так велика, ибо отец и мать — педагоги.

Значит, со стороны «Книги для родителей» я если и боюсь вас, то не очень, а вот со стороны «Педагогической поэмы» и других моих писаний я боюсь, что вы будете меня ругать. А потому, чтобы предупредить тех товарищей, которые на меня нападут (смех), я бы предпочел сам подставить свой лоб под нападение, и поэтому думаю, что мы будем сегодня вести разговор не о литературных достоинствах «Педагогической поэмы», а только по вопросам педагогической тематики.

Если вы на это согласны, то я не буду ничего читать и позволю себе в очень кратком слове сделать некоторые чисто педагогические выводы из моего опыта и предложить его вашему вниманию как специалистов и моих коллег.

Согласны вы на это? (С мест. Пожалуйста.)

В течение всей своей жизни и работы я прежде всего был всегда убежден, что я вовсе никакой не педагогический талант, что я не белая ворона и что со мной вместе более или менее одинаково думает все наше советское учительство. В этом я продолжаю быть убежденным и на сегодня. И поэтому я никогда не считал себя ни новатором в педагогической области, ни реформатором, ни чудаком, ни тем более еретиком. Сколько мне ни приходилось встречаться с учителями, я не помню, чтобы между мною и ими были какие-нибудь принципиальные расхождения. Бывали учителя ленивые, и были неленивые. И ленивые со мной иногда ссорились, но не принципиально. Точно так же, встречаясь очень часто и на Украине, и в Москве с учительским обществом, я не помню еще ни одного случая какого-нибудь категорического расхождения с моими взглядами, высказанными в «Педагогической поэме».

Однако до сих пор мне не приходилось видеть такой школы, десятилетки или семилетки, где бы мои педагогические убеждения были претворены и понимались так же глубоко, как они претворены в детских колониях и в коммунах, в особенности в тех коммунах, которыми мне приходилось руководить.

Очень возможно, что методика работы с бывшими безнадзорными чем-то должна отличаться от работы с нормальными детьми. Но это только возможно, в этом я до сих пор не убежден, и у меня самого есть такая задирка — попробовать, а может быть, можно применить те методы, которые я применял к правонарушителям, и к нормальным детям. Потому что в самой логике моей работы я никогда не исходил из элемента правонарушения или беспризорности и считал, что если бы я вырабатывал свои методы по логике, где большой посылкой являлось бы преступление или, более того, преступный характер, то тем самым я уходил бы от нашей советской идеологии и приближался бы к ломброзовской идеологии[1]. И поэтому такого соблазна решить, что благодаря совершенному преступлению происходит искривление детского характера в сторону преступления, исходя из чего и надо было бы вывести метод, у меня никогда не было. Это проистекает из моей доверчивости к человеку или, скорее, из любви к нему.

Меня некоторые критики упрекают, заявляя: «Почему у вас все молодые люди и девушки и все люди вообще красивые?» А я такие упреки встречаю с широко раскрытыми глазами, в свою очередь спрашивая: «А разве вообще все люди не красивы?» Действительно, по крайней мере, молодежь мне всегда кажется красивой. Трудно представить себе юношу или девушку, чтобы они казались безобразными... Молодежь всегда красива, если она правильно воспитывается, правильно живет, правильно работает, правильно радуется. И вот, может быть, мой оптимизм и подвинул меня на то, что с самого первого дня, с самого несчастного дня, когда я ударил Задорова, я считал, что Задоров прекрасный человек и должен поступать, как всякий человек, настолько должен, что считал себя вправе требовать от него правильного поступка, а не готовить его к правильному поступку.

Вот в этой формуле, если хотите, может быть, и заключается ересь. Но какая же?

Я считаю, что каждый советский педагог, каждый советский человек от каждого советского нормального гражданина и ребенка должен требовать нормального поступка, а ненормальными мы считаем только тех, которые физически или психически ущемлены.

В своей практике я такое вполне развернутое, без всяких скидок, требование и предъявил к моим воспитанникам и считаю, что это должно быть законом правильной советской педагогики: непреклонное, ясное, прямое, категорическое требование.

Мне кажется при этом, что в этом требовании иногда (а может быть, и всегда) мерещится риск[2], и поэтому страшновато предъявить такое категорическое требование: а вдруг личность «побежит вешаться»? И вот именно на фоне этого страха у нас и развернулись педология и педологические тенденции. В чем они заключаются? В том, чтобы никакого рискованного требования не предъявлять, а приспособить такую серию средств, чтобы никто не разобрал, к чему эти средства ведут, и чтобы потом нельзя было установить, а кто же в случившемся виноват. Воспитывал человека, учил-учил, а вышло не то. Можно предъявить требование к профессору педагогики, создавшему такую систему? Нельзя. А к учителю? Тоже нельзя, потому что нет никакого действия, а есть только рассуждения о действиях и аргументация.

Так вот, раз мы откажемся от логики, вытекающей из каких-то наших гражданских требований, мы тем самым откажемся и от воспитательной работы.

Моим основным принципом (а я считал, что это принцип не только мой, но и всех советских педагогов) всегда было: как можно больше требования к человеку, но вместе с тем и как можно больше уважения к нему. В нашей диалектике это, собственно говоря, одно и то же: нельзя требовать большего от человека, которого мы не уважаем. Когда мы от человека много требуем, то в этом самом и заключается наше уважение, именно потому, что мы требуем, именно потому, что это требование выполняется, мы и уважаем человека.

Если это положение провести по всем линиям воспитательной работы, то мы увидим, как воспитательная работа начнет принимать строгие и четкие организационные формы. Еще раз повторяю — всегда при этом будет присутствовать некоторый страх риска.

Вы обратили, вероятно, внимание на то, что недавно в «Правде» появилось несколько статей о производственном риске. Нужно сказать, что у педагогов эта проблема выглядит, конечно, страшнее.

Можно рисковать материальными ценностями, можно рисковать продукцией, хотя преступно рисковать и там, где дело касается материальных ценностей (разве можно рисковать, когда мы делаем самолеты или танки?). Но мы признаем риск, если в нем заложено стремление к правильной, советской цели.

Возможен ли такой риск в педагогическом процессе?

Если мы спросим об этом человека, сидящего в кабинете за книжками, то он скажет: «Рисковать человеком в педагогической работе нельзя». А если вы спросите меня, человека, работающего практически, у которого несколько десятков этих живых людей, то я скажу: «Обязательно, потому что отказаться от риска — значит отказаться от творчества». А мы имеем право отказаться от творчества в нашей воспитательной работе? Нет. Поэтому я утверждаю, что в педагогической работе педагог имеет такое же право на смелость и даже на риск, как и всякий другой работник.

Возьмем простой обыкновенный средний случай. Да, пожалуй, даже не нужно брать никакого случая: возьмем одну из консультаций, которая была напечатана (правда, года три назад) в педагогическом журнале. Педагог задает вопрос: «Каким тоном нужно разговаривать с учеником, который нарушил дисциплину?» И консультант «всем, всем, всем», на весь Союз отвечает: «Надо разговаривать с ним ровным голосом, чтобы ученик понял, что вы делаете ему замечание не потому, что вы на него гневаетесь или сердитесь, а потому, что вы так должны поступить». Конечно, при таком способе, применяемом в отношении ученика, нарушившего дисциплину, нет никакого риска. Какой же тут риск? Что бы ни случилось (если ученик потом опять будет нарушать дисциплину: бить стекла, оскорблять учителя, товарищей, бросит школу, станет хулиганом), спросим этого учителя, который последует совету консультанта: «Почему у тебя вышел такой хулиган?» И он ответит: «Не знаю, я применял правильные приемы: я с ним разговаривал ровным голосом, я ему показывал, что у меня нет гнева, что я сделал все, что я обязан делать». А если бы он разгневался (потому

что бывают такие поступки учеников, которые должны вызвать негодование), показал бы ученику, что негодует и не может быть ровного голоса, раз есть нарушение дисциплины и интересов коллектива, это остановило бы ученика и дурное поведение больше не повторилось бы. Но тут будет риск. Какой риск? Риск, вызванный отсутствием так называемого педагогического такта. Вот вы разгневались, показали ученику, что вы гневаетесь, а у него произошли какие-то такие трансформации, что-то у него в душе начало переворачиваться...

Но, по моему глубокому убеждению, ни вопрос о риске, ни вопрос о такте не может быть разрешен на одной паре... когда, с одной стороны, стоит воспитатель, а с другой — воспитанник. Все споры, которые были у меня с педологами и со старыми наркомпросовскими работниками, и проистекали из такого представления о паре — учитель плюс ученик. Повторяю, такой пары нет. А что есть? Есть школа, организация, коллектив, общий стиль всей работы. И если у вас в школе будет правильный стиль, правильный тон, правильный коллектив, то никакой риск не делается страшным, и всякий риск необходим и возможен.

Это второе положение моей теории: никакой метод не может быть выведен из представления о паре: учитель плюс ученик, а может быть выведен только из общего представления об организации школы и коллектива.

В таком случае вопросы воспитательной работы никогда не могут быть разрешены порядком рекомендации метода каждому отдельному учителю по отношению к отдельному ученику, а могут быть разрешены рекомендацией формы, стиля и тона для всей организации.

И первой такой формой, необходимой у нас, в советском воспитании, является коллектив. Задача нашего воспитания сводится к тому, чтобы воспитать коллективиста. Какие мы отсюда сделали выводы? До сих пор многими делаются только такие выводы, что с учеником нужно говорить о коллективе, воспитывать его в смысле политических представлений и идей. Но они будут правильно усвоены только тогда, когда и на практике вы будете следовать этим идеям и принципам. А для того, чтобы наше политическое воспитание и на практике немедленно претворялось в жизнь наших учеников и учителей, нельзя обойтись без коллектива. Наша советская педагогическая логика не сможет выдержать никакой критики, если мы вычеркнем в логическом построении коллектив.

Тогда мы поставим вопрос: а что такое коллектив? Нельзя представить себе коллектив, если взять попросту сумму отдельных лиц. Коллектив — это социальный живой организм, который потому и организм, что он имеет органы, что там есть полномочия, ответственность, соотношение частей, взаимозависимость, а если ничего этого нет, то нет и коллектива, а есть просто толпа или сборище. И вот я все свои 16 лет советской педагогической работы главные свои силы потратил на решение вопроса о строении коллектива, его органов, о системе полномочий и о системе ответственности.

При этом я сделал еще один вывод — я не представлял и не представляю себе, можно ли воспитать коллектив или, по крайней мере, детский коллектив, если не будет коллектива педагогов. Совершенно несомненно, что нельзя воспитать коллектива, если 15 педагогов будут каждый воспиты-

вать кто как умеет и как кто хочет. Понятно поэтому, что должен быть и коллектив педагогов.

А что у нас написано о коллективе педагогов? Что мы, я и вы, знаем о нем? Если нас спросить с научной точки зрения о коллективе педагогов, то мы не знаем ни одного слова, хотя нам прекрасно известно, что там, где есть коллектив, там работа идет успешнее, там и вопрос о дисциплине не ставится, пожалуй.

Я иду еще дальше: я готов разобрать и такие вопросы, как вопрос о длительности педагогического коллектива, как вопрос о стаже педагогической работы отдельных членов коллектива, потому что если вы построите весь коллектив из педагогов с одногодичным стажем работы, то, несомненно, это будет слабый коллектив. И вопрос о соответствии, о том, сколько должно быть старых и новых педагогов, — тоже научно-педагогический вопрос.

Я переживал в своей работе напряжения следующего порядка: вот у меня имеется одно вакантное место педагога. Кого пригласить? И очень часто организации, от которых это зависело, мне рекомендовали: «Используйте человека, которого мы вам прислали». Я спрашивал: «А почему именно этого человека вы прислали?» — «Да подвернулся под руку». Этот случайный принцип комплектования педагогического коллектива бывает иногда удачен, иногда нет. Я помню — иногда я знал, что мне обязательно нужно пригласить молодого человека (стариков у меня достаточно), а иногда я втайне грешил (это я побоялся написать даже в «Педагогической поэме») — я считал, что мне нужна хорошая девушка в коллективе. Почему? Да потому, что собрались все такие вот вроде меня и у учеников глазам отдохнуть не на чем. (Общий смех.) Эта хорошенькая девушка внесет и молодость, и свежесть, и известный задор. Пусть даже пойдут разговоры, что в нее вот такой-то педагог влюбился. Это только оживит общий тонус коллектива. А кто подсчитал — какое значение имеет общий тонус? У нас еще не успели этого подсчитать за двадцать лет, в Западной Европе тоже ничего в этой части не имеется.

Надо, чтобы в коллективе был и сердитый, строгий дед, который никому ничего не прощает, который никому не делает никаких уступок.

Нужно, чтобы была и «мягкая душа» — человек несколько слабовольный, который всех любит, всем все прощает, всем ставит пятерки. (Смех.) Такой, честное слово, нужен. Теперь это смешно, а я не смеялся и искал такого старика. Я знал, что такой человек уменьшит трения, возникающие иногда в коллективе.

Я говорю с вами, товарищи, как с коллегами, потому что обо всех этих вещах нужно долго и писать, и говорить, и подсчитывать, но в практической работе полезно иногда, положившись на собственную интуицию, не взять опытного педагога, а взять молодую девушку, и всякий ответственный директор это прекрасно знает.

Так вот, коллектив учителей и коллектив детей — это не два коллектива, а один коллектив, и, кроме того, коллектив педагогический. Причем я не считаю, что нужно воспитывать отдельного человека, я считаю, что нужно воспитывать целый коллектив[3]. Это единственный путь правильного воспитания. Я сам стал учителем с семнадцати лет и сам долго думал, что лучше организовать одного ученика, воспитать его, воспитать второго, третьего, десятого, и когда все будут воспитаны, то будет хороший кол-

лектив. А потом я пришел к выводу, что нужно иногда не говорить с отдельным учеником, а сказать всем, построить такие формы, чтобы каждый был вынужден находиться в общем движении. Вот при этом мы воспитываем коллектив, сбиваем его, придаем ему крепость, после чего он сам становится большой воспитательной силой. В этом я глубоко убежден. И меня убедила в этом не колония им. Горького ...а коммуна им. Дзержинского. В коммуне я добился того, что коллектив сам стал замечательной творящей, строгой, точной и знающей силой. Этого нельзя сделать приказом, такой коллектив нельзя создать и за два, и за три года, такой коллектив создается за несколько лет. Это дорогая, исключительно дорогая вещь. Но когда такой коллектив создан, тогда нужно его беречь, и тогда весь воспитательный процесс проходит очень легко.

Но тут встает вопрос, наш педагогический вопрос: а как же беречь коллектив? Представьте себе, что вы, группа учителей, воспитали коллектив, создали традиции, создали законы, которым все верят, добились того, что каждый в каждую минуту своей жизни физически чувствует, что за ним стоит коллектив. И вот перед вами задача — как это не потерять. Коллектив — чрезвычайно нежная, чрезвычайно сильная вещь. А развалить его, испортить, перемешать части может первый попавшийся самодур. Как спасти коллектив от самодура? А ведь он может выскочить из-за любого угла, предъявить вам мандат и сказать: «Делайте так, делайте так, делайте так». И вот тут-то необходимы наши общие формы, наши общие советские традиции, и у нас они нарастают. Сейчас это еще во многих случаях принимает форму болезненного явления, но я убежден, что через самый короткий промежуток времени у нас будут такие традиции воспитательной работы, которые не скоро поломаешь. Их немного, но у нас они уже есть, и они делают свое дело. Вот то, что я хотел сказать о коллективе. Отсюда вытекает и вопрос о дисциплине, самый больной вопрос нашего педагогического сегодня.

Как раз по вопросу о дисциплине я переболел больше вас всех и раньше вас начал болеть. Я начал с преступления. Если вы читали «Педагогическую поэму» — вы знаете. Это был удар, это было избиение воспитанника. Это было очень тяжелое переживание, тяжелое во всех отношениях. Я уже не говорю о том, что это было уголовное преступление против нашего советского уголовного закона и что я имел все шансы на то, что меня могут на три года посадить. Не это меня мучило, а другое — я испугался самой мысли, что, может быть, это — педагогический закон: не ударишь — не поедешь. Причем я находился в таком положении, когда я не мог мучиться, запершись в комнате, я должен был работать. Таким образом, для меня стояла ясная проблема — быть дальше или, испугавшись, отступить? Что делать? Вот такой вид приняла для меня проблема дисциплины — вид отчаяния, позора и преступления. И я, дав слово Алексею Максимовичу писать только правду, написал: без всяких утаек, как было дело; я написал: да, ударил и все-таки махнул рукой и сказал — пойдем дальше! И я только через три или четыре года понял, что и мой удар, и моя растерянность, и все мои мучения проистекали оттого, что у меня в руках ничего не было: ни знания, ни навыков, ни привычек, ни мастерства.

Вот рядом с коллективом и нужно поставить мастерство. Даю вам честное слово, я себя не считал и не считаю сколько-нибудь талантливым

педагогом. Говорю вам это попросту. Но я много работал, считал себя и считаю работоспособным, я добивался освоения этого мастерства, сначала даже не верил, да есть ли такое мастерство, или нужно говорить о так называемом педагогическом таланте. Но разве мы можем положиться на случайное распределение талантов? Сколько у нас таких особенно талантливых воспитателей? И почему должен страдать ребенок, который попал неталантливому педагогу? И можем ли мы строить воспитание всего нашего советского детства и юношества в расчете на талант? Нет. Нужно говорить только о мастерстве, т. е. о действительном знании воспитательного процесса, о воспитательном умении. Я на опыте пришел к убеждению, что решает вопрос мастерство, основанное на умении, на квалификации.

Но и здесь я пришел к некоторым, если хотите, новым убеждениям. Я считаю, что наших педагогов в вузах, где они учатся, нужно по-иному воспитывать. Для меня в моей практике, как и для вас, многих опытных учителей, такие «пустяки» стали решающими: как стоять, как сидеть, как подняться со стула из-за стола, как повысить голос, улыбнуться, как посмотреть. Нас этому никто не учил, а этому можно и нужно учить, и в этом есть и должно быть большое мастерство. Здесь мы сталкиваемся с той областью, которая всем известна в драматическом или даже в балетном искусстве: это искусство постановки голоса, искусство тона, взгляда, поворота. Все это нужно, и без этого не может быть хорошего воспитателя. И есть много таких признаков мастерства, прямых привычек, средств, которые каждый педагог, каждый воспитатель должен знать.

У нас в школах — вы сами знаете — иногда у одного учителя хорошо сидят на уроках, а у другого — плохо. И это вовсе не потому, что один талантлив, а другой нет, а просто потому, что один мастер, а другой нет.

И нужно воспитывать педагогов, а не только образовывать. Какое бы образование мы ни давали педагогу, но если мы его не воспитываем, то, естественно, мы можем рассчитывать только на его талант.

Кроме мастерства здесь требуется еще и большое знание самой организации. Поднимается ли у нас в нашей педагогической теории вопрос о таком «пустяке», как школьный центр? Нет, а между тем функционирование школьного центра, зависимость отдельных элементов этого центра во многом решают вопрос о дисциплине.

Я не знаю, как это можно сделать в школе, но у меня в коммуне был центр, во-первых, на определенном, самом лучшем месте, во-вторых, он никогда не оставался без ответственного лица. Каждый коммунар знал, что в мое отсутствие на моем месте сидит лицо, которое отвечает за учреждение, все мои коммунары знали, что есть центр, который не прекращает работу, и что всегда есть кого позвать, к кому обратиться. А от этого центра идут уполномоченные лица. Таким уполномоченным лицом у меня в коммуне был дежурный командир. Это мальчик, самый обыкновенный, который дежурит два раза в месяц. Вообще он не имеет никаких прав, но, когда он надевает повязку, он получает очень большие права. И если у вас в коллективе создана традиция, утверждающая, что эта «магистратура» нужна и что эти права идут на пользу коллективу, если вы воспитали в коллективе уважение к своему уполномоченному, тогда ваш дежурный командир делает очень большое дело. Это лицо, отвечающее за рабочий

день, за каждый случай в течение рабочего дня. И уже одно то, что среди воспитанников или школьников этот мальчик умеет провести свою власть как власть коллектива, не поступившись этой властью, не оскорбивши ее, не позволив ее никому оскорбить, — уже одно это делает колоссальные повороты.

Этот мальчик в коммуне имел права приказа, и приказа безапелляционного. Мы не побоялись на это пойти. Вот такой пятнадцатилетний дежурный командир может приказать старшему комсомольцу: «Убери тряпку». Потом его могли «проветрить» в комсомольском бюро, но отказаться выполнить приказ было нельзя.

Мы пошли дальше. Полномочия этого мальчика были настолько почетными, что общее собрание постановило: рапорт дежурного командира проверять нельзя, полное доверие его рапорту. Если ко мне дежурный командир или бригадир придет и за столом скажет что-нибудь, я могу проверить, но, если он мне рапортует в определенной торжественной обстановке, подчеркивающей, что он говорит не просто как живая личность, а как уполномоченный коллектива, считалось, что в этом случае командир соврать не может, и, правильно, не может, как бы он ни хотел соврать. И вот эта идея уполномоченного с большими функциями и строгой ответственностью — разве это не та самая идея, на которой дальше сбивается коллектив! Это все относится к вопросу организации центра.

Я не стану вас затруднять такими моментами, которые, может быть, для школы не подойдут. Я обращаю ваше внимание на то, что вопрос о том, кто у вас в центре и в какой зависимости эти уполномоченные стоят, вовсе не простой вопрос.

Имейте в виду, что функции этого центра затрагивают другую очень важную область педагогики, которую мы все давно признаем и уважаем, но в серьезной государственной школьной организации не всегда применяем, — это наши взгляды на детскую игру. Мы считаем, что ребенок должен поиграть, и игрушек у нас сколько угодно, но в то же время мы почему-то убеждены, что для игры должно быть какое-то отдельное место, и этим все участие игры в воспитании ограничивается. А я утверждаю, что детская организация должна быть пропитана игрой. Учтите, что речь идет о детском возрасте, у него есть потребность в игре и ее нужно удовлетворить, и не потому, что делу время, потехе час, а потому, что как ребенок играет, так он будет и работать. И я был сторонником того, что вся организация детского коллектива должна быть проникнута этой игрой, а мы, педагоги, должны в этой игре принимать участие.

Когда ко мне приезжали наркомпросовские комиссии, наблюдали систему моих рапортов, конечно, в душе я увядал, потому что прекрасно представлял себе, что они смотрели на меня и думали: «Как будто бы и взрослый человек, как будто бы и не дурак, а посмотрите, что он выделывает!» А я говорил: «Есть! Есть! Есть! Есть! Есть!» И так я «играл» шестнадцать лет, и не только в этом случае, а во многих случаях, в ту самую пресловутую военизацию, за которую меня в свое время «ели», — в командиров, в салюты и т. д. Настоящая военизация была в стрелковых кружках, а это была игра, в которой я принимал участие, принимал участие потому, что я пришел к убеждению, что без такой игры труднее создать настоящий веселый и бодрый коллектив. Причем я с удовлетворением отмечаю, что эта

«игра» постепенно внедряется. Возьмите, например, школы подготовки артиллеристов. Там уже ввели немножко эту игру. Это не специальные учебные упражнения, это специальная эстетика, которая в детском коллективе необходима.

А вы думаете, что мы с вами не играем? Играем! Возьмите все эти галстучки, булавочки, кошечки, собачки! Это тоже игра. Как будто бы это принято, а на самом деле мы играем — иногда играем в важность в своем кабинете, иногда играем в книжность, когда мы обставимся книжками и думаем — у нас есть библиотека. Ведь играем же мы в библиотеку? Играем. Разложим книжки, а очередной номер журнала держим под подушкой. А в гостиную разве мы не играем? Играем. И в столовый прибор, и в ножички для разрезания лимона и апельсина играем, хотя никогда никакого лимона и апельсина этим ножом не разрежешь! А почему, как только дети — так сплошная серьезность, сплошная мораль, мораль, учеба и учеба? А поиграть? «Он на перемене поиграет», — говорит педагог. «Пойди побегай, но только смотри, чтобы стекло не разбил, грязи не нанес, чтобы нос не разбил!»

И вот я считаю, что это привлечение игры в детский коллектив совершенно необходимо...

Между прочим, когда меня спросили в НКВД, какую форму для коммунаров выдумать, то я постеснялся сказать, но вам скажу по доверию, в расчете, что вы никому не расскажете. Я считал, почему женщины носят страусовые перья, почему только им это можно? А по-моему, нужно отобрать у них страусовые перья и оставить их для школьников. Во всяком случае, в костюме, может быть, не в перьях, но в какой-то пуговице, в какой-то выпушке, в каком-то покрое должна быть игра. Мы знаем, что в нее играют не только маленькие, но и взрослые: многие носят форму, а многие мечтают, что будут когда-нибудь носить. В этом есть что-то приятное. Скажем, человек одет в форму железнодорожника. А для ученика это еще важнее. И совсем не нужно для этого никаких дорогих материй, и разговоры о том, что у нас нет сукна, совершенно излишни. Но вот, наконец, еще два важных обстоятельства, на которых я хотел остановиться, — это наказание и труд.

Если вы помните, я написал для «Правды» о наказании две статьи[4]. Одна из них первоначально так и называлась «Наказание». Но как-то так случилось, что, пока эта статья писалась и оформлялась, вопрос о наказании из нее понемногу исчезал. Я не скажу, насколько это нужно в школе, и, пожалуйста, прошу не принимать моего слова как рекомендацию какого-то наказания. Я скажу, какие наказания я применял и какая от этого была польза, а по секрету вам скажу: я лично убежден, что это было бы полезно и в школе.

Все мои коммунары делились на два отдела: огромное, подавляющее большинство — коммунары, а те, кто не получил такого звания, — воспитанники[5]. «Мы тебя воспитываем, а коммунары уже воспитаны». И вот воспитанника я имел право наказывать — «греть», как у нас говорили: я мог дать ему вне очереди наряд.

Что такое «наряд»? Наряд — это самая разнообразная работа, которая от меня даже не зависела. Я имел право назначить наряд. Дежурные командиры всегда записывали: такой-то имеет, скажем, два наряда, такой-

то — один наряд. Причем никто никогда не гонялся за имеющим наряды, а было так: нет работы — «нарядные» находятся в запасе, а пошел, скажем, дождь, нужно поставить бочки — пожалуйста, ставь бочки; или нужно поехать в город получить деньги — отправляйся в город; или уборка на кухне — помогай на кухне.

Воспитанника я мог оставить без отпуска, в выходной день он не мог никуда уйти; я мог удержать воспитаннику выдачу карманных денег, т. е. не дать ему денег на руки из его заработка, а положить в сберкассу, откуда он без моей подписи ничего получить не мог.

Накладывать такие наказания на коммунаров я не мог, не имел права. Для коммунаров было одно наказание — арест, а на воспитанника я не мог наложить арест, он еще до этого не дорос. Коммунар мог ходить в отпуск без разрешения, доложив только, до какого часа; он мог быть избран уполномоченным, а воспитанник — нет.

И еще одним правом пользовались коммунары: коммунару я обязан верить на́ слово: если он сказал, что он дал слово, то неудобно, неприлично не верить на́ слово.

Значит, коммунар мог быть наказан только арестом. Что такое арест? Так же как и в случае с нарядами, я мог только наложить арест, причем считалось законом, что я должен в это время встать, т. е. не мог сидя, развалившись в кресле, сказать: «Два часа ареста!», а коммунар должен был мне ответить обязательно салютом: «Есть, два часа ареста!» Если коммунар не сказал, значит, он не принял моего наказания, значит, он не согласен, и тогда я имею право передать вопрос на общее собрание. Но должен вам сказать, что я не помню такого случая. Наказывать нужно очень редко. Получив арест, коммунар уходил, и никто никогда это не записывал: наряды дежурный командир записывал и следил, чтобы они были выполнены, а арест — нет. Сам коммунар должен помнить, сам должен выбрать для себя удобное время, чтобы отбыть наказание. Вот тогда он приходил и говорил: «Прибыл под арест!» Арест заключался в том, что он приходил и должен был сидеть положенное время в моем кабинете. Арест — это внешняя инструментовка, а главное — это то, что кабинет — центр, где протекает вся жизнь колонии: где звонит телефон, куда приходят заказчики и т. д. И вот сидящий следит, как проходит жизнь. Причем мне заказывается очень важная методика: я все разговоры веду так, что то и дело вверну что-нибудь специально для отбывающего арест коммунара. Если он, скажем, разбил стекло, то я в разговоре с кем-нибудь скажу: «Если будете ехать в город, купите, пожалуйста, ящик стекла, а то вот у нас стекла стали бить. Вы говорите, денег нет? Как же так, что же мы будем делать?» и т. д. Если он девочку затронул или оскорбил, то на эту тему нужно несколько раз пройтись. Но я никогда не позволял себе допекать провинившегося прямо в глаза: вот, ты сделал то-то и то-то, как это нехорошо! В коммуне было такое правило: раз наказан и сказано: «Есть!» — больше о проступке говорить нельзя, это считалось неприличным. Пока наказание не наложено, тут мы и собрания устраиваем, и чего только ни говорим, но как только есть постановление, как только наложено определенное наказание, — кончено, считалось совершенно неприличным, неэтикетным говорить о том проступке, за который уже наложено наказание. Это весьма важная традиция, она спасает наказанного от каких бы то ни было издевательств над ним.

Это то, что касается наказания.

Но тут я бы внес такой корректив. Я считаю совершенно неправильной такую постановку вопроса: «Наказывать, конечно, надо, но...» Эти «но» сводятся к тому, что, во-первых, надо стараться не наказывать, а, во-вторых, хороший учитель никогда не будет наказывать. Старайтесь сделать без наказания, «педагогическим тактом», а в крайнем случае (значит, в скобках, — если вы никуда не годный учитель) — наказывайте. Дело обстоит совсем не так. Во-первых, плохой учитель не должен наказывать ни в коем случае. Право наказания у меня в колонии имел только один человек, право наказания должно быть сосредоточено в одном геометрическом центре, чтобы было какое-то единство, а во-вторых, наказывать необходимо всегда, когда нужно наказывать, ни в коем случае нельзя заменять наказание простым разговором.

Логика такая: если нужно наказание, если наказание в данном случае полезно, значит, оно и должно быть применено. Ибо что такое «педагогический такт» в том понимании, в каком это у нас часто употребляется, т. е. в кавычках? Педагогический такт часто — это особый способ увильнуть от воспитательной работы и от ответственности, и только. А учитель не имеет права отворачиваться ни от работы, ни от ответственности.

Я лично тем не менее считаю, что много наказаний быть не должно, но по другой логике: наказания не должны оглушать весь коллектив и делаться бытом в коллективе, наказания должны быть настолько редки, чтобы весь коллектив обратил на наложенное наказание внимание. Только поэтому наказания необходимо применять не часто. Если же у меня случался такой отрезок времени, когда что-то в коллективе расстроилось, — я бил наказанием просто без остановки, пока не наступало изменение.

Наказание накладывал, как правило, я как старший уполномоченный коллектива. Но самое строгое и жестокое наказание, такое наказание, как исключение из коллектива, я всегда считал необходимым проводить через общее собрание.

Тут мы подошли к очень интересному вопросу — общее собрание. Я не знаю, насколько это в школе возможно. На практике я этого не испробовал и сомневаюсь, потому что в школе слишком большая разница в возрастах, кроме того, там слишком недостаточное общение между старшими и младшими возрастами, и не знаю, какой вид могло бы иметь общее собрание в школе, но я уверен, что если бы в школе был единый сплоченный коллектив, то это было бы возможно.

Я имел право в колонии исключить воспитанника, но я никогда этим без общего собрания не воспользовался. Конечно, вы понимаете, что на общем собрании вы должны добиться такого постановления, какое вы считаете необходимым, а если коллектив вас уважает и понимает вас, то общее собрание всегда будет на вашей стороне. Для чего же тогда нужно общее собрание? Я считаю, что общее собрание нужно не столько для того, чтобы наложить правильное наказание, сколько для того, чтобы каждый член общего собрания считал себя ответственным за решение. Вот это переживание ответственности воспитывается в коллективе с наибольшим трудом, но зато, когда оно воспитано, оно творит чудеса. А это переживание ответственности вырабатывается очень большой точностью работы и четкостью.

В коммуне на общих собраниях был установлен такой регламент: речь

могла продолжаться одну-две минуты. И вот даже в этом пустяке воспитывалась ответственность.

Ее можно воспитывать еще при помощи главным образом персональных поручений. В школе мне не приходилось наблюдать такие персональные поручения, а я их практиковал очень часто. Это значит — в каждом случае поручается кому-нибудь что-нибудь сделать с обязательным отчетом на общем собрании и с обязательной проверкой; не сделал — получай взыскание. Не стану затруднять вас слишком детальным описанием таких поручений — я уверен, что каждый директор школы и каждый коллектив педагогов всегда найдет, что поручить.

Наконец, я хочу обратить ваше внимание еще на один момент — на значение единоличного центра. Я лично убежден в том, что во главе школьного педагогического коллектива должен стоять полномочный педагог-директор. В своей практике (а я 16 лет работал в больших колониях с большим хозяйством) я имел право пригласить заведующего педагогической частью, и никогда его не приглашал, и считаю, что всю воспитательскую и хозяйственную власть необходимо объединить в одних руках, как бы трудно, как бы тяжело это ни было. Через год такой работы директору станет гораздо легче: он все держит в своих руках, он все знает. Вообще в педагогическом детском и учительском коллективе я не могу понять логики, по которой центр разбивают на несколько ответственных лиц. Я считаю, что и воспитателем и хозяйственником должно быть одно лицо. Это нелегко, я тоже вставал в 6 часов утра и ложился в 1 час ночи и не имел выходных дней (я думаю, что такая доля готовится и директору школы), — но... Но как это ни трудно, все-таки лучше истратить время и силы, а сохранить качество детского коллектива.

Вот, товарищи, все, что я хотел сказать по основным, главным вопросам...

Прошу вас, ни в какой мере не смотрите на то, что я сказал, как на какие-то советы или как на какую-то рекомендацию. Это то, что делал я в исключительных условиях и в исключительном коллективе, воспитывая правонарушителей, беспризорных или детей, выбывших из семьи.

Кроме того, учтите одно важное примечание: для того чтобы создать все эти формы, нужно несколько лет. Ни в коем случае нельзя думать, что можно прийти, изобрести и осуществить это в течение нескольких дней. Но если бы меня спросили, с чего бы я начал в нормальной школе, я сказал бы: я начал бы не с формы и не с создания традиций, а начал бы с хорошего общего собрания, где так, от души, в лоб сказал бы ребятам: во-первых, чего я от них хочу, во-вторых, чего я от них требую, и, в-третьих, я предсказал бы им, что́ у них будет через два года. Я убежден, что хорошо сказанное детям деловое, крепкое слово имеет громадное значение, и, может быть, у нас так много еще ошибок в организационных формах, потому что мы еще и говорить часто с ребятами по-настоящему не умеем. А нужно уметь сказать так, чтобы они в вашем слове почувствовали вашу волю, вашу культуру, вашу личность. Этому нужно учиться.

Заканчивая, я от души желаю вам в вашей работе успеха. Уверен, что у вас не меньше всяких мыслей и изобретений, чем, скажем, у меня, только я отличаюсь многословием — пишу книги, а вы, может быть, помалкиваете, хотя у каждого из вас есть очень интересные новеллы.

Заключительное слово

Я думаю, что не нужно никакого заключительного слова, а я просто отвечу на вопросы и записки.

Вот одна записка, касающаяся очень важного вопроса, вопроса о риске: *«В Ленинграде был случай, когда ученик, получив плохую отметку, пытался покончить самоубийством. Как быть в таких случаях?»*

Совершенно правильно поставленный вопрос. Но в самом вопросе заключается ответ. Какой риск был в том, что ученику была поставлена плохая отметка? Это совершенно узаконенная, нормальная, средняя мера.

Никто же не думает, что как только ставишь отметку, так и отнимай у ученика нож или смотри, чтобы он не выбросился из окна. Это самая нерискованная мера, а все-таки ученик ненормально реагировал на эту отметку. Что это значит? Это именно и значит, что какие-то другие меры, еще менее рискованные, в общей сумме привели к тому, что маленькая плохая отметка оказалась только лишь последней каплей. Вот это есть самый безобразный риск, который часто имеет место. Мы накапливаем в своей работе мелкие, совершенно нерискованные влияния, будучи уверены, что в каждом из них нет риска. Мы гладим мальчика по голове, мы портим ему нервы хотя бы тем, что в школе содом и визг. Может быть, мы своим «ровным» голосом вызываем у него отвращение к жизни, и потом ко всему этому прибавляется еще совершенно нерискованная мера — плохая отметка, — и мальчик бурно реагирует! Я и думаю, что гораздо больший риск, по сути дела, часто заключается в нашем непротивленчестве, чем в прямой, искренней и открытой борьбе с некоторыми тенденциями в развитии ребенка.

...Учтите следующее важнейшее обстоятельство: если ваши ученики знают, что вы, директор, и все ваши помощники, учителя, весь педагогический коллектив — люди с открытой душой, люди справедливые, прямые, то в таком школьном коллективе не может возникнуть мысль о самоубийстве. Как бы вы ни поступали, у учеников всегда будет ясное представление, что это сделали вы — человек, известный каждому ученику как открытая личность, и всегда у него возникает мысль о том, что вы правы, и именно к вам он пойдет за советом, поговорить, подумать о том, что ему делать. А вот когда вы прячетесь от ученика за ровным голосом, он никогда к вам не пойдет, он самое тайное, самое опасное переживание обязательно от вас спрячет. Да и кого же потянет к человеку с ровным голосом!

Я в своей жизни из коммуны им. Дзержинского за 8 лет выгнал безжалостно на все четыре стороны, наверное, человек 10, причем выгнал, не замазывая ничем. Им было сказано: «Выгоняем на все четыре стороны, потому что ты негоден, ты оскорбляешь и обижаешь нас своим существованием. Мы прямо говорим, что ты низко стоишь как человек». И что вы думаете, я не дрожал несколько ночей, думая, чем все это кончится? Дрожал, но я чувствовал внутреннюю потребность так поступить, мой поступок был поддержан моей совестью. И вы знаете, что все эти выгнанные, потом, через 5—6—7 лет, присылали мне письма. Совсем недавно, например, перед отъездом сюда получаю письмо. Пытаюсь вспомнить, кто же это. Вспоминаю: я его выгнал несколько лет тому назад. Он пишет: я участвовал в боях на озере Хасан и поэтому должен сейчас написать письмо. Спасибо вам, что вы меня тогда выгнали. Если бы вы меня не выгнали, я бы так и остался ни-

куда не годным человеком. А когда вы меня выгнали, я понял, как я низко пал, и решил доказать, что я могу быть человеком. Через 8 лет я потерял из виду этого человека, и вот он написал, когда он оказался победителем у озера Хасан; именно в этот момент он вспомнил обо мне как об одной из причин его сегодняшнего блеска.

Попробуйте поэтому предсказать — куда ведет каждый поступок!

Конечно, если коллектив слаб, то каждый нарывчик мешает, и в таком коллективе приходится выгонять с ласковой физиономией, но без достаточных поводов, а из сильного коллектива вы выгоните тогда, когда человек действительно пошел против коллектива, и тогда ваш поступок и на того, кого вы выгоняете, подействует в высокой степени отрезвляюще.

Кроме того, говоря о риске, я сказал с самого начала, что чем сильнее коллектив, чем правильнее он организован, тем сильнее вы можете его поворачивать и тем меньше будет риска, а в слабом, плохо организованном коллективе я сказал бы так: каждое ваше движение рискованно. Вы не можете отвечать ни за что, если нет общей системы, вы не можете сказать, где у вас риск и где у вас его нет.

Затем одно мое возражение. Я не говорил, что у меня нет мастерства. Я говорил, что у меня нет таланта, а мастерства я добился. Мастерство — это то, чего можно добиться, и как может быть известный мастер-токарь, прекрасный мастер-врач, так должен и может быть прекрасным мастером педагог.

А что такое педагогический талант? Чего стоит педагогический талант, если нет мастерства? Ничего не стоит. Я, конечно, говорю о воспитательном таланте, в отличие, скажем, от талантов преподавательских. А мастерство это очень достижимая вещь.

У меня был такой помощник — Тимофей Денисович Татаринов. Он со мной долго работал. Это было нежнейшее существо, иначе он ни к кому не обращался, как «хлопятки» (хлопец), «девчатки». Это была полная мне противоположность. Хороший учитель. Я взял его из сельской школы. Причем человек замечательной работоспособности, исключительной ловкости, многое умеющий изготовить, над многим умеющий подумать. Его многие любили, но в его мягкости видели какое-то противоречие. Потом он постепенно вырос и стал моим заместителем. И вот что удивительно. Я часто уезжал по делам, а он был на моем месте. По нашим законам и традициям — пока я в колонии, я имею все права, а я уезжаю — все права переходят к нему. И вот Тимофей Денисович научился у меня целому ряду приемов. Я имел, надо сказать, грешные непедагогические приемы, любил иногда сказать — черт бы вас забрал! Так что же вы думаете? И он стал так говорить, но он говорил так: «Черт бы вас забрал» (тихим, мягким, добрым тоном). (О б щ и й с м е х.) И что удивительно — это производило свое действие. В его характере это было негодование, и все понимали, что он «годует». (С м е х.) Это было мастерство. Я потом его спрашиваю — тут вот говорят, ты кулаком стучал по столу и кричать не кричал, а «черные» слова говорил. А он мне отвечает: «Да, я цэ нарочно робив». То есть человек по своей натуре приспособил к себе внешние формы гнева. (С м е х.) И все говорили: «Он сердитый, Тимофей Денисович!» А это значит нехорошо.

Так что я уверен, что все мы с вами — люди одинаковые. Я прора-

ботал 32 года, и всякий учитель, который проработал более или менее длительно, — мастер, если он не лентяй. И каждый из вас, молодых педагогов, будет обязательно мастером, если не бросит нашего дела, а насколько он овладевает мастерством — зависит от собственного напора.

Теперь о педагогическом гневе. Не подумайте, пожалуйста, что я вас призываю вместо ровного голоса к громовому стуку кулаками по столу, крику и т. д. Это не может произвести полезного действия...

Что же такое гнев? Все надо понимать диалектически. При мастерстве гнев звучит иначе. Если вы мастер, то вы будете переживать негодование, но у вас это не примет никаких антипедагогических форм. Это будет искреннее проявление вашего настоящего человеческого чувства, но не вообще человека, а мастера-педагога.

Не только гнев противополагается ровному голосу, ровному голосу я противополагаю вообще живое переживание человека. Надо представить себе всю лестницу: от простого недовольства до гнева. Я должен сказать, что я тут научился поневоле, и я знал, что значит сказать: «Здравствуй» — сухим, сдержанным тоном и «Здравствуй» — спокойным, добрым тоном; или: «Всё. Можешь идти» — суровым, холодным тоном; или: «Всё. Можешь идти» — сдержанным, но мягким тоном. Всё это практика. И если вы поставите перед собой несколько таких интересных задач и поупражняетесь, то это будет очень неплохо. Я неоднократно заставлял упражняться своих сотрудников в подобного рода вещах. Я говорил иногда:

— Я — директор, ты — ученик, ты совершил проступок. Вот я буду с тобой разговаривать, а остальные слушайте, как я с ним разговариваю.

— Задавайте мне вопросы. Как вы будете спрашивать: «Скажи, ты это сделал?» Или: «Это ты сделал. Я знаю!» Вот попробуйте. Ведь пустяковая задача, а встречается на каждом шагу. И без постановки голоса. без мимики здесь ничего не выйдет.

Это разворачивание вашего мастерского тона проявляется не только в крайних категориях гнева или радости.

Вот вам иллюстрация. Рыжиков спрашивает Ножика:

— Чего ты стараешься?

— А мне понравилось...

— И Захаров понравился?

— О! Захаров очень понравился!

— За что ж он тебе так понравился?

— А за то... за одно дело.

Хитрые большие глаза Ножика обратились в щелочки, когда он рассказывал, чуть-чуть поматывая круглой головой:

— Одно такое было дело, прямо чудо, а не дело. Он мне тогда и понравился. У нас свет потух, во всей колонии потух, во всем городе даже, там что-то такое на станции случилось. А мы пришли в кабинет и сидим — много пацанов, на всех диванах и на полу сидели. И все рассказывали про войну. Захаров рассказывал, и еще был тот... Маленький, тоже рассказывал. А потом Алексей Степанович и говорит:

— До чего это надоело! Работать нужно, а тут света нет! Что это за такое безобразие!

А потом посидел, посидел и говорит:

— Мне нужен свет, черт побери!

А мы смеемся. А он взял и сказал, громко так:

— Сейчас будет свет! Ну! Раз, два, три!

И как только сказал «три», так сразу свет! Кругом засветилось! Ой, мы тогда и смеялись, и хлопали, и Захаров смеялся и говорил:

— Это нужно уметь, а вы, пацаны, не умеете!

Ножик это рассказал с хитрым выражением, а потом прибавил, открыв глаза во всю ширь:

— Видишь?

— Что ж тут видеть? — спросил пренебрежительно Рыжиков. — Что ж, по-твоему, он может светом командовать?

— Нет, — протянул весело Ножик... — Зачем командовать? Это просто так сошлось. А только... другой бы так не сделал.

– И другой бы так сделал.

— Нет, не сделал. Другой бы побоялся. Он так подумал бы: я скажу — раз, два, три, а света не будет. Что тогда? И пацаны будут смеяться. А видишь, он сказал. И еще... как тебе сказать: он везучий! Ему повезло — и свет сразу. А я люблю, если человеку везет.

Рыжиков с удивлением прислушивался к этому хитрому лепетанию и не мог разобрать, шутит Ножик или серьезно говорит. И Рыжиков остался недоволен этой беседой:

— Подумаешь, везет! А тебе какое дело?

— А мне такое дело: ему везет, и мне с ним тоже везет. Хорошо! Это я люблю.

В чем тут дело? Дело в простом совпадении: нет света, человек говорит: «Сейчас будет свет», и вдруг свет появляется. И вот такой случайный пустяк создает вам авторитет на многие годы. Прошло уже три года, а об этом факте продолжают рассказывать. В чем аргумент? В тоне, в этом сильном напряжении вашей энергии.

Вот почему не нужно ровного голоса. А негодование, если вы мастер, вы знаете, когда потушить, а когда дать ему ход. И, когда нужно, негодование может делать больше, чем даже ласка, потому что в негодовании вы проявляете себя как гражданин, как человек и представитель учреждения, как представитель идеи, как представитель права, вы отстаиваете что-то большое. А что вы представляете собой, когда вы гладите по головке? «Педагогическую идею», и притом вам не известную.

Теперь вопрос: коллектив и семья — чрезвычайно важный вопрос...

У меня было тоже много детей из семьи. И не я придумал теорему, которую я вам предложу, а сама жизнь. Приходят родители — отец и мать: «Нельзя ли как-нибудь нашего сына взять?» — «Почему вы хотите его к нам поместить?» — «Да, знаете, не ночует дома, матери грубит, украл радиоаппарат, продал облигации...» и т. д. И вот, когда я беру ребенка, я говорю: «Я возьму, но раз вы мальчика довели до того, что он вас обокрал дочиста, то вы уже больше не участвуете в воспитании. Давайте так и условимся: я воспитываю, а вы дожидаетесь продукции».

Мне дают мальчика, доведенного до известной степени «совершенства». И вот, я подводил его к такой идее: он должен был нести в семью

мою государственную идею. Таким образом, я не ожидал, что мне семья принесет какую-то свою идею, а был уверен, что мой воспитанник, мой мальчик понесет государственную идею в семью. Когда он уходил в отпуск, я говорил ему: «Отцу — полное уважение, матери — полное уважение, ручку целуй. Обязательно помогай! Завтра встанешь, спросишь: «Может быть, что-нибудь сделать?» Ты должен произвести на своих родителей сильное впечатление, понимаешь?» — «Понимаю». И вот мальчик приходит к родителям и спрашивает: «Ну, что вам тут сделать? Может, помыть что-нибудь?» И вот тогда родители понимают, что будущего своего сына, если он у них родится, нужно воспитывать иначе.

И я пришел к такому убеждению, что мы, учителя, представляем государственное социалистическое учреждение, социалистический сектор, а естественно, что наши воспитанники — тоже члены этого сектора, и они должны вносить в семью нашу правильную культурную и моральную идею. Если семья достаточно культурна, она всегда пойдет навстречу и у нас будет одна идея; если семья малокультурна, она подчинится влиянию не своего ребенка, а влиянию вашего коллектива, вашей организации.

Теперь вопрос о том, а как же так устроить, чтобы ребенок нес эти государственные идеи в семью? А это дело вашего мастерства и всех остальных методов и приемов. Но иногда для этого бывает достаточно просто сказать детям: вы должны вести себя так-то и так-то, потому что я не представляю себе, что может серьезно стоять вопрос о детях-дезорганизаторах. Нет, дезорганизаторов не может быть!

Я говорю об этом вот в связи с каким фактом. Я был недавно в детском суде[6]. Сидят пятеро из пятых классов. Говорят, магазин ограбили, апельсины где-то рассыпали, украли и съели, и вот попали на скамью подсудимых. Приходит завуч. Судья спрашивает его: «Можете характеризовать вот этого?» Завуч говорит: «Ужасный мальчик, дезорганизатор! Он опаздывает на занятия, курит и других учит. Веревки какие-то в класс приносит». Вот «веревки» меня сразу заставили насторожиться: что за «изверг» такой, с веревками в класс ходит. И вот судья вызывает: «Семенов». Он встает. Судья — женщина, прекрасного стиля большевичка — спрашивает:

— Отчего у тебя уши покраснели?

— Неловко как-то, — говорит он со слезами.

— А ты пионер?

— Пионер. (Жмется.)

— А галстук где?

— В кармане.

— Почему?

— Стыдно...

— Садись...

— Все понятно! — говорит она.

А вот завучу не было понятно, что у мальчика уши от стыда краснеют, что он жмется, что у него на глазах выступают слезы. Какой же он дезорганизатор? Такому «дезорганизатору» вы, учитель, можете сказать: «Чтобы этого больше не было! Понял?» Можете быть уверены, что этого не будет. А, конечно, когда вы веревку увидели у него в руках

и — руки вверх, то он папиросу после этого закурит и вам дым в глаза пустит! Вот такие «дезорганизаторы» — очень удобный материал, чтобы вносить в семью ваши правильные моральные идеи: вы позовите его и скажите: «Ты ученик такой-то нашей славной школы, семья — это твоя близкая родня, так вот покажи ей, как нужно себя вести!» Это очень нетрудно. Но опять при двух условиях — когда есть коллектив и когда есть мастерство.

«Что я предлагаю применять в школе?»

Я ничего не предлагаю и не имею права предлагать. Но если бы я был в школе, я и аресты применял бы, но у меня в кабинете, и арестовывал бы только лучших (смех). Да, товарищи, наказывать вообще нужно не худших, а лучших, а худших нужно прощать, но чтобы все знали, что такой-то самый лучший, и я ему пустяка не простил. Попробуйте наказывать не за самые тяжелые проступки, а за самые мелкие...[7]

Конечно, такая система наказания с первого раза не пойдет; нужно, чтобы коллектив знал, что в наказании тоже проявляется уважение. Это, безусловно, трудная и сложная философия, и ее не стоило бы даже сегодня затрагивать.

Затем мне задан такой вопрос: *«Какая у вас связь с десятилеткой?»*

У нас была собственная десятилетка, и я был директором.

Следующий вопрос: *«Детская колония есть, на мой взгляд, эксперимент»*.

Какой же эксперимент?[8] Там были живые люди. И рисковать мы можем, но эксперименты производить — едва ли.

«Как сохранить созданный коллектив?»

Очень просто: во-первых, сохраняйте его живое ядро, следите, чтобы всегда поколение сменялось при наличии подготовленного поколения, т. е. чтобы всегда было несколько слоев все повышающихся членов коллектива: и учителей и учеников, а во-вторых, сберегайте правила, традиции.

Вы знаете, у нас когда-то было в приказе написано: «С утра по нарядам командиров на работу». Давно уже стали ходить на работу без нарядов, а в приказе все писалось: «С утра по нарядам командиров на работу».

Другая традиция: приказ читается — встать. Может быть, никакой пользы нет, а сохраняется по традиции. И это сохранение традиции — очень важная логика.

Следующий вопрос: *«Какие у вас творческие планы?»*

Само слово «творческие» мне не нравится. Творческие планы могут быть, если мы с ребятами, а сейчас у меня — писанина. Я думаю кончить II и III том «Книги для родителей» и потом заняться большим трудом, на который мне дадут, кажется, средства. Года три я думаю писать большую книгу о коммунистическом воспитании, уже не художественную книгу, а самую настоящую учительскую.

«Как поступить в том случае, если уполномоченные, или, как вы называете, командиры, нарушают порядок?»

Также в первую очередь «греть», а самое главное — ответственность перед общим собранием и еще более главное — у них должна быть честь, гордость коллектива.

Затем один товарищ упрекает меня в том, что мои мысли часто прячутся за устаревшими терминами. Это правильно. Действительно, наказание — это старый, опороченный термин. Но что же делать, не могу же я выдумывать термины.

«Как быть с семьей, с друзьями, мамашами и папашами?»

На этот вопрос я ответил бы так. Очень многие учителя присылали мне свои произведения — рассказы, повести, причем иногда даже неплохие. И вот что удивительно — откуда у них такой тон: никто не пишет «отец», «мать», а все пишут «папаша», «мамаша». Чувствуется какое-то отчуждение в этих словах. Я думаю, что с отцами и матерями нужно разговаривать очень много и хорошо, но главное — это действовать на них через детей.

Очень вам, товарищи, благодарен за внимание. Простите, если у меня плохо формулировались некоторые положения. Это потому, что в один вечер всего, конечно, не скажешь. Хорошо бы еще и вас послушать, потому что у вас, я уверен, есть что рассказать, и я бы поучился, ибо в опыте у каждого столько ценного, что если бы каждый из вас был бы так же упрям, как я, и сел бы писать книгу, то получилась бы прекрасная, интересная книга.

Желаю вам успеха, товарищи.

О моем опыте

Я думаю, что едва ли в том, что я могу вам сказать, я сообщу какие-нибудь ценные для вас вещи. Я думаю, что и у вас есть чему учиться, так же как и у меня и у всех других товарищей. У вас самих имеется прекрасный опыт работы, имеются прекрасные учреждения.

Я думаю, что из того, что я вам расскажу, вы можете получить пользу исключительно в порядке толчка, отталкивания, даже, может быть, отталкивания сопротивления, так как мой опыт довольно своеобразен и, пожалуй, имеет мало общего с вашим. Может быть, мне больше посчастливилось, чем вам.

Поэтому я прошу мои слова считать не рецептом, не законом, не выводами. Несмотря на то что мне пришлось 16 лет подряд проработать исключительно в детском доме, я не могу сказать, что я пришел к каким-то окончательным выводам. Я нахожусь еще в процессе становления, так же, вероятно, как и вы.

При решении многих вопросов мне надо прибегать, может быть, к вашей помощи или к помощи других товарищей.

Поэтому то, что я вам скажу, — это не выводы; выводы могут быть сделаны в большом труде, в монографии, в трудах, подкрепленных марксистским анализом. У меня нет выводов в отношении воспитания, и поэтому позвольте мне говорить с вами, как товарищу с товарищами, о тех гипотезах-предчувствиях, которые у меня есть, ибо то, что я скажу, — это скорее предчувствие, чем выводы.

Я прекрасно понимаю, что мои мысли определяются моим педаго-

гическим опытом, понимаю, что возможен другой опыт, и, если бы я его испытал, может быть, я думал бы иначе.

Мой опыт очень узок. Я 8 лет заведовал колонией для правонарушителей им. Горького и 8 лет трудовой коммуной им. Дзержинского. Коммуна им. Дзержинского уже не была учреждением для правонарушителей. В первое время я получал обыкновенных беспризорных детей, а в последние 4 года я получал почти исключительно детей из семьи, большей частью из семей ответственных работников, где неблагополучие выражалось не в материальной обстановке, а исключительно в обстановке педагогической, бытовой.

Кто труднее из этих трех категорий: правонарушители, беспризорные или дети из семьи, — сказать трудно, но я думаю, что труднее всего дети из семьи. По крайней мере, по извилистости характеров, по их яркости и сопротивляемости эти дети кажутся мне в моем опыте наиболее трудными.

Но я к этому времени был лучше вооружен техникой своего мастерства, а самое главное — у меня был коллектив ребят, имеющий шестнадцатилетние традиции и шестнадцатилетнюю историю.

Только поэтому работа с детьми из семьи для меня была более легкой, чем работа с моими первыми воспитанниками-правонарушителями, с которыми я еще работать не умел.

На основании работы со всеми этими тремя категориями я в последние годы своей работы пришел к следующему выводу, для меня самому важному. Этот вывод даже в настоящее время звучит для меня несколько парадоксально. Он утверждает, что трудных детей совершенно нет. Причем это утверждение вовсе не имеет у меня характера простого отрицания.

Вообще мне хочется сказать, что расстояние между моральной социальной нормой и моральными социальными искривлениями очень незначительно, почти ничтожно.

Отсюда мне представляется еще один вывод, в котором я не уверен, что так называемая перековка, выправление характера, не должна происходить эволюционно, на протяжении длительного времени.

Я прихожу к такому убеждению, что так как это расстояние между антисоциальными привычками, между каким-то опытом, имеющим неприемлемый для нашего общества характер, и нормальным опытом очень незначительно, то это расстояние надо пройти как можно быстрее[1].

Я это говорю, будучи очень слабо уверен, что этот вывод надо формулировать именно в таких словах. Я не очень уверен, что такая теория возможна, но я уверен в своем опыте.

За последние 5 лет, работая в коммуне им. Дзержинского, где было много ярких и трудных характеров, я не наблюдал уже процессов эволюции характера. Я наблюдал эволюцию в том обычном смысле, в каком мы всегда понимаем рост, развитие: мальчик учится в III, IV классе, потом переходит в V класс. Его кругозор расширяется, знаний и навыков у него больше. Он работает на заводе, повышает свою квалификацию, приобретает навыки общественного характера.

Но это обыкновенный рост, а не какая-то эволюция от испорченного, искривленного характера к норме.

Это вовсе не значит, что нет никакого различия между искривленным характером и нормой, но это значит, что выправление характера гораздо лучше производить методом, если хотите, взрыва[2].

Под взрывом я вовсе не понимаю такого положения, чтобы под человека подложить динамит, поджечь и самому удирать, не дожидаясь, пока человек взорвется.

Я имею в виду мгновенное воздействие, переворачивающее все желания человека, все его стремления.

Я так был изумлен внешним видом этих изменений, что впоследствии занялся вопросом методологии этих взрывов и эволюции в области искривленного характера и постепенно приходил все к большему убеждению, что метод взрывов — я не нахожу другого слова — может быть учтен педагогами как один из удачных. Может быть, найдут более удачное педагогическое слово для определения этого метода, я искал, но не нашел.

Я расскажу вам о некоторых своих впечатлениях, которые заставили меня не только думать так, как я думаю, но и продолжать дальше свою работу этим методом.

Еще в 1931 г. я должен был пополнить свою коммуну, где было 150 человек, новыми 150 ребятами, многих я должен был принять в течение двух недель.

У меня уже была очень хорошая организация коммунаров. Из 150 человек 90 человек были комсомольцами в возрасте от 14 до 18 лет, остальные были пионерами.

Все были крепко связаны, были очень дружны, обладали очень красивой, точной, бодрой дисциплиной, прекрасно умели работать, гордились своей коммуной и своей дисциплиной. Им можно было поручать довольно ответственные задания, даже физически трудные, даже трудные психологически.

Вот какой метод я применял для того, чтобы произвести наиболее сильное впечатление на мое новое пополнение.

Конечно, этот прием был многообразен, он заключался и в самой подготовке помещения: спальни, рабочих мест, класса, в подготовке внешней обстановки, в виде цветов, зеркал.

Коммуна жила очень богато, потому что была на хозрасчете.

Мы так принимали детей. Мы их собирали всегда в скорых поездах. Это было в Харькове. Ребята, ехавшие в скорых поездах, — это был наш контингент; мы имели право на этот контингент. Скорые поезда Москва — Минеральные Воды, Москва — Сочи, Москва — Кисловодск перевозили кандидатов в мою коммуну.

Все эти скорые поезда проходят через Харьков ночью, и мы этих ребят тоже собирали ночью.

Семь-восемь коммунаров, один из которых назначался временным командиром на одну ночь, отправлялись для того, чтобы собрать этих ребят. Этот временный командир всегда отвечал за работу отряда и всегда сдавал рапорт после окончания задания.

Временный отряд в течение 2—3 часов собирал беспризорных с крыш, из уборных, вытаскивал из-под вагонов. Они умели собирать этих «пассажиров». Я никогда не сумел бы их найти.

Сотрудники НКВД, стрелки́ отводили мне комнату на вокзале. В этой комнате происходил первый митинг.

Этот митинг заключался не в уговаривании ребят идти в коммуну, а носил такую форму. Наши коммунары обращались к ребятам с такими словами: «Дорогие товарищи, наша коммуна испытывает сильные затруднения в рабочей силе. Мы строим новый завод, мы пришли к вам с просьбой помочь нам».

И беспризорные были уверены, что это так.

Им говорили: «Кто не хочет, — может ехать дальше скорым поездом».

И дальше начинался тот метод удивления, который я хочу назвать методом взрыва.

Обычно ребята всегда соглашались помочь нам в нашем строительстве. В этой комнате они оставались ночевать. А на другой день в 12 часов вся коммуна с оркестром — у нас был очень хороший большой оркестр, 60 белых труб, — со знаменем, в парадных костюмах с белыми воротниками, с наивысшим шиком, с вензелями и т. д. выстраивалась в шеренгу у вокзала, и, когда этот отряд, запахивая свои кафтаны, семеня босыми ногами, выходил на площадь, сразу раздавалась музыка, и они видели перед собой фронт. Мы их встречали звуками оркестра, салютом как наших лучших товарищей.

Потом впереди выстраивались наши комсомольцы, девочки, следом за ними шли эти беспризорные ребята, а потом еще шел взвод.

И вся эта группа шествовала очень торжественно по восемь человек в ряд.

Граждане плакали от умиления, но мы видели, что это только техника и ничего сентиментального.

Когда их приводили в коммуну, они отправлялись в баню и выходили оттуда подстриженные, вымытые, одетые в такие же парадные костюмы с белыми воротниками.

Затем на тачке привозилась их прежняя одежда, поливалась бензином и торжественно сжигалась.

Приходили двое дежурных по двору с метлами и сметали весь пепел в ведро.

Многим моим сотрудникам это казалось шуткой, но на самом деле это производило потрясающее материальное, если не символическое впечатление.

Из этих беспризорных, которых я собирал с поездов, я мог бы назвать только двух-трех человек, которые не стали на надлежащие рельсы.

Но эти ребята никогда не забудут их приема на вокзале, этого костра, новые спальни, новое обращение, новую дисциплину, и навсегда у них останутся сильные впечатления.

Я привел один из примеров того метода, который я называю методом взрыва.

Этот метод продолжается и развертывается дальше во всей моей системе.

Эта система прежде всего заключалась в коллективе.

К сожалению, у нас ни в каких книгах не описано, что такое коллектив и, особенно, что такое детский воспитательный коллектив[3].

Об этом надо писать и надо производить большие исследования такого коллектива.

Первым признаком коллектива является то, что это не толпа, а целесообразно устроенный, действующий орган, орган, способный действовать.

Организация коллектива была такой, что коллектив обращался в социальный организм; он всегда оставался коллективом, никогда не превращался в толпу.

Это, пожалуй, самое трудное дело в нашей педагогической работе, и я не видал больше таких коллективов, какой был у меня.

Я это говорю не в похвальбу себе, а просто констатирую факт.

И я не один создавал этот коллектив. Об этом говорить очень долго, и я едва ли все сумею сказать.

Но сама организация коллектива должна начинаться с решения вопроса о первичном коллективе. Я над этим вопросом много думал, много возникало у меня разных способов организации коллектива, и я пришел к следующим выводам.

Первичный коллектив, т. е. коллектив, который уже не должен делиться дальше на более мелкие коллективы, образования, не может быть меньше 7 и больше 15 человек. Я не знаю, почему это так, я этого не учитывал. Я только знаю, что, если первичный коллектив меньше 7 человек, он начинает обращаться в дружеский коллектив, в замкнутую группу друзей и приятелей.

Первичный коллектив больше 15 человек всегда стремится к разделению на два коллектива, всегда есть линия разделения.

Я считаю идеальным первичным коллективом только такой коллектив, который одновременно ощущает и свое единство, спаянность, крепость и в то же время ощущает, что это не компания друзей, которые договорились, а это явление социального порядка, коллектив, организация, имеющая какие-то обязанности, какой-то долг, какую-то ответственность[4]. Все это можно изложить на бумаге. В коротких словах трудно изложить.

Особенно меня занимала фигура того лица, которое должно руководить этим первичным коллективом и отвечать за него.

Я все 16 лет своей работы употребил на решение этого труднейшего вопроса и пришел к такому убеждению, что во главе первичного коллектива должен быть обязательно единоначальник, одно лицо, которое по типу своей власти как единоначальник все-таки не является диктатором, но которое в то же время является уполномоченным этого коллектива.

Для меня потом стало важным еще одно обстоятельство — длительность такого первичного коллектива.

Мне удалось сохранить такой первичный коллектив без изменения в течение 7—8 лет. Десять — пятнадцать мальчиков или девочек сохраняли качество первичного коллектива в течение 7—8 лет, причем производились изменения не больше, как в размере 25%: из двенадцати человек в течение 8 лет переменились трое: трое ушли и трое пришли.

Я заранее предчувствовал и видел на деле, что получается очень интересный коллектив, интересный в том смысле, что его можно было рас-

сматривать как чудо по характеру движения, по характеру развития этого коллектива, по характеру тона, тона уверенности, бодрости, тенденции к сохранению первичного коллектива. Этот коллектив имел у себя единоначальную власть командира и потом бригадира.

Сначала была тенденция выдвигать во главу такого первичного коллектива наиболее способного, наиболее «блатного», наиболее волевого мальчика или девочку, атамана, способного держать всех в руках: командовать, настаивать, нажимать.

И вот в течение 16 лет я наблюдал, как эта тенденция выбора в качестве командира наиболее сильной личности, способной командовать, постепенно изменялась и как под конец во главе такого первичного коллектива, отряда (у меня обычно этот коллектив назывался отрядом) становился очередной старший, ничем не отличающийся от всякого другого.

В течение этих 16 лет, почти незаметно для меня и почти независимо от моих целей воспитания, такое изменение произошло, когда во главе отряда становился очередной старший.

В последние годы я достиг такого педагогического счастья, что мог любого коммунара в любом коллективе назначать старшим и мог быть уверен, что он будет блестяще руководить.

Я не имею сейчас возможности рассказывать вам подробно о характере этой интересной детской магистратуры, детского выборного лица, которое не только способно играть в старшего, но на самом деле руководить, вести за собой коллектив, не будучи для этого ни самым сильным, ни самым талантливым, ни самым волевым, а имея только одно отличие от всех остальных — полномочие и ответственность, как будто чисто формальное отличие.

Мне пришлось в 1933 г. выделить около 100 коммунаров на очень тяжелую, трудную, нервную, специальную работу по поручению правительства Украины, когда мои коммунары работали в течение нескольких месяцев в труднейших условиях вне коммуны.

Я не мог взять из коллектива самых лучших коммунаров, так как они обычно были в IX—X классе и, кроме того, это были наиболее квалифицированные мастера, а я жил на хозрасчете и был заинтересован в рабочей силе. Эти квалифицированные мастера были начальниками цехов этого завода.

Я выделил середняков, выделил из них командиров, разбил людей на отряды. Я рискнул: сам с ними не поехал и никого старшего не послал, кроме одного завхоза, который их кормил.

И надо сказать, что они прекрасно справились со своей работой, и особенно вновь выделенные командиры, выделенные буквально по алфавиту. Они прекрасно поняли, до какой границы доходят их полномочия и до какой границы доходит их ответственность.

Для того чтобы воспитать это чувство границы, до которой доходят полномочия и серьезная ответственность, требуется, конечно, долгое время. Я думаю, что в течение года или двух ни в каком коллективе нельзя этого воспитать.

Потребуются 4—5 лет, чтобы воспитать эту интересную, нормальную магистратуру в детском коллективе.

Здесь требуется большая работа, большое напряжение.

В той же логической связи стоит не только организация первичных коллективов, но и организация общественных зависимостей внутри большого коллектива.

У меня первичным коллективом был отряд.

Сначала я организовывал отряды по такому принципу: кто с кем учится, кто с кем работает, тех я объединяю в один отряд.

Потом я решил, что нужно младших отделять от старших. Затем пришел к выводу, что это вредно, и потом уже в каждом таком отряде были и малыши, и взрослые юноши 17—18 лет.

Я решил, что такой коллектив, наиболее напоминающий семью, будет самым выгодным в воспитательном отношении. Там создается забота о младших, уважение к старшим, самые нежные нюансы товарищеских отношений.

Там малыши не будут замкнуты в отдельную группу, которая варится в собственном соку, а старшие никогда не будут рассказывать скабрезные анекдоты, так как у них есть забота о младших.

Очень важным вопросом являлся вопрос о временных уполномоченных. Казалось бы, пустячный вопрос, но я на этой теме, на постоянном, неуклонном ежедневном подборе поручений, на разбрасывании этих поручений по отдельным лицам, на строгих отчетах о коротких заданиях подготовил очень много интересных кадров своих коммунаров.

Наконец, в порядке той же коллективной логики, для меня было особенно интересно общее самоуправление большого коллектива.

У меня всегда, все 16 лет, были выделенные командиры, которые несли ответственность за отряд. Был совет командиров.

Этот мой орган управления всегда вызывал возражение со стороны не только педагогов, профессуры, но журналистов и писателей. Все считали, что это нечто казарменное, что это муштровка.

К сожалению, мало кто вникал в сущность этого явления.

Совет командиров как орган управления чрезвычайно выгоден вот в каком отношении.

В колонии у меня было 28 отрядов, надо было иметь 28 командиров.

Потом мы пришли к такому обычаю: совет командиров собирался только по сигналу.

Даже если совет командиров был назначен по расписанию, обязательно давался сигнал сбора. Обычно мы собирали командиров без расписания.

Я был против составления плана работы совета командиров. И как на меня ни нажимали вышестоящие организации, я никогда не представил ни одного плана работы совета командиров. Совет командиров — это был орган управления, который должен был работать по тем задачам и темам, которые возникают каждый день, которые нельзя пересказать в плане.

В последние 8—10 лет это было очень подвижное учреждение.

По любому вопросу, возникшему у меня, я мог собрать совет командиров в течение двух минут.

Давался трубный сигнал для сбора совета командиров, очень коротких три звука. Трубный сигнал давался только один раз, запреща-

лось давать его второй раз, чтобы никто из командиров не приучался волынить, чтобы немедленно шли на совет.

Услышав трубный звук, командир, где бы он ни находился: в классе, на работе, в бане, — все равно, должен был привести себя в порядок и спешить на совет командиров.

Сначала было трудно это сделать, а потом это стало привычкой, настоящим коллективным рефлексом.

И если кто-нибудь из моих заместителей созывал совет командиров, я, услышав сигнал, бежал, как конь.

Это был условный рефлекс. Я должен был спешить к исполнению своих обязанностей.

Был у нас один интересный закон: говорить можно было только одну минуту. Говоривший больше одной минуты считался трепачом, и его не хотели слушать.

Мы должны были иногда провести сбор в течение перемены: 5—10 минут.

Один остроумный председатель совета командиров где-то достал песочные минутные часы, причем он уверял, что, пока падает одна песчинка, ты можешь сказать одно слово, а тут 2000 песчинок, — значит ты можешь в одну минуту сказать 2000 слов. Что, тебе нужно больше 2000 слов в минуту? И этот регламент был необходим.

У нас была полная десятилетка со всеми качествами десятилетки.

Кроме того, у нас был завод, где каждый работал по 4 часа в день. Надо было 4 часа поработать на заводе, 5 часов поработать в десятилетке. Итого 9 часов.

Кроме того, мы никогда не имели уборщицы, а каждое утро натирали полы. У нас не могло быть пыли; бывали дни, когда к нам являлись 3—4 делегации. Все должно было блестеть.

При этом проходили производственные совещания, комсомольские собрания, пионерские собрания, физкультурные и др. Мы не могли тратить ни одной лишней минуты. Может быть, другие будут в лучших условиях и им не нужен будет такой минутный регламент.

Когда мы собирали совет командиров, то часть командиров могла быть в отсутствии или не могла бросить работу у какого-нибудь важного станка. Поэтому вошло в обычай — и это стало даже законом: если нет командира, идет помощник, а если нет помощника, идет любой член отряда.

Обычно в каждом отряде знали, что, если сегодня будут играть сбор, пойдет такой-то. Постепенно создалось такое положение, что когда собирался совет командиров, мы не спрашивали, есть ли Иванов или Петров, а спрашивали: представлен ли 1-й отряд, 2, 3, 4-й.

Важно, чтобы был представлен отряд.

Постепенно совет командиров сделался советом отрядов. Нам было не важно, кто пришел из отряда, важно было, что это был человек, имеющий звание коммунара.

Если на совете разрешался важный вопрос, мы требовали, чтобы обязательно был командир, так как сам командир выбирался у нас не отрядом, а общим собранием коммуны.

Мы пришли к такой формуле именно для того, чтобы совет команди-

ров не только в коммуне, но и в каждом отряде имел вид совета уполномоченных, чтобы это были не только уполномоченные данного отряда, но уполномоченные всей коммуны. Этот совет стоял над отрядом.

Совет командиров помогал мне работать в течение 16 лет, и я теперь чувствую благодарность и испытываю серьезное и большое уважение к этому органу, который постепенно изменялся, но всегда оставался только с каким-то одним тоном, одним лицом, одним движением.

Я хочу обратить ваше внимание на следующее.

Мы, взрослые, чувствуем себя страшно умными, всегда много знаем, всегда во всем разбираемся и все понимаем, и, когда приходим в новое учреждение, когда нам дают новое дело, мы всегда пытаемся все поломать и сделать все по-новому.

Благодаря этому наше молодое советское педагогическое дело, которому мы не можем насчитать даже 20 лет, страдает быстрой текучестью форм, страшной изменчивостью, отсутствием традиций.

Я только к концу 16-го года своей работы понял, в чем дело. Традиции, т. е. опыт взрослых поколений, ушедших 4—5—6 лет назад, что-то сделавших, что-то решивших, надо настолько уважать, чтобы этот опыт предшествующих поколений не так легко можно было бы менять.

В конце концов, в той же коммуне было так много интересных, оригинальных, точных правил, что какому-нибудь дежурному ничего не стоило вести коммуну за собой.

Казалось бы, некоторые из этих правил даже потеряли свой смысл. И я помню, что любой педагогический реформатор, в особенности из таких «революционных» педагогов, мог сломать любую традицию.

Когда-то, когда мы были окружены в колонии им. Горького ворами и бандитами, у нас стоял в дверях часовой с винтовкой. Он так и остался стоять в 1936 г. Это была традиция. Я не хотел ее ломать, и мне было трудно ее поломать, так как все были убеждены, что это нужно.

Когда я анализировал это явление, я пришел к выводу, что это нужно, во-первых, потому что когда ночью 600 человек спят и мальчик 13—14 лет стоит с винтовкой у незапертой двери на охране своей коммуны, ему и страшновато и жутко немного, он испытывает по сути этот страх и жуть, но это заставляет его поверить в себя.

Стояли на часах и девочки. Если стояла маленькая девочка, то я сверху поглядывал на нее одним глазом, но девочка об этом не знала.

И винтовка была не простая винтовка, из которой можно было бы выстрелить, винтовка была без патронов, это была символическая винтовка. И держать ее — значило чувствовать к себе уважение, особенно когда винтовка почищена.

В 1929 г. я перевел из моего кабинета денежный ящик поближе к часовому. Это было сделано по предложению коллектива. Говорили, что не стоит держать денежный ящик в кабинете. Лучше его поставить там, где стоит часовой. А что может сделать 13-летний мальчик с винтовкой в руках, об этом не рассуждали[5]. Денежный ящик стоял около часового, и мы были спокойны, потому что тринадцатилетний мальчик, в случае нападения, принял бы все меры, чтобы отстоять этот ящик.

Здесь мы подходим к ряду тем, которые входят в тему коллектива.

Только стройный, хорошо организованный коллектив может почувствовать свои мускулы, а плохо организованный коллектив никогда этих мускулов не почувствует.

Перехожу к вопросу о дисциплине.

Если вы читали мою книгу «Педагогическая поэма», то вы помните, что я начал с вопроса о дисциплине. Я начал с того, что ударил своего воспитанника.

В «Педагогической поэме» все это описано более или менее пространно, и я был очень удивлен, когда на меня посыпались обвинения, что я рекомендую побои.

Как раз в «Педагогической поэме» этого не видно. Наоборот, это событие носило для меня печальный характер не в том смысле, что я дошел до такого отчаяния, а в том смысле, что выход нашел не я, а тот мальчик, которого я ударил, — Задоров.

Он нашел в себе страшную силу и бодрость понять, до какого отчаяния я дошел, и протянул мне руку.

Успех этого случая проистекал не из моего метода, а находился в зависимости от случайного человеческого объекта моего физического воздействия. Не всякому удастся натолкнуться на такого человека, которого ударишь, а он протянет тебе руку и скажет: я тебе помогу — и действительно поможет. А мне посчастливилось, и я тогда это понял.

В своей практике я не мог основываться на такой дисциплине, на насилии. Я пришел к той дисциплине, истинную форму которой и хотел показать в моем последнем романе «Флаги на башнях».

В этом романе говорится о железной, строгой, крепкой дисциплине, которая способна привести к идиллии. Это возможно только в Советской стране. Создать такую дисциплину очень трудно. Для того чтобы ее создать, требуется большое творчество, требуется душа, личность. В это дело надо вложить вашу собственную личность.

Это трудное дело еще и потому, что здесь успехи достигаются очень медленно, постепенно, почти невозможно заметить движения вперед. Здесь нужно уметь больше видеть впереди, надо уметь видеть больше того, что есть сегодня.

Цель такой дисциплины мы прекрасно понимаем. Это полное соединение глубокой сознательности с очень строгой и как будто даже механической нормой[6].

Я не представляю себе хорошей дисциплины, если в ней будет одно сознание. Такой дисциплины быть не может, и такая дисциплина всегда будет иметь склонность обратиться в ригоризм. Она будет рассудочной, постоянно будет ставиться вопрос в отношении того или другого поступка, будет постоянное раздвоение, как поступить: так или не так.

Дисциплина, которая хочет опираться только на одно сознание, всегда сделается рассудочной. Она изменит нормы в любом коллективе и всегда в конечном счете будет представлять цепочку споров, проблем и нажимов.

Но, с другой стороны, дисциплина, основанная на технической норме, догме, приказе, всегда имеет склонность обратиться в слепое повиновение, механическое подчинение одному управляющему лицу.

Это не наша дисциплина. Наша дисциплина — это соединение пол-

ной сознательности, ясности, полного понимания, общего для всех понимания, как надо поступать, с ясной, совершенно точной внешней формой, которая не допускает споров, разногласий, возражений, проволочек, болтовни. Эта гармония двух идей в дисциплине — самая трудная вещь.

Этой гармонии удалось добиться моему коллективу благодаря не только мне, а многим счастливым обстоятельствам и многим лицам.

Каким же образом произошло объединение этой сознательности с точной дисциплинарной формой?

Здесь было очень много способов. В конце концов, все способы, все методы вели именно к этому. Дисциплина в этом случае не являлась условием благополучной работы. У нас обычно думают, что для хорошей работы в качестве необходимого условия нужна подобная дисциплина, а я не так давно понял, что настоящая дисциплина не может быть условием работы, она может быть только результатом всей работы и всех методов.

Дисциплина не есть метод и не может быть методом. Как только дисциплину начинают рассматривать как метод, она обязательно обращается в проклятие. Она может быть только последним итогом всей работы.

Дисциплина — это лицо коллектива, его голос, его красота, его подвижность, его мимика, его убежденность. Все, что есть в коллективе, в конечном счете принимает форму дисциплины.

Дисциплина — это глубоко политическое явление, это то, что можно назвать самочувствием гражданина Советского Союза. Я сейчас это очень хорошо понимаю.

Уверяю вас, что в течение всех 16 лет я никак не мог понять, где поймать этот хвостик, где найти эту формулу, чтобы все разобрать и понять.

Поэтому нельзя говорить о дисциплине как средстве воспитания. Я могу говорить о дисциплине как о результате воспитания[7]. Этот результат воспитания проявляется не только в том, чтобы кто-то что-то предписал и кто-то что-то выслушал. Этот результат проявляется даже тогда, когда человек, оставаясь наедине, должен знать, как поступить.

Мои коммунары говорили: мы будем судить о твоей дисциплине не по тому, как ты поступил на виду у других, и не по тому, как ты исполнил приказание или выполнил работу, а по тому, как ты поступил, не зная, что другим известно, как ты поступил.

Например, ты проходишь по паркетному полу и видишь, что на полу грязная бумажка. Никто тебя не видит, и ты никого не видишь, и тут важно: поднимешь ты эту бумажку или нет. Если ты поднимешь и выбросишь эту бумажку и никто этого не увидит, — значит, у тебя есть дисциплина.

Последняя форма дисциплины особенно проявлялась в фигуре дежурного бригадира или дежурного командира.

Это один из бригадиров, мальчиков или девочек, обычно даже не самый старший, так как самые старшие комсомольцы, наиболее заслуженные члены бюро, несли уже более ответственную работу: то редактора газеты, то начальника цеха, то начальника конструкторского бю-

ро, то комсорга или секретаря комсомольского коллектива, а командир бригады или командир отряда — это был мальчик 15—16—17 лет или девушка.

Они обычно не имели права наказывать, не имели других особых прав в коммуне, но дежурный бригадир в течение дня ведет коммуну.

Воспитателей у нас в коммуне уже не было. Я всех их снял еще в 1930 г. Они просто перешли в школу как учителя, а от воспитателей мы отказались. Все восемь лет коллектив жил без единого воспитателя.

Такой дежурный бригадир с 6 часов утра до 12 часов ночи или с ночи до утра должен был отвечать за все, что происходит в коммуне, за точность и порядок в расписании, порядок в уборке, должен был отчитаться за прием гостей, за хороший обед, если был поход — то за поход, если была какая-нибудь дополнительная работа — за работу. Ночью он имел право спать.

Ему одному общее собрание дало право приказа. Постепенно это право развилось в очень сложную традицию, которой все очень гордились и которой неуклонно следовали.

Такой пятнадцатилетний мальчик мог потом, не оглядываясь, сказать самому старшему комсомольцу, самому заслуженному члену коммуны: возьми тряпку и вытри эту лужу здесь на полу.

Он не имел права, обычно, повторять приказания, но кто бы ни услышал его приказание, должен был сказать: «Есть, товарищ бригадир».

Если он даже вытер лужу, но не сказал: «Есть, товарищ бригадир», — считалось, что он не выполнил приказания.

С этим дежурным нельзя было разговаривать сидя, а надо было разговаривать вытянувшись.

Нельзя было ему возражать. Можно было спорить со мной, с любым командиром, с бригадиром, а с дежурным нельзя было спорить, так как говорили, что у него очень много дела и если каждый будет с ним спорить, то ему, бедному, и не выжить.

Если даже дежурный бригадир неправильно решал тот или другой вопрос, то тебе предлагалось: выполни и забудь, что это неправильно.

Рапорт дежурного бригадира я не имел права проверять.

Он говорит, что в таком-то отряде сегодня случилось то-то и то-то. Свой рапорт он отдает в присутствии всех, с салютом. Все должны стоять.

И если я в чем-нибудь сомневался, я не мог сказать: позови мне этого коммунара, я у него спрошу.

Это было бы сильнейшим оскорблением.

Создалась такая традиция: потом, на другой день, тот, о ком он докладывал, может сказать, что дежурный «набрехал», но так, чтобы я не услышал, ибо за такие разговоры я отправлял под арест. Если даже «набрехал», не смей говорить. Это наш уполномоченный, мы ему подчиняемся, его слушаемся.

Завтра ты можешь сказать, что он слаб, и мы его снимем, а в момент рапорта нельзя было ничего говорить. Этим мы избавились от бесконечных склок.

Особенно важным было то, что рапорт дежурного не проверяется. Дежурный бригадир докладывал мне вечером решительно обо всех, и я не помню, чтобы мне кто-нибудь соврал. Он не мог соврать.

Если бы этот дежурный встретил меня на прогулке и что-нибудь о комнибудь мне сказал бы, то это можно было бы проверять на сборе, но если он говорил в присутствии всех, проверять было нельзя. Коммунары заявляли: «Ведь он Антону Семеновичу не на ухо сказал, ведь они не в саду сидели, он сказал в присутствии всех, с рапортом, с салютом, как он мог соврать. Человек не может соврать в таком положении».

Коммунары были убеждены, что вся обстановка, все положение дежурного не дают ему возможности соврать.

Это был моральный закон, и проверять было не нужно.

Вот общая результативная картина, которую можно назвать дисциплиной.

Какие методы должны вести к такой результативной картине? Устройство коллектива как определенной организации и педагогическое мастерство.

Педагогическое мастерство — совсем не пустое дело. В педагогических вузах этим педагогическим мастерством и не пахнет. Там и не знают, что такое педагогическое мастерство. Мы имеем такое положение, когда это мастерство каждый имеет право назвать кустарным, и правильно.

Я тоже много мучился с этим вопросом, и тем более мучился, что никогда не считал себя талантливым воспитателем и, по совести говорю, что не считаю сейчас, так как иначе мне не пришлось бы так много работать, ошибаться и страдать.

Я и теперь глубоко убежден, что я скорее обыкновенный, средний педагог. Это очень похоже на правду. Но я добился педагогического мастерства, а это важная вещь.

Мастерство воспитателя не является каким-то особым искусством, требующим таланта, но это специальность, которой надо учить, как надо учить врача его мастерству, как надо учить музыканта. Каждый человек, если он не урод, может быть врачом и лечить людей, и каждый человек, если он не урод, может быть музыкантом. Один — лучше, другой — хуже. Это будет зависеть от качества инструмента, учебы и т. п. А у педагога такой учебы нет.

Что такое мастерство? Я имею склонность отделять процесс воспитания от процесса образования. Я знаю, что против этого возразит каждый специалист-педагог. Но я считаю, что процесс воспитания может быть логически выделен и может быть выделено мастерство воспитателя[8].

Можно и нужно развивать зрение, просто физическое зрение. Это необходимо для воспитателя. Нужно уметь читать на человеческом лице, на лице ребенка, и это чтение может быть даже описано в специальном курсе. Ничего хитрого, ничего мистического нет в том, чтобы по лицу узнавать о некоторых признаках душевных движений.

Педагогическое мастерство заключается и в постановке голоса воспитателя, и в управлении своим лицом.

Сегодня ваш уважаемый директор в моем присутствии разговаривал с одним мальчиком. Не каждый сможет так разговаривать. Я не буду льстить и говорить, что здесь большой талант, но здесь имело место мастерство. Он сердито разговаривал с мальчиком, и мальчик видел гнев, негодование, именно то, что было нужно в данном случае. А для меня это было мастерство. Я видел, что директор великолепно играет.

Педагог не может не играть. Не может быть педагога, который не умел бы играть. Нельзя же допустить, чтобы наши нервы были педагогическим инструментом, нельзя допустить, что мы можем воспитывать детей при помощи наших сердечных мучений, мучений нашей души. Ведь мы же люди. И если во всякой другой специальности можно обойтись без душевных страданий, то надо и у нас это сделать.

Но ученику надо иногда продемонстрировать мучение души, а для этого нужно уметь играть.

Но нельзя просто играть сценически, внешне. Есть какой-то приводной ремень, который должен соединять с этой игрой вашу прекрасную личность. Это не мертвая игра, техника, а настоящее отражение тех процессов, которые имеются в нашей душе. А для ученика эти душевные процессы передаются как гнев, негодование и т. д.

Я сделался настоящим мастером только тогда, когда научился говорить «иди сюда» с 15—20 оттенками, когда научился давать 20 нюансов в постановке лица, фигуры, голоса. И тогда я не боялся, что кто-то ко мне не пойдет или не почувствует того, что нужно.

А у воспитателя это мастерство проявляется на каждом шагу. И оно проявляется вовсе не в парном положении, когда я — воспитатель и ты — мой ученик. Парное положение не так важно, как то, что вас окружает. Ваше воспитательское отношение имеет значение даже в том случае, когда на вас никто не смотрит. И это не мистика.

Я сижу в кабинете один. Все коммунары на работе и в школе. Я на кого-то рассердился, мне что-то нужно сделать. Я принимаю определенное выражение лица, и это на всех отразится. Забежит один, посмотрит на меня, шепнет другому, даже между делом, и что-то станет на свое место.

Это не значит, что от настроения одного лица зависит настроение всех детей, но надо уметь управлять своим настроением.

Если вы будете в этом же кабинете плакать и рыдать, это тоже будет всем известно и произведет известное впечатление.

Это сказывается во всех мелочах. Бреетесь вы каждый день или нет. Чистите вы ботинки каждый день или нет.

Воспитатель, который вытаскивает из кармана черный скомканный платок, — это уже не воспитатель. Лучше пусть он пойдет в уголок и высморкается там, чтобы никто не видел.

Но это мастерство имеет значение для организации каких-то специальных методических движений.

Например, я очень часто практиковал такие вещи. Я мог бы призвать к себе того, кто согрешил, и сделать ему выговор. Но я так не делал.

Я пишу ему записку с просьбой прийти обязательно вечером, обязательно в 11 часов. Я даже ничего особенного не буду ему говорить, но до 11 часов вечера он будет ходить в ожидании моего разговора. Он сам себе многое скажет, ему скажут товарищи, и он придет ко мне уже готовый. Мне ничего уже не нужно с ним делать. Я ему только скажу: «Хорошо, иди». И у этого мальчика или девочки будет происходить обязательно какой-то внутренний процесс.

Я представляю себе, что в педагогическом учебном заведении нужно проделать кое-какие упражнения. Мы — студенты: вы, вы и т. д.

Мне говорят: «Вы, т. Макаренко, будете сейчас проводить практику.

Предположим, мальчик украл три рубля, разговаривайте с ним. Мы будем слушать, как вы будете разговаривать, а потом мы обсудим, как вы разговариваете: хорошо или плохо».

У нас такие упражнения не производятся, а ведь это очень трудное дело — говорить с мальчиком, который подозревается в том, что он украл, и неизвестно еще, украл он или нет. Тут, конечно, нужно мастерство не только в постановке взгляда или голоса, а даже в постановке логики. А мы, воспитатели, знаем географию, историю, литературу, но мы не знаем, что такое детское воровство. Кто знает, что это такое: случай, преступление или необходимость?

Если бы все люди были очень искренни, то многие сказали бы, что у них в детстве был хоть один случай воровства. А они совсем не были ворами. Очевидно, нам нужно подумать, что такое детское воровство и как на него реагировать.

Я узнал сегодня, что ваш директор товарищ Данюшевский[9] поймал мальчика, который украл мыло, чтобы передать домой. Товарищ Данюшевский взял мыло, передал этому же мальчику и сказал: вот тебе мыло уже не краденое, а настоящее. Зачем было красть, когда можно и так тебе дать? Он даже премировал вора.

В таком же положении был и я как педагог...

Во время рапорта дежурный говорит: Грищенко украл кошелечек у товарища.

— Грищенко, выходи на середину.

Грищенко выходит. Все на него смотрят. Он краснеет. Ему говорят: ты еще новенький, ты привык воровать, у тебя такая привычка. Ты еще один-два раза украдешь.

— Как это я украду? Я больше не украду.

— Нет, увидишь, что еще раз-два украдешь.

Проходят две недели. Опять Грищенко стоит.

— Опять украл?

— Да, украл у товарища.

— А ты задавался, говорил, не украдешь, мы же тебе говорили. А вот теперь ты больше не украдешь, у тебя есть опыт.

Мальчик уверен, что все «предсказания» сбываются, и действительно больше не крадет.

За воровство мы перестали наказывать. Новенький что-нибудь возьмет, и все на него смотрят и говорят: это у тебя не уголовщина, а привычка, которая пройдет. Но вот приходит старший, который пробыл два года в коммуне. Он докладывает, что такой-то не заплатил в трамвае за проезд.

— Как?!

Все вытягивают шеи.

— И что же, ты говорил, что ты беспризорный? Таких надо выгонять из коммуны.

— Может быть, ты снимешь свое предложение?

— Нет, я своего предложения не снимаю.

— Кто за это предложение?

Подымается рук двадцать.

Конечно, его не выгонят; он сидит и переживает.

Знаем ли мы, что такое детское воровство? То, что мы знаем из опыта,

мало. Надо, чтобы это было написано в книге. Надо, чтобы люди прочитали, проверили, тогда они будут знать.

А что такое детское хулиганство?

Есть такой педагогический «закон», что детям надо больше драться и кричать. В результате во время перемены наши коридоры превращаются в отделения ада. И все это потому, что ребенок должен бегать, кричать. Что кричать? Просто открыть рот и кричать? Должен или не должен так кричать?

В некоторых книгах написано, что должен, а я в своем педагогическом опыте считал, что ребенок не должен ни бегать, ни кричать без толку. Я думал, что совершаю педагогическое преступление, так как педагогический закон утверждает, что он должен кричать и бегать, но все-таки поступал по-своему.

У меня только что окрашены стены. Я из последних средств пригласил мастеров, и они произвели хороший ремонт. Я не могу допустить, чтобы ребенок проявлял здесь свои способности в области рисования.

Я как педагог и как хозяйственник поступаю правильно.

А потом я убедился, что педагог и хозяйственник не должны расходиться.

Я добьюсь того, что ученик будет так же заботиться о чистоте стен, как и хозяйственник. И он ничего не потерял от того, что не нарисовал на стене. Он ничего не потеряет от того, что не покричал и что-то у него там не развилось.

Мы должны приучать воспитанников к упорядоченным, целесообразным движениям. Извольте двигаться целесообразно. Вы идете по коридору, чтобы выйти на улицу. Никакой скидки на ваши какие-то детские особые аппетиты к движению. Проходи спокойно по коридору, спокойно выходи на улицу, а когда выйдешь во двор, там можешь удовлетворить свои аппетиты.

И оказалось, что никаких особых аппетитов у ребят нет. И потом, может быть, торможение этих аппетитов даже полезнее, чем их удовлетворение.

Мы мало об этом знаем, а все это нужно знать, чтобы быть мастером-педагогом. Такое мастерство совершенно необходимо, его надо воспитывать.

Я с моими коллегами, товарищами, сотрудниками всегда работал над этим мастерством. Мы собирались, обсуждали этот вопрос, но ничего не записывали.

Есть еще один важный метод — игра. Я думаю, что несколько ошибочно считать игру одним из занятий ребенка. В детском возрасте игра — это норма, и ребенок должен всегда играть, даже когда делает серьезное дело. У нас, взрослых, тоже бывает эта склонность к игре. Почему одной нравится кружевной воротничок, а другой не кружевной? Почему надо вдруг надевать крепдешиновое платье, а не ситцевое? Почему хочется надеть форму? Я думаю, что каждый из нас с удовольствием надел бы форму полковника. Почему привлекает форма? Потому что в этом есть какая-то игра.

Почему мы ставим у себя в книжном шкафу красивые книги с золотыми корешками наверх, а другие, похуже — вниз? Мы играем в людей интеллигентных, культурных, имеющих библиотеку.

У ребенка есть страсть к игре, и надо ее удовлетворять.

Надо не только дать ему время поиграть, но надо пропитать этой игрой всю его жизнь. Вся его жизнь — это игра.

У нас был завод с первоклассным оборудованием. Делали фотоаппараты «Лейка» с точностью до одного микрона, и все-таки это была игра. На меня многие педагоги смотрели, как на чудака, что я занимаюсь игрой в рапорт.

Надо играть с ребятами, надо стоять во фронт, а потом можно рычать на них. Тот командир, который минута в минуту является ко мне сдавать рапорт, прекрасно играет, и я с ним играю. Я отвечаю за них за всех, а они думают, что они отвечают[10].

Когда Эррио был у нас, он спросил у коммунаров: кто же это делает?

— Мы.

— А заведующий?

— Мы все делаем вместе. Мы ему помогаем.

В некоторых случаях надо эту игру поддерживать.

Мы ездили на экскурсию, причем нужно было решить: ехать ли в Ленинград или в Крым. Большинство было за Крым, я тоже был за Крым. Но я начинаю бешено с ними спорить. Я им говорю: «Что вы увидите в Крыму? Только солнышко, и будете валяться на песке, а в Ленинграде — Путиловский завод, Зимний дворец». Они бешено со мною спорят. Потом все поднимают руки и смотрят на меня. Я хорошо с ними играл. Они играют победителей, а я — побежденного.

Через три дня они говорят друг другу: «А ведь Антон Семенович заливал, он тоже за Крым». А тогда они играли и прекрасно это понимали.

Дальше вопрос о педагогическом риске. Тоже вопрос неразрешенный. Можно рисковать или нет?

Года два назад в одном педагогическом журнале была напечатана консультация. Один педагог поставил вопрос: как быть с ребенком, который хулиганит в школе?

Ответ: надо с таким ребенком поговорить. Педагог должен говорить ровным голосом, не повышая тона, чтобы ученик понял, что учитель говорит с ним не потому, что он раздражен, а потому, что в этом его долг...

Как идеальный педагог, вы должны говорить ровным голосом, и тогда у вас ничего не получится. Он уйдет таким же хулиганом, каким и пришел.

Я позволял себе риск и видел, что, как только я позволял себе рискнуть, вокруг меня собирались все макбетовские ведьмы: а ну, как ты рискнешь, а ну, как ты рискнешь?

Я повышенным голосом говорил: «Что это такое?!»

И у нас получалось.

В Ленинграде, когда я говорил о риске, я получил такую записку: вы говорите о риске, а у нас в школе был такой случай: мальчику поставили плохой балл, а он повесился. Так вот, по-вашему, нужно допустить необходимые издержки?

Я был очень удивлен. Это же не против меня, а против вас. Мальчик повесился не в результате какого-нибудь рискованного действия педагога. Если и это риск, то не ставьте плохих отметок, а то все перевешаются. Можно бояться поставить плохой балл, так как и здесь есть какой-то риск, а ведь это же пустяк.

Плохой балл — не рискованное действие. Погладить по головке — нет никакого риска.

Говорить ровным голосом — тоже нет никакого риска.

А может быть, мальчик, избалованный постоянно такими нерискованными действиями, и получил склонность к самоубийству. И всякий человек, если с ним несколько лет подряд говорить ровным голосом, возымеет желание повеситься. Если бы все педагоги говорили с ребенком ровным голосом, я не знаю, до какого состояния они могли бы довести ребенка.

Но, к счастью, не все говорят ровным голосом. Некоторые рискуют, требуют, ставят плохие баллы, а главное — требуют. И только поэтому получается живое настроение в жизни.

Эта тема риска должна быть рассмотрена в педагогической практике.

Я как педагог открыто смеюсь, радуюсь, шучу, сержусь.

Хочется мне шутить — я шучу. Хочется мне потихоньку уколоть человека — я это делаю.

Такой риск не страшен. Мне приходилось рисковать больше, чем другим педагогам.

Например, иногда общее собрание выносило постановление: выгнать из коммуны. И как я ни боролся, как я ни грозил, они смотрят на меня, смотрят, а потом опять поднимают руки: выгнать. И я выгонял. За восемь лет я выгнал человек десять. Открываю дверь: иди на все четыре стороны, куда хочешь, иди в белый свет.

Страшный риск, но благодаря этому риску я добился постоянного искреннего, требовательного тона, и каждый знал, что такой тон встретит его в первый же день, и ни для кого это не было неожиданностью.

Но особенно удивительно, что все эти выгнанные писали мне письма.

Недавно я получил письмо от человека, которого выгнал шесть лет назад и потерял его из виду.

Он пишет: я, старший лейтенант такой-то, отличился в боях у озера Хасан и по этому случаю решил написать вам письмо. Если бы вы знали, как я вам благодарен за то, что вы тогда меня выгнали. Как я куражился над вами, над всем коллективом. А когда меня выгнали, я задумался: неужели же я такой плохой, что 500 человек не согласились со мною жить? Я хотел к вам идти проситься обратно, а потом решил, что надо самому пробивать дорогу. И вот я теперь лейтенант, я отличился и считаю долгом вам об этом сообщить, чтобы вы не беспокоились, что выгнали меня тогда.

Это — чтобы я не беспокоился через 6 лет. Я потерял из виду этого человека, и вот теперь он написал, написал, когда оказался победителем у озера Хасан, именно в этот момент он вспомнил обо мне как об одной из причин своего сегодняшнего блеска.

Попробуйте поэтому предсказать, куда ведет каждый поступок.

Надо поставить вопрос о риске, ибо так называемый такт начинает сидеть в печенках не только у педагога, но и у воспитанников.

В то время, как мне еще приходилось спорить с украинским Наркомпросом[11], меня спросили на педагогической конференции: вы знаете, что такое такт?

— Знаю.

— А что это такое?

— Предположим, вы обедаете с каким-нибудь человеком, и он плюнул вам в тарелку, и вы можете ему сказать: что вы делаете, это нетактично.

А можно поступить и так: взять тарелку и разбить у него на голове. И никакого риска не будет.

Иногда нужно разбивать тарелку на голове, доводить человеческий поступок до логического предела, а не замазывать его.

Разве такт иногда не является уклонением от ответственности?

Передо мной мальчик или девочка, с которыми надо что-то сделать, а я не хочу ничего делать, боюсь риска и начинаю тактично поступать. Тактично отъезжать от данного случая в какой-то закоулок.

Может быть, я и ошибаюсь, но результаты были у меня хорошие.

Я у себя не знаю случаев рецидивов, за исключением одного, когда девушка, выданная мною замуж, опять сделалась проституткой.

Я уверен, что я в своем опыте подошел к какой-то правде так же, как и вы.

Я настаиваю на том, что основным принципом в нашей педагогической работе, школьной, внешкольной, дошкольной, является как можно большее уважение к человеку.

Я даже восьмилетнего человека называл товарищ Комаров. Так он — Петька, Васька и т. д., а когда я прихожу в коллектив, я называю его товарищ Комаров.

Как можно больше уважения и настойчивого, ясного, открытого требования: веди себя так-то и так-то.

Эти чудеса каждому доступны.

Меня одолевали родители, говорили, что я совершаю чудеса. Приезжают на автомобиле отец и мать и говорят: «Мы больше не можем с ним жить: грубит, требует: давай деньги, давай билеты, не хочет за собой убрать и т. д. Возьмите его ради бога!» Посмотришь на мальчика: вполне нормальное лицо, никакой умственной отсталости нет, здоровый мальчик, учится в VIII классе, что же над ним работать?

«Хорошо, пусть остается, но чтобы вашего духа здесь не было два года, чтобы бензином вашим здесь не пахло».

Главные жалобы, что не хочет почистить себе костюм, не хочет постелить себе постель, не хочет в магазин пойти за покупками. А здесь его командиры немного протрут с песочком, и он начинает меняться. Через полгода отпускаешь его первый раз в отпуск. И говоришь: смотри, Сергей, ты идешь в первый раз, посмотри, как на тебе все одето. Когда придешь домой, смотри, чтобы ты отдал салют, и смотри, чтобы ты нашел себе дома работу, чтобы все время провел в работе.

— Слушаю.

Приходит домой: что прикажете сделать, за водой сходить или пол помыть?

Родители думают, что сделали чудеса. Никаких чудес и никаких чудотворцев нет. А так надо потребовать, чтобы мальчик не сомневался. И мальчик находит в этом удовольствие. Он доволен тем, что может показать родителям, что он тоже способен работать. От педагога требуется уверенность в своей правоте. Если вы уверены, что можете требовать до конца, ребенок всегда сделает все, что нужно.

Я еще раз прошу меня извинить, если в моем рассказе было что-нибудь назидательное. Я ни на какую назидательность не претендую, а просто рассказываю то, чему я в жизни был свидетелем...

Ответственному редактору «Комсомольской правды»

Прилагая статью «Ответ т. Бойму», прошу не отказать в напечатании ее в «Комсомольской правде».

Одновременно прошу Вашего внимания к следующему моему предложению. В статье «Откровения А. Макаренко» т. Бойм мимоходом высказался в том смысле, что мои педагогические положения вызывают серьезные возражения. Не имею возможности судить, разделяются ли эти возражения редакцией «Комсомольской правды», но вообще позволяю себе утверждать, что нигде ни разу мне не пришлось высказать свои педагогические взгляды с той полнотой и определенностью, с какими мне хотелось бы это сделать. Вам хорошо известно, в каком печальном положении в настоящее время находится тот отдел педагогики, который говорит о воспитании. Я, конечно, не претендую на звание монополиста в деле толкования основ марксистской педагогики и вообще весьма скромно оцениваю свои силы как теоретика, но мне удалось в своей жизни испытать очень тяжелый и длительный педагогический искус, и, вполне естественно, я хочу, чтобы мой опыт не пропал бесследно и чтобы его выводы сделались общественным достоянием. Я уверен даже, что я не имею права молчать и скрывать свои мысли только потому, что они могут вызвать раздражение у кого-либо. Тем не менее до сих пор я ограничивался случайными высказываниями, главным образом во время встреч с читателями, от которых я не имел права отказаться.

Убежден я в следующем: если даже некоторые мои положения ошибочны, а это, разумеется, возможно, все же они могут принести пользу в порядке постановки новых вопросов и в порядке общего возбуждения педагогической мысли. А многие положения окажутся и вовсе не ошибочными, а очень полезными: я сам не могу быть своим собственным судьей.

Я предлагаю следующее: не согласитесь ли Вы предоставить мне страницы Вашей газеты для цикла статей (подвалов) по вопросам школьного воспитания.

Темы этих статей следующие:
Воспитательные задачи школы.
Воспитательный и образовательный процессы.
Политическое воспитание.
Организация школьного коллектива.
Организация педагогического коллектива.
Педагогическое мастерство или педагогический талант.
Дисциплина и дисциплинирование.
Стиль советской школы.
Школьное самоуправление.
Меры воздействия.
Школа и семья.
Совместное воспитание.
Трудовой принцип.
Успеваемость.
Выбор профессии.
Клубная работа.
Физкультура в школе и летний отдых.

Я уверен, что мои положения в этих статьях в подавляющем большинстве не встретят возражений со стороны редакции, но уверен также и в том, что предварительная критика со стороны редакции будет полезна и для меня и для дела.

Как часто можно будет давать эти статьи, зависит всецело от Вас, я могу давать их не чаще, как один раз в шестидневку.

Прошу Вас не отказать в ответе по адресу: Москва, 17, Лаврушинский пер., 17/19, кв. 14, А. С. Макаренко.

Доклад в педагогическом училище

Прежде всего маленькое замечание. Я очень плохой докладчик и не умею говорить так, как полагается оратору. У нас будет не доклад, а беседа. Заглавие — «Основы политического воспитания» — не вполне будет соответствовать моему докладу, потому что основы политического воспитания заключаются в самой политической науке, которую вы хорошо проходите, изучаете в известной мере марксизм-ленинизм, изучаете другие науки этой области. Вот там и заключаются основы политического воспитания. Я буду рассказывать только о небольших практических выводах, какие у меня, практического работника, остались после моей педагогической работы.

Второе замечание. Я — ни в коей мере не ученый, тем более не ученый педагог... Это просто такой же опыт, какой вы будете иметь в своей работе. К сожалению, вы начинаете, а я кончаю, но все-таки я с большой радостью согласился бы быть на вашем месте — начинать педагогическую работу.

Я работал 32 года в педагогической области, из них 16 лет в школе, сначала в начальном училище, высшем и среднем, потом в рабочей и заводской школе[1]. Последние 15 лет я работал в колониях им. Горького и им. Дзержинского НКВД УССР[2].

Трудно говорить о политическом воспитании в старой школе. Там был «закон божий», батюшка, который его преподавал. Того, что он делал, никто не знал, не интересовались ни ученики, ни учителя, и этот предмет не отражался на воспитании.

Известно, что из духовных семинарий, где готовились будущие священники, сами дети священников, где все внимание обращалось на то, чтобы воспитать религиозных детей, выходили людьми неверующими. Я видел много попов, но верующего не видел ни одного. Вот вам политическое воспитание в старой школе. Оно было очень напряженное, ему уделяли много времени, но толку было мало.

Из моих учеников без всякой антирелигиозной пропаганды выходили неверующие люди.

В старой школе нет ничего, что можно было бы уподобить нашему политическому воспитанию. Были попытки, осужденные рабочим обществом, воспитать людей, преданных царю и отечеству.

Опыт настоящего политического воспитания мы имеем в советское время, и о нем можно говорить.

У меня опыт исключительный, и я не вполне уверен, что вы его можете использовать.

У вас будут дети из семьи, к вам они придут в восьмилетнем возрасте. Вы будете вести работу рядом с семьей, а я получал мальчиков и девочек, обычно в возрасте старше тринадцати лет, побывавших на улице, в тюрьме, в суде, часто неграмотных, запущенных, и, конечно, этот контингент, по сравнению с тем, который вы будете иметь, был совершенно иным.

Но все же советское воспитание остается советским, и те основы, какие были у меня, могут и должны быть у вас.

Я хочу сделать еще маленькое замечание. В своей практике я различал и различаю теперь политическое образование и политическое воспитание и думаю, что большую ошибку делают педагоги, которые ставят перед собой только вопрос политического образования. Есть много таких педагогов, комсомольцев, пионервожатых, которые считают, если мальчик или девочка знает политграмоту, если знает историю Октябрьской революции, историю гражданской войны, знает последние победы индустриализации, коллективизации, знает историю последних лет построения социализма, наше могущество военное и промышленное, то эти дети, по их мнению, политически воспитаны.

К сожалению, мне приходилось и в своей и в чужой практике наблюдать, что эти знания сами по себе не делают еще человека политически воспитанным. Бывали случаи, когда мальчик прекрасно знает, что полагается ему знать по школьной программе, читает газеты, может делать доклады и выражаться в своих речах весьма приятно, а по своему поведению, по своему отношению к коллективу, коллективу колонии или коммуны, коллективу всего государства проявляет лицо несоветское. Мне приходилось это наблюдать.

Конечно, приходилось наблюдать и противоположные случаи, когда юноши или девушки, казалось бы, отстали в деле политического образования, путают даты съездов, не разбираются часто в легких вопросах политической истории, а по своему характеру, по своей душе, по своей личности они явно для меня были «нашими». Вот такие случаи первого и второго рода мне приходилось наблюдать, и, естественно, я задумался над этим, в чем дело, почему мальчик не только знает все, что ему нужно знать, но и других учит, а по своему характеру и поведению меня не удовлетворяет.

Я помню, как однажды одно событие остановило мое внимание. Событие было пустяковое, может быть, вам не стоит о нем рассказывать, но, чтобы вы поверили, как иногда маленькое событие может много показать, я вам расскажу.

Событие заключалось в том, что у нас, в коммуне им. Дзержинского, вечером был киносеанс (у нас было свое кино). Сидело коммунаров 500 человек и педагоги. И вот на картине трудно было разобрать (картина изображала военное событие), что за войска приближаются с горизонта, и тут все в зале начали спорить (музыки у нас не было). Спорили не так — белые или красные, а спорили — белые или наши. И вот эта терминология «наши», а не красные для меня много показала. Когда люди в горячем споре, где они не выбирают слов, не беспокоятся о точности выражения, а говорят, как душа подсказывает, когда говорят «наши», значит, действительно видна

родственная связь с людьми, которые приближаются с горизонта, и людьми, которые сидят в зале.

С этого случая я поставил целью — проводить такое политическое воспитание, чтобы в душе моего воспитанника, в его личности и разуме это слово «наши» возникало без борьбы, без напряжения, без дипломатии, без хитрости, чтобы оно шло от самой души. И воспитать такую способность человека быть преданным нашему обществу, нашей революционной истории, нашему делу — я поставил себе целью.

Сегодня я буду говорить только о политическом воспитании, считая, что вопрос политического образования остается вопросом первейшей важности, считая, что без политического образования не может быть политического воспитания, но думаю, что этот вопрос для вас более или менее известен, поскольку он в вашем училище разбирается детально, а я в своей часовой беседе буду говорить о том, что я называю политическим воспитанием, отдельно взятым.

Я буду говорить об очень узкой области, которую скорее можно назвать воспитанием политического характера человека, имеющего политическую ценность. В особенности в моей практике меня этот вопрос занимал больше, чем занимает педагогов нормальной школы. В школу приходят дети получать образование. Ко мне приходили дети, которые настолько были уже испорчены, что не могли жить в нормальном обществе, и передо мной ставился вопрос о таком воспитании, чтобы они могли жить в нормальном человеческом обществе. Для меня это был главнейший вопрос. Человека, моего воспитанника, у которого я не мог преодолеть характер, у которого политически характер не был воспитан, — я не имел права выпустить из колонии. Я мог выпустить такого, который явно для моей честности и ответственности был советским гражданином.

Я поставил себе целью выпускать комсомольцев, и в последние семь лет выпускал комсомольцев. Но этого было для меня мало. Я должен был выпускать таких людей, чтобы их характер был политически воспитан.

Что такое политически воспитать характер? Как раз этот вопрос в нашей теперешней школе находится в загоне. Вопросу воспитания характера не уделяется внимания ни Наркомпросом, ни педагогической литературой. Я считаю, что это самый важный вопрос. Воспитать настоящий большевистский характер — значит воспитать человеческое чувство. Я уверен, что если мы не воспитаем человеческого чувства как нужно, то, значит, мы ничего не воспитаем. А чувство и воспитание чувства лежит в известном вопросе, который можно назвать «личность — коллектив».

Вот этому вопросу — личности и коллективу — тоже почти никакого внимания не уделяет педагогическая литература.

Каждый человек стремится к лучшей жизни. Каждому хочется жить лучше, богаче, красивее и веселее. Совершенно естественное стремление.

Это стремление есть и в нашем советском обществе и в буржуазном обществе. Но как это желание и стремление удовлетворить?

В нашем обществе это стремление удовлетворяется совсем не так, как в буржуазном. Это различие, как удовлетворить стремление к лучшей жизни, должно вызвать и различие в воспитательном процессе.

В буржуазном обществе говорят: «Ты свободен, т. е. ты можешь какими

угодно способами бороться, ты можешь сталкивать своих противников, ты можешь добиваться такой силы, чтобы получить способность эксплуатировать других людей и за счет их труда улучшать свою жизнь, ты можешь сваливать в кучу и эксплуатировать десятки и сотни тысяч и наживаться на них, ты не имеешь никаких обязательств перед этими людьми, кроме самого необходимого приличия. Но ты имеешь право бороться не только с эксплуатируемыми, ты имеешь право валить на землю своих конкурентов, таких же буржуев, как и ты».

Вот закон капиталистического общества. Закон беспощадной борьбы за благополучие со всеми остальными людьми.

Надо сказать, что и в нашей среде, в среде нашего юношества и детства, приходится наблюдать такие инстинкты — силой пробить дорогу себе. Если воспитать такую энергию — это значит воспитать пренебрежение к интересам другого человека, полное презрение к интересам коллектива, это значит воспитать хитрого, сильно вооруженного эгоиста. Такого эгоиста, который мог бы всех побеждать, такого сверхчеловека, жадного, сильного животного мы воспитать не можем. Это не значит, что мы должны воспитать слюнтяев, мягоньких, добреньких ангелочков, которые всем уступают и кланяются. Христианское воспитание тоже не в нашем духе. Мы должны воспитать борцов, а не слюнтяев.

Вот цель воспитания у нас и может быть так сформулирована — воспитать борца-коллективиста.

Это слова старые, и в педагогике давно говорились, но как воспитать этого борца, об этом не говорили. И теперь вы можете услышать еще среди некоторых педагогов такие слова, что нужно воспитать советского героя, способного на героизм. Трудно ли это? Привезите им в школу Папанина, Кренкеля, устройте беседу, уже вы кое-что сделали. Почитайте о папанинцах, о челюскинцах — тоже воспитали. Прочитайте о гражданской войне — тоже пример. Вот на таких примерах советского героизма, говорят, можно воспитать таких борцов. Правда здесь есть, но не вся.

Представьте себе, что в нашем советском обществе, в самой нашей революции, в деятельности Коммунистической партии... можно найти блестящие образцы героизма, гениального творчества, больших исторических действий. И поэтому среди нашей молодежи есть порыв к героизму, любовь к героическому поступку. Никто из этих детей никогда не скажет, что им не нравится героический поступок, и каждый мечтает, что он будет героем. Я уверен, что если бы вдруг неожиданно пришлось нашим детям сегодня проявить свою любовь к Советскому Союзу, пожертвовать жизнью, то они пожертвовали бы.

К такому служению нашей Родине наша молодежь всегда готова. Нельзя сказать, что это мы, педагоги, воспитываем. Их воспитывает вся наша история, и, конечно, Папанин и его четверка должны быть признаны самыми выдающимися педагогами Советской страны, настолько они много принесли пользы нашему школьному делу.

Но хуже дело обстоит, когда от человека требуется не героическая вспышка, не героический неожиданный подвиг, а длительная, мучительная нажимная работа, часто даже очень тяжелая, неинтересная, грязная и даже причиняющая неприятные ощущения в организме. Для такой работы наш характер не очень воспитан, а между тем, если бы в тех же Папанине, Крен-

келе не только увидели людей, живущих на льдине, а обратили внимание на всю их биографию, то увидели бы, что раньше, чем совершить подвиг, они прошли дополнительный путь неизвестных, терпеливых, молчаливых и тем не менее героических усилий. Они не могли бы взойти на высший гребень героизма, если бы вся их биография, весь их труд не были тоже по существу героичными.

Такой героичности, мало заметной, терпеливой, настойчивой, протекающей медленно, незаметно для всех, которая потом увенчается всемирной известностью, в Советском Союзе много, и мы должны воспитывать ее в наших детях.

Это воспитание заключается в правильной организации коллектива, дисциплине, порядке, в организации ежедневного быта и т. д. На эту сторону я обращал главнейшее внимание в своей работе. Вы об этом читали в «Педагогической поэме».

Окончательно мой детский коллектив был организован в коммуне им. Джержинского, где я работал восемь лет, но эта коммуна не явилась новым учреждением.

Из-за несогласия с украинским Наркомпросом мне пришлось уйти из колонии им. Горького.

Дальнейшие события заключались в том, что когда я перешел в коммуну им. Дзержинского, туда в течение месяца перебежали все воспитанники колонии им. Горького.

Делали они это незаметно, приходили утром 10—15 человек и даже не говорили, что они перебежали. Вечером, когда все ложились спать, они меня спрашивали: «Можно у вас переночевать?» — «А почему вы не в колонии?» — «Видите ли, мы из колонии ушли совсем». — «Куда же вы ушли?» — «Не знаем. Конечно, если бы вы нас приняли, мы бы остались». После этого я говорю: «Довольно болтать, идите спать». На другой день прибегали опять и т. д. Кончилось тем, что прокурор Харьковского округа привлек меня к ответственности за развал колонии им. Горького. И только письмо А. М. Горького защитило меня от уголовной ответственности. Я, собственно, колонию совсем не развалил, там осталось все помещение, комнаты... только перешли живые люди ко мне. Вот эти люди составили коммуну им. Дзержинского.

Первые годы они с трудом называли себя дзержинцами, никак не могли привыкнуть.

Вот этот коллектив в коммуне им. Дзержинского — продолжение коллектива, описанного в «Педагогической поэме», составил основную цель моего организационного внимания.

Желаю вам, когда вы поработаете пять-шесть лет в школе, чтобы вы добились таких успехов и чтобы у вас был такой коллектив. Стоит только захотеть. Хитрости никакой нет, только большая работа, любовь к этому делу принесут успех.

Вы идете в начальную школу, это ваше счастье. Начальная школа тем хороша, что там маленький коллектив, можно всех знать в лицо. Каждый виден не только насквозь, но даже глубже, как говорят коммунары. Легче, чем в большой школе, где не знаешь, где Петя, а где Ваня. Вам можно позавидовать, настолько у вас счастливые условия работы.

Я не буду утомлять разными советами, а расскажу, как был организован

коллектив коммуны им. Дзержинского, причем чести моей не так много. Большое значение имела комсомольская организация. На третьем году существования коммуны комсомольская организация имела такое значение, что я снял всех воспитателей и оставил только педагогов-учителей, а раньше были воспитатели, которые ничему не учили, а только воспитывали.

Внешний каркас моего коллектива — это дисциплина. Я очень недоволен дисциплиной в школе. Это дисциплина — «не кричи, не кури, не пей водки, не оскорбляй педагога», вообще «не, не, не». Это мораль, утверждающая, чего не нужно делать. Я называю такую дисциплину дисциплиной воздержания или торможения. Я считаю, что дисциплина в советском детском коллективе должна иметь один характер — стремление вперед. Это дисциплина победы, дисциплина преодоления. Такой дисциплиной, которая говорит только о том, чего нельзя делать, гордиться нельзя. Гордиться можно такой дисциплиной, которая куда-то ведет, чего-то требует от человека, чего-то большего, чем воздержание. Это цель. Такая дисциплина существует в Коммунистической партии. Коммунист должен добиваться победы, а не только воздержания от чего-то неприятного. Такая дисциплина должна быть в школе. Такая дисциплина будет тогда, когда вы перед каждым мальчиком поставите определенные требования, причем вы будете требовать не от вашего лично имени, а от имени всего коллектива, от имени коллектива вашей школы, вашего города, всего советского общества.

Я не знаю, может быть, вы обвините меня в некоторой жестокости по отношению к детям. Я никогда себя в этом не обвинял, но, например, я поднимал своих ребят в 6 часов утра, я не позволял задерживаться в постели ни на одну минуту, я не позволял опаздывать на завтрак, на завод или в школу. Я предъявлял к своим ребятам самые строгие требования. Я мог так делать потому, что эти требования предъявлял весь коллектив, потому, что все дети были убеждены, что так нужно. Этого не могло быть, если бы у детей не было коллектива, если бы они не считали, что интересы коллектива выше их личных интересов или интересы коллектива есть их личные интересы.

Конечно, такой дисциплины, такой преданности нельзя добиться в течение нескольких месяцев. Это нужно делать постепенно, и вы сами не заметите, как будет рождаться успех за успехом.

Я заметил это только тогда, когда общее собрание однажды постановило: «Антон Семенович, вы имеете право наказывать, но мы отрицаем ваше право прощать, потому что вы накажете, а через час прощаете».

Это сказано по-большевистски. И последние пять лет, если мне приходилось наказывать на пять часов ареста, то я только через пять часов мог прощать. Никакая сила не могла уменьшить эти пять часов.

Когда я увидел, что общее собрание потребовало законности, я понял, что комсомольское собрание уважает наказание не меньше, чем удовольствие.

А потом увидел, что каждый новенький, как только он вошел в коллектив, ходит и мечтает, когда его наконец так накажут. Он считает, что с этой минуты, как я наказал его в первый раз, он свой: я не смотрю на него, как на чужеродного. Раз я его наказал и он ответил «есть!», то мы с ним друзья на всю жизнь. Я в их глазах был представителем интересов их коллектива —

и в этом наказании они видели признание, что коллектив считает его настоящим членом коммуны.

Был у нас один случай. У нас был плохой литейный цех, и заведующий производством не хотел ставить вентиляцию, а в цехе был медный дым. Мой доктор Вершнев прочитал в словаре Брокгауза и Эфрона, что литейный дым очень вреден и может возбудить литейную лихорадку. Он прибежал ко мне с книгой и говорит: «Что это такое! Не позволю отравлять пацанов».

Раз доктор не позволяет, я обратился в совет бригадиров. И совет бригадиров постановил — снять с работы всех шишельников. Прибежал завпроизводством: «Что вы делаете, не будет литья, станут сборочный и никелировочный цехи».

Завпроизводством Соломон Борисович Блюм вечером поймал пацанов и говорит: «Что вы обращаете внимание на приказ, пойдем, сделаем шишки, ведь сейчас нет дыма, никто не узнает, закроем двери и ставни». Они согласились и пошли. Но через полчаса в литейной открылись двери, и мой связист (который все знал и слышал), лейтенант 12 лет, сказал: «Заведующий требует вас немедленно». Пришлось пацанам идти под арест. Сняли с них пояса и посадили на диван на общем собрании. Они очень испугались, потому что не я их арестую, а общее собрание, а оно строже меня. Среди этих пацанов было четыре старых колониста со значками, а один был новенький, Ваня. Когда на общем собрании их вывели на середину, кто-то сказал: «Зачем Ваня стоит, ведь он новенький». Тогда он возмутился: «Как это я не отвечаю?» Пришел случай наказать, а тут отвод. Он в слезы: «Как вы меня оскорбляете, почему хотите отпустить?» И собрание решило, так как он хлопец хороший и ничем плохим себя не проявил, — прощать нельзя, нужно наказать.

Вот этой логики я тогда не понимал. Когда собрание постановило, прошли у Вани слезы, и он очень виноватым голосом оправдывался, что у него нет никакой литейной лихорадки, что он беспокоился об общих интересах. А против них выступали, что их нужно взгреть, и даже предложили снять звание коммунаров и значки. Ограничились тем, что постановили 1 Мая, когда построятся идти на парад, перед строем, при знамени прочитать им выговор. Для них это было большое преступление — неподчинение приказу, и потом ходили разговоры по колонии, что их слишком строго наказали, но оскорбиться из-за наказания считалось большим позором.

Вот такая ответственность перед коллективом, когда она приобретает такой характер спаянности, что освобождение от ответственности кажется освобождением от коллектива, вот такого рода дисциплина показывает сбитость коллектива.

Конечно, бывали случаи очень жестоких наказаний, которые я никак не мог одобрить, но не отрицаю того, что эта жестокость наполняла коллектив единством, глубокой гордостью, что человек принадлежит коллективу...

Как-то раз у меня случилось большое несчастье. Дежурный бригадир, который вел коммунарский день, которому оказывалось большое доверие, с которым в течение дня нельзя говорить без положения «смирно», заявил, что у мальчика Мезяка пропал радиоприемник, купленный на заработанные им деньги.

Вечером на общем собрании (а общее собрание было ежедневно) этот самый дежурный бригадир Иванов разбирал это дело. Вора найти не могли. Воровства в коммуне вообще не было. На другой день утром пацаны пришли и сказали мне, что на сцене под суфлерской будкой под полом стоит радиоприемник. Они сказали: «Мы спрячемся за кулисы и посмотрим, кто его возьмет». Они три дня простояли за кулисами не выходя, стояли не дыша и дожидались. Тот, кто украл, тоже был осторожен. Иванов придет, станет на сцене, потом прыгнет вниз, постоит и уйдет. Так продолжалось несколько дней. Фактически никаких доказательств нет. Пацаны больше терпеть не могут. И они решили. Когда вошел Иванов, они все хором сказали: «Ты взял радиоприемник». И тот был пойман.

Его судило общее собрание, и не за то, что он украл и сам разбирал дело, а за то, что он спрятал радиоприемник в самой колонии и мучил бедных пацанов и хотел продать приемник. Собрание постановило — выгнать. Выгнать из коммуны — это значит под открытое небо. Я не утвердил постановление. Они кричали возле моего кабинета целый вечер, что я зажимаю самокритику, что разрушаю коммуну, и по телефону заявили протест в НКВД о моих неправильных действиях. Прибыли из НКВД, уговаривали их: «Что вы делаете, нельзя выгнать». Они слушают, аплодируют, а голосуют за то, чтобы выгнать. На третий день приехал начальник и пристыдил их. «Не стыдно ли вам, что в коммуне живут изверги?» Все смеются. Тогда этот чекист говорит: «Преклоняюсь перед вашим единством, перед вашей уверенностью в себе. Неправильно мы слюнтяйничали, нельзя прощать таких врагов. Правильно вы поступили». Его [Иванова] выгнали, но тут же за воротами его взял милиционер и перевез в другую колонию (конечно, коммунары об этом и не знали и считали, что его выгнали на все четыре стороны). И теперь еще, когда я говорю уже со студентами (бывшими коммунарами), что он пропал, они говорят, что так ему и надо, что таким нечего жить на земном шаре.

Это жестокость, с которой нужно бороться, и я с ней боролся по мере сил, но эта жестокость говорит о том, что здесь есть коллективный интерес, коллективный характер. Ведь эти 500 человек так наладили каждый свой характер, что получился общий характер. Разумеется, есть разница, пока он в коллективе — у него один характер, наедине — у него другой характер, но по мере развития колонии личный характер делается все ближе к общекоммунарскому идеалу. Этот характер проявлялся в некоторых коммунарских законах. Я перечислю некоторые законы[3].

Никогда коммунары не просят прощения. Пока ты не наказан — ты можешь доказывать, что ты прав, но как только тебя наказали, считается неприличным доказывать, что ты прав. Считалось, например, что коммунару обязаны верить на слово. Коммунаром назывался каждый воспитанник через 4 месяца после его поступления в коммуну, носящий значок, и у такого коммунара были привилегии, ему обязаны были верить на слово. Также неприлично было проверять рапорт. Дело доходило до чертиков в области чистоты. Проверка чистоты происходила каждое утро, и постепенно чистота улучшалась, и наконец дошло до того, что дежурному члену санкома выдавался платок — смотреть, нет ли пыли. Он вытирал портреты, стулья, и если на спинке стула оказывался волосок, то отмечалось, что в такой-то спальне грязь. Сказать «не верим» нельзя было, за это полагалось три часа

ареста за возражение рапорту, и если бы я не налагал ареста, то мне сказали бы, что я распускаю коммуну. Считалось, что в этот момент человек соврать не может, и пускай десять свидетелей говорят, что дежурный не прав, но раз он сказал во время дежурства, значит он соврать не мог. Вот эта убежденность, что человек соврать не может, уже называется этикой.

Вообще в коммуне также бывали Хлестаковы, но когда он делает то, что фактически делает не он, а уполномоченный коллектива, — он соврать не может, и это действительно было так.

Вот так надо поднять значение уполномоченных коллектива и у вас. Если вы добьетесь такого положения, что ваш староста или уполномоченный в глазах коллектива не может врать, — значит, вы добились коллективного рефлекса, уважения к своим собственным магистратам. Это возникает после длительного коллективного воспитания — это дружба, и даже не просто дружба, а обычай дружбы.

Считается также неприличным, когда два члена коллектива подерутся в стенах коммуны. В коммуне им. Дзержинского были драчуны, но они должны были выйти за границу коммуны и там подраться, а в коммуне было неприлично и стыдно драться. Потом случалось, что приводят коммунаров в синяках, измазанных, грязных. Я спрашиваю: «Вы дрались?» — «Нет». — «Вдвоем дрались?» — «Нет». — «Вы были в ссоре?» — «Нет». — «Ведь все же знают». — «Вам об этом никто не может сказать, за то, что делается за границей коммуны, мы не отвечаем». Этот закон не был нигде написан, но он строго исполнялся.

Для того чтобы это было, необходимо воспитать особое чувство... В нашей теоретической педагогике не пояснено, что такое способность ориентировки. Вы должны чувствовать, кто стоит позади вас, — друг или враг. У нас это в школе не воспитывается, и учащиеся не чувствуют того, что их окружает. Нет умения знать, где ты находишься, как нужно вести себя в данный момент. Я придавал этому огромное значение и потом об этом не жалел. Мы совершили восемь походов по Кавказу, Волге, Крыму и т. д., и там эта способность ориентировки очень пригодилась. Умение ориентировки — умение найтись и знать, что делать в любой обстановке. Ориентировка может быть воспитана только тогда, когда человек знает, что он член коллектива, что каждое движение в коллективе для него дорого, дороже своего личного интереса. Вот это я называю настоящим большевистским воспитанием характера.

Чрезвычайно важный вопрос — это уметь приказать товарищу и уметь товарищу подчиниться. Это та трудность, которую меньше всего умеют воспитывать и никогда нельзя было бы воспитать, если бы не создали коммунистического коллектива, а в коммунистической этике на этом все построено. У нас полное равенство, и поэтому у нас начальство — товарищ и подчиненный — товарищ. Воспитать умение приказать и подчиниться товарищу — большое достижение в области политического воспитания.

Я для этого дела не жалел никаких трудов и опытов, и помогали мне в этом комсомольцы и старшие коммунары. Мы иногда выбирали командиром двенадцатилетнего мальчишку. Мы понимали, что он командир слабый, но он из всех сил старался быть командиром хорошим. Дежурный по коммуне имел большую власть. Утром он обходил все спальни,

и когда подавалась команда отряду «Смирно!» — он говорил: «Здравствуйте, товарищи!» Он являлся начальником на сегодняшний день. Представьте себе, что этот пацан имел право встретить члена бюро комсомольской ячейки и сказать: «Видишь, тряпка лежит, надо ее убрать», и ему отвечали: «Есть, товарищ командир!» И если ему не отвечали как следует, он писал рапорт. Конечно, этот командир принимал все это всерьез. И в дальнейшем мы этому придавали огромное значение — уметь подчиниться товарищу не потому, что он сильнее физически, не потому, что он умнее, а потому, что его уполномочил коллектив, и потому, что он за коллектив отвечает. Это явление советского порядка.

Точно так же очень многое можно воспитать в характере по отношению к труду. У очень многих среди молодежи есть такое представление: это труд плохой, это чистый труд, это грязный труд.

Последние годы в коммуне было правило (уборщиц там не было): убирали коммуну авральной работой. Кто натирал паркет, кто мыл стекла, кто мыл пол, убирал уборную и т. д. На всю уборку выкраивалось 15 минут. Сначала за месяц спорили, кому какая уборка: кто будет убирать театр, кто клуб, кто мой кабинет, а кто будет уборную мыть. Конечно, самой противной уборкой была уборная, и давалась эта уборка самому худшему отряду. Потом решили, что это большая морока, каждый раз вытягивать номерки, и решили тянуть жребий, потом тянули жребий на полгода. Потом как-то случилось так, что такой-то отряд выделился в июне. Говорят: «Это героический отряд, давайте им дадим мыть уборную»[4]. — «А что же вы думаете, не возьмем?» И стал, как правило, лучший отряд мыть уборную, и это считалось его привилегией, и он этим гордился: «Вы что, пол натираете, а вот попробуйте заработать уборную убирать». Вот такое отношение к труду должно быть воспитано не только по отношению к коллективу, но и по отношению ко всему Советскому Союзу.

Это очень легко распространяется.

Такой человек, который живет интересами коллектива, — если он еще политически образован, подкован марксистско-ленински, то это есть настоящий большевистский характер. Без такой закалки, без воспитания чувства преданности к коллективу и простого ясного понимания внутриколлективных отношений политическое воспитание невозможно.

Дети в стране социализма

Я работал учителем начальной школы до революции и продолжаю работать с детьми по сей день. Великие перемены произошли за последние двадцать лет в жизни народа, населяющего территорию бывшей Российской империи. Когда начинаешь, в частности, изучать положение детей, то, естественно, возникает желание сравнить цифровые показатели прошлого и настоящего. Но разница между старым и новым так велика, что рассудок теряет способность постигать эти статистические сравнения. Если, например, мы скажем, что количество средних школ в сельских местностях за последние двадцать лет возросло на 19 000 процентов — девятнадцать тысяч!,— то такое статистическое сравнение превосходит возможности нашей фантазии.

Всему миру известно, что царский режим создавал каторгу для маленьких детей. Если в культурном отношении наша страна тогда отставала от других стран, то в отношении детской смертности она не имела себе равных. Причинами этой большой смертности были низкий жизненный уровень подавляющего большинства населения, жестокая эксплуатация рабочих в городах, страшная бедность крестьян в сельских местностях и использование малолетних на непосильной для них работе.

Положение резко изменилось в настоящее время. По сравнению с 1913 г. национальный доход Советского Союза возрос в пять раз. В результате ликвидации эксплуататорских классов весь национальный доход стал достоянием народа, уровень жизни которого повышается из года в год. Несмотря на огромный рост промышленного производства и большой спрос на рабочую силу, советский закон запрещает использование труда детей моложе 14 лет. В шахтах и на других вредных для здоровья производствах он запрещает также труд подростков моложе 17 лет. Дети в возрасте от 14 до 16 лет допускаются к работе только с разрешения инспектора труда. Они работают четыре часа в день под руководством опытных инструкторов. Вот почему вы никогда не увидите советского подростка, даже в малейшей степени страдающего от усталости. Вы никогда не увидите детей, заморенных непосильным трудом.

Это, конечно, не значит, что в Советском Союзе дети воспитываются безответственными людьми и лодырями. Наоборот, мы предъявляем большие требования нашим детям: мы требуем, чтобы они хорошо учились в школе, мы требуем, чтобы они развивались физически, чтобы они вырастали достойными гражданами СССР, чтобы они знали, что происходит в стране, к чему стремится наше общество, в каких областях жизни преуспевает, а в каких еще отстает. Мы даем детям общее и политическое развитие, помогаем им стать активными и сознательно дисциплинированными людьми. Но у нас нет ни малейшей причины применять к ним физическое наказание или причинять им малейшее страдание. Наши дети, чувствуя, какой любовью, вниманием и заботой мы окружаем их на каждом шагу, осознают свои обязанности и, морально убежденные, выполняют эти обязанности, не томясь, а охотно.

Наши дети видят: все, что они делают, необходимо не для удовольствия старших, а для них самих и для всей будущности нашей Родины. Советским детям чуждо всякое чувство лести и угодливости. Им не приходится унижаться перед начальством, от которого зависит их судьба.

В нашей стране чувство зависимости от другого лица, от хозяина, нанимателя, мастера, чуждо не только детям, но и взрослым — оно у нас давно забыто, отошло в прошлое. Наши дети лучше, чем кто-либо другой, чувствуют свежесть воздуха своего социалистического Отечества. Вот почему они могут свободно учиться, развиваться и готовиться к будущему. Вот почему они уверены в своем будущем, любят свою Родину и стремятся стать достойными гражданами, патриотами СССР.

На примере своих родителей и всех окружающих они видят, что перед ними открыто любое поприще, все пути, что успех целиком зависит от их прилежания и честного усердия в школьных занятиях.

Перед советскими юношами и девушками, кончающими начальную или среднюю школу, открыто столько путей, сколько есть профессий и

специальностей, они имеют право и возможность выбрать любую из них. Не существует никаких непреодолимых трудностей, которые препятствовали бы их выбору. Юноши и девушки, желающие поступить в вуз, знают, что они могут поехать в другой город, если нужно, не беспокоясь о жилье и питании, так как каждый вуз имеет общежития, и каждый студент имеет право на стипендию от государства, независимо от того, есть у него родители или нет.

Однако свобода — не единственное достижение, каким пользуются наши дети благодаря условиям, присущим советскому общественному строю. Эти условия стимулируют целеустремленную работу в школе и дают уверенность в будущем.

Уже в первые годы Советской власти Рабоче-Крестьянское правительство мужественно взяло на себя заботу о миллионах беспризорных, появившихся в результате первой мировой войны 1914 г. и вооруженной интервенции 1918—1921 гг. Это бремя молодое Советское государство взяло на себя в тот период, когда оно вело войну на всех рубежах и боролось с экономической разрухой и голодом, охватившим большие районы. Несмотря на все это, Советское правительство уделяло большое внимание детям. В нашей стране было много бездомных беспризорных детей, которые лишились родителей, не имели родственников или опекунов,— детей, шатающихся по улицам городов и деревень.

Но и эти дети выросли квалифицированными рабочими и хорошими гражданами. Советское общество не только дало каждому из них кров и пропитание, но и обучило их и подготовило к честной трудовой жизни. Много лет прошло уже с тех пор, как наша страна покончила с бродяжничанием детей. На наших фабриках и в учреждениях вы часто встретите бывших беспризорных, которые в настоящее время занимают ответственные посты и пользуются уважением своих сотрудников и всего общества.

История борьбы с бродяжничанием детей, которое вызвало столько злорадства и клеветы со стороны наших врагов, доказала, что советское общество не жалеет усилий и средств для благополучия детей и делает это, не унижая ребенка, а соблюдая полное уважение к его личности. Только этим можно объяснить тот замечательный факт, что, несмотря на большие трудности, какие иногда возникали в процессе нашей борьбы на этом фронте, Советское правительство ни разу не прибегло к помощи физических наказаний или детской тюрьмы. Оно предпочитало полагаться на обучение и выбор труда по склонности, этим помогая беспризорным стать достойными гражданами своей страны.

Однако борьба по ликвидации детской беспризорности составляет только небольшую часть той огромной работы с детьми, которую советское общество провело в течение 21 года. Подавляющее большинство населения России в царское время было безграмотным. Считалось само собой разумеющимся, что правящие классы и государственная власть не проявляют никакой заботы о народе, тем более о детях. Детские площадки, детские сады, ясли были неизвестны широкому большинству народа даже по наименованию. Советское общество должно было создавать все это буквально из ничего.

В настоящее время даже в самых отдаленных районах Советского Союза население на своем собственном опыте видит, что первейшей за-

ботой социалистического государства рабочих и крестьян является воспитание детей. Построены тысячи школ, созданы алфавиты языков многих народностей, появились новые писатели, подготовлены новые кадры учителей для обучения тех народов, которые до революции не имели письменности и часто не знали даже назначения бумаги. Ясли, детские сады, детские клубы сделались необходимыми элементами советской жизни, и никто в СССС не может себе представить жизни без этих учреждений.

Ко второму пятилетнему плану (1933—1937) для детей было построено 864 Дворца и клуба, 170 детских парков и скверов, 174 детских театра и кино, 760 центров для технического и художественного образования детей. Эти центры посещают более 10 миллионов детей. С 1933 по 1938 г. было построено 20 607 новых школ. В СССР уже введено всеобщее начальное обучение, а по третьему пятилетнему плану (1938—1942) будет введено всеобщее среднее обучение в городах и всеобщее семилетнее обучение в сельских местностях. Эти цифры показывают, какие большие усилия прилагаются, чтобы дать советским детям счастье и цель в жизни.

Поразительным примером являются детские лагеря и разные мероприятия по организации отдыха детей в летние каникулы. По окончании учебного года большинство детей направляется на отдых за город. Детские лагеря организуются государством, профессиональными союзами и промышленными предприятиями. Каждый завод и каждое учреждение в СССР имеют для этого соответствующие возможности и ассигнования. Лагеря организуются в окрестностях каждого города; особенно их много в южных районах Советского Союза — в Крыму и на Кавказе. В 1939 г. в летних лагерях будет отдыхать 1 400 000 детей. Кроме лагерей стационарного типа существуют и подвижные лагеря.

Я сам, например, со своей детской коммуной совершил семь больших походов по СССР. Располагая палатками, лагерным оборудованием и продуктами, моя коммуна покрыла тысячи километров по железной дороге, по воде и пешком. Мы совершили походы в Крым и на Кавказ, на берег Азовского моря, прошли через Донбасс. Мы плавали по Черному морю и по Волге. Мы разбили свои палатки в Сочи, Ялте, Севастополе и на берегу Донца. Всюду нас тепло принимало местное население, люди показывали нам свои заводы, детские учреждения, клубы. Нет лучшего метода развития и образования молодежи, как эти летние походы.

По окончании обучения в средней школе советские юноши и девушки не только приобрели знания, но и обогатили себя впечатлениями от встреч с людьми, от знакомств с их трудом и психологией.

Но и в зимнее время развитие советских детей не ограничивается стенами школы. После занятий в школе они идут в пионерские клубы, которые с каждым годом совершенствуются и превращаются в первоклассные детские учреждения исследовательского типа, центры художественного воспитания детей. Здесь каждый школьник может получить консультацию и найти полезное занятие, если в нем жива искра любознательности и самобытности.

У советских детей удивительная тяга к механике. Среди детей в возрасте от двенадцати до шестнадцати лет почти невозможно найти кого-либо, кто не заинтересовался бы вопросами техники или не был бы знаком с основ-

ными законами наиболее простых машин. Этот жадный интерес к механике и технике удовлетворяют не только клубы, специально организованные для этой цели, но и большое количество технических журналов и книг для детей. Эти ценные пособия служат подготовке технических кадров для молодой промышленности СССР.

В армии и на флоте, в искусстве, литературе и политике молодое советское поколение доказывает на каждом шагу, что внимание, которое уделяется детям в СССР с самого раннего возраста, дает уже богатые плоды.

Из статьи «О коммунистической этике»

...Несомненным представляется, что в порядке предупреждения каких бы то ни было неудач в области коммунистического воспитания, во всяком случае для более совершенного и качественного яркого успеха широкой воспитательной работы, перед нами стоят две важнейшие задачи.

Первая — огромная, творческая марксистская работа по определению и разрешению всех вопросов теории коммунистического воспитания и коммунистического поведения. Само собой разумеется, что одно перечисление признаков правильного поведения не решает дела. Для нашего общества настоятельно необходима не простая номенклатура нравственных норм, а стройная и практически реализуемая цельная нравственная система, выраженная, с одной стороны, в серьезнейших философских разработках и, с другой стороны, в системе общественных этических традиций. По своей цельности, ясности, убедительности и привлекательности для широких масс, по своему соответствию живым потребностям нашей жизни и нашего развития такая система этики должна оставить далеко за собой решительно все моральные кодексы, когда-либо существовавшие в истории. И эта идейная цельность и чистота коммунистической этики облегчат и ускорят нашу победу над пережитками капитализма.

Вторая важнейшая задача именно и состоит в разрушении этих пережитков. В этой области, в области борьбы с пережитками, у нас сделано очень много. То, что сделано, должно быть отнесено к влиянию сил нашей жизни, Коммунистической партии, к самому факту нашей революции, к нашей двадцатиоднолетней свободной истории, к опыту наших коллективных усилий и наших коллективных побед. К сожалению, этот богатый и ценный опыт недостаточно проанализирован философской и педагогической мыслью.

Специально над вопросами борьбы с пережитками прошлого мы работали очень мало, еще меньше занимались узнаванием и определением этих пережитков, мало занимались их учетом. До сих пор мы пробавляемся слишком общими утверждениями, имеющими характер домашних справок на тот или иной случай жизни. Мы хорошо знаем, например, что ревность есть пережиток прошлого, что жадность, шкурничество, зависть, разврат, пьянство — тоже пережитки капитализма.

И у нас есть тенденция: все, что плохо, все, что портит наши отношения, работу, нервы, искажает наш быт, причиняет страдания,— все это огулом считать пережитками капитализма и на этом заканчивать нашу аналитическую работу.

На самом деле, разумеется, дело обстоит не так легко и не так просто. Некоторые недостатки нашего быта и наших характеров порождены по нашей вине, по вине неразработанности новой этической системы и недостаточного изучения новых нравственных традиций. Многое происходит вследствие причин совершенно здоровых: нашего бурного роста, нашей исторической молодости. Кое-что объясняется еще тем прекрасным пафосом, которого так много в нашей жизни: именно здесь лежит объяснение несколько излишней нашей темпераментности, горячности, увлекаемости, поспешности, задора, иногда удальства, проявляемых во всех тех случаях, когда человеку поразмыслить некогда, а хочется докончить начатое, невзирая на то, что это начатое знаменует некоторую неряшливость ориентировки. Все это недостатки иногда очень досадные, иногда даже печальные, но в общем своем движении они направляются к нулю и рано или поздно исчезнут.

Совсем другое дело — действительные пережитки капитализма и вообще пережитки прошлого. Они еще многочисленны и часто разлиты в обществе предательски незаметно, неощутимо для глаза, таятся в глубоко скрытых мотивациях поступков, намерений, желаний. Иногда они проявляют себя в открытых движениях, явно дисгармонирующих с общим стилем нашей жизни, а часто, наоборот, они хорошо спрятаны в мимикрии советского поведения и даже «марксистской» фразеологии. Они составляют тот невыразительный, но тем не менее ощутимый фон, на котором иногда рисуются и советские — наши события, а большею частью и ничего не рисуется, а спокойно стоит, ровное, молчаливо-безразличное внимание: что будет завтра? Пережитки эти никогда не объединяются в явления сколько-нибудь значительные или бросающиеся в глаза, потому что живые «бациллоносители» — обыкновенно люди, искренне советские и даже не знающие, какого врага они в себе носят. Поэтому бороться с такими пережитками с каждым в одиночку в каждом случае наново просто невозможно и неэкономно. Наша жизнь протекает так энергично, у нас столько забот, впечатлений, стремлений, починов, что часто нельзя обвинить того или другого товарища в том, что он не протестует против происходящего на его глазах мелкого припадка старого. Кроме того, такая одиночная борьба, попытка слабого протеста может принести не пользу, а вред, она усиливает сопротивление, вызывает агрессивное нарастание пережитка.

Еще раз приходится отметить, что пути борьбы с подобными пережитками в быту, в общении часто остаются неясными. Мы не знаем, что применить в том или другом случае: решительное подавление, протест, деликатное убеждение или молчаливую игру игнорирования в надежде на наступающее естественное отмирание пережитка, тем более возможное, чем более сильное воздействие на «бациллоносителя» оказывает вся наша жизнь.

Вероятно, в каждом отдельном случае требуется и отдельное решение этого вопроса, но можно все же утверждать, что настоящая борьба с этими пережитками должна вестись организованно по всему их фронту, с учетом одного важнейшего обстоятельства: все эти остатки старого — вовсе не случайный набор вредных атавизмов. Они образуют систему, в общей своей сложности представляют остаток доживающей, но живучей старой этики. Отдельные детали этой системы не просто соседствуют, они логически свя-

заны, они поддерживают друг друга, и вредное значение всей системы гораздо больше простой математической суммы отдельных пережитков.

Эта старая этическая система, еще до сих пор направляющая довольно широкие потоки поступков, выросла на религиозной почве. Сюда я отношу не только этику православного или католика, а и еврея и магометанина — всю накопленную историей этическую жизнь классового общества.

Может казаться, что от этой старой нормы у нас ничего не осталось. На самом же деле остался моральный опыт, вековая традиция поведения. Все это продолжает жить в нашем обществе в качестве сложного и скрытого пережитка, истинная сущность которого не всегда очевидна и иногда кажется даже революционной.

Говоря о системе религиозной морали, нужно разуметь не только официально высказанные ею положения, но и все те исторические формы, которые, естественно, из этих положений выросли. Поэтому нас совершенно не интересует какая-нибудь ортодоксальная догматика. Для нас одинаково важно и то, что религии формально считают положительным, и то, что относится, так сказать, к искривлениям — к сектантству. Искривления эти есть плоть от плоти всей этической системы, они заложены в самой ее сущности. Для нас важен весь мир этого морального опыта, вся его фактическая инструментовка.

Если обратиться к христианству, то и здесь правила поведения выросли в развитии общества, основанного на эксплуатации, и были прежде всего необходимы для более успешного процесса эксплуатации. Именно поэтому христианская мораль внедрялась в сознание трудящихся, в этом сознании она создавала нормы поведения, а самое главное — в историческом опыте она создавала традиции поведения. Нужно при этом отметить, что эта система этики сделана искусно. Если бы она была построена так же грубо, как мифология или догматика, нам сейчас пришлось бы наблюдать гораздо меньше пережитков.

Христианская религия существует около двух тысяч лет, и за это время не так уж много было людей, которые серьезно могли верить в троичность божества, или в непорочное зачатие, или в грехопадение прародителей. А если даже и пытались верить, то едва ли сомневались в настоящей сущности служителей культа в условиях эксплуататорского строя. И в литературе, и в народном творчестве нет, кажется, ни одного образа, изображающего церковников в виде, вполне адекватном их официальной святости.

В историческом развитии эксплуататорского общества церковная иерархия складывалась как аппарат принуждения и классового порабощения. Недаром в эпоху пугачевского восстания, происходившего как будто в довольно религиозное время, народ расправлялся с попами так же, как с помещиками. В этой своей части все религиозные культы сделаны грубо. Совсем иную историю переживают этические религиозные системы, в частности христианская. Нет никакого сомнения в том, что эта система родилась гораздо раньше официальной церкви, родилась при этом, безусловно, в среде подавленных и порабощенных классов в эпоху плачевного отчаяния. Это была попытка утвердить хотя бы самые малые признаки своего человеческого достоинства.

Потеряв всякие надежды на какой бы то ни было суррогат свободной

жизни, люди решились на самоубийственную попытку найти эту свободу в пессимистическом индивидуализме, в полном отказе от борьбы, от сопротивления. Нравственное «совершенство», заключающееся в отказе от счастья, в беспредельной, противоестественной уступчивости, в добровольной отдаче себя в распоряжение первого попавшегося ближнего, было все-таки утверждением личной, «моей» силы — пусть даже эта сила только и проявляется в насилии над собственными страстями.

Эта основная идея обладала чрезвычайно важными особенностями, «счастливо» определившими ее двухтысячелетний успех и живучесть...

Если говорить о классовом лице такой этической системы, то нужно признать ее удивительную универсальность: этический максимализм, заключающийся в максимуме покорности и непротивления порабощенных — плоть от плоти эксплуататорского общества, ничем лучшим заменен быть не мог. Такая этика оказалась очень живучей как привычка, как система нравственных традиций, как закрепленная опытом нравственная логика. И ей обеспечено было длительное существование вплоть... до пролетарской революции, положившей конец классовому обществу. Несмотря на свое смирение, подчеркиваемое на каждом шагу, старая мораль насквозь индивидуалистична. «Праведнику» нет никакого дела до коллектива, общества, до ближнего. Если его ударить в правую щеку, он подставляет левую, беспокоясь в этом случае только о своем совершенстве, о своей заслуге. Его абсолютно не интересует тот изувер, который колотит по щекам своих «ближних». С таким же усердием «праведник» готов разводить клеветников, ибо прямо рекомендуется: если вас преследуют, «ижденут и рекут всяк зол глагол на вы лжуще»*,— вы не только не должны огорчаться, или жаловаться, или беспокоиться, напротив, вы должны «радоваться и веселиться», так как ваша личная «премия» — «мзда» от такого несчастья значительно повышается — «много на небеси».

Разумеется, на практике немного находилось охотников совершать подобные подвиги, и дело совсем не в этом. Существенным здесь является полное безразличие отдельной личности к интересам общества, решение морального вопроса в пределах узкого, индивидуального устремления. Этическая норма находится, следовательно, в полном, безраздельном владении личности. Эта личность привыкла не всегда подставлять щеку, правую или левую, но она крепко утвердилась в своем праве на личное совершенствование, а отсюда уже пошли многие тенденции индивидуализма. Они еще живут даже в нашем обществе. Иногда это тенденция личного чванства, одинокой слепой гордости своим «совершенством» без всякой мысли об общественной пользе, иногда это личное кокетство, эстетический припадок нравственного эгоизма, для которого собственная слеза дороже общей радости.

Ревнивая, пропитанная личной нравственной жадностью и самолюбованием, этика индивидуалиста на каждом шагу отталкивает человека от общественных явлений. «Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким и вас будут судить». Это значит — не обращайте внимания на все то, что вокруг вас происходит, не ввязывайтесь в неприятности,

---

* Гонят вас и клевещут на вас.

руководствуйтесь правилом «моя хата с краю». Полная непротивления по отношению к другим, такая этическая норма не так много требует и от самого субъекта совершенствования. Все совершенствование заключается в пассивности, поэтому одним из главных отличий этики сделалось универсальное положение: ничего ни при каком случае не нужно требовать ни от других, ни от себя. «Грех» — поступок неправильный, противоречащий даже прямым нормам этики,— не такое страшное дело, всегда можно покаяться, пережить новый припадок унижения и после этого можно жить спокойно и даже рассчитывать на царствие небесное...

Нельзя подсчитать, невозможно охватить взглядом этот двухтысячелетний нравственный опыт человечества, основанный на прямом утверждении: тяни как-нибудь свою лямку, думай только о себе, не связывайся с неприятностями, не требуй ничего ни от других, ни от себя, а нагрешишь — всегда успеешь покаяться.

Подобная нравственная система была необходима для того, чтобы классовое подавление, всеобщая и ничем не сдерживаемая эксплуатация могли существовать с «чистой совестью» и с наибольшими успехами...

Коммунистическое поведение, коммунистическая нравственность, коммунистическое воспитание должны иметь иные линии развития, совершенно новые формы и новую терминологию. Линия раздела между «хорошим» и «дурным» должна проходить у нас по абсолютно новым местам. Христианская этика не интересовалась вопросами труда и трудовой честности. «Посмотрите на птиц небесных, они не сеют, не жнут, не собирают в житницы, а живут». У нас труд есть дело чести, дело доблести, геройства. В нашем обществе труд является не только экономической категорией, но и категорией нравственной. То, что считалось нормальным — нищенство, попрошайничество, беззаботность,— у нас должно считаться прямым преступлением.

Логической осью нашего нравственного закона ни в какой мере не может быть обособленный индивид, безразлично относящийся к общественным явлениям. Наш поступок должен измеряться только интересами коллектива и коллективиста.

Поэтому даже одноименные добродетели, которые как будто признавали прежде и признаем мы, в сущности, совершенно различные явления. Честность «праведника» и честность коммунистическая — принципиально разные вещи.

Честность всегда начиналась со слов «не хочу» — не хочу чужого, не хочу лишнего, не хочу неправильного.

Наша честность всегда должна быть активным требованием к себе и к другим: хочу и требую от себя и от других полного внимания к общим интересам, полного рабочего времени, полной способности отвечать за свое дело, полного развития сил, полного знания, хочу и требую наиболее совершенных, наиболее правильных действий.

Очень многие категории поступков, в старой этике стоявшие вне пределов моральной нормы, у нас делаются моральными категориями. Все то, что усиливает или ослабляет связь между людьми, что, следовательно, объединяет или разрушает коллектив, в нашем обществе не может считаться безразличным по отношению к нравственной норме. В коммунисти-

ческом обществе, например, точность, способность приходить вовремя, выражаться определенно, требовать ясно и ясно отвечать будут обязательно проверяться с этической точки зрения, а не только с точки зрения деловой...

В старом мире деловитость была преимуществом отдельных людей, в меру этого преимущества они поднимались по общественной лестнице, приобретая более совершенные способности эксплуататоров. Поэтому воспитание деловитости было воспитанием личной, индивидуальной силы, которой противополагалось обязательно известное бессилие в этой области большинства людей. Деловитость становилась преимуществом меньшинства над большинством. С нашей точки зрения, следовательно, такого рода деловитость была явлением, в известной мере безнравственным.

В нашем обществе деловитость становится достоинством, которое должно быть у всех граждан, она делается критерием правильного поведения вообще — деловитость становится, таким образом, явлением нравственного порядка.

Мы не имеем возможности в этой статье сделать просмотр всех направлений человеческого поступка в нашем обществе, для этого требуется, конечно, длительное и специальное исследование. Но мы уже видим, что сами критерии нравственного и безнравственного, правильного и неправильного у нас новые. И коммунистическое воспитание наше отличается от «нравственного» воспитания старого мира не только в перечне нравственных норм, но и в характере самого воспитательного процесса. Так, например, можно указать уже с достаточной уверенностью, что нравственное воспитание коммунистического человека прежде всего базируется на воспитании его способностей, на развитии его сил, его созидательного, творческого актива. Личность в нашем обществе совсем не то, что личность в обществе классовом. Те способности, которые в классовом обществе выращивались по секрету для вящего преимущества одного человека перед другим, которые поэтому не делались объектом научного изучения и исследования, у нас должны сделаться предметом самого широкого педагогического внимания. К таким способностям относятся, например, способности ориентировки, композиции, конструкции, вкуса и многие другие.

Только такой человек, человек, воспитанный в коллективистической этике, человек, гармонично связавший свои интересы с интересами общими, способен очень просто и очень легко понять значение знаменитой формулы: «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Индивидуалист никогда этой формулы понять бы не мог. Для него потребности каждого определяются жадностью каждого.

И вместе с ним кое-кто разводит еще руками и удивляется: как же это возможно? Если каждому дать по потребности, каждый и набросится на общественное добро. К счастью, это не так. Уже в настоящее время в нашей стране очень много людей, которые способны жить по этой формуле и ничего не будут расхватывать и тащить в свои дома. Они уже понимают, что нельзя определить мои потребности, если не думать о потребностях всего общества... Мы уже много сделали в области коммунистического воспитания, в особенности много сделали в широком воспитательном процессе, гораздо меньше в воспитательном процессе детского возраста. Перед

нами стоят большие трудности, требуется еще теоретический анализ вопросов коммунистического воспитания, требуется еще создать кадры для этого колоссального дела, но фундамент его уже заложен.

Самое важное, что нам предстоит,— это накопление традиций коммунистического поведения[1]. Мы иногда злоупотребляем словом «сознательный». Наше поведение должно быть сознательным поведением человека бесклассового общества, но это вовсе не значит, что в вопросах поведения мы всегда должны апеллировать к сознанию. Это было бы слишком убыточной нагрузкой на сознание. Настоящая широкая этическая норма становится действительной только тогда, когда ее «сознательный» период переходит в период общего опыта, традиции, привычки, когда эта норма начинает действовать быстро и точно, поддержанная сложившимся общественным мнением и общественным вкусом. В. И. Ленин говорит об этом в «Государстве и революции»: «...уклонение от этого всенародного учета и контроля неизбежно сделается таким неимоверно трудным, таким редчайшим исключением, будет сопровождаться, вероятно, таким быстрым и серьезным наказанием... что *необходимость* соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет *привычкой*»[2].

Воспитание в семье и школе

Воспитание детей в семье и школе — это тема такая огромная, что о ней можно говорить не один вечер, и, пожалуй, всего не скажешь. За один вечер мы сможем коснуться только кое-каких главных вопросов. А вот в главном-то я, может быть, и неспециалист. Вы спросите, почему? Да вот сами увидите. Я расскажу вам коротко о себе.

Я учитель. Учитель с 17 лет. Первые 16 лет я работал в железнодорожной школе. Я сын рабочего и учительствовал на том заводе, где работал отец. Проработал 16 лет. Это было еще при старом режиме, в старой школе.

Первые 16 лет моей педагогической работы я в таких решающих, труднейших вопросах, как связь семьи со школой, плавал, хотя находился в более благоприятных условиях, чем многие из вас.

Почему? Да потому, что я был учителем, а потом заведующим заводской школой, которая и объединяла детей рабочих одного завода, одного рабочего поселка. И я сам был членом рабочего коллектива, членом рабочей семьи. И мои ученики, и мои родители представляли собой единое небольшое рабочее общество одного завода.

Следовательно, возможности у меня были очень большие. У вас в Москве этих возможностей, пожалуй, меньше, так как вы объединяете детей по признаку их территориального размещения.

Их родители не связаны в единый рабочий коллектив. Вы имеете, может быть, меньше возможностей подойти к семье, чем я. Но зато у вас такое прекрасное условие, как Советская власть. У меня тогда этого условия не было. В то время была старая самодержавная Россия.

После революции судьба отдалила меня от семьи. Шестнадцать лет

я работал с ребятами, не имеющими родителей, не имеющими семьи. С родителями я почти и не встречался.

Правда, за последние годы я опять приблизился к семье, но моя основная работа при Советской власти — это работа в учреждениях, в которых жили воспитанники, «принципиально» не признающие семьи.

И если у нас появлялся ребенок, у которого где-то далеко на горизонте были папа и мама, то к такому ребенку относились несколько свысока: ты, дескать, плебейского происхождения, а мы настоящие аристократы улицы.

Если же папа и мама располагались настолько близко, что иногда заезжали даже в коммуну, то их встречали очень нелюбезно и говорили: что вы сюда ездите? Что вам здесь нужно? Мы без вас управляемся хорошо, и ваш сын без вас тоже прекрасно управится, и нечего вам здесь делать.

Были случаи и более трагические.

У меня был один замечательный случай. Произошел он в интересной обстановке.

По поручению какой-то кинематографической организации приехал ко мне кинооператор заснять коммуну им. Дзержинского в Харькове. Юркий старичок, из тех, которые все умеют видеть, все умеют найти, очень разбитной, очень расторопный.

Он пришел в восторг от коммуны. Все ему нравилось. И вот в тот момент, когда я с ним в кабинете о чем-то договаривался, совершенно неожиданно вваливается товарищ довольно культурного вида, но видно, что человек только что из вагона, очень запыленный, и говорит:

— Я приехал из Мелитополя. Я получил сведения о том, что у вас живет мой сын Вася Столяров.

— Да, есть такой.

— Так вот я его отец. Он убежал из дому, я его полгода искал, теперь узнал, что он у вас, приехал за ним.

Человек волнуется, голос у него дрожит.

— Ну что ж, пожалуйста, позовите Васю.

Прибыл Вася. Мальчику лет четырнадцать. Мальчуган полгода пробыл в коммуне. В форме, подтянутый, умеет стоять, умеет смотреть, все как полагается. Пришел, встал, спрашивает:

— Вы меня звали?

— Да, приехал твой отец.

— Отец?

Ну, уж здесь все формы исчезли: бросились друг к другу в объятия, целуются, любовь необычайная: отец любит сына, сын любит отца и т. д.

Кончились объятия и поцелуи. Мальчик привел себя в порядок. Отец говорит:

— Так вы его отпустите со мной?

— Пожалуйста, решает сын. Как он захочет, так и будет. Захочет ехать с вами, пусть едет.

И вот этот самый мальчуган, который только что плакал от радости, покраснел, посерьезнел, смотрит на меня, качает головой и говорит:

— Не поеду.

— Почему, ведь это же твой отец?
— Все равно, не поеду.
Отец побледнел.
— Как не поедешь?
— Не поеду.
— Почему?
— Не поеду — и все.
— Почему ты не хочешь ехать? Это же твой отец?
— Не хочу, не поеду.
Отец начал горячиться:
— Хочешь не хочешь, а я тебя возьму.
Здесь мои командиры вступились:
— Здесь вы никого не можете взять, он коммунар-дзержинец; можете ему поклониться, захочет — поедет, не захочет — не поедет.

Отец упал в кресло. Истерика. Заволновались. Успокаивали его, успокаивали, водой поили. Успокоился он немного, говорит:

— Позовите Васю.
— Нет, теперь не позову.
— Да ведь только попрощаться.
Посылаю своего связиста:
— Спросите, хочет Вася попрощаться с отцом?

Пришел Вася. Опять начали плакать, обниматься, целоваться. Когда все кончилось, Вася спрашивает:

— Мне можно идти?
— Пожалуйста, иди.

Он ушел, а я с отцом еще часа два сидел, смотрел на него. Он сидел в кресле, вздыхал, плакал, успокаивался, опять плакал. Так и уехал без Васи.

Но «драматичнее» всего было в этой истории то, что мой кинооператор пришел от этой сцены в дикий восторг и, совершенно неспособный к переживаниям, он, пока здесь отец с сыном плакали, целовались, обнимались, ухитрился все это заснять и был очень доволен:

— Нашему брату, оператору, на такой случай раз в жизни удается нарваться.

Здесь я хочу заострить вопрос о семье и семейном воспитании. В 1935 г. мне поручили ликвидировать беспризорность и безнадзорность на Украине. И вот здесь на практике я узнал, как работает семья и почему семья поставляет нам малолетних правонарушителей, беспризорных.

Мне пришлось бывать во многих семьях, пришлось познакомиться со многими родителями, пришлось помогать им в тех или иных случаях, когда они в этой помощи нуждались. Только в это время я ближе подошел к семье, главным образом к той семье, где неудачные дети.

Под влиянием этих своих впечатлений и своей работы я и решил написать свою «Книгу для родителей».

«Книга для родителей» задумана в четырех томах, поэтому в первый том вошло не все. Первый том посвящается вопросам семьи как коллектива. Все остальные вопросы, выходящие из этого круга, не могли в него войти.

Я хотел в первом томе показать, что для успешного воспитания ребенка

семья должна быть прежде всего советским коллективом. В тех случаях, когда этот коллектив дает трещину по разным причинам: либо по причине раздора между родителями, либо по причине ухода одного из родителей, либо по такой причине, как отсутствие режима, отсутствие родительского авторитета, и даже по такой причине, которой до сих пор не придавалось должного значения, как единственный ребенок в семье,— условия воспитания становятся более тяжелыми, так как коллектив теряет признаки коллектива. Семья в некоторой своей части перестает как будто быть коллективом.

Только этот вопрос я и сумел разобрать в первом томе.

Вообще, товарищи, с родителями мне редко приходилось встречаться. Но за последние годы — 1932, 1933—1935-й, когда коммуна наша выросла, когда коммуна начала выпускать фотоаппараты «Лейки», стала богатой, перешла на полный хозрасчет и могла давать государству свою продукцию, многие родители начали обращаться с просьбой принять их детей.

Мы не были принципиальными сторонниками родителей, но, как ни вертелись, пришлось все-таки уступить. Начали принимать детей, имеющих семьи, по просьбе родителей.

Обращались к нам очень многие, со всего Союза, но принимали мы только в крайнем случае, когда ребенок был настолько великолепным экземпляром с нашей точки зрения, что мы нуждались в его обществе.

Детей хороших, послушных мы, конечно, принципиально не принимали. Нам нужны были такие, которые обокрали родителей, избивали мать, называли ее всякими черными словами, вообще дети с «сильным» характером.

Я считал себя, хвастливо считал, великим специалистом по перековке всякого рода правонарушителей. Я и думал: «Что такое ребенок, имеющий семью, разве трудно его перевоспитать, это же мелочь». А как посмотрел я на этих ребятишек, имеющих родителей, так и увидел: куда наши правонарушители годятся.

Убийца, развратник, вор, самый отчаянный «путешественник» по сравнению с ребенком, имеющим папу и маму, просто агнец кроткий.

Дети, имеющие семью, большей частью были из хороших семей и очень балованные. Были такие, которые говорили:

— У моего папы «бьюик», у моего папы «Линкольн».

Были такие, которые привыкли ездить только в международных вагонах. И вот эти были самыми трудными.

Беспризорный только на меня рассчитывал, на меня одного смотрел: человек дает мне путевку в жизнь. И хоть я иногда давал эту путевку в жизнь грубо, но он знал, что все-таки это путевка в жизнь.

Ну, а этот ребенок как смотрел на меня?

— Что вы со мной так разговариваете, вы знаете, кто мой папа, вы знаете, кто моя мама?

А в случае чего «смывался» и шел домой.

Так что дети, имеющие семью, нисколько не легче и не проще беспризорных.

Во втором томе говорится о политико-моральном воспитании ребенка в семье и, конечно, в школе, поскольку семью от школы отделять нельзя.

Третий том будет говорить о трудовом воспитании и о выборе профессии.

И наконец, четвертый том посвящается важнейшему вопросу, к сожалению до сих пор не поднятому в педагогике, вопросу о том, как воспитать человека, чтобы он был не только прекрасным работником, не только хорошим гражданином, но чтобы он был еще счастливым человеком.

Не подумайте, пожалуйста, что я хочу научить человека быть счастливым. Научить человека быть счастливым нельзя, но воспитать его так, чтобы он был счастливым, можно.

Это самый трудный вопрос, трудный потому, что над этим вопросом все родители думают. Каждый родитель хочет, чтобы его ребенок был счастливым. Это цель родительской жизни. Для этой цели родители готовы отказаться от собственного счастья, готовы пожертвовать собственным счастьем, лишь бы сын или дочь были счастливы. Очень трудно найти таких родителей, которые не думали бы об этом и не хотели бы этого. А если мы таких находим, так мы их осуждаем.

Вопрос, товарищи, как видите, важный, и вопрос очень трудный, потому что никогда еще не было решено практически, от каких качеств характера, от каких привычек, традиций, развития, убеждений зависит счастье и что такое счастье.

Было бы, конечно, лучше, если бы были написаны все четыре тома «Книги для родителей» и все сразу выпущены. Тогда, пожалуйста, ругайте сколько хотите, дело уже сделано. Я, может быть, по ошибке выпустил сначала первый том, и меня многие упрекали в том, что я не сказал о том-то, не сказал о том-то. Конечно, не сказал, раз у меня в плане еще три тома.

Я коротко рассказал вам, товарищи, о себе, о своей работе в прошлом и о своей будущей работе. Это, так сказать, маленькое вступление. А сейчас переходим к основному вопросу: об отношениях к семье и школе.

Уместно поставить такого рода вопрос: кто воспитывает — семья или школа? И очень соблазнительно ответить коротко: и семья и школа. Так обычно и отвечают.

В таком случае нужно несколько изменить вопрос: кто должен быть ведущим началом, семья или школа? Я сейчас этим вопросом очень занят. Я был во многих семьях, во многих школах. Ко мне приходит много людей, большей частью со всякими «несчастными» случаями. И вот видишь, что единого взгляда на этот вопрос нет. Причем оригинально вот что.

Я почти не слышал, чтобы родители говорили: «Мы должны воспитывать, зачем школа мешает?» Я не слышал, чтобы педагог сказал: «Школа должна воспитывать, зачем семья мешает?»

Обыкновенно говорили так: «Мы — школа, а вы, родители, должны воспитывать детей, почему вы не воспитываете?» Родители же говорят обратное: «Мы отдали детей в школу, пускай школа и воспитывает их, почему она не воспитывает?»

Получается так, что желания захватить власть в свои руки в деле воспитания детей нет ни у семьи, ни у школы. Наоборот, каждый компонент этой пары старается свалить всю тяжесть воспитания на другого.

Это на словах. А на деле получается даже так. Допустим, ученик плохо

учится. Учитель вызывает мать или отца (правда, не каждый учитель так делает, но есть такие) и говорит:

— Ваш сын плохо учится, примите меры.

— Есть, принять меры.

Это значит, что педагог думает: в моем распоряжении мало средств воспитания, а вот в распоряжении семьи этих средств больше. Отец или мать пустят в дело эти более сильные средства, и мальчик станет воспитанным, по крайней мере станет учиться.

Отдельные педагоги считают, что семья — это более мощный воспитательный фактор, что семья может сделать больше, чем они.

Я не стану разрешать этот вопрос в ту или иную сторону, не буду говорить отдельно о педагоге и отдельно о семье. Я являюсь сторонником иной точки зрения.

Здесь мне приходится коснуться моих педагогических убеждений, которые очень часто считались ересью, но на которых я тем не менее настаиваю.

Я считаю, что делать ставку на отдельного обособленного учителя, хотя бы даже он был классным руководителем, нельзя. Почему? Потому что это ставка на талант, на способности[1].

Если мы думаем о воспитании десятков миллионов наших детей — юношей и девушек, то давайте, как и всякие производственники, поинтересуемся: а какая же норма брака допускается?

Ведь на каждом производстве существует определенная норма брака, на некоторых производствах норма брака 0,5%, на некоторых — 1%, на некоторых — 2%. Есть такие производства, например производство оптического стекла, где допускается до 50% брака.

А вот в нашем производстве какая норма брака? Думали мы об этом когда-нибудь? Из 30 миллионов детей сколько можно забраковать, т. е. воспитать плохо? Давайте об этом подумаем.

Начнем с простой арифметической задачи. Если найдется человек, который скажет, что допустим брак в 10%, то такого человека мы назовем врагом народа, потому что 10% от 30 миллионов — это 3 миллиона ребят.

А что значит 3 миллиона ребят забракованных? Это 3 миллиона людей с какими-то отклонениями от нашей советской моральной нормы. Поэтому я говорю: никакого брака, ни одного процента. Кто может мне возразить? Кто может сказать, что допускается какой-то, хотя бы самый ничтожный, брак в деле воспитания детей?

Я категорически утверждаю и всю жизнь говорю: ни одного процента брака, ни одной загубленной жизни.

Давайте же, товарищи, примем за норму — ни одного процента брака в воспитательной работе.

Если мы делаем ставку на отдельного учителя — это значит, что мы не только допускаем 1, 2, 10%,— словом, энное количество брака, но это значит, что мы вообще снимаем этот вопрос с очереди: сколько выйдет брака, столько и выйдет — в зависимости от того, на сколько способен и трудолюбив учитель.

А сколько у нас малоопытных, неумелых, молодых, неталантливых учителей. Следовательно, мы все эти дела отдаем случаю — как выйдет.

Допустим, что из миллионной армии учителей у нас сто плохих воспитателей. Что же, мы можем, значит, спокойно сказать, что эти сто плохих воспитателей дадут брак? Ничего подобного. Так ставить вопрос нельзя.

Нельзя ставить вопрос о воспитании в зависимости от качества или таланта отдельно взятого учителя. Если мы будем говорить о всесоюзных масштабах, если мы будем думать о воспитании целого поколения, так мы не одиночки-учителя, а представители единой учительской армии, единого советского педагогического общества, ни в коем случае не имеем права сваливать все на одного учителя.

Так, по крайней мере, говорит моя логика, логика гражданина, который хочет отвечать за работу. Так говорит и мой опыт.

Я тоже когда-то начинал с убеждения, что отдельный учитель — это все и что именно он должен воспитывать. Я тоже представлял себе воспитание как какой-то парный процесс, как писали в старых педагогических книгах: учитель, учитель, учитель, ребенок, ребенок, ребенок — и все это в единственном числе. Так и представлял себе: я — учитель, ты — ребенок, мы — один на один, и я тебя воспитываю.

Сейчас я настаиваю на том, что правильной воспитательной организацией, руководящей воспитательной организацией по отношению к отдельному учителю, и по отношению к отдельному ученику, и по отношению к семье должна быть школа как нечто целое, как единый школьный коллектив.

Как только мы примем такой тезис, так на нас наваливается бесчисленное множество вопросов методики школьного воспитания. Едва ли мы во всех этих вопросах сумеем разобраться. Во всяком случае, наметим эти вопросы.

Первый вопрос — о педагогическом коллективе.

Второй вопрос — о детском коллективе, руководимом педагогическим коллективом.

И третий вопрос — педагогический коллектив и семья.

Какой вопрос из этих трех ни возьмите, он разбивается в свою очередь на множество отдельных вопросов. Если мы просидим с вами двадцать вечеров, хватит о чем поговорить.

Возьмем вопрос о педагогическом коллективе. Я в своей практике много пробовал, много сомневался и страдал от этих сомнений и в конце концов пришел к определенной форме педагогического коллектива. Этот вопрос решил так: там, где нет полного единства всех педагогов школы между собой, там, где нет помощи друг другу и большой требовательности друг к другу, там, где нет умения говорить своему товарищу неприятные вещи и не обижаться, если тебе говорят неприятные вещи, там, где нет умения приказать товарищу (а это трудное умение) и подчиняться товарищу (а это еще более трудно), там нет и не может быть педагогического коллектива.

Между тем нет такой специальности, которой нельзя было бы выучить человека. Он может освоить любую специальность. А специальность учителя — быть воспитателем, педагогом.

Это очень легкое дело. Уверяю вас, воспитание человека чрезвычайно легкое, очень хорошее, прекрасное дело. Но при каких условиях? Об этом я скажу дальше.

Не нужно иметь педагогического таланта. Я не обладаю педагогическим талантом и пришел в педагогику случайно, без всякого на то призвания. Отец мой маляр. Он сказал мне: будешь учителем. Рассуждать не приходилось. И я стал учителем. И очень долгое время чувствовал, что у меня плохо идет, неважный я был учитель. И воспитатель был неважный.

Но я научился. Я сделался мастером своего дела. А мастером может сделаться каждый, если ему помогут и если он сам будет работать. И хорошим мастером можно сделаться только в хорошем педагогическом коллективе.

Это, товарищи, как во всякой иной специальности. Ведь никакой институт не выпускает инженера, он дает только звание инженера, а настоящим инженером человек делается через 3—4 года работы на заводе, когда как следует поработает в хорошем заводском коллективе.

Точно так же настоящим учителем-воспитателем можно стать после работы в хорошем педагогическом коллективе через несколько лет.

В последние годы я приглашал к себе каких угодно учителей и прежде всего старался их учить. Я уже стал мастером, а они еще молодые. И я говорил каждому из них: пришел ко мне, ничего не знаешь, учись. И он видел, что я говорю правду.

У меня в коммуне им. Дзержинского был заместителем Татаринов.

Я — человек более или менее строгий, могу крикнуть. А он, наоборот, мягкий, как воск. Повысить голос, крикнуть он не мог. Очень способный человек, прекрасный учитель, очень трудолюбивый, к тому же очень хотел стать хорошим воспитателем.

Что же вы думаете? Я уезжал куда-нибудь в командировку на полмесяца и оставлял его в коммуне вместо себя. Приезжаю, спрашиваю:

— Ну, как дела?

— Добре.

Вечером собираются ребята и смеются:

— Чего смеетесь?

— Довольно смешно было.

— А что?

— А он все так же, как вы, делает. Вы говорите: черт вас побери. Он тоже говорит «черт вас побери», только тихоньким голосом.

— Ну, а вы слушались?

— А как же, мы же видим, что он сердится.

Человек не мог повысить голос, но в этом нежном «черт вас побери» он выражал предел своего гнева.

Он стал настоящим мастером-воспитателем.

А почему он таким сделался? Потому что он доверял мне как руководителю коллектива, потому что он работал в коллективе, потому что он не противопоставлял коллективу свой талант, свои какие-то единоличные достижения. Он жил интересами коллектива и жил в коллективе.

Если в школе есть коллектив таких педагогов, для которых успех всей школы стоит на первом месте, а успех его класса стоит на втором месте и затем уже на третьем месте его личный успех как педагога, то в таком коллективе будет настоящая воспитательная работа.

Развивая дальше эту мысль, я настаиваю на придании особого значения главе коллектива. У вас в школах есть директор, есть завуч, комсорг, старший пионервожатый...

В некоторых школах все эти силы, включая, конечно, и учителей, подчиняются руководству, доверяют ему и слушаются его, т. е. в тех случаях, когда есть расхождения, поступают все-таки так, как говорит старший.

В некоторых же школах не разберешь, кто руководит: и директор руководит, и завуч руководит, и комсорг руководит, и старший пионервожатый руководит, и не разберешь, кто отвечает, кто кого учит, кто кем действительно руководит.

Я у себя по штату имел завуча, но ни разу его не приглашал. Мне было очень трудно. Я должен был вести и свою работу, и работу завуча. Кроме того, у меня был завод с миллионным промфинпланом, кроме того, у меня было еще общежитие.

Следовательно, я должен был заниматься вопросами быта, столовыми, костюмами и т. д. И все-таки я не имел помощника, а работал один[2]. Все остальные были на одинаковых ролях, в одинаковых отношениях друг с другом. Я был руководством в единственном числе. И я от этого выигрывал.

В тех случаях, когда есть единое руководство, скорее может быть и единый коллектив.

Я не буду дальше рассказывать вам о едином педагогическом коллективе, потому что это увело бы нас очень далеко от темы нашей сегодняшней беседы, но это важнейшее условие правильной воспитательной работы в школе.

Вторым важным условием я считаю единый коллектив учеников школы. Я уже писал в «Правде» о том, что у нас нет школьного коллектива, а есть классный коллектив[3]. Школьный коллектив как-то не создается. Ученики старших классов не знают учеников младших классов. А если и знают, то относятся к этому так: я ученик X класса, я выделен пионервожатым в V класс, и я знаю, что делается в моем V классе.

Это, товарищи, совсем не то. Это не единый школьный коллектив. Школа все-таки разбита на несколько коллективов, и каждый коллектив живет отдельно. Девятый класс знает только себя. Может быть, знает другие девятые классы, но не больше.

Я не представляю себе такой работы. Я не сумел бы работать, если бы у меня не было единого школьного коллектива.

Я не имею права что-нибудь рекомендовать вам, потому что я был в других условиях, может быть, в лучших условиях, чем вы. У меня был коллектив, который не только учился в школе, но и жил здесь же и работал на заводе же. Все всегда были вместе.

Но, товарищи, я наблюдал в других колониях такое положение, когда и живут вместе, и работают вместе, а все-таки единого коллектива нет, а есть отдельные коллективчики. Далеко не во всех колониях созданы единые коллективы. Очевидно, нельзя отговариваться тем, что это, мол, колония. И в школе можно создать единый коллектив.

Во всяком случае, если бы мне сейчас дали школу, то я первой своей задачей поставил бы создание единого школьного коллектива.

Что для этого нужно? Я уверен, что для этого нужны единые школь-

ные интересы, единая школьная форма работы, единое школьное самоуправление и, наконец, общение, соприкосновение [членов] этого коллектива.

Вопрос о первичном коллективе и общешкольном у нас в методике не разработан, но я считаю этот вопрос важнейшим.

Мой отряд в колонии им. Горького, в коммуне им. Дзержинского был для меня главнейшей заботой. Я заботился о том, чтобы этот отряд всегда был цельным, чтобы он не распадался как можно дольше и чтобы этот отряд был обязательно органическим членом целого коллектива коммуны.

Если эти две задачи разрешены, то разрешены все вопросы воспитания. Они все легко становятся на свои места.

У вас есть такой инструмент, как коллектив школы и коллектив первичный — класс. Коллективы эти расположены близко друг от друга и должны находиться в нормальных взаимоотношениях друг с другом.

Когда есть такой коллектив, тогда вопрос об отношении к семье разрешается гораздо легче.

Конечно, школьный коллектив трудно представить себе без хорошей дисциплины. Возьмем такой чисто технический вопрос, как общее собрание. Общее собрание нужно прежде всего хорошо организовать.

Что нужно прежде всего? Прежде всего нужна точность. Общее собрание назначается на 8 часов 30 минут. В 8 часов 29 минут (не 28 минут и не 30 минут, а точно 29 минут) дается сигнал, и ровно в 8 часов 30 минут общее собрание открывается.

Когда это делается один день, это очень трудно, когда это делается месяц — уже легче, а когда это делается годами — это очень легко. Получается традиция. Каждый сознательный, а впоследствии и каждый коммунар смотрит на часы: 25 минут девятого. Он складывает книжки, инструменты и идет в зал, где будет общее собрание, чтобы потом, когда будет сигнал, не бежать бегом. Если сигнал застанет его за работой, ему придется бежать бегом, иначе он опоздает на собрание.

Это входит в привычку. Секретарь совета командиров смотрит на часы и ровно в 8 часов 30 минут говорит: «Объявляю общее собрание открытым». Ни одной минуты мы не потеряли зря.

Регламент определяется просто: одна минута по песочным часам.

— Дай слово.

— Получай.

Перевернул песочные часы. Песок высыпался. Минутка кончилась. На общем собрании о деле нужно говорить одну минуту. Сначала было трудно, а потом привыкли, и получалось просто замечательно. Некоторые даже короче говорили.

Этот, казалось бы, небольшой вопрос имеет огромное значение. Во-первых, мы могли сказать на общем собрании обо всем. Во-вторых, каждый приучался говорить только то, что необходимо.

При таком жестком регламенте люди приучаются говорить очень коротко, не размазывать, не говорить лишних слов. Человек приучается к деловитости.

В некоторых случаях, когда вопрос особо важный или когда вносится особо важное предложение, выступающий говорит:

— Я не могу уложиться в одну минуту.
— Сколько тебе надо?
— Три минуты.
— Много.
— Ну, две минуты.
— Получай две минуты.

Такие собрания занимали у нас самое большее 20 минут. И никто не опаздывал, никто никого не ждал.

Это очень простой и как будто даже не педагогический вопрос — расположение во времени, но он является решающим. Надо выдерживать время, выдерживать точность.

Точность — это первый закон. Точность позволяет иметь и ежедневные общие собрания. А общие собрания — это постоянный контроль коллектива, постоянное знание друг друга, постоянное знание дел друг друга и первичного коллектива.

Такие собрания я считаю полезным практиковать и в школе. Сначала будет скучно. Десятиклассники будут скучать. Почему? Да потому, что обсуждается поведение малыша и ученика среднего класса. Но когда этот малыш один раз промелькнет на собрании, другой раз, третий, десятиклассники его узнают и невольно заинтересуются им. А потом, глядишь, в коридоре увидят его за какой-нибудь шалостью и вспомнят:

«А ведь ты вчера был на общем собрании, отдувался там, а теперь опять летишь, как сумасшедший!»

И малыш поймет, что этот старший был на общем собрании, заметил его и теперь узнал.

Это техника, которая, может быть, кажется нелогичной, но которая возникает сама в том коллективе, где практикуются общие собрания.

Не поймите меня превратно. Я являюсь сторонником некоторой «военизации». Это не муштровка, а та же экономия сил...

Форм много: есть коллективные игры, которые очень увлекают ребят, и другие формы. При такой «военизации» очень легко руководить коллективом и легко ставить и разрешать вопросы вне общих тем.

Коллектив — это единое коллективное мнение, это мнение 500 человек, которое выражается даже не в речах, а в репликах.

А главное: что один сказал, то и все думают. Вы сами знаете, товарищи, что у ребят именно так бывает. У них удивительная общность взглядов. Один сказал, и все понимают: он не сказал бы так, если бы это противоречило общему мнению. Есть какое-то чутье, какое-то именно общее мнение.

Такое коллективное воздействие дает в руки воспитателю, директору большую силу, и при этом силу чрезвычайно нежную, которая еле-еле заметна.

Я могу вызвать к себе самых отчаянных «дезорганизаторов», как у вас говорят, и сказать:

— Завтра ставлю вопрос на общем собрании.

— Антон Семенович, что угодно, как угодно накажите, только не ставьте вопрос на общем собрании.

А почему боялись общего собрания? Нужно выйти на середину комнаты,

стать и отвечать на все стороны. Только и всего. Это не позор, а ответственность перед коллективом[4].

Организация и воспитание чувства ответственности перед коллективом — это дается трудно, но зато, когда дается, — это очень сильное средство.

При этом разрешается проклятый наболевший вопрос, о котором мы толкуем в наших школах, — не выдавать товарища. Это солидарность, обращенная обратной стороной к педагогу. Солидарность несоветская.

И она не может быть уничтожена, если нет общественного мнения единого школьного коллектива, созданного единым педагогическим коллективом.

Никогда не исчезнет это «геройство» — не выдавать товарища, если не будет общественного мнения. Я достаточно времени помучился над этим вопросом. И я увидел, как в правильно организованном, воспитанном коллективе без моих усилий, без педагогической инструментовки, без каких-то особых методов выросла и укрепилась традиция: никто никогда не приходил ко мне тихонько и не говорил шепотом: «Антон Семенович, я вам что-то скажу». Каждый знал, что, если он это сделает, я его с лестницы спущу.

Никаких разговоров на ухо. Вечером на общем собрании кто-нибудь поднимается и говорит: «Произошло то-то и то-то».

И никто никакой обиды на своего товарища не имел за то, что он поднял тот или иной вопрос на общем собрании.

Очень часто говорили так: «Такой-то — мой лучший друг, и тем не менее я заявляю протест в связи с его недостойным поведением».

Никому из товарищей и в голову не приходило обвинять человека, который так прямо и открыто выступал. Но поведение его не пахнет и героизмом, он делает обычное дело — на общем собрании призывает к ответственности своего товарища.

И тогда исчезает отрицательное движение коллектива, когда коллектив становится к педагогам спиной и делает что-то, чего педагоги не видят.

В педагогической литературе не разработан самый важный вопрос: какие формы коллектива должны действовать? Почему-то ученые-педагоги считают, что форма не имеет значения.

Я с этим не согласен. Форма имеет очень большое значение. У нас, например, был такой порядок. Если командир скажет мне что-нибудь о своем товарище в присутствии других товарищей, я могу ему не поверить, другой может сказать, что это неправда, что дело было не так, я могу вызвать свидетелей, допрашивать, расследовать и т. д.

Но если этот же командир говорит то же самое вечером, во время рапортов, когда все стояли смирно и когда я тоже стою смирно, когда все друг другу салютуют, я его не проверяю, я ему верю.

Такой был у нас закон: рапорт не проверяется. Ребята говорили, что в рапорте командир соврать не может.

Торжественная обстановка. Ты рапортуешь. Соврать может только последний мерзавец, последний негодяй.

И мы отнеслись к этому делу так: лучше рискнем и не проверим

рапорт, чем допустим, что у нас есть такой негодяй. Если он есть, он сам потом проявит себя.

Следующий закон, который почему-то не используется в школе.

У нас каждый коммунар, только пробыв некоторое время в коллективе, становился настоящим членом этого коллектива, получал значок ФД — Феликс Дзержинский, и с тех пор, как он получал этот значок, ему обязаны были верить на слово, если слово касалось его лично. Если говорил: я там не был, считалось неприличным проверять. Доверие — это первое право[5].

Правда, в некоторых случаях доверия не оправдывали, обманывали. Тогда мы поднимали настоящий скандал. Товарищи требовали исключения из коммуны за нарушение доверия. Это преступление считалось более важным, более сильным, чем воровство, чем невыход на работу. Твоему слову верят, поэтому ты соврать не можешь. Это закон.

Это тоже, товарищи, инструментовка. И таких форм инструментовки вы в ваших школах можете придумать множество.

Но они будут эффективны только тогда, когда все они будут направлены к созданию единого общественного мнения, единой системы, единой традиции в коллективе. Тогда школьный коллектив делается исключительно мощным средством.

Тогда проясняется и вопрос о семье. Я не могу представить себе, чтобы не было такого коллектива, чтобы его нельзя было создать.

Возьмите, например, вопрос об отношениях старших и младших, десятиклассников и первоклассников. Надо добиться такого положения, чтобы 8—9—10-летний мальчик смотрел на старшего, на ученика десятого класса, как на свое заветное будущее, чтобы он его любил, чтобы он был в него влюблен, именно влюблен, чтобы он видел в нем что-то более высокое, чтобы старший был для него примером.

Тема дружбы младших учеников со старшими — совершенно неизбежная тема, если только вы хотите организовать единый школьный коллектив.

Для организации такой дружбы нужно опять-таки применять специальную инструментовку. Не буду сейчас говорить о ней, потому что это далеко заведет нас. Скажу только, что я на протяжении последних восьми лет добивался такой дружбы.

У каждого старшего ученика обязательно был так называемый корешок. Это, пожалуй, термин беспризорных, но он у нас укоренился. Он был у нас официальным термином. Каждый имел своего корешка в другом классе, в другом цехе, в другом отряде. Тем не менее они всегда были вместе. Это неразлучная пара, это младший и старший братья, причем старший брат крепко держит в руках младшего.

Если младший набедокурил, если он стоит перед общим собранием, то обязательно раздается голос:

— А чей он корешок?

— Володи Козыря.

— Пусть Володя Козырь даст объяснение.

И Володя Козырь — комсомолец, ученик X класса, семнадцатилетний парень, — вставал и говорил:

— Прозевал, я его исправлю, не наказывайте.

— Ну иди, шеф за тебя поручился.

Такая дружба старших с младшими создает удивительные отношения в коллективе, придает им такую прелесть, какая бывает только в семье, прелесть отношений младших и старших братьев.

Корешки ходили всегда компаниями. Человек десять малышей, и около них столько же старших.

Причем, товарищи, надо отметить, что старшие умели любить этих пацанов.

Отношения старших и младших ребят в наших школах, старшего пионервожатого к младшим, отношения часто официальные, они неестественны.

Я добивался очень многого. Например, идем мы в поход. Надо сказать, что я со своими ребятами совершил 8 летних походов. Во время походов все идут по взводам, по ротам, по возрасту. Какой-нибудь 14-й взвод далеко отстоит от первого. Там самые маленькие. У них командир.

Пришли в лагерь. Разбили палатки. И не было такого случая, чтобы кто-нибудь из старших не сказал: «Антон Семенович, первый взвод займет палатку, а как же корешки будут. Отдельно? Мы хотим с ними вместе».

И мы разрешили такую вещь: последние три взвода, т. е. самые маленькие, не имели отдельной палатки: там, где шефы, там и корешки. Они вместе купаются, вместе катаются на лодках, и в кино вместе, и играют вместе. Иногда старшие что-нибудь читают вслух.

Никакой школьной воспитательной работы старшие не проводят. Но у них настоящее братство, настоящие братские отношения к малышам. И такое братство сохраняется на всю жизнь. Старшие уезжали потом в вуз, в Москву, и не забывали своих корешков, переписывались с ними.

Если старший приезжал в отпуск из вуза, так корешок за три километра бежал встречать его.

Без такой инструментовки не может быть коллектива. Вы заметили, товарищи, что здесь пахнет семьей? Если бы в школе была такая дружба, которую всегда легко организовать, этим можно было бы очень многого достигнуть. Такую дружбу можно создать не силами хорошего педагога, а силами хорошего педагогического коллектива и хорошего руководителя.

Такую дружбу, товарищи, организовать очень легко, и об этом стоит подумать. Когда есть школьный коллектив, педагогический коллектив и детский коллектив, тогда все воспитательные вопросы становятся на свое место. И тогда высоко взвивается школьное знамя, встает вопрос о чести коллектива.

Вопрос о чести коллектива поднимается у нас до сих пор либо очень редко, либо формально — на каких-нибудь заседаниях, во время торжественных заявлений — и не поднимается в быту.

Для организации коллективной чести также нужна инструментовка, и очень важная инструментовка.

Буду говорить об отдельных деталях.

Прежде всего знамя. У нас знамя стояло в кабинете. Бархатный балдахин, под ним знамя. Если нужно было это знамя перенести из одной комнаты в другую, например на время ремонта, мы делали это очень торжественно. Все надевали новые костюмы. Все 600 человек выстраивались общим строем. Выходил оркестр в 60 человек. Равнялись. Взводные

командиры впереди. Затем раздавалась команда: «Смирно!» И знамя в чехле торжественно переносилось из одной комнаты в другую.

Мы не могли допустить, чтобы знамя переносилось без отдания почестей. Когда мы шли в город, или в поход, или на прогулку, мы шли со знаменем. Совсем другое дело идти со знаменем. Идешь как-то иначе.

А ведь знамя — это только одна из деталей. Но даже с помощью одного знамени сколько можно сделать хорошего, полезного, и как можно все это торжественно обставить.

Например, выборы знаменщика. Знаменщик считался у нас самым почетным человеком в коллективе. Его нельзя наказывать, ему нельзя было объявить выговор. Он был неприкосновенен. Он был примером для остальных во всех отношениях.

Как проходили у нас выборы знаменщиков? Казалось бы, пустяк выбрать человека, который будет носить знамя. Но мы выбирали лучшего из всего коллектива. Знаменщик — это самый симпатичный товарищ, это самый лучший ученик, это самый лучший стахановец.

Знамя служило как бы предлогом для выдвижения человека.

Все это, товарищи, основания для того, чтобы сбить коллектив в единое целое. И таких оснований много. Я не буду говорить обо всех. Упомяну об одном только, которое у нас забыто, но которое, может быть, когда-нибудь будет восстановлено, — это труд.

Я часто встречаюсь с учениками разных классов, и все они жалуются: некогда учить уроки, нет времени.

Я им всегда говорю: «А как же мои коммунары справлялись? У них ведь тоже была десятилетка, как и у вас. Они тоже поступали в вузы, причем для них это было обязательным, необходимым условием».

Кроме учебы они 4 часа в день работали на заводе. Это ведь не шутка, а настоящая заводская работа с нормами да еще со стахановскими методами работы, с двойной и тройной нормой, с определенным процентом брака, с большой ответственностью за порчу и т. д. Выпускали аппараты ФЭД типа «Лейка». Точность до 1 микрона. Шутить нельзя было.

А кроме того, на них лежала уборка всего здания, ежедневное натирание полов, мытье стекол, стирание пыли, уборка всех помещений, не только спален, но и коридоров и кабинетов. Авральная работа ежедневно. Утром по сигналу все 600 человек принимаются за уборку. У каждого свой определенный участок. На уборку полагается 20 минут. А потом еще самоуправление, вечерние общие собрания, комсомольская работа, пионерская работа, спортивная работа, работа кружковая.

Спортивной работе мы придавали большое значение. Она была поставлена у нас очень серьезно. Если ты в первом взводе, ты должен быть ворошиловским стрелком. Если ты не имеешь ворошиловского значка, переходи во второй взвод. А там ты будешь выше всех ростом и тебе будет стыдно.

Во втором взводе все должны иметь значок ГТО. Если не имеешь значка ГТО, переходи в третий взвод. Обязательной была стрелковая работа, обязательными были прыжки с парашютом. Они должны были расти сильными девушками и мужчинами.

Все это требовало времени, и все-таки ребята везде успевали, все делали и еще находили время для отдыха.

Я думаю, что и в наших школах могут быть введены трудовые процессы. Спортивная работа должна быть поставлена обязательно.

Труд для ребят полезен и необходим. Маркс говорил, что с девятилетнего возраста дети могут принимать участие в производительном труде.

Я не понимаю, что такое ребенок десяти лет. Тебе десять лет, ты гражданин Советской республики, и к тебе можно предъявлять соответствующие требования.

Если бы у меня была школа, я бы, кажется, на части разорвался, но что-нибудь стал бы делать.

Я помню, как мы организовывали дело в коммуне им. Дзержинского. Пришел ко мне как-то человек:

— Хотите делать нитки?

— Какие нитки?

— Обыкновенные.

— Давай. А станки какие?

— Да поставим деревянные.

— А где возьмешь?

— Достанем.

— А с деньгами как?

— В кредит.

— А с сырьем как?

— Не беспокойтесь, достанем.

— Ну, давай.

Конечно, начальству я ничего не сказал. Если бы я сказал инспектору, он разошелся бы:

— Почему нитки, какие нитки, какой промфинплан? И т. д.

Поставили мы в подвале станочки. Говорю ребятам:

— Будем зарабатывать деньги, давайте хорошо работать, давайте выпускать хорошие нитки[6].

Полгода поработали. Потом нам запретили, правда, но мы встали на ноги.

Не было денег — устроили оранжереи[7]. И устроить оранжереи очень просто. Выгода же большая.

Когда все это делается в коллективе, когда каждый заинтересован в этом, каждый знает, сколько сегодня сделали, за сколько купили и за сколько продали, когда коллектив начинает жить как хозяин, а потом как производственник, потому что у него появляется план, появляется отдел технического контроля, появляются браковщики, цеховые диспетчеры, тогда коллектив завоевывает себе право гражданства. Когда коллектив так хорошо организован, тогда можно предъявить к нему последнее трудное требование: уметь предъявлять друг к другу определенные требования откровенно, прямо, по-товарищески, в лоб. Делать так и никак не иначе.

Если сделал не так, то почему? Почему неправильно сделал? Нужно предъявлять человеку большие требования. Это необходимое педагогическое принципиальное положение, без которого нельзя воспитывать человека. Если с человека не потребовать многого, от него и не получишь многого.

Убеждение в том, что многое вырастает само из ничего при помощи

каких-то химических влияний ваших педагогических взглядов, неправильно.

Многое может вырасти только тогда, когда вы не только про себя педагогически мечтаете, а когда вы по-настоящему требуете. Этого не может сделать не сбитый, не организованный педагогический коллектив. И нельзя организовать его, если нет единого школьного коллектива. А когда имеется единый школьный коллектив, тогда можно требовать многое.

И наконец, последний момент — когда требование встречается детьми не с подавленным настроением, а даже торжественно, когда чем больше вы требуете, тем больше их радуете, потому что тем самым вы высказываете доверие их силам.

Если все эти требования соблюдены, то с таким коллективом можно, я бы сказал, делать чудеса.

У нас в Советской стране колоссальные возможности для того, чтобы очень легко, красиво и радостно воспитывать замечательные коллективы, а следовательно, и замечательных людей.

Надо сказать, что требование часто пугает педагогов. Боятся риска. Во всяком деле есть риск. Никакое дело без риска делать нельзя.

Два слова о педагогическом риске. Я говорил о педагогическом риске на одном из собраний в Ленинграде в октябре[8]. Мне сказали: «Вот вы говорите о риске, а у нас один ученик десятого класса взял да повесился, потому что ему поставили плохой балл. А вы говорите о риске. Ведь если мы будем так много требовать и рисковать, то все перевешаются».

Вы знаете, что я им ответил?

Поставить плохой балл — это вовсе не рискованное действие. Какой здесь риск? И сколько вообще мы совершаем таких нерискованных действий? Ученик не ответил мне. Я ему поставил «плохо». Какой же здесь риск? Он сел мне на шею, я его осторожненько стащил и сказал: «Детка, не садись педагогу на шею». Никакого риска здесь нет. Он мне плюнул в лицо, а я перед ним извинился. Что же здесь рискованного? Ведь не я ему плюнул, а он мне. А я еще извинился перед ним.

Все это нерискованные действия. Одно нерискованное действие, другое, третье, десятое, двадцатое — и создается общая атмосфера нерискованности, такая атмосфера, что многим может захотеться полезть в петлю. Безысходная серая тоска: никто ничего не требует, никто ничего не хочет, каждый беспокоится только о том, как бы чего не вышло и как бы на меня мальчики не обиделись.

Такая атмосфера может привести к очень плохим настроениям и очень плохим результатам.

Если же вы прямо, по-товарищески, открыто будете требовать, то от этого человек никогда не захочет повеситься. Он будет знать, что вы относитесь к нему, как к человеку.

Такая требовательность еще более сколачивает коллектив, еще больше объединяет и учителей и учеников. А как разрешается, товарищи, вопрос об учительском авторитете? Очень часто тот или иной учитель заявляет:

— Вы подорвали мой авторитет, вы при учениках сделали мне замечание, вы объявили мне выговор.

Спрашивается, на чем же базируется авторитет? Неужели на вашей безнаказанности? Неужели на том убеждении, что вы никогда не можете согрешить?

Я ставлю вопрос так: учительский авторитет основывается на ответственности в первую очередь. Учитель должен, не стесняясь, сказать своим ученикам:

— С меня требуют, я отвечаю, я ошибаюсь, я за свою ошибку отвечаю. Вы видели, что я отвечаю?

— Видели.

— С меня требуют, поэтому и я требую с вас.

Нет ничего позорного, если директор объявит выговор учителю. Пусть учитель считает, что он не совсем виноват, но раз директор объявил ему выговор, он должен этим выговором воспользоваться для поднятия своего авторитета. Он должен сказать:

— Да, я ошибся. Я наказан, потому что я отвечаю за свою работу. И вы извольте отвечать за свою работу. Я требую этого от вас.

У меня был Иван Петрович Городич. Это было еще в колонии им. Горького. Он что-то не так сделал в походе. Он дежурил по колонии. Я разозлился. Спрашиваю:

— Кто дежурный? 5 часов ареста!

— Есть 5 часов ареста.

Слышу голос Ивана Петровича, педагога. Мне даже холодно немножко стало. Он снял с себя пояс, отдал дежурному, пришел ко мне в кабинет:

— Я прибыл под арест.

Я сначала хотел было сказать ему «брось». А потом думаю: «Ладно, садись». И просидел пять часов под арестом. Ребята заглядывают в кабинет — Иван Петрович сидит под арестом.

Когда кончился арест, он вышел на улицу. Ну, думаю, что-то будет. Слышу гомерический хохот. Ребята его качают.

— За что?

— За то, что сел под арест и не спорил.

А другой на его месте начал бы: «Как это так, меня, педагога, под арест. Ни за что. Мой авторитет пропадет».

Авторитет, товарищи, нужно создавать самим, пользуясь для этого всякими случаями жизни. В хорошем коллективе авторитет нельзя подорвать. Сам коллектив поддерживает его. Так вот теперь о самом главном, о семье. Семьи бывают хорошие, и семьи бывают плохие. Поручиться за то, что семья воспитывает как следует, нельзя. Говорить, что семья может воспитывать как хочет, мы не можем. Мы должны организовать семейное воспитание, и организующим началом должна быть школа как представительница государственного воспитания. Школа должна руководить семьей.

Спрашивается, как руководить? Вызвать родителей и сказать: «Примите меры» — это не руководство.

Вызвать родителей, развести руками и сказать: «Ах, как же это так у вас плохо получается» — это тоже не поможет.

Что же касается помочь и как можно помочь? Плохого родителя, т. е. родителя, не умеющего воспитывать, всегда можно научить так же, как и педагога можно научить.

Между прочим, товарищи, многие родители, как и педагоги, не умеют

разговаривать с ребенком. Нужно поставить голос. К сожалению, в педагогических техникумах и вузах не ставят голоса. Я бы обязательно в каждом вузе и техникуме имел хорошего специалиста, который умеет ставить голоса.

Я попробовал бы провести такое упражнение: вы, товарищи, студенты, и вы будете допрашивать меня тоже, как студента. Допустим, я украл у кого-то 10 рублей. Как вы будете меня допрашивать? Учтите, что вы будете допрашивать меня, а другие будут слушать и потом скажут, правильно вы меня допрашиваете или нет.

И вы, товарищи, увидели бы, что без постановки голоса нельзя правильно спросить. Я сам сначала думал: к чему это? Оказывается, это необходимо. Это очень важно.

У меня вначале и у самого не очень хорошо выходило. В чем, думаю, дело? Обратился к опытному актеру.

— Надо голос поставить.

— Как голос поставить? Я, что ж, петь буду?

— Не петь, а говорить.

Я позанимался с ним некоторое время и понял, какое великое дело постановка голоса. Очень важно, каким тоном говорится. Простая фраза: «Можешь идти», но эту простую фразу, эти два слова можно сказать 50 способами. Причем в каждый способ вы подпускаете такие нотки, что это будет каплей яду, если это нужно для того, кто должен это почувствовать.

Это очень сложное дело. Если у вас голос не поставлен, вам, конечно, будет трудно. Родителям не мешало бы поставить свои голоса.

Родители часто говорят: «Ванечка, убери за собой постель». (Смех.)

Ну, скажите, пожалуйста, разве после такого приказания может живой человек убрать постель за собой, даже если бы он и хотел это сделать? (Смех.) Некоторые родители и педагоги позволяют себе такую «роскошь», чтобы их голос отражал их настроение. Это совершенно недопустимо. Настроение у вас может быть каким угодно, а голос у вас должен быть настоящим, хорошим, твердым.

Никакого отношения к вашему голосу настроение не имеет. Почему вы знаете, какое у меня сейчас настроение? Может быть, я в горе. А может быть, у меня радость какая-нибудь большая. Но я должен говорить так, чтобы меня все слушали. Каждый родитель, каждый педагог, перед тем как разговаривать с ребенком, должен себя немножко так подкрутить, чтобы все настроения исчезли. И это не так трудно.

После того как мы три года прожили в лесу и вокруг нас были бандиты, какие же могут быть настроения? Какую же волю я могу давать моим настроениям? Я привык справляться со своим настроением и убедился, что это очень легко. Нужно делать так, чтобы ваша физиономия, ваши глаза, ваш голос были в некоторых случаях автономными. На душе у вас, может быть, кошки скребут и всякие другие гады, а с внешней стороны все должно быть в полном порядке, в полном параде. Педагог обязан иметь «парад на лице». Желательно, чтобы и родители имели на лице «парад».

Допустим, вы получили неприятное письмо, может быть, даже от любимого человека. Так что же, из-за этого неприятного письма должен пропадать месяц педагогической работы? Из-за какого-то любимого существа,

которое, может быть, вообще ничего не стоит, и, может быть, хорошо, что написано такое письмо.

Постановка голоса, мимика, умение встать, умение сесть — все это очень и очень важно для педагога. Каждый пустяк имеет большое значение, и этим пустякам можно научить родителей.

Недавно ко мне пришел один родитель и говорит:

— Я коммунист, рабочий. У меня есть сын. Не слушается. Я ему говорю — не слушается. Второй раз говорю — не слушается. Третий раз говорю — не слушается. Что же мне с ним делать?

Усадил я этого родителя, который пришел ко мне, и начал с ним разговаривать.

— Ну-ка покажите, как вы говорите со своим сыном.

— Да вот так.

— А попробуйте вот так.

— Не выходит.

— Повторите.

Я позанимался с ним полчаса, и он научился отдавать приказание. Дело было только в голосе.

Помощь родителям со стороны школы возможна только тогда, когда школа представляет собой единый целый коллектив, знающий, чего она требует от учеников, и твердо предъявляющий эти требования.

Это один из способов помощи родителям. Кроме того, есть и другие способы. Нужно изучить семейную жизнь, нужно изучить причины плохого характера. Не буду перечислять здесь все способы помощи семье.

В моей коммуне были дежурные командиры. Это очень трудная обязанность. Дежурный командир целый день правит коммуной. Он распределяет день — и заводской день, и школьный день, и коммунарский день. Он всем руководит, он за все отвечает.

И у нас было такое правило: дежурному командиру обязаны подчиняться все. Никто не имел права идти против дежурного командира. Вообще ребята звали друг друга по имени, но к дежурному командиру обращались всегда: товарищ командир.

И все коммунары строго следили за выполнением этого правила. Если дежурный командир два раза повторял один и тот же приказ, вечером на общем собрании этот вопрос обсуждался.

— Володя Павленко дежурил сегодня, пусть он даст объяснение, почему он два раза отдавал приказание. Почему ты позволяешь себе повторять приказание? Ведь ты подорвешь авторитет дежурного командира.

Было четкое правило: дежурный командир отдает приказание один раз. Дежурный командир, 14-летний пацан, говорит 18-летнему комсомольцу:

— Позвать заведующего хозяйством.

Повернулся и пошел сейчас же. Тот отвечает ему уже в спину:

— Есть позвать заведующего хозяйством.

И каждый знал, что, если приказание отдано один раз, его нужно выполнить.

Я несколько отклонился в сторону...

...У меня была такая встреча с одной матерью. Она жаловалась на то, что ее мальчугана выгоняют из всех школ. Мальчик был в такой-то школе,

потом был в школе для дефективных детей, потом в школе с особым режимом, потом в лесной школе, потом был в санатории, потом был в психиатрической больнице, потом в колониях НКВД. И отовсюду бежал.

— Я,— говорит, — его раздела, спрятала одежду. Сейчас он сидит у меня в одном белье, и я его никуда не пускаю. Что же мне с ним делать? Я думаю отдать его учеником на наш завод. Ему четырнадцать лет.

Начал я расспрашивать:

— А в квартире у вас чисто?

— Да нет, особенно... порядка нет.

— А сын что-нибудь делает?

— Нет, ничего не делает.

— А постель за собой убирает?

— Нет, не убирает.

— А вы с ним за город когда-нибудь ездили гулять?

— Нет.

— А в цирке были?

— Ни разу.

— А в кино были?

— Ни разу.

— А подарили ему что-нибудь?

— Да он не заслуживает.

— Так что же вы от него хотите?

— Может быть, отправить его к дяде, в г. Истру?

Тут уж я не вытерпел. «Пощадите. Несчастный ребенок. Вы ему все нервы истрепали. Человек даже со здоровыми нервами не сможет выдержать перемены десяти коллективов в течение каких-нибудь пяти лет».

Человек не может привыкнуть ни к одному коллективу. Сегодня он в одном коллективе, завтра в другом, потом — в третьем, четвертом, человек начинает бродить между коллективами, и из него получается индивидуалист плохого сорта. Этот вопрос очень интересен, и педагог обязан его исследовать.

Другой вопрос — беспорядок дома. Пришел я к ребенку домой. Беспорядок ужасающий. Просто бедлам. Три комнаты. Половина мебели поломана. За окнами мухи валяются с 1930 г. Кругом толстый слой пыли.

Какой же воспитательный процесс может быть в этой пыли, в этой свалке вещей, которую никто не разбирает, не убирает, о которой никто не заботится.

Если в квартире идеальная чистота, если нет лишних вещей и если вы поддерживаете порядок, у вас ребенок не может быть очень плохим. Внешний порядок, к которому вы приучаете ребенка с самого раннего возраста, формирует его, заставляет его предъявлять к себе большие требования.

К сожалению, такой внешний порядок мне не очень часто приходилось наблюдать в тех семьях, куда меня приглашали. Как же вы можете воспитывать ребенка, живое существо, человека, советского гражданина, если вы не способны организовать десяток неодушевленных предметов в вашей квартире?

Вам за воспитание живого человека и браться тогда нечего. Пригласи-

те наемного воспитателя или отдайте ребенка навсегда из дома. Нужно научиться самим организовать вещи, нужно научить этому ребенка, и тогда ребенок скорее станет членом коллектива. Вот этому и должна научить школа тех родителей, которые не знают, что делать.

Следующий вопрос. Я выдвигаю такое положение, что настоящая семья должна быть хорошим хозяйственным коллективом. И ребенок с малых лет должен быть членом этого хозяйственного коллектива. Он должен знать, откуда у семьи средства, что покупается, почему это можно купить, а этого нельзя и т. д.

Ребенка надо привлекать к участию в жизни хозяйственного коллектива как можно раньше, с пяти лет. Ребенок должен отвечать за хозяйство своего коллектива. Отвечать не формально, конечно, а удобствами своей жизни и жизни семьи. Если в хозяйстве плохо, то в жизни его тоже худо. Этим вопросом следует заняться.

И наконец, товарищи, последний вопрос, пожалуй, самый трудный — это вопрос о счастье.

Обычно говорят: я — мать и я — отец все отдаем ребенку, жертвуем ему всем, в том числе и собственным счастьем.

Самый ужасный подарок, какой только могут сделать родители своему ребенку. Это такой ужасный подарок, что можно рекомендовать: если вы хотите отравить вашего ребенка, дайте ему выпить в большой дозе вашего собственного счастья, и он отравится.

Надо ставить вопрос так: никаких жертв, никогда, ни за что. Наоборот, пусть ребенок уступает родителям.

Вы знаете манеру некоторых девочек говорить матерям:

— Ты свое отжила, а я еще ничего не видела.

Это говорится матери, которой иногда всего тридцать лет.

— Ты свое отжила, а я еще не жила, потому все мне, а тебе ничего.

Девочка должна подумать:

— У меня вся жизнь впереди, а тебе, мама, меньше осталось.

Поэтому в своем четвертом томе «Книги для родителей» я прямо напишу: новые платья в первую очередь — матерям.

И дети перестанут обижаться, если вы воспитаете их в стремлении приносить счастье родителям. Пусть дети думают о родительском счастье в первую очередь, а что думают родители — это детей не касается. Мы люди взрослые, мы знаем, о чем мы думаем.

Если у вас есть лишние деньги и вы думаете, кому купить платье — матери или дочери, так я говорю — только матери.

Отец и мать в глазах детей должны иметь право на счастье в первую очередь. Нет никакого смысла ни для матерей, ни для дочерей, ни тем более для государства воспитывать потребителей материнского счастья. Самая ужасная вещь — воспитывать детей на материнском или отцовском счастье.

В нашей коммуне мы тратили 200 тыс. рублей на походы и 40 тыс. на билеты в театр. Не скупились на это. Денег не жалели. Но когда шили костюмы, то у нас было такое правило: малыши получали костюмы от старших. И они знали, что им шить новые костюмы не будут. Малыши могли рассчитывать только на перешитые костюмы. Правда, мы могли бы подождать, пока старшие ребята до конца износят свои

костюмы, и потом эти костюмы выбросить. Но мы этого не делали. Старшие поносили немного, и костюмы перешивались для младших.

Что вы дадите девочке в 17—18 лет, если вы в 14 лет нарядили ее в крепдешин?

К чему это? А какой у этой девочки разгон получается? Дальше у нее начинаются такие рассуждения: у меня только одно платье, а у тебя, т. е. у матери, — три платья.

Нужно воспитывать в детях заботу о родителях, воспитывать простое и естественное желание отказаться от собственного удовольствия, пока не будет удовлетворен отец или мать.

У меня взрослый сын. Окончил институт. Инженер. Очень красивый молодой человек. Финансы у нас общие. У меня до сих пор не было пальто. Кое-кто рассудил бы так: на что тебе, старику, пальто, ты и так хорош. Сыну пальто нужнее. Он молодой красивый человек, ему нужно с девушкой прогуляться, ему пальто необходимо.

Но я выдержал тон. И он выдержал тон.

— Может быть, ты сошьешь себе пальто?

— Нет, не сошью, пока ты не сошьешь.

И он действительно не сшил себе пальто до тех пор, пока я не приобрел себе пальто. Бегал в стареньком пиджачишке. А когда деньги появились, я сшил пальто себе, а он пусть подождет, хоть он и красивый. Важно, что он пережил заботу обо мне. Ну, а девушки и в простом пиджачке любить будут.

Ну вот, товарищи, пожалуй, на этом я и кончу.

Может быть, будут вопросы?

Вопрос с места. Существует ли сейчас коммуна им. Дзержинского, кто ею руководит и какова ваша связь с этой коммуной сейчас?

Ответ. Коммуна им. Дзержинского жила после меня еще два года, потом была ликвидирована. Почему? Потому, что старшие ушли в вузы, завод, который был там создан, передали соответствующему ведомству. Все коммунары были выпущены с честью.

Связь со своими коммунарами я поддерживаю.

...Надо сказать, что эта связь начинает причинять мне огорчения. Их все-таки много. Их самих я еще помню, но я не могу помнить, кто на ком женился и у кого сколько ребят. А ведь в письмах приходится писать и об этом.

Вы знаете, товарищи, мне приходится один день в шестидневку тратить на переписку. Это меня очень затрудняет. Правда, я не обижаюсь, ведь у них, кроме меня, никаких родственников нет. К кому же им обратиться? Но мне иногда тяжело бывает от такой массы корреспонденции.

Кто-нибудь из моих бывших воспитанников приезжает, например, в Москву. С поезда прямо ко мне. Иногда на целый месяц. С открытой душой заявляется: «Я, Антон Семенович, к вам на месяц!» Я в ужасе. Мне все-таки жаль жену. Не может же быть она содержательницей постоянной гостиницы. Мне не жаль того, что съедят мои гости, не в этом дело, но хлопоты большие.

— Ну ладно, приехал, так оставайся. Вот, Галя, приехал.

— Кто?

— Да Витька Богданович.

— Ну, здравствуй, Витя.

Через два дня начинаются разговоры:

— Я, пожалуй, в гостиницу поеду.

— Зачем в гостиницу? Живи здесь.

Через три дня опять разговоры:

— Надо, пожалуй, в Ленинград съездить.

— Да зачем тебе ездить, лучше здесь живи.

А когда уезжает, так и расставаться жаль:

— Переезжал бы в Москву, работал бы здесь, ну и жил бы у меня.

Ведь в большинстве своем хорошие люди получались из них. Связь хотя и тяжелая, но для меня это источник большой, настоящей радости. Правда, кое-кто потерялся.

По случаю награждения меня орденом я получил радиограмму с острова Врангеля. Подписано: «Митька Жевелий». Вы его знаете по «Педагогической поэме».

Сегодня получил письмо, тоже поздравительное. Подписано: «Инженер-орденоносец Орисенко (Гуд)»...

Карабанов — начальник колонии. Замечательный человек. Если про себя я говорил, что я мастер, а не талант, но Карабанов в первую очередь талант. Он буквально чудеса делает. Если написать об этом, так, пожалуй, никто не поверит.

Расскажу вам такой случай. В 1937 г. я руководил всеми колониями Украины. Вызвал из Ленинграда Карабанова.

— Бери новую колонию, будешь работать там.

— Хорошо.

Дал я ему старый совхоз, какие-то медздравовские бараки в пяти километрах от Винницы, около шоссе. Ничего там не было. Я решил: Карабанов человек сильный, дал я ему «лучших ребят». Со всей Украины собрал. Собрал настоящих «жуков», которые со мной без мата принципиально не разговаривали. Парню 14—15 лет, но у него в кармане отмычки и водка.

Месяц я продержал их в приемнике. Окружил высоким забором, часовых поставил.

Так эти часовые были несчастными людьми, хотя и со штыками и с наганами. Ребята над ними просто издевались: и плевали им в физиономию, и швыряли чем попало. Что с ними сделаешь? Стрелять ведь в них не будешь. Изведся я, пока Карабанов подготавливал все к приему ребят.

Наконец получаю телеграмму от Карабанова: «Можно привозить». Погрузил я их в арестантские вагоны с решетками, поставил конвой и отправил.

Ночью они прибыли в Винницу. Карабанов подал к станции два грузовика. С соответствующими выражениями уселись в грузовики. Приехали. Постели приготовлены. Накормили их, уложили спать. Все равно, говорят, завтра будем в Виннице. Ночью не видели, куда приехали. Утром проснулись — кругом степи, пусто. И бараки.

Карабанов ушел на село. Ребята заявили: жить здесь не будем, пошли, братва, на вокзал. Поехали в Винницу.

Около них несколько чекистов. Уговаривают их: куда вы, дорогие ребятки, останьтесь. Они ответили им соответствующим образом и пошли пешком, целой ватагой. А чекисты за ними на автомобиле поехали, все уговаривать продолжают.

Прибежал Карабанов:

— Где хлопцы?

Схватил первого попавшегося коня, без седла, поскакал за ними. Видит — идут хлопцы по дороге.

Он спрыгивает с коня. Поскользнулся и упал. Лежит. Те к нему: что такое?

Пробуют поднять. Стонет. Потом говорит: несите меня в колонию. Понесли в колонию. Всей гурьбой пошли. Принесли. Осторожненько опустили его, а он и говорит: да вы меня поставьте. Поставили они его на ноги. А он и говорит: «Ну спасибо, что донесли, не хотелось мне пешком идти».

Ребята буквально обалдели. А он увидел самого курносого и говорит:

— Почему ты такой красивый?

Ребята в еще больший восторг пришли. Карабанов говорит:

— Ну что же, идите в Винницу.

— Ну пойдем.

— А может быть, позавтракаете, а потом пойдете.

— Ладно, отчего не позавтракать.

Позавтракали, да так и застряли там. Через три месяца я приехал к нему туда с ревизией, посмотрел на них. Дисциплина, что надо. Все очень вежливые, приветливые, все читали «Педагогическую поэму».

Я не стал расспрашивать Семена, как он это сделал. А у ребят спросил:

— Ну-ка, скажите, какое у вас главное достижение?

— Наше главное достижение — Семен Афанасьевич. (Смех.)

Вот это настоящий талант. Не мастер, а именно талант, которому подчиняются самые тяжелые, самые вредные. И из них он делает хороших людей. Мы посылали ему самых трудных, и он делал с ними буквально чудеса.

Сейчас он прислал мне письмо, где пишет: дайте мне какую-нибудь колонию, здесь мне уже надоело, здесь уж слишком благополучно, дайте мне что-нибудь такое, что у всех в печенках сидит. (Смех.)

Вопрос с места. А что вы думаете относительно ремешка или подзатыльника? Допустимо это?

Ответ. К сожалению, меня почему-то считают специалистом по этому вопросу. Основываются на том, что я один раз ударил Задорова. Вы помните, вероятно, этот случай в «Педагогической поэме».

И многие говорят: вот вы треснули Задорова — и все пошло хорошо. Значит, нужно трескать.

Вопрос спорный. Ударить человека иногда, может быть, полезно, даже взрослого. Есть такие люди, которым следует набить морду. Но никто не может сказать заранее, полезно это или нет.

Я противник физических методов воздействия. И раньше был противником. Я ударил Задорова не потому, что своим педагогическим разумом пришел к тому, что это хороший метод. И не потому так бла-

гополучно все кончилось, что это был хороший метод, а потому, что Задоров был благородным человеком. Я Задорова избил, а он протянул мне руку и сказал — все будет хорошо. Редкий человек способен на это.

Если бы на его месте был Волохов, он зарезал бы меня. Я в этом не сомневаюсь, я думал, что и Задоров может зарезать, но Задоров оказался человеком в высшей степени благородным. Сейчас он работает одним из ведущих инженеров на постройке Куйбышевского узла. Это мой настоящий друг. Когда он приезжает ко мне, у меня семейное торжество.

Один этот случай ничего не означает. Может быть, педагог и нарвется на такое благородное существо: треснет его, а тот ему руку пожмет. Все может быть. Но это ничего не доказывает. Вообще физическое наказание как метод я не могу допустить, тем более в семье.

В колонии еще можно было сорваться. Там есть какое-то оправдание. Там я один стоял перед сотней людей. А как можно сорваться в семье, где всего отец, мать и несчастных два-три ребенка, причем это не бандиты и не беспризорники. Я не видел ни одной семьи, где физическое наказание приносило бы пользу.

Правда, я не говорю о тех случаях, когда мать отшлепает рукой двух-трехлетнего ребенка. Ребенок ничего не поймет даже. А мать не столько накажет его, сколько свой темперамент проявит. Но ударить мальчугана в 12—13 лет — это значит признать свое полное бессилие перед ним. Это значит, может быть, навсегда разорвать с ним хорошие отношения.

В коммуне им. Дзержинского ребята никогда не дрались. Помню, был такой случай. Возвращались мы из Батуми на пароходе в Крым. Заняли всю верхнюю палубу. Нас очень полюбили. Мы были красиво одеты, у нас был прекрасный оркестр, мы устраивали там концерты. Публике и команде мы очень понравились. И вот как-то утром, за завтраком, перед самой Ялтой один старший коммунар ударил своего товарища, более молодого, по голове консервной коробкой. Случай для нас совершенно небывалый. Я был ошеломлен. Что делать? Слышу, играют общий сбор.

— Почему?

— Дежурный командир приказал.

— Зачем?

— Все равно вы прикажете созвать.

Хорошо. Собрались. Что делать? Вносится предложение: ссадить в Ялте, расстаться навсегда.

Смотрю, никто не возражает.

Я говорю:

— Да что вы, шутите или серьезно? Да разве это возможно. Ну, ударил, ну, виноват, но нельзя же выкинуть человека из коммуны.

— Чего там разговаривать, голосуй.

— Подождите, — говорю.

Тогда председатель говорит:

— Есть предложение лишить слова Антона Семеновича.

И что же вы думаете — лишили. Я говорю им:

— Мы в походе, я командир, я могу все общее собрание под арест посадить на пять часов, это вам не коммуна, где я с вами разговариваю, как же вы можете лишить меня слова?

— Ну ладно, говорите.

А говорить-то и нечего. Голосуют. Кто за это предложение? Все единогласно. И здесь же выносится другое предложение: кто пойдет провожать, может обратно не возвращаться.

Прибежала делегация от пассажиров и команды. Просят простить этого мальчика.

— Нет, мы знаем, что делаем.

В Ялте ни один не сошел с парохода. Ждали Ялту с нетерпением, хотели посмотреть город, погулять, а здесь ни один с парохода не сошел. Дежурный командир сухо сказал ему:

— Иди.

И пошел.

Приехали мы в Харьков, а он на площади нас встречает. Наши грузятся. Он здесь же вертится. Дежурный командир говорит ему:

— Уйди с площади. Грузиться не будем до тех пор, пока ты будешь здесь.

Ушел. Через три дня пришел ко мне в коммуну. У дверей часовой.

— Не пропущу.

— Ты же всех пропускаешь.

— Всех пропускаю, а тебя не пропущу.

— Ну, вызови тогда Антона Семеновича.

— Не буду вызывать.

Все-таки вызвали меня.

— Что тебе нужно?

— Попросите общее собрание.

— Хорошо.

Просидел он у меня до вечера. Вечером общее собрание. Прошу. Смотрят и молчат. Спрашиваю, кто хочет высказаться? Никто. Да скажите же что-нибудь. Улыбаются. Ну, думаю, наверное, оставят. Прошу голосовать. Председатель голосует: «Кто за предложение Антона Семеновича, прошу поднять руки». Ни одной руки не поднимается. «Кто против?» — Все.

На другой день опять пришел.

— Не может быть, чтобы меня так жестоко наказали. Созовите общее собрание, я хочу, чтобы мне объяснили.

Созывается вечером общее собрание.

— Вот он требует объяснения.

— Хорошо. Говори, Алексеев.

Выступает Алексеев, начинает говорить.

— Ты на пароходе в присутствии всего Советского Союза, так как на пароходе были представители всех городов, в присутствии команды из-за какого-то пустяка ударил товарища по голове. Этого нельзя простить, и никогда мы тебе не простим. После нас будут здесь ребята, и те не простят.

Ушел он. Из старых ребят многие уже вышли из коммуны, много новеньких. И новенькие всегда говорили: «Нужно поступать так, как

поступили со Звягинцем». Они Звягинца не видели в глаза, но знали о нем.

Видите, товарищи, как коммунары относились к битью. Педагогической душой я их осуждаю за такую жестокость, а человеческой душой — не осуждаю.

Это, конечно, жестокость, но жестокость вызванная. Конечно, в коллективе допускать побои нельзя. Я лично горячий противник физических методов воздействия.

Вопрос с места. У вас в коммуне были юноши и девушки 17—18 лет. Какие у них были взаимоотношения?

Ответ. Вопрос очень трудный. Рассказывать пришлось бы очень долго. Об этом есть в моей книге. Коротко все-таки скажу. Любовь запретить нельзя, конечно, но разрешать влюбляться и жениться в восемнадцать лет тоже нельзя. Никакого счастья от такого брака не будет. У нас большую роль играло единство коллектива и доверие ко мне. Я мог собрать девушек и читать им лекции о поведении девушки. А потом собирал и юношей. И тех я уж не столько учил, сколько просто требовал: в первую очередь отвечать так-то и так-то, поступать так-то и так-то.

Меня поддерживали комсомольская организация, партийная организация и, конечно, пионерская организация. Поддерживало и общее собрание.

Только благодаря этому у нас было с этим вопросом все благополучно: никаких драм и трагедий не было. Мы знали, например, что Кравченко любит Доню, а Доня любит Кравченко. Они всегда вместе ходили, вместе гуляли, но ничего плохого не было в этом. Они отжили свой срок в коммуне, поступили оба в вуз и уж потом, через три года, поженились. Приехали в коммуну и на совете командиров заявили — мы женимся. Командиры поаплодировали им: вовремя женитесь, пять лет любовь выдерживали.

Вопрос с места. Откуда у вас такое знание психики дошкольников?

Ответ. Своих детей у меня нет, но есть приемные дети. В коммуне у меня был детский сад для детей сотрудников. Я его организовывал, я им руководил. Многих дошкольников хорошо знаю и очень люблю. Опыт небольшой, но все-таки есть.

Речь на юбилее школы № 1 Ярославской железной дороги

Дорогие товарищи!

Ваше сегодняшее торжество волнует меня в нескольких, так сказать, разрезах. Прежде всего, я сам сын железнодорожника, сам окончил железнодорожное училище и сам девять лет работал учителем в железнодорожном училище. У меня поэтому достаточные основания для сравнения. На южных дорогах, а это были самые солидные дороги в старой России — они протянулись от Харькова до Одессы и от Харькова до Севастополя,— тогда было полтора десятка школ и не было среди них ни одной средней и ни одной неполной средней, а учеников было в этих школах всего около двух тысяч человек. И хотя вместе со мной работало очень много старых и заслуженных учителей, за девять лет моей дружбы я не

помню ни одного чествования, ни одного юбилея, вообще ни одного собрания такого радостного, такого торжественного и такого волнующего[1].

На вашем сегодняшнем празднике меня волнует еще одно обстоятельство. Я вижу ваши лица, слышу ваши слова, слышу высказывания многих общественных сил, создавших вашу школу. Здесь собрались не только учителя, здесь собралось советское общество. Приятно, что в ваших лицах я не вижу ничего «шкрабьего», я узнаю в вас настоящих, больших деятелей советской школы. И школа ваша прекрасная. Для этого заключения достаточно общего впечатления. Я не сомневаюсь, что ваша школа — одна из лучших московских школ. Многие сегодня говорили слова благодарности и восхищения по адресу отдельных лиц, и прежде всего по адресу директора т. Рыжковца́. Как будто совершенно уместно было подумать: хвалят, ничего не поделаешь, юбилей, всегда уместно похвалить. Сегодня так подумать нельзя. У меня наметанный глаз, я хорошо вижу т. Рыжковца, я знаю его по походке и по полету — это настоящий большой мастер своего дела. Я знаю, какое большое дело — создать этот дворец, повесить вот эти гардины, я знаю, что это такое — отдать одной школе двадцать лет. Это значит отдать жизнь. Я знаю, сколько таланта, сколько крупных начинаний, сколько мелочных забот нужно пережить, чтобы создать дружный коллектив — главнейшее условие для настоящей творческой учительской работы.

Среди вас я вижу и моего учителя — Александра Константиновича Волнина[2]. После девяти лет работы в бедной железнодорожной школе я пошел учиться, и я попал в руки Александра Константиновича. Жизненные ценности не всегда поддаются точному измерению. Часто в руках наших нет даже тех масштабов, которыми можно измерить важнейшие явления. Так и мне трудно измерить и трудно вам рассказать, как много сделал для меня и для других Александр Константинович. Он был директором Полтавского учительского института перед самой революцией. В то время, разумеется, директор не мог открыто быть большевиком и воспитывать большевистские характеры. Но из его рук много вышло большевиков, и многие из них положили головы на фронтах гражданской войны. Это потому, что он был всегда настоящим человеком, и он воспитывал в нас лучшие человеческие стремления. В моем же педагогическом развитии он создал самые главные принципы и навыки духа.

У него я заимствовал главное положение моей педагогической веры: как можно больше требования к человеку и как можно больше уважения к нему[3].

Сегодняшняя встреча с ним для меня чрезвычайно радостна. Я потерял его из виду двадцать два года назад. Я часто о нем вспоминал, и часто мне приходилось спрашивать себя: где Александр Константинович, отдал ли он революции свои замечательные силы? Не зная ничего о нем в течение такого долгого времени, я, естественно, начинал сомневаться. И вот сегодня я вижу, с какой большой благодарностью, с каким искренним горячим чувством здесь все чествуют Александра Константиновича, премируют его, подносят ему подарки и с каким искренним и надежным желанием все ожидают от него и впереди такой же большой и такой же человеческой работы в деле коммунистического воспитания.

У вас сегодня грандиозное торжество. Оно гораздо значительнее, чем вам кажется. Это торжество новой школы, торжество революции, торжество новой культуры. Сейчас... наше учительство стоит перед самой почетной и самой трудной задачей: на него возлагаются надежды всей страны, это мы должны готовить людей для коммунистического общества, это на наших плечах должен подняться новый человек и поднять перед всем миром совершенное коммунистическое общество — в творчестве новой культуры нам принадлежит самое почетное и самое видное место[4].

Мы можем гордиться и нашим прошлым и нашим будущим, мы можем радостно продолжать нашу работу.

Поздравляю вас с праздником и желаю вам таких же больших побед впереди.

Да здравствует советский учитель!

Воля, мужество, целеустремленность

Вопрос о коммунистическом воспитании трудящихся поставлен как вопрос решающего значения. Отрадно сейчас видеть волну самого широкого интереса к этому вопросу, которая поднялась в нашем обществе. Вопрос о коммунистическом воспитании назрел не только в порядке политического развития нашей страны, он назрел и в быту, в обыкновенном, будничном самочувствии каждого советского гражданина.

Мы хорошо понимаем, что этот важнейший вопрос является решающим и в области нравственных отношений нашего общества, и в области промышленности, и в проблемах нашего богатства, роста, нашей победы в мировой революции, и, наконец, в проблемах нашего счастья и счастья всего человечества.

Мы знаем все это не только потому, что размышляем, требуем и хотим. Нет, мы знаем еще и потому, что видим: коммунистическое воспитание — не проект, не предвидение, это уже существующая реальность. Советский человек 1939 г., советские народные массы наших дней в очень малой степени напоминают людей перед началом империалистической войны. Наш народ не только вырос в общем богатстве, в знаниях, в развитии, в готовности к действию и к борьбе, он вырос и нравственно, и его нравственный рост настолько велик, что давно определился наш этический переход в «новое качество».

На каждом шагу мы встречаем в нашем обществе совершенно новые требования к человеку и совершенно новые нормы человеческого поступка и поведения. Каждому ребенку нашей страны известны многие имена лучших людей, показавших самые высокие образцы социалистического героизма, настойчивости, преданности революции и партии. От этих вершин практической советской этики представление о новых законах поведения и требования к человеку распространяются широко и глубоко в народе, создавая новые категории нашей мысли и новые традиции для действия.

Коммунистическое воспитание многомиллионных масс советского народа началось с первого дня революции, с первого слова Ленина, с первых боев на фронтах гражданской войны. И потом, в течение 21 года, комму-

нистическое воспитание, сплошь и рядом в незаметных и неощутимых выражениях, как будто между делом, как будто в боковых параллельных процессах, а на самом деле сознательно и целеустремленно проводилось на протяжении всего грандиозного опыта социалистической стройки. Буквально можно сказать: нет ни одного акта, ни одного слова, ни одного факта в нашей истории, которые, кроме своего прямого хозяйственного, или военного, или политического значения, не имели бы и значения воспитательного, которые не были бы вкладом в новую этику и не вызывали бы нарастания нового морального опыта.

Этот моральный опыт, эти родившиеся уже нормы поступка еще не сведены в строгую систему, еще не оформлены в точных положениях, в терминах и, самое главное, еще не расширились до общенародных опытных традиций. Мы еще очень часто наблюдаем некоторую борьбу между старой и новой этикой, еще приходится слышать споры и недоуменные высказывания по вопросу о разных деталях поступка. Еще не уравновешены и не сделались нормативными многие положения о любви, дружбе, ревности, верности, чести — эти детали в настоящее время занимают нашу молодежь, и она жадно ищет правильных решений, потому что она требует и хочет коммунистического совершенства поведения.

Среди проблем самой первой степени значимости стоит проблема воспитания воли, мужества и целеустремленности. Несмотря на то что во всемирной истории трудно найти эпоху, которая отличалась бы такими всенародными проявлениями именно этих качеств поступка, несмотря на то что все наши победы являются результатом нашей могучей воли, нашего беззаветного мужества, нашего сознательного и настойчивого стремления к цели,— несмотря на это, а может быть, благодаря этому вопросы воспитания воли сделались самыми важными и волнующими вопросами нашего бытия. Тем более важными они становятся сегодня, когда наша страна переживает новый подъем, когда она стоит на определившихся путях к коммунизму.

Конечно, воспитание воли и мужества на каждом шагу и сегодня совершается в нашей стране, и каждый день прибавляет в этом отношении еще не учтенные новые победы. Но совершенно ясно и другое. Совершенно ясно, что мы обязаны с чисто большевистской искренностью и прямотой сказать, что воспитание воли, мужества и целеустремленности проходит иногда в порядке самотека, что сознательных, организующих и точных начинаний в этом деле недостаточно.

В особенности это нужно сказать в отношении нашей школы. Трудно переоценить важность этого вопроса. В наших школах воспитывается больше 30 миллионов детей и юношей. Это в несколько раз больше любой армии в любом государстве, это больше очень многих самих государств. И если мы допустим в этом важнейшем воспитательном деле хотя бы 10 процентов брака, то это значит, что мы прибавим в нашем обществе 3 миллиона плохо воспитанных, а может быть, и вредно воспитанных молодых людей. Народное образование и народное воспитание в нашем государстве сделались таким количественно могучим, что и один процент брака в этой работе грозит нашей стране серьезными прорывами.

Перед лицом этой постоянной политической проблемы уместно спросить: что сделано и что делается в области организации школьного воспитания?

И ответить нужно в очень грустных словах. В советской жизни нет другой области, в которой делалось бы наше советское дело так неуверенно, так неразборчиво, так неопределенно.

По совести нужно ответить: никто не знает, что делается, никто об этом не думает, никто за это не отвечает. Несмотря на очень многие угрожающие симптомы, несмотря на самые настойчивые, тревожные сигналы со стороны всего общества, несмотря на неоднократные указания партии на неблагополучие нашего педагогического участка,— наркомпросовский богатырь «не трехнется, не ворохнется». Воля, мужество, целеустремленность! Эти слова звучат почти дико, когда мы вспоминаем о Наркомпросе. Надо иметь прежде всего мужество, чтобы открыто признать: мы не знаем, кого мы воспитываем, кого мы хотим воспитать, мы не знаем, нужно ли воспитывать мужество. А вдруг это «непедагогично»? А вдруг это опасно для здоровья? А вдруг мамаши будут недовольны?

Кто виноват в этой неразберихе? Позвольте, а где же педагогические ученые, где эти сотни инженеров педагогики, которые обязаны были, давно обязаны подготовить, продумать, разрешить вопросы коммунистического воспитания? Ведь нигде так часто не произносились эти два слова, как в педагогических статьях. А что сказано в этих статьях по вопросу о воспитании воли, мужества и целеустремленности?

Эти вопросы фактически сняты с очереди, как и многие другие вопросы воспитания. Эти вопросы спрятаны в хитром переплете псевдонаучной болтовни, прикрыты устаревшим и совершенно чуждым для нас утверждением, что никаких отдельных вопросов воспитания нет, что воспитание неразрывно связано с образовательным процессом. Честное слово, трудно даже поверить, но такой простой и наивный фокус проделывается на глазах всего советского общества. Вместо того чтобы честно и серьезно работать над вопросами коммунистического воспитания, сделали умное лицо и заявили:

— Воспитание? А зачем? Учитель — он же преподает, вот в это самое время он и воспитывает. История! Вы знаете, одна история сколько может воспитать, вы себе представить не можете!

И хотя никто к этим утверждениям не мог отнестись с уважением, хотя для всех ясно, что ничего, кроме ловкости рук, в этом утверждении нет,— все осталось как было.

История, конечно, воспитывает. Воспитывает и литература и математика. Но никакого права ограничивать воспитательный процесс классной работой, конечно, никто не имел, как не имеет права инженер-строитель утверждать, что при постройке дома достаточно заняться только вопросами центрального отопления и конструкции крыши.

Почему организаторы школьного воспитания поступают так непринужденно просто? Исключительно потому, что они сами никакого отношения... к целеустремленности не имеют. Никакие цели их особенно не интересуют, в том числе и цели коммунистического воспитания. А кроме того, есть и такое соображение: как-нибудь обойдется, это же не мост строить, который может рухнуть через месяц. Мы ученика выпустим, кто там разберется, что он за человек. Как-нибудь обойдется: комсомол, семья, пионеры... сделают.

И фактически получилось так, что все дело воспитательной работы,

дело огромной государственной важности, передано в руки разрозненных учителей, среди которых много молодых и неопытных, и пионервожатых, среди которых нет ни одного опытного. А чтобы эти разрозненные силы вследствие своего энтузиазма не внесли беспорядка в педагогическое благополучие, их связали по рукам и ногам почти щедринским требованием: все должно быть умеренно и аккуратно.

И нечего удивляться, что наш педагогический обиход характеризуется таким анекдотом: у нас часто повторяются слова: «это воспитательное средство» или «это не воспитательное средство». Непосвященный человек может подумать, что воспитательное средство — это такое, которое преследует определенные педагогические цели. Ошибка! Ничего подобного! Воспитательная мера — это как раз такая, которая преследует единственную цель: чтобы все прошло благополучно, чтобы козы были сыты и сено цело, чтобы никто не обижался и, вообще, чтобы не было неприятностей.

В подавляющем своем большинстве наша школа похожа на любвеобильную мамашу, воспитательный метод которой определяется формулой: «чтобы дитя было сыто и чтобы дитя не простудилось». Она обкармливает детей показной «стопроцентной» успеваемостью и следит, чтобы дитя не простудилось мужеством или, допустим, целеустремленностью. И так же, как этой самой мамаше, ей недосуг подумать: сколько мы теряем и на успеваемости и на здоровье детей по причине близорукой заботливости.

Зато спокойнее живется. Зато можно проставить в процентах проделанную работу и забыть о том, что во всех других советских областях люди ищут, дерзают, находят, иногда рискуют, но всегда создают новое.

Мужество! Попробуйте серьезно, искренне, горячо задаться целью воспитать мужественного человека. Ведь в таком случае уже нельзя будет ограничиться душеспасительными разговорами. Нельзя будет закрыть форточки, обложить ребенка ватой и рассказывать ему о подвиге Папанина. Нельзя будет потому, что результат для вашей чуткой совести в этом случае ясен: вы воспитываете циничного наблюдателя, для которого чужой подвиг — только объект для глазения, развлекательный момент.

Нельзя воспитать мужественного человека, если не поставить его в такие условия, когда бы он мог проявить мужество,— все равно в чем: в сдержанности, в прямом открытом слове, в некотором лишении, в терпеливости, в смелости[1]. Нельзя приступить к воспитанию воли, если предварительно не разрешить вопрос, чем советская воля отличается от воли в буржуазном обществе. Там воля необходима человеку для подавления другого человека, там целеустремленность направлена к лучшему куску общественного пирога. Не рискуем ли мы подставить эти буржуазные категории вместо наших категорий, когда всю педагогику сводим к так называемому индивидуальному подходу?

Коммунистическую волю, коммунистическое мужество, коммунистическую целеустремленность нельзя воспитать без специальных упражнений в коллективе. Не метод парного влияния от случая к случаю, не метод благополучного непротивления, не метод умеренности и тишины, а *организация коллектива,* организация требований к человеку, организация реальных, живых, целевых устремлений человека вместе с коллективом — вот что должно составить содержание нашей воспитательной работы... То, что происходит в нашей школе, недостойно советской эпохи.

Мы фактически ученика не воспитываем, мы ничего от него не требуем, кроме самых примитивных тормозов, необходимых для нашего удобства. Мы добиваемся (не всегда), чтобы он тихо сидел в классе, но мы не ставим перед собой никаких целей положительного дисциплинирования. У наших школьников иногда еще бывает дисциплина порядка, но не бывает дисциплины борьбы и преодоления. Мы ожидаем, пока ученик совершит тот или иной проступок, и тогда начинаем его «воспитывать». Ученик, не совершающий проступков, нас не занимает,— куда он идет, какой характер развивается в кажущемся его внешнем порядке, мы не знаем и узнавать не умеем. Такие распространенные типы характеров, как «тихони», «иисусики», накопители, приспособленцы, шляпы, разини, кокеты, приживалы, мизантропы, мечтатели, зубрилы, проходят мимо нашей педагогической заботы. Иногда мы замечаем их существование, но, во-первых, они нам не мешают, а во-вторых, мы все равно не знаем, что с ними делать. А на самом деле именно эти характеры вырастают в людей вредоносных, а вовсе не шалуны и дезорганизаторы.

В настоящее время, когда у нас воспитывается больше 30 миллионов детей, не подлежит сомнению, что успех этой грандиозной работы зависит не от разрозненных усилий миллиона учителей, а исключительно от организации школы как целого, от стиля и тона тех требований, которые мы предъявляем к детям, от стиля дисциплины и игры в детском коллективе, от широко организованных регулярных упражнений в волевых напряжениях, в мужестве, в постоянном движении к большим, ясным, желанным целям.

Такая педагогическая работа будет не только гораздо более эффективна, но и гораздо более приятна для педагогов. Наше учительство сейчас очень страдает от серости, скуки и ложной добродетельности собственных приемов. Оно страдает от неисчислимого количества самых диких предрассудков, неизвестно откуда к нам пришедших. Например, до сих пор считается аксиомой, что для детской натуры необходимо пустое, бестолковое, нецелесообразное движение. До сих пор считают «воспитательной» мерой непротивление в классе, хотя бы при этом срывался целый урок. До сих пор наш ребенок даже в течение одного года несколько раз перебрасывается из одного коллектива в другой, а ведь на самом деле нет ничего вреднее этого настойчивого воспитания «внеколлективного» человека.

Жизнь нашей школы, нашего детского коллектива должна быть гораздо бодрее, гораздо подтянутее, гораздо веселее и гораздо суровее. Только в таком случае школа начнет выполнять свои функции в деле коммунистического воспитания, отказавшись раз навсегда от успокоительного этического самотека.

Конечно, такая работа потребует от учительства большой энергии, большой силы духа, потребует больше искренности и больше смелости. Но в этом заключаются не только тяжести, но и удовлетворения. Нельзя миллионную массу нашего молодого учительства держать на постной пище кабинетных, абстрактных и трусливых рассуждений. Наше детское общество должно отражать жизнь всей Советской страны. Школа должна бороться за коммунизм с такой же волей, с таким же мужеством, с таким же напряжением, как и все наше общество. И с такой же радостью!

План лекции «Коммунистическое воспитание и поведение»

Тезис о решающем значении коммунистического воспитания трудящихся.
Производительность труда.
Поднятие культурного уровня.
Оперативность и деловитость. Правильный подбор кадров.
Развертывание социалистического соревнования.
Сознательное отношение к своим обязанностям. Честный труд.
Помощь отстающим.

Поднять коммунистическое воспитание трудящихся

Роль интеллигенции.
Постановка вопроса.
Ясны требования.
Знаем ли мы, что такое коммунистическое поведение и коммунистическое воспитание.

Задачи коммунистического воспитания

Что и кем сделано:
Мировой интерес. Длинный глаз.
Техник. Стахановец.
Привычка к рабству.
Культура. Книга. Читатель.
Единство. Союз народностей. Доверие к руководству.
Что нужно сделать.
Положение Ленина.
Необходимость детализации, размышления, проверки и опыта.
Нарастание традиций.
Привычка.
От каждого по способностям, каждому по потребностям.
Кто будет воспитывать.

Борьба с пережитками капитализма

Знаем ли мы, что такое пережитки капитализма.
Мы всё относим к капитализму.
Домашние справки на всякий случай жизни.
Ревность, пьянство, эгоизм и жадность.
Пережитки явно экономические. Таких почти нет, они хорошо скрыты.
Пережитки, вытекающие из незнания, из слабого мышления, из узости взгляда.
Пережитки, вытекающие якобы из эгоистической природы человека.
Пережитки, вытекающие из недостаточного коллективного опыта.
Особый вид пережитков — влияние старой этической системы. Христианство. Его сущность. Его влияние. Другие религии.
Общая средняя моральная норма «цивилизации».
Индивидуализм.
Левая и правая щеки.
«И ижденут и рекут всяк зол глагол».
Отношение к труду. Посмотрите на птиц небесных.
Отношение к коллективу.
Не судите, да не судимы будете.
Грех и покаяние.
Цинизм.
Нетребовательность. Моральный оппортунизм.
Сентиментальность.
Этическое кокетство.
Любовь к ближнему. Расслабленность.

Коммунистическое поведение

Новые разрезы измерения.
Прозаический предмет.
Все прозаичнее, ближе к жизни.
Отношение к идеалам: добро, любовь, совершенство, царствие небесное.
Материя и дух. (Материя в музыке Чайковского.)
Дело доблести. Точность.
Труд, точность... моральные нормы.
Деловитость.
Все это требует образования, знания, умения.
Только ли на производстве? (А в любви, а на улице, а по отношению к товарищу, а по отношению к самому себе?)

Единство поведения

Основная принципиальность коммунистического поведения. Эгоизм и жертвенность.
Маркс (227).
Посадка в трамваи. Логика старая и логика новая. Паника при пожаре.
Логика разумного существа.
Примеры. Любовь нужно организовать, уметь сделать. Счастливые и несчастные.
Несчастный человек — виновный человек.

Этические нормы нового человечества

Каждому по потребностям.
Потребность как нравственная категория.
Предпосылки.
Уверенность в обеспеченности и защищенности.
Отмирание пережитков накапливания и натаскивания.
Вкус к жизни.
Общественное мнение — не будет судить по количеству вещей и тряпок.
Требовательность к себе и к другим.
Нормы определяются коллективной связью и общественным локтем.
Нормы будут вытекать из нашего сознания и нашей традиции. Регулятор — общественное мнение. Ревность. Эстетика. Знание. Помощь...
Сознание победы и высоты нашей истории. Борьба за счастье человечества.
Забота о детях.

Коммунистическое воспитание и поведение

Мы сегодня хороним большого деятеля коммунистического воспитания, великого гуманиста нашего времени Надежду Константиновну Крупскую. Это друг Ленина, создавшего большевистскую партию и новую эпоху в человеческом поведении. Я прошу вас почтить память Надежды Константиновны Крупской вставанием. (Все встают.)

Товарищи, я не чувствую себя в особенном праве говорить с вами о коммунистическом воспитании... Я прикоснулся к этим вопросам в таком же порядке, в каком и вы прикасаетесь к ним почти ежедневно, и поэтому не ожидайте от меня никаких формул или истин, не ожидайте от меня никакой мудрости.

Договоримся так, что вопрос этот, для нас всех важныи, дорогой, вопрос этот всех нас интересует, и поговорить о нем в меру нашей искрен-

ности, нашего настоящего глубокого желания совершенствоваться в области коммунистического поведения всегда уместно.

Мое маленькое право говорить перед вами вытекает из моего жизненного опыта. Я сообщу, в чем заключается это право. Революция, советская жизнь поручили мне дело, дело перевоспитания малолетних правонарушителей. Я работал с ними 16 лет, работал без перерывов, без отпусков, без бюллетеней, без выходных дней. Это, конечно, удача — такая длительная работа в одном коллективе. И когда я начал ее, я считал, что передо мною стоит миниатюрная задача: вправить души у этих самых правонарушителей, сделать их вместимыми в жизни, т. е. подлечить, наложить заплаты на характеры, не больше, только то, что необходимо, чтобы человек мог как-нибудь вести трудовую жизнь, как-нибудь — я на бóльшие достижения не претендовал. Но по мере того, как я работал, как рос и богател мой коллектив, по мере того как он становился комсомольским коллективом, я постепенно повышал требования к своему делу, к себе, и дело повышало требования ко мне и к моему коллективу, и я уже перестал интересоваться вопросами исправления, меня перестали интересовать так называемые правонарушители, потому что я увидел, что никаких особых «правонарушителей» нет, есть люди, попавшие в тяжелое положение. Я очень ясно понимал, что если бы в детстве попал в такое же положение, я тоже был бы таким, как они. И всякий нормальный ребенок, оказавшийся на улице без помощи, без общества, без коллектива, без друзей, без опыта, с истрепанными нервами. без перспективы,— каждый нормальный ребенок будет себя вести так, как они...

Я пришел к заключению, что нет детей-правонарушителей, а есть люди, не менее богатые, чем я, имеющие право на счастливую жизнь, не менее, чем я, талантливые, способные жить, работать, способные быть счастливыми и способные быть творцами. И тогда, конечно, совершенно ясно, никакие специфические педагогические задачи перевоспитания уже не могли стоять передо мной. Стояла обыкновенная задача — воспитать человека так, чтобы он был настоящим советским человеком, чтобы он мог быть образцом поведения[1].

Последние годы, таким образом, я никого не исправлял, я просто выполнял обыкновенную советскую работу, воспитывал обыкновенных хороших советских людей. Меня сопровождал успех, и в этом заслуга, конечно, уже не моя, в этом заслуга всей нашей советской жизни — тех целей, которые перед нами стоят, тех путей, которые мы вместе с вами прошли, той энергии, которую мы находим в каждом часе нашей жизни.

Вот почему и моя работа, и усилия моего коллектива имели успех. В результате я пришел к некоторым интересным для меня самого выводам. Первый вывод такой: воспитание — очень легкое дело, воспитание счастливое дело, никакая другая работа по своей легкости, по исключительно ценному, ощутимому, реальному удовлетворению не может сравниться с работой воспитания.

Я это всегда говорю, и многие коллеги, в особенности коллеги-педагоги, посмеиваются, слушая меня. Но они не имеют права улыбаться.

Недавно пригласили меня на юбилей одной школы...[2] Я увидел замечательную школу, одну из лучших московских школ, и я спросил: «Наверно, у вас по 20 лет работают педагоги?» — «Да,— говорят,— директор 20 лет

в школе, а этот —15, а этот —12». И у них большой успех, потому что 20 лет быть директором в одной школе — значит отдать ей жизнь. А это очень много. Вот и я отдал свою жизнь и так же, как они, работал успешно.

Я имею право утверждать, что работа по воспитанию — очень легкая работа. Легкая не в том смысле, что можно поработать, потом пойти погулять, потом почитать, отдохнуть и т. д. Нет, времени она берет много, но она легкая по типу напряжения.

Последние годы у меня было 600 коммунаров... и мне было легко работать, настолько легко, что с 1930 г. я работал без обычной в интернатах должности воспитателя. Были учителя в школе, были инженеры на заводе, но детский коллектив в 600 человек жил, в известном смысле, самостоятельно. И утром, когда я слышал сигнал «вставать» и знал, что в моем коллективе нет ни одного взрослого человека, я не беспокоился. Я прекрасно знал, что они достаточно разумны, достаточно опытны, достаточно честны, дисциплинированны и воодушевлены, чтобы над ними не ставить надзирателя. Они могли сами проделать такую простую вещь, как вовремя встать с постели, умыться, вовремя убрать пыль, вытереть полы, выстроиться и встретить своего дежурного командира официальным торжественным приветствием как сегодняшнего руководителя. А после этого они давали сигнал на работу, и к ним приходили взрослые — инженеры, педагоги и я, которые вели день дальше.

Я сначала поражался, зная, как трудно встать вовремя, натереть полы, когда за тобой никто не следит, а потом перестал удивляться и увидел, что это нормальное коллективное действие, нормальный человеческий поступок, а нормальный человеческий поступок и есть самый простой и самый легкий поступок.

Вот я и приношу к вам вывод, который могу вам предложить,— это моя уверенность в том, что коммунистическое воспитание — это счастливый процесс, который сам в себе несет успех, и поэтому дело воспитания — легкое и счастливое дело...

Коммунистическое воспитание мы начинаем не сегодня, оно начато 20 с лишним лет назад, оно начато для всего нашего народа с первого удара Октябрьской революции, а для партии большевиков коммунистическое воспитание начато с первых слов товарища Ленина[3]. Коммунистическое воспитание — это не то, что стоит перед нами, а то, что давно нас воспитывает и в значительной мере уже воспитало нас.

Наш советский человек отличается большими новыми особенностями. Русские, украинцы, белорусы, все иные народности — вообще советский человек приобрел новые качества характера, новые качества личности, новые качества поведения. Среди этих качеств можно отметить некоторые, всем прекрасно известные. Прежде всего, наш человек сделался субъектом мирового масштаба, он мыслит масштабами мира, у него дальний глаз, он видит, следит, интересуется всем тем, что происходит на всем земном шаре, он переживает те несчастья, которые происходят в Испании и в Китае, переживает как гражданин мира. На наших глазах советский человек сделался именно этим гражданином мира, а 22—23—24 года назад он был еще провинциальным человеком Российской империи... Вот это качество сделаться человеком мирового знания, человеком мировых интересов и

мировых вопросов — это уже большой шаг вперед в деле коммунистического воспитания.

Во-вторых, этот самый российский человек, советский гражданин, который на 80 процентов был неграмотен и далеко стоял от техники, сейчас сделался прежде всего техником. У нас мальчик в 7—9—12 лет больше техник, чем мы, старики, люди старого поколения. Мы сплошь и рядом не знаем, что такое карбюратор, что такое зажигание и что такое капот, а многие из нас, стариков, серьезно думают, что на револьверных станках делают револьверы. А наши мальчики знают, что такое капот и что такое зажигание. Мне в особенности посчастливилось близко подойти к этой технической душе советского гражданина, пока этому гражданину 10—14 лет. Я и сам, как все педагоги, думал, что ребенку нужно давать легкую работу, т. е. давать шить трусики или чинить обувь, иногда делать табуретки. Когда мы заставляем ребят делать плохую табуретку, шить плохие ботинки и кое-как сшить рубашку, мы считаем, что это полезный детский труд и детская техника. И я так думал и предлагал своим ребятам такую работу. А поработавши с ними 12 лет, и им предложил заграничные драгоценные станки, сложнейшие, в которых действительно дышит интеграл, предложил делать «Лейки», советские ФЭД. Что такое «Лейка»? Это 300 деталей, точность которых 0,001 миллиметра. Это производство с заменяемостью частей, точное, сложное, трудное дело. Там, наконец, оптика, которую когда-то знали только немцы, а в царской России не умели вообще делать точной оптики.

Я не побоялся предложить это ребятам. И сам удивлялся тому, что четыре часа в день коммунар стоит у автомата, у револьверного, зуборезного, шлифовального станка. Вот он стоит у автомата, у револьверного, зуборезного, шлифовального станка и рядом с ним стоит взрослый наемный рабочий, у которого больше сил и больше как будто здравого смысла. Это человек моего возраста. И казалось мне и всем инженерам, что это все-таки рабочий, а это ребенок, детский труд. И сколько процентов нужно скинуть на эту детскую производительность труда. И оказалось, что этот ребенок в течение четырех часов делает полную норму рабочего восьмичасового рабочего дня. И что самое главное — делает быстро, делает со страстью и делает хорошо. Знаете, что такое станок. Он параден, красив, он дорог. Он весь блестит, у него медные красивые металлические части. Его нужно беречь, холить. И наши советские мальчики именно так к нему относятся. Какой может быть разговор о порче станка! Пятнышка на станке, неубранной стружки не должно быть. И я увидел, что проблема пятнышка на станке — это есть моральный вопрос, это этика. Этика нового человека, еще молодого, но взявшего эту этику от нашего общества, эту новую свою человеческую душу, которая в станке, в работе видит для себя какой-то транспарант для поведения. И у нас молодежь стоит выше какой угодно другой молодежи.

Откуда пошло стахановское движение? Мы, молодые советские граждане, оказались талантливыми техниками, талантливыми покорителями природы, значит, талантливыми борцами за новые богатства, за новую жизнь.

Еще какие качества уже как продукт коммунистического воспитания, которое мы прошли, есть у нас? И некоторые вступают со мной в переписку

и доказывают, что коммунистическое поведение здесь ни при чем, напротив, именно человек, коммунист, т. е. не член партии, а человек по характеру коммунист, должен жить счастливо, должен жить свободно, не должен быть рабом ни своих чувств, ни своих действий, ни своей жены. И крыть нечем. Имеет право. Иначе, в самом деле, для чего кровь проливали. Так вот и такой вопрос тоже имеет важное значение. Кое-кто клеветал на нас, говорил, что русский человек по природе раб. Трудно себе представить, чтобы советский гражданин мог допустить когда-нибудь возвращение к рабству. Но это не значит, что он сделался анархистом. Нет, он нашел в себе большой гений, большой талант. Там было рабство, теперь сознательная дисциплина. В этом заключалось гнусное возражение против всяких реформ и революции, в этом заключалась явная вера ретроградов и тайная вера либералов, что, только оставаясь рабом, человек может работать.

Где же эта пресловутая привычка к рабству? Что осталось от татарщины, крепостного права, самодержавия? Ничего не осталось! Советский гражданин нашел в себе большой гений, большой талант. Когда-то было рабство, теперь сознательная[4] дисциплина. Это новое качество, воспитанное всем процессом нашей борьбы,— это результат коммунистического воспитания.

Теперь тот самый неграмотный человек, который до Октября смотрел на печатную бумагу как на сырье для цигарки, этот самый человек, мало того, что сделался читателем, что никакие тиражи не могут заполнить нашего спроса,— он сделался качественным читателем. Я часто встречаюсь с моими читателями на конференциях, на встречах и беседах, и, по правде вам сказать, когда я первый раз попал на такую конференцию, я про себя тайно думал: ну что? Это — читатель, как-нибудь поговорим. Это же не критик, который в меня и шпагой и иголкой тычет. Это читатель, добрый человек, который то простит, того не разберет. Ничего подобного, пожалуй, критик, журналист, литературовед не может сравниться с нашим советским читателем по вкусу, по умению определить, что хорошо сделано, что плохо сделано, что нужно, что не нужно, что интересно, что неинтересно, что ценно, что неценно. Советский читатель — это человек богатого вкуса, больших требований к литературе и большого умения разбираться в литературе, и еще самое главное, что отличает и что всегда отличало лучшую часть русской интеллигенции,— это подход к книге, как к другу, как к идейной категории, а не как к тому, что должно развлекать. Наш советский читатель — это человек, который в книге ищет мудрости, знания, идею. Это требовательный, высокопринципиальный и высококультурный читатель. Он таким сделался на наших глазах на протяжении двух десятков лет. И таков он в какой хотите аудитории. Я бываю и в московских собраниях, и в деревенских, и в провинции, и трудно сказать, где он выше. То, что он говорит, как он думает, как он умеет анализировать, как он умеет чувствовать, верить,— это человек огромной культуры души, огромной культуры личности. И ничто меня так не радует, как эта культура. Нельзя даже сказать, что это сделала только школа. Это сделала вся наша жизнь, все наше движение. Это тоже результат коммунистического воспитания.

И наконец, главное достоинство, главное качество нашего гражданина, в котором никто не может сомневаться,— это наше единство. До революции

казалось, что может быть? 100 народов, 100 языков, русский, якут, грузин, как можно примирить всю эту массу, которую царь держал железным обручем? А у нас обруч — это уважение, это наш гуманизм, подобного история никогда, конечно, не видела.

Вот это наше единство, единство всего народа, единство всех граждан, это наше чудесное уважение, любовь к большевистской партии, это единство, несмотря на то что мы умеем критикнуть, имеем свое мнение, умеем поговорить, что вот это, мол, не нравится, позудить и т. д., несмотря ни на что, несмотря на то что у нас так много людей —190 миллионов, эта единая советская душа советского народа — это благо для всех нас и всего будущего человечества. Этот результат коммунистического воспитания уже в наличии, уже готовый.

Значит ли это, что мы уже так коммунистически воспитаны, что дальше нам нечего делать? Я должен сказать, что в общем дело настоящего большого коммунистического воспитания только еще начинается. И вот поэтому уместно сейчас задать себе вопрос: а что такое коммунистическое воспитание, а что такое коммунистическое поведение?

Вы знаете, что в жизни не всегда войдешь в глубину термина, и кажется все очень просто, думаешь, что коммунистическое воспитание — это хорошее воспитание, коммунистическое поведение — это хорошее поведение. Но ведь и до революции было у людей хорошее поведение и плохое. Может быть, и теперь так же: кто не пьянствует, жену не бьет, заботится о своих детях до какого-то нормального предела, не врет, не крадет,— значит, это хорошее поведение, коммунистическое. Так это или не так? Мне приходится часто беседовать по этим вопросам с молодежью и с пожилыми людьми. Приходится встречать такое мнение: это хороший человек, так будем считать, что он коммунистически воспитан. Так это или не так?

Всем нам очень хорошо известны слова Ленина: «...нравственность — это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, созидающего новое общество коммунистов».

Все то, что служит этой задаче трудящихся, задачам революции, будет нравственно, а что не служит этой задаче, будет безнравственно. Это общий критерий для положения о коммунистической нравственности. А вот коснемся частного случая, такой мелочи: «Почему ты не сделал того-то?» — «Забыл, выскочило из головы». Третий человек говорит: «Безобразие, что ты забываешь». А четвертый возражает: «Ну чего ты к нему пристал, он не виноват, он забыл». И действительно, человек что-то помнил, помнил, а потом забыл. Ведь естественно, можно же забыть. Это естественный поступок. Имеет это отношение к формуле товарища Ленина? Конечно, имеет. В нашем обществе точное выполнение обязанностей — нравственная категория.

У человека семья, жена, дети, а потом он встретил красивую женщину и влюбился. Бросил жену, бросил детей...

Могут найтись люди, которые скажут: «Какие могут быть разговоры, что такое поведение идет против революции, когда именно революция освободила меня от семейных цепей и я хожу без цепей, в кого хочу, в того влюбляюсь». Я отвечаю: «Нет, не цепей я хочу, я хочу коммунистического поведения». Но некоторые вступают со мной в спор, доказывают, что чело-

век по характеру коммунист, должен жить счастливо, свободно, не должен быть рабом ни своих действий, ни своей жены.

А я спрашиваю: но имел ли он право быть рабом своих чувств?

Формула товарища Ленина нужна нам для того, чтобы в каждом отдельном случае, на каждом шагу, в каждом движении уметь этой формулой проверить свое поведение и узнать — коммунистически я поступаю или некоммунистически. И совершенно ясно, что для того, чтобы эту формулу расширить до мельчайших деталей наших поступков, нужно большое усилие всех, нужна мысль, нужно искать, анализировать проблемы. Но и этого мало. Еще нужно так привыкнуть к новым требованиям новой нравственности, чтобы соблюдать эти требования, уже не обременяя наше сознание каждый раз отдельными поисками...

Мы идем к коммунизму, к принципу «от каждого по способностям, каждому по потребностям».

Но что значит «каждому по потребностям»?..

Для того чтобы выяснить, что такое потребности и как они будут действительно удовлетворяться, для этого сознательно, умно относиться к своему поведению недостаточно. Необходима привычка правильно поступать.

Наша задача не только воспитывать в себе правильное, разумное отношение к вопросам поведения, но еще и воспитывать правильные привычки, т. е. такие привычки, когда мы поступали бы правильно вовсе не потому, что сели и подумали, а потому, что иначе мы не можем, потому, что мы так привыкли. И воспитание этих привычек — гораздо более трудное дело, чем воспитание сознания.

В моей работе воспитания характеров организовать сознание было очень легко. Все же человек понимает, человек сознает, как нужно поступать. Когда же приходится действовать, то он поступает иначе, в особенности в тех случаях, когда поступок совершается по секрету, без свидетелей. Это очень точная проверка сознания: поступок по секрету. Как человек ведет себя, когда его никто не видит, не слышит и никто не проверяет? И я потом над этим вопросом должен был очень много работать. Я понял, что легко научить человека поступать правильно в моем присутствии, в присутствии коллектива, а вот научить его поступать правильно, когда никто не слышит, не видит и ничего не узнает,— это очень трудно...

Я несколько раз наблюдал, как коммунары вели себя в трамвае. Вот сидит коммунар. Он меня не видит. Смотрю, в трамвай входит человек, коммунар осторожно сдвинулся с места, чтобы никто не заметил, ушел в сторону, и никто не заметил. Вот, товарищи, поступок здоровый, красивый поступок. Сделать для себя, ради идеи, принципа — это уже трудно, и научиться так поступать — трудно, и трудно научить так поступать. Например, вы идете по берегу реки, тонет девочка, вы прыгнули, вытащили девочку и ушли. Что такое, если вас увидят 3—4 человека и будут вам аплодировать? Пустяки. А хочется. Помните случай в Москве, когда был пожар? Какой-то молодой человек проезжал в трамвае, увидел девушку на четвертом этаже, полез, вытащил девушку и скрылся. Никто не знал, как его найти. Вот это идеальный поступок. Поступок для правильной идеи. В каждом случае мне приходилось работать над этой проблемой. Мы натирали полы каждый день. Натерли пол, зал блестит, и кто-то прошел в грязных ботинках по полу. Пустяковый случай. Уверяю вас, никакое

воровство, никакое хулиганство не доводило меня так до белого каления, как эти грязные следы. Почему нагрязнил? Потому что никто не видел. Ведь это, может быть, тот самый лучший коммунар, который от других требует правильного поведения, сам прекрасный ударник, идет впереди. И когда он остался один, наедине, когда его никто не видел — он плюнул на работу своих товарищей, на свой собственный уют, на свою эстетику и красоту потому, что никто не видел. Таково противоречие между сознанием, как нужно поступить, и привычным поведением. Между ними есть какая-то маленькая канавка[5], и нужно эту канавку заполнить опытом. Именно о такой привычке к правильным поступкам говорит товарищ Ленин.

Вот общие положения о задачах коммунистического воспитания. Перед нами стоят эти задачи. Мы должны в ближайшие пять лет пройти этот путь коммунистического воспитания. Кто будет нас воспитывать? Конечно, будет воспитывать партия, советская жизнь, школа, советское движение вперед, советские победы, которые и до сих пор нас воспитывали. Мы будем воспитывать сами себя.

Вот что интересно. В книге «Флаги на башнях» я описал коммуну им. Дзержинского. Это была хорошая коммуна, образцовый коллектив. Могу без ложного стыда это утверждать. Первыми не поверили критики. Один сказал: Макаренко рассказывает сказки. Другой критик добавил: это мечта Макаренко. А я подумал: чего от критиков можно ждать? Сидят они в своих кабинетах, ничего не видят, не слышат, пусть пишут...

Но вот я получил письмо от учащихся 379-й школы. Длинное товарищеское письмо. Поздравляют меня и говорят: «Читали вашу книгу «Флаги на башнях», она нам очень нравится. Но только у вас там все какие-то очень хорошие коммунары, а у человека есть достоинства и недостатки, так и нужно людей описывать».

Это — распространенное мнение, что у человека должны быть и достоинства и недостатки. Так думают даже молодые люди, школьники. Как «удобно» становится жить при сознании: достоинства имею, недостатки тоже есть. А дальше идет самоутешение: если бы не было недостатков, то это была бы схема, а не человек. Недостатки должны быть для красочности.

Но с какой стати должны быть недостатки? А я говорю: никаких недостатков не должно быть. И если у вас 20 достоинств и 10 недостатков, мы должны к вам пристать, а почему у вас 10 недостатков? Долой 5. Когда 5 останется — долой 2, пусть 3 останется. Вообще, от человека нужно требовать, требовать, требовать! И каждый человек от себя должен требовать. Я бы никогда не пришел к этому убеждению, если бы мне не пришлось в этой области работать. Зачем у человека должны быть недостатки! Я должен совершенствовать коллектив до тех пор, пока не будет недостатков. И что вы думаете? Получается схема? Нет! Получается прекрасный человек, полный своеобразия, с яркой личной жизнью. А разве это человек, если он хороший работник, если он замечательный инженер, но любит солгать, не всегда правду сказать? Что это такое: замечательный инженер, но Хлестаков?

А теперь мы спросим: а какие же недостатки можно оставить?

Вот если вы хотите проводить коммунистическое воспитание активным

образом и если при вас будут утверждать, что должны быть у каждого недостатки, вы спросите — а какие? Вы посмотрите, что вам будут отвечать. Какие недостатки могут оставаться? Тайно взять — нельзя, схулиганить — нельзя, украсть — нельзя, нечестно поступить — нельзя. А какие же можно? Можно оставить вспыльчивый характер? С какой стати? Среди нас будет жить человек со вспыльчивым характером, и он может обругать, а потом скажет: извините, у меня вспыльчивый характер. Вот именно в советской этике[6] должна быть серьезная система требований к человеку, и только это и сможет привести к тому, что у нас будет развиваться в первую очередь требование к себе. Это самая трудная вещь — требование к себе. Моя же «специальность» — правильное поведение, я-то должен был во всяком случае правильно себя вести в первую очередь. С других требовать легко, а от себя — на какую-то резину наталкиваешься, все хочешь себя чем-то извинить. И я очень благодарен моему коммунарскому коллективу им. Горького и им. Дзержинского за то, что в ответ на мои требования к ним они предъявляли требования ко мне.

Например, такой случай. Я наказывал коммунаров, сажал под арест у меня в кабинете. Бывало, посидит полчаса, а я говорю: иди. И думаю, какой я добрый человек, наказал и через полчаса отпустил. Вот меня теперь будут любить. Вообще благорастворение души. И вдруг на общем собрании говорят: «У нас есть предложение, Антон Семенович имеет право наказывать, поддерживаем, приветствуем это право. Но предлагаем, чтобы он не имел права прощать и отпускать. Что это такое — Антон Семенович накажет, а потом у него доброе сердце, попросили — и он простил. Какое же он имел право прощать? Иногда Антон Семенович с размаху скажет: под арест на 10 часов, а потом через час отпускает. Неправильно. Вы раньше, чем наказывать, подумайте, на сколько часов. А то вы скажете 10 часов, а потом прощаете. Никуда не годится».

Постановили на общем собрании: «Начальник имеет право наказывать, но не имеет права прощать». Так, как судья: вынес приговор и через несколько минут сам ничего поделать не может. Приговор вынесен — и все. И я сказал: «Спасибо не за то, что правильное предложение внесли, а спасибо за то, что вы меня воспитываете». Стремление закрыть глаза — простить или не простить — это распущенность собственного поведения, разболтанность собственного решения.

Я учился у моих коммунаров, как быть требовательным к себе. И каждый может учиться у других людей, но это трудная вещь.

Воспитание себя, коммунистическое воспитание себя — это трудная работа, но не сделать ее может только расслабленный человек, который ищет всего легкого.

Теперь вопрос о борьбе с пережитками капитализма[7].

Ну, скажем, ревность — это пережиток капитализма или нет? Ко мне недавно пришли три студента первого курса и спрашивают: «Спорим, спорим и никак выспорить не можем. Ревность — это пережиток капитализма или нет? С одной стороны, как будто пережиток капитализма, потому что я люблю ее, а она другого любит. Я как будто собственник и предъявляю свои права собственности. А с другой стороны, как же можно любить без ревности, как это можно любить и не ревновать. Это не настоящая любовь. Какая это любовь, когда тебе все равно, как она на тебя посмотрит, как

она на товарища посмотрит». И на самом деле, ревность такое чувство, которое, пожалуй, так легко к капитализму не отнесешь. Во всяком случае, такой вопрос поставить можно. Дальше, допустим, выпить лишнего, пережиток капитализма или нет? Как же пережиток капитализма, если тебе 23 года, ты при капитализме не жил и начал выпивать вообще при Советской власти? Почему это пережиток? Это как раз тоже наше явление.

Ну, даже возьмем такую очень распространенную штуку, как эгоизм. Опять-таки, если люди, которые говорят: эгоизм — это пережиток капитализма несомненный. А другие возражают: эгоизм — здоровое явление. Человек, не имеющий эгоизма, это значит, что с ним хочешь, то и делай. И много других таких явлений есть, о которых мы так и не знаем, куда их отнести. ...и обычно сваливаем в одну кучу и говорим — это пережиток капитализма. А на самом деле некоторые вещи порождены нашей советской жизнью. Возьмите вы горячность, излишнюю самоуверенность, даже удальство, оно у нас сплошь и рядом рождается от нас, от нашего советского патриотизма, пафоса, когда человек прет вперед, стремится к цели и часто разрушает на своем пути. Это неосмотрительность, это плохая ориентировка. Это уже, конечно, не пережиток капитализма.

Вообще пережитков много, и они разнообразны. Самых настоящих пережитков (экономических методов) капитализма как раз мы не наблюдаем. Трудно представить себе, чтобы наш гражданин мечтал открыть бакалейную лавочку. Такого явления мы уже не видим, и даже втайне никто об этом не мечтает. Трудно себе представить человека нашего общества, который бы хотел кого-нибудь эксплуатировать, думал бы об этом сознательно. А между тем мы наблюдаем в жизни, как один человек бессознательно «эксплуатирует» другого. В позапрошлом году я поехал с товарищем по Волге. Хороший друг. Но он меня всю дорогу, 20 дней, «эксплуатировал».

Заказать постель — он не мог, пойти на пристань что-нибудь купить — не мог. Пошел купить раз огурцов — купил гнилых. Кипятку достать, билеты купить, машину найти — ничего не мог. И я на него работал все это время. Он «эксплуатировал» меня и спокойно жил моим трудом...

И на каждом шагу мы видим сейчас у нас этот пережиток капитализма. В особенности если спросим женщин — как мы их эксплуатируем. И я раньше думал: ну кого это касается, по-семейному согласились. Я служу, и жена служит, а кроме того, и обед готовит, и носки штопает. И мне в голову не приходило, что я сам должен штопать носки. А в коммуне я понял, что такое атависты со стремлением эксплуатировать женщин. Вот у меня хорошие ребята, комсомольцы, воспитанные ребята и спрашивают: кто будет чинить носки? Носки рвутся, и нельзя же каждый раз новые носки покупать. Правда. А девочки говорят, разве они не могут чинить. Ах, так — говорю. Вот вам инструктор, и вот вам, товарищи мальчики — комсомольцы, каждый день урок, как штопать носки. «Не мужское это дело»,— говорят. И тут я им всласть наговорил. И учились, и научились, и чинили носки, и заплаты делали.

Я бы на месте наших женщин каждый день в работу мужа брал: научись чинить носки. Потому что просто стыдно: мы, мужчины советского героического периода, победившие на всех фронтах всех врагов, и такой пустяк сваливаем на женщин, а для женщины это трудно, это

большая работа, и иногда приходится наблюдать наших замечательных советских женщин, которые работают вместе с нами, несут вместе с нами все наше напряжение и наши радости и печали, где-то там по ночам, когда глава семьи спит, чинят носки. Куда это годится? Никуда не годится. А что такое штопать носки? Приятная эта работа. Вы не думайте, что я достиг в этом вопросе совершенства, но я, честно, не ношу носков и ботинок, я ношу сапоги и портянки, но я не эксплуатирую свою жену. И я не дошел еще до того, чтобы купить себе хороший пиджачный костюм, как мне хочется, и чинить носки. Нет, все-таки я еще носков чинить не буду. Я еще не достиг совершенства. Но я ставлю такую задачу.

Мы очень много эксплуатируем женщин. В коммуне я добился, что там не было эксплуатации девушек, а в жизни я вижу, что этого еще нет. В особенности я задумался над этим вопросом недавно, когда ко мне пришла одна женщина. Ко мне иногда приходят разные люди. Но я никак не мог ожидать такого страдания. Она пришла, сидит и плачет. «Чего вы плачете?» — «Не могу выносить, как мужчины эксплуатируют женщин».—«Кого, вас?»—«Нет, я одинокая». Затем я понял, что у нее есть основания страдать. Это человек большой души, которая от революции ждала настоящего женского освобождения. И она видит, что настоящего женского освобождения нет. Тут пережиток капитализма крепко сидит у нас. Мы его всегда видим, все знаем и все благодушно допускаем, пользуясь чем? Предательски пользуясь тем, что женщины нас любят и хорошо к нам относятся. Предательски эксплуатируем не только работницу-женщину, но и любящего нас человека. Вот какая страшная форма эксплуатации. Это пережиток.

Есть пережитки не только буржуазные в самом своем содержании, есть вытекающие из нашего незнания, нашего неумения, из нашего роста — это уже не пережиток, а недожиток.

Но есть один сорт пережитков, о котором мы меньше всего думаем и который составляет настоящую систему пережитков старины. Это старая этика, старая система морали, по которой мы жили, наш народ жил тысячу лес, а человечество 2 тысячи лет или больше. Мы закрываем глаза, мы делаем вид, что мы этой старой системы морали не замечаем, что ее нет, а она есть. Не собрание пережитков, не сумма отдельных атавизмов и пережитков, а система традиций, система взглядов, логика. Это христианская этика. Нам кажется, что мы покончили с этим: храмы, батюшки, мифы. Вся догматика христианства очень легко слетела с нашей территории. А вот этическая система представления о поведении, традиции, представления о нравах, об идеалах, поведении у нас еще очень крепко живет и у самых настоящих советских людей, у членов партии, у настоящих большевиков. Этические представления христианства. Я под христианством вовсе не хочу понимать какое-то ортодоксальное христианство со всеми его положительными утверждениями. Я под христианством понимаю все то, что выросло на христианской почве. Я к христианству отношу всю эту европейскую цивилизацию, эту европейскую этику, которая выявляется не только в православном или католике, а и в еврее и магометанине. Вся накопленная двухтысячной историей этическая жизнь классового общества. Это самая страшная груда пережитков.

Среди коммунаров я сначала по неопытности считал главным и са-

мым трудным объектом своей заботы воров, хулиганов, оскорбителей, насильников, дезорганизаторов. Это характеры, которые ничем не удержишь. Не за что взяться. А потом я понял, как я ошибаюсь. Тот, который грубит, не хочет работать, который стащил у товарища три рубля из-под подушки,— это не было самой главной трудностью и не из этого вырастали враги в обществе. А тихоня, который всем нравится, который все сделает, лишний раз на глаза не попадется, никакой дурной мысли не выразит,— у себя в спальне среди 15 товарищей имеет сундук и запирает его на замок.

И это тот характер, над которым мне прежде всего нужно работать, потому что этот тихоня так и проскользнет мимо моих рук, и я не могу ручаться ни за мысли его, ни за поступки. Он и выйдет в жизнь, а я всегда буду ждать: а что он сделает. По отношению к таким тихоням я особенно всегда настороже. Я тряс его изо дня в день, чтобы он почувствовал. Со своей подлой душой — и прикидываться хорошим человеком!

И потом мои коммунары научились бороться с таким характером и на серебряном блюде подавать его во всей приглядности.

И эта корзинка, которую человек запирает на замок,— это страшная вещь. Представьте себе, живут 15 мальчиков. На нашей территории нельзя было ничего запирать, кроме производства. Спальни не имели замков, корзинки не должны были запираться. 90 спален, когда ушли на работу, остаются без охраны. А он один повесил замок. И я знаю, что из такого человека получится, и таких людей ни наказанием, ничем не проберешь. Взорвать нужно его каким-то динамитом. И я 6 лет с таким возился. Все знали, что он «иисусик», что у него добрые глаза, что он по виду как будто очень хороший человек, но ни одному поступку его мы не верили.

И когда он просил, чтобы его командировали в военное училище, нет — говорю. Почему? Потому что ты «иисусик».

И наконец, он понял, что нельзя быть «иисусиком». Старался, старался, но своей природы не мог переделать. Ловили его на всякой гадости: то слушок какой-нибудь пустит, то на девочек потихоньку гадость скажет.

Наконец ушел он в один из южных вузов, и я не мог быть спокойным, что из него выйдет человек. И когда он пришел ко мне прощаться, я изменил своему педагогическому такту и сказал: «Сволочью ты был, сволочь есть, и сволочью ты и останешься».

Он приехал потом ко мне в гости и сказал: «Сколько вы со мной возились и ничего со мной поделать не могли, но вот то, что вы мне сказали: сволочью был, сволочью и будешь,— этого я забыть не могу. И сволочью я не буду». И вот этот взрыв: того, что я ему сказал, он забыть не может.

Он не может допустить, чтобы я был прав; и он приехал и говорит: вы ошиблись, не буду сволочью, вы увидите. Я сказал: посмотрим. Вот ты кончаешь вуз, выходишь инженером, и мы посмотрим. А ребята пишут: «Как там Сергей? Мы слышали, что хорошо учится. Не верим». Из другого города писали: «Что с Сергеем? Что-нибудь он уже выкинет». Но его все-таки удалось удержать. А сколько таких, которые промелькнули между рук, с которыми не работали! Вот эти «иисусики» — самые паскудные люди, это христиане, не в смысле религиозном, а в смысле наследия европейской христианской этики во всем ее объеме.

Сентиментальность, нежная расслабленность, стремление насладиться хорошим поступком, прослезиться от хорошего поступка, не думая, к

чему такая сентиментальность, — это самый большой цинизм в практической жизни. И эти пережитки остались. Тот добр, тот все прощает, тот чересчур уживчив, тот чересчур нежен. Настоящий советский гражданин понимает, что все эти явления расслабленной этики «добра»[8] противоречат нашему революционному делу, и с этими пережитками мы должны бороться.

Но главная борьба должна идти по выработке норм нашего коммунистического поведения. Близость к практической жизни, к простому здравому смыслу составляет силу нашей коммунистической этики

И не нужно говорить об идеалах, о добре, о совершеннейшей личности, о совершеннейшем поступке, мы должны мыслить всегда прозаически, в пределах практических требований нашего сегодняшнего, завтрашнего дня. И чем ближе мы будем к простой прозаической работе, тем естественнее и совершеннее будут и наши поступки. Я думаю, что не может быть идеального совершенства в вопросах этики. Я переживал очень много сложных коллизий в своей педагогической работе как раз в работе совершенства. Возьмем такой простой вопрос: пить водку можно или нельзя? Христианин обязательно скажет: нельзя. Полное воздержание, водка — зло, не пей. И вот этот максимум при всей прочей христианской инструментовке, он кажется даже близкостоящим к какому-то серьезному требованию. И рядом тут же всепрощение, полная нетребовательность к человеку. И максимум висит в воздухе. В нашей этике не может быть такого максимума. Ничего не может быть свято, если это святое не идет навстречу интересам нашей революции.

Ко мне приходили ребята. Редко, когда они приходили без бутылки водки в кармане. Эта беспризорная шпана больше пила, чем ела. Как это он придет в коммуну и не похвастается, что он пьет водку. И были такие люди среди них, которые приходили ко мне в 16—17 лет и они уже привыкли пьянствовать. Что с ними делать? Вот в нашей советской современной школе есть подобный, хотя и более мелкий, вопрос — курение. Курят ученики V, VII, X классов. Что мы — педагоги делаем? Мы говорим с чисто христианским выражением на лице «нельзя курить», а они курят. Что мы дальше должны делать? Выгонять из школы? Нет. Та же наша христианская душа не позволит выгнать из школы за курение, эта же христианская душа запрещает курить и не может выгнать за курение. И естественный результат — курят, только не открыто при вас, а в уборной, в отхожем месте, т. е. в самых вредных условиях. Что делать? Как бороться? Надо же решить, а мы его решить не можем и делаем вид, что все у нас благополучно. Мы запрещаем курить. Ребята курят, получают полное удовольствие, а мы не видим, мы ничего не знаем, все благополучно. Но это еще курение. Ну, а водка? У меня были ребята, которые привыкли пить водку и которые иногда из отпуска приходили пьяные и потом сидели у меня в кабинете и плакали на моем плече. Что, мне легче от того, что он будет каждый выходной день плакать? Выгонять тоже нельзя. Я, конечно, по секрету от педагогического начальства вынужден был заняться этим вопросом с точки зрения коммунистической этики. Что мне делать? Выгонять? Куда же его выгонять? У меня последняя стадия его развития, и я знаю, что если я буду сидеть на этой христианской двурушнической позиции, то он будет у меня жить 5 лет, 5 лет будет пить и будет пьяницей.

И мы все знаем, товарищи педагоги, что у нас дети живут до 18 лет, потом выходят в жизнь, а в жизни они будут пить водку. Мы считаем это нормальным. Пусть он пьет после 18 лет, я за него не отвечаю. А я не мог так поступить. Потому что главной моей задачей было не образование, а воспитание.

Что я делал. Я пришел к выводу, что я должен был научить их пить водку. Я их приглашал к себе домой, завхоз покупал водку, я ставил на стол закуску, приборы, клал салфетки, ножи, вилки, все очень культурно, я собирал 8—10 человек «отъявленных пьяниц» в 11 часов вечера, когда уже все легли спать, и говорил им: «Строгий секрет, никто не должен знать о нашем пире. Никто».—«Будьте покойны». Они уже перепуганы этой обстановкой. А я говорю: «Буду учить вас пить водку и дам вам следующий совет. Вот три правила: на голодный желудок не пей; второе правило — закусывай. Повторите. И третье правило — знай, когда нужно остановиться, на какой рюмке, чтобы не потерять лицо человека». Это, говорят, хорошие правила.

«Ну, давай проделаем первое упражнение».

Налили по рюмке. Выпили, закусили. Есть такие, спрашиваю, которые считают, что нужно остановиться на первой? Нет, говорят, таких нет. Выпили по второй, по третьей. Я говорю: «Проверьте себя, вы себя знаете». И вот кое-кто говорит: «Нужно остановиться». Но были такие храбрецы, которые на десятой остановились. «Ну, теперь идите спать!» И все трезвые. Они уважали меня и понимали, что я делаю дело.

А вот наше российское дело: где-нибудь в переулке перевернуть литр, упасть и тут же заснуть у парадного крыльца.

Через неделю, через месяц спрашиваю: «Будете помнить мои правила?»—«Спасибо, сердечное вам спасибо,— говорят.— Будем всегда ваши правила помнить. В голову нам не приходило, что и в этом деле нужна культура и можно чему-нибудь научиться. Когда пойдешь в город и купишь бутылку, нужно ведь ее всю выпить, куда же девать остаток. Закусывать? Где будешь закусывать? И поэтому все так и делается неправильно. Пьешь — и все». И человек 50 за свою жизнь я вот так научил пить водку. У меня не было другого выхода. Я только в этом году стал рассказывать об этом, а то делал это в секрете.

Когда, например, в гости приезжает какой-нибудь капитан Красной Армии, ну, поставишь графинчик, закуску. И он говорит: «Всегда на шестой останавливаюсь. Всю жизнь буду помнить».

Товарищи, я к чему это рассказываю? Если бы я был христианин и захотел бы балансировать, жонглировать этикой, они бы у меня вышли пьяницами и теперь они были бы несчастные люди.

В колонии им. Горького, когда я еще не научился сам, как их исправлять, был у нас Лапоть, замечательная личность, блестящий характер, блестящая натура, а спился. Не научил я его пить. Из-за пустяка спился. Влюбился в красивую девушку, женился, а он сам некрасивый. Какая же гарантия, что такая женщина не будет тебе изменять? А он нарвался на легкомысленную особу. Он человек больших чувств — запил. И теперь пьет. Я уже его взял в руки, я его отправил в колонию к Калабалину.

И некоторые из горьковской колонии хорошие ребята пьют только потому, что я не справился с этим проклятым грехом, не научил, как его

привести в культурный вид. Мы все кричали: не пей, не пей, будь как голубь.

Точно так же и с курением. Я не пошел на путь максимума, я покупал табак и папиросы, и они курили в моем присутствии, у меня прикуривали. И именно это позволило мне вести борьбу с курением другими средствами, средствами убеждения, врачебным вмешательством, и наконец, старшие курят на договоре: вы курите, а младшим курить не даете. И уж при этом условии младшим не покурить. Конечно, я мог вызвать врача, своего воспитанника, и сказать ему: вызови к себе, посмотри и попугай. И тогда врач вызывал мальчика и говорил: «Что у тебя с легкими делается, ты год проживешь».— «А что такое?» — «Да там один никотин». Я ему не запрещал курить, а доктор его пугал. И процент курящих у меня был невелик, он не превышал 15—20. И очень многие взрослые мальчики-комсомольцы бросали курить именно потому, что я не делал максималистской проблемы.

Что все это доказывает? Прозаичность нашего этического подхода, близость к жизни, то, что по нашим силам, то и есть наша этика, то, что вы способны сделать. Мы требовать должны, но исключительно посильное требование. Я в особенности считаю, что в нашей коммунистической этике всякое превышение... может только калечить. Я помню спор между двумя студентами, моими воспитанниками. Одному из них 19 лет. Вдруг на него нашла такая мизантропия: «А для чего жить, а какая цель?» У вас это тоже, наверно, бывает. Встает вопрос: а для чего жить? А какая цель жизни? И потом такая сентенция: везде материя. Материя, материя и материя. Живем, а потом умрем и сгнием.

Я с ним возился, возился — не за что взять. А тут приехал товарищ и замечательно сказал: «Материя, говоришь?» — «Да».— «Ну что же, с такой же материей и жить можно. Материя хорошая. Никакой другой материи не хочу и духа другого не хочу». И убедил человека. И от всей этики ничего не останется, если говорить высокими выражениями о добре, истине и т. д. Наша этика должна быть этикой прозаической, деловой, сегодняшней, завтрашней, нашего обыкновенного поведения. Вот поэтому и разделы, которые у нас проходят между добром и злом, между правильным и неправильным, выражаясь по-старому, проходят не по тем линиям, как в христианстве.

Какое дело христианской этике до вопросов труда? Никакого. А у нас труд — это этическая категория. Все обязаны трудиться, а раз обязаны все,— значит, это норма морали.

Но возьмем более сомнительные нормы, например, такие нормы, которые не могут значиться в христианстве, например точность. Мы считаем часто, что у людей должны быть недостатки, и сплошь и рядом считаем, что если человек привык опаздывать, то это небольшой недостаток. Я в коммуне известным образом преследовал любовь, т. е. не хотел, чтобы были ранние браки, считая, что это большое зло, поэтому обрабатывал любовные сюжеты всякими и педагогическими и непедагогическими способами, т. е. говорил: «Брось свою любовь». Так что это было объектом моего преследования.

И все-таки был случай, когда одна коммунарка назначила коммунару свидание где-то в парке. А я нарвался на эту историю. Сидит она на скамье,

я подсел и говорю: «Ждешь кого-то».— «Нет, так сижу».— «Неправда,— говорю,— ждешь такого-то и такого-то. Давай ждать вместе».

Ждем, ждем. 5 часов — нет, половина шестого — нет, и наконец в половине седьмого пришел. Я на него накинулся: «Что за безобразие. Обещал в 5 часов — и приходи в 5, а то заставил ждать девушку, да и меня к тому же, до половины седьмого».

И вы, товарищи девушки, разлюбляйте его, если он будет опаздывать. Точность в нашей жизни — это моральная норма. Вот, например, у нас, в Союзе писателей, существует такой обычай. Если нужно, чтобы заседание состоялось в 7 часов, то пишут: «Просят прибыть в шесть часов без опоздания». Это значит приходи в семь. Написано в шесть потому, что хотят, чтобы все собрались в семь. И если это все знают, то еще опоздают и придут в восемь.

Какое циничное отношение к точности!

Мы требовать должны, но предъявлять исключительно посильные требования... Всякое превышение может только калечить...

Наша этика должна быть этикой прозаической, деловой, сегодняшнего, завтрашнего нашего обыкновенного поведения...

Те, кто считает, что у людей могут быть недостатки, иногда думают: если человек привык опаздывать, то это небольшой недостаток.

И вот как-то спокойно опаздывают на 1—2 часа, пренебрегая тем, что его сидят и ждут 20 человек. Это точность в простом вопросе, а проверьте нашу точность в данном слове, точность выражений, точность выражения чувств. Сколько есть таких случаев, когда человеку только немного нравится женщина, а он говорит: влюблен, все отдам. Почему так говорят? Уважения к точности нет. Если бы это уважение было, человек как-нибудь проверил бы и сразу увидел — влюблен или не влюблен. И если бы было уважение к точности слова, не говорил бы «я вас люблю», а говорил бы «вы мне понравились». Все-таки это другое, тут надо подумать еще, надолго ли понравилась. Это отсутствие точности, в конце концов, очень близко к тому недостатку, который называется мошенничеством; точность в нашей жизни — это моральная норма, это великое дело в борьбе за наше богатство. Возьмем последний прекрасный закон о точном прибытии на работу. Многим кажется, что этот закон требует напряжения от человека, что это жестоко. А я восхищаюсь, я вижу, как создается традиция точного отношения к времени. (А п л о д и с м е н т ы.) Эта традиция станет привычкой, через 10 лет мы научимся уважать ее, сознавать, чувствовать каждым своим нервом, ощущать в каждом своем движении.

Я могу гордиться — в моей коммуне всегда был такой порядок: какое бы заседание ни происходило, полагалось ждать три минуты после сигнала. После этого собрание считалось открытым. Если на заседание кто-нибудь из коммунаров опаздывал на пять минут, председатель говорил: ты опоздал на пять минут — получи пять нарядов. Это значит пять часов дополнительной работы.

Точность. Это производительность труда, это продуктивность, это вещи, это богатство, это уважение к себе и к товарищам. Мы в коммуне не могли жить без точности. Десятиклассники в школах говорят: не хватает времени. А в коммуне была полная десятилетка и завод, который отнимал 4 часа в день. Но у нас хватало времени. И гуляли, и отдыхали, и веселились,

и танцевали. И мы дошли до настоящего этического пафоса — за опоздание самое большое наказание. Скажем, коммунар говорил мне: ухожу в отпуск до восьми часов. Он сам назначал себе время. Но если он приходил в пять минут девятого, я его сажал под арест. Кто тебя тянул за язык? Ты мог сказать в девять часов, а сказал в восемь, — значит, и приходи так.

Точность — это большое дело. И когда я вижу, коммунар дожил до точности, я считаю, что хороший человек из него выйдет. В точности проявляется уважение к коллективу, без чего не может быть коммунистической этики...

В точности проявляется основной принцип нашей этики, это постоянная мысль о нашем коллективе.

Вот вопрос об эгоизме и самоотверженности. Маркс говорит: «...как эгоизм, так и самоотверженность е с т ь при определенных обстоятельствах необходимая форма самоутверждения индивидов»[9].

...Я наблюдал в одной колонии, которую ревизовал в прошлом году, такой способ выхода из театра: все друг друга сдавили и выйти не могут. Хотите, говорю, научу, как нужно выходить из театра? Вы сейчас выходили из театра 20 минут, попробуйте выполнить мой совет — и выйдете в течение 5 минут. Очень просто: хочешь выйти — уступи другому дорогу. И действительно — помогло. Оказывается, каждый выиграл. Эгоизм каждого удовлетворен.

Мы в Харькове демонстрировали, как нужно входить в театр: колонна в шестьсот человек проходит к театру, дается сигнал — справа по одному бегом, и шестьсот коммунаров вбегали в течение одной минуты. Это просто разум, просто логика, никакой хитрости нет. И в каждом нашем поступке может быть такая логика. Если бы все граждане при входе в трамвай уступали друг другу дорогу, никто никогда не давил и все вошли бы. Личность выигрывает именно потому, что есть расчет на большие цифры и большие массы. Наша коммунистическая этика должна быть рассчитана на миллионы счастливых, а не на счастье только мое. Логика старая: я хочу быть счастливым человеком, мне нет дела до остальных. Логика новая: я хочу быть счастливым человеком, но самый верный путь, если я так буду поступать, чтобы все остальные были счастливы. Тогда и я буду счастлив. В каждом нашем поступке должна быть мысль о коллективе, о всеобщей победе, о всеобщей удаче. Поэтому противно смотреть на жадного эгоиста, который хочет сейчас ухватить, ухватил, пожирает и забывает, что именно при таком способе действия вместо радости обязательно в каком-то случае схватишь горе...

Всякий поступок, не рассчитанный на интересы коллектива, есть поступок самоубийственный, он вреден для общества, а значит, и для меня. И поэтому в нашей коммунистической этике всегда должен присутствовать разум и здравый смысл. Какой бы вы ни взяли вопрос, даже вопрос любви, он решается тем, чем определяется все наше поведение. Наше поведение должно быть поведением знающих людей, умеющих людей, техников жизни, отдающих себе отчет в каждом поступке. Не может быть у нас этики без знания и умения, без организации. Это относится и к любви. Мы должны уметь любить, знать, как нужно любить. Мы должны к любви подходить как сознательные, здравомыслящие, отвечающие за себя люди, и тогда не может быть любовных драм. Любовь так же нужно организовать, как и все дела. Любовь так же любит организацию, как

и всякая работа, а мы до сих пор думали, что любовь — это дело таланта. Ничего подобного.

У меня в коммуне были сотни девушек и юношей, кто влюблялся, был убежден сначала, что это личная симфония, а я поневоле смотрел на них и думал: вот на этого чернобровая произвела определенное влияние, которое в ближайшее время может сказаться в лишних «плохо» в школе, в позднем вставании, испорченных нервах.

Я должен был воспитывать чувства этих людей.

Этическая проблема «полюбил — разлюбил», «обманул — бросил» или проблема «полюбил и буду любить на всю жизнь» не может быть разрешена без применения самой тщательной ориентировки, учета, проверки и обязательно умения планировать свое будущее. И мы должны учиться, как надо любить. Мы обязаны быть сознательными гражданами в любви, и мы поэтому должны бороться со старой привычкой и взглядом на любовь, что любовь — это наитие свыше, налетела вот такая стихия, и у человека только его «предмет» и больше ничего. Я полюбил, поэтому я опаздываю на работу, забываю дома ключи от служебных шкафов, забываю деньги на трамвай. Любовь должна обогащать людей ощущением силы, и она обогащает. Я учил своих коммунаров и в любви проверять себя, думать о том, что будет завтра.

Такая разумная, точная проверка может быть сделана по отношению к каждому поступку. Возьмите такую простую категорию, как несчастье. Ведь по нашей старой привычке говорят: это не его вина, а его беда. Иначе: это несчастный человек, с ним случилось несчастье, надо его пожалеть, поддержать. Правильно — поддерживать, конечно, нужно в несчастье, но гораздо важнее требовать, чтобы не было несчастий. Несчастных людей быть не должно. И я убежден, что при развернутом коммунизме будет так: такой-то привлекается к судебной ответственности по такой-то статье за то, что он несчастлив. Нельзя быть несчастным. Наша этика требует от нас, во-первых, чтобы мы были стахановцами, чтобы мы были прекрасными работниками, чтобы мы были творцами нашей жизни, героями, но она будет требовать, чтобы мы были счастливыми людьми. И счастливым человеком нельзя быть по случаю — выиграть, как в рулетку,— счастливым человеком нужно уметь быть. В нашем обществе, где нет эксплуатации, подавления одного другим, где есть равенство человеческих путей и возможностей, несчастий быть не должно.

Правда, мы еще мало об этом думаем. Но вот я в своем маленьком опыте подошел к этому и говорил коммунарам: что может быть противнее несчастного человека? Ведь один вид несчастного человека убивает всю радость жизни, отравляет существование. Поэтому, если ты чувствуешь себя несчастным, первая твоя нравственная обязанность — никто об этом не должен знать. Найти в себе силы улыбаться, найти силы презирать несчастье. Всякое несчастье всегда преувеличено. Его всегда можно победить. Постарайся, чтобы оно прошло скорей, сейчас. Найди в себе силы думать о завтрашнем дне, о будущем. А как только ты встанешь на этот путь, ты встанешь на путь предупреждения несчастий. Счастье сделается нашим нравственным обязательством, и иначе быть не может при коммунизме. Несчастье может быть только продуктом плохой коммунистической нравственности, т. е. неумения, неточности, отсутствия уважения к себе и другим.

Вот, товарищи, я заканчиваю. Для того чтобы разрешить все вопросы коммунистической этики, нужно много думать, мыслить, писать об этом, к этому стремиться. Нужно себя тренировать в постоянном нравственном поступке. Вся наша жизнь, наша борьба, наше строительство, наше напряжение помогут нам расти в области коммунистического воспитания.

Разрешите закончить.

Вопрос. Англичане очень точны, но можно ли их назвать людьми с коммунистическими задатками?

Ответ. Я не говорил, что точность — единственный признак коммунистически воспитанного человека. Я говорил, что у нас точность должна быть моральной нормой, а у англичан точность существует лишь как норма этикета, норма вежливости. Мы требуем точности не только в быту, а и в работе, в словах, в ответственности за свои обязанности. Наша формула точности глубже захватывает жизнь, но, конечно, не покрывает всего коммунистического воспитания.

Вопрос. Недостатки изменяются. Достоинства с течением времени переходят в свою противоположность. И этот процесс всегда будет. Значит, никогда не может быть человека, который не имел бы недостатков?

Ответ. Но это не значит, что на данном этапе мы не должны требовать уничтожения сегодняшних недостатков. Наши законные требования имеют моральное значение. А, конечно, недостатки всегда будут оставаться в обществе. Но чем больше мы будем требовать, тем меньше их будет.

Вопрос. Очень часто ребята не хотят учиться, а хотят работать, а мы до 17 лет их мучаем и мучаемся сами. Правильно ли это?

Ответ. Маркс считал, что дети с 9 лет должны принимать участие в производительном труде[10]. Труд очень увлекает детей, и я уверен, что наша будущая школа будет применять производительный труд. Мы не справились с трудовым воспитанием в большой мере благодаря отсутствию кадров.

Вопрос. Прошу ответить: вы встречали ваших героев во «Флагах на башнях», работали с ними или вы полагаете, что они должны быть такие?

Ответ. Я восемь лет руководил этой коммуной. Я убежден, что каждый детский коллектив может быть таким, и требую этого. Только, в отличие от некоторых педагогов, моих противников, я говорил: это возможно, если от детей требовать правильного поведения. Кроме требования нужны и другие меры. Я вообще считаю, что у нас сейчас во многих школах главной бедой является дисгармония между бурными, сильными, горячими натурами ребят в 12—14 лет и скукой детского коллектива в школе. Детский коллектив должен быть гораздо более веселый, бодрый.

В книге «Флаги на башнях» нет ничего выдуманного, там описана только правда[11]. И я это сделал, прекрасно понимая, что уменьшаю художественную силу своего произведения. Если бы я прибавил, выдумал, оно было бы интересно. Но я служу интересам коммунистического воспитания и не считал себя вправе описать не так, как было.

Вопрос. Я знаю некоторых студентов, они изучают науки, готовятся быть научными деятелями, а в то же время ходят грязные.

Ответ. Совершенно правильно, не только студенты. Я на внешность обращал первейшее внимание. Внешность имеет большое значение в жизни человека. Трудно представить себе человека грязного, неряшливого, чтобы

он мог следить за своими поступками. Мои коммунары были франты, и я требовал не только чистоплотности, но и изящества, чтобы они могли ходить, стоять, говорить. Они были очень приветливыми, вежливыми, джентльменами. И это совершенно необходимо...

Когда ко мне приехал инспектор Наркомпроса и разговаривал со мной, развалясь на столе, я ему сказал: «Товарищ инспектор, вы не умеете со мной разговаривать в присутствии коммунаров, укладываетесь на мой стол, это не корректно».

Вопрос. Нет ли в книжке «Флаги на башнях» замысла более широкого, чем показать детский коллектив?

Ответ. Я хотел показать, что настоящая педагогика — это та, которая повторяет педагогику всего нашего общества. Требования нашей партии — большие требования к человеку и коллективу[12].

И я свою педагогику не выдумал. Я знал, что больше требуют от членов партии, чем от беспартийных, и поэтому я от своих старших коммунаров, комсомольцев в первую очередь требовал. И я считаю: наказывать нужно не худших, а лучших.

Лучшим ничего прощать нельзя, даже мелочи. А худшие за ними тянутся. Они хотят, чтобы от них столько же требовали...

Вопрос. Можно ли прозаические этические нормы сделать нормами в наших школах?

Ответ. Это насчет курения. Я не имею права отвечать сейчас на такой вопрос. Я думаю, что, если бы я был директором школы, я старшим ребятам разрешил бы курить. Но курить не более 7 папирос в день, и сказал бы им: вы отвечаете за то, если младшие будут курить. Вредно курить в 14—15—16 лет, а в 18— ничего. Я сам курю с 14 лет.

Вопрос. Один ученик избил другого. Последствия — увечье. Виновника наказывают так: исключают на несколько лет. Правильно ли это?

Ответ. Я знаю такой случай, когда одна ученица обкрадывала других, и тогда всем синклитом постановили: отправим ее в летний санаторий, она отдохнет и исправится. Но она научилась там танцевать фокстрот и приехала такой же, как была.

Я считаю, что дети даже толкать не должны друг друга. Они должны двигаться целесообразно. Никаких бесцельных движений. И я своим коммунарам говорил: хочется побегать — вон площадка, можно там бегать. Извольте здесь вести себя прилично.

Вообще воспитание сдержанности, торможение движений — прежде всего. А избиение товарища считалось самым страшным преступлением, за которое изгоняли из коммуны.

Вопрос. Как воспитываете своих детей?

Ответ. Я не воспитываю своих детей потому, что у меня их нет. Я женился, благодаря моим беспризорным, очень поздно, в 40 лет, и детей уже мне иметь нельзя, не успею их воспитать. Но у меня есть дети моей жены, моего брата, и я их воспитываю как умею.

Вопрос. Необходимо издание журнала «Школа и семья».

Ответ. Это правильно. Я вижу, в каком беспомощном положении находятся родители, когда простого совета не от кого получить. Журнал такой нужен.

Вопрос. Считаете ли вы правильным сохранение единой школы, когда

для всех обязательно семилетнее обучение по единой программе? Согласны ли вы с тем, что при таких условиях воспитание — самое легкое дело? Вы имели в коллективе правонарушителей, а в обычной школе мы имеем такую смесь, что воспитание становится достаточно трудным.

Согласны ли вы с тем, что следует некоторых ребят изолировать от их родителей, даже если они еще не правонарушители? Я имею в виду советский соответствующий интернат.

Согласны ли вы с тем, что ребята, имеющие неоднократные приводы, должны оставаться в нормальной школе?

О т в е т. Такой вопрос задал мне Эррио — французский министр, когда приезжал ко мне в коммуну: «Как вы допускаете, что у вас воспитываются вместе правонарушители и нормальные дети?»

Я ему ответил, что в жизни тоже они живут вместе. Именно поэтому воспитывать нужно вместе[13].

Каждый человек должен входить в жизнь, умея сопротивляться вредному влиянию. Не оберегать человека от вредного влияния, а учить его сопротивляться. Вот это советская педагогика.

Я согласен, что воспитание — легкое дело и, конечно, в школе оно легче, чем в коммуне. Я удивляюсь многим нашим директорам, которые говорят: «У вас было хорошо, у детей не было семьи, они все жили у вас под руками». А я их спрашиваю: «А что вы сделали, чтобы овладеть бытом ваших детей?» — «Мы вызываем родителей».

Вы прекрасно понимаете, что обычно вызывают родителей и говорят: «Ваш мальчик не учится и плохо себя ведет. Примите какие-нибудь меры. Поговорите. Боже сохрани — не бейте».— «Хорошо, до свидания».

Каждый понимает, в чем дело. В глубине души педагог думает: хорошо, если он его побьет.

Иной родитель после такого разговора прямо берется за ремень, а другой просто ничего не делает, и все идет по-прежнему.

Я считаю, что педагогический коллектив школы должен организовать быт школьника. Что бы я сделал на месте директора школы? Я положил бы перед собой карту всех дворов, где живут ученики. Организовал бы бригады. Бригадиры приходили бы каждый день и рапортовали, что делается во дворах. Раз в месяц под руководством бригадира бригада выстраивалась бы, и я приходил бы на смотр. Я премировал бы лучшие бригады в школе. Я прикреплял бы родителей к бригадам. И можно было бы многое сделать[14]. Лиха беда начало. Во всяком случае, влиять на семью нужно через учеников. Самый верный способ. Вы в школе, в государственном воспитательном учреждении, и вы должны руководить воспитанием в семье.

В о п р о с. Могут ли быть у детей отрицательные черты характера, или могут быть только дурные привычки, связанные с плохой средой?

О т в е т. Могут быть дурные привычки у ребенка с плохой нервной системой, и часто прежде всякого педагогического вмешательства нужно просто пригласить врача. Иногда советуют переменить коллектив. А я считаю, что нет ничего более вредного, как частая перемена коллектива для детей. Из-за этого вырастает антиколлективная личность. Так что действовать в сторону улучшения коллектива лучше, чем менять коллектив.

Мои педагогические воззрения

Товарищи, я не докладчик, потому что я не ученый, у меня нет научных трудов по педагогике. Я чувствую себя просто как человек, которому доводится перед вами отчитываться, сделать маленький авторский отчет: и педагогический и литературный. Поэтому прошу вас иметь в виду, что никаких твердых выводов я сам еще не имею. То, что сделано в жизни мною и моими коллегами-коммунарами, — это еще только опыт. И очевидно, для того чтобы из этого опыта можно было сделать какие-либо определенные выводы, надо еще проверить его не раз и не два. Поэтому единственная форма внимания, которую я у вас прошу,— это такая.

У меня свой опыт, своя жизнь: у вас свой опыт, свои мысли. И сегодня произойдет некоторое столкновение наших мыслей. Может быть, они пойдут параллельно, может быть, пересекутся, может быть, при встрече рассекут друг друга, но от этого столкновения всегда будет польза.

Наше дело, дело коммунистического воспитания, — это новое дело в мировом масштабе. Если мы возьмем такие области, как техника, литература и другие, то там всегда вы что-то получаете от прошлого поколения. В области коммунистического воспитания дело обстоит сложнее, потому что 20 лет назад эти два слова почти не сочетались: коммунистическое воспитание. И нам совсем не стыдно сказать, что во многих деталях нашей работы мы еще плаваем, и будем еще плавать, и не можем не плавать. И было бы просто зазнайством утверждать, что за 20 лет мы могли создать, довершить, закончить, оформить большую, новейшую педагогическую школу, школу коммунистического воспитания. Мы с вами именно пионеры в этом деле, а пионерам свойственно ошибаться. И самое главное — не бояться ошибок, дерзать.

Вот коротко о значении нашей сегодняшней встречи.

Мне очень трудно перед вами отчитываться, потому что у вас есть литературный факультет, там преобладают интересы литературные. Я немножко литератор, — значит, я должен отчитываться и в литературных моих делах. Но я чувствую себя педагогом не только прежде всего, а везде и всюду педагогом. Моя литературная работа — только форма педагогической работы. Поэтому говорить о литературе я буду очень немного.

Коротко я вам расскажу о своей биографии, педагогической и литературной, чтобы не было недоразумений. Потому что и сейчас многие думают, будто я бывший полковник. Я не только не был полковником, а и военным никогда не был. Я сын рабочего, маляра, железнодорожника, который на вагонном заводе проработал более сорока лет. На этом заводе работал и я, уже в качестве учителя, с 1905 г., получив самое низкое педагогическое образование: я закончил одногодичные педагогические курсы при начальном училище. Теперь такого низкого образования, кажется, даже и в помине нет. Это было такое низкое образование, что мне могли доверить только должность учителя в низшей начальной школе, с жалованьем 25 рублей в месяц. (Г о л о с. Церковноприходской?) Нет, извините, не церковноприходской. Нет, в заводской школе. Эта школа была прекрасной школой в том смысле, что там было единое рабочее общество. Я сам был членом этого общества как сын рабочего этого завода. И в этой школе я работал девять лет, и этот опыт имел для меня большое значение.

Потом, уже в 1914 г., я поступил в учительский институт, даже не педагогический вуз, который закончил с золотой медалью. И после того я получил колонию для правонарушителей им. Горького.

Шестнадцать лет, с 1920 по 1935 г., я вел один коллектив: колонию им. Горького и коммуну им. Дзержинского. Это один коллектив. Если вы читали «Педагогическую поэму», вы помните, что когда меня Наркомпрос Украины «ушел» из колонии им. Горького, то я перешел в коммуну, здесь, у вас, в Харькове. И там уже было пятьдесят моих горьковцев. А вслед за мной еще сотня горьковцев перешла в коммуну им. Дзержинского. Так что фактически коммуна им. Дзержинского продолжала не только опыт колонии им. Горького, но и историю одного человеческого коллектива. Это имеет очень большое значение для меня и для дела, потому что продолжались и накапливались традиции, созданные в колонии им. Горького.

Вот тогда, в коммуне им. Дзержинского, я и написал первую свою книгу «Марш тридцатого года». Она вышла, но я не видел и не читал — не было ни одного учительского письма по поводу этой книги, ни одной критической заметки. Она так и провалилась, куда-то исчезла. И только один учитель на эту книгу отозвался и похвалил ее. Этот учитель, самый неутомимый учитель — Алексей Максимович Горький, который, живя в Сорренто, ухитрился получить ее (я ему не посылал этой книги), прочитать и написать мне письмо[1].

А после того я написал «Педагогическую поэму», которая вышла частями в 1933, 1934 и 1935 гг. Потом еще написан был роман «Честь», «Флаги на башнях» — последняя книга, имевшая для меня и для истории моих взглядов очень большое значение. Многие утверждают, что она лучше «Педагогической поэмы», другие — что никуда не годится. (Смех.) Я склоняюсь, конечно, к серединке: это и не лучше «Педагогической поэмы», но и не такая уж плохая книга. Во всяком случае, есть в ней что-то и хорошее.

Я еще написал первый том «Книги для родителей». Почему я решил написать эту книгу? Последние два года я работал в управлении НКВД УССР, в отделе трудовых колоний, и организовал трудовые колонии. Мне уже пришлось меньше возиться с беспризорными, чем с «семейными» детьми. Если в колонии им. Горького были беспризорные правонарушители, то в последние годы пришлось больше собирать детей «семейных»...

Я должен был присмотреться, заинтересоваться семьей, и мне показалось нужным написать такую книгу для родителей. Я выпустил первый том, в котором касался вопроса семьи как коллектива. Сейчас я пишу второй том, который говорит о нравственном и политическом воспитании в семье главным образом, но приходится касаться и школы. Третий том будет посвящен вопросам трудового воспитания и выбора профессии. И четвертый том, самый для меня важный, на такую тему: как нужно воспитывать человека, чтобы он, хочешь — не хочешь, был счастливым человеком. Правда, интересно?

За «Книгу для родителей» меня ругали и критики и педагоги. Критики ругали за то, что эта книга слишком поучительна, а педагоги — за то, что она слишком литературна и никого не поучает. Но больше всего педагоги обрушились за то, что я ничего не говорил о школе.

Это недоразумение. Я и не собирался говорить о школе, я хотел говорить о родителях, для родителей, для семьи. Я пришел в Наркомпрос РСФСР и сказал: «Вот мною написана книжка для родителей; может быть, я ошибаюсь или выступаю как еретик. Посмотрите». А они говорят: «Не хотим, потому что у нас нет такого отдела семейного воспитания». Я спрашиваю: «А какие отделы у вас есть?» Мне отвечают: «Есть школьный отдел, есть отдел дошкольного воспитания и т. д.». Я говорю: «До свидания!» Я решил, что мы поделили функции: у них отдел школьного воспитания, у меня будет отдел родительского воспитания. Чувствуя за собой такой авторитет, как школьный отдел Наркомпроса, который обладает глубокой эрудицией, я думал, что мне не надо касаться тех вопросов, которые обслуживает Наркомпрос, а я коснусь тех вопросов, которые никакого отдела не имеют и которыми никто не заведует.

Вот почему получилось, что я больше писал о семейном воспитании и нарочно назвал этот том «Книгой для родителей». И все-таки не помогло. В одном московском журнале была напечатана статья «Вредные советы родителям»[2].

Вообще я не люблю читать критических статей о моих произведениях, но эту я прочел. Что там вредного, думаю. Может быть, плохо написано? Оказывается, что она вредна именно потому, что там ничего не говорится о школе; следовательно, книжка вредная.

Я решил, что этот упрек не так большой руки, и продолжаю писать «Книгу для родителей». А о школе я не буду писать. Кто меня может заставить писать на все темы? И вообще писателю рекомендуется выбрать одну тему, а не двадцать.

А о школе должны писать вы — педагоги... У вас много мыслей, много чувств. Пишите!

Вот мой краткий отчет. Ну, что же еще сказать о литературных достоинствах и недостатках моих книг? Есть один вопрос, который вас как литературоведов, возможно, интересует. Говорят, в книге «Педагогическая поэма» нет выдумки — это фактография. Один критик даже так написал: «Была у человека интересная жизнь, он ее описал. Всякий, у кого есть интересная жизнь, может написать такую книгу, и поэтому Макаренко не литератор и не художник, а мастер-фактограф».

Я обиделся, конечно. Как это так: я не литератор, а написал книгу? Спрашиваю на одном диспуте: «Почему вы говорите, что это фактография?» А критик мне отвечает: «Потому что у вас написано все то, что было. Нет выдумки, нет синтетических образов».

Я тогда сделал серьезное лицо и говорю: «Позвольте, откуда вы знаете, что там нет выдумки? Какие у вас доказательства, что это все правда?» А мне отвечают: «Так это же видно. Вот по Задорову вашему видно, что он был и вы его ударили». — «Ничего подобного! — говорю. — Задорова не было, и я его не бил; это все выдумка».

Он мог мне поверить, мог не поверить — это его дело. Но доказать мне, что я не прав, он не мог. Я имею право выдумывать? Имею. И потому никто не может ко мне придраться: это выдумка или не выдумка. Никто не имеет права требовать от меня отчета об этом. А вам так, по дружбе, говорю, что ни в «Педагогической поэме», ни в «Флагах на башнях» нет выдумки, за исключением отдельных фамилий и отдельных ситуаций...

Вот единственный литературный вопрос, который я считал нужным осветить вам.

Теперь, товарищи, перейдем к педагогике. Я хочу говорить очень коротко, потому что мне задали много вопросов, и в ответах на эти вопросы, думаю, все и придется сказать.

Какое право я имею говорить с вами сегодня? Единственное право: я работал 32 года педагогом — раз, и старался размышлять над своей педагогической работой — два, и у меня была некоторая своя, как бы это сказать, манера педагогической работы. Эта манера пришла ко мне не от моих талантов. Она пришла от необходимости, от характера того дела, которое мне поручили.

Мне повезло в том отношении, что я был шестнадцать лет в одном коллективе, в том отношении, что там были прекрасные товарищи, сотрудники, коллеги. Благодаря этому самые трудные и большие задачи у нас постепенно выкристаллизовались в некоторое подобие системы. И у меня самого по мере размышления над опытом выработалась некоторая система взглядов, может быть, отличных от общеизвестной, общеупотребительной системы взглядов. И вот об этих моих отличиях я и хочу говорить. Отличия эти оправдываются тем, что я работал не в обычной школе, а в особом учреждении, и повезло мне больше, чем кому-нибудь другому.

Если охарактеризовать мою удачу, то она была очень большой. Достаточно вам сказать о такой удаче. Последние годы коммуна им. Дзержинского жила на хозрасчете. Это совсем не пустяк. Вы представляете себе детский коллектив, который живет на хозрасчете? Это очень важное обстоятельство: он окупал расходы не только по школе, на жалованье учителям, на содержание кабинетов и прочие, но и все расходы на содержание ребят. Кроме того, коммуна давала несколько миллионов рублей чистой прибыли государству. Это удача огромная, потому что хозрасчет — замечательный педагог. Как будто он закончил три педагогических вуза. Он очень хорошо воспитывает.

И кроме того, хозрасчет гораздо добрее бюджета, богаче бюджета. Я мог тратить в год 200 тыс. рублей на летние походы, 40 тыс. рублей заплатить за билеты в харьковские театры. Я мог купить автобус, легковую машину, другую легковую машину, грузовую машину. Разве школа может это купить?

Хозрасчет — это результат хозяйственной деятельности. Но он дает еще и другие результаты. Я совсем недавно встретился с одной коммунаркой, которая заканчивает исторический факультет, но она, кроме этого, имеет квалификацию пятого разряда фрезеровщика и пятого разряда по оптической специальности и, кроме того, будет иметь квалификацию историка[3]. Вот прекрасный букет квалификаций, а марш к нему еще приятнее и организует сильные пучки влияния.

Мне повезло, и вот в результате этого я не стесняюсь высказать некоторые мысли, которые сейчас могут показаться вам странными, но через несколько лет, я уверен, вы будете со мной согласны.

Главнейшие особенности моих воззрений заключаются в следующем. В нашей школьной практике (я хорошо знаком сейчас со школами; нет того дня, когда бы я не был в школе) можно наблюдать то, что я называю

гипертрофией индивидуального подхода. В медицине вы слышали термин «гипертрофия сердца», т. е. увеличение сердца. Ну, так вот, вследствие такой гипертрофии мы в работе с нашими ребятами надеемся на чудеса индивидуального подхода и до сих пор увлекаемся верой в спасительность такой педагогики. Я не против индивидуального подхода, но я считаю, что решающим в деле воспитания (собственно воспитания, я не касаюсь вопросов образования) является не метод отдельного учителя и даже не метод целой школы, а организация школы, коллектива и организация воспитательного процесса.

Вот, к примеру, сегодня мне пришлось слушать реферат одного студента педагогического института на тему «Как нужно воспитывать советский патриотизм». Реферат интересный; видно, что студент хорошо поработал. В нем описывается опыт одной хорошей школы и доказывается, что советский патриотизм воспитывается, во-первых, на уроке, во-вторых, во внешкольной работе. Приводятся примеры хороших уроков, воспитывающих советский патриотизм, хорошей внешкольной работы. А вторая часть рассказывает о результатах этой работы с учениками школы, о разговорах с ними. Референт только по этим разговорам судит о советском патриотизме как о результате воспитания, доказывающем правильность метода.

Я прослушал реферат и задал такой вопрос референту: «Ну хорошо, методы прекрасные и результаты налицо. Но пытались ли вы проверить те детские слова, которые у вас приведены? Вот такой-то школьник говорит, что пограничники должны быть смелыми и что он тоже хочет быть смелым и считает, что нужно быть смелым. Проверили вы, смел он или труслив? И если при проверке окажется, что этот мальчик трус, то я имею право сомневаться в том, что в нем достаточно воспитан советский патриотизм». Я допускаю, что может быть такое положение, когда у школьника будут правильные, советские патриотические представления, но не воспитана правильная советская привычка.

Это особенно важно, когда речь идет о воспитании таких качеств, как терпение, умение преодолевать длительные затруднения, брать препятствия не рывком, а давлением. Сколько бы вы ни создавали правильных представлений о том, что́ нужно делать, но если вы не воспитаете привычки преодолевать длительные трудности, я имею право сказать, что вы ничего не воспитали. Одним словом, я требую, чтобы детская жизнь была организована как опыт, воспитывающий определенную группу привычек...

Я настаиваю на том, что в наших школах вопросу организации детского опыта, жизненного опыта, коммунистического опыта не уделяется достаточно внимания.

Я потом этого референта смутил еще одним вопросом. Я спросил его: «Те дети, которых вы считаете правильно воспитанными, как они ведут себя в известном вопросе, который называется не выдавать товарища педагогу?» (Есть такая проблема, такой трудный вопрос.)

Бывает так, что дети считаются прекрасно, коммунистически воспитанными, но если один товарищ сделал что-нибудь нехорошее, то класс его педагогу не выдаст. Если уж такое противоречие может иметь место, то я имею право усомниться в правильной линии воспитателя.

Я настаиваю на усилении внимания к формам организации детского

коллектива. Я не буду долго говорить об этом: вероятно, придется отвечать на вопросы на эту тему.

Перечислю только детали проблемы, на которые надо обратить внимание. Это, во-первых, вопрос о центре коллектива. У нас четыре центра плюс N центров неучтенных: директор, завуч, комсорг, старший вожатый. Это проблема очень важная. Я в своей работе организации центра уделил очень много сил и не так скоро решил этот вопрос. Для меня это чрезвычайно важно. Центр — это капитанский мостик, откуда идет все управление учениками, а не центр административный.

Вопрос центра, его влияния не разрешен совершенно ни теоретически, ни практически. Сколько я видел школ, и все по-разному. В одной школе директор ведает всем, даже покраской полов, потолка. В другой школе завуч всем ведает. В третьей школе, говорят, комсорг решает вопросы, а в четвертой школе — старший вожатый. Эта одна деталь проблемы.

Второй важнейший вопрос — устройство коллектива, то, что я называю сечением коллектива[4]. Я различаю первичный коллектив классов и общий коллектив школы. Какие принципы руководят нами в организации коллектива? Пока, можно сказать, у нас в этом деле почти нет никаких принципов. Просто есть классы, они существуют — и все. Каждый класс живет отдельно: X класс не знает, что делается в IX, а что делается во II и III классах и знать не хочет! Как относятся II и III классы к старшим? С уважением, с почтением, с влюбленностью? Совсем нет: вторые классы не замечают, что есть старшие, и знать их не хотят. Полное разобщение первичных коллективов.

Следующий чрезвычайно важный вопрос — дисциплина. Этот вопрос всех беспокоит, всех волнует. И, несмотря на это, до сих пор в нашей школьной практике говорят о дисциплине как о дисциплине торможения.

Разве в этом суть советской дисциплины? Дисциплина торможения говорит: этого не делай, того не делай, не опаздывай в школу, не бросай чернильниц в стены, не оскорбляй учителя; можно прибавить еще несколько подобных правил с частицей «не». Это не советская дисциплина. Советская дисциплина — это дисциплина преодоления, дисциплина борьбы и движения вперед, дисциплина стремления к чему-то, борьба за это что-то — вот такая борьба нам нужна действительно.

А решен ли вопрос о целях и задачах воспитания? Этот вопрос тоже требует уточнения. Мы говорим, что мальчик должен быть прилежным, развитым, аккуратным, дисциплинированным, смелым, честным, волевым и еще много хороших слов. А в английской школе разве не добиваются, чтобы мальчик был волевым, честным, аккуратным? Тоже говорят. Нет, такая формулировка еще не определяет наших целей. Наши цели особые: мы должны воспитать коммунистическое поведение. Иначе говоря, наши цели могут быть выражены только в качествах характера, определяющих коммунистическую личность, и эти качества должны быть выражены очень подробно, точно.

И вот давайте подумаем, что́ мы знаем о качестве характера коллективиста, человека коммунистического поведения. Какие наши представления об этом человеке? Ведь если скажем, что он честен, что у него должна быть воля, что он энергичен, то это еще ничего не говорит. Это качества не только наши.

Честность коммуниста должна отличаться от честности так называемого хорошего англичанина. Ведь и в Библии есть указание на честность.

Наша честность требует положительного единства между трудящимися, уважения к каждому трудящемуся, уважения к своему маленькому коллективу и к коллективу всего советского общества, уважения к трудящимся всех стран. Вот только на этом фоне мы говорим о честности. Любое нравственное качество у нас приобретает другое содержание, чем у буржуазии. У нас требуется особая инструментовка нравственных качеств, вовсе не такая, как, скажем, в Англии. И вот эти особые качества нравственной личности мы должны воспитать. К примеру, возьмем такую важную способность, как деловитость.

Ведь и в буржуазном представлении деловитость — это хорошее качество. Но как понимается деловитость в буржуазном мире? «Ты должен быть деловитым, потому что много есть шляп неделовитых, и ты должен быть сильнее их». Буржуазная деловитость — это качество для того, чтобы победить неделовитых, взять над ними верх, обратить их в рабов, в эксплуатируемых. Такая деловитость — орудие эксплуатации. А у нас каждый советский человек должен быть деловитым, деловитость одного человека не может мешать деловитости другого человека. Значит, у нас деловитость — нравственное качество, и требование деловитости — моральное требование. И воспитывать деловитость мы должны в каждом человеке.

Возьмите такое понятие, как точность... В нашей воспитательной работе точность как качество настоящего коммунистического характера должна быть такой точностью, когда точность начальника и точность подчиненного являются одинаковым моральным качеством.

Возьмите такое качество характера, как способность ориентировки, умение в самой сложной обстановке ориентироваться очень быстро, очень точно, очень спокойно, уверенно, без крика, без истерики, без паники, без визга, такое умение мы обязаны воспитывать.

Наконец, возьмем такое важное качество характера, чисто коммунистическое качество, как умение подчиняться товарищу — не богатому человеку, не хозяину, а товарищу, — умение приказывать товарищу. Мы с тобой товарищи, друзья, но наступает какой-то момент, и я получаю право приказывать. Тогда я должен уметь приказать, а ты должен уметь подчиниться, забыть о том, что минуту назад мы были товарищами. Это качество характера может быть развито только в нашей стране, где нет эксплуататорских классов, где нет власти, вытекающей из экономической силы, из собственности, из хозяйничанья... Все эти качества мы должны воспитывать в нашем молодом человеке.

Я назвал очень немногие из очень многих качеств.

Теперь спросят: какими средствами мы обладаем для развития этих качеств? Ведь для того, чтобы научиться приказывать товарищу, нет других путей, как упражнения в этом приказании, и упражнения не в порядке баловства, шутки, а так, что невыполнение приказания влечет за собой прорыв, когда товарищ несет ответственность перед коллективом.

Вот, товарищи, то основное, о чем я хотел сказать. Надо организовать коллектив так, чтобы воспитывались действительные, не воображаемые, а настоящие, реальные качества личности. Вот что мы обязаны сделать, и тогда, при этих условиях, индивидуальный подход будет действовать

значительно сильнее, красивее и целесообразнее. Потому что если коллектива и коллективного воспитания не будет, то при индивидуальном подходе возникает риск воспитать индивидов, и только.

Я не буду вас утруждать другими деталями этого вопроса. Уверен, что в ответах на вопросы придется об этом говорить.

Теперь только в заключение моего вступительного слова скажу, что все это вопросы чрезвычайно трудные. Трудные потому, что хорошие качества создаются годами. Нельзя создать характер каким-нибудь особым, быстродействующим приемом или методом.

Создать характер можно только очень длительным участием человека в жизни правильно организованного, дисциплинированного, выдержанного, гордого коллектива. Но организовать такого рода опыт — это значит обязательно рисковать.

Вопрос о риске — самый трудный вопрос. Первый риск, первая опасность заключаются в том, что, если вы решили так вести работу с коллективом, вы обязательно через четыре месяца встретитесь с контролером, который вас спросит: «А что вы сделали? А покажите готовые коммунистические характеры, которые вы создали». А вы не можете показать: они у вас будут созданы через пять лет. Как через пять лет?! Сейчас в отчете показать нужно, что вы создали. (Смех.)

Это очень большая опасность, так как часто погоня за отчетными данными приводит буквально к анекдотам. Вот я сегодня был в одной школе и застал там учителей в панике. Говорят: облоно принял обязательство добиться стопроцентной успеваемости, гороно принял такое же обязательство, и наша школа, и наш класс обязались добиться стопроцентной успеваемости. А у нас сидит в IX классе ученик Балмесов, который не может получить других оценок, кроме «плохо». Это его специальность: он получает только «плохо». Ничего с ним не можем поделать, и не может быть стопроцентной успеваемости. Мы не можем выполнить данные обязательства и окажемся обманщиками перед всем советским обществом. Мы обязались, дети обязались. Дали обязательства, заранее зная, что есть Балмесов. Придет такой момент, когда учитель скажет: «Да поставлю уже ему тройку». И все об этом будут знать, и Балмесов будет знать, и все ученики, и все ученики других классов. Но все будут думать: «Не обманешь — не продашь». Это и называется стопроцентная успеваемость! Говорят: для отчета нужно. Я им и говорю: «Неправильно поступаете». — «А как же поступить?» — «Так должны поступить: не можем взять на себя таких обязательств, не можем выполнить».

Вам скажут, что это ссылка на объективные причины? Да нет, не объективные причины, а этот самый субъект Балмесов. Нужно пожалеть человека, пожалеть Балмесова. Больше «плохо» он получить не может.

Его насилуют, ему измочалили нервы, его ненавидят, потому что он мешает целому классу, он сделался отщепенцем коллектива, предметом ненависти учителей, учеников, родителей, предметом собственной ненависти к самому себе.

Какой смысл это имеет? Зачем вы держите его в IX классе, заведомо зная, что он программы не сможет освоить? Несите ответственность, не обманывайте ни учеников, ни себя.

Вот такая опасность ждет и нас.

Вторая опасность — очень серьезная. У нас часто любят говорить: «Создадим людей закаленных!»

Ну, давайте создавать. Что такое закалка?

Можно ли закалить человека, если его обмотать ватой, чтобы он не простудился? Сознательно надо рисковать (я говорю, конечно, в переносном смысле). Нельзя закалить человека, если не ставить перед ним трудных задач, на которых иногда можно и сорваться. Если вы будете бояться, что он сорвется, не поставите трудных задач, — значит, он сорвется обязательно.

Директору одной школы, которому я помогаю по-товарищески и которого люблю как человека, я говорю: «Заведи ты сторожевой отряд, чтобы охранять школу; конечно, с пустыми винтовками. Составь его из старших учеников X класса, VIII, VI, IV и потом из вторых классов. И пусть этот отряд с 8—9 часов вечера занимает свои посты, пусть дежурят по два часа поочередно. Одни дежурят, другие ожидают в караульном помещении».

А директор возражает: «Но таких маленьких ведь мать не пустит». А я беседовал с маленьким, и он говорит: «Пусть только мать не пустит, я убегу!» Правильно, он убежит! Он будет воодушевлен мыслью о том, что он охраняет свою школу, да еще под командой десятиклассника, с которым он волей-неволей должен будет подружиться. Конечно, мальчик будет стоять на посту. Тут ночь, жутко, собаки бегают, помещение далеко. Пусть подрожит, испугается, в крайнем случае переполох будет.

Во всяком случае, я не знаю, до сих пор я не встречал еще иного способа закалки, как закалка. Это единственный способ, и на такую закалку надо идти. И знайте, что у ребят аппетит к этой закалке страшно большой, и никакого сопротивления со стороны ребят вы не встретите. Наоборот, встретите полную поддержку. Тот мальчик, который будет стоять на посту и побаиваться, никогда не скажет, что он трусил. Придет, ты его спрашиваешь: «Что, боялся?»

А он отвечает: «Нет! Чего там бояться!»

Храбрый — это не тот мальчик, который не боится, а храбрый тот, который умеет свою трусость подавить. Другой храбрости и быть не может. Вы думаете, идти на смерть под пули, под снаряды — это значит ничего не испытывать, ничего не бояться? Нет, это именно значит и бояться, и испытывать, и подавить боязнь. А вы мне говорите: «А если он будет бояться?» Так он и должен бояться, и пускай боится, чтобы было, что́ преодолевать.

Но директор, конечно, не согласился поставить сторожевой отряд.

Другой пример из той же школы. Прекрасная школа, новостройка, односменная, паркет в коридорах, широкие коридоры. Паркет грязный, т. е. цвета грязи.

«Почему, — спрашиваю, — такой грязный паркет? Ведь паркет здесь не для того укладывали паркетчики, чтобы его сверху покрыть грязью. Ведь паркет для того укладывали, чтобы он блестел». Говорят: «Ну что же мы можем сделать? Натираем два раза в месяц, но его же нельзя натереть, его нужно мыть, а потом натереть. Что же делать?» Я говорю: «Пускай ученики натирают». — «Как ученики?» — «Обыкновенно. Вот по

утрам, перед занятиями, приходит какая-то очередная группа во главе со старшим, становится на щетки и натирает паркет».

Вы думаете, это детям не понравится? Мало того, что надо натирать, надо, чтобы за десять минут до звонка приходил другой какой-нибудь товарищ из какого-нибудь V класса, с каким-нибудь краснокрестовским знаком, знаком санитарии, и говорил старшему десятикласснику: «Сдавай паркет. Как ты натер? Что это? А вот это — что? Не принимаю работы!» И с рапортом к директору: «Такая-то группа под руководством такого-то десятиклассника паркет не натерла». Вы вызываете десятиклассника и говорите ему: «Как же так?» И начинается уже последующая педагогическая работа.

Это что — закалка или нет? Закалка. Для этого нужно на час раньше встать и проделать другую работу. И это полезно знать. Очень полезно уметь натирать паркет.

Вот та самая девушка, о которой я говорил, что она заканчивает исторический факультет, рассказывает мне: «Я живу с четырьмя девушками в студенческом общежитии. Только одна беда — они не умеют натирать паркет, а я умею. Коммунары все умеют. Так они меня заставляют натирать паркет, чтобы было чисто». — «Что же ты сделала?» — спрашиваю. — «Я их уговорила, что нужно натирать паркет».

У коммунаров натирали паркет каждый день и принимали его очень строго, и блестел он как зеркало. Но такая натирка паркета есть закалка. И трудно на такой паркет плюнуть, как и в московском метро, где никто не стоит и не смотрит. Нельзя плюнуть на пол, нельзя бросить окурок. Физически нельзя: мускулы не действуют для этого! Так же точно, если все школьники знают по опыту своей школы, что они каждый день натирают свой паркет, то никто уж не сможет на него ни плюнуть, ни бросить бумажку. И я знаю, что без такой закалки не может быть настоящего коммунистического воспитания. Тот ученик V класса, который придет принимать от ученика X класса проделанную работу, будет учиться приказывать товарищу, а десятиклассник будет уметь подчиняться. Я на этом заканчиваю, товарищи. Теперь приступлю к ответам на вопросы.

Товарищи, здесь есть такие вопросы, которые устанавливают взгляды на меня как на оракула... На такие вопросы я отвечать не буду, отвечу на вопросы посильные.

Есть такой вопрос: «В ваших произведениях показывается процесс перевоспитания детей. Почему же не показана ведущая роль учителя в этом процессе?»

В «Педагогической поэме» я показал свою ведущую роль —я учитель или нет? Я педагог или не так надо понимать? Или вы хотите, чтобы я показал ведущую роль в классе?

Видите, я не описал школы, я описал колонию, жизнь коллектива, жизнь товарищей, в том числе и учителя.

Нам не нужно обязательно чваниться. Ведь когда молодой человек оканчивает инженерный вуз, он идет в конструкторское бюро самым рядовым работником и выполняет простые задачи — разрабатывает конструкцию какого-нибудь маленького узла. А когда мы оканчиваем педагогический вуз и идем работать в школу, то мы говорим — я играю ведущую

роль. Кого мы можем вести? Нас вести еще нужно, и еще довольно долгое время.

Надо быть скромным по отношению к себе, и я настаиваю на том, что учитель — это рядовой работник. Если он не сумеет быть хорошим рядовым работником, он никогда не сможет быть хорошим руководителем. Ведущая же роль в коллективе должна принадлежать руководителю коллектива, опытному педагогу, которому весь коллектив должен быть предан.

Вот, например, если бы мне поручили сейчас взять школу, что я прежде всего сделал бы? Я собрал бы всех учителей и сказал: «Вот план, согласны или не согласны? Вы талантливый педагог, опытный человек, не согласны с планом, очень вас прошу, уйдите от нас. Вы молодой педагог, только что окончили вуз, еще мало знаете, оставайтесь с нами, если вы согласны с нашим планом».

Единство педагогического коллектива — совершенно определяющая вещь, и самый молодой, самый неопытный педагог в едином спаянном коллективе, возглавляемом хорошим мастером-руководителем, больше сделает, чем какой угодно опытный и талантливый педагог, который идет вразрез с педагогическим коллективом. Нет ничего опаснее индивидуализма и склоки в педагогическом коллективе, нет ничего отвратительнее, нет ничего вреднее.

В едином педагогическом коллективе не нужно гнаться за тем, чтобы блеснуть своими собственными достижениями, нужно гоняться за тем, чтобы блеснуть достижениями целого коллектива, и тогда и вас будут любить, получится советский стиль, самый важный и самый нужный. Такую роль я именно и пытался изобразить и не хотел выпячивать отдельного педагога, потому что я хотел писать о коллективе и о влиянии коллектива.

Вопрос: «Ваше мнение, как необходимо построить курс педагогики, чтобы вооружить студентов — будущих учителей — необходимыми знаниями?»

Дорогие товарищи, не думал над этим и сейчас быстро не сумею сообразить. Но над некоторыми отдельными вопросами думал. Я, например, считаю, что у нас в педагогических институтах нужно кое-что добавить для того, чтобы воспитательная работа учителя была все-таки подготовлена в вузе. Так, например, я бы ввел у вас как обязательный предмет постановку голоса. Пригласил бы хорошего артиста, и он поставил бы всем голос. Без постановки голоса очень трудно, это ведь инструмент нашей работы, надо его отточить...

Вы прекрасно знаете, чем поддерживается дисциплина в классе. Можно послать самого боевого, самого «свирепого» человека в класс; он войдет и скажет: «Тише, не кричите!» Но над ним будут хохотать. А можно послать в класс нежнейшее существо, почти не обладающее никакой властью, которое так скажет: «Иванов, сядь на место», — что и он сядет, и все остальные сядут, довольные тем, что заметили Иванова, а не его.

Кроме того, я ввел бы еще такие практические занятия в педагогическом институте. Вот группа. Вас 25 человек. Вы собираетесь, усаживаетесь где-нибудь у стенки. Один из вас занимает директорское кресло, а другой изображает провинившегося ученика, который обвиняется в том, что он сказал неправду. Пожалуйста, разговаривайте с ним, а мы

будем смотреть, как вы будете с ним разговаривать. Это очень интересное упражнение, потому что товарищи обсудят, как он разговаривал. Только таким путем можно научиться разговаривать, а с родителями тоже нужно учиться разговаривать.

Я видел много педагогов, знающих советских патриотов, которые, однако, разговаривать ни с родителями, ни с учениками не умеют. Это надо поставить в программу педагогики. Кроме того, пора поставить вопрос о том, что такое коллектив, о сечении коллектива, о функциях коллектива, об органах коллектива, о стиле коллектива и много всяких других вопросов.

Вопрос: «Каковы основные пути воспитания сознательной дисциплины в школах?»

Товарищи, я понимаю дисциплину как результат воспитания, так что основной путь воспитания дисциплины — это весь воспитательный процесс. Дисциплина — это прежде всего не средство воспитания, а результат, и уже потом она становится средством. Я считаю, что главные средства воспитания — это хороший коллектив педагогов и хорошо организованный, единый коллектив учеников. Требований — вот чего мы не умеем предъявлять. После «Флагов на башнях» группа учеников 379-й московской школы пишет мне: «Мы читали «Флаги на башнях». Нам нравится, но мы недовольны. Отчего у ваших ребят так мало недостатков? На самом деле у человека бывают и достоинства и недостатки, и вы должны были описать и достоинства и недостатки». И критики говорят: «Что это за беспризорные: никого не режут, никому не плюют в физиономию, ничего не крадут, ничего не разбивают». Я ответил десятиклассникам, что то, что они проповедуют, я называю моральным оппортунизмом. Почему должны быть недостатки? Кто это придумал: «Вот мои недостатки, вот мои достоинства». Актив — пассив, и все довольны: недостатки есть, достоинства есть — все в порядке... Я считаю, что педагог не должен допускать никаких недостатков, и наши ученики не должны думать, что они имеют право на недостатки. Мы должны требовать от человека идеального поведения (другое дело, что мы не всегда его достигаем). И тогда будет какое-то приближение к идеалу.

Представьте, я в трагическом положении: мне не верят критики. Ну, ничего не поделаешь, но коммуне не верят!... За восемь лет в коммуне не было ни одного дня прорыва, какой-нибудь паники, каких-нибудь страшных случаев. И так только и должно быть. Иначе быть не может в советском детском коллективе. Мы не имеем права допускать иных порядков. Но ко мне приезжали люди, делегации, экскурсии и в глаза мне говорили, осмотрев коммуну: «Нет, не может быть! Тут что-то подстроено». Я написал книжку, и мне возражают: «Это сказка, это мечта». А я утверждаю, что это не только советская действительность, а это та действительность, которая должна быть на каждом шагу.

Детские коллективы должны быть счастливыми коллективами, и поэтому к ним должны быть предъявлены большие требования. Я, например, в системе своих наказаний настаивал на таком принципе: в первую очередь наказывать лучших, а худших в последнюю очередь или совсем не наказывать. Это наш, советский принцип. Мы от членов партии требуем больше и наказываем сильнее, чем беспартийных. И поэтому лучшие коммунары,

мои друзья, которым я могу доверить что угодно, за пустяк часто сидели под домашним арестом. Вот есть в Москве мой друг Вася Клюшник, который командовал три года первым комсомольским взводом. А что такое комсомольский взвод, можете судить по тому, что когда мы ехали в один поход и у меня был чемодан, в котором было 55 тыс. рублей, я сказал: «Не хочу носить двухпудовый чемодан в походе... Не могу носить его — я не носильщик, кто будет носить?» Подумали, постановили: «Действительно, одному человеку все время носить такой чемодан невозможно. Пусть носит первый комсомольский взвод». Этот незапертый чемодан с 55 тыс. болтался всегда у кого-то в первом взводе, и ни одна трешка из него, конечно, не пропала.

Такой был комсомольский взвод. И вот его командир Вася Клюшник, прекрасный человек, он у меня под арестом сидел чаще других. Почему? Вот он говорит, что он имеет право уходить без отпуска. Он не просил отпуска, а докладывал мне: «Антон Семенович, я ухожу до семи часов в отпуск».

Есть, записал. Я не имел права возразить. Он не нуждался в разрешении, он сам отвечал за себя. Раз уходит в отпуск,— значит, знает, что делает. Но пришел в десять минут восьмого. Дал обещание, назначил срок и опоздал. Садись под арест! Тебя никто не тянул говорить, что вернешься в семь, а пришел в восьмом часу. Дал обещание, назначил срок — исполни. А опоздал — садись под арест!

От таких, как Вася Клюшник, я особенно требовал, ничего не прощал. И Вася знал, что ему никакой пустяк не будет прощен.

Я прощался с коммунарами... Вы понимаете, что для меня это был один из трагических моментов моей жизни. Я получил телеграмму — немедленно прибыть к месту назначения в Киев[5]. Неожиданная телеграмма. Я работал в НКВД и должен был уехать с первым поездом. Телеграмму я получил утром, а поезд отходил в пять часов. И я должен был немедленно проститься.

Я работал шестнадцать лет в коллективе. И кто понежнее, тот слезу пустил. И мне трудно было говорить. На что уж заведующий хозяйством: такой хитрый был, что к нему на козе не подъедешь, и тот стоит — плачет.

Вдруг вижу: в большом зале на рояле пыль. Я продолжаю речь и тут же спрашиваю: «Кто сегодня убирает?» Мне называют. «На пять часов под арест этого коммунара!»

А он говорит: «Антон Семенович, ведь вы прощаетесь». Но я и тут его наказал, и тут не простил.

И когда коллектив знает, что его лучшие получают в первую очередь, тогда наказание приобретает настоящий советский оттенок. Новенький придет, украдет, ну, «попарят» его, но не наказывают. Если украдет во второй, в третий раз, его опять-таки не наказывают... И новичок начинает мечтать о том времени, когда его начнут наказывать, так как в этом заключается доверие к его человеческой личности.

Вот условия дисциплины.

Следующий вопрос — о значении поощрений.

Я противник излишних поощрений. У нас в коммуне лучшим поощрением считалась благодарность в приказе, объявленная по коммуне.

будем смотреть, как вы будете с ним разговаривать. Это очень интересное упражнение, потому что товарищи обсудят, как он разговаривал. Только таким путем можно научиться разговаривать, а с родителями тоже нужно учиться разговаривать.

Я видел много педагогов, знающих советских патриотов, которые, однако, разговаривать ни с родителями, ни с учениками не умеют. Это надо поставить в программу педагогики. Кроме того, пора поставить вопрос о том, что такое коллектив, о сечении коллектива, о функциях коллектива, об органах коллектива, о стиле коллектива и много всяких других вопросов.

Вопрос: «Каковы основные пути воспитания сознательной дисциплины в школах?»

Товарищи, я понимаю дисциплину как результат воспитания, так что основной путь воспитания дисциплины — это весь воспитательный процесс. Дисциплина — это прежде всего не средство воспитания, а результат, и уже потом она становится средством. Я считаю, что главные средства воспитания — это хороший коллектив педагогов и хорошо организованный, единый коллектив учеников. Требований — вот чего мы не умеем предъявлять. После «Флагов на башнях» группа учеников 379-й московской школы пишет мне: «Мы читали «Флаги на башнях». Нам нравится, но мы недовольны. Отчего у ваших ребят так мало недостатков? На самом деле у человека бывают и достоинства и недостатки, и вы должны были описать и достоинства и недостатки». И критики говорят: «Что это за беспризорные: никого не режут, никому не плюют в физиономию, ничего не крадут, ничего не разбивают». Я ответил десятиклассникам, что то, что они проповедуют, я называю моральным оппортунизмом. Почему должны быть недостатки? Кто это придумал: «Вот мои недостатки, вот мои достоинства». Актив — пассив, и все довольны: недостатки есть, достоинства есть — все в порядке... Я считаю, что педагог не должен допускать никаких недостатков, и наши ученики не должны думать, что они имеют право на недостатки. Мы должны требовать от человека идеального поведения (другое дело, что мы не всегда его достигаем). И тогда будет какое-то приближение к идеалу.

Представьте, я в трагическом положении: мне не верят критики. Ну, ничего не поделаешь, но коммуне не верят!... За восемь лет в коммуне не было ни одного дня прорыва, какой-нибудь паники, каких-нибудь страшных случаев. И так только и должно быть. Иначе быть не может в советском детском коллективе. Мы не имеем права допускать иных порядков. Но ко мне приезжали люди, делегации, экскурсии и в глаза мне говорили, осмотрев коммуну: «Нет, не может быть! Тут что-то подстроено». Я написал книжку, и мне возражают: «Это сказка, это мечта». А я утверждаю, что это не только советская действительность, а это та действительность, которая должна быть на каждом шагу.

Детские коллективы должны быть счастливыми коллективами, и поэтому к ним должны быть предъявлены большие требования. Я, например, в системе своих наказаний настаивал на таком принципе: в первую очередь наказывать лучших, а худших в последнюю очередь или совсем не наказывать. Это наш, советский принцип. Мы от членов партии требуем больше и наказываем сильнее, чем беспартийных. И поэтому лучшие коммунары,

мои друзья, которым я могу доверить что угодно, за пустяк часто сидели под домашним арестом. Вот есть в Москве мой друг Вася Клюшник, который командовал три года первым комсомольским взводом. А что такое комсомольский взвод, можете судить по тому, что когда мы ехали в один поход и у меня был чемодан, в котором было 55 тыс. рублей, я сказал: «Не хочу носить двухпудовый чемодан в походе... Не могу носить его — я не носильщик, кто будет носить?» Подумали, постановили: «Действительно, одному человеку все время носить такой чемодан невозможно. Пусть носит первый комсомольский взвод». Этот незапертый чемодан с 55 тыс. болтался всегда у кого-то в первом взводе, и ни одна трешка из него, конечно, не пропала.

Такой был комсомольский взвод. И вот его командир Вася Клюшник, прекрасный человек, он у меня под арестом сидел чаще других. Почему? Вот он говорит, что он имеет право уходить без отпуска. Он не просил отпуска, а докладывал мне: «Антон Семенович, я ухожу до семи часов в отпуск».

Есть, записал. Я не имел права возразить. Он не нуждался в разрешении, он сам отвечал за себя. Раз уходит в отпуск,— значит, знает, что делает. Но пришел в десять минут восьмого. Дал обещание, назначил срок и опоздал. Садись под арест! Тебя никто не тянул говорить, что вернешься в семь, а пришел в восьмом часу. Дал обещание, назначил срок — исполни. А опоздал — садись под арест!

От таких, как Вася Клюшник, я особенно требовал, ничего не прощал. И Вася знал, что ему никакой пустяк не будет прощен.

Я прощался с коммунарами... Вы понимаете, что для меня это был один из трагических моментов моей жизни. Я получил телеграмму — немедленно прибыть к месту назначения в Киев[5]. Неожиданная телеграмма. Я работал в НКВД и должен был уехать с первым поездом. Телеграмму я получил утром, а поезд отходил в пять часов. И я должен был немедленно проститься.

Я работал шестнадцать лет в коллективе. И кто понежнее, тот слезу пустил. И мне трудно было говорить. На что уж заведующий хозяйством: такой хитрый был, что к нему на козе не подъедешь, и тот стоит — плачет.

Вдруг вижу: в большом зале на рояле пыль. Я продолжаю речь и тут же спрашиваю: «Кто сегодня убирает?» Мне называют. «На пять часов под арест этого коммунара!»

А он говорит: «Антон Семенович, ведь вы прощаетесь». Но я и тут его наказал, и тут не простил.

И когда коллектив знает, что его лучшие получают в первую очередь, тогда наказание приобретает настоящий советский оттенок. Новенький придет, украдет, ну, «попарят» его, но не наказывают. Если украдет во второй, в третий раз, его опять-таки не наказывают... И новичок начинает мечтать о том времени, когда его начнут наказывать, так как в этом заключается доверие к его человеческой личности.

Вот условия дисциплины.

С л е д у ю щ и й в о п р о с — о значении поощрений.

Я противник излишних поощрений. У нас в коммуне лучшим поощрением считалась благодарность в приказе, объявленная по коммуне.

А приказ слушали все стоя. Приказ — это выражение воли коллектива, это коллективное поощрение. Так у нас велось непрекращающееся, постоянное соревнование отрядов по всем показателям. Кстати, для дисциплины огромное значение имеет учет, а я ни у одного директора в кабинете не нашел картотеки. Как можно руководить тысячей двумястами детей, если нет картотеки! Это некультурно... У нас должны быть карточки, учет.

Я достиг больших результатов благодаря придирчивости, благодаря учету. Скажем, мальчик ходил по классу. В его карточке будет отмечено, что такого-то числа он ходил по классу. Разговоров по этому поводу не ведется: это не кондуит, тут другие традиции, поддерживающие порядок. Мальчик совершил проступок — записали: ты в апреле, в марте сделал то-то. Человек «отдувается» за то, что он сделал, и после этого он опять прекрасный товарищ. Никаких разговоров не ведется; тем не менее учет продолжается. Каждый знает, что, если он сказал учителю грубость, он за это получит. Но упрекать его за это потом всю жизнь никто не будет. Однако в карточке это будет отмечено.

Тут много всяких способов, чисто даже механических, которые укрепляют дисциплину. Вот одним из таких способов является ежедневный рапорт. Мне вечером иногда рапортовали человек шестьдесят. Это командиры отрядов, взводов, классов, производственных бригад. Но это делалось торжественно. Они выстраивались в две-три линии. Давалась команда: «Смирно!» И я должен был приходить подтянутый, как нужно. И рапорту бригадира или командира отдавался салют.

Все присутствующие, и учителя в том числе, стоят с салютом. И в таком рапорте указания о проступке ученика звучат на весь коллектив очень серьезно. И рапортам этим мы придавали такое большое значение, что у нас даже было правило: рапорт не проверяется. Если мальчик пришел ко мне в кабинет и рассказал о плохом поведении товарища, то я могу его проверить; если мальчик заявит на общем собрании о плохом поведении товарища, то его тоже можно проверить, можно расспросить свидетелей, можно установить, правду или неправду он сказал. Но если это сказано во время рапорта — проверять нельзя. Почему? Во время рапорта человек соврать не может, потому что ему же салютует вся коммуна, его рапорту, его работе, его отчету отдают салют 70—80 человек. Как он может соврать?! И знаете, не было случая, чтобы в рапорте была ложь. Такой рапорт должен был устанавливать дисциплину. Командир должен отметить в рапорте то, что произошло, он не имеет права скрывать. Если он что-то скрыл, — значит, он соврал; получается, что рапорт нужно проверять. И тут вопрос, выдавать или не выдавать товарища, отпадает. Это один из путей воспитания принципиальности и честности.

Одним из важнейших путей воспитания я считаю игру. В жизни детского коллектива серьезная, ответственная и деловая игра должна занимать большое место. И вы, педагоги, обязаны уметь играть. Я вот немолодой человек, а я играл. Вот, например, пришел ко мне командир, дает рапорт. Я должен встать перед ним. Я не имел права принять рапорт сидя.

И другие подобные правила поведения были у нас широко распространены...

Такой вопрос еще: «Пути полового воспитания в школе».

Очень трудный вопрос! Разрешите мне не отвечать, честное слово, голоса не хватит.

Дело в том, что я был в более трудных условиях, чем вы, или, может быть, в более легких. С одной стороны, дети жили день и ночь со мной, они не знали родителей, я был для них все, но, с другой стороны, это были люди, повидавшие свет и многое испытавшие... Так что в половом отношении они были очень развиты, и воспитывать их было трудно.

У меня были тяжелые случаи, я не сразу нашел способы правильного полового воспитания (правда, я считаю, что в общем-то мы выбрались благополучно). Особенных скандалов не было, но влюблялись.

Я решил сейчас обязательно написать книжку о любви, потому что я поневоле сделался специалистом в этом вопросе (в зале смех), хотя я пришел к этому убеждению в самое недавнее время, что любовь — это вовсе не наитие, и не случайность, и не несчастная случайность, а это обыкновенное дело, которое нужно организовать. (В зале смех.) Поэтому, воспитывая хороших организаторов, вы тем самым (простите меня за тривиальность) воспитываете хороших влюбленных; способность к организации поведения проявится и в этом. Ответственность за работу коллектива, привычка к этой ответственности, привычка отвечать за коллектив — эта привычка к ответственности скажется и в любовном отношении. Главные драмы проистекают от ощущения безответственности. При этом в области морального воспитания, как вы знаете, самая трудная цель вот какая.

Надо, чтобы человек поступил правильно не тогда, когда на него смотрят, его слышат, могут похвалить... Очень трудно поступить правильно тогда, когда никто не видит, никто не слышит, не увидит, не услышит никогда, навечно не узнает, а надо поступить правильно для себя, для правды, для своего долга перед самим собой. Если такую цель, не имеющую отношения к половому воспитанию, поставить перед воспитателем, — тогда и половое воспитание облегчается.

Само собою разумеется, что любовь в семнадцать лет — это, конечно, чепуха, в особенности у мужчины, который развивается позднее женщины. С влюбленным семнадцатилетним мальчишкой женщина даже не должна разговаривать. Но и у девушки в семнадцать лет тоже знаете, какая любовь... Если дать ей ход, она может окончиться несчастьем. Я, по крайней мере, не знаю случая, чтобы ранняя любовь, приведшая к браку, не кончилась какой-то «драмой»...

Я так говорю тем девушкам, которые влюбились в семнадцать лет: хотите замуж, а потом приходите и плачете — убитые глаза, похудевшее лицо, горе. Человек уехал, даже адреса нет. (Смех.)

А я таким девушкам говорю: выбралась ты хорошо из этого дела. Радуйся, что все благополучно кончилось и что тебе не нужно подавать заявление об алиментах куда-нибудь. (Смех.) Но еще лучше обойтись даже и без такого конца.

Поэтому я сейчас, когда встречаю своих бывших коммунаров, а встречаю я их очень часто во всех городах, я просто беру за плечи — дорогой, милый, хороший друг, не женись, подожди немножко, тебе двадцать лет, ну подожди, для меня подожди.

Девушки в таких случаях меня обычно успокаивают: «Да нет, вы не беспокойтесь, ничего такого нет. Там есть один, но кто его знает, он так только, смотрит, а ничего не говорит».

Значит, если скажет, — все равно дело пропащее!

Тем не менее я в своей практике добивался торможением того, что задерживал эти любовные истории. Иногда приходилось стучать кулаком — брось, все равно знаю... И пугливые натуры бросали (смех), а более экспансивные, конечно, не могли бросить. И приходилось женить, даже приданое покупать, всякие цветы, швейную машину, квартиру, гардеробные шкафы и т. д. Ранние браки противоречат моим педагогическим убеждениям, и тем не менее я должен был это делать.

Факты женитьбы в 1932—1933 гг. показали коммунарам все «счастье» преждевременной брачной жизни. Во-первых, нужно жить на маленький бюджет. Какой заработок в девятнадцать лет? Во-вторых, появляются дети, начинаются тайные исчезновения на вечерние заседания... А потом — сакраментальная формула: не сошлись характерами.

Так одна, другая неудачи сделались одним из наших важнейших козырей.

Обычно, если вижу где-нибудь парочку возле батареи, когда все спят, спрашиваю, нежно даже спрашиваю: говорят, что вы влюблены? Женитесь! Они говорят: честное слово, нет!

Полгода назад ответили бы: да, влюблены, хотим жениться... А теперь? Скажи: женись, вот приданое, квартира и т. д., пожалуйста. Нет, не хотят. Все прекрасно поняли, что квартира и приданое — небольшое такое счастье.

В общем удалось задержать некоторые любви в большинстве случаев, удалось создать такой институт, знаете, верховный. Запретительным актом, естественно, никто не запрещает, нельзя запретить, но затягивать, оттягивать нужно.

Кроме того, я считаю, что в таких случаях полезен прямой разговор о любви с юношей отдельно, с девушкой отдельно. Прямые разговоры, без всяких прикрас с молодежью 17 и 18 лет — это не только можно, а нужно, нужно учить любви. Как это ни странно звучит, а есть такая наука... Девушек нужно учить большему уважению к себе, к своей женской гордости. Девушку надо учить, чтобы она даже приятных ей молодых людей встречала с некоторым перцем. (В зале смех, аплодисменты.)

И девушкам и мальчикам нужно рассказывать об ответственности за каждый прожитый день, за каждый кусок чувства, потому что за все приходится платить жизнью, причем надо рассказывать не два-три раза, а воспитывать каждый день.

Буржуазные педагоги считают, что никаких «любвей» не может быть в юношеском возрасте, что в школах человек до 18 лет любить не может, потому что он в школе, а после школы любите с алиментами или без алиментов, с драмами или без драм. Иногда и мы с разгона тоже берем такую ошибочную позицию — это «шкрабья» позиция.

Мы, советские педагоги, не можем снять с себя ответственности, мы обязаны воспитывать будущих отцов, будущих матерей... У педагогов есть все, чтобы преподать юношеству хорошие советы...

Мне задан еще такой в о п р о с: «Как вы понимаете отношение между педагогической теорией и педагогической практикой?»

Я чрезвычайно уважаю педагогическую теорию, не могу жить без нее, люблю педагогическую теорию. Не знаю, удовлетворил ли мой ответ того, кто спросил, но я сказал правду.

Маленькое замечание. Я люблю именно педагогическую теорию, а не педагогическую болтовню, а иногда всякую болтовню называют педагогической теорией. Я хочу, чтобы педагогическая теория была настоящая.

Нужна маленькая монография на такую тему, как влияние костюма учителя на характер учащихся, влияние мимики учителя на воспитание характера ученика. Все это мельчайшие детали, которые требуют внимания. Ведь даже Гоголь в своем «Ревизоре» обратил внимание на то, что иной учитель такую рожу скорчит, что хоть святых выноси.

Очень многое зависит от того, как учитель умеет оживить свой урок, как он умеет смотреть на класс. Нужно изучить вопрос о воспитании способности ориентировки. Об этом можно написать целый том. Такую теорию я очень люблю и уважаю...

В о п р о с: «Как вы советуете поступать в тех случаях, когда дети в переходном возрасте увлекаются книгами, не подходящими для них, хотя и высокохудожественными, — Куприна, Мопассана, Цвейга? Следует ли запрещать такое чтение и каким образом?»

Что из того, что я отвечу — следует запрещать? А кто будет запрещать, вы? А вы сумеете запретить? Нет. Попробуйте запретить мальчикам читать эти книги. Все равно будут читать. Попробуйте запретить курить в школе. Будут курить. Я вообще особенно не верю в запрещение. Тут что-то другое нужно. Вот вы боитесь, что школьник взял Куприна, Мопассана. Я знаю, чего боитесь: там есть такие сценки, которые не всегда вслух при женщине прочтешь, и ребенок уже интересуется подобными сценками и читает эти книги. Так что совершенно ясно, что́ его привлекает. И как вы думаете: вашим запрещением вы сможете повлиять на характер его чтения? Нет, не сможете. Вы запретили читать Мопассана — он будет слушать всякие анекдоты какого-нибудь старшего товарища. Это хуже Мопассана или лучше? Хуже! Едва ли можно при помощи одного наблюдения и запрещения руководить всем этим процессом, когда у подростка в пятнадцать лет возникают такие интересы. И вы знаете, что я думаю? Я не знаю детей, мальчиков пятнадцати лет (ни во время своего детства, ни потом не встречал), у которых бы этот острый половой интерес не возникал. Этот интерес имеет форму вовсе не развратного стремления к женщине. Стремления к женщине еще нет, оно не сознается, напротив, такой мальчик боится женщин, стесняется, и, может быть, платонически влюблен в кого-нибудь, и даже где-нибудь плачет втихомолку от любви, чтобы никто не видел...

И знаете, что я думаю? Пусть он переживет эту болезнь без вашей помощи и без вашего вмешательства. Это, конечно, какое-то заболевание, и, вероятно, его нужно так же перенести в пятнадцать лет, как иногда нужно перенести корь, скарлатину в детстве. Он не может пройти мимо этого вопроса, и, конечно, он не будет о нем разговаривать с вами, с учителем. Вот в чем я убедился: это проходит по каким-то верхним коркам души и вовсе не развращает и не превращает в дальнейшем человека

в развратника. Смотришь, из этого самого мальчика вырастает чистейшая, хорошая мужская душа.

Мы не имеем точных данных, но если обратиться просто к нашим жизненным впечатлениям, то я знаю очень многих мальчиков, моих товарищей, которые только тем и занимались, что, бывало, на перемене собирали нас в кружок и рассказывали нам (эти пятнадцатилетние ребята) такие невероятные вещи, что у меня теперь волосы дыбом встают, когда о них вспоминаю. А потом из них вышли прекрасные работники, чистейшие люди, нравственно чистые люди. К женщинам они относились прекрасно.

В то же время я наблюдал мальчиков, которые не хотели слушать таких разговоров, удалялись, которые вели себя, как тихони, а из них вышли развратники, насильники, беспринципные животные. Могут быть и такие случаи.

Это закономерный мальчишеский взрыв острого интереса к половому натурализму. Поэтому пусть лучше он прочитает Мопассана. Тогда у него вся эта область предстанет хотя в волнующем оформлении, но все-таки в искусстве, в антураже человеческих страстей, несчастий, радостей. Поэтому я никогда никому не запрещал читать книг, кроме книг контрреволюционных, вредных своей проповедью, идеями. И думаю, что дети от этого ничего не теряют.

Я не знаю ни одной системы чтения, предложенной кем-нибудь, которая бы меня удовлетворила.

Вопрос: «Меня интересует вопрос о самолюбии человека и как можно воспитать у человека самолюбие?»

Если у ребенка нет самолюбия — надо воспитать его, конечно. Но я не знаю, как его воспитать, если ребенок не находится в коллективе. Видите ли, в хорошем коллективе самолюбие очень легко воспитать. Я бы предложил в школе делать то, что я делал в коммуне. В коммуну мальчики приходили как воспитанники, а через четыре месяца они получали звание коммунара и нарукавный значок ФД. Это удовлетворяло, но это и обязывало.

Во всяком случае, надо воспитывать так, чтобы человек знал, какой коллектив за его спиной, каким коллективом он должен гордиться. Человек всегда должен выступать от имени коллектива.

Я в Москве был в одной школе, которая называется школой им. Ворошилова, я там был несколько дней, но я не слышал, чтобы кто-нибудь вспоминал Ворошилова, я не слышал гордости за то, что школа носит имя Ворошилова.

Я спросил: «Вы называете себя ворошиловцами?» Они ответили: «Нет». Я спросил: «А как же?» Они ответили: «Мы называем себя учащимися». Я спросил: «А вы видели Ворошилова?» Они ответили: «Нет». Я спросил: «А что бы вы сделали, если бы он приехал?» Они ответили: «Ничего».

Школа не находит в этом ничего для воспитания гордости своего коллектива потому, что самое главное — это коллектив, а не название школы.

Я думаю, каждая школа наша, кроме того, что должна быть единым типом советской школы, должна иметь свое лицо и гордиться этим лицом. Тогда каждый школьник будет гордиться своей принадлежностью к данному коллективу.

В о п р о с: «Чем вы объясняете такое быстрое перерождение Короткова из произведения «Педагогическая поэма»?»

Я, товарищи, вообще не верю в медленное перерождение. Воспитание, рост человека протекают медленно, а так называемая перековка всегда совершается взрывно...

В о п р о с: «Каким способом можно сломить упрямство, если ребенку уже семь лет?»

На такие вопросы трудно отвечать в общей форме. Смотря какой ребенок, какой папа и какая мама, кого там ломать в первую очередь нужно и кто ломает. Вопрос слишком абстрактный, совершенно невозможно дать на него ответ.

В о п р о с: «Какие лучшие конкретные способы преодоления лени?»

Если вы говорите о преодолении лени в детском коллективе, там много способов, специальная методика может быть предложена, и прежде всего ответственность перед коллективом. Если же вы пишете: даже в нашей студенческой среде есть ленивые люди, значит, тут не лень. Преодолеть можно самовнушением, самовоспитанием. Для этого есть единственный, вернейший способ — это заставить себя делать то дело, которое нужно делать. Другого способа нет.

В о п р о с: «Не считаете ли вы, что ликвидация мастерских по школам, отсутствие трудовых процессов ведут к воспитанию барчуков, людей, пренебрежительно относящихся к труду взрослых?»

Я вообще сторонник не только трудового воспитания, но и производственного воспитания. Маркс прямо говорит, что все дети с десяти лет должны принимать участие в производстве...

Я являюсь сторонником производственных процессов в школе, даже самых простых, самых дешевых, самых скучных. Потому что только в производственном процессе вырастает настоящий характер человека, члена производственного коллектива, там именно человек учится чувствовать свою ответственность за деталь, когда нужно выполнить весь промфинплан.

Я думаю, что такая производственная школа у нас со временем будет. Сейчас у нас просто средств не хватает для такой школы.

В о п р о с: «Если можно, скажите, пожалуйста, кого вы считаете лучшим писателем современности?»

Я больше всего люблю Шолохова. Я даже считаю, что он писатель мирового масштаба.

Следующий в о п р о с: «Связаны ли вы с педагогической практикой и в какой форме?»

Связан, очень часто принимаю у себя на дому клиентов по разным вопросам, хотя на моих дверях не висит дощечка «прием от такого-то до такого-то».

Недавно пришла ко мне женщина лет 45 (думаю, что моей книги не читала) и говорит: «Сын продал мои ботинки, юбку, облигации, не работает, требует денег, по ночам гуляет, ударил меня кулаком в лицо. Мне посоветовали прийти к вам за советом».

Я решил, что же мне обижать женщину, которая нуждается в совете? Я спрашиваю: «А сколько сыну лет?» Она говорит: «Восемнадцать». Я говорю: «Могу вам дать единственно возможный совет: если можете, уди-

райте тайно от этого сына в другой город». Она говорит: «Хорошо, спасибо за совет, а сколько вам за совет?» (В руках у нее пятерка.) Я считаю, что я честно заработал пятерку, но все-таки не приходится брать. (В зале смех.) Вы знаете, что еще? Иногда приходят ко мне влюбленные и просят совета — чи покинути, чи любити? И вы знаете, нельзя прогнать, пошел разговор, и хотя не специалист в этом вопросе, а поневоле начинаешь расспрашивать, говорить, потом влюбленный начинает плакать, начинаешь утешать — и смотришь, даешь какой-то совет и даже сам не знаешь, к чему это может привести.

Так что, видите, приходится и нехорошими педагогическими делами заниматься.

А раз пришла ко мне мать в очень трагическом положении, приехала из Ленинграда: у нее сын пропал, прекрасный мальчик, ученик IX класса. Вытопил печь и исчез. Мать пришла в теплую комнату с работы, а сына нет. Дело в том, что мальчика обвинили в краже каких-то физических приборов в школе, и вот он исчез. Единственный сын. Мать приехала ко мне, привезла карточку и спрашивает: «Скажите, может ли он покончить с собой?»

Разве я могу сказать, что я не знаю, не понимаю? Я взял карточку, посмотрел и сказал: «Ни в коем случае не может покончить с собой». (В зале смех, аплодисменты.)

Следующий вопрос: «Нам очень хочется быть счастливыми. Скажите, пожалуйста, что вы собираетесь написать по этому вопросу в вашей последней книге, а то придется долго ждать другой книги, а человек создан для счастья, как птица для полета,— поэтому нельзя терять ни одной минуты».

Я отвечу товарищам.

Буду писать такую книгу, и первым правилом такой мудрости — как быть счастливым — я рассчитываю поставить: не спеши быть счастливым, а то вы торопитесь...

Нужно очень осмотрительно к этому подходить...

Один товарищ пишет, что наши школы забросили физическое воспитание.

Конечно, забросили, так не надо забрасывать. Что я могу сказать по этому поводу? Его очень легко восстановить.

Какое физическое воспитание? Спартанское воспитание, например, тоже неплохое воспитание, но я всегда настаиваю на том, что наше воспитание должно направляться интересами коллектива, сопровождаться воспитанием сознательности. У спартанцев воспитание закаленных людей не сопровождалось таким сознательным оформлением, как у нас, такой философией жизни.

Вопрос: «Вы предлагаете ученикам натирать паркет. Но ведь, утомляясь натиранием, ученики не смогут продуктивно учиться».

Вот видите, вот уже испугались! А как же мои коммунары учились? Ведь они заканчивали полную десятилетку и четыре часа выполняли на заводе серьезную работу, с нормой, и с самообслуживанием, и с самоуправлением, и с физкультурой, и иностранные делегации принимали, и в походы ездили. Нет, товарищи, мы слишком балуем наших ребят. Натирать полы в течение часа — это им нисколько не повредит.

Вопрос: «Расскажите коротко о вашей встрече с Горьким, его влиянии на вашу деятельность как писателя».

Я с ним встретился основательно один раз, когда он приехал ко мне в колонию им. Горького. Жил у меня три дня. Ну, тогда меня интересовали больше вопросы педагогические, а не литературные. Я с ним о литературе совершенно не разговаривал. Потом, когда я написал «Педагогическую поэму», встречался с ним по этому вопросу раза четыре. Два раза был у него. Один раз в поезде ехал вместе с ним и еще раз в Одессе видел, когда он возвращался из Италии через Турцию. Самое важное, что я нашел в нем,— это большая вера в человека и большая требовательность к человеку.

Я считаю, что в этом смысле Горький — один из лучших педагогов, ибо он предъявляет максимальные требования к человеку, в этом проявляется максимальное уважение.

Кроме того, меня увлек оптимизм в горьковских произведениях. Горький — большой оптимист; он умеет проектировать лучшее в человеке.

Когда вы видите перед собой воспитанника — мальчика или девочку, вы должны уметь проектировать больше, чем кажется для глаза. И это всегда правильно. Как хороший охотник, давая выстрел по движущейся цели, берет далеко вперед, так и педагог в своем воспитательном деле должен брать далеко вперед, много требовать от человека и страшно уважать его, хотя по внешним признакам, может быть, этот человек и не заслуживает уважения.

Вопрос: «Встречали ли вы в своей практике неисправимых нарушителей?»

Встречал, но я глубоко убежден, что через десять — пятнадцать лет наша педагогика и вы со своими свежими силами и мыслями признаете, что неисправимых быть не может...

Мне могут задать вопрос: вы говорите, что коммуна может всех исправить, а были случаи, когда с одним человеком не могли справиться — исключали из коммуны...

Я отвечу словами комсомольца Сопина, сказанными, когда мы во время похода исключили за драку одного коммунара: «...Он совершил большое преступление: в походе у нас военная дисциплина, на пароходе в присутствии представителей всего Советского Союза он оскорбил коммуну: ударил более слабого товарища. Мы его ссадили, а сейчас он нам неинтересен, пусть его кто угодно исправляет, да он и так на всю жизнь не забудет этого урока. Он уже исправился, но мы желаем, чтобы в коммуне, когда мы уйдем, все помнили этот случай». И действительно, знаете, ушло одно поколение, жили уже новые ребята, а мои, чуть вопрос о драке зайдет, говорили: «А помните, ссадили с парохода в Ялте?»...

Откажитесь, товарищи, от индивидуальной логики... Здесь воспитывается не один человек, исключенный, а весь коллектив. Весь коллектив закалялся в борьбе за свое качество. Как вы думаете, разве поднять руку за исключение товарища — это не значит взять на себя очень большие обязательства, большую ответственность?

Исключение было высшей мерой наказания в коммуне. Когда мы применяем высшую меру наказания, нас прежде всего интересует коллективный гнев, коллективное требование, коллективный опыт... Применяя высшую меру наказания, мы усиливаем наши требования к человеку, и на-

ше уважение к коллективу, и наши надежды на совершенство человека, и нашу ненависть к врагам.

Вопрос: «Если вызван ученик к доске, а он слабоват в математике, и преподаватель начинает его конфузить, хорошо ли это или нет?»

Иногда хорошо, честное слово, хорошо. Иногда самый легкий способ иронии хорош и на общем собрании.

Мне пишут, что в вопросе о «балмесовых» я ошибаюсь, потому что у нас нет навечно плохих, обреченных. Вам кажется так, мне кажется так. Я говорил на основании рассказов учителей. Я в своей жизни наблюдал людей, которые в известном классе учатся плохо. Нельзя насильно заставить хорошо учиться; это может привести к трагическим последствиям. Иногда лучше дать человеку отдых, передышку. Но это не значит, что он обреченный.

Мне пишут: «Приведите пример, где бы закалка наша отличалась от закалки в Англии».

Я говорил, что наша закалка должна направляться интересами коллектива, не быть персональной, личной тренировкой и каждый ребенок должен это понимать, а в Англии закалка делается для собственной личной силы.

Меня спрашивают: «Дайте короткую характеристику вашу, какими должны быть здоровые отношения между юношей и девушкой».

Искренние отношения, т. е. такие, которые ничего не преувеличивают и не преуменьшают. Когда не обманывают друг друга, когда есть уважение к себе и другому, тогда отношения будут здоровые, независимо от того, какие это отношения: дружеские, любовные и т. д.

Во всяком случае, если есть забота о жизни и счастье другого,— такие отношения всегда будут прекрасны.

Следующий вопрос: «Скажите, типичным ли является тот профессор педагогики, о котором вы пишете в «Книге для родителей»?»

В свое время он был типичным как лицо, у которого собственная педагогическая эрудиция противоречит его собственной домашней практике, а такое противоречие, в известной мере, может быть типичным.

Что значит воспитать ребенка?

Что значит воспитать ребенка? Можно воспитать для счастья, можно воспитать для борьбы. Можно воспитать для индивидуального счастья, можно воспитать для индивидуальной борьбы. И можно воспитать для общего счастья и для общей борьбы. Это все очень важные и очень практические вопросы.

У нас много старых представлений о ценностях человека, о его достоинстве.

Итак, цель воспитания как будто ясна. Каким должен быть советский гражданин? Несколько совершенно ясных признаков: активный, деятельный, осмотрительный, знающий коллективист. Но не только способность к действию, нужна и большая способность к торможению, тоже отличная от старой способности. Очень важная способность к ориентировке, широкий взгляд и широкое чутье.

Пути воспитания. Конечно, на первом плане общая сумма правильных представлений, сумма правильных, марксистски освещенных знаний. Зна-

ния приходят из учебы и еще больше из замечательного советского опыта, из газеты, книги, из каждого нашего дня. Многим кажется, что этого достаточно. Это действительно много. Наша жизнь производит самое могучее впечатление на человека и действительно воспитывает его. (Примеры.)

Но мы не можем останавливаться на этих достижениях, мы прямо должны сказать, что без специальной заботы о человеке, заботы педагогической, мы многое теряем. Правда, получаются хорошие результаты, но мы ими довольны только потому, что не знаем, какими грандиозными они могут быть.

Я — сторонник специальной воспитательной дисциплины, которая еще не создана, но которую именно у нас в Советском Союзе создадут. Основные принципы этого воспитания: 1) уважение и требование; 2) искренность и открытость; 3) принципиальность; 4) забота и внимание, знание; 5) упражнение; 6) закалка; 7) труд; 8) коллектив; 9) семья: первое детство, количество любви и мера суровости; 10) детская радость, игра; 11) наказание и награда.

Из опыта работы

Товарищи, я думаю, что у нас будет беседа, может быть, и вы скажете что-нибудь, потому что мой опыт, а я основываюсь на опыте, отличается от вашего. Но я тоже учитель — железнодорожный учитель и сын железнодорожника, так что должен педагогически мыслить так же, как и вы, хотя мне, пожалуй, повезло больше, чем вам.

В 1920 г. Советская власть дала мне колонию правонарушителей. Я пошел туда вовсе не потому, что считал себя сильным воспитателем. После революции я работал в Полтавской школе, и мне предложили заниматься в здании губсовнархоза. Приходя туда, я всегда находил там грязные канцелярские столы, окурки на полу и, как правило, воздух, состоящий главным образом из никотина и дыма. Заниматься с детьми в таких условиях было очень трудно, и, разумеется, я готов был удрать куда угодно. Так начался мой опыт работы в колонии[1]. Он продолжался 16 лет, и тут мне повезло. Мало людей, которым посчастливилось руководить одним и тем же коллективом 16 лет.

Вот в 1935 г. этот мой опыт закончился не по моему желанию, не по моей вине[2].

Все эти годы я работал с одним коллективом, в котором, правда, менялись люди, но менялись постепенно, сохраняя традиции, преемственность между поколениями. Работа в этом коллективе привела меня к некоторым убеждениям, которые я имею склонность распространять и на обычную школу. Почему я так подошел к общешкольному вопросу? Потому, что последние 8 лет коммуна им. Дзержинского НКВД Украины мало отличалась по характеру детского общества от обычной школы.

В коммуне была полная средняя школа, и дети очень быстро, приблизительно через 3—4 месяца, становились нормальными детьми или даже сверхнормальными, если нормальным считать нашего среднего школьника. Так что я не имею оснований полагать, что у меня был особенно трудный состав. Состав у меня был более легкий, чем в некоторых школах. Я настолько мог позволить себе свободу действий, что, например, с третьего го-

да работы в коммуне отказался от штатных воспитателей[3]. В быту моим воспитанникам уже не нужна была специальная надзирательская помощь.

Школа у меня была труднее, чем у вас, потому что я получал детей, более или менее отставших: в 10—12 лет кое-как читает, кое-как пишет, а иногда совсем не пишет. Так что закончить курс десятилетки к 18 годам им было труднее[4].

Был такой старый интеллигентский предрассудок, что беспризорный всегда способный, гений, а на самом деле он в некоторых отношениях слабее, чем нормальный ребенок, он менее подготовлен к систематической школьной работе. Это затрудняло прохождение курса средней школы, но у беспризорных было нечто, что позволяло мне и им преодолевать большие трудности. Они не могли рассчитывать на помощь родителей, а должны были рассчитывать только на себя. Это они понимали. Скоро стали они также понимать, что школа — это дорога в вуз. Особенно ясно им это стало, когда появились первые студенты-коммунары и студенты приезжали в коммуну.

Тогда коммунары поняли, что дорога в вуз — самая богатая, самая интересная дорога. Привлекало их также и то, что вуз давал общежитие, стипендию.

У моих коммунаров страсть к учебе была сильнее, чем у среднего школьника. И с помощью этой страсти они преодолевали лень и все трудности на этом пути.

Воспитательная работа в коммуне у меня была обставлена лучшими условиями, чем у вас, потому что коммунары находились в моих руках полные сутки в течение 5—6—7 лет. У вас есть такая терминология: это средство воспитательное, а это средство невоспитательное. Причем у вас воспитательное средство не то, которое ведет к цели, а то, при котором меньше скандалов, меньше крика (смех), когда и волки сыты и овцы целы. А к каким результатам ведет это средство — не проверяется, не имеет особого значения.

А я считал воспитательным средством то средство, которое ведет к цели. Если даже поднимается крик, скандал, пожалуйста, иду на какой угодно скандал. Я был поставлен в этом отношении в более выгодные условия и был оперативным. Наконец, легкость работы обусловливалась еще одним обстоятельством: в коммуне было производство.

Я был когда-то сторонником трудовых процессов. Мы все считали, что в трудовых процессах ребенок дает выход своим трудовым инстинктам. Я тоже думал, что трудовой процесс нужен для придания ребенку трудового колорита. В дальнейшем я понял, что ребенок должен учиться какому-то производительному труду, добиваться какой-то квалификации.

Мы, педагоги, теоретически залетали очень высоко, а практически были очень низко. Думали, что дадим нашему ребенку хорошую квалификацию, а на самом деле давали такую, при помощи которой ребенок мог сделать плохую табуретку, готовили швею, которая могла сшить только трусики. Я сам переживал даже чувство некоторого пафоса, когда мне хорошо чинили ботинки, шили трусики и плохо делали табуретку. Потом я избавился от этого педагогического предрассудка. Вы помните, наверное, предрассудок, что трудовой процесс должен быть «увязан» с учебной программой[5]. Сколь-

ко мы ломали голову над этим проклятым вопросом? Вот дети делают табуретку, а надо, чтобы это было связано с географией и с математикой. (Смех.) Я очень плохо себя чувствовал, когда приезжала комиссия и не находила согласованности между табуреткой и русским языком. (Смех.) Потом махнул рукой и прямо стал утверждать, что не должно быть связи.

Сейчас я это могу аргументировать, когда в коммуне развернулся прекрасный завод, сработанный нашими руками, завод, производящий «Лейки». Очень богатый завод. «Лейка» имеет 300 деталей с точностью до 0,001 мм, точную оптику, где сложнейшие процессы, каких в старой России никогда не знали.

Когда я наблюдал работу такого завода, а такой завод — это значит точный план, нормы допуска, нормы качества, когда такой завод обслуживается десятками инженеров, конструкторским бюро и т. д. и т. д.,— только тогда я увидел, что значит такое производство. И как жалок был лепет об увязке школьной программы с трудовыми процессами. Оказалось, что процесс обучения в школе и производство продукции крепко определяют личность потому, что они уничтожают ту грань, которая лежит между физическим и умственным трудом, и выходят высококвалифицированные люди.

В Харькове я встретил девочку, которая оканчивает институт. Но она имеет 6-й разряд полировщицы линз. Она учится в вузе, а между тем этот 6-й разряд у нее сохраняется в руках, она все помнит. И вот когда выходили из коммуны люди с полным средним образованием и квалификацией 6—7-го разряда, то я видел, что им учеба принесла пользу. Условия производства, производства серьезного,— это и были те условия, которые облегчили педагогическую работу. Я теперь буду бороться за то, чтобы в нашей, советской школе было производство. Тем более буду бороться, что труд детей на производстве открывает многие воспитательные пути.

И наконец, еще одна сторона, совсем не презренная,— это выгодность такого дела. Коммуна им. Дзержинского существовала восемь лет и только один год была на бюджете. Остальные семь лет она была снята с бюджета, и последние семь лет она покрывала содержание завода, общежития, всего быта, пищи, одежды, школы целиком и 5 млн. рублей давала государству чистой прибыли. При этом только потому, что была на хозрасчете.

Вы представляете, какой силы инструментовка была в руках педагогов. Мы решаем: едем 500 человек по Волге, на Кавказ. Для этого нужно 200 тыс. рублей. Постановили: в течение месяца работать полчаса лишних, и в результате получаем 200 тыс. рублей.

Мы могли одевать мальчиков в суконные костюмы, девочек — в шелковые и шерстяные платья. Мы могли 40 тыс. рублей тратить на театр. А когда это делается в порядке трудовой дисциплины, в порядке завоевания богатства, когда весь коллектив за это борется, то что можно сравнить с этой новой педагогической силой?

Я уже не говорю о других, мелких достоинствах такой системы. Хотя бы зарплата. Зарплата не потому совершенна, что дает деньги ученику, она совершенна потому, что ставит его в условия собственного бюджета, она дает возможность воспитать будущего хозяина. Ведь у нас каждый коммунар-выпускник имел в сберкассе по 2 тыс. рублей.

Я убежден, что цель нашего воспитания заключается не только в том,

чтобы воспитать человека-творца, человека-гражданина, способного с наибольшим эффектом участвовать в строительстве государства. Мы должны воспитать человека, который обязан быть счастливым. Деньги в Советской стране могут быть прекрасным воспитателем, прекрасным педагогом. Говорить о педагогических вопросах я могу, основываясь на своем опыте, а он был обставлен лучше, чем у вас.

Я настаиваю и буду настаивать на том, что такие условия должны быть созданы в школе. Сначала это кажется очень страшным, а на деле это не так страшно. Если бы мне сейчас дали школу, я бы на педагогическом собрании говорил, какие идеи я буду осуществлять, и в то же время думал: где бы достать необходимые средства? В коммуне им. Дзержинского я стал искать человека, который умеет все купить, все продать, все умеет делать. И нашел такого человека. Он говорит: «У вас 200 рабочих рук, чего же вы плачете?» — «А что мы будем делать?» — спрашиваю. Он отвечает: «Знаете что, мы будем делать нитки».— «А где средства?» — «А зачем средства? Мы заключим договор, купим кустарные деревянные станочки». Действительно, купили такие старые станочки и начали делать нитки, а через шесть лет имели лучший в Союзе оптический завод, который стоил несколько миллионов рублей.

Вот мы и начали с ниток и табуреток. А как табуретки надо делать? Говорят, для того чтобы сделать стул, один ученик должен сделать все части, тогда он будет хорошим мастером. Другие говорят: нет, один делает вот эту часть, второй — другую часть, третий полирует и т. д. И это верно. А вот когда «душевный педагог» видел такую работу, он бледнел, падал в обморок: как можно так издеваться над мальчиком: мальчик отрезает только эту штуку, просто ужас. Да, мальчик имеет дело только с этой штукой, но он отрезает 200 штук за несколько минут, он работает на коллектив.

Разделение труда нам необходимо. Сейчас не так нужен мастер, который умеет сделать стул целиком, как нужен столяр, умеющий работать на циркулярном и фрезерном станках. Такой коллектив, такое производство были в моем опыте.

То, что я говорил вам, вовсе не значит, что я только хозяйственник. Нет, я всегда оставался педагогом, всегда меня интересовали вопросы воспитания, и я пришел к некоторым выводам, которые, может быть, противоречат ходячим теоретическим убеждениям. Я всегда был противник такого взгляда, который говорит, что педагогика — это теоретическая наука, которая строится на изучении ребенка и на изучении отдельно взятых, абстрактно мыслимых воспитательных методов. Я представляю, что педагогика есть политическое искусство воспитания и что это есть проявление политического кредо, а вовсе не его теоретических знаний, теоретические знания являются только подсобным в этом воспитании. Сколько хотите накачивайте меня методическими средствами, а я белогвардейца воспитать не сумею. И вы не сумеете. Это смог бы сделать тот, у кого нутро белогвардейское[6].

Педагогическое мастерство может быть доведено до большой степени совершенства, почти до степени техники. В это я верю и всей своей жизнью искал доказательства этой веры. Я настаиваю на том, что вопросы воспитания, методику воспитания нельзя ограничивать вопросами преподавания, тем более нельзя, что воспитательный процесс совершается не только в

классе, а буквально на каждом квадратном метре нашей земли. И надо, чтобы педагогика овладела средствами влияния, которые были бы настолько универсальными и могучими, что, когда наш воспитанник встретит любые влияния вредные, даже самые мощные, они бы нивелировались и ликвидировались нашим влиянием. Значит, ни в коем случае нельзя представить, что эта воспитательная работа может быть только в классе. Воспитательная работа руководит всей жизнью ученика.

Второе, на чем я настаиваю, — я сторонник активного воспитания, т. е. хочу воспитать человека определенных качеств и все делаю, весь интеллект, все усилия свои направляю на то, чтобы достигнуть этой цели. Я должен найти средства, чтобы этого достигнуть, и всегда должен видеть перед собой цель, должен видеть тот образец, идеал, к которому стремлюсь. Не беспокоиться о том, что «личность запищала», пускай пищит, но я буду добиваться своей цели. Это вовсе не значит, что я являюсь сторонником страданий, напротив, я убежден, что многие недостатки, особенно дисциплины, тона и стиля, происходят оттого, что мы не придаем значения весьма важному обстоятельству. С беспризорными это обстоятельство я видел лучше: это испорченные детские нервы. Я думал, этот — дезорганизатор, этот — вор, лентяй, а в большинстве случаев это просто дети с потрепанными нервами. Они каждое ваше слово, каждое движение встречают с сопротивлением, у них нервы болят, когда вы подходите. И иногда самые хитроумные наши педагогические измышления являются для них трепкой нервов.

Говорят: ребенок должен после урока покричать (у вас в школе этого нет), иногда ему хочется поколотить стекла, говорят: натура ребенка этого требует. Думают, что для того, чтобы ребенок не бил стекол, надо его отвлечь чем-то, раздражать нервы в другом направлении. Надо, чтобы он пел, танцевал или радио для него завести.

Я бываю во многих школах, у меня закаленные нервы, нервы-тросы, и вот, когда я захожу в такую шумную школу, у меня начинается нервный тик. А ведь дети в течение десяти лет находятся в школе.

Но мы должны быть «педагогичны» и своих чувств не обнаруживать. У нас иногда только губы дрожат, по ночам не спим, или это накопившееся раздражение обрушивается дома на близких. Было даже такое глубокое убеждение, что учительская работа — нервная работа и учитель должен быть обязательно неврастеником.

Я над этим задумывался очень давно. И потом увидел, какое благо — полный порядок: никакого крика, никакого бега. Хочешь побегать — вот во дворе площадка, а если хотите кричать — не кричите! Надо поберечь и нас, ведь мы, учителя, — государственная ценность, и нас, ребята, поберегите.

Насчет окон единственное решение: не смей бить стекол, я не буду тебе заводить радио, музыку и не позволю уничтожать государственное имущество. Я тебя ничем отвлекать не буду, а ты не бей.

И вот когда коллектив сознательно относится к такому порядку, действительно, в коллективе получается тот покой, та строгость, грань и точность обозначений, где можно бегать, где нельзя, которые необходимы для успокоения нервов. Я сам к этому выводу пришел не так скоро. Но коммуну вы могли посетить в любое время и никогда не увидели бы,

чтобы ребята толкали друг друга, били стекла и т. д. Коллектив бодрый, жизнерадостный, никто никого не бьет. Я глубоко убежден, что стремление ребенка беспорядочно бегать, кричать прекрасно может быть переведено на внутренний покой. Ведь очень часто может выдаваться за педагогическую мудрость то, что на самом деле должно подвергаться сомнению: мудрость ли это педагогическая и мудрость ли это вообще.

Поэтому такое требовательное, активное воспитание, которое руководствуется только целью дать ребенку политическое воспитание, вовсе не значит, что приведет к страданию ребенка. Что такое страдание? Вас, вероятно, занимает вопрос о риске. В Ленинграде на одном из совещений, когда я рассказывал о риске, мне такой вопрос задали: да, на производстве можно требовать риска, и чем больше риска, чем больше дерзаний, тем более возможны успехи. Но когда вы имеете дело с живым человеком, как вы можете рисковать, и вопрошающе дополнили так: у нас был случай, когда девочка повесилась потому, что ей поставили плохой балл по немецкому языку. И вспомнил я, как у нас в одном московском педагогическом журнале был отдел консультации и там консультант отвечает на вопрос читателю, как надо разговаривать с мальчиком, который хулиганит в классе, нарушает внутренний распорядок. С таким мальчиком воспитатель должен поговорить ровным голосом, ни в коем случае не повышая тона, так, чтобы ученик видел, что учитель говорит с ним не потому, что он негодует, а потому, что это его долг, долг учителя поговорить.

Вот я считаю, что такой ровный голос с хулиганом и вот то, что учитель боится показать свое негодование, а показывает свою боязнь, — это есть самое рискованное действие. И если бы со мной все люди говорили только ровным голосом, я повесился бы через год. Разговаривать ровным голосом — это значит: мне безразлично, как ты себя ведешь, но я разговариваю с тобой потому, что я исполняю свои обязанности.

Например: «Иванов, не смей ничего плохого делать...» — и таким спокойным монотонным голосом. А про себя думает, а что если бы тебя по голове как следует стукнуть кулаком. Что это, не риск?

Почему девочка повесилась? Ведь плохая отметка не рискованная отметка. Нет, потому что там были действия нерискованные, человеку тошно стало жить на свете, он повесился. Тот человек, который живет в живом коллективе, где есть риск, живет интересно, там люди бодро живут. Нерискованное действие — самый страшный риск.

Я поэтому открыто говорю: в действиях педагога, в действиях педагогического коллектива должна быть предельная требовательность.

Это вовсе не значит, что вы должны кричать, нет, вы должны так говорить, чтобы виновный видел, что вы негодуете, чтобы он видел, что вы решили сопротивляться нарушению требований, что это приводит вас в гнев. Не всегда надо кричать, можно иногда прошипеть (смех), но в вашем голосе должна быть эмоция, чувство, и тут не надо уступать никакому консультанту.

Пришел ко мне один директор и говорит: как бы вы поступили? Выгнал я ученика, и он принес записку из гороно, чтобы я его обратно взял. Этот мальчик натыкал несколько кусочков лезвия бритвы в перила, чтобы ученики себе руки порезали. Спрашиваю: «Как вы поступили?» —

«Принял», — говорит... «А надо было с запиской его выгнать». — «Да ведь я места лишусь», — отвечает он. Испугался записки, принял хулигана обратно. Это неверно. Когда вы чувствуете себя правым, вы обязаны не уступать, даже если рискуете быть выгнанным со службы. И наконец, директора никто не выгонит. Не так уж легко выгнать советского директора, и он должен на своем поставить.

Еще о риске. Когда общий тон требования, целеустремленность действия воспитаны в коллективе на самом деле, тогда и детский коллектив вас поддерживает, и рисковать вам почти не приходится. Когда я установил право наказания как совершенно недвусмысленное право, от которого не откажусь, то ученик прекрасно понимал, что так и будет. Чем ярче, определеннее право требования, тем менее приходится требовать, тем естественнее возникает общий стиль.

Требовательное воспитание кажется трудным делом до тех пор, пока мы по-настоящему не решились его проводить, а когда решились — оно становится легким.

Я подчеркиваю, что вы обязаны требовать должного поведения, не оглядываясь, не боясь, что «личность запищит» или какой-нибудь бюрократ будет угрожать вам увольнением.

Вот, товарищи, общие положения. Я могу развивать их подробно. К ним необходимы некоторые дополнения весьма важного свойства. Это вопросы стиля и тона. Вопрос стиля совершенно не разработан в педагогике. А между тем стиль очень много решает. Сколько я видел школ, столько я видел стилей.

Вы сами знаете, что стиль детского коллектива бывает просто возбужденный, наглый, крикливый, страдающий, пониженный, пессимистический, мажорный. Можно без конца называть стили. Здоровый советский стиль создается путем воспитания уважения к себе и коллективу. Это то, что необходимо каждой нашей школе. Стиль создается очень медленно потому, что он немыслим без накопления традиций.

Я был в 899-й школе. Конечно, такое название звучит очень ровно, ничем не выделяется. Но эта самая 899-я школа носит имя Кирова. Это уже многое значит. Сплошь и рядом педагоги не умеют пользоваться таким счастливым обстоятельством. В этой школе день рождения товарища Кирова должен быть большим праздником, каждый ученик должен знать биографию товарища Кирова. Так у меня и было. В горьковской колонии были горьковцы. Дзержинцы знали, что товарищ Дзержинский — образ настоящего человека, их вдохновитель.

В одном педагогическом журнале обсуждался вопрос, как называть учеников: «ребята», «товарищи» или просто «Ваня», «Коля». А почему не понимают того, что ребенок в школе обязательно гражданин? Я десятилетнего ребенка называл товарищем, особенно когда к нему обращался по делу. Гуляя в парке, я мог назвать его Петей. А когда он провинился, я говорил: товарищ Федоренко, получите два часа ареста. Это не значит, что при других обстоятельствах вы не можете назвать его Петей, а такой стиль подчеркивает, что это не игра, что это государственное дело. Главнейший метод, в котором меня обвиняли всегда, — это военизация. Меня называли жандармом, Аракчеевым и т. д. Все же я 16 лет не отказывался от «военизации». Только на 16-м году я нашел у Энгельса место,

где было написано, что в школе должна быть проведена правильная военизация. И когда я показал это людям, которые называли меня жандармом, они просто онемели.

Я противник муштровки. Вот иногда водят детей в раздевалку парами. Это совсем лишнее. Когда у вас дисциплинированный коллектив, в приказе пишется: одеваться по порядку такому-то классу за таким-то классом, наблюдение поручается такому-то. И каждый знает, когда ему идти одеваться. При таком порядке вовсе не надо ходить в гардеробную парами...

Я в Кисловодске 7 Ноября 1938 г. наблюдал, как одна школа беспорядочно строилась на демонстрацию, причем это не было злым умыслом, просто они не могли построиться. А когда построились, учителя стояли и смотрели, чтобы не разбежались. Это не «военизация». Вот так называемая военизация: марш, стройся, минута — равняйсь, справа по 6. Построились. Спрашивают: «Долго будем здесь стоять?» — «2 часа». — «Разойдись». Ребята расходятся, покупают конфеты, мороженое. Но вот трубач дал сигнал, прибежали — строятся.

Это свобода для учителя и учеников, а вовсе не муштровка.

Я не знаю, как у вас собираются общие собрания. Я знаю, как собираются писатели. Прямо скажу: никакой военизации нет. Получают повестку, собрание назначено на 6 часов. Это значит, надо сесть и долго размышлять, когда же начнется общее собрание. Все прекрасно знают, если написано в 6 часов, то оно начнется в 7. Но все опаздывают на час и придут к 8 часам. Следовательно, надо на собрание идти к 8 часам. В повестке написано в 7, собрание начнется в 9 с половиной. «Почему вы пришли в 9 с половиной?» — спрашивают писателя. «Потому что я знал, как все наши запаздывают», — отвечает он. Время здесь перестает действовать. Шесть часов превращается в пустой звук. И если так будет продолжаться дальше, то, чтобы собрать собрание в 7 часов, надо будет писать, что собрание назначается в 12 часов дня.

А вот «военизация» позволяет приучить коллектив учителей собираться точно. Я 16 лет каждый день принимал рапорт командиров, а рапорт отдавался обычно в 9 часов. Кончился день — дежурный командир дает сигнал. И я, начальник учреждения, ни разу не опоздал. Ни одного раза не позволил себе опоздать. И все командиры всегда вовремя были на месте.

«Военизация» позволяет воспитать движение. А движение — это не такой пустяк. Уметь ходить, уметь стоять, говорить, уметь быть вежливым — это не пустяк. Можно не сомневаться, что такой коллектив производит сам на себя впечатление коллектива обещающего.

Вот в коммуне им. Дзержинского запрещалось держаться за перила. Стало обычаем не ходить возле перил. Командир говорит новеньким: отвечайте так-то, ведите себя так-то. А теперь запомните: за перила не держитесь. И я видел, как люди уже пожилые и менее пожилые пробовали сходить по лестнице, не держась за перила, и как они от этого молодели, становились грациознее. Попробуйте вы так сделать, и вы станете грациознее.

И такая организация не муштровка. В коммуне было правило: дежурным командиром назначить обыкновенного мальчика 15—16 лет, он отличался

от других только шелковой повязкой. И вот сделался обычай отвечать на его распоряжение: «Есть, товарищ командир». И в этом была своя логика. Дежурный командир ни с кем не разговаривал, ему некогда было долго разговаривать; выслушал... и уходи.

Умение встать тоже много значит. Если воспитанник пришел к убеждению, что перед директором надо стоять смирно,— значит, он признал закон коллектива.

Я допускал некоторые особые приемы, напоминающие игру в «военизацию». Для своего кабинета я выделил самую большую комнату, обставил ее диванами, и любой коммунар мог присутствовать здесь, мог читать, мог слушать, что говорят. Имел полное право сделать это. И тут не нужно было никому ни перед кем тянуться. А когда я его призывал, он стоял передо мной так, как нужно.

И наконец, последнее — о стиле. Это внешняя игра. Ведь мы все, взрослые, в жизни играем. Тот — особенный воротничок сделает, особенные очки наденет, в которых ему кажется, что он походит на профессора. У другого — прическа, как у поэта. А когда вам подадут на экскурсию ЗИС, вы воображаете себя несколько «обуржуазненным». А дети? Как ребенок играет, так и будет работать. Сама детская жизнь должна быть игрой, а вы с ними должны играть, и я 16 лет играл. Эта игра педагога — серьезная, настоящая деловая игра; она делает жизнь красивой. Что такое красивая жизнь? Жизнь, связанная с эстетикой. Детский коллектив должен жить красиво, игра должна наполнять каждую минуту. «Военизация» в детском учреждении — это один из видов игры. Когда-то мои ребята ходили на работу в поле, огород, в цехи и каждую неделю совет командиров издавал приказ, который начинался одной и той же фразой[7]. Каждый воспитанник знал свое рабочее место, за которое отвечал, на котором квалифицировался. Каждый слышал каждое утро эту фразу приказа. И так было в течение многих лет.

Это игра. И такие элементы игры надо беречь. Изобретать надо так, чтобы детям казалось, что они изобретают. Такая же игра — сторожевой отряд. Вы думаете, что коммуну надо было охранять? Коммуна была НКВД, кто посмел бы ее ограбить. А мы нарочно денежный ящик, сейф, держали в вестибюле при входе, и часовой с винтовкой дежурил день и ночь. Когда я говорил об этом учителям, они удивленно спрашивали: «И девочки стояли, и маленькие стояли?»

Да, и ночью стояли. Вся коммуна спит, а он один стоит с винтовкой, и дверь не заперта. Я говорю одному директору в Москве: «Неплохо было бы, если бы у вас сами дети охраняли школу». Он говорит: «Да они же будут бояться, мать не пустит». А детишки, которые слышали слова директора, как закричат: «Пусть попробует не пустить!».

Что такое храбрость? Человек боится, но делает то, что нужно делать. Я прихожу в 12 часов ночи в вестибюль, стоит мальчик с винтовкой. Спрашиваю его: «Боишься?» — «Нет». Да и бояться нечего, потому что вблизи есть старшие коммунары. Это игра, но ответственная игра. Человек учится преодолевать страх.

Некоторые так рассуждают: надо закалить ребенка. Это очень полезно, но только чтобы без закалки, чтобы само собой выходило. Уговаривают: вы, ребята, должны быть закалены, вы ничего не должны

бояться. А как дойдет до дела, когда можно закаливать ребенка, заявляют: он испугается, мать не пустит и т. д.

Я уже рассказывал как-то такой совершенно необычный случай, когда ученик выстрелил в учительницу. Меня в этой тяжелой истории заинтересовал не ученик, он, может быть, был шизофреник, можеть быть, подослан врагами. Меня заинтересовал класс. Класс испугался, не смог помешать ему.

Пусть бы кто-нибудь попробовал в коммуне войти в класс с винтовкой. Кто мог разрешить ему стрелять? А вот там испугались.

Заботиться о воспитании смелости педагог обязан. И чувство страха надо преодолевать при помощи игры. Другой большой вопрос: в школе должна быть высокая требовательность. Я благодарен коммунарам: они понимали значение требовательности и меня во многих отношениях воспитали.

Вот, скажем, соревнование. Я требовал много, и требовал весь коллектив. Соревнование было поставлено без договоров парных, а было общее постановление всех классов, отрядов по всем показателям: быть вежливым, вести себя хорошо и т. д. Я имел картотеку и учет, и лучший отряд, победитель месячного соревнования, получал премию: 6 билетов в театр, каждый день на весь отряд, на 30 человек, и право убирать места общего пользования.

Дело в том, что развитие логики требования привело к очень своеобразным формам: выполнение наиболее неприятной работы поручалось в порядке особого предпочтения. Был прекрасный 4-й отряд. Ему выпало по жребию убирать уборную в течение месяца. Он мыл уборную щелочью и кислотой, а потом поливал одеколоном. Все знали, как он возится с уборной, какая здесь чистота. Отряд получил первенство по уборке. Прошел месяц, отряд заявил: мы за собой оставляем уборку уборной. На третий месяц тоже оставил за собой. И наконец, на следующий месяц получил первенство тоже неплохой 3-й отряд и заявил: нет, теперь получили первенство мы и уборную должны убирать тоже мы.

Сейчас мне смешно, когда я вспоминаю это. Сначала уборка уборной, так же как и остальные обязанности по уборке, поручалась по жребию, потом стали распределять по справедливости.

Товарищи, эта логика не моя выдумка, это естественная логика, вытекающая из требований.

Нельзя никаких требований предъявлять, если нет единого, сбитого по-настоящему коллектива. Если бы мне дали школу сейчас, я прежде всего сделал бы следующее. Я собрал бы учителей и сказал им: дорогие друзья, предлагаю делать так. Если учитель не согласен, то, несмотря на его высокую квалификацию, я бы сказал: уходите в другую школу. Девушке же восемнадцатилетней, если бы я видел, что она согласна со мной, сказал: вы еще неопытная, но у вас так горят глаза, я вижу, что вы хотите работать, оставайтесь и работайте, а мы вам покажем.

Настоящий коллектив — это очень трудная вещь. Потому что прав человек или не прав — эти вопросы должны разрешаться не для собственного гонора, не в личных интересах, а в интересах коллектива. Всегда соблюдать дисциплину, выполнять то, что неприятно, но нужно делать, — это и есть высокая дисциплинированность.

Я считаю, что учителя одной школы должны быть в хороших отношениях между собой не только в школе, но и быть друзьями.

Последний раздел — это отношение к родителям. Здесь мой старый опыт в железнодорожной школе пополняется работой в коммуне. Последние пять лет мне присылали школьников, от которых учителя отказывались как от дезорганизаторов.

Эти дети, конечно, труднее беспризорных. У беспризорного все дороги сходятся на коммуне, на мне и на учительском коллективе. У этого — папа и мама. А у папы иногда автомобиль, ромб, патефон и деньги. Попробуйте взять в обработку такого. Это труднее. И я пришел к необходимости крепкого контакта с родителями.

Средняя, старая и шаблонная норма вам прекрасно известна: вызывают родителей и говорят: вот ваш мальчик то-то и то-то сделал. Смотрят в глаза и думают: что родители с ним сделают? А у вас добродетельное выражение лица и вы говорите: конечно, бить не надо. Отец уходит, вы никому ничего не скажете, а в глубоких тайниках, скрытых даже от жены, думаете: вот хорошо, если бы он все-таки постегал мальчишку. У нас это нетерпимо, как всякое ханжество.

Другая форма обращения к родителям. Для классного руководителя и директора ясно, что данная семья своего ребенка воспитывать не может. И тогда классный руководитель и директор что делают? Обычно они, хотя и пришли к убеждению, что семья воспитывать не может, идут в семью и начинают учить родителей, как надо воспитывать. Семья, испортившая ребенка, в большинстве случаев не поймет ваших поучений. Перевоспитание — дело очень трудное, и, если вы начнете натаскивать такую семью на педагогических действиях, можете еще больше испортить дело.

Но это вовсе не значит, что нельзя воздействовать на семью. Наконец, мы обязаны ей помочь. И лучший способ воздействия — через ребенка...

Действие на семью через учеников можно усилить... Я работал в Крюковской железнодорожной школе. Ученики жили в семьях. Я организовал бригады учащихся по территориальному признаку. Все руководители бригад каждое утро отдавали рапорт о том, что делается во дворах, как ведут себя ученики, члены бригад. Приказом я периодически назначал смотр, на смотре присутствовали, кроме меня, старосты классов. Я приходил во двор, бригада была выстроена, и я с членами бригады обходил квартиры, где жили ученики моей школы.

Вот такие бригады, ответственные через бригадиров перед директором, отдающие отчет на общих собраниях, — прекрасный метод воздействия на семью. Думаю, что вопрос о формах влияния на семью нужно решать по такой логике: школа — это государственная организация, а семья — бытовая организация, и воздействовать на семью лучше всего через ученика.

Комментарии

Максим Горький в моей жизни

(с. 8)

Впервые опубликовано в альманахе «Год XIX», кн. 10, 1936. Печатается по 2-му изд. Сочинений А. С. Макаренко, т. VII, 1958, с. 294—306, с некоторыми дополнениями по первоисточнику.

В ЦГАЛИ СССР, ф. 622, оп. 1, ед. хр. 196 имеется машинописный текст данной статьи с авторской и редакторской правкой и подписью А. С. Макаренко. Здесь же: ф. 332, оп. 4, ед. хр. 111 и 112, хранится расширенный вариант статьи.

[1] *Засодимовский П. В.* (1843—1912) — русский писатель, народник. *Салиас-де-Турнемир Е. А.* (1842—1908) — автор посредственных повестей на исторические темы. *Волконский М. Н.* (1860—1917) — автор исторических романов.

[2] *Орлов Г. В.* — учитель, товарищ А. С. Макаренко по работе в Долинском железнодорожном училище.

[3] Говорится о *Постышеве П. П.* (1887—1939), партийном деятеле. В 1926—1930 гг. — секретарь Харьковского окружкома и горкома КП(б)У, член Политбюро ЦК КП(б)У. В 1930—1933 гг. — секретарь ЦК ВКП(б), в 1933—1937 гг. — секретарь ЦК, член Политбюро ЦК КП(б)У.

[4] Город Кременчуг, предместьем которого был Крюков, являлся важным пунктом связи северных и южных районов России. В годы первой русской революции он стал местом крупных выступлений рабочего класса. Ядро городской социал-демократии составляли рабочие Крюковских вагоноремонтных мастерских. Городской комитет РСДРП поддерживал связь с ленинской «Искрой», в ней печатались корреспонденции из этого города.

[5] Позднее А. С. Макаренко говорил, что этот рассказ он написал в 1915 г. (см.: Соч. 2-е изд., т. VII, с. 153).

[6] Основополагающий нравственно-педагогический принцип «как можно больше уважения к человеку, как можно больше требования к нему» А. С. Макаренко рассматривал как важнейшее проявление социалистического гуманизма (см. с. 150, 210, 242 данного тома).

[7] Фрагменты некоторых писем колонистов А. М. Горькому опубликованы, см.: *Сундуков Н. А.* Переписка воспитанников колонии им. М. Горького с А. М. Горьким (Советская педагогика, 1954, № 1). Письма колонистов хранятся в Архиве А. М. Горького ИМЛ им. А. М. Горького АН СССР.

[8] Говорится об *Арнаутове В. А.*, который в 1928 г. был заведующим Главным управлением социального воспитания Наркомпроса УССР. В подготовительных материалах к «Педагогической поэме» отмечен в списке друзей колонии.

[9] Над материалами, вошедшими в первую часть «Педагогической поэмы», А. С. Макаренко начал работу в середине 20-х гг.

Мой первый учитель

(с. 18)

Впервые опубликовано на украинском языке: Комуніст, орган ЦК и Киевского горкома КП(б)У, 1936, 21 июня. На русском языке в переводе с украинского опубликовано в т. 7 Сочинений А. С. Макаренко (1-е изд., 1952, с. 333—335). Печатается по публикации данного материала во 2-м изд. (т. VII, с. 291—293).

[1] А. С. Макаренко в своей педагогической деятельности руководствовался основными идеями марксистско-ленинского учения и воплощал их на практике.

Близкий, родной, незабываемый!
(с. 19)

Впервые опубликовано на украинском языке: Літературна газета. Киев, 1936, 30 июня. На русском языке в переводе с украинского опубликовано в т. 7 Сочинений А. С. Макаренко (1-е изд., с. 335—337). Печатается по публикации данного материала во 2-м изд. (т. VII, с. 293—294).

Большое горе
(с. 21)

Впервые опубликовано на украинском языке: Більшовик, орган Киевского горкома КП(б)У и горсовета, 1936, 20 июня. (А. М. Горький умер 18 июня). На русском языке в переводе А. Г. Дзеверина опубликовано в т. VII Сочинений А. С. Макаренко (2-е изд., с. 289—290). Печатается по данной публикации.

[1] Говорится о первых попытках переписки с А. М. Горьким. Впервые А. С. Макаренко написал письмо А. М. Горькому 8 июля 1925 г. (см. с. 14 данного тома и т. 1 настоящего издания, с. 217—220).

[2] Публикации украинских газет того времени показывают, что А. М. Горький прибыл в Харьков 8 июля 1928 г., находился в колонии 8 и 9 июля. В коммуну им. Ф. Э. Дзержинского отбыл 9 июля.

[3] Данная телеграмма еще не найдена (см. с. 19 данного тома, а также письмо А. М. Горького 30 января 1933 г. в т. 1 настоящего издания, с. 254—255).

[4] Понимание проблемы дисциплины как единства самостоятельности, активности и свободно проявленной инициативы личности советского человека с его потребностью строго выполнять установленные нормы и требования, с его организованностью и умением соблюдать строгий порядок мы встречаем у А. С. Макаренко в последующих его статьях постоянно. Например, в «Лекциях о воспитании детей» (см. с. 80 данного тома), ряде других работ.

Прекрасный памятник
(с. 22)

Впервые опубликовано: Правда, 1936, 20 июля (в этом номере печатались материалы, посвященные 10-летию со дня смерти Ф. Э. Дзержинского). Печатается по данной публикации.

В этой статье А. С. Макаренко отразил не только жизнь коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, когда он работал в ней, но и ее дальнейшую историю после его перехода на работу в отдел трудовых колоний НКВД УССР с июля 1935 г. Он бывал в коммуне, принимал участие в решении многих вопросов ее деятельности. Коммуна прекратила свою деятельность в 1937 г. в связи с общей реорганизацией учреждений такого типа.

[1] Приводятся слова Ф. Э. Дзержинского, сказанные им в 1922 г. А. В. Луначарскому, когда Феликс Эдмундович предложил привлечь ВЧК для борьбы с детской беспризорностью. См.: *Луначарский А. В.* Ф. Э. Дзержинский в Наркомпросе (Народное просвещение, 1926, № 7).

[2] А. С. Макаренко максимально приближал педагогическое учреждение особого типа к условиям воспитания нормальных детей в открытом учреждении. Эта фундаментальная предпосылка его творчества позволила выйти за рамки специфики перевоспитания и внести огромный вклад в решение общепедагогических проблем.

[3] Должность воспитателя отряда была упразднена в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского осенью 1930 г. главным образом в связи с ориентацией А. С. Макаренко на усиление деятельности педагогов в различных клубных объединениях по интересам. Достижения в развитии воспитательных функций трудового коллектива коммуны, значительное расширение численности инженерно-технического состава, мастеров производства, квалифицированных рабочих способствовали усилению педагогического влияния взрослых. Более активное участие в воспитании стали принимать администрация, комсомол и органы самоуправления коллектива, старшие коммунары. Архивные материалы показывают, что А. С. Макаренко в данных условиях отмечал недостаток педагогического влияния взрослых, добивался более активного привлечения преподавателей рабфака и учителей школы к

воспитательной работе по различным направлениям, что способствовало всестороннему развитию коммунаров.

[4] Превращение педагогических требований в требования жизни и деятельности трудового коллектива — основа методики параллельного действия, разработанной А. С. Макаренко. Требования коллектива к личности способствовали воспитанию активного и сознательного строителя коммунизма, человека-созидателя, борца и творческой, всесторонне развитой личности.

[5] Производственные показатели коммуны им. Ф. Э. Дзержинского отражают результаты трудовой деятельности не только воспитанников, но и взрослых рабочих.

[6] Школа-десятилетка была открыта в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского в 1935/36 учебном году.

О лесной школе
Письмо в Совет жен писателей
(с. 24)

Впервые опубликовано: Литературная газета. М., 1936, 5 авг. Печатается по данной публикации.

Идея организации лесной школы зародилась у А. С. Макаренко в конце 20-х гг. в связи с его стремлением на основе опыта трудовой колонии им. М. Горького создать учебно-воспитательные учреждения интернатного типа, более тесно связанные с семьей. См. его письмо к Г. С. Макаренко 14 октября 1929 г.: *Макаренко А. С.* Соч. 2-е изд., т. VII, с. 528; Вопросы теории и истории педагогики / Под ред. А. В. Ососкова. М., 1960, с. 16. Его план создания обычной школы с учетом опыта горьковской колонии см. в письме к А. П. Сугак 24 марта 1923 г. (т. 1 настоящего издания).

Публикация письма А. С. Макаренко в «Литературной газете» сопровождалась примечаниями от редакции:

«Письмо т. Макаренко нашло горячий отклик среди жен писателей. Совет полностью согласился с его предложением и обратился в секретариат Союза писателей с просьбой поддержать это начинание. Секретариат одобрил предложение об организации лесной школы и поручил т. Макаренко разработать подробную докладную записку».

«Чудо», созданное советской жизнью
(с. 25)

Впервые опубликовано: Литературная газета, 1936, 1 авг. Отчет о выступлении А. С. Макаренко в Доме советских писателей в Москве при обсуждении «Педагогической поэмы». Приведена часть выступления. Печатается по этой публикации.

[1] К ноябрю 1928 г. А. С. Макаренко в основном закончил первую часть «Педагогической поэмы», однако с перерывами продолжал работать над нею еще несколько лет (см. т. 3 настоящего издания).

Мы живем в самую счастливую эпоху
(с. 26)

Впервые опубликовано на украинском языке: Літературна газета. Киев, 1936, 12 авг. Статья помещена под рубрикой «Писатели обсуждают проект Конституции СССР». На русском языке в переводе А. А. Фролова публикуется впервые.

[1] Имеется в виду отсутствие в нашей стране антагонистических классов.

[2] А. С. Макаренко выступает здесь против буржуазной демократии. О демократизме советского общества см. : Писатели — активные деятели советской демократии (Соч. 2-е изд., т. VII, с. 139—141).

Дело партии
(с. 27)

Впервые опубликовано на украинском языке: Юний піонер, орган Харьковского обкома и горкома ЛКСМУ, 1936, 12 сент. В этом номере публиковались материалы, посвященные Ф. Э. Дзержинскому, и корреспонденции, освещающие деятельность трудовой коммуны его имени. На русском языке в переводе с украинского впервые опубликовано в т. VII Сочинений А. С. Макаренко (2-е изд., с. 392—393). Печатается по данной публикации.

[1] А. С. Макаренко имеет в виду постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР о школе 1931—1936 гг.

[2] В сентябре 1930 г. в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского был открыт рабфак Харьковского вечернего машиностроительного института, дающий общеобразовательную подготовку в объеме средней школы. Летом 1934 г. рабфак был преобразован в машиностроительный техникум с оптико-механическим и индустриальным отделениями. Учебной базой коммуны стал комбинат: 7-летняя школа (III—VII классы), техникум, 10-летняя школа (VIII—X классы) и одногодичные курсы типа ФЗУ. В декабре 1934 г. были созданы также курсы по подготовке в вузы.

[3] Имеется в виду постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности», принятое 31 мая 1935 г.

Выступление на заводе «Шарикоподшипник» 24 октября 1936 г.
(с. 27)

Впервые опубликовано с некоторыми сокращениями, со ссылкой на хранящуюся в ЦГАЛИ СССР стенограмму Вяч. Нечаева: Наш современник, 1965, № 10, с. 101—109. Печатается по этому источнику.

Встреча А. С. Макаренко с читателями «Педагогической поэмы» на Первом московском подшипниковом заводе произошла, когда он еще продолжал работать в Киеве в ОТК НКВД УССР. Судя по хранящемуся в ЦГАЛИ СССР пригласительному билету (ф. 332, оп. 4, ед. хр. 431, л. 1), встреча была перенесена с 24 на 25 октября. Она проходила в зале учебного комбината завода. На этом заводе в конце октября 1936 г. состоялись три встречи рабочих с педагогом-писателем (см. с. 36—38 данного тома, а также: *Кауфман Я.* Встреча с тов. Макаренко. Рабочие завода обсуждают «Педагогическую поэму». — За советский подшипник (многотиражка подшипникового завода), 1936, 27 окт.). В этой газете 18 октября 1936 г. опубликованы выдержки из письма А. С. Макаренко председателю завкома Лобанову: «...Очень благодарен Вам и читательскому активу завода за внимание к моей работе и приглашение... Для меня страшно важно было поговорить с Вашими читателями, главным образом по вопросам воспитания...» (см. также: *Нюрин Н.* Разговор о воспитании. — Правда, 1936, 30 окт.).

[1] Говорится о первой части «Педагогической поэмы», законченной в 1928—1929 гг. и впервые опубликованной в альманахе «Год XVII», кн. 3, 1933 (книга вышла в свет в начале 1934 г.). Вторая часть опубликована в начале 1935 г. в альманахе «Год XVIII», кн. 5; третья — в этом же альманахе, кн. 8, 1935 (книга вышла в свет, вероятно, в апреле 1936 г.).

[2] О стиле советского воспитания как одной из основных тем «Педагогической поэмы» А. С. Макаренко говорил и в других выступлениях (см.: Соч. 2-е изд., т. V, с. 372—376). В основе его педагогического творчества лежит задача трудового воспитательного коллектива, в своей жизни и деятельности с наибольшей полнотой и точностью отражающего «общий тон нашей жизни» (см. также т. 1 настоящего издания, с. 322). Об особенностях стиля воспитания см. т. 1 настоящего издания, с. 315—319).

[3] Определяя педагогику как «активную, целеустремленную, политическую науку» (с. 51 данного тома), «прежде всего науку практически целесообразную» (там же, с. 126), А. С. Макаренко подчеркивал, что порок педологии заключается в ее «инертности по отношению к цели» (там же, с. 49, и Соч., т. V, с. 356), в отходе от классового характера воспитания и ослаблении его активно-творческой сущности.

Выдвинув в педагогике на первое место проблему закономерностей взаимодействия целей, практических средств и результатов воспитательной деятельности, А. С. Макаренко в ее разработке придавал огромное значение соответствию педагогических задач и способов воспитания объективным законам природы человека, формирования и развития личности. Он руководствовался идеей соответствия социально-педагогических условий социализма тенденциям и возросшим возможностям развития человека. Соединение активного, целеустремленного воспитательного воздействия с наиболее полным удовлетворением потребностей возрастного и индивидуального развития личности — одно из главных направлений макаренковского творчества, важнейшее условие его эффективности.

[4] *Свободное воспитание* — течение в буржуазной педагогике, получившее распространение и в России. Насаждая индивидуализм и пытаясь оправдать буржуазную педагогическую практику, теоретики свободного воспитания предлагали заменить школу «домом свободного ребенка», отрицали учебные планы, программы, руководящую роль учителя.

[5] Говорится о киевской трудовой колонии НКВД № 5 в Броварах, под Киевом, которой

А. С. Макаренко заведовал по совместительству с октября 1936 г. по январь 1937 г. (см.: *Бабич Н.* А. С. Макаренко в Броварах.— Народное образование, 1964, № 3).

[6] См. примечание 5.

[7] А. С. Макаренко говорит, вероятно, о постановлении СНК и ЦК ВКП(б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности», где сказано: «Обязать наркомпросы союзных республик разработать правила внутреннего распорядка в детских домах, определив в них как меры поощрения за хорошее поведение воспитанников, так и меры наказания за совершенные проступки» (Народное образование в СССР: Общеобразовательная школа. Сб. документов. 1917—1973 гг. / Сост. А. А. Абакумов и др. М., 1974, с. 351).

[8] А. С. Макаренко ценил И. Г. Песталоцци не только за его доброту и любовь к детям, но и за его вклад в проблемы трудового воспитания. Выступая в Высшем коммунистическом институте просвещения, А. С. Макаренко причисляет его к своим единомышленникам. Однако в данном высказывании о том, что для метода новой, советской педагогической науки у Песталоцци нельзя ничего взять, А. С. Макаренко имеет в виду проблемы решения главного метода советского воспитания через коллектив, по которому в трудах Песталоцци действительно ничего нельзя прочитать, так как до советской школы педагоги прошлого целенаправленно проблемами создания коллектива не занимались. Следует иметь также в виду, что в подобных резких и не всегда обоснованных высказываниях А. С. Макаренко отражалась острота его полемики с отдельными критиками «Педагогической поэмы», пытавшимися отрицать основные идеи этой новаторской книги, ссылаясь на авторитеты классиков педагогики.

[9] А. С. Макаренко имел в виду не только создание общей методики коммунистического воспитания, но и детальную разработку методических приемов, например постановку голоса педагога, отработку дикции и т. п. (см., например, об этом данный том, с. 236, 244—246, 260—262).

[10] Речь идет, вероятно, о незавершенном и неопубликованном романе «Ньютоновы кольца» (см. письмо А. С. Макаренко к К. С. и Е. Кононенко 22 октября 1935 г.: Литературная газета, 1976, 7 апр., с. 6, а также: Соч. 2-е изд., т. VII, с. 467).

[11] А. С. Макаренко также считал: «...Там, где нужно наказывать, там педагог не имеет права не наказывать» (с. 157 данного тома). Правом наказания в его педагогической практике обладали в качестве уполномоченных коллектива руководитель учреждения, совет командиров (с участием педагогов) и в отдельных случаях секретарь совета командиров, а также общее собрание всего коллектива, воспитанников и педагогов, организаторы производства. Каждая из этих инстанций обладала разными, точно определенными возможностями наказания.

[12] А. С. Макаренко до конца своей жизни считал себя прежде всего педагогом. Именно с этих позиций выступал он и перед рабочими завода «Шарикоподшипник».

Разговор о воспитании
(с. 35)

Рукописный отдел Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, ф. 114, оп. 1, д. 6. Протокольная запись, машинопись, с правкой и дополнениями А. С. Макаренко. Впервые опубликовано с некоторыми сокращениями: Советская педагогика, 1952, № 4 (*Сундуков Н. А.* О некоторых архивных документах Антона Семеновича Макаренко).

Публикуемый материал включает вступительное слово и заключение А. С. Макаренко на диспуте о «Педагогической поэме» в Московском областном педагогическом институте 27 октября 1936 г. Присутствовало более 900 человек. В диспуте участвовали некоторые выпускники коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, ставшие студентами московских вузов.

Протокольная запись диспута (фотокопия машинописи, не все листы) хранится в ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 149. На с. 9 говорится: «...Свою волю тов. Макаренко не считает крепкой и титанической. Он имеет обыкновенные нервы, обыкновенную волю и свои слабости, присущие живому человеку.

Для воспитания воли, говорит он, нужен здоровый, трезвый анализ своих поступков и чувство ответственности перед коллективом, нужны любовь к нему и уважение. Он законно гордится тем, что обладает каким-то беспокойством, желанием все сделать лучше.

Тов. Макаренко ответил всем выступавшим на диспуте, признав остроту и высокий теоретический уровень всех выступлений. Он согласился по вопросу педагогики с проф. Шимбиревым. Он не отрицает науку педагогику...»

[1] А. С. Макаренко учился в Полтавском учительском институте с августа 1914 по июнь 1917 г. (с отзывом на военную службу с сентября 1916 по март 1917 г.). Окончил институт с золотой медалью за работу «Кризис современной педагогики». Эта работа до нас не дошла.

[2] *Задоров А.* — персонаж «Педагогической поэмы», собирательный образ, отразивший черты нескольких первых воспитанников горьковской колонии (Затонова и др.), а также П. П. Архангельского, сына воспитательницы-учительницы колонии Е. Г. Архангельской, работавшей там с января 1922 г.

[3] См. примечание к «Выступлению на заводе «Шарикоподшипник», п. 5, с. 379, 380 данного тома.

[4] А. С. Макаренко неоднократно выступал против советов всегда разговаривать с детьми ровным голосом. Всегда ровный и невозмутимо спокойный голос он ассоциировал с равнодушием педагога к тому, о чем он говорит. Педагог, по мнению А. С. Макаренко, действует на воспитанника прежде всего личным примером, и, если он не возмущается тем, чем следует возмущаться, он подает плохой пример.

А. С. Макаренко утверждал, что педагог имеет право на гнев (см. данный том, с. 370).

[5] См. п. 7 комментария к «Выступлению на заводе «Шарикоподшипник», с. 380 данного тома. А. С. Макаренко в этом случае, несомненно, опирался и на постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об организации учебной работы и внутреннем распорядке в начальной, неполной средней и средней школе» от 3 сентября 1935 г.

[6] В постановлении ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов» от 4 июля 1936 г. отмечено, что педология объявлялась «универсальной наукой», педагогика трактовалась как «эмпирика», имело место «пренебрежение к делу развития советской педагогической науки». Была поставлена задача: «Восстановить полностью в правах педагогику и педагогов» (см.: Народное образование в СССР: Общеобразовательная школа. Сб. документов. 1917—1973 гг. / Сост. А. А. Абакумов и др. М., 1974, с. 173—175).

[7] А. С. Макаренко считал, что воспитывает вся организованная педагогом целенаправленная жизнедеятельность коллектива, а не отдельно взятое изолированное средство, искусственно выдуманное для перевоспитания, которое он называл «фокусом» (см. с. 64 данного тома. См. также 2-е изд., т. V, с. 447).

[8] О трактовке «механизации воспитательной работы» в общем русле методики параллельного действия см. также: Соч. 2-е изд., т. I, с. 558—559 и т. 1 настоящего издания, с. 106, где говорится о роли деятельности воспитателя.

[9] О типах воспитательных влияний см. т. 1 настоящего издания, с. 192, а также относящийся к июлю 1925 г. материал «К вопросу об организации кабинета научной педагогики» (ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 96), где говорится об «элементах мертвого влияния (влияния организационных форм)», о «перечне мертвых влияний», их делении на «целесообразные и случайные», о «прямых и дисциплинарных влияниях», «дисциплинарном влиянии на коллектив (живом и мертвом)».

[10] Говоря о том, что «педагогика должна быть единой наукой», А. С. Макаренко имеет в виду, что значительной частью педагогики как науки должна стать методика воспитания. В те годы он боролся за то, что признано сейчас в современной педагогической науке, в которой методике воспитания отводится одно из важнейших мест.

Беседа с рабочим активом на заводе «Шарикоподшипник»
(с. 36)

Впервые опубликовано в газете-многотиражке «За советский подшипник», 1936, 3 нояб., под названием «Замечательный опыт». Печатается по этой публикации.

Выбор профессии
(с. 38)

Впервые опубликовано на французском языке в московском ежемесячном иллюстрированном журнале «Revue de Moscou», 1937, № 9, под названием «Le chemien de la vie» («Путевка в жизнь»). В редакторском примечании А. С. Макаренко назван автором знаменитого романа «Педагогическая поэма». На время написания статьи указывает запись, сделанная А. С. Макаренко в дневнике 14 августа 1937 г.: «Статья о выборе профессии в французский журнал». На русском языке впервые опубликовано с небольшим сокращением: *Макаренко А. С.* Пед. соч. / Под ред. Е. Н. Медынского; Сост. А. Г. Тер-Гевондян. М.; Л., 1948. В ЦГАЛИ авторская машинопись. Ф. 332, оп. 4, ед. хр. 114, 115, кол. л. 7 [14 августа 1937 г.].

[1] Железнодорожное начальное училище — школа с 5-летним сроком обучения, обеспечивающая образование в объеме выше начальной школы. В 1918—1919 гг. А. С. Макаренко

заведовал Крюковским высшим начальным железнодорожным училищем с 4-летним сроком обучения, куда принимались дети 10—13 лет, окончившие начальную школу.

Больше активности в игре
(с. 40)

Впервые опубликовано: Игрушка. М.: Жургазобъединение, 1937, № 3, с. 4. Статья подписана: «А. Макаренко — писатель, автор «Педагогической поэмы». Это первая публикация, сделанная А. С. Макаренко после его переезда в Москву в конце января 1937 г. Печатается по данному источнику.

О значении детской игры в развитии способностей ребенка и в его подготовке к жизни и труду см. также с. 72—79 данного тома.

Письмо Л. В. Конисевичу 18 апреля 1937 г.
(с. 40)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 268, л. 2. Впервые опубликовано с сокращением: Советская педагогика, 1949, № 3.

Конисевич Л. В. (род. в 1914 г.) — воспитанник трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, в 1936 г. в составе экипажа «Курска» участвовал в эвакуации испанских детей из порта Бильбао, награжден орденом «Знак Почета» (см. 2-е изд., т. V, с. 377, а также т. 1 настоящего издания, с. 196. С 1943 г. на педагогической работе (см. его кн. «Большая семья». М., 1980).

[1] После ухода А. С. Макаренко из коммуны им. Ф. Э. Дзержинского в нее стали принимать преимущественно юношей более старшего возраста. В этом были заинтересованы заводы. Постепенно коммуна перестала выполнять функцию учреждения по перевоспитанию трудных подростков. Организаторы ее теперь руководствовались больше хозяйственными, а не педагогическими интересами. Вот почему А. С. Макаренко говорит своему бывшему воспитаннику, что для прежнего роста и развития коммуны нужны «чрезвычайные меры и усилия» и «героические люди».

Цель воспитания
(с. 41)

Впервые опубликовано: Известия, 1937, 28 авг. Печатается по этой публикации.

Данный материал — один из наиболее значительных в теоретико-педагогическом наследии А. С. Макаренко. Он рассматривает качества социалистической личности в неразрывной связи с научным выявлением основных черт коллектива и приходит к выводу, что двуединая задача воспитания коллектива и личности, индивидуальности должна решаться только совместно и только на основе «общего и единого метода воспитания». Такое решение обусловлено действительной свободой личности в социалистическом обществе, основанном на принципе коллективности, который кардинально изменяет сущность и характер дисциплины, значительно повышая ее роль в воспитании.

В статье дается одно из наиболее полных и глубоких определений воспитательного коллектива. Макаренко последовательно раскрывает ряд признаков коллектива, вытекающих из его социалистического характера. Он говорит о качествах личности, которые необходимо воспитывать в коллективе. А. С. Макаренко критикует отдельных педагогов, которые, находясь под влиянием педологических идей, недооценивают значения целей воспитания. При этом следует признать, что характеристика Макаренко состояния проблемы целей воспитания в современной ему педагогической теории была несколько односторонней, полемически заостренной.

[1] Вопрос о цели коммунистического воспитания в условиях строительства социализма нашел решение в принятой на VIII съезде РКП(б) Программе партии, в важнейших документах о советской школе, определявших ее развитие с первых лет Советской власти. В работах Н. К. Крупской, А. В. Луначарского, видных деятелей Коммунистической партии и Советского государства содержались важные указания о необходимости сочетать в воспитании стремление к идеалу (всестороннее и гармоническое развитие личности) с конкретными задачами воспитания на разных этапах социалистического строительства. Полемически заостряя проблему, А. С. Макаренко выступал против ее недооценки и искажения под влиянием идей свободного воспитания, педологии, различных пережитков старой педагогической теории и практики.

[2] *Бубнов А. С.* (1883—1940) — советский государственный и партийный деятель. В 1929—1937 гг. — нарком просвещения РСФСР.

[3] *Экспериментальная педагогика* — здесь имеется в виду течение в буржуазной педагогике конца XIX — начала XX в., опиравшееся главным образом на изучение психики ребенка в условиях лабораторного эксперимента и положившее начало методам педологии.

[4] А. С. Макаренко придавал большое значение процессу изучения личности каждого воспитанника. Известно, что он сам вел картотеку воспитанников, в которой систематически отражал свои наблюдения. Проблему изучения личности и ее воспитания А. С. Макаренко теснейшим образом связывал с борьбой против стандартизации и шаблона в воспитании, с упрощенным стремлением «стричь всех под одну гребенку», вызванным страхом перед человеческим разнообразием. Это удивительное умение А. С. Макаренко как педагога воспитывать каждого через коллектив и одновременно подойти к каждому индивидуально отмечают колонисты и коммунары в своих воспоминаниях.

В «Методике организации воспитательного процесса» (раздел 16) А. С. Макаренко дает конкретную программу изучения личности каждого воспитанника всеми педагогами (см. т. 1 настоящего издания, с. 320—323).

[5] Критикуя биологизаторские тенденции, А. С. Макаренко имел в виду не отрицание связи педагогики и физиологии, а неправильное их соотношение, прежде всего попытку выводить из физиологии цели и методы воспитания, не учитывая, что они определяются обществом, социальным заказом.

[6] А. С. Макаренко цитирует один из пунктов постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов» от 4 июля 1936 г. Критикуя педологию, А. С. Макаренко, как и Н. К. Крупская, придавал большое значение исследованию и учету психолого-физиологических особенностей детей в воспитании (см. с. 46 47, 208 данного тома и т. 1 настоящего издания, с. 169, 170).

[7] Макаренко имел в виду: совет, **что** воспитывать (особенно, если это касается лишь отдельных качеств личности), менее ценен, чем совет, **как** воспитывать. По его мнению, необходимо создать методику коммунистического воспитания. Иначе общие положения о важности формирования отдельных положительных качеств личности остаются декларацией. Он считал, что воспитывает вся жизнь в коллективе воспитательного учреждения, если она организована на основе активной деятельности самих воспитанников, соединения обучения с производительным трудом, как это было в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского.

[8] А. С. Макаренко считал необходимым в воспитании активности личности воспитанника формировать у него способность сдерживать себя, «тормозящие» факторы, обусловленные общественными нормами поведения, традициями коллектива (см. т. 1 настоящего издания, с. 318, 319).

На пороге третьего десятилетия
(с. 49)

Впервые опубликовано: За коммунистическое просвещение, 1937, 1 сент. Печатается по данной публикации.

Данная статья посвящается обзору работы советского учительства за 20 лет. Она показывает существенную черту педагогической системы А. С. Макаренко — ее прочную связь с величайшими завоеваниями культурной революции в СССР, с развитием всеобщего образования, утверждением гуманистических принципов воспитания в борьбе с пагубным влиянием буржуазной педагогики.

[1] Вывод о том, что в области нового воспитания советское учительство не располагало и не могло располагать серьезным наследством, полученным от старой школы, высказывал в то время не только А. С. Макаренко (см.: Воспитание нового человека. — В кн.: А. В. Луначарский. О воспитании и образовании. М., 1976).

[2] Речь идет о *комплексной системе обучения* в советской школе в 1922—1931 гг., когда применялись новые методы учебной работы, способствующие преодолению формализма и схоластики — наследия дореволюционной педагогики. Комплексные программы ставили своей целью прочно связать школу с жизнью и трудом. Однако они не обеспечивали учащихся необходимой системой знаний, умений и навыков. В трудовой колонии им. М. Горького обучение по комплексным темам было введено в конце 1922 г. и продолжалось до конца 20-х гг. А. С. Макаренко сразу заметил существенные недостатки данной практики и внес в нее важные коррективы (см. т. 1 настоящего издания, с. 19). С 1923 г. он ввел также группы по подготовке к рабфаку, работающие по особой программе.

[3] *Бригадно-лабораторный метод* — одна из организационных форм обучения, применявшихся в советских школах в 20-х и начале 30-х гг. Практика превращения ее в универсальный метод обучения была осуждена в постановлении ЦК ВКП(б) «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» от 25 августа 1932 г.

Народное просвещение в СССР
(с. 51)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 107. По содержанию датируется осенью 1937 г., написано к 20-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Рукопись, незавершенная работа. Впервые опубликовано: *Макаренко А. С.* Пед. соч. / Под ред. Е. Н. Медынского; Сост. А. Г. Тер-Гевондян. М.; Л., 1948.

Данный материал отражает в педагогической системе А. С. Макаренко огромную роль образования, которое в советском обществе коренным образом изменяет свою социально-нравственную функцию, освобождается от классовой ограниченности духовного потребления, становится «оружием созидателя жизни».

[1] Приводя данные о состоянии просвещения в дореволюционной России, относящиеся к 1914/15 учебному году, Макаренко, вероятно, пользовался статистическим сборником Центрального управления народнохозяйственного учета Госплана СССР «СССР в цифрах». М., 1934.

[2] В 1935/36 учебном году численность учащихся в общеобразовательных школах СССР составила 25 554 922 человека (статистический сборник Центрального управления народнохозяйственного учета Госплана СССР «Культурное строительство в СССР». М., 1940, с. 37).

[3] Здесь и далее А. С. Макаренко приводит данные о численности учащихся в советских школах, относящиеся к 1935/36 учебному году.

Лекции о воспитании детей
(с. 59)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 152—154 и 156—166. Семь лекций (со второй по восьмую) впервые опубликованы: Учительская газета, 1940, 15 и 20, 22, 24, 29 сент. и 9 и 13 окт. Первая лекция впервые опубликована при отдельном издании лекций: *Макаренко А. С.* Лекции о воспитании детей. М., 1940.

Лекции были подготовлены А. С. Макаренко по заказу редакции радиопередач «Педагогическая пропаганда для родителей» Всесоюзного радио. В это время в журнале «Красная новь» (начиная с № 7) частично публиковалась «Книга для родителей». Радиолекции (они именовались беседами по вопросам воспитания детей в семье) начались в сентябре и закончились, вероятно, в декабре 1937 г. Восьмая лекция называлась иначе: «Культработа в семье».

«Лекции о воспитании детей» — одна из крупных педагогических работ А. С. Макаренко. Как и другие его труды и выступления по проблемам семейного воспитания, она выходит за рамки данной педагогической области, составляя важный вклад в общую теорию и методику коммунистического воспитания. Уделяя большое внимание особенностям воспитания в семье, педагог тесно связывает его задачи и средства с общими целями и принципами коммунистического воспитания, со всей совокупностью норм поведения советского гражданина. Он вскрывает основу качественно нового в семейном воспитании: коренные отличия советской семьи от буржуазной, возникновение принципиально нового соотношения общественного и семейного воспитания при советском строе. На материале семьи продолжается разработка проблемы единого трудового воспитательного коллектива детей и взрослых, вопросов воспитания нравственно оправданных потребностей, усиления роли воспитателя и др. Направив свое внимание на отношение родителей к воспитанию, на развитие интеллектуальной и практической их активности, А. С. Макаренко показывает родителям пути творческого подхода. Это можно считать новым в пропаганде педагогических знаний среди широкой родительской аудитории.

Среди специфических функций семейного воспитания на первый план выдвигается дошкольное воспитание, формирование культуры чувств, подготовка будущего семьянина.

Композиционно работа построена таким образом, что каждая лекция отражает свою проблему, остро стоящую перед семейным воспитанием, особенно того времени, но имеющую также важнейшее значение и для современного педагогического просвещения родителей. Критикуя «суконный» язык педагогов, А. С. Макаренко сумел простым, точным, доходчивым словом изложить сложные педагогические идеи.

[1] Общая характеристика цикла радиобесед А. С. Макаренко дана в заметке-аннотации «Беседы по педагогике», подготовленной по заказу Московского радио и напечатанной в «Радиопрограммах» 2 сентября 1937 г.

[2] А. С. Макаренко считал, что *перевоспитание* необходимо организовать как своеобразный аспект полноценного формирования личности (см. с. 249, 250, 323 данного тома).

[3] А. С. Макаренко имеет в виду, что в нашем обществе нет эксплуататорского класса, буржуазии.

[4] Премирование воспитанников в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского было довольно редким явлением. Высшая форма поощрения в практике А. С. Макаренко — благодарность в приказе перед парадным строем коммуны в дни больших праздников (см. с. 227 данного тома).

[5] Как показывают современные исследования, возрастная грань перехода от индивидуальной игры к групповой смещается на более ранний возраст. В условиях детского сада многие дети уже к трем годам предпочитают групповые игры. При этом сохраняет свое значение тезис А. С. Макаренко о том, что взаимосвязь и взаимообусловленность индивидуальной и групповой игры — необходимое условие правильной организации жизнедеятельности ребенка, обеспечивающей его полноценное развитие.

[6] Приведенное высказывание — существенное дополнение к макаренковской трактовке сущности новой общественной дисциплины (см. с. 48, 49, 262—264, 348 данного тома).

[7] Более точная макаренковская характеристика дисциплины относится к 1922 г.: это не только общий результат воспитательного процесса; дисциплину следует рассматривать и как процесс, совокупность средств дисциплинирования (см. т. 1 настоящего издания, с. 11—12). Позднее «диалектика дисциплины» объясняется так: «...Это прежде всего не средство воспитания, а результат, и уже потом она становится средством» (с. 354 данного тома).

[8] О «правильном режиме» см. более подробно в т. 1 настоящего издания с. 287—289.

[9] О педагогическом значении выдачи детям карманных денег см. также с. 182 данного тома.

[10] *Метерлинк Морис* (1862—1949) — бельгийский писатель-символист.

Письмо Н. Ф. Абушену 3 декабря 1937 г.

(с. 116)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 248. К документу сделано пояснение Г. С. Макаренко: Н. Ф. Абушен изображен в «Марше 30 года», «ФД-1» как Н. Пащенко (см. также: Соч. 2-е изд., т. I, с. 693). Публикуется впервые.

Интересуясь жизненными путями своих воспитанников, А. С. Макаренко примерно в 1937 г. завел специальную тетрадь о коммунарах-дзержинцах. В ней имеются такие записи: «знаю в общих чертах», «взаимная переписка», «послал письма», «не знаю» (ЦГАЛИ СССР, там же, ед. хр. 415). Письма воспитанникам с советами, поддержкой в трудных случаях см. на с. 40, 116 данного тома. Письма воспитанников к А. С. Макаренко см.: ЦГАЛИ СССР, там же, ед. хр. 339, 340.

Письмо Н. Ф. Шершневу 13 декабря 1937 г.

(с. 116)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 291. Впервые опубликовано с небольшим сокращением: А. С. Макаренко / Ред. кол.: Ф. И. Науменко (отв. ред.) и др. Кн. 3. Львов: Изд-во Львовского ун-та, 1956.

Шершнев Н. Ф. — воспитанник трудовой колонии им. М. Горького. Окончив медицинский институт, стал врачом в трудовой коммуне им. Ф. Э. Дзержинского. Прототип Н. Вершнева в «Педагогической поэме» и «Марше 30 года» (см. также: Соч. 2-е изд., т. I, с. 680. Некоторые черты биографии Н. Ф. Шершнева отразились в рассказе «Доктор» (см.: Соч. 2-е изд., т. VII).

[1] Говорится о журнале «Красная новь» № 10 за 1937 г., где была напечатана заключительная часть «Книги для родителей».

[2] Имеется в виду издание: Книга для родителей. М., 1937.

Проблемы школьного советского воспитания (тезисы)

(с. 118)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 21. Составлены при подготовке к первой лекции по педагогике «Методы воспитания» для сотрудников Наркомпроса РСФСР (см. ниже: Пробле-

мы школьного советского воспитания, лекции). Впервые опубликовано: *Макаренко А. С.* Пед. соч. / Под ред. Е. Н. Медынского; Сост. А. Г. Тер-Гевондян. М.; Л., 1948.

Тезисы — важнейший материал в теоретическом наследии А. С. Макаренко. Здесь проблема методов воспитания органически связывается с постановкой и решением проблем, имеющих методологическое и общетеоретическое значение: предмет педагогики, ее связь с другими науками, сущность и цель воспитания, логика педагогической целесообразности, системность и диалектичность развития воспитательных средств, основные направления воспитания в коллективе. В этой разработке воплотился во многом новый подход к задаче достижения единства педагогической теории и практики, который приобретает большое значение в современных условиях, при решении вопросов комплексного подхода к воспитанию.

А. С. Макаренко рассматривает «отношение средства и цели» как проблему, определяющую специфику предмета педагогики и ее задач. На этой основе в качестве самостоятельной области научно-педагогического знания им обозначается логика педагогической целесообразности, которая «должна быть логикой марксистской, логикой диалектической». Работа в данном направлении способствовала преодолению распространившегося в 30-х гг. догматического, цитатнического подхода к постановке и решению методологических проблем, определению задач педагогики. Во многих работах по коммунистическому воспитанию в это время вопросы воспитания коммунистической морали и сознательной дисциплины, патриотического и интернационального, эстетического и физического воспитания рассматривались изолированно, вне связи с общей системой и логикой развития педагогического процесса, что вело к снижению эффективности воспитания.

[1] Критикуя бесплодность попыток педологов строить педагогические рекомендации «при помощи дедуктивных выводов», из положений физиологии и психологии, А. С. Макаренко вместе с тем признавал необходимость использования этих наук в педагогике (см. ниже на этой же с., а также п. 5 комментария к «Цели воспитания» на с. 383 данного тома).

[2] Высказывание *«только опытным путем»* не означает противопоставления индуктивного метода исследования дедуктивному (см. т. 1 настоящего издания, с. 181, 182).

План лекции «Режим и дисциплина»
(с. 121)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 169. Автограф, на первом листе: «Доклад в Наркомпросе». Впервые опубликовано: *Макаренко А. С.* Пед. соч. / Под ред. Е. Н. Медынского; Сост. А. Г. Тер-Гевондян. М.; Л., 1948.

По стенограмме лекции «Дисциплина, режим, наказания и поощрения» видно, что А. С. Макаренко опустил 8-й пункт плана, а 9-й раскрыл лишь частично. Вопрос о режиме см. на с. 81—87 данного тома и в т. 1 настоящего издания, с. 287—289. См. также в т. 1 настоящего издания: Наказания и меры воздействия (в «Методике организации воспитательного процесса»).

Проблемы школьного воспитания (лекции)
(с. 123)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 168—172. Стенограммы. С лекциями для сотрудников Наркомпроса РСФСР А. С. Макаренко выступил в январе 1938 г. Впервые опубликовано с некоторыми сокращениями: первая лекция — Советская педагогика, 1943, № 5—6; вторая — Учительская газета, 1941, 5 и 8 янв.; третья — Учительская газета, 1941, 12 и 17 янв.; четвертая — Учительская газета, 1941, 2 февр.

Учитывая общий замысел цикла лекций, состав слушателей и последовательность изложения вопросов, данный материал следует рассматривать как наиболее систематизированное, хотя и далеко не полное изложение взглядов А. С. Макаренко по вопросам теории и методики коммунистического воспитания. Как и в других наиболее значительных его трудах и выступлениях, здесь вскрываются общественно-политические, идейно-нравственные основы педагогической проблематики, отстаивается трактовка педагогики как «активной, целеустремленной, политической науки», науки «практически целесообразной» (см. с. 248, 365, 370, 371 данного тома). Такой подход реализуется в разработке ряда новаторских положений, характеризующих педагогическую систему А. С. Макаренко как важный вклад в общую теорию и методику коммунистического воспитания.

[1] А. С. Макаренко вскрывал несостоятельность попыток некоторых педагогов механически выводить воспитательные средства не только из положений о психофизиологическом развитии ребенка, но из различных этических, социологических и иных представлений и

понятий (см. ниже его критику педагогической ошибки типа этического фетишизма).

[2] Критику подмены хорошо организованного, производительного, коллективного труда изолированными и надуманными трудовыми процессами, лишенными социального содержания, см. ниже: с 181 данного тома.

[3] А. С. Макаренко всегда сочетал в своей воспитательной работе коллективный метод воспитания как основной с индивидуальным подходом (см. об этом п. 4 комментария к работе «Цель воспитания», с. 383). Как указывает А. С. Макаренко, примерно с 1930 г. в его педагогической практике индивидуализация воспитательного процесса в коллективе осуществлялась с достаточной полнотой и всесторонностью.

[4] Упоминание А. С. Макаренко о коллективе в условиях старой школы следует рассматривать с точки зрения исторической изменчивости коллектива.

[5] Указывая на необходимость усиления руководящей роли школы в системе общественного воспитания молодого поколения, А. С. Макаренко одним из первых в советской педагогике выдвинул проблему координации воспитательных действий школы, внешкольных учреждений, семьи, общественных организаций. Его критика разобщенности в работе различных воспитательных институтов предполагала создание такой общей координации, при которой каждый из этих институтов мог бы наилучшим образом осуществлять свойственные ему педагогические функции.

[6] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 396—398.

[7] Название «неполная средняя школа» постепенно вышло из употребления. Школа данного типа стала называться 7-летней, затем 8-летней.

[8] Правительственные награды за воинскую доблесть еще до Великой Отечественной войны получили несколько воспитанников А. С. Макаренко.

[9] В понятие «педагогическое требование» А. С. Макаренко включает не только соблюдение элементарных норм поведения, но и утверждение в жизни коллектива, отдельных воспитанников норм и принципов коммунистической морали.

[10] Данное положение А. С. Макаренко не следует понимать упрощенно, буквально. Начальная стадия развития требования, как и последующая, характеризовалась не только личным воздействием педагога на воспитанников, но также и учетом разнообразных влияний коллектива на личность.

[11] См. п. 11 комментария к работе «Выступление на заводе «Шарикоподшипник» (с. 380 данного тома).

[12] Посвятив данную лекцию педагогике индивидуального действия, А. С. Макаренко продолжает рассматривать вопросы коллектива. Преодоление взгляда на коллективное и индивидуальное как на нечто рядоположенное базируется у него на марксистско-ленинской идее взаимосвязи и взаимообусловленности индивидуального и коллективного, общественного.

[13] Разновозрастные отряды появились в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского с осени 1929 г., наряду с ними создавались постоянные первичные коллективы по производственному принципу. В колонии им. М. Горького отряды создавались также с учетом требований хозяйственной деятельности.

[14] Данное истолкование параллельного действия является частью более широкого определения, ранее данного А. С. Макаренко в «Методике организации воспитательного процесса» (т. 1 настоящего издания, с. 267—269).

[15] За воспитателем обычно закреплялось 2—3 отряда. Воспитатель участвовал не только во всех делах своих отрядов, но и в работе общего коллектива педагогического учреждения.

[16] Более подробно об этом см. в статье «Длительность педагогического коллектива» (т. 1 настоящего издания).

[17] Эту форму индивидуальной работы А. С. Макаренко применял и при моральном поощрении (см. с. 227 данного тома).

[18] Примером такого расхождения с правлением коммуны им. Ф. Э. Дзержинского может служить факт, относящийся к августу 1932 г., когда А. С. Макаренко возражал против тенденции форсировать развитие производства, пренебрегая задачами развития воспитательного коллектива. Его соображения обычно учитывались правлением коммуны.

[19] С просьбой о разрешении выдачи воспитанникам карманных денег А. С. Макаренко обращался к областному инспектору Харьковской области в марте 1924 г. Это ходатайство было передано для рассмотрения в Главсоцвос НКП УССР. Карманные деньги выдавались колонистам обычно к праздникам.

[20] На строительство и оборудование коммуны им. Ф. Э. Дзержинского государством была дана долгосрочная ссуда. В первые годы своего существования коммуна содержалась не только на полупроцентные отчисления от зарплаты сотрудников, политсостава органов и

войск ГПУ УССР и на предоставляемые коллегией ГПУ УССР средства, но и на средства совхоза «Красные зори», переданного в распоряжение совета по делам коммуны. Материальную помощь оказывали также советские и общественные организации.

[21] Это высказывание А. С. Макаренко отражает его борьбу с педагогами, которые односторонне и механически понимали связь обучения с трудом. А. С. Макаренко был уверен, что только соединение полного среднего образования с производительным трудом на современном производстве может дать положительные результаты в перевоспитании личности. Это было достигнуто им в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского (см. комментарий к «ФД-1», т. 2).

[22] Введение в педагогику понятия «стиль воспитания» как целостной характеристики стиля жизнедеятельности и отношений в коллективе — важный вклад А. С. Макаренко в теорию и методику коммунистического воспитания.

[23] Вопросы эстетики, эмоционального воздействия на ребенка, а также игры в коллективе А. С. Макаренко разрабатывал с учетом возрастных особенностей детей в воспитании.

Проблемы воспитания в советской школе
(с. 203)

Впервые опубликовано (в порядке обсуждения) в газете «Правда» (1938, 23 марта). Публикация вызвала более двух тысяч писем-откликов читателей, учителей, родителей, партийных работников. Печатается по этой публикации.

Статья занимает особое место в наследии А. С. Макаренко, так как в ней он намечает пути реализации своих педагогических идей в практике массовой школы. Это выступление следует рассматривать прежде всего как отклик педагога на актуальные проблемы воспитательной работы в школе, среди которых большое внимание уделялось воспитанию сознательной дисциплины, усилению роли педагогического руководства. В статье не нашла отражения проблема воспитания в труде, характерная для макаренковского творчества, так как в 1937 г. в школах были отменены уроки труда, ликвидированы школьные мастерские, стала ослабевать связь воспитания с жизненной практикой.

[1] Здесь подчеркивается еще раз положение А. С. Макаренко о первостепенном значении коллектива в решении основных вопросов воспитания.

[2] Положение о роли коллектива школы в осуществлении связи личности с обществом дополняется трактовкой первичного коллектива как «связующего звена между личностью и целым коллективом» учреждения (см. с. 161 данного тома).

[3] Значимость данных качеств личности в педагогической системе А. С. Макаренко подтверждается его выступлением в «Правде» на тему «Воспитание характера в школе» (см. с. 207—210 данного тома).

Воспитание характера в школе
(с. 207)

Впервые опубликовано с некоторыми сокращениями и уточнениями в газете «Правда» (1938, 6 мая).

В этой статье А. С. Макаренко обобщил многочисленные письма в «Правду», поступившие в связи с его публикацией «Проблемы воспитания в советской школе». Единодушное согласие читателей с положениями, выдвинутыми в статье «Проблемы воспитания в советской школе», свидетельствует о том, что А. С. Макаренко не только хорошо знал школу, видел существенные недостатки воспитания учащихся, но и мог четко обозначить пути улучшения воспитательной работы школы. Главным в повышении ее эффективности он считал задачу воспитания активного деятеля социалистического общества, формирование «крепкого человеческого характера», последовательную реализацию в воспитательной работе принципов социалистического гуманизма.

[1] В условиях завершения перехода школы к всеобщему обязательному 7-летнему обучению в сельской местности и осуществления среднего образования в городах предостережение А. С. Макаренко об опасности «перегибов» в борьбе за успеваемость для дела воспитания было весьма актуальным.

[2] Вопрос о наказаниях вызывал в те годы острые споры, так как длительное время наказания в советской школе не допускались. Это объясняется не только преодолением муштры старой школы, но и влиянием идей «свободного воспитания».

[3] Предостерегая против тенденции к возрождению в школах старой дисциплины «слепого повиновения», А. С. Макаренко подчеркивал, что в новых общественных условиях, при ради-

кальном изменении стиля отношений между педагогами и воспитанниками в коллективе качественно меняется суть дисциплины и наказания (см. с. 142—150, 157—159 данного тома).

[4] В первоначальном варианте статьи далее следовало: «Вообще в моем коллективе считалось, что наказание не унижает, а, напротив, доказывает товарищеское отношение к виновному. Поэтому я никогда не вел учета наказаний и никогда не вспоминал прошлых проступков. В воспитательной работе я считаю необходимым: ученик должен отвечать только за последний проступок» (ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4 ед. хр. 130).

Письмо пионервожатому
(с. 210)

Впервые опубликовано: Большевистское знамя, Одесса, 1940, 13 окт. По содержанию датируется серединой июля 1938 г. Печатается по указанной публикации.

Это ответ на письмо учащегося средней школы № 35 г. Одессы М. Гринберга, работавшего пионервожатым в младших классах.

[1] «Флаги на башнях» впервые опубликованы в журнале «Красная новь» (1938, № 6, 7, 8).

Семья и воспитание детей
(с. 211)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 27, л. 33. Стенограмма лекции о воспитании детей, прочитанной А. С. Макаренко в редакции журнала «Общественница» 22/VII 1938 г. Впервые опубликовано: Учительская газета, 1944, 29 марта (сокращенный вариант). Ответы на вопросы и выступления родителей с некоторыми сокращениями были опубликованы: *Макаренко А. С.* Избр. пед. соч. / Под ред. И. А. Каирова, Г. С. Макаренко. М., 1949.

Посвятив свое выступление проблемам семьи и воспитанию детей, А. С. Макаренко выдвинул важнейшее положение о необходимости рассматривать цель всестороннего и гармонического развития личности как диалектическое единство, казалось бы, противоположных свойств и качеств личности, как: активность и способность к «торможению», щедрость и бережливость, доброта и строгость и т. д. Принцип меры он распространил и на средства воспитания: правильное соотношение самостоятельности ребенка и руководства взрослых, норма их строгости и ласки в отношении к детям и др. Выводы А. С. Макаренко, основанные на творческом применении диалектического материализма в исследовании педагогических явлений, имеют большое значение для разработки проблем воспитания.

[1] Указание на «проценты» А. С. Макаренко применяет, очевидно, с целью подчеркнуть важность первых лет жизни ребенка для последующего развития личности. Опыт колонии им. М. Горького и коммуны им. Ф. Э. Дзержинского свидетельствует о больших возможностях воспитания и перевоспитания подростков в возрасте 14—15 лет.

[2] *Эррио, Эдуард* (1872—1957) — в 1932 г. премьер-министр и министр Франции. Посетил коммуну им. Ф. Э. Дзержинского в августе 1933 г. В книге посетителей коммуны записал: «С моим восхищением и признательностью. Э. Эррио».

[3] В настоящее время большинство советских педагогов придерживаются мнения, что педагогически запущенных и обычных детей надо воспитывать и обучать вместе.

А. С. Макаренко остро ставил вопрос о совместном воспитании плохих и хороших детей перед родителями потому, что многие из них поддерживали противоположную точку зрения.

[4] Вопрос одежды А. С. Макаренко рассматривал как важный элемент педагогически целесообразной организации быта (см. с. 238, 308, 309 данного тома и с. 296—303 т. 1 настоящего издания).

[5] «Инструментовка», по Макаренко,— это различная мотивировка применения того или иного средства воспитания в общей логике параллельного педагогического действия.

Многие педагоги, в том числе Н. К. Крупская и С. Т. Шацкий, призывали нести культуру в семью через детей (см.: Опыт педагогической деятельности С. Т. Шацкого: Сб. статей/Под ред. В. Н. Шацкой, Л. Н. Скаткина. М., 1976).

А. С. Макаренко стремился, с одной стороны, выработать у воспитанников устойчивость к негативному влиянию среды, поставив их в активную позицию борьбы с отрицательными проявлениями (борьба с кражей леса, с самогоном и т. д.), а с другой — создать положительное воздействие трудовых коллективов на воспитанников колонии и коммуны. Это влияние на взрослых через детей осуществлял он по отношению к родителям.

Некоторые выводы из моего педагогического опыта
(с. 230)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 177, кол. л. 112. Стенограмма доклада А. С. Макаренко и ответов на вопросы слушателей, учителей школ Ленинграда и Ленинградской области, на встрече в Ленинградском областном Доме учителя 16 октября 1938 г. Впервые опубликовано с сокращениями: Учительская газета, 1940, 15 и 18 дек.

Встреча была посвящена художественному творчеству педагога-писателя. Однако А. С. Макаренко посвятил доклад обобщению своего педагогического опыта. Особое внимание он уделил проблеме воспитания у молодежи социалистического гуманизма, задач соединения глубокого уважения к человеку с высокой требовательностью к нему. Рассматривая единый трудовой коллектив педагогического учреждения как основу реализации данного нравственно-педагогического принципа, А. С. Макаренко выделил организационно-педагогические вопросы коллектива, указал на необходимость их теоретической и опытно-практической разработки.

[1] *Ломброзо, Чезаре* (1835—1909) — итальянский судебный психиатр и антрополог, родоначальник антропологического направления в буржуазной криминологии, основоположник теории так называемой прирожденной преступности. Идеи Ломброзо были восприняты педологами, сторонниками идеи «моральной дефективности», против которой активно выступали Н. К. Крупская, Н. Н. Блонский, А. С. Макаренко. Как отмечалось в постановлении ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов», подобная теория использовалась буржуазией, чтобы доказать особую «одаренность» и особые «права» на существование эксплуататорских классов и «высших рас».

[2] Вопрос о «педагогическом риске» поднимается А. С. Макаренко в связи с задачей достижения наивысшего уровня воспитания, формирования характера. В его педагогической системе большое внимание уделяется моральной закалке, способности к преодолению трудностей. Формирование активной жизненной позиции человека-борца и созидателя он осуществлял с учетом закономерностей развития природы человека. «Педагогический риск» исключал предъявление к воспитанникам непосильных требований, органически связывался с задачей соблюдения необходимых предосторожностей. О «риске» см. также с. 232, 233, 243, 265, 370 данного тома.

[3] А. С. Макаренко подчеркивает здесь главное: установку на создание коллектива, в котором обеспечивается успешное формирование социалистической личности и индивидуальности.

[4] А. С. Макаренко говорит о статьях «Проблемы воспитания в советской школе» и «Воспитание характера в школе» (см. с. 203—207, 207—210 данного тома).

[5] Деление членов коллектива коммуны им. Ф. Э. Дзержинского на коммунаров и воспитанников (в колонии им. М. Горького на колонистов и воспитанников)— одно из средств преодоления обезлички в коллективе, важный фактор стимулирования активности воспитанников и укрепления внутриколлективных отношений. Существовали также звания «заслуженного колониста» и «коммунара-дзержинца», которые свидетельствовали о готовности воспитанника к выпуску из учреждения, о превращении его в воспитателя своих младших товарищей (см. с. 239, 240 данного тома).

[6] Возможно, говорится о присутствии А. С. Макаренко на судебном заседании по делам несовершеннолетних 23 февраля 1938 г.

[7] Данный тезис имеет важное значение для понимания наказания в педагогической системе А. С. Макаренко. Наказание лучших воспитанников за «мелкие» проступки — одно из проявлений «уважения-требования». Оно применялось с учетом уровня развития личности, индивидуальных особенностей детей и реализовывалось в различных формах.

[8] Опыт колонии им. М. Горького и коммуны им. Ф. Э. Дзержинского А. С. Макаренко рассматривал не как педагогический эксперимент, а как естественную организацию воспитательного процесса.

О моем опыте
(с. 248)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 180. Стенограмма доклада на совещании в Научно-практическом институте спецшкол и детдомов НКП РСФСР 20 октября 1938 г. На первом листе отмечена тема «О коллективе и дисциплине». Впервые опубликовано (с некоторыми сокращениями): Бюллетень Научно-практического института спецшкол и детдомов, 1941, № 2—3. Печатается с сокращением заключительного слова А. С. Макаренко.

Основную часть доклада А. С. Макаренко посвятил общим вопросам воспитания в коллективе. В заключительном слове он рассмотрел следующие вопросы. Первое. Идея

усиления роли учебно-воспитательного учреждения в жизни советского общества, укрепление связи воспитания с практикой коммунистического строительства, социалистическим производством. Здесь А. С. Макаренко обратил внимание, что на основе общественно полезной деятельности создается уважительно-требовательное отношение к воспитательному коллективу и формирующейся личности, воспитывается чувство долга, ответственности и достоинства, утверждается единство общих и личных интересов, возникает новый стиль отношений между педагогами и воспитанниками. Второе. Роль внешних форм поведения для формирования культуры личности и ее внутреннего мира, связь идейно-нравственных и эстетических начал в воспитании, педагогическое значение морально-психологического и эмоционального факторов.

[1] Данную мысль А. С. Макаренко высказывает применительно к подростку, еще не сформировавшемуся как личность. Это позволяет педагогу в перевоспитании опираться на способность подростка сравнительно быстро перейти от морального «искривления» к моральной «норме». В первые годы существования колонии им. М. Горького этап «нормализации» воспитанника включал 4 месяца. В особо трудных случаях необходимым звеном этого процесса был «взрыв» (см. ниже).

[2] Метод «взрыва» А. С. Макаренко рассматривает как один из способов работы с педагогически запущенными детьми, применительно к перевоспитанию. Указывая на многообразие форм осуществления «взрыва», он раскрыл его основу: возможность и необходимость быстрых качественных изменений в формирующейся личности с помощью концентрированного, активно действующего морально-психологического, эмоционально насыщенного воздействия на личность в целом. «Взрыв» подготавливается и завершается работой эволюционного характера (см. также с. 250 данного тома и Соч. 2-е изд., т. V, с. 507—510).

[3] Детский коллектив в представлении А. С. Макаренко — основная часть общего коллектива, центральным звеном которого является педагогический коллектив. В этих подразделениях трудового коллектива педагогического учреждения отражается не только специфика функций и возраста педагогов и воспитанников, но и общность целей их деятельности, создающая отношения коллективизма, товарищества и сотрудничества.

[4] Относительная самостоятельность первичного коллектива, внутреннее единство и сплоченность, с одной стороны, и его зависимость от коллектива всего учреждения и от требований общества, с другой,— двуединый признак первичного коллектива, который ярко показывает диалектику коллективных явлений. Относительная самостоятельность присуща и общему коллективу в его связи с более широкими социальными объединениями.

[5] Вестибюль, где дежурил коммунар, находился вблизи от спален (см. также с. 373, 374 данного тома).

[6] Трактовка дисциплины А. С. Макаренко тесно связана с пониманием коллектива как организации, способной к активному и успешному действию. Он придавал большое значение таким средствам воспитания дисциплины, как режим, традиции, единство требований, культура внешнего поведения, что активно способствовало формированию сознательности личности, внутренних предпосылок поведения на основе жизненной практики воспитанника в коллективе.

[7] См. п. 7 комментария к работе «Лекции о воспитании детей» (с. 385 данного тома).

[8] Настаивая на том, что воспитание, в узком смысле слова, в отличие от обучения и образования, составляет относительно самостоятельную область педагогической деятельности, с особыми целями и средствами ее осуществления, А. С. Макаренко ни в коей мере не умалял значения тесной связи и взаимообусловленности этих процессов. «Конечно, на первом плане... сумма правильных, марксистски освещенных знаний» (см. с. 364 данного тома).

[9] *Данюшевский И. И.* (1890—1950) — советский дефектолог и специалист в области социально-правовой охраны детей. В 1936—1943 гг. директор Научно-практического института специальных школ и детских домов.

[10] А. С. Макаренко значительно расширял понятие игры, считая необходимым условием внесение игровых установок в повседневную жизнь коллектива. Их соединение с деловым и ответственным положением личности в коллективе — очень важная сторона его педагогического творчества, основанная на тщательном учете возрастных особенностей подростков.

[11] Говорится о Наркомпросе УССР.

Ответственному редактору «Комсомольской правды»
(с. 267)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 299, л. 2. Написано вскоре после опубликования 2 декабря 1938 г. в «Комсомольской правде» статьи А. Бойма «Откровения А. Макаренко», где в искаженном свете представлялось содержание публикации А. С. Макаренко «Стиль детской литературы» в журнале «Детская литература», 1938, № 17. («Ответ товарищу Бойму» см.: Соч. 2-е изд., т. VII). Впервые опубликовано в комментарии к указанной выше в скобках публикации.

Доклад в педагогическом училище
(с. 268)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 181. Стенограмма доклада в Московском педагогическом училище № 1 по теме «Основы политического воспитания». Относится к концу 1938 — началу 1939 г. Впервые опубликовано (с сокращениями): *Макаренко А. С.* Соч.: В 7-ми т. Т. 7.— 1-е изд. М., 1952.

[1] А. С. Макаренко проработал в школе 12 лет.

[2] В колонии им. М. Горького и коммуне им. Ф. Э. Дзержинского А. С. Макаренко проработал 15 лет и 9 месяцев.

[3] Судя по этим словам и другим высказываниям, А. С. Макаренко рассматривал характер как целостное и устойчивое проявление различных сторон жизнедеятельности человека, как социально обусловленный и индивидуально выработанный тип поведения. Говоря о характере, он подчеркивал единство знания, чувств и волевых качеств, соответствие сознания и деятельности, привычек, жизненных навыков.

[4] Уточнение данного факта см. с. 374 данного тома и с. 26—27 т. 2 настоящего издания. Необходимо учесть, что после того, как в местах общего пользования колонии установилась чистота, уборка этого участка требовала по сравнению с другими зонами самообслуживания гораздо меньше труда и времени.

Дети в стране социализма
(с. 278)

Впервые опубликовано на английском языке: Children in the land of socialism. By *A. Makarenko.* Moscow, Foreign languages publ. house, 1939. Написано в начале 1939 г. для советского раздела международной выставки в Нью-Йорке. В переводе на русский язык впервые опубликовано: *Макаренко А. С.* Соч.: В 7-ми т. Т. 7.— 1-е изд. М., 1952.

В статье А. С. Макаренко уделяет большое внимание новым нравственным нормам отношения к детям, единству высоких моральных требований к ребенку и уважения его личного достоинства, стремлению дать молодому поколению «счастье и цель в жизни». Советские дети свободны в выборе жизненного пути, в развитии своих способностей.

Из статьи «О коммунистической этике»
(с. 281)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 22, с. 1—28; оп. 4, ед. хр. 138, с. 1-35. Автограф. Работа автором не озаглавлена, написано в феврале 1939 г., после опубликования проекта решений XVIII съезда ВКП(б) о третьем пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР (1938—1948). Впервые опубликовано с сокращениями: *Макаренко А. С.* Пед. соч. / Под ред. Е. Н. Медынского. М.; Л., 1948.

Статья имеет большое значение для понимания теоретических и методологических основ наследия А. С. Макаренко. Она показывает роль основополагающих документов Коммунистической партии и Советского государства в разработке ключевых проблем воспитания. Здесь затрагиваются методологические вопросы теории и методики коммунистического воспитания, подчеркивается обусловленность его содержания и средств социально-политическими задачами, этическими воззрениями и традициями общества.

Исходя из марксистско-ленинского учения о коммунистической морали и указывая на классовый характер содержания нравственных представлений и понятий, А. С. Макаренко обосновывает необходимость более четких критериев нравственного и безнравственного в коммунистической этике и коммунистическом воспитании. В центре его внимания оказываются реальные действия и поступки людей, их привычки и традиции, их

оценка с точки зрения усиления или ослабления коллективных и общественных связей. Ведущей идеей статьи является предупреждение возможного расхождения высоких принципов гуманизма и нравственности с реальной практикой воспитания. Такая опасность порождается пережитками буржуазной этики и религиозной морали, антагонизмом абстрактных догматов и классовой сущности господствующих нравственных систем в эксплуататорском обществе.

[1] Мысль А. С. Макаренко о накоплении «традиций коммунистического поведения» и формировании привычек как о важнейшем направлении воспитания соответствует ленинскому положению: достигнутым надо считать «только то, что вошло в культуру, в быт, в привычки» (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 390). Выписки А. С. Макаренко из произведений В. И. Ленина, содержащие эту цитату, см.: ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 99.

[2] А. С. Макаренко цитирует В. И. Ленина в сокращении (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 102).

Воспитание в семье и школе
(с. 287)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 1, хр. 29; оп. 4, ед. хр. 182—184. Стенограмма доклада и ответов на вопросы слушателей на встрече с учителями во Фрунзенском районном Доме учителя 8 февраля 1939 г. Часть доклада впервые опубликована в «Учительской газете», 1940, 27 дек. Целиком (с сокращениями) опубликовано: *Макаренко А. С.* Соч.: В 7-ми т. Т. 4. — 1-е изд. М., 1951.

Данный материал включает изложение А. С. Макаренко тех выводов из своего опыта, которые могут быть использованы в массовой школе, в условиях перехода к всеобщему 7-летнему обучению с перспективой осуществления среднего образования. Решение проблемы связи школы с семьей на основе усиления руководящей роли школы обусловило основную тему доклада: школа как единый трудовой коллектив, важное звено в системе советских общественных организаций, значительный фактор формирования семьи как «хозяйственного коллектива».

[1] Как видно из других высказываний, отрицая «ставку на талант» в массовой профессии учителя-воспитателя и стремясь к повышению роли педагогического мастерства, А. С. Макаренко не отвергал роль педагогического таланта (см. также: *Лялин Н. А.* Как А. С. Макаренко стал учителем.— В кн.: Макаренко А. С. / Ред. кол.: Ф. И. Науменко (отв. ред.) и др. Кн. 7. Львов, 1969).

[2] Отказываясь от своих заместителей как административных работников, А. С. Макаренко в то же время всегда имел помощников на разных участках работы коллектива из числа лучших воспитателей-учителей, которые за эту дополнительную работу получали доплату.

[3] А. С. Макаренко ссылается на статьи: «Проблемы воспитания в советской школе» и «Воспитание характера в школе» (см. с. 203—207, 207—210 данного тома).

[4] См. об этом с. 154 данного тома.

[5] Подход к воспитаннику как гражданину, члену трудового коллектива в опыте А. С. Макаренко осуществлялся при всестороннем учете возрастных особенностей в воспитании. Такой подход — важнейшее в методе параллельного действия, который обеспечивает формирование активного и сознательного строителя коммунизма, всесторонне развитой личности.

[6] Ниточная мастерская коммуны им. Ф. Э. Дзержинского скоро стала обслуживаться лишь рабочими. В конце 1930 г. закрыта из-за несоответствия учебно-воспитательным целям коммуны.

[7] Оранжереи в колонии им. М. Горького и коммуне им. Ф. Э. Дзержинского имели не только эстетическое, но и хозяйственное значение: выращивание огородной рассады, поставка продукции в цветочные магазины.

[8] А. С. Макаренко говорит о встрече с учителями в Ленинградском областном Доме учителя 16 октября 1938 г. (см. «Некоторые выводы из моего педагогического опыта»).

Речь на юбилее школы № 1 Ярославской железной дороги
(с. 314)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 185, кол. л. 4, машинопись. Речь, произнесенная 18 февраля 1939 г. на праздновании 20-летия школы № 1 Ярославской железной дороги в Москве. Впервые опубликовано в сокращении в ст. А. К. Волнина «А. С. Макаренко в учительском ин-

ституте» (Учебно-воспитательная работа в детских домах, 1941, № 2—3). Полностью опубликовано в издании: *Макаренко А. С.* Соч.: В 7-ми т. Т. 7.— 1-е изд. М., 1952.

[1] А. С. Макаренко говорит о годах работы в дореволюционной школе.

[2] *Волнин А. К.*— директор, председатель педагогического совета Полтавского учительского института во время обучения там А. С. Макаренко в 1914—1917 гг. В 50-х гг. преподаватель педагогического института в г. Кирове, заслуженный учитель школы РСФСР.

[3] См. п. 8 комментария к статье «Максим Горький в моей жизни», с. 376 данного тома.

[4] А. С. Макаренко имеет в виду, вероятно, решения XVIII съезда ВКП(б), где было указано, что в период завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму решающее значение приобретает дело коммунистического воспитания трудящихся.

Воля, мужество, целеустремленность
(с. 316)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 136, кол. л. 17. Написано для газеты «Рабочая Москва» в феврале — марте 1939 г. По свидетельству Г. С. Макаренко, это одна из последних работ А. С. Макаренко. Впервые опубликовано (с некоторыми сокращениями): *Макаренко А. С.* Пед. соч. / Под ред. Е. Н. Медынского. М., 1948.

Статья является еще одним непосредственным откликом А. С. Макаренко на решения XVIII съезда ВКП(б), в которых большое значение придавалось коммунистическому воспитанию, подчеркивалась необходимость усилить практическую подготовку школьников к труду в народном хозяйстве и к обороне социалистической Родины. Отражая рождение в ходе социалистического строительства новой этики, ее укрепление и развитие в борьбе с пережитками старой морали, А. С. Макаренко указывает, что напряженная и вдохновляющая борьба за коммунизм вместе со всем советским обществом — залог успехов школьного воспитания. В воспитательных целях школы, по его мнению, первостепенное значение приобретает формирование воли, мужества, целеустремленности, «дисциплины борьбы и преодоления».

[1] В данном случае А. С. Макаренко, по существу, формулирует общее педагогическое положение, которое он реализовал в общем методе параллельного действия: для воспитания определенных качеств личности необходимы такие объективные условия, при которых проявление этих качеств становится необходимостью. Обязательной предпосылкой такого подхода является то обстоятельство, что воспитанник уже обладает потенциальными возможностями формирования и развития данных качеств.

План лекции «Коммунистическое воспитание и поведение»
(с. 321)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 22. Впервые опубликовано: *Макаренко А. С.* Пед. соч. / Под ред. Е. Н. Медынского. М., 1948.

В этой лекции А. С. Макаренко продолжил разработку проблем коммунистического воспитания в свете положений XVIII съезда ВКП(б). В ней конкретизируются положения статьи «О коммунистической этике», раскрывается связь становления и развития новой теории и практики воспитания с утверждением принципов и норм коммунистической нравственности в борьбе с пережитками буржуазной этики и религиозной морали.

Коммунистическое воспитание и поведение
(с. 322)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 186. Стенограмма лекции «О коммунистическом воспитании и поведении», прочитанной в лектории Московского гос. университета 1 марта 1939 г. Впервые опубликовано (с сокращениями): *Макаренко А. С.* Пед. соч. / Под ред. Е. Н. Медынского. М., 1948.

Данная лекция занимает одно из центральных мест в научно-теоретическом наследии А. С. Макаренко. В ней он обращается к фундаментальным проблемам педагогики, которые определяли его творчество: педагогика и политика, воспитание и жизнь, школа и общество. В борьбе за достижение наиболее полного единства воспитания с социальным формированием новой личности он обстоятельно изучал общественно-педагогические процессы. Постановка им ряда моральных и педагогических проблем опирается на глубокое понимание

нравственной сущности коммунизма, особенностей советского образа жизни, качественно новых черт в моральном облике советского человека.

Исходные положения лекции А. С. Макаренко обосновал положениями К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, партийными и государственными документами, имеющими методологическое значение для педагогики. Единство советского народа, социалистический гуманизм, кардинальное изменение жизненной позиции человека при советском строе — эти явления всегда были для А. С. Макаренко неиссякаемым источником творческой деятельности.

[1] В опыте А. С. Макаренко придавалось большое значение и перевоспитанию (см. п. 2 комментария к статье «Прекрасный памятник», с. 377 данного тома и п. 2 комментария к работе «О моем опыте», с. 391 данного тома).

[2] См. «Речь на юбилее школы № 1 Ярославской железной дороги» (с. 314—316 данного тома).

[3] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 311.

[4] Здесь, как и в некоторых других случаях, термин «сознание» А. С. Макаренко употребляет в смысле «знание», «понимание». Сознание в широком смысле чаще обозначалось им словом «сознательность». Воспитание чувств, воли, привычек и жизненных навыков он считал неотъемлемой частью формирования сознательности.

[5] Идея А. С. Макаренко о наличии промежуточного звена («канавки») между знанием, как надо поступать, и привычным поведением имеет большое значение в разработке проблемы формирования сознательности как ведущего качества социалистической личности, а также в решении педагогической задачи — воспитание сознательности и активности личности в их единстве.

[6] См. п. 1 комментария к статье «О коммунистической этике», с. 392 данного тома.

[7] А. С. Макаренко имеет в виду указание проекта третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР о возрастающей роли коммунистического воспитания, преодолении пережитков капитализма в сознании людей.

[8] В данном случае критикуется абстрактное толкование идеалов «добра», «совершеннейшей личности», «совершеннейшего поступка». А. С. Макаренко — активный борец за конкретно-историческое решение проблемы идеала человека, за классовый подход к определению задач воспитания на определенном этапе коммунистического строительства. Придавая должное значение связи ближайших и отдаленных целей воспитания, он считал, что «не может быть воспитания, если не сделана центральная установка о ценности человека» (см. т. 1 настоящего издания, с. 249). Необходима, по его словам, «педагогика завтрашнего дня» .

[9] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 236. Там же см.: «...Коммунисты не выдвигают ни эгоизм против самоотверженности, ни самоотверженности против эгоизма и не воспринимают теоретически эту противоположность ни в ее сентиментальной, ни в ее выспренной идеологической форме; они, наоборот, раскрывают ее материальные корни, с исчезновением которых она исчезает сама собой».

[10] А. С. Макаренко ссылается на положение К. Маркса: «При разумном общественном строе каждый ребенок с 9-летнего возраста должен стать производительным работником так же, как и каждый трудоспособный взрослый человек...» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 16, с. 197). Опыт А. С. Макаренко в педагогической организации производительного труда имеет свои особенности, связанные в первую очередь с тем, что его воспитанники были подростки старше 13 лет.

[11] А. С. Макаренко подчеркивает реализм этой книги («Флаги на башнях»), его соответствие жизненной правде. Это не означает, что в этом произведении нет художественного вымысла, типизации.

[12] А. С. Макаренко руководствовался марксистско-ленинским учением об объективных законах воспитания и его социальной, классовой природой.

[13] А. С. Макаренко здесь подчеркивает решающую роль общественной активности личности в воспитании, ее включение в борьбу с негативными явлениями. Это не отрицает необходимости оберегать растущего человека от вредных влияний, учитывать его возрастные особенности. На единстве этих двух положений базируется идея особого, воспитательного коллектива.

[14] О решении А. С. Макаренко вопроса о новых принципах совместной работы школы и семьи, усилении роли школы и учащихся в утверждении и развитии новой семейно-бытовой культуры см. также на с. 287—314, 328, 345, 375 данного тома и в т. 1 настоящего издания, с. 216.

Мои педагогические воззрения
(с. 343)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 187. Стенограмма доклада на литературно-педагогическом вечере в Харьковском педагогическом институте 9 марта 1939 г. Автором доклад не озаглавлен. Впервые опубликовано (с сокращениями): Научные записки Харьковского гос. педагогического института, 1941.

Свой литературный и педагогический отчет А. С. Макаренко превратил в краткое изложение «некоторой системы взглядов», сложившейся у него в длительном опыте воспитания. Говоря об использовании своих педагогических идей в практике массовой школы, он указывал на необходимость превращения школы в сильный, целеустремленный воспитательный коллектив, на задачи создания «производственной школы», осуществления моральной закалки молодого человека в жизненном опыте коллектива. Нужно преодолеть «гипертрофию» индивидуального подхода и «метода отдельного учителя», создать атмосферу высокой педагогической требовательности.

[1] См. т. 1 настоящего издания, с. 253.

[2] Речь идет о статье Н. П. Стороженко «Вредные советы родителям о воспитании детей» (Советская педагогика, 1938, № 3).

[3] Имеется в виду воспитанница коммуны им. Ф. Э. Дзержинского П. Джуринская, окончившая в то время исторический факультет Харьковского университета, впоследствии кандидат исторических наук.

[4] А. С. Макаренко здесь дает точное объяснение выражению «сечение коллектива», которое он довольно часто употреблял. Это значит «устройство коллектива», т. е. его внутренняя организация, структура, дифференцированность.

[5] А. С. Макаренко был назначен помощником начальника отдела трудовых колоний НКВД УССР 1 июля 1935 г. в связи с принятым 31 мая этого года постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности».

Что значит воспитать ребенка?
(с. 364)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 139. Написано после возвращения из Харькова в период от 13 марта до 1 апреля 1939 г. Рукопись осталась на его столе и является одной из последних его записей на темы воспитания. Впервые опубликовано: *Макаренко А. С.* Пед. соч. / Под ред. Е. Н. Медынского. М., 1948.

Из опыта работы
(с. 365)

ЦГАЛИ СССР, оф. 332, оп. 4, ед. хр. 188. Стенограмма доклада на совещании учителей Ярославской железной дороги 29 марта 1939 г. Название доклада дано по воспоминаниям А. К. Волнина, которому принадлежит инициатива приглашения А. С. Макаренко на совещание. Это последнее публичное выступление педагога-писателя. Впервые опубликовано (с некоторыми сокращениями): *Макаренко А. С.* Пед. соч. / Под ред. Е. Н. Медынского. М., 1948.

В докладе излагаются положения А. С. Макаренко, которые он «имеет склонность распространять и на обычную школу». В массовой школе тех лет имело место одностороннее увлечение части педагогов учебной работой, борьбой за повышение успеваемости. Это вело к умалению роли общественно полезной деятельности школьников, сокращению внеклассной воспитательной работы, ослаблению самодеятельных начал в жизни коллектива и в конечном счете к развитию элементов стихийности в воспитании.

В предвоенные годы, откликаясь на задачу всестороннего улучшения дела коммунистического воспитания, подготовки молодого поколения к труду и обороне Родины, А. С. Макаренко подчеркивал необходимость активного, «требовательного» воспитания. В основу доклада он положил два утверждения: школа должна охватить своим влиянием все стороны жизни и деятельности воспитанников; в содержании воспитания нужно воплотить более высокий уровень требовательности к педагогической целесообразности. Это значит утвердить стиль воспитания, наиболее соответствующей характеру нашего общества и возрастным особенностям детства и юности. Он продолжал упорно отстаивать задачу использования огромных воспитательных возможностей социалистического производства, связи умственного и физического труда, всестороннего и целостного воздействия на личность. Его все больше занимала проблема подготовки учителя-воспитателя.

[1] Переход А. С. Макаренко на работу с несовершеннолетними правонарушителями был

вызван рядом причин, среди которых первостепенное значение имел его интерес к учебно-воспитательному учреждению интернатного типа, вызванный «Декларацией Наркомпроса УССР о социальном воспитании детей» (1920). После гражданской войны на Украине детские дома и трудовые колонии играли очень важную роль в системе народного просвещения республики.

[2] См. п. 5 комментария к выступлению «Мои педагогические воззрения», с. 396 данного тома.

[3] См. п. 3 комментария к статье «Прекрасный памятник», с. 377, 378 данного тома.

[4] Несоответствие уровня образования воспитанников их возрасту в опыте А. С. Макаренко постепенно преодолевалось. Так, в конце 1931 г. при значительном увеличении контингента коммунаров, вызванном расширением производства, прием новых воспитанников старших классов производился из детских домов Украины с проведением экзаменов, подтверждавших учебную подготовку в объеме начальной школы.

[5] См. п. 21 комментария к работе «Проблемы школьного советского воспитания», с. 388 данного тома.

[6] Подчеркивая решающую роль мировоззрения, политических и нравственных убеждений педагога в методике воспитания, А. С. Макаренко подвергает критике аполитичность педологических методов работы с детьми. В настоящее время идею «нейтральности» методов воспитания пропагандируют буржуазные педагоги, сторонники так называемой педагогической технологии.

[7] Первая фраза еженедельного приказа по коммуне: «С утра все по нарядам командиров».

Указатель имен

Содержание

Антон Семенович Макаренко

Педагогические сочинения. В 8-ми т. Т. 4.

Составители:

Маргарита Дмитриевна Виноградова
Анатолий Аркадьевич Фролов

Зав. редакцией **Ю. В. Василькова**
Редактор **Е. А. Соколова**
Художник **В. Е. Валериус**
Художественный редактор **Е. В. Гаврилин**
Технический редактор **О. В. Журкина**
Корректор **Р. П. Семченкова**

НБ № 800
Сдано в набор 19.08.83. Подписано в печать 02.03.84. А06428. Формат $70\times90^{1}/_{16}$. Бумага кн.-журн. Печать офсетная. Гарнитура школьная. Усл. печ. л. 29,25+0,58 вкл. Уч.-изд. л. 33,91. Усл. кр.-отт. 30,12. Тираж 50 000 экз. Зак. 2651. Цена 1 р. 60 к. Издательство «Педагогика» Академии педагогических наук СССР и Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 107847, Лефортовский пер., 8.
Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 170024. г. Калинин, пр. Ленина, 5.